

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

A7

Faleev, N I.

Tseli roinskogo...

HARVARD LAW LIBRARY

Received

APR 1 1932

11

2⁵⁰

Digitized by Google

Истор. Фальс.

Н. И. ФАЛЪЕВЪ.

ЦѢЛИ ВОИНСКАГО НАКАЗАНІЯ

ДИССЕРТАЦІЯ НА СОИСКАНІЕ ЗВАНІЯ ЭКСТРА-ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ПО КАФЕДРѢ ВОЕННО-УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Постановленіємъ конференціи Александровской Военно-Юридической Академіи отъ 4-го мая 1902 г. настоящая диссертація признана заслуживающею быть допущенною къ защитѣ и напечатанію.

APR 1 1932

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Спб., Фонтанка 95.

Предисловіе.

Настоящій очеркъ представляетъ собою попытку научнаго изслѣдованія воинскаго наказанія, какъ одного изъ средствъ охраны правопорядка, установленнаго въ арміи.

Вопросъ этотъ представляется особенно важнымъ: если, съ одной стороны, карательная власть государства, осуществляемая въ арміи, не имѣетъ опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей, если—съ другой—эти цѣли не соотвѣтствуютъ ни культурному уровню общества, ни интересамъ арміи и если, наконецъ, карательныя средства не способны достигнуть поставленныхъ имъ цѣлей, — то такая карательная дѣятельность — вредный балластъ въ экономіи государства.

Между тѣмъ наказаніе является конечнымъ пунктомъ отправленія уголовного правосудія, его цѣлью. Матеріальное и процессуальное военныя законодательства — только средства, которыя помогаютъ власти примѣнить наказаніе. И если это послѣднее—безцѣльно, то и вся предшествующая дѣятельность лишена разумнаго основанія.

Въ наше время въ области основныхъ юридическихъ принциповъ уголовного права особенно рѣшительно проявляются себя доктрины, провозглашенныя уголовной политикой. На мѣстѣ логическихъ опредѣленій права вырастаютъ начала цѣлесообразности и полезности. Все это не можетъ оставаться незамѣченнымъ,

и военно-уголовное право, призванное охранять жизненные основы военного быта, должно войти въ оцѣнку уголовно-политическихъ началъ.

Говоря о цѣляхъ воинскаго наказанія, мы имѣли въ виду самую общую его цѣль — охрану правопорядка и поэтому останавливались на изученіи результатовъ наказанія, какъ средства борьбы съ воинскимъ преступленіемъ.

Установивъ существо понятій воинскаго преступленія и наказанія, намъ представлялось необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи исторіи развитія идеи цѣлесообразности воинскаго наказанія. Вмѣстѣ съ этимъ, въ виду преобладающаго значенія въ наше время военно-тюремнаго заключенія, мы сочли нужнымъ представить исторію воинскаго наказанія лишеніемъ свободы у насъ и въ прошломъ почерпнуть основанія для оцѣнки современной системы. Благодаря случайному обстоятельству, мы имѣли возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ нетронутыхъ архивныхъ документовъ, въ достаточной мѣрѣ восполнившихъ для насъ бѣдность литературныхъ данныхъ, на которую жалуются всѣ изслѣдователи военно-уголовнаго права.

При разсмотрѣніи дѣйствующихъ карательныхъ системъ мы останавливались, главнымъ образомъ, на законодательствѣ отечественномъ и тѣхъ изъ западно-европейскихъ государствъ, которыя носятъ тѣ или другія оригинальныя черты.

Такъ какъ для написанія настоящей диссертации намъ было предоставлено только **восемь** мѣсяцевъ, то мы были принуждены ограничиться по преимуществу указаніемъ отрицательныхъ сторонъ современнаго воинскаго наказанія и критикой дѣйствующихъ карательныхъ системъ. Попутно съ этимъ мы по возможности указывали и тѣ основанія, которыя способны произвести благотѣльное дѣйствіе въ борьбѣ съ нарушеніями правопорядка.

Н. Фальчевъ.

1 сентября 1902 г.

С.-Петербургъ.

Тезисы,

извлеченные изъ диссертациі.

1.

Совокупность такихъ юридическихъ отношеній, которыя вытекаютъ изъ интересовъ арміи и изъ субъективныхъ, охраняемыхъ закономъ правъ отдѣльныхъ лицъ, составляетъ нѣчто цѣлое, опредѣляемое понятіемъ воинскаго правопорядка.

2.

Воинское преступное дѣяніе представляетъ собою посягательство на воинскій правопорядокъ въ его внѣшнемъ выраженіи—нормѣ военно-уголовнаго кодекса.

3.

Понятіе «воинское наказаніе» имѣетъ чисто теоретическое значеніе. Для существа его совершенно безразлично, каково содержаніе данной карательной мѣры, насколько она способна охранить воинскій правопорядокъ, поскольку ея организація соответствуетъ интересамъ арміи. И разъ наказаніе противопоставляется посягательству на воинскій правопорядокъ, является возможность говорить о наказаніи воинскомъ.

Однако, это еще не исключаетъ надобности различать среди воинскихъ наказаній такія карательныя мѣры, которыя имѣютъ свою оригинальную структуру, вызываемую интересами

вооруженной силы государства и служебнымъ положеніемъ виновнаго.

Соотвѣтственно такому разграниченію, военно-уголовное право можетъ говорить о воинскомъ наказаніи въ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ вообще о наказаніи за воинское преступное дѣяніе, и воинскомъ наказаніи въ его узкомъ значеніи, какъ о карательной мѣрѣ особой структуры.

4.

Въ наше время верховная государственная власть—единственный и исключительный субъектъ военно-карательнаго права въ арміи: путемъ законодательныхъ опредѣленій она устанавливаетъ сферу вредныхъ для правопорядка дѣяній, угрожаетъ за совершение таковыхъ наказаніями и осуществляетъ эту угрозу, возбуждая противъ совершителя преслѣдованіе и исполняя надъ нимъ, при извѣстныхъ условіяхъ, наказаніе. Эти отдѣльные элементы карательнаго права сосредоточиваются въ рукахъ государственной власти, но отправленіе права возбужденія преслѣдованія и исполненія надъ виновнымъ законной угрозы она передаетъ особымъ уполномоченнымъ ею на то органамъ; въ арміи отправленіе карательной власти делегируется военнымъ судамъ и военному начальству.

5.

Объектомъ воинскаго наказанія является лицо, обязанное подчиненіемъ воинскому правопорядку, которое отвѣчаетъ не только вслѣдствіе совершенія имъ преступленія, но и за самое преступленіе.

6.

Общая, конечная, посредственная и неизмѣнная цѣль воинскаго наказанія—охрана воинскаго правопорядка; она опредѣляетъ содержаніе всей военно-карательной дѣятельности государства, безотносительно къ формамъ и видамъ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, дѣйствующихъ и проявляющихъ свои результаты непосредственно и зависимо. Эти отдѣльные конкретныя наказанія служатъ средствомъ для достиженія, въ интересахъ охраны

правопорядка, цѣли общаго предупрежденія, устрашенія, исправленія или удаленія.

7.

Чтобы средства могли соотвѣтствовать поставленнымъ цѣлямъ, наказанія должны удовлетворять условію цѣлесообразности. Въ виду этого воинское наказаніе должно быть: личнымъ, нравственнымъ, гибкимъ, дѣлимымъ, приспособляемымъ, экономичнымъ, дѣйствительнымъ, неизбѣжнымъ, быстрымъ и удобоисполнимымъ,

8.

Воинское наказаніе всегда обладало въ большой мѣрѣ свойствами дѣйствительности, быстроты, удобоисполнимости, дешевизны и жестокости.

9.

Воинскія наказанія всегда разграничивались въ зависимости отъ служебнаго положенія объекта наказанія, при чемъ въ отношеніи начальствующихъ лицъ государство преслѣдовало наказаніемъ преимущественно цѣль удаленія, въ отношеніи подкомандной массы—устрашенія.

10.

Съ эпохи французской революціи выдвигается значеніе чело-вѣческой личности вообще и военнотружашаго въ частности, а вмѣстѣ съ тѣмъ у законодателя рождается идея объ исправительномъ воздѣйствіи воинскаго наказанія, и эпоха XIX ст. является развитіемъ этой идеи; попутно съ этимъ вырождается цѣль устрашенія, и воинскія наказанія понижаются въ своей интенсивности.

11.

Русское военно-уголовное законодательство развивалось не самостоятельно, а подъ господствующимъ вліяніемъ иноземныхъ кодексовъ. Понятно, что и идея о воинскомъ наказаніи шла

тѣмъ же путемъ, и на всемъ протяженіи исторіи нашего законодательства мы встрѣчаемся съ оригинальными явленіями сильной борьбы русскаго правосознанія съ иноземными началами военнаго права.

12.

Воинское наказаніе, какъ и наказаніе общее, является зломъ, страданіемъ, лишеніемъ какого-либо блага, осуществляемымъ въ отношеніи виновника преступленія. Блага эти таковы: жизнь, тѣлесная неприкосновенность, свобода, честь, права и имущество.

Совокупность наказаній, примѣняемыхъ къ виновнымъ за нарушеніе воинскаго правопорядка, въ связи съ раздѣленіемъ ихъ на виды, формы осуществленія и относительную тяжесть, составляетъ систему воинскихъ наказаній. Видъ наказанія опредѣляется поражаемымъ благомъ; онъ можетъ, въ свою очередь, раздѣляться на подвиды. По формамъ осуществленія—наказанія могутъ быть главными или дополнительными. Относительная тяжесть ихъ опредѣляется или лѣстничною системою, при которой наказанія слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной постепенности, въ видѣ ступеней одной общей лѣстницы; или системою максимума и минимума, когда отдѣльному виду наказанія придаютъ форму только одной степени; первая система—сложна, искусственна и стѣсняетъ судью, вторая—имѣетъ значительныя преимущества.

Воинскія наказанія могутъ быть индивидуальными или коллективными. Послѣднія назначаются въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіе свойства виновности каждаго отдѣльнаго лица, входящаго въ составъ части, совершившей нарушеніе, представляется затруднительнымъ.

13.

Смертная казнь, какъ воинское наказаніе, представляетъ собою вымирающій институтъ, которому рано или поздно придется исчезнуть со страницъ военно-уголовнаго законодательства: достаточно прослѣдить исторію послѣдняго столѣтія, чтобы признать это положеніе заслуживающимъ большого вѣроятія, а историческое вымирание казни въ свою очередь можетъ служить наилучшимъ критеріемъ пригодности ея для арміи.—Свойства

присущія ей,—удобоисполнимость и быстрота. Она—недѣлима, невозстановима, неэкономична и недѣйствительна.

14.

Лишеніе военнотружашаго за совершеніе имъ воинскаго преступнаго дѣянія гражданскихъ правъ противорѣчитъ цѣлесообразности наказанія; лишеніе правъ общественныхъ — допустимо. Права военно-служебныя должны быть однимъ изъ главныхъ благъ для пораженія ихъ наказаніемъ воинскимъ, такъ какъ неумѣніе, нежеланіе или завѣдомое злоупотребленіе виновнымъ правами по службѣ должно уничтожить довѣріе къ нему государства. Съ точки зрѣнія справедливости, лишеніе военнотружашаго только его служебныхъ правъ представляется правильнымъ: государство отнимаетъ только тѣ права, которыя оно само даетъ; права служебныя приобрѣтаются службой; расширеніе правъ по службѣ свидѣлствуетъ большее довѣріе со стороны государства къ виновному, и если виновникъ нарушаетъ довѣріе или оказывается почему-либо неспособнымъ къ осуществленію предоставленныхъ ему правъ, то нѣтъ ничего послѣдовательнѣе и цѣлесообразнѣе, какъ лишать его именно этихъ правъ.

15.

Пораженіе чести, какъ воинское наказаніе, въ современныхъ арміяхъ не можетъ получить большого распространенія, такъ какъ честь — гражданская или воинская, какъ сознаніе своего достоинства военнотружашимъ,—не можетъ служить благомъ, на которое должно быть направлено воинское наказаніе. Честь — понятіе субъективное, трудно поддающееся репрессіи; поражать ее — значитъ или уничтожать сознаніе собственнаго достоинства у военнотружашаго, что для государства не выгодно, или вліять на виновнаго устыдительною образомъ, что мало дѣйствительно.

16.

Современное военно-уголовное право исключаетъ изъ своей карательной системы имущественныя наказанія, такъ какъ, во-первыхъ, воинское преступное дѣяніе есть по преимуществу на-

рушеніе обязанностей долга, обязанностей высшаго порядка, трудно переводимыхъ на деньги; во-вторыхъ, совершеніе военнослужащимъ воинскаго преступленія, въ большинствѣ случаевъ, предполагаетъ отсутствіе у виновнаго корыстныхъ или иныхъ какихъ-либо личныхъ побужденій; въ-третьихъ, поражая имущественную состоятельность военнослужащаго, государство вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у виновнаго средства для выполненія имъ обязанностей, превращаетъ его въ субъекта необезпеченнаго, что невыгодно для интересовъ воинскаго правопорядка.

17.

Ссылка, какъ наказаніе воинское, — неудовлетворительна, такъ какъ она ставитъ виновнаго военнослужащаго за воинское преступленіе въ одинаковыя карательныя условія съ преступниками изъ общества и тѣмъ самымъ сравниваетъ его дѣяніе съ дѣяніями послѣднихъ. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что ссылка служитъ средствомъ обезпеченія метрополіи отъ порочныхъ лицъ, а потому и имѣетъ цѣлью удаленіе таковыхъ изъ центра, съ принудительнымъ водвореніемъ ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ, легко видѣть, что такія цѣли въ отношеніи военнослужащихъ не раціональны, такъ какъ, если присутствіе даннаго преступника вредно для арміи, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что его присутствіе вредно и для гражданскаго общества.

18.

Фактическое непримѣненіе изгнанія, какъ въ области общеуголовной, такъ и военной, служитъ наилучшею оцѣнкою его цѣлесообразности. Къ тому же примѣненіе его къ военнослужащимъ нарушаетъ принципъ экономичности наказанія и ослабляетъ армію.

19.

Цѣли военно-тюремнаго заключенія настолько отличны, а свойства его такъ характерны, что даже единство системы наказаній лишеніемъ свободы для военнослужащихъ и гражданъ не должно останавливать государства въ строгомъ разграниченіи военнаго и гражданскаго заключенія. Система одиночнаго заключенія

принята во всѣхъ государствахъ при краткосрочномъ лишеніи свободы; при долгосрочномъ установлена система заключенія совмѣстнаго, съ обязанностью для заключенныхъ нести строевую службу.

Въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ можетъ быть установленъ обязательный строевой трудъ въ цѣляхъ чисто-исправительныхъ, трудъ хозяйственный — въ цѣляхъ экономическихъ и всякій другой трудъ — въ цѣляхъ карательныхъ.

Единственнымъ правиломъ для руководства въ области военно-тюремнаго воспитанія является положеніе: данная сумма страданій должна быть болѣе суммы страданій, лежащихъ впереди.

Необходимость военно-тюремнаго образованія вызывается, съ одной стороны, характеромъ военной тюрьмы, какъ наказанія, при которомъ виновный не перестаетъ быть военнослужащимъ, съ другой — цѣлями этого наказанія: стремленіемъ достигнуть исправленія заключеннаго, которое легче достижимо въ отношеніи болѣе развитыхъ лицъ.

Дисциплинарныя взысканія въ военной тюрьмѣ должны представлять собою развитіе того же начала—исправленія заключеннаго. Поэтому вполне умѣстными и цѣлесообразными являются такія взысканія, сущность которыхъ сводится къ пораженію тѣхъ отдѣльныхъ преимуществъ, которыми пользуется заключенный въ моментъ совершенія преступленія.

Отсрочка исполненія приговоровъ должна занять въ арміи первенствующее положеніе; опыты могутъ начаться съ дисциплинарныхъ взысканій въ виду незначительнаго содержанія ихъ; вмѣстѣ съ этимъ и военнымъ судамъ можетъ быть вручена власть постановлять рѣшенія о неприведеніи приговоровъ въ исполненіе, если они не превышаютъ наказаній лишеніемъ свободы на короткіе сроки и касаются «случайныхъ» нарушителей воинскаго правопорядка. Примѣненіемъ этой мѣры интересы правопорядка будутъ не нарушены, такъ какъ преступленіе не останется безнаказаннымъ и угроза закона будетъ реально чувствоваться осужденнымъ.

О г л а в л е н і е.

Введеніе.

Г Л А В А I.

§ 1. Субъектъ воинскаго наказанія	33
§ 2. Обоснованіе карательнаго права	37
§ 3. Воинскій правопорядокъ	40
§ 4. Воинская дисциплина	45
§ 5. Воинское преступленіе	51
§ 6. Воинское наказаніе	60
§ 7. Дисциплинарныя взысканія	63

Г Л А В А II.

§ 8. Объектъ наказанія	68
§ 9. Теоріи о содержаніи карательной дѣятельности	70
§ 10. Наказаніе, какъ цѣль	72
§ 11. Наказаніе, какъ средство	77
§ 12. Наказаніе, какъ цѣль и средство	84
§ 13. Теоріи о содержаніи военно-карательной дѣятельности	86
§ 14. Выводы	88
§ 15. Свойства воинскихъ наказаній	105

I.

Историческое развитие цѣлей воинскаго наказанія.

Г Л А В А I.

Римъ.

- § 16. Система воинскихъ наказаній въ Римѣ 113
 § 17. Цѣли римскихъ воинскихъ наказаній 122

Германцы и франки.

- § 18. Системы наказаній у германцевъ и франковъ 128
 § 19. Цѣли воинскихъ наказаній у германцевъ и фран-
 ковъ 134

Феодальная эпоха.

- § 20. Системы воинскихъ наказаній въ эпоху феодализма 137
 § 21. Цѣли воинскихъ наказаній феодальной эпохи 142

Г Л А В А II.

- § 22. Эпоха постоянныхъ войскъ 146

Франція.

- § 23. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ дореволю-
 ціонную эпоху 147
 § 24. Реформа воинскихъ наказаній въ эпоху революціи и
 въ XIX ст. 152

Австрія.

- § 25. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ XVI ст. . . . 162
- § 26. Вліяніе шведскаго военно-уголовнаго законодатель-
ства 165
- § 27. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ концѣ XVIII
и въ XIX ст. 169

Пруссія.

- § 28. Развѣтіе прусскаго военно-уголовнаго законодатель-
ства до XIX ст. 171
- § 29. Реформа воинскихъ наказаній въ Пруссіи въ XIX ст. 179

Г Л А В А III.

Россія.

- § 30. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ эпоху
XVII—XVIII ст. 183
- § 31. Цѣли воинскихъ наказаній въ XIX столѣтіи 207

II.

Системы воинскихъ наказаній.

- § 32. Общія наказанія въ системѣ военно-карательныхъ
мѣръ 241
- § 33. Системы наказаній дѣйствующихъ кодексовъ 243
- Въ Германіи 244
- Въ Швеціи 245
- Въ Даніи 246
- Во Франціи. 247

Въ Бельгii	248
Въ Австрii	250
Въ Швейцарii	252
Въ Испанii	254
Въ Италii	254
§ 34. Система наказаній нашего воинскаго устава	255
§ 35. Оцѣнка нашей системы	261

III.

Цѣли воинскихъ наказаній.

Г Л А В А I.

Смертная казнь.

§ 36. Область примѣненія смертной казни	271
§ 37. Виды смертной казни	276
§ 38. Исполненіе смертной казни	278
§ 39. Правопораженія при смертной казни	282
§ 40. Оцѣнка смертной казни	289

Г Л А В А II.

Лишеніе правъ.

§ 41. Объемъ и условія пораженія правъ	297
§ 42. Системы лишенія гражданскихъ и политическихъ правъ	301
Въ Россii	301
Во Франціи	303
Въ Германii	304

§ 43. Системы пораженія служебныхъ правъ	306
Въ Бельгіи	306
Во Франціи	307
Въ Германіи	309
Въ Даніи	311
Въ Швеціи	313
Въ Австріи	314
Въ Швейцаріи	315
Въ Россіи	316
§ 44. Цѣли наказаній лишеніемъ правъ	319
I. Изгнаніе изъ арміи	319
II. Временное удаленіе изъ арміи	322
III. Лишеніе служебныхъ преимуществъ	330

Г Л А В А III.

Пораженіе чести.

§ 45. Системы наказаній пораженіемъ чести	341
§ 46. Оцѣнка наказаній пораженіемъ чести	345
§ 47. Коллективныя наказанія лишеніемъ воинской чести	347

Г Л А В А IV.

Имущественныя взысканія.

§ 48. Системы имущественныхъ взысканій	351
§ 49. Оцѣнка имущественныхъ взысканій	357

ГЛАВА V.

Лишеніе свободы.

Отдѣленіе I.

§ 50. Виды лишенія свободы	360

§ 51. Історія воїнскихъ наказаній лишеніємъ свободи въ Россіи	361
I. До-Петровскій періодъ	361
II. Петровскій періодъ	363
III. Епоха преемниковъ Петра Великаго	369
IV. Въ началъ XIX столѣтія	370
V. Во второй четверти XIX ст.	373
VI. Преобразование каторжныхъ работъ	383
VII. Преобразование ссылки на поселеніе	386
VIII. Преобразование ссылки на житъе	388

Отдѣленіе II.

Ссылка.

§ 52. Система наказаній ссылкой	389
§ 53. Оцѣнка ссылки	391

Отдѣленіе III.

Изгнаніе.

§ 54. Оцѣнка изгнанія, какъ воинскаго наказанія	393

Отдѣленіе IV.

Военно-тюремное заключеніе.

§ 55. Общее и военно-тюремное заключеніе	395
§ 56. Свойства военно-тюремнаго заключенія	398
§ 57. Оцѣнка системъ тюремнаго заключенія	399
§ 58. Системы наказаній лишеніємъ свободи въ дѣйствующи- щихъ кодексахъ	405
Въ Россіи	405
Во Франціи	408

Въ Бельгіи	411
Въ Италіи	412
Въ Германіи	412
Въ Швеціи	414
Въ Даніи	413
Въ Норвегіи	415
Въ Голландіи	416
Въ Австріи	417
Въ Испаніи	419
Въ Турціи	419
Въ Греціи	419
§ 59. Пенитенціарный режимъ въ военно-тюремныхъ заведе- ніяхъ	420
§ 60. Военно-тюремныя работы	427
Значеніе и виды тюремныхъ работъ	427
Законодательство о военно-тюремныхъ работахъ	432
§ 61. Военно-тюремное образованіе	436
Образованіе интеллектуальное	436
Образованіе религіозное	443
§ 62. Военно-тюремная полиція и дисциплина	446
Военно-тюремный надзоръ	447
Право свиданій	450
Право корреспонденціи	452
Военно-тюремная дисциплина	453
§ 63. Военно-тюремное воспитаніе	457
Досрочное освобожденіе	460
§ 64. Военно-тюремное управленіе	468
Мѣста высшаго управленія	468
Мѣстная тюремная администрація	471
§ 65. Вопросы военно-тюремной гігіены	475
Пища	476
Одежда	479
Прогулки	479
§ 66. Послѣдовательность наказаній	480

Краткосрочное заключеніе	480
Условное осужденіе	482
§ 67. Дополнительныя мѣры къ военно-тюремному заклю- ченію	484
Надзоръ	485
Патронатъ	485
Леченіе	486

• Отдѣленіе V.

Лишеніе отдыха.

§ 68. Виды наказаній лишеніемъ отдыха	487
§ 69. Оцѣнка наказаній лишеніемъ отдыха	490

Г Л А В А VI.

Тѣлесныя наказанія.

§ 70. Оцѣнка тѣлесныхъ наказаній	492

Г Л А В А VII.

Охрана воинскаго правопорядка.

§ 71. Характеристика цѣлей наказанія въ дѣйствующихъ кодексахъ	501
§ 72. Оцѣнка карательныхъ средствъ	505

Указатель источниковъ и пособій.

1. Полевое Уголовное Уложение (П. С. З. 1812 г.).
2. Сводъ Военныхъ Постановленій 1839 года. — Уставъ Военно-Уголовный, часть 1-ая и 2-ая.
3. Первый проектъ сенатора Капгера и объяснительная записка къ проекту новаго воинскаго устава о наказаніяхъ.
4. Проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ (второй проектъ Капгера).
5. Журналъ Высочайше учрежденной комисіи для разсмотрѣнія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1865.
6. Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1869 г.
7. Заключение Главнаго Военнаго Прокурора по пересмотру воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1874 г.
8. Проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1874 г.
9. Сводъ замѣчаній военныхъ начальниковъ и чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на воинскій уставъ о наказаніяхъ. 1883 г.
10. Воинскій Уставъ о наказаніяхъ (Сводъ военныхъ постановленій 1869 года, книга XXII-я, изд. 3-е, 1900 года.).
11. Проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ, составленный въ комисіи ген.-м. Гольмблата.
12. Мотивы къ проекту воинскаго устава о наказаніяхъ.
13. Разборъ замѣчаній военныхъ начальниковъ и чиновъ военно-окружныхъ судебныхъ учреждений и мнѣній, высказанныхъ въ запискахъ, составленныхъ въ комисіи прежняго состава и въ совѣщаніяхъ комисіи съ 1-го января 1890 г.

14. Разборъ замѣчаній на постановленія главы II воинскаго устава о наказаніяхъ изд. 1875 г.
15. Проектъ положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины.
16. Предположенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда и о раздѣленіи нижнихъ чиновъ на два разряда.
17. Проектъ положенія объ арестантскихъ ротахъ военного вѣдомства и о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ. Спб. 1860 г.
18. Объяснительная записка къ проекту положенія объ арестантскихъ ротахъ военного вѣдомства и о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ. Спб. 1860 года.
19. Замѣчанія начальствующихъ лицъ на нѣкот. §§ проекта положенія объ арест. ротахъ.
20. Предположенія объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній военного вѣдомства.
21. Приказъ по военному вѣдомству о заключеніи и заточеніи въ крѣпостяхъ. 1879 г. № 292.
22. Сводъ военныхъ постановленій 1869 г. кн. XVII: Заведенія военно-тюремныя. Изд. 1870 г.
23. То же изданія 1893 года.
24. Сводъ военныхъ постановленій 1869 г. кн. XXII—XXIV изданія 1900 г.
25. Уставъ о гарнизонной службѣ 1890 г.
26. Уставъ о внутренней службѣ 1893 г.
27. Полное собраніе законовъ (нумера указаны въ текстѣ).
28. Приказы по военному вѣдомству (№№ въ текстѣ).
29. Циркуляры главнаго штаба (№№ въ текстѣ).
30. Циркуляры главнаго военно-суднаго управленія (№№ въ текстѣ).
31. *Оневъ*. Воинскій уставъ о наказаніяхъ. Спб. 1901 г.
32. *Мартыновъ*. Уставъ дисциплинарный. Спб. 1894 г.
33. Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, томъ I. Спб. 1880 г.
34. Уголовное Уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи, т. I. Спб. 1895 г.
35. *Нольде*. Сводъ замѣчаній на проектъ общей части уложенія о наказаніяхъ, выработ. редакціон. комиссіей.
36. *Таганцевъ*. Уложеніе о наказаніяхъ. Спб. 1900 г.

37. Акты Историческіе и Дополненіе къ нимъ (№№ указы въ текстѣ).
38. *Анненковъ*. Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы. Спб. 1873.
39. Архивъ князя Воронцова, т. XXXVI, Москва 1890 г.
40. *Афанасьевъ*. Дисциплинарные батальоны и роты въ ряду воинскихъ наказаній. Воен. Сбор. 1890 г. № 7.
41. *Беккарія*. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Радомъ, 1878.
42. *Бернеръ*. О смертной казни. 1865.
43. *Бернеръ*. Учебникъ уголовного права. Спб. 1865.
44. *Бобровскій*. Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1882—1886.
45. *Бобровскій*. Происхожденіе артикула воинскаго. Спб. 1881.
46. *Бобровскій*. Состояніе военного права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ. Ежегодникъ В.-Юрид. Акад. 2.
47. *Богдановскій*. Развѣтіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра В. Москва. 1857.
48. *Будзинскій*. Начала уголовного права. Варшава. 1870.
49. *Бѣлявскій*. Гауптвахта, какъ мѣсто заключенія. В. Сб. 1890, VII.
50. *Бѣляевъ*. О русскомъ войскѣ въ царств. Мих. Феод. Спб. 1881.
51. *Владиміровъ*. Учебникъ русскаго уголовного права. Харьковъ. 1889.
52. *Вульффертъ*. Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи. Москва. 1887 и 1893.
53. *Вульффертъ*. Лекціи по общей части уголовного права. Спб. 1895.
54. *Вульффертъ*. Наказаніе (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона).
55. *Галкинъ*. Мѣста заключенія во Франціи. Спб. 1863.
56. *Галкинъ*. Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. Спб. 1868.
57. *Гоиель*. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Жур. М. Ю. 1893. 2 и 3.
58. *Гольцендорфъ*. Ирландская тюремная система. Спб. 1864 г.
59. *Даниельмайеръ*. Исторія военно-уголовнаго права. Варшава. 1892.

60. *Д—скій*. Система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи. Киев. Стар. 1893.
61. *Есиповъ*. Очеркъ русскаго уголовного права. Варшава. 1894.
62. Журналы Комитета Министровъ, т. II, 1810—1812.
63. *Заюскинъ*. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1862 года.
64. *Заюскинъ*. Очеркъ организаціи и происхожденія служилого сословія въ до-петровской Руси. Казань. 1876.
65. *Картевъ*. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895.
66. *Киселевъ*. Личность, какъ объектъ карательнаго правоотношенія. Харьковъ. 1901.
67. *Кистяковскій*. Изслѣдованіе о смертной казни. Киевъ. 1896.
68. *Кистяковскій*. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Киевъ. 1896.
69. *Клуенъ*. Нѣсколько словъ о тѣлесномъ въ русскихъ войскахъ наказаніи по правиламъ военной дисциплины. Воен. Сборн. 1859, IX.
70. *Коркуновъ*. Русское государственное право. II. 1897.
71. *Кузьминъ-Караваевъ*. Военно-уголовное право. Спб. 1895.
72. *Ею же*. Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1890.
73. *К.—К.* Наказаніе воинское (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, плт. 39).
74. *Курочкинъ*. Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ. В. Сб. 1897, № 7—10.
75. *Литвиновъ*. Нарядъ на службу, какъ взысканіе. В. Сб. 1888, № 3.
76. *Листъ*. Задачи уголовной политики. Спб. 1895.
77. *Лохвицкій*. Курсъ русскаго уголовного права. Киевъ. 1896.
78. *Лѣ—въ*. Новый законъ о замѣнѣ ссылки для военнослужащихъ (Сп. Вѣд., 1902 г. № 39).
79. *Макалинскій*. Наказаніе, его цѣли и предположенія. Москва. 1902 г.
80. *Матвѣевъ*. О тѣлесномъ наказаніи. В. Сб. 1858 г. № 4.
81. *Миттермайеръ*. Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій. Спб. 1864.

82. *Мушниковъ*. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ 1890—91 г., по общей части военно-угол. законовъ. Спб.
83. *Мушниковъ*. Петербургскій международный тюремный конгрессъ. Спб. 1890, № 10, В. Сб.
84. *Нетьловъ*. Курсъ военно-уголовнаго права. Спб. 1884—1885 г.
85. *Никитинъ*. Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ. Спб. 1873.
86. *Павловъ-Сильванскій*. Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси, Спб. 1900 г.
87. *Розеніеймъ*. Очеркъ исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра Вел. Спб. 1878.
88. *Селивановъ*. Военныя тюрьмы во Франціи и Германіи. Воен. Сборн. 1875, 10 и 11.
89. *Сертьевскій*. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Спб. 1888.
90. *Сертьевскій*. Русское уголовное право. Спб. 1896.
91. *Сертьевскій*. О правѣ наказанія (Юрид. Вѣстн., 1881 № 6).
92. *Спасовичъ*. Новыя направленія въ наукѣ уголовного права. Москва. 1898.
93. *Спасовичъ*. Учебникъ уголовного права. Спб. 1863.
94. *Таганцевъ*. Лекціи по русскому уголовному праву. Спб. 1892.
95. *Таганцевъ*. О дисциплинарномъ правѣ (Журн. Гражд. и Уг. права, 1889 г. №№ 7 и 8).
96. *Таганцевъ*. Курсъ русскаго уголовного права. Спб. 1874.
97. *Фалъевъ*. Военно-тюремное заключеніе (Тюремн. Вѣстн. 1902 г. №№ 5 и 6).
98. *Фалъевъ*. Тѣлесныя наказанія во французской арміи (В. Альм. 1902 г.).
99. *Фалъевъ*. Воинская дисциплина, какъ основа военно-уголовнаго права (Вѣстн. Права, Апрѣль,—Май, 1902 г.).
100. *Фалъевъ*. Дореформенная армія (Вѣстн. Всем. Ист., 1901 г., № 11).
101. *Фейербахъ*. Уголовное право. 1811.
102. *Фойницкій*. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ. Спб. 1889.
103. *Фойницкій*. Курсъ угол. судопроизводства. Спб. 1896.

104. *Шатиловъ*. Мысли по поводу уничтоженія тѣлеснаго наказанія въ войскахъ. В. Сб. 1863, № 10.
105. *Шендзиковскій*. Конспектъ лекцій по исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства. Спб. 1885.
106. *Шендзиковскій*. Конспектъ лекцій о матеріальныхъ военно-уголовныхъ законахъ иностранныхъ государствъ. Спб. 1886.
107. *Штейнъ*. Ученіе о военномъ бытѣ, какъ часть науки о государствѣ, переводъ Эртеля. Спб. 1875.
108. О преобразованіяхъ въ военно-арестантскихъ учрежденіяхъ (В. Сб. 1867, № 8).
109. Военно-тюремное дѣло (В. Сб. 1868 № г.).
110. Отчеты по военному министерству 1890—1900 г.
-
111. Décret 23 novembre 1894. Bulletin d. lois 1894.
112. Décret 20 mars 1895. Bulletin d. lois 1895.
113. Décret 22 février 1897. Bulletin d. lois 1897.
114. Décret 2 février 1891. Bulletin d. lois 1891.
115. Décret 31 mars 1895. Bulletin d. lois 1895.
116. Projet de réorganisation des divers corps disciplinaires de l'armée et des pénitenciers militaires 2 décembre 1897 (R. P., 1898, стр. 145).
117. Code de justice militaire 9 juin 1857.
118. Projet de loi portant réforme du code de justice militaire pour l'armée de terre, 1901.
119. Règlement sur le service intérieur 20 octobre 1892 (изд. 1901 г.).
120. Recueil des lois, décrets et arrêtés; Metz, Paris, 1811.
121. Circulaire relative à l'application de l'article 195 du Code de justice militaire, 1 mars 1901.
122. Décret sur le régime et la police des établissements pénitentiaires militaires, 26 fevr. 1900.
123. Instruction complémentaire pour l'inspection général du service de la justice militaire 12 avr. 1900.
124. Instruction sur le service de l'habillement dans les prisons militaires 30 mars 1900.
125. Règlement sur les établissements pénitentiaires militaires, 1901.
126. Instruction sur les établissements pénitentiaires militaires, 10 décem. 1900.

127. Décret portant transformation de la compagnie indigène de discipline de Madagascar 24 mars 1902.

128. Décret concernant le recrutement des bataillons d'infanterie légère d'Afrique, 8 sept. 1899.

129. Arrêté relatif à l'organisation des sections métropolitaines d'exclus, 13 mars 1901.

130. Description 12 dec. 1899.

131. Décret portant création à Madagaskar d'une compagnie indigène de discipline 18 mai 1899.

132. Décret portant organisation de l'infanterie colonial 28 décembre 1900.

133. Décret portant organisation des compagnies de discipline 5 juil. 1890 (Bul. de lois, 291 стр.)

134. Code pénal militaire, loi du 27 mai 1870.

135. Arrête royal de 1 septembre 1886, règlement concernant le corps de discipline et de correction.

136. Arrêté royal du 19 juin 1885 déterminant le régime disciplinaire des sous-officiers, caporaux, brigadiers et soldats.

137. Arrêté royal du 16 novembre 1887 déterminant les cas dans lesquels les soldats peuvent être incorporés dans une compagnie de discipline.

138. Instruction général du 30 novembre 1887 relative à l'application du régime disciplinaire et à la tenue des feuillets de punitions des sous-officiers, caporaux, brigadiers et soldats.

139. Loi sur la justice pénal pour les troupes fédérales du 27 août 1851.

140. Codice penale per l'esercito del regno d'Italia, 1871.

141. Regolamento di disciplina militare e di istruzione e servizio interno per la fanteria.

142. Militär-Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 1872.

143. Disciplinarstraftordnung für das Heer, 1872.

144. Militär-Strafvollstreckungs-Vorschrift, Berlin, 1888 (Deckblätter № 1—193, bis 1 oktober 1901).

145. Kriegs-Artikel für das Heer. 31 Oktober 1872.

146. Bestimmungen über die Beschwerdeführung der Offiziere, Sanitätsoffiziere und Beamten des Heeres (30 März 1895).

147. Bestimmungen über die Beschwerdeführung der Personen des Soldatenstandes des Heeres vom Feldwebelabwärts (14 Juni 1894).

148. Gemeinschaftliche Verfügung des Ministers des Innern und des Justizministers vom 21 Januar 1871, betreffend die Ausführung der §§ 23 bis 26 des Strafgesetzbuchs für den Norddeutschen Bund.

149. Militär-Strafgesetzbuch für das Königreich Schweden 7 October 1881..

150. Militär-Strafgesetzbuch für das Königreich Dänemark vom 7 Mai 1881.

151. Militärstrafgesetz über Verbrechen und Vergehen für das Kaiserthum Oesterreich (1855).

152. Dienst-Reglement vom 1 November 1873.

153. Disciplinar-Stravorschrift für die Militärbeamten des k. k. Heeres vom 24 October 1873.

154. Vorschrift für die Militär-Gefangenhäuser vom 31 October 1877, Praes. Nr. 3769.

155. Instruction für die Disciplinar-Compagnie (1855).

156. *Binding*. Grundriss des gemeinen deutschen Strafrechts, Leipzig, 1890.

157. *Binding*. Handbuch des Strafrechts, 1885.

158. *Bosch*. Droit pénal et discipline militaire, Bruxelles, 1884.

159. *Boutaric*. Institutions militaires de la France, Paris, 1863.

160. *Bouquié*. De la justice et de la discipline dans les armées à Rome et au moyen âge. Bruxelles, 1884.

161. *Carrara*. Programma del corso di diritto criminale, II, Lucca.

162. *Chanson*. Justice militaire pour l'armée de terre en France, 1898.

163. Circonstances atténuantes pour crimes et délits militaires. R. P. 1900 r., 2, 368.

164. Circonstances atténuantes. R. P. 1901, 4, 785.

165. Code de justice militaire. R. P. 1900, 8, 1518.

166. Compagnies de discipline. R. P. 1898, 6, 915.
167. Compagnies de discipline. R. P., 1901, 9, 1587.
168. Compagnies de discipline. R. P., 1902, 2, 334.
169. Condamnés dans l'armée. R. P., 1902, 3, 475.
170. Corps disciplinaires et pénitenciers militaires. R. P., 1898, 1, 145.
171. *Crousaz*. Die Disciplin des preussischen Heeres, Leipzig und Cassel, 1874.
172. *Damianitsch*. Das Militär-Strafgesetzbuch über Verbrechen und Vergehen vom 15 Jan. 1855. Wien, 1861.
173. *Damianitsch*. Studien über das Militär-Strafrecht. Wien. 1862.
174. *Dangelmaier*. Philosophie des Militär-Rechts. Wien und Leipzig, 1896.
175. *Dangelmaier*. Geschichte des Militär-Strafrechts.
176. *Durat-Lasalle*. Droit et législation, t. VI и IX, Paris, 1853.
177. Engagements militaires des jeunes libérés. R. P. 1900, 5, 859.
178. Exclus de l'armée. R. P. 1901, 1, 166.
179. *Faure (Le)*. Les lois militaires de la France. Paris, 1876.
180. *Fleck*. Kommentar über das Strafgesetzbuch des Preussischen Heeres. Berlin, 1889.
181. *Foucher*. Commentaire sur le code de justice militaire. Paris. 1858.
182. *Fourolles (de)*. Le code de justice militaire. Chalons-sur-Marne. 1891.
183. *Friccius*. Geschichte des deutschen insbesondere des preussischen Kriegsrechts. Berlin, 1868.
184. *Galisset*. Corpus juris civilis academicum parisiense. Lutetiae Parisiorum, MDCCXLIII.
185. *Garraud*. Traité théorique et pratique du droit pénal français. 1888—94. Paris.
186. *Gérard*. Code pénal militaire. Bruxelles, 1870.
187. *Gran*. Fonctionnement de la justice militaire, I—III. Christiania, 1884.
188. *Haelschner*. Das gemeine deutsche Strafrecht. Bonn, 1881—87.
189. *Haelschner*. System des preussischen Strafrechts. Bonn, 1858.
190. *Hernandez*. Justicia militar, t. II, Madrid, 1893.
191. *Haus*. Principes généraux du droit pénal. Paris et Gand. 1874.

192. *Hecker*. Lehrbuch des deutschen Militär-Strafrechts. Stuttgart, 1887.

193. *Heissenberger*. Das Disciplinar-Strafrecht im k. k. Heere. Wien, 1872.

194. *Holtzendorf*. Handbuch des deutschen Strafrechts. Berlin, 1871—77.

195. *Huebner*. Lehrbuch für den Unterricht über die Militär-Strafgesetze. Wien, 1884.

196. *Janka*. Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts. Berlin, 1827.

197. *Jannesson*. Conseils de guerre et revision de la jurisprudence militaire. Paris, Savine, 1895.

198. *Jebb*. Report on the discipline and management of the military prisons. London, 1852.

199. Justice militaire. R. P., 1898, 2, 280.

200. Inspection de la justice militaire. R. P., 1900, 6, 992.

201. *Koestlin*. System des deutschen Strafrechts. Tübingen, 1855.

202. *Koller*. Militär-Strafgesetz über Verbrechen und Vergehen. Wien, 1901.

203. *Laistner*. Das Recht in der Strafe. München, 1872.

204. *Legavre*. Commentaire du code pénal militaire. Bruxelles, 1891.

205. *Liszt*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin, Leipzig, 1888.

206. *Marck*. Der Militärstraßprozess in Deutschland und seine Reforme.

207. *Marsil*. Réforme de la justice militaire. Paris, 1901.

208. *Meyer*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Leipzig, 1895.

209. *Molitor*. Die Kriegsgerichte und Militärstrafen im neunzehnten Jahrhundert. Wien, 1855.

210. *Mommsen*. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.

211. *Nypels*. Code pénal militaire. Bruxelles, 1870.

212. *Ortolan*. Eléments de droit pénal. Paris, 1886.

213. *Ory*. Recrutement et condition juridique des militaires. Nancy, 1873.

214. *P. H.* Réorganisation des compagnies de discipline en Italie, R. P., 1901, 6, 1075.

215. *Pradier Fodéré*. Commentaire sur le code de justice militaire. Paris, 1873.

216. *R. A.* Code de justice militaire. R. P., 1901, 6, 1047.

217. Rapport sur la main-d'oeuvre militaire. R. P., 1901, 2, 401.
218. *Rein*. Das Criminalrecht der Römer vom Romulus bis aut Justinianus. Leipzig, 1844.
219. Réorganisation des compagnies de discipline en Italie. R. P., 1901, 6, 1075.
220. *Rossi*. Traité de droit pénal. Paris, 1863.
221. *Ruedorff*. Militär-Strafgesetzbuch für das deutsche Reich. Berlin, 1878.
222. *Schütze*. Lehrbuch des Norddeutschen Strafrechts. Leipzig, 1871.
223. Services pénitentiaires de l'armée. R. P., 1901, 7, 1403.
224. *Sortais*. Des délits militaires et de leur répression. Paris, 1900.
225. *Stein*. Die Lehre vom Heerwesen als Theil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872.
226. *Taillefer*. Justice militaire dans l'armée de terre en France et dans les principaux pays. Paris, Larose, 1896.
227. *Tripier*. Code de justice militaire. Paris, 1879.
228. *Vanier*. La peine de mort (Revue Pénit. 1893, № 5).
229. *Vidal*. Tableaux des prisons militaires, pénitenciers militaires, ateliers de travaux en France, en Piémont, en Prusse et en Angleterre. Paris, 1858.
230. *Vigier*. Des effets de sursis au point de vue militaire. Paris, 1900.
231. *Vilhelm*. Commentaire théorique et pratique des codes de justice maritime et militaire. Paris, 1897.
232. *Weisl*. Des Heeres-Strafrecht. Wien, 1892.

Архивные матеріалы.

233. Отчеты генераль-аудиторіата, аудиторіатскаго департамента и главнаго военно-суднаго управленія. — *Архивъ главнаю военно-суднаю управленія и часть журнальная* того же управленія.
234. *Архивъ главнаю военно-суднаю управленія*, Дѣло о чиновникахъ, связка первая.
235. Высочайшія конфирмаціи по пересмотрѣннымъ дѣламъ за время 1801—1802 г. *Часть журнальная 11. воен.-судн. управленія.*

236. *Московскій архивъ Министерства Юстиціи*. Дѣла сената по Военной Коллегіи, 18/389.

237. *Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба*. Дѣла приказнаго повѣтя: опись 121-ая, связки 13, 14, 19, 42, 43, 44, 45.

238. *Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства*: связка разрозненныхъ дѣлъ безъ описи при дѣлахъ законодательнаго отдѣла, № 3.

239. *Военно-ученый архивъ главнаго штаба*, отдѣлъ 4-й, № 504 (по каталогу).

240. *Архивъ Государственнаго Совѣта*. Дѣла Собственной Е. В. Канцеляріи (II Отд.) о разсмотрѣніи проекта положенія объ арестантскихъ ротахъ. 1860 г. № 127а.

241. *Архивъ Государственнаго Совѣта*. Тамъ же, дѣло о пересмотрѣ военно-уголовныхъ законовъ, 1853 г. № 178.

242. *Архивъ Морскою Министерства*. Дѣла Приказа Военнаго Морского флота (связки и №№ указаны въ текстѣ).

243. *Архивъ Морскою Министерства*. Дѣла графа Апраксина (связки и №№ въ текстѣ).

244. *Архивъ Морскою Министерства*. Дѣла Адмиралтействъ-Совѣта.

245. *Архивъ Морскою Министерства*. Дѣла вице-адмирала Зимаевича.

Введение.

ГЛАВА I.

§ 1. Субъектъ воинскаго наказанія.

Наказаніе представляет собою одно изъ сложныхъ и наиболѣе смущающихъ человѣческую совѣсть явленій общественной жизни. Во всѣ времена своего историческаго существованія государство признавало институтъ наказанія, которымъ оно и пользовалось въ томъ или другомъ объемѣ. Однако, многовѣковое существованіе наказанія еще не можетъ служить ему оправданіемъ ¹. Исторія права хранитъ рядъ примѣровъ, которые показываютъ, какъ тѣ или другіе институты, признававшіеся существеннѣйшимъ условіемъ государственной жизни, умирали безвозвратно послѣ долгихъ лѣтъ существованія; оправдывать наказаніе его долготѣіемъ—значитъ отказываться отъ объясненія самаго явленія, тѣмъ болѣе, что исторія наказанія можетъ убѣдить, что оно представляет собою вырождающійся институтъ, которому въ разныя времена придавался различный смыслъ, объемъ и содержаніе.

Надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, относящихся до наказанія, трудился длинный рядъ ученыхъ; самое право наказанія оспаривалось, объяснялось, оправдывалось; но содержаніе карательной дѣятельности еще и до сихъ поръ продолжаетъ вызывать безконечныя разногласія.

Въ обще-юридической литературѣ вопросъ о цѣляхъ наказа-

¹ *Сергѣевскій*,—Русское уголовное право, стр. 99; *Таганцевъ*,—Лекціи, стр. 1094—95.

нія занимаетъ выдающееся мѣсто. Иначе къ нему относится литература военно-уголовнаго права. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ не имѣется по данному вопросу не только какой-либо монографіи или спеціальныхъ изслѣдованій, но даже въ учебникахъ права онъ рѣдко затрогивается ¹.

Однако, вопросъ о содержаніи карательной дѣятельности государства, осуществляемой въ арміи, представляется весьма капитальнымъ: военные суды и военное начальство являются органами, надѣленными чрезвычайно обширными полномочіями по преслѣдованію преступленій; ростъ армій вызываетъ увеличеніе абсолютнаго числа нарушителей правопорядка; военно-карательная дѣятельность конкурируетъ съ отправленіемъ уголовного правосудія въ общихъ судахъ, а самыя мѣры принужденія, примѣняемая къ военнослужащимъ, отличаются наибольшою интенсивностью и совершенными особенностями, сравнительно съ мѣрами обще-карательными. Все это не можетъ оставаться незамѣченнымъ и необъясненнымъ.

Однако, разсматривать вопросъ о воинскомъ наказаніи, какъ самостоятельномъ видѣ принужденія, внѣ всякой зависимости отъ наказанія общаго, не представляется возможнымъ. По существу, наказаніе—едино и нисколько не зависитъ отъ объекта или сферы примѣненія ².

Субъектомъ карательной власти всегда и во всѣхъ случаяхъ является государство. Власть эту отправляетъ оно чрезъ особые органы. Въ войскѣ таковыми являются военные суды и начальники; тѣ и другіе дѣйствуютъ по полномочію и указаніямъ закона; неправильныя дѣйствія со стороны тѣхъ и другихъ составляютъ нарушеніе порученной власти и, слѣдовательно, дѣянія преступныя.

Однако, необходимо замѣтить, что такой взглядъ на субъекта карательнаго права въ арміи—достояніе недавняго прошлаго. Исторія римскаго военно-уголовнаго права представляетъ собою яркую картину олицетворенія субъекта военно-каратель-

¹ См. Dangelmaier,—Philosophie des Militär-Rechts, 1896, Wien; въ этомъ сочиненіи авторъ удѣляетъ одну главу выясненію вопроса о содержаніи военно-карательной дѣятельности.

² «Сущность идеи наказанія всегда одинакова, на кого бы данное наказаніе ни было направлено и посягательству на какую бы норму оно ни противопоставлялось». Проф. Кузьминъ-Караваевъ, В.-уголовное право, стр. 1.

ной власти въ лицѣ главнокомандующаго арміей. Ему принадлежало «право на жизнь и смерть» каждого изъ военнотружашихъ, его полномочія не имѣли законныхъ границъ, на войнѣ онъ соединялъ въ себѣ власть гражданскую и военную, являлся носителемъ власти законодательной, административной и судебной и такимъ образомъ совершенно олицетворялъ собою государственную власть, не ограниченную какими-либо предѣлами ¹. Точно также германцы и франки выступаютъ на страницахъ исторіи военно-уголовнаго права, сохраняя еще остатки личной и общественной мести, и только уже при созданіи постоянныхъ армій является возможность говорить о государственной власти, какъ о субъектѣ военно-карательнаго права.

Въ наше время верховная государственная власть—единственный и исключительный субъектъ военно-карательнаго права въ арміи: путемъ законодательныхъ опредѣленій она устанавливаетъ сферу вредныхъ для правопорядка дѣяній, угрожаетъ за совершение таковыхъ наказаніями и осуществляетъ эту угрозу, возбуждая противъ совершителя преслѣдованіе и исполняя надъ нимъ, при извѣстныхъ условіяхъ, наказаніе ². Эти отдѣльные элементы карательнаго права сосредоточиваются въ рукахъ государственной власти, но отправленіе права возбужденія преслѣдованія и исполненія надъ виновнымъ законной угрозы она передаетъ особымъ уполномоченнымъ ею на то органамъ.

Такимъ образомъ, въ арміи отправленіе карательной власти делегируется военнымъ судамъ и военному начальству. Признавать ихъ «производными субъектами карательной власти» ³ не представляется возможнымъ; они не болѣе, какъ органы осуществленія только одного изъ элементовъ карательнаго права государства.

Въ сферѣ военно-уголовнаго права, съ этой точки зрѣнія интереснымъ представляется вопросъ о соотношеніи субъекта карательной власти въ арміи и главы вооруженныхъ силъ. У

¹ *Gibbon, Décadence*, т. I; *Bouquier*,—De la discipline, стр. 17.

² Эти элементы создаютъ т. н. *jus puniendi*; см. у проф. *Вульфберта*, Лекціи, стр. 284.

³ Проф. *Фойницкій* (Ученіе о наказаніи, стр. 7) называетъ такъ органы, располагающіе карательною властью „не самостоятельно, а на основаніи спеціальной уступки, имъ сдѣланной государствомъ“; къ нимъ онъ относитъ учрежденія, которымъ предоставлено издавать постановленія, обязательныя подъ угрозою наказанія.

насъ это соотношеніе вполне ясно и понятно: Монархъ есть въ то же время и Глава арміи ¹; какъ Монарху, Государю Императору принадлежитъ право опредѣленія въ законѣ преступныхъ дѣяній и наказаній, какъ Главѣ арміи — исполненіе законной угрозы. Напротивъ, въ государствахъ конституціонныхъ на обязанность главы арміи возлагается только послѣдняя функція и изданіе не противорѣчащихъ военно-уголовному закону распоряженій, опредѣляющихъ кругъ дисциплинарныхъ нарушеній и правила примѣненія дисциплинарныхъ взысканій ². Слѣдовательно, субъектъ карательной власти въ арміи—государственная власть—издаетъ военно-уголовный законъ, глава арміи приводитъ его въ исполненіе и пользуется правомъ, стоя въ полномъ согласіи съ закономъ и на основаніи закона, издавать обязательныя для арміи постановленія. Словомъ, субъектъ государственной власти передаетъ главѣ арміи исполненіе закона, причемъ отказывается регламентировать самые способы наилучшаго его выполненія, предоставляя это усмотрѣнію главы арміи.

Изъ предшествующаго видно, что существованіе въ арміи начальниковъ, какъ органовъ судебной власти, наряду съ военными судами, нисколько не измѣняетъ значенія карательныхъ мѣръ: наказаніе по своей идеѣ остается тѣмъ же самымъ актомъ, осуществляемымъ государственною властью.

Особое положеніе объекта наказанія — лица, учинившаго воинское преступное дѣяніе, точно также не даетъ права ви-

¹ Св. В. Пост., 1869 г., кн. I, ст. 1.

² Такъ, напримѣръ, во Франціи *code de justice militaire* издается законодательнымъ порядкомъ, а уставъ о внутренней службѣ, содержащій въ себѣ правила, опредѣляющія дисциплинарныя нарушенія и взысканія, — военнымъ министромъ; въ Германіи *Militär-Strafgesetzbuch* законодательнымъ путемъ, а *Disciplinar-Strafordnung* — Императоромъ, которому также предоставлено право изданія *Kriegs-Artikel*'я, заключающаго въ себѣ опредѣлительныя постановленія обязанностей нижняго чина и карательныя данныя, почерпнутыя изъ военно-уголовнаго кодекса. Въ Швеціи воинскій уставъ о наказаніяхъ въ этомъ отношеніи идетъ дальше и положительно устанавливаетъ систему дисциплинарныхъ взысканій, но ближайшія опредѣленія о примѣненіи ихъ передаетъ исполнительной власти государства — главѣ арміи, который и издаетъ особое распоряженіе, составляющее дисциплинарный кодексъ. — Изъ этого легко видѣть, что опредѣлять воинское преступное дѣяніе, какъ неповиновеніе волѣ главы арміи, теоретически — невѣрно, практически — бесполезно, такъ какъ при такомъ толкованіи преступленіе не выходитъ изъ предѣловъ дисциплинарныхъ нарушеній.

дѣтъ въ воинскомъ наказаніи нѣчто отличное отъ наказанія общаго.

Но отсюда еще не слѣдуетъ, что воинское наказаніе не можетъ быть признано самостоятельнымъ видомъ принужденія. Существованіе войска въ государствѣ предполагаетъ наличность воинскаго правопорядка, который нуждается въ охранѣ; нарушеніе этого правопорядка, при извѣстныхъ условіяхъ, является воинскимъ преступленіемъ, а «при различіи существа преступленія военнотружашаго и гражданина, какъ говоритъ проф. Неѣловъ, система наказаній, принаровленная къ преступленіямъ послѣдняго, очень часто не годна по отношенію къ *преступленіямъ первыхъ* и къ ихъ *личному положенію*» ¹.

Такимъ образомъ, несмотря на общность идеи наказанія, воинское наказаніе является самостоятельнымъ его видомъ, и именно постольку, поскольку отличны конкретныя цѣли каждаго изъ воинскихъ наказаній и условія ихъ организаціи.

§ 2. Обоснованіе карательнаго права.

Изъ многоразличныхъ попытокъ теоретическаго обоснованія карательнаго права государства наиболѣе примѣнимыми въ области наказанія воинскаго слѣдуетъ считать такъ называемыя *правовыя теоріи*. Не останавливаясь на разсмотрѣніи каждой изъ этихъ послѣднихъ, мы изложимъ только тѣ изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, лучше другихъ поясняютъ вопросъ о наказаніи воинскомъ.

Среди представителей нѣмецкой литературы *Liszt* ² выставляетъ крайне оригинальную теорію поддержанія правового порядка посредствомъ наказанія: отношенія лицъ между собою создаютъ интересы, которые, подъ охраною права, превращаются въ блага; правовой порядокъ своими нормами защищаетъ эти блага; противъ воли, непокорной нормамъ, государство примѣняетъ принужденіе, одна изъ формъ котораго—наказаніе—есть нарушеніе правовыхъ благъ нарушителя.

¹ Неѣловъ, Курсъ, стр. 6.

² *Liszt*, — *Lehrbuch*, § 4, см. *Таланцевъ*, — Лекціи, стр. 1123.

*Биндинъ*¹ утверждаетъ, что правовой приказъ предполагаетъ право требовать повиновенія, отсюда преступленіе—неповиновеніе—превращаетъ право государства на повиновеніе—въ наказаніе за преступленіе. По мнѣнію *Г. Мейера*², наказаніемъ выражается недопустимость дѣяній, противныхъ интересамъ общежитія. *Янка*³ въ наказаніи видитъ охрану юридическихъ интересовъ.

Изъ французскихъ криминалистовъ *Гаусъ*⁴ оправдываетъ право наказанія необходимостью поддержанія общественнаго порядка; изъ итальянскихъ—*Каррара*⁵ считаетъ основаніемъ карательнаго права необходимость охраны правового или нравственнаго порядка.

Изъ русскихъ ученыхъ проф. *Фойницкій*⁶ признаетъ преступленіе отрицаніемъ порядка жизни, установившагося между людьми, а наказаніе—мѣрою охраненія противъ преступленій нарушаемаго ими склада, интересовъ или правъ, образующихъ систему правопорядка; въ виду этого наказаніе необходимо въ силу существованія правопорядка, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, его разрушенія. По ученію проф. *Таганцева*⁷, всякое организованное общество создаетъ извѣстный укладъ этого общежитія; признаніе необходимости и разумности общежитія заставляетъ признать таковымъ же и весь правовой укладъ общежитія, а отсюда, въ связи съ принудительнымъ характеромъ правовыхъ положеній, вытекаетъ представленіе о необходимости и разумности правоохранительной дѣятельности государства, особымъ видомъ которой является дѣятельность карательная. По ученію проф. *Сергѣевскаго*⁸, государство есть такая форма чело-вѣческаго единенія, въ которой отношенія гражданъ между

¹ *Binding*,—Das Problem der Strafe in der heutigen Wissenschaft (въ Zeitschrift für das privat. und öffentlich. Recht, B. IV, H. 3), а также Grundriss, 1884 г., § 38.—Изложеніе его теоріи у *Таганцева*, Лекціи, 1121—1122, и *Вульфферта*,—Лекціи, 294.

² *Hugo Meyer*,—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1895, § 3, стр. 19,—«Rechtsgrund der Strafe».

³ *Janka*, Strafrecht, § 5.

⁴ *Haus*, Principes généraux, т. I, § 52—53; см. Энци. Словарь Брокгауза, 39, стр. 471; *Таганцевъ*,—1120.

⁵ *Carrara*,—Programma, т. II; см. у пр. Вульфферта, стр. 294—295.

⁶ *Фойницкій*,—Ученіе о наказаніи, стр. 3—4.

⁷ *Таганцевъ*,—Лекціи, стр. 1124—1129.

⁸ *Сергѣевскій*,—Русское уголовное право, 66—67.

собою и каждого отдѣльнаго гражданина къ цѣлому опредѣляются правовыми нормами; государство есть форма правопорядка, преступленіе—нарушеніе нормъ правопорядка, наказаніе—осужденіе и порицаніе такого дѣянія. Всякій общественный порядокъ нуждается въ опредѣленіи дѣяній, несомвѣстныхъ съ нимъ, а слѣдовательно, правопорядокъ можетъ существовать только тогда, когда онъ имѣетъ списокъ преступныхъ дѣяній и отправляетъ уголовное правосудіе ¹. Поэтому, для уголовного правовѣдѣнія юридическое обоснованіе права наказанія сводится къ слѣдующему: если существуетъ правопорядокъ, то eo ipso должно существовать и уголовное правосудіе ².

Обращаясь къ обоснованію *военно-карательнаго* права государства, слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ вопросъ въ литературѣ военно-уголовнаго права представляется совершенно открытымъ. Изъ русскихъ изслѣдователей проф. *Мушниковъ* ³ отказывается отъ теоретическаго оправданія военно-карательнаго права и не касается спеціальнаго права военнаго.

Другой изслѣдователь, проф. *Нельовъ* ⁴, говоритъ, что исключительное положеніе войска обусловливаетъ существованіе особаго военнаго быта, въ основѣ котораго лежитъ дисциплина. Во имя требованій воинской дисциплины устанавливаются и самыя нормы военнаго порядка. Строгое соблюденіе этихъ нормъ составляетъ прямое послѣдствіе дисциплины; воинское преступленіе представляетъ собою нарушеніе нормъ военнаго порядка, нарушеніе дисциплины; воинское наказаніе существуетъ для охраны военнаго порядка, и въ этомъ его оправданіе

Л. Штейнъ ⁵, впервые затронувшій вопросъ о воинскомъ правопорядкѣ, разумѣетъ подъ этимъ понятіемъ единство, установленное въ арміи въ силу требованія повиновенія единой волѣ; правопорядокъ обнимаетъ собою всѣ отношенія, существующія въ арміи; воинское наказаніе является охраною этого единства.

По мнѣнію *Даніельмайера* ⁶, наказаніе въ арміи потребно для поддержанія въ ней правопорядка — *Rechtsordnung* — и дисциплины, дабы она могла быть годною для войны.

¹ Стр. 74—76.

² Ibid. стр. 99, 102—104.

³ *Мушниковъ*,—Конспектъ, стр. 3.

⁴ *Нельовъ*,—Курсъ, стр. 26.

⁵ *Die Lehre vom Heerwesen*, стр. 219 и 225 p. n.

⁶ *Dangelmaier*,—*Philosophie des Militärrechts*, стр. 31.

Таковы данныя, почерпнутыя изъ литературы военно-уголовнаго права. Но прежде чѣмъ обратиться къ критикѣ этихъ теорій, необходимо выяснить существо двухъ понятій, которыя всѣми изслѣдователями военного права или сближаются, или отождествляются, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и огромное теоретическое значеніе: это—воинскій правопорядокъ и воинская дисциплина.

§ 3. Воинскій правопорядокъ.

Необходимость существованія арміи—аксіома современной междугосударственной жизни. Государство, ради своей собственной охраны, устанавливаетъ особую воинскую повинность, привлекаетъ въ армію миллионы лучшихъ людей, тратитъ на ея содержаніе громадную часть своего бюджета, поэтому оно должно также и указывать ей извѣстныя задачи и цѣли существованія. «Военный бытъ», говоритъ Л. Штейнъ¹,—«со всѣмъ могуществомъ и блескомъ своимъ существуетъ не ради самого себя. Онъ имѣетъ цѣль, и эта цѣль—внутренняя—состоитъ въ охраненіи самостоятельности государства; цѣль внѣшняя—въ побѣдѣ надъ врагомъ, который ей угрожаетъ, и въ борьбѣ, посредствомъ которой эта побѣда приобрѣтается».

Армія, чтобы быть способной къ достиженію поставленныхъ ей задачъ, должна представлять собою нѣчто цѣльное, организованное; отношенія ея къ государству, къ другимъ единеніямъ и къ отдѣльнымъ лицамъ, составляющимъ армію, должны быть опредѣлены положительнымъ закономъ. И только при такихъ условіяхъ явится возможность говорить объ арміи, какъ объ извѣстной организаціи. Вѣдь, всякое соединеніе лицъ во имя опредѣленной идеи предполагаетъ наличность извѣстныхъ правилъ, регламентирующихъ отношенія этихъ людей другъ къ другу и къ поставленной задачѣ; только въ томъ случаѣ, когда всѣ дѣйствія данной составной единицы опредѣлены и объединены, можно говорить о коопераціи². Дѣятельность арміи—чисто кооперативнаго характера, регламентація не идетъ дальше ука-

¹ Ученіе о воен. бытѣ, стр. 51.

² Militant co-operation—по Спенсеру. См. также *Карпеев*,—Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Фойницкій, 62.

занія нѣкоторыхъ общихъ правилъ дѣятельности и отношеній организаціи къ другимъ единеніемъ. И все, что сверхъ этого, то предоставляется уже частной инициативѣ, не идущей однако дальше указанныхъ задачъ.

Армія существуетъ въ государствѣ и для государства. Поэтому государство вынуждено установить свои отношенія къ вооруженной силѣ. Оно указываетъ ей задачи и цѣли существованія, даетъ ей общее руководство въ предѣлахъ указанія конечныхъ цѣлей и ради этого организуетъ армію. Современныя арміи, вслѣдствіе этого, получаютъ организацію, въ значительной степени подобную государственной организаціи вообще: армія имѣетъ свое министерство, свое учебное, судебное, инженерное, артиллерійское и др. вѣдомства, словомъ—все принаровнено къ исполнѣ самостоятельному и независимому существованію ея въ государствѣ.

Но этого мало. Государство опредѣляетъ также и отношенія арміи къ другимъ человѣческимъ единеніямъ—общественнымъ «укладамъ»—и, наконецъ, къ отдѣльнымъ гражданамъ или къ входящимъ въ армію лицамъ и ее составляющимъ. Разъ армія призвана для достиженія опредѣленныхъ задачъ, то государство должно указать и способы для этого; однимъ изъ способовъ является дѣйствіе человѣка, которое, только благодаря вмѣшательству государства, получаетъ значеніе обязанности. Гдѣ обязанность, тамъ и соотвѣтствующее ей право, которымъ пользуется государство самолично или посредствомъ передачи его органамъ.

Словомъ, армія есть опредѣленная организація и, какъ опредѣленная организація, она нуждается въ извѣстныхъ правилахъ. Совокупность этихъ правилъ и образуетъ собою строй *воинскаго правопорядка*.

Послѣднее понятіе не является новшествомъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей, какъ напр. Л. Штейнъ, Неѣловъ, говоря о военно-уголовномъ правѣ, касались правопорядка съ цѣлью оправданія военно-карательной дѣятельности. По нашему мнѣнію, это—единственно возможное обоснованіе воинскаго наказанія.

Штейнъ говоритъ, что войско есть организованная сила государства и, какъ сила, должна повиноваться единой волѣ. Установившееся посредствомъ этой воли единство, являющееся основою войска и обнимающее всѣ отношенія, существующія внутри

круга его жизни, и есть военный порядок¹. Онъ выражается, по мнѣнію Штейна, въ повиновеніи, дисциплинѣ и воинской чести. Въ повиновеніи, въ свою очередь, различаются три момента: гражданское послушаніе закону, абсолютное служебное повиновеніе и т. н. «органическое повиновеніе», подъ которымъ авторъ понимаетъ обязанность дополнять приказаніе примѣненіемъ къ исполненію его спеціальнаго образованія и личнаго почина исполнителя². Такимъ образомъ, по ученію Штейна, строй правопорядка создается не только юридическими нормами, но и административными распоряженіями и даже предписаніями начальствующихъ совокупно съ личною инициативою подчиненныхъ.

Проф. *Нейловъ* даетъ не менѣе широкое опредѣленіе военного порядка³. Онъ утверждаетъ, что самыя нормы военного правопорядка обнимаютъ собою *всю дѣятельность* cadaго военнослужащаго, представляютъ собою, такъ сказать, самое понятіе военной службы. Для cadaго военнослужащаго строгое соблюденіе этихъ нормъ составляетъ прямое послѣдствіе дисциплины; дѣйствія, несогласованныя съ нею, создаютъ «нарушеніе той или другой нормы военного быта, военного порядка. Изъ понятія военного порядка вытекаетъ понятіе извѣстныхъ отношеній военнослужащаго къ государству, къ военному учрежденію, къ военному быту»; совершая дѣяніе, нарушающее военный порядокъ, виновный нарушаетъ тѣмъ право государства, совершаетъ правонарушеніе.

Въ другомъ мѣстѣ⁴ проф. Нейловъ указываетъ, что военное уголовное право «обнимаетъ совокупность началъ, на основаніи которыхъ охраняется отъ нарушенія особый военный порядокъ, т. е. дисциплина и повиновеніе».

Изъ изложеннаго видно, что понятіе «воинскій правопорядокъ» уже получило извѣстную разработку въ литературѣ военного права. Оба названныхъ изслѣдователя, стремясь къ обоснованію карательнаго права государства въ арміи, имѣли въ виду *исключительно военнослужащихъ* и ихъ отношенія къ арміи и государству и только въ этихъ предѣлахъ говорили о воинскомъ правопорядкѣ.

¹ Ibid. стр. 219.

² Ibid. стр. 221 – 224.

³ *Нейловъ*, Курсъ, стр. 26.

⁴ Ibid. стр. 4.

Однако, это ограниченіе, съ теоретической точки зрѣнія, представляется мало обоснованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государство, организуя армію, устанавливаетъ *опредѣлительныя* нормы. Существованіе ихъ необходимо постольку, поскольку необходима для государства армія.

Нормы военного права совершенно отличаются отъ нормъ общаго права. Достаточно указать на норму «не убій», приводимую во всѣхъ руководствахъ по уголовному праву. «Не убій», какъ норма общаго права, имѣетъ силу и по отношенію къ военнотружашему, но лишь до тѣхъ поръ, пока для него другая норма—«убій» не явится обязательною для выполненія. То же самое относится и къ другимъ нормамъ.

Эти нормы—типичныя для военнотружашаго. Но кромѣ этихъ, воинскій правопорядокъ указываетъ длинный рядъ другихъ нормъ, *равно обязательныхъ для военнотружашихъ и гражданъ*: «не способствуй побѣгу», «не изувѣчивай солдата для избавленія его отъ службы», «не препятствуй военнымъ дѣйствіямъ арміи», «не нарушай ея безопасности» и т. д. Всѣ эти нормы суть нормы воинскаго правопорядка, и нарушеніе ихъ воспрещается въ интересахъ самой же арміи, а слѣдовательно и государства. Словомъ, изъ этого видно, что нормы воинскаго правопорядка являются обязательными не только для военнотружашихъ, но и для гражданъ и даже для подданныхъ иностранныхъ государствъ ¹.

Нормы ставятся подъ охрану права и, по мѣткому выраженію Листа ², превращаются въ блага, или интересы ³. Слѣдовательно, нарушеніе нормы влечетъ за собою нарушеніе блага ⁴ и обратно.

Создавая блага, государство желаетъ ихъ неприкосновенности; въ цѣляхъ неприкосновенности, оно запрещаетъ ихъ нарушеніе. Отсюда слѣдуетъ, что всякое нарушеніе нормы воспрещено ⁴, но каждое изъ нихъ облагать наказаніями—не цѣле-

¹ Разумѣется, нарушеніе этихъ нормъ можетъ быть запрещено или *военно-уголовнымъ* кодексомъ, или общимъ; но для существа понятія правопорядка это совершенно безразлично, такъ какъ самая норма, понимая ея въ томъ значеніи, какъ ее устанавливаетъ Биндингъ, относится всецѣло къ воинскому правопорядку.

² *Liszt*,—*Lehrbuch*, § 4.

³ См. проф. *Вульффертъ*,—Лекціи, стр. 14.

⁴ По мнѣнію Биндинга, всякое правонарушеніе—*straffähig*. См. *Сергеевскій*, стр. 106.

сообразно и не выгодно для государства. Такимъ образомъ, запрещая нарушеніе нормъ, государство нѣкоторыя изъ нарушеній наказываетъ. Сюда относятся нарушенія такихъ нормъ, которыя или вслѣдствіе важности нарушаемаго блага, или возможности вреда, или опасности нарушителя, или другихъ основаній должны быть въ данную эпоху воспрещены подѣ страхомъ наказанія.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что совокупность опредѣлительныхъ нормъ создаетъ положительную сторону строя воинскаго правопорядка, а совокупность запретительныхъ нормъ—отрицательную. Эта послѣдняя представляетъ собою списокъ дѣяній, запрещенныхъ наказаніемъ, и самую угрозу запрещенія—и составляетъ военно-уголовный кодексъ.

Такимъ образомъ, подѣ *воинскими правопорядкомъ*¹ слѣдуетъ разумѣть *совокупность такихъ юридическихъ отношеній, которыя вытекаютъ изъ интересовъ арміи и изъ субъективныхъ, охраняемыхъ закономъ правъ отдельныхъ лицъ.*

Правопорядокъ, установленный въ арміи, носитъ свои особыя черты и не можетъ быть отождествляемъ съ общегосударственнымъ правопорядкомъ. Войско—самостоятельный организмъ; боевыя задачи дѣлаютъ его таковымъ и вызываютъ особую, рѣзко отличающуюся отъ общегосударственной жизнь, хотя, разумѣется, воинскій правопорядокъ не можетъ исключать общій, такъ какъ внѣ государства войско существовать не можетъ.

Воинскій правопорядокъ устанавливается закономъ. «Государство, какъ законодатель, обладаетъ высочайшею волею, которой долженъ покоряться каждый, слѣдовательно, и войско»². Вопросъ о томъ, поскольку имѣютъ значеніе для установленія воинскаго правопорядка административныя распоряженія, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что глава арміи, въ силу полномочій, предоставленныхъ ему закономъ, можетъ издавать нормы, обязательныя подѣ угрозой наказанія, но исключительно лишь, какъ исполнительный органъ³ и въ предѣлахъ предо-

¹ Въ этомъ отношеніи мы руководствуемся опредѣленіемъ сущности правопорядка, преподаннымъ въ курсѣ проф. Вульфберта.

² Штейнъ,—Ученіе, стр. 243.

³ «Для военнаго быта существуютъ другъ подлѣ друга двѣ самостоятельныя воли и соотвѣтственно имъ два самостоятельныхъ начала повиновенія... предполагается, что они всегда находятся въ согласіи между собою, потому что приказаніе... должно быть только исполненіемъ закона». Штейнъ,—ibid, стр. 244.

ставленнаго ему полномочія ¹; то же относится и къ установленію опредѣлительныхъ нормъ воинскаго правопорядка.

Изъ всего изложеннаго является возможность почерпнуть и юридическое обоснованіе военно-карательной дѣятельности, которое сводится къ положенію, выставленному проф. Сергѣевскимъ: существованіе воинскаго правопорядка обуславливаетъ и существованіе военно-уголовнаго правосудія ². Отсюда слѣдуетъ, что и военно-уголовное правосудіе является въ качествѣ только одного изъ элементовъ того же правопорядка.

Что касается *философскаго* обоснованія карательной дѣятельности, то наука уголовного права, не дѣлая никакой ошибки, можетъ совершенно игнорировать этотъ вопросъ и довольствоваться, кромѣ вышеизложеннаго, разумностью и необходимостью наказанія для общежитія ³.

Новѣйшіе криминалисты мало-по-малу отказываются уже отъ философскихъ построеній и сводятъ наказаніе къ сущности правопорядка. Такъ, напр., *Шютце* утверждаетъ, что право государства карать не нуждается въ какихъ-либо объясненіяхъ, оправданіяхъ или доказательствахъ, такъ какъ это право само собою разумѣется и является вполне очевиднымъ ⁴; достаточно возвести понятіе уголовного права къ правопорядку, а понятіе наказанія—къ реакціи порядка противъ нарушенія ⁵.

§ 4. Воинская дисциплина.

Чтобы закончить вопросъ объ обоснованіи карательной власти государства въ арміи, необходимо обратиться къ выясненію существа понятія воинской дисциплины. Несмотря на то, что вопросъ этотъ часто занималъ умы изслѣдователей, тѣмъ не менѣе и въ наше время онъ не можетъ считаться еще исчерпаннымъ. Не претендуя на полноту, мы попытаемся дать краткую характеристику цѣлаго ряда теорій, преподанныхъ военными

¹ *Dangelmaier*,—Philosophie, стр. 31—32.

² *Сергѣевскій*, стр. 104. Мы только подставляемъ въ указанную формулу данныя изъ военнаго права.

³ *Таганцевъ*,—Лекціи, стр. 1127: «необходимость и разумность правоохранительной дѣятельности».

⁴ *Schütze*, Lehrbuch, §§ 14—15.

⁵ *Schütze*,—Nothwend. Theilnahme, стр. 8.

юристами относительно существа дисциплины и ея значенія для карательной дѣятельности въ арміи.

Въ этомъ отношеніи теоріи могутъ быть раздѣлены на три группы: А) теоріи ограничительныя, В) теоріи дисциплины, какъ одной изъ сторонъ правопорядка, и С) теоріи самодѣятельной дисциплины.

А. *Ограничительныя теоріи* пытаются сообщить понятію воинской дисциплины строго юридическое содержаніе, вслѣдствіе чего и самое понятіе ея суживается. Такъ, напр., по ученію пр. *Кузьмина-Караваева*, дисциплина представляетъ собою совокупность условій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными; сущность дисциплины сводится къ соблюденію условій или законовъ, на которыхъ обосновываются эти отношенія ¹; въ основѣ ихъ лежитъ принципъ повиновенія, который, однако, не исчерпываетъ понятія дисциплины, и исходнымъ ея началомъ является этический принципъ—чувство долга.

Представители французской литературы очерчиваютъ дисциплину съ точки зрѣнія отношеній, вытекающихъ изъ принципа военной іерархіи. *Durat-Lasalle* утверждаетъ ², что неповиновеніе приказанію начальника, независимо отъ формы и содержанія, является отрицаніемъ дисциплины; повиновеніе проникаетъ вслѣдствіе этого не только іерархическія отношенія, но и внутреннюю жизнь войскъ; оно даетъ арміи единство. *Foucher* ³ положительно заявляетъ, что «la question d'obeissance, c'est à dire, la discipline, c'est à dire, la force tout entière des armées».

Послѣднее воззрѣніе проникло и въ бельгійскую литературу, *Gérard* ⁴, напр., предлагаетъ слѣдующую формулу, которая, по его мнѣнію, опредѣляетъ понятіе дисциплины: «commander sans arrogance et obéir sans bassesse»; изъ этого коренного условія возникаютъ другія, производныя, легко объединяемая понятіемъ долга и воинской чести.

Такимъ образомъ, ограничительныя теоріи, устанавливая въ сущности одинъ изъ элементовъ понятія дисциплины, вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, принуждены или ссылаться на этическія основанія этого элемента, или выводить послѣднія изъ су-

¹ *Кузьминъ-Караваевъ*,—Военно-уголовное право, стр. 31, 40—41.

² Droit et législation, т. VI, стр. XXIX.

³ Commentaire, стр. 2.

⁴ Code pénal militaire, стр. 159—160.

щества его. Словомъ, эти теоріи, такъ или иначе, расширяютъ даваемое ими опредѣленіе, которое безъ этихъ условій не въ состояніи объяснить очень многое.

В. *Дисциплина, какъ одна изъ сторонъ правопорядка*,—теорія, выдвинутая Л. Штейномъ, всецѣло принимается проф. Дангельмайеромъ и Неѣловымъ. Л. Штейнъ, опредѣляя правопорядокъ, какъ единство, установленное въ арміи, видитъ выраженіе этого единства въ повиновеніи, дисциплинѣ и воинской чести; совершеніе опредѣленнаго проступка нарушаетъ повиновеніе, дисциплина же касается *общаго поведенія* военнослужащаго, который не только не долженъ нарушать права, но и устривать свою жизнь и свое поведеніе такимъ образомъ, чтобы они согласовались съ существомъ и задачею военного быта ¹. Воинскою дисциплиною, вслѣдствіе этого, онъ называетъ обязанность такого именно поведенія. Нарушеніе дисциплины можетъ произойти путемъ совершенія или опредѣленныхъ дѣйствій, или формою служебнаго и неслужебнаго поведенія военнослужащаго. Такимъ образомъ, область дисциплины не можетъ быть ограничена какими-либо предѣлами, и «все зависитъ отъ способа, манеры, формы и выраженія, съ которыми *что-либо* дѣлается или опускается».

На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и *Dangelmaier* ², по мнѣнію котораго цѣлью военного права является поддержаніе годности войска къ войнѣ; первою необходимостью для этого онъ признаетъ дисциплину—душу арміи; между нею и повиновеніемъ много общаго; но это повиновеніе—есть повиновеніе сердца, изъ чувства долга, а не страха наказанія, изъ убѣжденія, что приказаніе есть только повиновеніе старшимъ и закону. Такимъ образомъ, дисциплина есть не болѣе, какъ моральная основа поддержанія воинскаго правопорядка.

Проф. *Неѣловъ* объединяетъ понятія дисциплины и повиновенія понятіемъ военный порядокъ ³, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что дисциплина есть «точное и неуклонное выполненіе всѣхъ требованій и условій военного быта, основанныхъ на законѣ, приказаніяхъ и распоряженіяхъ, соблюденіемъ которыхъ ограждается военный порядокъ». Безъ дисциплины войско, въ

¹ Ученіе, стр. 238—241.

² Philosophie, стр. 33—34.

³ Курсъ, часть общая, стр. 4.

смыслѣ благоустроеннаго организма, существовать не можетъ; она выражаетъ собою внутренній принципъ арміи—мужество, храбрость; эти качества, поддерживаемыя активно на войнѣ, въ мирное время пассивно проявляются въ дисциплинѣ, которая является, такимъ образомъ, развитіемъ и охраною этого качества. Благодаря дисциплинѣ, солдатъ обязывается переносить всевозможныя лишенія и отречься отъ своего «я»¹.

Указанныя теоріи, въ отличіе отъ органичительныхъ, расширяютъ понятіе воинской дисциплины до такихъ предѣловъ, которые едва ли могутъ вмѣстить съ равнымъ правомъ понятія воинскаго правопорядка и дисциплины. И если правопорядокъ представляется понятіемъ юридическимъ, то дисциплина, будучи одною изъ его сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охватывая *нравственныя* основы служенія солдата, или должна получить освѣщеніе теорій ограничительныхъ, или быть изъятою изъ понятія правопорядка.

Несмотря на все различіе обѣихъ теорій, онѣ высказываютъ однако единогласно, что дисциплина черпаетъ свое содержаніе изъ этическихъ началъ призванія военнослужащаго.

С. *Теоріи самодѣятельной дисциплины* гораздо проще разрѣшаютъ вопросъ о существѣ воинской дисциплины. Еще Штейнъ, говоря о дисциплинѣ, какъ обязанности извѣстнаго поведенія военнослужащаго, требовалъ отъ него самодѣятельности въ достиженіи задачъ арміи. Разсматриваемыя теоріи учатъ¹, что дисциплина есть отношеніе, лишенное юридическаго характера; она не болѣе, какъ отношеніе военнослужащаго къ своимъ обязанностямъ призванія и начальникамъ,—т. н. служебная дисциплина,—или къ предметамъ неслужебнаго характера—дисциплина въ широкомъ значеніи. Отсюда, дисциплина требуетъ—и это требованіе характера моральнаго—не только соблюденія законовъ, но и сознательнаго, самодѣятельнаго отношенія обязаннаго службою къ задачамъ арміи. Представители этихъ теорій утверждаютъ, что дисциплина и повиновеніе—не одно и то же; послѣднее—субординація—обязываетъ къ повиновенію, а дисциплина въ то же время говоритъ о повиновеніи скоромъ, охотномъ. Словомъ, дисциплина заставляетъ солдата свидѣтельство-

¹ Курсъ, часть особенная, стр. 3—4.

² *Hecker*,—Lehrbuch, стр. 185; см. изложеніе его теоріи у Marck'a, стр. 370.

вать, безъ всякаго особаго понужденія, посредствомъ содѣяній и опущеній, посредствомъ всего своего поведенія, что онъ понимаетъ свою задачу и самопожертвованіемъ готовъ исполнить ее.

*Marck*¹, ссылаясь на изложенное только что мнѣніе проф. *Геккера*, подтверждаетъ, что самымъ важнымъ въ опредѣленіи понятія дисциплины является именно самодѣятельная, свободная, добровольная² сторона ея³, что дисциплина—развитіе обязанностей военнаго призванія и что, наконецъ, повиновеніе—только одно изъ проявленій дисциплины.

Таково изобиліе теоретическихъ данныхъ о существѣ воинской дисциплины.

Вопросъ о томъ, поскольку для науки военно-уголовнаго права важно изучать содержаніе понятія дисциплины, можетъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что для оправданія военно-карательной дѣятельности положительное разграниченіе понятій правопорядка и дисциплины должно быть точно опредѣлено, чтобы имѣть возможность, пользуясь этимъ, говорить о средствахъ, находящихся въ распоряженіи карательной власти для поддержанія правопорядка и дисциплины.

Терминъ «disciplina» заимствованъ изъ римскаго права, гдѣ ему придавалось различное значеніе⁴, при чемъ выраженіе «disciplina castrorum»⁵ опредѣляло собою обязанность безусловнаго исполненія правилъ военнаго порядка и условій внутренняго распорядка въ арміи. Нарушеніе дисциплины, такимъ образомъ, охватывало собою и самое тяжкое преступное дѣяніе, и незначительное нарушеніе обязанностей службы. Эта обязанность вытекала изъ существа самаго военнаго призванія, призванія почетнаго, во имя отечества, и всякое опущеніе обязанности признавалось измѣною отечеству. Римляне цѣнили дисциплину, какъ высшее начало государственнаго благополучія. «Sanctissima romani imperii

¹ *Marck*,—*Militärstrafprozess in Deutschland*, т. I.

² *Ibid.*, стр. 370: «selbstthätige, freiwillige, entgegenkommende».

³ *Абрамовичъ-Барановскій*,—*Военное судоустройство* (стр. 6)—безусловно примыкаетъ къ воззрѣнію Марка.

⁴ Напр., *воспитаніе, обученіе*: in disciplinam traditus servus (l. 78, pr. D. 32); *наука*: cujuslibet disciplina praeceptores (l. 57, pr. D. 50, 16); *норма, правило*: disciplina juris, legum (l. 8. C. 4, 6); *обычай* (l. 2. C. 2, 18); *стройный порядокъ*: disciplina publica (l. 1, D. 1, 11); *образъ жизни*: probabilem saeculo disciplina agere (l. 19. C. 1, 3).

⁵ L. 9 D. 2, 12; l. 50 D. 19, 2; l. 19. § 7 D. 49, 15 и др.

custos—severa castrorum disciplina», писалъ Валерій Максимъ ¹; «disciplina majorum rem publicam tenet quasi dilabatur, et nomen romanum et imperium amittimus» утверждалъ императоръ Александръ Северъ ². Въ виду такого значенія дисциплины, средства для ея поддержанія отличались наибольшею интенсивностью.

При образованіи въ Европѣ постоянныхъ войскъ, дисциплинѣ по преимуществу придается значеніе обязанности абсолютнаго повиновенія ³. Этотъ принципъ, стоявшій въ полномъ соотвѣтствіи съ другими началами военного быта, получилъ всеобщее признаніе, и только въ сравнительно недавнее время явилась возможность говорить о дисциплинѣ, какъ объ этическомъ основаніи военной службы.

Пользуясь всѣмъ этимъ матеріаломъ, вопросъ о существѣ воинской дисциплины можетъ быть, какъ кажется, разрѣшенъ и именно постольку, поскольку нуждается въ этомъ наука военнаго уголовного права.

Въ наше время, когда обязанность нести службу въ арміи признается священной, понятіе воинской дисциплины должно получить то же значеніе, какое имѣло оно въ эпоху Рима. Вслѣдствіе этого мы считаемъ необходимымъ присоединиться къ группѣ теорій самодѣятельной дисциплины, какъ *обязанности такою поведенія со стороны военнослужащаю, которое содѣйствуетъ арміи въ достиженіи ея задачъ*. Разумѣется, это опредѣленіе не имѣетъ точно установленныхъ признаковъ, эта обязанность не такъ опредѣлена, какъ всякая другая обязанность юридическаго характера, тѣмъ не менѣе въ каждомъ конкретномъ случаѣ является возможность совершенно основательно разрѣшить вопросъ, поскольку эта обязанность выполнена и соотвѣтствуетъ ли данное поведеніе интересамъ арміи.

Несравненно труднѣе установить отношеніе воинской дисциплины къ правопорядку. Признавать ее одною изъ сторонъ правопорядка, равно какъ и отождествлять оба эти понятія не представляется возможнымъ. Необходимость подчиненія правопорядку—положеніе очевидное, не требующее доказательствъ; созданіе нормы предполагаетъ обязанность ея исполненія; въ то же время обязанность соблюдать норму—обязанность пассивная,

¹ Dangelmaier.—Философія, стр. 29.

² Dangelmaier.—Исторія, стр. 10.

³ Durat-Lasalle,—Droit et législation, т. VI.

слѣпая, лишняя инициативы; говоря же о дисциплинѣ, мы имѣемъ въ виду нѣчто самодѣятельное, активное.

Въ виду этого мы рѣшаемся высказать, что *дисциплина*—одна изъ нормъ воинскаго правопорядка. Эта норма гласитъ: «содѣйствуй арміи въ достиженіи ея задачъ». Военнослужащій, исполняя эту норму, вынуждается къ активному дѣйствію; подчиняясь пассивно нормѣ, онъ становится самодѣятельнымъ ¹.

Дисциплина, какъ норма правопорядка, обращаетъ свое вѣлѣніе только къ военнослужащему; солдатъ вынуждается *содѣйствовать* арміи, въ то время какъ всякій другой обязывается только *не препятствовать* ей.

А если это такъ, то говорить о воинскомъ наказаніи, какъ о средствѣ охраны и правопорядка и дисциплины представляется излишнимъ. Если это и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи ², то исключительно въ виду того, что сама норма—дисциплина—имѣетъ необыкновенно важное значеніе для арміи и несоблюденіе ея можетъ повлечь за собою разложеніе арміи—этого серьезнаго организма въ структурѣ современнаго государства.

Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что, охраняя воинскій правопорядокъ путемъ наказанія, государство въ то же время охраняетъ тѣмъ же самымъ и норму правопорядка—воинскую дисциплину.

§ 5. Воинское преступное дѣяніе.

Прежде чѣмъ обратиться къ опредѣленію понятія воинскаго наказанія, необходимо остановиться на выясненіи тѣхъ явленій, которыя вызываютъ существованіе и примѣненіе наказанія, т. е. къ воинскому преступленію.

Мысль изслѣдователей и законодателей постоянно вращалась въ заколдованномъ кругѣ, образуемомъ понятіями воинскаго и общаго преступнаго дѣянія, и всѣ попытки въ этомъ отношеніи, оставившія свой слѣдъ въ исторіи военно-уголовнаго права, ока-

¹ Это положеніе можетъ быть иллюстрировано словами нашей присяги:—«общаюсь... права и преимущества, узаконенныя и впередъ узаконяемыя... исполнять... и во *всѣхъ стараться способствовать*, что къ Е. И. В. вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ».

² Такъ, напр., Dangelmaier; см. выше, стр. 39.

зались мало удовлетворяющими не только теоретическимъ, но и практическимъ требованіямъ, и въ наше время еще ведется споръ по вопросу о размежеваніи воинскихъ и общихъ правонарушеній.

Какъ наиболѣе удачную попытку, слѣдуетъ признать опредѣленіе римскаго военно-уголовнаго права ¹, которое указывало ², что «*militum delicta sive admissa aut propria sunt aut cum coeteris communia*», и далѣе, что «*proprium militaris est delictum quod quis ut miles admittit*» ³. Изъ этого видно, что понятіе воинскаго преступнаго дѣянія исчерпывалось нарушеніемъ спеціальныхъ обязанностей военной службы, что и составляло воинское нарушеніе въ его чистомъ видѣ. Впрочемъ, римское право давало и еще одинъ изъ практическихъ признаковъ, отрицательнаго свойства, существенно отличающій воинское преступленіе отъ сродныхъ ему явленій; оно говорило: «*omne delictum est militis quod aliter quam disciplina communis exigit committitur*» ⁴.

Въ этомъ указаніи наиболѣе важнымъ является противоположеніе дисциплины общей и воинской и покоящееся на этомъ противоположеніи самостоятельное существованіе особыхъ нормъ, установленныхъ въ интересахъ арміи. Этими данными исчерпываются постановленія римскаго законодательства.

Уголовное право послѣдующей эпохи, вплоть до великой французской революціи, не сумѣло выдѣлить особыхъ воинскихъ преступленій и даже созданіе постоянныхъ армій не оказало въ этомъ отношеніи большого вліянія. Первые военно-уголовные кодексы ⁵ представляютъ собою жалкіе опыты кодификаціонной работы; искать въ нихъ общихъ дисциплинъ не приходится, такъ какъ будучи, по существу, сводами безформенныхъ, случайныхъ замѣчаній относительно преступленій, составъ которыхъ очерченъ слабыми конкретными признаками, безъ всякой системы, они даютъ плохой матеріалъ для изслѣдователя; къ тому же въ рассматриваемую эпоху и самъ законодатель не отличаетъ еще солдата отъ гражданина: онъ еще не намѣтилъ, съ

¹ См. *Mommsen*,—*Römisches Strafrecht*, стр. 27—30; *Ory*,—*Condition juridique*, стр. 147—149. *Sortais*,—*Des délits militaires*, стр. 23—36.

² См. *Lex* 2, *Dig.* 49, 16.

³ *Lex* 2, *Dig.* 49, 16. *Bosch*. *Droit pénal et discipline militaire*.

⁴ *Lex* 6 *ibid.*

⁵ См. *Schaman*, François I, à St.-Germain en Laye. le 24 juillet 1534, стр. 23—26.

одной стороны, тѣхъ предѣловъ, гдѣ кончается общее и начинается воинское преступленіе, съ другой—ему еще самому неизвѣстно, какія дѣянія, вредныя для правопорядка, можетъ породить армія. Вслѣдствіе этого, законы армій въ теченіе XVI—XVII ст. съ равнымъ правомъ упоминають о богохульствѣ и непочитаніи Божьей Матери, наряду съ мародерствомъ, уклоненіемъ отъ службы, неправильными реквизиціями и т. п. ¹.

Болѣе вѣрнымъ, съ теоретической точки зрѣнія, представляется опредѣленіе воинскихъ и общихъ преступленій въ эпоху первой французской революціи ². Спѣшныя законодательныя работы не мѣшали составителямъ входить въ теоретическія разсужденія по поводу существа воинскихъ нарушеній: національное собраніе ведетъ по этому вопросу оживленныя пренія, результатомъ чего является декретъ 29 октября 1790 ³ года, который опредѣляетъ воинское преступленіе съ формальной стороны, какъ дѣяніе, нарушающее военно уголовный законъ ⁴; кодексъ 1791 г. ⁵ опредѣляетъ преступленіе уже по существу, какъ нарушеніе долга военной службы ⁶, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ для признанія даннаго дѣянія воинскимъ наличности военно-уголовнаго закона, воспрещающаго данное дѣяніе, и совершеніе его лицомъ, принадлежащимъ къ арміи ⁷.

Въ теченіе XIX столѣтія надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о существѣ воинскаго и общаго преступленій трудились и изслѣдователи и само законодательство: первые устанавливають, что подъ преступленіемъ воинскимъ слѣдуетъ разумѣть нарушеніе специальныхъ обязанностей, налагаемыхъ военною службою, второе рѣзко очерчиваетъ въ особыхъ военно-уголовныхъ кодексахъ сферу дѣяній, признаваемыхъ нарушеніемъ воинскихъ обязанностей.

Изъ ученыхъ наиболѣе вѣрную мысль въ этомъ отно-

¹ Ордоннансы во Франціи. Воинскіе Артикулы Густава Адольфа и мн. др.; наше Уложеніе 1649 года. Артикулъ Воинскій Петра В. и др.

² См. *Durat-Lasalle*, *Droit et législation*, t. IX.

³ *Durat-Lasalle*, *ibid.*, стр. 1.

⁴ Art. 4: «les délits militaires sont ceux commis en contravention à la loi militaire. par laquelle ils sont définis»...

⁵ *Durat-Lasalle*, стр. 3.

⁶ Art. 1: «violation définie par la loi du devoir militaire».

⁷ Art. 2 и 4.

шеніи высказываетъ *Даніельмайеръ*¹. Онъ считаетъ, что главнымъ отличіемъ воинскаго преступленія является его характеръ: въ то время, какъ общеуголовное право знаетъ между прочимъ нарушенія, преслѣдованіе которыхъ совершается по жалобѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ,—воинское преступленіе есть такое нарушеніе, объектомъ котораго всегда служитъ публичное право, право государства, почему и преслѣдованіе его должно имѣть мѣсто всякій разъ *ex officio*, при чемъ потерпѣвшій (напр. начальникъ, противъ котораго совершено нарушеніе чинопочитанія) не можетъ принимать участія и имѣть инициативу въ преслѣдованіи и наказаніи виновнаго.

Представители германской литературы² и германское военное уголовное законодательство, не удовлетворяясь дѣленіемъ преступленій на два вида—воинскія и общія,—раздѣляютъ первыя на подвиды; они знаютъ: *воинскія* преступленія въ ихъ чистомъ видѣ, какъ спеціальныя нарушенія, вытекающія изъ требованій воинскаго правопорядка, и *воинскія квалифицированныя* преступленія³; послѣднія, по существу, представляются дѣянiями общими, но осложненными положеніемъ субъекта преступленія; сюда относится: военная измѣна, ограбленіе раненыхъ или убитыхъ и т. п.; первыя могутъ быть совершены только военнослужащими, вторыя—и гражданами.

По мнѣнію проф. *Нетьлова*⁴, воинское преступленіе представляетъ собою дѣяніе, составляющее сознательное нарушеніе установившихся въ военномъ быту нормъ, т. е. нарушеніе военного порядка; по ученію проф. *Кузьмина-Караваева*⁵, воинское преступленіе является нарушеніемъ обязанностей военной службы и воинской дисциплины; признаковъ спеціальныхъ обязанностей выдвигаетъ также и проф. *Мушниковъ*⁶.

Въ послѣднее время вопросъ о раздѣленіи воинскихъ и общихъ преступленій занималъ видное мѣсто въ Бельгіи, при составленіи новаго процессуальнаго кодекса, но на этотъ разъ

¹ *Dangelmaier*,—Philosophie, стр. 83; также и проф. *Нетьловъ*,—Курсъ, стр. 27.

² Hecker. Marck.

³ Эти послѣднія вѣрнѣе назвать *общими* квалифицированными.

⁴ Цит. соч., стр. 26.

⁵ Военно-уголовное право. стр. 243.

⁶ Конспектъ. стр. 33.

ничего новаго сказано не было и практически такое раздѣленіе было признано представляющимъ значительныя трудности ¹.

Воинское преступленіе есть не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ уголовной неправды. Вопросъ о томъ, существуетъ ли принципиальное отличіе неправды обще-уголовной отъ неправды военно-уголовной, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Это отсутствіе принципиальныхъ границъ ведетъ къ тому, что теоретическое различеніе общихъ и воинскихъ преступленій не приводитъ къ дѣйствительнымъ результатамъ; мало того, даже отысканіе какого-либо критерія для отличія обоихъ видовъ преступленій представляетъ значительныя трудности.

Съ точки зрѣнія процессуальной можно установить объективный или субъективный критерій; при такихъ условіяхъ воинское преступленіе, рассматривая его *ratione materiae*, будетъ нарушеніемъ специальныхъ обязанностей службы; наоборотъ, критерій *ratione personae* повлечетъ за собою передачу въ область воинскаго преступленія всякаго правонарушенія, совершеннаго военнослужащимъ; возможно, наконецъ, соединеніе указанныхъ критеріевъ вмѣстѣ, и тогда воинское преступленіе станетъ нарушеніемъ воинскихъ обязанностей или обязанностей службы, совершеннымъ военнослужащимъ ².

Не можетъ быть сомнѣнія, что подобное различеніе съ матеріально-уголовной точки зрѣнія не удовлетворительно, такъ какъ субъектомъ воинскаго преступленія не всегда является только военнослужащій и объектомъ преступленія—только его служебныя обязанности. Вслѣдствіе этого мы рѣшаемся утверждать, что принципиальныхъ матеріальныхъ границъ между общими и воинскими преступленіями не существуетъ.

Однако, это положеніе не исключаетъ возможности указать то основаніе, которое служить для законодателя критеріемъ для различенія преступленій: таковымъ, по общему правилу, является военно-служебная обязанность, въ ея чистомъ видѣ, нарушаемая военнослужащимъ же; но этимъ все и ограничивается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда данное дѣяніе, способное причинить вредъ арміи, вообще заносится въ военно-уголовный кодексъ, то въ качествѣ руководящихъ началъ законодатель пользуется уже другими основаніями.

¹ Legavre, стр. 1—16.

² *Sortais*, Des délits militaires, стр. 17—18.

Сравнивая по существу воинское и общее преступленіе, можно установить нѣкоторыя внѣшнія отличія того и другого.

1. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *публичный характеръ* воинскаго преступленія, на который ссылаются всѣ изслѣдователи военно-уголовнаго права. Въ этой области—нѣтъ мѣста частнымъ правамъ, и все совершаемое нарушаетъ право публичное, право государства; отсюда же вытекаетъ, что и потерпѣвшимъ отъ воинскаго преступленія можетъ быть только государство.

2. Если въ общемъ правѣ сравнительно ничтожнымъ значеніемъ пользуются нарушенія, влекущія за собою только опасность вреда, то въ военномъ они занимаютъ первенствующее положеніе. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ дѣйствій, извѣстныя въ общемъ правѣ подъ именемъ полицейскихъ нарушеній, получаютъ въ правѣ военномъ названіе преступленій и влекутъ тяжелую отвѣтственность, именно въ силу возможной опасности вреда ¹.

3. Очень многія изъ воинскихъ преступленій, не угрожая ни дѣйствительнымъ, ни возможнымъ вредомъ, запрещаются въ силу тѣхъ или другихъ основаній; въ этомъ случаѣ они являются т. н. *формальными* преступленіями, которыя и облагаются наказаніями, независимо отъ степени умышленности дѣянія и другихъ условій его совершенія ².

4. Воинскія преступленія, въ значительной своей части, не предполагаютъ у виновника наличности гнусныхъ или корыстныхъ побужденій; законодатель, устанавливая составъ даннаго дѣянія и наказаніе за совершеніе его, или отвергаетъ оцѣнку мотивовъ дѣятельности виновника, или не придаетъ имъ того значенія, какъ это онъ дѣлаетъ для преступленій общихъ.

5. Громадное большинство воинскихъ нарушеній не имѣетъ точно установленной диспозиціи; къ этимъ нарушеніямъ относится вся область дисциплинарныхъ проступковъ.

Таковы внѣшнія черты воинскаго преступнаго дѣянія въ его отвлеченіи. Само собою разумѣется, что онѣ не могутъ служить ни критеріемъ для отличія ихъ, ни принципиальнымъ основаніемъ для разграниченія области воинскихъ и общихъ нарушеній; онѣ

¹ См. напр. шведскій военно-уголовный кодексъ, гдѣ за неосторожное обращеніе съ огнемъ назначается даже каторга до 2 лѣтъ (§ 109—110); пониженная отвѣтственность имѣетъ мѣсто: 1) при маловажности проступка и 2) отсутствіи вреда.

² Кузьминъ-Караваевъ, —Характеристика, стр. 86.

только отчасти характеризуютъ первыя и заставляють отказаться отъ принципиальнаго раздѣленія общеуголовной и военно-уголовной неправды.

Однако, возможенъ критерій формальный, который, удовлетворяя теоретическому разграниченію, практически является незамѣнимымъ: это—*принадлежность нормы общему или воинскому правопорядку*. Отсюда—*нарушеніе воинскаго правопорядка путемъ нарушенія ея нормы* создаетъ *воинское преступленіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, субъектами воинскаго преступнаго дѣянія являются не только лица, которыя несутъ въ арміи чисто-строевыя, военныя обязанности, но и всякій, кто такъ или иначе, въ силу призыва или призванія, добровольно или по принужденію, обязанъ подчиненіемъ воинскому правопорядку. Изъ этого явствуетъ, что кругъ субъектовъ воинскаго преступленія не исчерпывается военнослужащими ¹, т. е. лицами, состоящими на дѣйствительной военной службѣ и несущими военныя обязанности. Сюда же подойдутъ военные чиновники, запасные, ратники, военноплѣнные и даже гражданскія лица,—словомъ всѣ, обязанные въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ подчиняться требованіямъ воинскаго правопорядка. И въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія, такъ какъ армія, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ правѣ требовать и не отъ военнослужащаго поведенія, согласнаго съ интересами ея существованія.

Объектомъ воинскаго преступленія является норма воинскаго правопорядка. Говорить о благѣ, нарушаемомъ дѣяніемъ, можно только въ томъ смыслѣ, что каждая норма, подъ охраною права, есть уже благо. При нарушеніяхъ формальныхъ, при покушеніи—нѣтъ мѣста нарушенію какого-либо «конкретнаго интереса» или блага, а есть только нарушеніе нормы. Точно также можетъ не быть и нарушенія спеціальныхъ обязанностей, или обязанностей службы: военноплѣнный, освобожденный на честное слово и поступившій вновь въ ряды своей арміи,—по отношенію *къ своему*

¹ При ограничительномъ толкованіи правопорядка, проф. Неѣловъ признаетъ субъектомъ воинскаго преступленія «только солдата, такъ какъ военный порядокъ обязателенъ только для солдата»; всякій другой, совершая дѣянія, вредныя въ интересахъ службы, не совершаетъ воинскаго преступленія, такъ какъ онъ не затрагиваетъ началъ дисциплины и воинскаго повиновенія» (см. Курсъ, стр. 29).

юсударству—содѣйствуетъ его интересамъ и только исполняетъ обязанность службы; по отношенію къ *чужоу для нею юсударству*—онъ нарушаетъ норму правопорядка и совершаетъ воинское преступленіе. Такимъ образомъ, если и можетъ идти рѣчь объ обязанностяхъ, какъ объ объектѣ воинскаго преступленія, то исключительно лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ воинскаго правопорядка¹; а такъ какъ не всякое нарушение нормъ правопорядка наказуемо, то для криминалиста важны только тѣ нормы, которыя обложены наказаніемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что подъ *воинскими преступными дѣяніемъ* надо разумѣть такое *дѣяніе, которое является посятельствомъ на воинскій правопорядокъ въ его внѣшнемъ выраженіи—нормѣ военно-уголовнаго кодекса*².

Говоря о воинскомъ преступномъ дѣяніи, мы вынуждены коснуться вопроса о классификаціи дѣяній этого рода на виды по ихъ тяжести. Въ этомъ отношеніи дѣленіе преступныхъ дѣяній на три группы—преступленія, проступки и нарушенія—не только не имѣетъ принципіальнаго значенія, но даже и практически оказывается излишнимъ³.

Наоборотъ, дѣленіе преступныхъ дѣяній на двѣ группы—преступленія и нарушенія—представляется существенно важнымъ, а въ вопросѣ о воинскомъ наказаніи—безусловно необходимымъ. Признакомъ подобной классификаціи служить тяжесть наказа-

¹ Пр. Неѣловъ говоритъ: „воинское преступленіе есть нарушеніе обязанностей, которыя создаетъ военный порядокъ; слѣдовательно, объектомъ воинскаго преступленія является право войска, государства, обязанность, которая лежитъ на солдатѣ по отношенію къ государству“.

² Ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ кодексовъ нѣтъ ограниченій, въ отношеніи субъекта или объекта воинскаго преступленія, только военнотружашимъ и только нарушеніемъ ихъ служебныхъ обязанностей. *Шведскій* уставъ даже заявляетъ, что къ военнотружашимъ принадлежатъ, въ отношеніи дѣйствія матеріальнаго военно-уголовнаго кодекса, кромѣ воинскихъ чиновъ (дѣйствительной или временной службы), всякій, на кого будетъ распространено дѣйствіе военныхъ законовъ (мы сказали бы воинскаго правопорядка) въ силу особыхъ распоряженій (§ 2, п. е).

³ Французскій *code de justice* различаетъ: *crime* и *délit* (art. 185 и 186), регламентъ о внутренней службѣ присоединяетъ еще сюда «*fautes contre la discipline*» (art. 301), которыя обнимаютъ собою и полицейскія нарушенія (*contraventions*).

ній¹. Въ военно-уголовномъ правѣ одни дѣянія получаютъ названіе воинскихъ преступленій, другія—дисциплинарныхъ нарушеній. Между тѣми и другими принципиальныхъ границъ не существуетъ.

Воинское преступленіе есть такое дѣяніе, которое очерчено въ военно-уголовномъ законѣ положительными признаками, дающими составъ дѣянія; при отсутствіи этого признака данное нарушеніе теряетъ характеръ преступленія.

Область дисциплинарныхъ нарушеній не имѣетъ такой опредѣленности: 1) они, по существу, выражаютъ собою такое дѣйствіе или опущеніе, которое въ данный моментъ признается несоотвѣтствующимъ интересамъ арміи, 2) при чемъ въ военно-уголовномъ кодексѣ не имѣется относящагося къ дѣянію запрещенія². При наличности этихъ двухъ признаковъ можно говорить о дисциплинарномъ нарушеніи.

Отсюда слѣдуетъ, что военно-дисциплинарный законъ есть Blankettgesetz³. Нельзя говорить объ отсутствіи диспозиціи въ этомъ случаѣ, такъ какъ опредѣлительною нормою при дисциплинарныхъ нарушеніяхъ является норма воинскаго правопорядка. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судья-начальникъ, оцѣнивая данное дѣяніе, ставитъ на бланковой части закона подходящую норму⁴. Разумѣется, отдѣльныя законодательства могутъ или вовсе не опредѣлять диспозитивной части, или опредѣлять ее въ самыхъ общихъ чертахъ⁵, или давать примѣрный перечень на-

¹ Таковы, напр., *германскій* военно-уголовный кодексъ, который называетъ преступленіями (Verbrechen)—дѣянія, наказуемыя смертною казнью, цухтраузомъ, тюрьмою или крѣпостью свыше пяти лѣтъ; проступками (Vergehen)—дѣянія, влекушія лишеніе свободы до пяти лѣтъ (см. § 14 в. у. о. н.); *шведскій* уставъ различаетъ: преступленія болѣе тяжкія и менѣе тяжкія (упущенія или проступки); послѣднія наказываются на основаніи королевскаго повелѣнія (см. § 9 и дисциплинарный уставъ 1881 года). Дѣленіе нашего устава на преступленія и проступки не имѣетъ значенія.

² Или имѣющееся запрещеніе ссылается на дисциплинарное взысканіе (ссылочная санкція).

³ Биндингъ, — Normen, см. пр. *Вульфбертъ*, — Лекціи, стр. 42.

⁴ Именно дисциплину, какъ обязанность особаго поведенія.

⁵ Такъ, напр. *нашъ дисциплинарный уставъ* говоритъ о маловажныхъ проступкахъ по службѣ и по нарушенію общественнаго порядка и благочинія, не влекущихъ преданію суду (§ 9); *германскій уставъ* упоминаетъ дѣянія противъ воинскаго благочинія и порядка и тѣхъ служебныхъ правилъ, которыя не наказуемы по воинскому уставу о наказаніяхъ, а также и нѣкоторые проступки по воинскому уставу въ менѣе важныхъ случаяхъ (§ 1 Discipl.-Strafordn.).

рушеній ¹, или, наконецъ, по примѣру военно-уголовнаго закона, устанавливать совокупность признаковъ каждого отдѣльнаго нарушения ². Однако, послѣдній способъ—самый ненадежный: онъ—не полонъ и стѣсняетъ судью ³.

Бланкетныя диспозиціи въ наше время получаютъ все большее распространеніе въ области маловажныхъ нарушенийъ общаго правопорядка ⁴; въ арміи онѣ должны пользоваться не меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ содѣйствуютъ быстротѣ отправленія уголовного правосудія и охранѣ воинскаго правопорядка, само собою разумѣется—не выходя изъ области самыхъ незначительныхъ его нарушенийъ.

Такимъ образомъ, воинское преступленіе и дисциплинарное нарушеніе отличаются только количественнымъ своимъ признакомъ и принципиальныхъ границъ не имѣютъ, такъ какъ оба являются наказуемымъ посягательствомъ на воинскій правопорядокъ ⁵.

§ 6. Воинское наказаніе.

Выше мы указывали, что воинское наказаніе является средствомъ охраны воинскаго правопорядка. Поэтому и воинскимъ наказаніемъ, въ самомъ широкомъ его значеніи, слѣдуетъ при-

¹ Сюда относится французскій règlement 1892 г., который въ art. 301 предусматриваетъ отдѣльно дисциплинарныя нарушенія начальниковъ и подчиненныхъ, опредѣляя эти нарушенія также въ общихъ чертахъ: напр. „tout acte de faiblesse“, „l'ivresse dans tous les cas“, „le manque aux appels“, „les contraventions aux ordres et aux règles de police“ и т. д.

² Таковъ болгарскій уставъ 1901 года, который, тѣмъ не менѣе, не отказывается совершенно и отъ другихъ возможныхъ нарушеній.

³ Въ виду этого, дѣйствующія законодательства придерживаются смѣшанныхъ указаній: давая примѣрный перечень, вмѣстѣ съ тѣмъ вводятъ и другія, болѣе общія, широкія опредѣленія.

⁴ *Сергѣевскій* (стр. 69) считаетъ эти диспозиціи представляющими болѣшія выгоды, нежели диспозиціи описательныя.

⁵ Проф. *Нельовъ* указываетъ, что „къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ относятся преступныя посягательства на условія военнаго быта, составляющія маловажныя нарушенія различныхъ требованій, установившихся во имя охраненія дисциплины, а равно и самаго поведенія военнослужащихъ“ (стр. 28).

знавать всякую мѣру, направленную государствомъ противъ нарушенія требованій, вытекающихъ изъ воинскаго правопорядка ¹.

Субъектомъ воинскаго наказанія является государственная власть ². Она осуществляетъ это право наказанія только въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя совершили нарушеніе воинскаго правопорядка; а такъ какъ таковыми нарушителями могутъ быть не только военнослужащіе, но и другія лица, то, слѣдовательно, воинское наказаніе направляется противъ всякихъ лицъ, независимо отъ ихъ служебныхъ отношеній къ арміи.

Главный контингентъ лицъ, совершающихъ нарушеніе воинскаго правопорядка, даетъ армія; другія лица, не принадлежащія къ арміи, даютъ сравнительно ничтожный процентъ. Въ виду этого, государство стремится создать въ отношеніи первыхъ такія карательныя мѣры, которыя способны были бы охранять воинскій правопорядокъ, будучи въ то же время принаровленными къ условіямъ военной обстановки и къ интересамъ арміи. Эти послѣднія мѣры, примѣняемыя *только* къ военнослужащимъ, по поводу нарушенія ими правопорядка воинскаго или общаго, получаютъ названіе воинскихъ наказаній въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Итакъ, съ теоретической точки зрѣнія, всякое наказаніе, противопоставляемое воинскому преступленію, есть наказаніе воинское. Однако, практически различаются общія и воинскія наказанія; первыя, по общему правилу, примѣняются къ гражданамъ, вторыя—къ военнослужащимъ. Но, тѣмъ не менѣе, вполне мыслимо примѣненіе къ военнослужащему общей карательной мѣры, равно какъ примѣненіе къ гражданину—воинской.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ государствъ не отказывается отъ расширенія области примѣненія обоихъ видовъ наказаній: къ военнослужащему за *воинское* преступленіе можетъ быть примѣнено *общее* наказаніе, и наоборотъ—за *общее* преступленіе—наказаніе *воинское*; точно также и къ гражданину за нарушеніе воинскаго правопорядка—наказаніе общее и за нарушеніе общее—наказаніе воинское.

Что касается военнослужащихъ, то примѣненіе къ нимъ

¹ «Наказаніе воинское. въ обширномъ смыслѣ слова. есть мѣра, противопоставляемая посягательству на нормы военнаго права», см. Наказаніе воинское, статья К.-К. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, 39 полutom.

² См. выше, стр. 35.

общихъ наказаній за воинское нарушеніе является вполне цѣлесообразнымъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (какъ напр. при удаленіи виновнаго изъ арміи ¹). Точно также и назначеніе воинскаго наказанія за общее преступленіе теоретически—безусловно вѣрно, практически — цѣлесообразно, такъ какъ, нарушая норму общаго правопорядка, военнотружашій нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность поведенія, стоящаго въ согласіи съ интересами арміи, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что нарушеніе правопорядка общаго не противорѣчитъ интересамъ арміи, это положеніе будетъ считаться вѣрнымъ. Наконецъ, при назначеніи воинскаго наказанія, военнотружашій, нарушившій общій правопорядокъ, остается въ рядахъ арміи и содѣйствуетъ принципу экономичности карательной мѣры.

Въ отношеніи гражданъ примѣнять всегда и безусловно мѣры военно-карательныя едва ли выгодно и цѣлесообразно для государства; поэтому назначая гражданину за воинское преступленіе общее наказаніе, государство дѣйствуетъ въ интересахъ экономіи и цѣлесообразности, на основаніи особаго правилъ о замѣнѣ наказаній, путемъ превращенія наказанія воинскаго въ общее ². Примѣненіе къ гражданамъ за общее нарушеніе воинскаго наказанія можетъ имѣть мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ—при объявленіи осаднаго положенія, въ военное время и т. д. ³.

¹ Въ большинствѣ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ кодексовъ примѣненіе общаго наказанія къ военнотружащему всегда сопровождается исключеніемъ его изъ арміи; таковы, напр., всѣ уголовныя наказанія и высшія изъ исправительныхъ по нашему воинскому уставу.

² Датскій кодексъ (§ 43) разрѣшаетъ примѣнять къ невоеннотружащимъ (§ 4) за воинскія преступленія наказанія общія только въ томъ случаѣ, если установленныя военнымъ кодексомъ наказанія не могутъ считаться примѣнимыми въ данныхъ условіяхъ. Отмѣтимъ также, что во всѣхъ военныхъ кодексахъ установлены правила замѣны воинскихъ наказаній—общими.

³ См. ст. 90 и 91 нашего в. устава о наказаніяхъ. Германскій уставъ (§ 155) опредѣляетъ, что во время начавшейся съ германской имперіей войны его карательнымъ постановленіямъ и въ особенности законамъ для военнаго времени подлежатъ всѣ лица, которыя находятся при воюющихъ войскахъ *въ какихъ бы то ни было служебныхъ или договорныхъ отношеніяхъ*, состоятъ при нихъ или слѣдуютъ за ними. — Датскій кодексъ (§ 4) распространяетъ свое дѣйствіе на гражданскихъ лицъ въ военное время въ области, занятой или завоеванной арміей, или въ предѣлахъ морскихъ границъ: за шпіонство въ интересахъ непріятеля, подговоръ къ измѣнѣ, побѣгу, возстанію или неповиновенію и т. п., или вообще за нанесеніе вреда арміи.

Итакъ, все вышеизложенное заставляеть еще разъ придти къ убѣжденію, что принципіальныхъ границъ между воинскимъ и общимъ наказаніями не существуетъ, и все отличие сводится лишь къ особымъ условіямъ организаціи карательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ военнослужащимъ, и самой организаціи таковыхъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду исключительно воинское наказаніе въ тѣсномъ значеніи, т. е. какъ принужденіе, направленное противъ военнослужащаго по поводу нарушенія имъ требованій, вытекающихъ изъ воинскаго или общаго правопорядка.

§ 7. Дисциплинарныя взысканія.

Среди карательныхъ мѣръ особое вниманіе обращаютъ на себя дисциплинарныя взысканія. На юридическую природу этихъ взысканій существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ воззрѣній. Эти послѣднія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, изъ которыхъ одна отличается по существу уголовную отвѣтственность отъ дисциплинарной, а другая—не находитъ никакой принципіальной между ними разницы.

Къ первой группѣ принадлежитъ *Гельшнеръ*¹, который признаеть дисциплинарнымъ проступкомъ всякое нарушеніе отношеній между служащимъ и государствомъ, если только проступокъ не является злоупотребленіемъ власти, а всецѣло относится къ должностному поведенію лица. *Гарро*² считаеть, что дисциплинарныя взысканія, въ отличіе отъ уголовныхъ наказаній, имѣютъ задачей обезпечить исполненіе профессиональныхъ обязанностей. По мнѣнію *Оппенгейма*³, дисциплинарныя взысканія примѣняются за такія дѣянія, которыя представляютъ собою нарушеніе служебнаго долга, въ отличіе отъ посягательства на юридическія блага, пользующіяся уголовной охраной. *Геффтеръ*⁴ утверждаетъ, что наказаніе является принужденіемъ, осуществляемымъ судьей по поводу совершившагося преступленія, въ интересахъ общественнаго успокоенія; а дисциплинарныя взысканія представляютъ со-

¹ Das gemeine deutsche Strafrecht, т. II, 1014—1028; *Binding*,—Handbuch, т. I, 169.

² Traité du droit pénal français, т. I, 124—125.

³ Die Rechtsbeugungsverbrechen, 16—18.

⁴ Verbrechen der Staatsdiener (Neues Archiv der Criminalrechts), т. XIII.

бою воспитательныя, исправительныя мѣры, примѣняемыя въ цѣляхъ охраненія требованій службы, за неправильности, совершенныя ненамѣренно; въ этомъ, по мнѣнію Геффера, коренится различіе наказаній и взысканій. *Еллинекъ*¹ утверждаетъ различіе тѣхъ и другихъ мѣръ на принципахъ господства (Herrschaft) и силы (Gewalt), при чемъ послѣдняя принадлежитъ корпораціямъ и является основою дисциплинарной власти. По мнѣнію проф. *Коркунова*², различныя виды послѣдствій неправды—уголовной, гражданской и дисциплинарной—отличаются одинъ отъ другого не формою ихъ, а цѣлью, при чемъ дисциплинарныя взысканія имѣютъ задачу—охрану закономѣрнаго порядка разнообразныхъ проявленій какой-либо общественной дѣятельности, а не личной или индивидуальной. Однако, существуютъ также и другія, болѣе суровыя мѣры понужденія, не ограничивающіяся лишь отношеніями нарушителя къ дѣятельности, порядокъ которой имъ нарушенъ, а распространяющіяся и на такія блага, которыя принадлежатъ нарушителю, независимо отъ его участія въ данной общественной дѣятельности. Эти взысканія приближаются къ уголовной отвѣтственности, и различіе дисциплинарной и уголовной отвѣтственности сохраняется только въ тяжести каръ; такое соотношеніе уголовной и дисциплинарной отвѣтственности существуетъ въ арміи³.

Другая группа ученыхъ—проф. *Таганцевъ*⁴, *фонъ-Резонъ*⁵, *Бернеръ*⁶, *Мейеръ*⁷ и др.⁸—не различаетъ по существу дисциплинарной отвѣтственности отъ уголовной, и все различіе между ними сводитъ или къ порядку осуществленія карательной власти (Мейеръ, Бернеръ), или къ субъекту дисциплинарной власти (Таганцевъ), ея «держателю» (Резонъ). Изъ военныхъ криминалистовъ сюда слѣдуетъ отнести проф. Неблова, Кузьмина-Караваева и Dangelmaier'a.

¹ System der subjectiven öffentlichen Rechte, 203—206.

² Русское государственное право, т. II, 553—578.

³ Ibid, стр. 572—578.

⁴ Лекціи, вып. III, стр. 1028; Жур. Гр. и Уг. Права, 1882 г., № 1, стр. 9. «Карательная дѣятельность государства и ея границы».

⁵ „О дисциплинарномъ правѣ“, Жур. Гр. и Уг. Права, 1889 г., № 7 и 8.

⁶ Учебникъ уголовного права, т. II, стр. 291.

⁷ Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, 453—454.

⁸ *Фойницкій*,—Курсъ судопроизводства, § 8; *Holtzendorf*,—Handbuch, Einleitung, § 2; *Köstlin*,—System § 26.

Какъ слѣдуетъ думать, — послѣднее мнѣніе представляется болѣе правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, запрещать то или другое дѣяніе подѣ страхомъ наказанія—воинскаго или общаго — уполномочено одно государство; это *jus puniendi* принадлежитъ ему всецѣло и нераздѣльно. Конечно, карательная власть государства можетъ быть отправляема тѣмъ или другимъ органомъ; и имѣя въ виду исключительныя задачи войска, приходится признать необходимымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, установить такіе карательные органы, которые, стоя лицомъ къ лицу съ нарушителемъ воинскаго правопорядка, непосредственно, вслѣдъ за обнаруженіемъ правонарушенія, могли бы осуществлять карательныя функции въ интересахъ самой арміи. Такими органами являются войсковые начальники. Государство отмежевываетъ имъ извѣстную долю своей карательной власти и отправленіе ея ставитъ подѣ свой непосредственный контроль. Такая же власть, но осуществляемая инымъ порядкомъ, принадлежитъ и военнымъ судамъ.

Однако, отсутствіе границъ между воинскимъ наказаніемъ и дисциплинарными мѣрами обнаруживается по существу тѣхъ и другихъ. Мѣры, примѣняемыя судами противъ нарушителей воинскаго правопорядка, принимаются и военными начальниками¹; по своему содержанію, тѣ и другія являются принужденіемъ, страданіемъ, которому подвергается военнотружашій по поводу нарушенія имъ требованій воинскаго правопорядка. Наконецъ, если примѣненіе уголовной кары къ преступнику представляетъ собою не только право, но и обязанность государства, то въ точно такихъ же отношеніяхъ находятся и начальники къ своимъ подчиненнымъ, и всякое послабленіе со стороны первыхъ составляетъ особое преступное дѣяніе².

Впрочемъ, какъ на одинъ изъ наиболѣе важныхъ доводовъ за существованіе принципиальныхъ границъ между дисциплинар-

¹ См. напр. *шведскій* кодексъ: §§ 56, 62, 64, 66, 67, 68, 69, 78, 80—87, 90, 91, 94, 95, 97—98, 100, 102—103, 109—112, 125, 129, 140—142, 144, 146; *швейцарскій* уставъ: 61, 62, 70, 74, 77, 78, 86, 87, 88, 89, 92, 96 с, 97, 113, 115, 123, 130, 131, 141, 143, 151, 162, 164, 165; *германскій* уставъ: §§ 64, 89 ч. 1, 90, 91, 92, 93, 114, 121, 137, 141, 146, 151.

² Напр. § 118 германскаго кодекса угрожаетъ наказаніемъ тому, кто умышленно превышаетъ свои карательныя полномочія, въ особенности кто сознательно опредѣляетъ незаслуженныя или неуставленныя наказанія. Нашъ дисциплинарный уставъ требуетъ отъ начальника не оставлять проступковъ или упущеній виновнаго безъ взысканія (§ 1).

ными и уголовными мѣрами, указываютъ обыкновенно на особый порядокъ назначенія первыхъ изъ нихъ—отсутствіе формъ и порядковъ судопроизводства. Но и это указаніе не имѣетъ за собой серьезныхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, въ области воинскихъ дисциплинарныхъ взысканій законодатель идетъ совершенно особымъ путемъ: онъ не только устанавливаетъ самыя мѣры и поводы ихъ примѣненія, но даже указываетъ цѣлый рядъ данныхъ процессуальнаго характера. Такимъ образомъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить законодательное разграниченіе органовъ дисциплинарной власти и ихъ дисциплинарно-карательной компетенціи ¹; затѣмъ слѣдуетъ указаніе на обязательность нѣкоторыхъ формъ судопроизводства: изслѣдованіе дѣянія, допросъ обвиняемаго, повѣрка доказательствъ, постановка рѣшенія ², приведеніе его въ исполненіе ³ и даже способы обжалованія ⁴. Изъ этого видно, что и осуществленіе дисциплинарной власти въ арміи совершается на основаніяхъ, близкихъ къ такъ называемому суммарному производству въ судахъ. Если же ко всему этому присоединить существованіе въ нѣкоторыхъ арміяхъ дисциплинарныхъ судовъ ⁵, которыя имѣютъ право налагать высшія изъ дис-

¹ Французскій регламентъ о внутренней службѣ даетъ очень подробныя правила разграниченія предметной и личной компетенціи начальниковъ; см. art. 302—316, 320 и др. Нашъ уставъ различаетъ степень власти каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ. См. также шведскій дисциплинарный уставъ, гдѣ преподаны весьма подробныя правила о дисциплинарно-карательной власти начальниковъ въ различныхъ случаяхъ (§ 6 и слѣд.). Германскій уставъ даетъ такія же опредѣленія во второй части втораго отдѣленія: „Zuständigkeit zur Verhängung von Disciplinar-Strafen“ (§§ 5—22).—Всѣ эти опредѣленія очень напоминаютъ собою разграниченіе судовъ по подсудности.

² См. art. 303 французскаго регламента, §§ 39—45 германскаго Disciplinar-Strafordnung'a. ст. 60—62 нашего дисциплинарнаго устава.

³ Особыя правила содержатся въ нашемъ уставѣ ст. 99—115; въ германскомъ (§§ 46—51); въ шведскомъ (§§ 29—32) заключаются указанія лишь на исполненіе дисциплинарныхъ взысканій лишеніемъ свободы, отмѣченныхъ въ всенно-уголовномъ кодексѣ; относительно другихъ дисциплинарныхъ мѣръ см. §§ 24—27 дисц. устава.

⁴ Отмѣтимъ, что въ Германіи имѣются два самостоятельныхъ кодекса «Beschwerde-Ordnung»: одинъ для офицеровъ—30 марта 1895 г., другой—для нижнихъ чиновъ—14 іюня 1894 г.

⁵ Какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, въ силу королевскаго опредѣленія 16 ноября 1887 года, или въ Италіи и во Франціи (см. Règlement sur le service intérieur, art. 325).

с дисциплинарныхъ взысканій, то и этотъ послѣдній доводъ долженъ потерять всякое основаніе.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ придти къ убѣжденію, что дисциплинарныя мѣры—тѣ же наказанія, отличающіяся отъ послѣднихъ только количественно и отнюдь не качественно ¹.

Такимъ образомъ, понятіе «воинское наказаніе» имѣетъ чисто теоретическое значеніе. Для существа этого понятія совершенно безразлично, каково содержаніе данной карательной мѣры, насколько она способна охранить воинскій правопорядокъ, поскольку ея организація соотвѣтствуетъ интересамъ арміи. И разъ наказаніе противопоставляется посягательству на *воинскій* правопорядокъ, является возможность говорить о наказаніи *воинскомъ*.

Однако, это еще не исключаетъ необходимости различать среди воинскихъ наказаній такія карательныя мѣры, которыя имѣютъ свою оригинальную структуру, вызываемую интересами вооруженной силы государства и служебнымъ положеніемъ виновнаго.

Соотвѣтственно такому разграниченію, военно-уголовное право можетъ говорить о *воинскомъ наказаніи въ обширномъ смыслѣ* *этою* *слова*, какъ вообще о наказаніи за воинское преступное дѣяніе, и *воинскомъ наказаніи въ ея узкомъ значеніи*, какъ о карательной мѣрѣ особой структуры.

¹ См. Кузьминъ-Караваевъ,—стр. 110.

ГЛАВА II.

§ 8. Объектъ наказанія.

Вопросъ объ объектѣ воинскаго наказанія имѣетъ серьезное теоретическое значеніе. Литература уголовного права въ наше время даетъ пеструю вереницу безконечно разнообразныхъ толкованій и теорій, которыя можно раздѣлить на слѣдующія группы: по мнѣнію однихъ, въ качествѣ объекта наказанія является самое преступное дѣяніе, какъ таковое; по мнѣнію другихъ, рѣчь можетъ идти исключительно лишь о виновникѣ преступленія. Последняя теорія распадается также на двѣ, изъ которыхъ одна понимаетъ подъ объектомъ человѣка, въ его прирожденныхъ преступныхъ проявленіяхъ—прирожденного преступника ¹, другая становится на точку зрѣнія психологическую и въ личныхъ условіяхъ преступности ² видитъ объектъ карательнаго права государства.

Теоріи, выставляющія объектомъ преступное дѣяніе, внѣ всякой зависимости отъ совершителя его, значительно погрѣшаютъ въ томъ именно отношеніи, что оставляютъ въ сторонѣ главнаго дѣятеля въ преступленіи. Трудно представить себѣ какое-либо преступное дѣяніе безъ виновника его, равно какъ не можетъ быть преступника безъ преступленія. Между дѣйствіемъ и совершителемъ его находится тѣсная связь, которую немислимо нарушить; въ самомъ дѣйствіи, законномъ или недозволенномъ,

¹ *Вульфбертъ*,—Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи.

² *Фойницкій*,—Ученіе, стр. 27—48; *Есиповъ*,—Очеркъ р. уг. пр., 309—318; *Киселевъ*,—Личность, какъ объектъ карат. правоотношенія, 1901.

отражается личность дѣятеля, со всѣми ея индивидуальными чертами и исключительными особенностями. Въ сущности, наказаніе, какъ принужденіе, не можетъ быть направляемо противъ того или другого дѣйствія; желаніе уничтожить преступленіе не можетъ «совершившееся сдѣлать несовершившимся»; поэтому бороться съ окончившимся преступленіемъ—значить желать невозможнаго; предупреждать возможность будущихъ правонарушений—значить дѣйствовать на потенціальныхъ, «латентныхъ» преступниковъ—людей. А отсюда ясно, что преступное дѣяніе, взятое само по себѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть объектомъ наказанія ¹.

Точно также нельзя отождествлять объектъ наказанія съ лицомъ, упуская изъ вида его преступное дѣйствіе; даже съ точки зрѣнія практическаго осуществленія наказанія, преступное дѣйствіе не теряетъ своего значенія, хотя наказаніе и исполняется надъ лицомъ. Попытка опредѣлить въ качествѣ объекта карательной дѣятельности только человѣка привела къ созданію типа «uomo delinquente», къ ученію антропологической школы—современной аномаліи въ структурѣ уголовного права. Если изслѣдователи въ этой области нашли тѣ или другіе признаки преступнаго человѣка, не подчиняющагося, въ силу своихъ фізіологическихъ процессовъ, характера, привычекъ и т. п., требованіямъ общегосударственнаго правопорядка, то какое можно дать объясненіе явленіямъ обнаруженія преступности спеціальнаго, воинскаго характера, порождаемой совершенно другими причинами, въ сферѣ особаго порядка—въ арміи, гдѣ всѣ правоотношенія построены на искусственныхъ началахъ, гдѣ о какихъ-либо «естественно-историческихъ подвидахъ» дезертировъ, нарушителей чинопочитанія, прирожденныхъ членовредителей и т. п. не можетъ быть и рѣчи, гдѣ, наконецъ, область правонарушений стоитъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда внѣшнихъ условій, ничего не имѣющихъ общаго съ преступностью: способовъ веденія войны, организаціи арміи и т. п.? ². При всемъ этомъ нельзя упускать изъ вниманія, что особая задачи войска придаютъ извѣстнымъ дѣйствіямъ, безразличнымъ или даже добродѣтельнымъ

¹ Таганцевъ,—Лекціи, стр. 1197—1205.

² Тѣмъ болѣе, что изслѣдованія Ломброзо имѣли въ виду исключительно убійць, воровъ, преступниковъ противъ нравственности и др. См. указ. соч. пр. Вульфферта, т. I, стр. 1—151.

съ точки зрѣнія общаго права, характеръ преступныхъ дѣяній, облагаемыхъ тяжкими уголовными карами. Такимъ образомъ, въ области военно-уголовнаго права ученіе антропологической школы объ объектѣ преступленія не можетъ имѣть примѣненія.

Наказаніе, какъ борьба съ личнымъ состояніемъ преступности,—теорія, выдвинутая проф. Фойницкимъ,—въ свою очередь даетъ поводъ цѣлому ряду недоумѣній и противорѣчій. Къ критикѣ этой теоріи, преподанной проф. Таганцевымъ ¹, прибавить нечего; по его справедливому замѣчанію, борьба подобнаго рода можетъ и должна повести къ борьбѣ съ преступною неблагонадежностью, къ борьбѣ съ трудно опредѣляемыми моментами психическаго бытія человѣка. Такимъ образомъ, и эта теорія также мало пригодна для опредѣленія объекта наказанія.

Намъ думается, что правильное разрѣшеніе поставленнаго вопроса, однако, возможно. Преступное дѣяніе, отдѣльно взятое, никоимъ образомъ не можетъ быть признаваемо объектомъ наказанія. Наказаніе — принужденіе и можетъ имѣть мѣсто лишь въ отношеніи лица, а не дѣянія. Разъ дѣяніе, признаки котораго отмѣчены уголовнымъ закономъ и, подъ страхомъ наказанія, запрещены, совершилось, а самъ совершитель сужденъ и признанъ виновнымъ,—должно послѣдовать наказаніе. Къ кому же примѣняется оно? Разумѣется, къ виновнику преступленія, къ преступнику, совершителю даннаго преступнаго дѣйствія.

Итакъ, слѣдовательно, объектомъ наказанія является лицо, которое отвѣчаетъ не только вслѣдствіе совершенія имъ преступленія, но и за самое преступленіе.

§ 9. Теоріи о содержаніи карательной дѣятельности.

Вопросъ о цѣляхъ наказанія составляетъ самую важную часть въ ученіи объ объектѣ наказанія. Этотъ вопросъ, равно какъ и вопросъ объ обоснованіи карательной власти, создалъ обширную литературу ²: чуть ли не каждый изслѣдователь понималъ наказаніе по своему, по своему же и оправдывалъ его, а затѣмъ и намѣчалъ самыя цѣли наказанія. Для насъ этотъ матеріалъ имѣ-

¹ Лекціи, стр., 1202—1205.

² По подсчету *Сергѣевскаго* (стр. 106): 22 полныхъ философскихъ системы и около 100 отдѣльныхъ теорій разныхъ криминалистовъ.

етъ значительную цѣнность: съ одной стороны,—возможнымъ является имѣть большее количество наблюдений, гарантирующее вѣрность выводовъ; съ другой—примѣняя эти готовые данныя къ незатронутому изслѣдователями явленію — наказанію воинскому, мы тѣмъ самымъ можемъ провѣрить ихъ наблюденія и основательность выставленныхъ ими положеній.

Множество указанныхъ теорій вызываетъ въ наукѣ уголовного права разногласіе даже въ области группировки ихъ на виды. Самымъ распространеннымъ подраздѣленіемъ ихъ является группировка на абсолютныя и относительныя теоріи. Однако, по совершенно вѣрному замѣчанію проф. Таганцева ¹, эти терміны не передаютъ своего содержанія; поэтому большинство современныхъ криминалистовъ держатся уже другихъ названій ².

Съ точки зрѣнія изслѣдуемаго нами вопроса, въ качествѣ критерія для раздѣленія теорій на группы, мы рѣшаемся выставить *отношеніе наказанія къ цѣли*; вслѣдствіе этого группировка значительно упрощается. Въ этомъ случаѣ мы получаемъ три группы теорій: одна изъ нихъ признаетъ наказаніе самоцѣльнымъ актомъ, возмездіемъ за совершившееся; поэтому и *наказаніе* само по себѣ есть уже *цѣль*. Другая группа рассматриваетъ *наказаніе* только какъ *средство* достиженія цѣлей, лежащихъ въ будущемъ. Наконецъ, третья группа пытается соединить принципы обѣихъ указанныхъ группъ, вслѣдствіе чего признаетъ наказаніе и *цѣлью* и *средствомъ*.

Какъ кажется, этотъ критерій съ большимъ удобствомъ можно примѣнить къ изслѣдуемому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, теоріи, утверждающія, что наказаніе существуетъ ради наказанія, тѣмъ самымъ безусловно отрицаютъ не только необходимость, но даже и возможность входить въ разсмотрѣніе результатовъ наказанія: оно не болѣе, какъ другая сторона преступленія, его источникъ—справедливость, его содержаніе—возмездіе, его цѣль—оно само.

¹ Лекціи, 1131, примѣч.

² Такъ, напр., проф. Таганцевъ дѣлитъ теоріи на 3 группы: возмездія, полезности и теоріи смѣшанныя и переходныя (стр. 1130—1131); проф. Вульфертъ: теоріи абсолютныя, относительныя или утилитарныя, смѣшанныя, правовыя въ тѣсномъ смыслѣ и теоріи множественности цѣлей; Биндинъ придаетъ абсолютнымъ и относительнымъ теоріямъ совершенно своеобразную характеристику (Grundriss, § 38); Heinze дѣлитъ на 4 группы: Interessen-, Rechts-, Nothwendigkeits- и Gemischtetheorien.

Наоборотъ, противная группа теорій считается исключительно съ результатами наказанія; для нихъ—цѣль наказанія не въ немъ самомъ, а впереди, въ будущемъ; онѣ не интересуются самымъ источникомъ наказанія, для нихъ важны эффекты, производимые наказаніемъ, а отсюда и наказаніе не цѣль, а средство для достиженія другихъ цѣлей, иногда весьма отдаленныхъ, но всегда полезныхъ, практическихъ, осязательныхъ.

Третья группа, не будучи самостоятельною, стремится восполнить односторонности предыдущихъ группъ; поэтому она, не отрѣшаясь отъ идеи, что наказаніе существуетъ ради самого себя, въ то же время требуетъ, чтобы оно достигало по возможности утилитарныхъ цѣлей въ будущемъ.

Такимъ образомъ, не отказываясь, въ сущности, отъ раздѣленія всѣхъ теорій на три группы (абсолютныхъ, относительныхъ и смѣшанныхъ), мы хотимъ лишь воспользоваться другими названіями, болѣе соотвѣтствующими ихъ содержанію; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы рассмотримъ теоріи, признающія: 1) *наказаніе, какъ цѣль*, 2) *наказаніе, какъ средство*, и 3) *наказаніе, какъ цѣль и средство* ¹.

§ 10. Наказаніе, какъ цѣль.

Теоріи, признающія наказаніе возмездіемъ за совершившееся, въ зависимости отъ формы возмездія, раздѣляются на три основныя группы: теоріи возмездія божескаго, нравственнаго и діалектическаго; представителями этихъ теорій являются Шталь, Кантъ и Гегель; къ этой группѣ теорій примыкаютъ также ученія Цахаріэ и Генке.

¹ Изложеніе теорій о цѣляхъ наказанія въ русской литературѣ см. у проф. *Вульфберта*,—Лекціи, стр. 295—311 и въ *Энци. Слов. Брокгауза* 39 полут. (см. Наказаніе), *сипова*,—Очеркъ, стр. 303—308; *Кистяковскаю*; *Сергѣевскаю*,—стр. 141—145; *Спасовича*,—Учебникъ, 15—67; *Таганцева*,—Лекціи, 1130—1197; *Фойницкаю*,—Ученіе, 52—66; *Чебышева-Дмитріева*,—О правѣ наказанія (1859 г.).—Наиболѣе полныя очерки теорій въ нѣмецкой литературѣ: *Нерр*,—*Darstellung und Beurtheilung der deutschen Staatrechtssysteme* (1843 г.), изъ новыхъ писателей *Loening*,—*Ueber die Begründung des Strafrechts* (1889).

1. *Теорія божескаго возмездія*¹ рисуетъ наиболѣе древнѣйшую форму отплаты за совершившееся зло, приближающуюся по своимъ свойствамъ къ языческому воздаянію—строгому, неуклонному, непрощающему. По ученію Шталя, нравственный міръ дѣлится на двѣ сферы: нравственность субъективную и объективную; первая—есть нравственность индивидуума, вторая—нравственность общества. Нравственность состоитъ въ исполненіи заповѣдей Бога. Съ цѣлью осуществленія добра, какъ воли Бога, въ сферѣ нравственности объективной, образуется государство, которое и устанавливаетъ законы. Отсюда «право, не имѣя само по себѣ никакого содержанія и самостоятельности, есть только самая внѣшняя оболочка нравственной идеи, звѣно, посредствующее между царствомъ Бога и царствомъ природы, суррогатъ нравственности субъективной»².

Если существуютъ законы нравственные и юридическіе, то и правосудіе гражданское должно отличаться отъ правосудія божескаго. Первое наказываетъ преступника за нарушеніе заповѣдей Бога, выраженныхъ въ законѣ; оно—подобіе правосудія божескаго и отправляется государствомъ—«намѣстникомъ Бога на землѣ». Божеское правосудіе проявляется въ упрекахъ совѣсти, въ загробныхъ наказаніяхъ и т. д. Какъ то, такъ и другое правосудіе стоятъ внѣ всякихъ утилитарныхъ соображеній; наказаніе есть искупленіе вины предъ Богомъ, а потому въ отношеніи мѣры оно измѣняется въ зависимости отъ характера нарушенія и должно соразмѣряться съ виною преступника.

Такимъ образомъ, эта теорія родилась на почвѣ обоснованія права государства наказывать, выводимаго изъ требованій справедливости, стоящей въ ненарушимомъ согласіи человѣческихъ дѣйствій и законовъ божественныхъ. Однако, теорія Шталя, непригодная для объясненія цѣлей наказанія общаго, еще менѣе состоятельна въ примѣненіи къ наказанію воинскому. Если справедливость, живущая въ государствѣ, является отблескомъ Божества, то естественно и военно-уголовныя законы—оболочка нравственной идеи. Разумѣется, «не убій»—воля Бога, и убійство—

¹ *Stahl*,—*Philosophie des Rechts*, I, § 54; II, § 183, (1856 г.); *его же*—*Rechts und Staatslehre auf der Grundlage christlicher Weltanschauung* (1845).

² *Спасовичъ*, стр. 25—28; *Кистяковский*, стр. 161; *Таганцевъ*,—1139; *Фойницкій*,—стр. 53.

нарушеніе закона Божескаго; но какія же тогда основанія имѣть государство для осуществленія своего правосудія, да еще «по мѣрѣ нравственной вины преступника», въ отношеніи лицъ, отъ казывающихся стрѣлять въ непріятеля? Если же вѣрить Шталю, что право установлено ради несовершенства природы человѣка и должно терпѣть многое изъ того, что противно нравственности субъективной, въ такомъ случаѣ и государство теряетъ божественное свое происхожденіе. Странно утверждать, что воинскій правопорядокъ родился на почвѣ божественной справедливости, а военно-уголовный кодексъ является откровеніемъ Бога, но еще болѣе странно требовать за нарушеніе ихъ *Божескаю* возмездія. И какъ все это мало вяжется съ ученіемъ Христа о всепрощеніи, основномъ божественномъ законѣ, отрицающемъ всякую возможность ветхозавѣтнаго отмщенія, отплаты и возмездія.

Наконецъ, неужели можно серьезно утверждать, что одиночное заключеніе, дисциплинарные батальоны или переводъ въ разрядъ штрафованныхъ дѣйствительно являются искупленіемъ вины преступника предъ Богомъ?

2. *Теорія нравственной возмездія.* Кантъ утверждалъ ¹, что наказаніе представляетъ собою одинъ изъ категорическихъ императивовъ разума, т. е. апіористическое требованіе, вытекающее изъ организациі нашего разума. Отсюда—наказаніе не должно быть признаваемо средствомъ достиженія добра преступнику или другимъ лицамъ, оно вытекаетъ изъ самаго преступленія съ полною неизбѣжностью, самъ преступникъ не есть и не долженъ быть жертвою полезностей. Наказаніе есть воздаяніе зломъ за зло; совершая преступленіе, виновникъ тѣмъ самымъ опредѣляетъ видъ и размѣръ наказанія: *per quod quis peccat, per idem punitur et idem*; равенство возмездія должно приближаться къ тождеству: убійцѣ—смерть, вору—рабство, обидчику—униженіе.

Таково въ общихъ чертахъ Кантовское возмездіе. Не разбирая эту теорію съ точки зрѣнія наказанія вообще, мы попытаемся указать лишь тѣ основанія, по которымъ она не можетъ быть примѣнена къ наказанію воинскому. Если справедливы утвержденія Канта, что высшій законъ практическаго разума есть

¹ *Kant*—Kritik der practischen Vernunft; *его же*, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre; изложеніе этой теоріи у *Спасовича*, 16—18, Binding'a, §§ 66—67, Таранцева, 1133—1136.

желаніе нравственнаго добра, что разумъ повелѣваетъ намъ желать только нравственно хорошаго, то въ такомъ случаѣ цѣлый рядъ воинскихъ преступныхъ дѣяній пришлось бы вычеркнуть изъ уголовного кодекса, такъ какъ они зачастую стоятъ въ полномъ согласіи съ желаніемъ нравственнаго добра и потому только и являются воинскими преступленіями. Наконецъ, едва ли возможно во всѣхъ случаяхъ выдержать требованіе тождества между преступленіемъ и наказаніемъ; въ самомъ дѣлѣ, можно ли установить форму и размѣръ возмездія за такія, напр., преступленія, какъ упускъ арестантовъ, отказъ произвести реквизицію и другія формы преступнаго бездѣйствія? Разумѣется—нѣтъ, равно какъ нельзя примирить интересы арміи съ воздаяніемъ, напр., въ формѣ униженія обидчика, если послѣднимъ является начальникъ? ¹

3. *Теорія діалектическаго возмездія* ² признаетъ наказаніе, какъ необходимый логическій результатъ процесса развитія идеи. Право выражаетъ собою волю абсолюта; эта послѣдняя проявляетъ себя въ особыхъ требованіяхъ, которыя должны быть выполняемы каждою индивидуальною волею; преступленіе есть полное отрицаніе общей воли; но, отрицая волю абсолюта, частная воля отрицаетъ и себя и свой высшій прототипъ; однако, это отрицаніе ничтожно; для изобличенія этого ничтожества и су-

¹ Однимъ изъ послѣдователей Канта—Цахаріэ—эта теорія была принята въ такомъ видѣ: наказаніе есть возмездіе, преступленіе—вторженіе одного лица въ сферу свободы другого; поэтому къ преступленію, по началамъ возмездія, должно быть примѣнено также лишеніе свободы, продолжительность котораго опредѣляется количествомъ вреда.—Эта теорія, въ отношеніи воинскаго наказанія, грѣшитъ тѣмъ, что предполагаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наличность вреда, въ то время какъ тяжчайшія преступленія, какъ напр. трусость въ бою, могутъ пройти безслѣдно и причинить только опасность вреда; наконецъ, съ точки зрѣнія ученія Цахаріэ всякое покушеніе не наказуемо и, кромѣ того, воинское преступленіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ вторженіе въ сферу свободы лица, а потому и необходимость возмездія за него падаетъ сама собою. См. *Zachariae, Anfangsgründe des philosophischen Criminalrechts* (1805 г.)

Къ этой же группѣ принадлежитъ и ученіе *Henke*,—*Streit des Strafrechtstheorien* (1811 г.), который требуетъ соразмѣрности наказанія и злой воли нарушителя.

² *Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts*, 1838, § 82; *Haelschner, Preussisches Strafrecht*, § 4; *его же, Das deutsche Strafrecht*, § 222; *Trendelenburg, Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*, 1869.

ществуетъ наказаніе, которое, чтобы быть «отрицаніемъ отрицанія», должно являться равноцѣннымъ преступленію; мѣра наказанія, какъ возмездія, черпается изъ качества и количества содѣяннаго зла; поэтому равноцѣнность должна быть внутреннею и уравнивать такія несоизмѣримыя вещи, какъ, напр., кражу и тюрьму.

Въ отношеніи воинскаго преступнаго дѣянія эта теорія можетъ превосходно характеризовать его, какъ отрицаніе общей воли, но и только; въ остальномъ она вызываетъ рядъ недоумѣній: съ одной стороны, нельзя согласиться съ требованіемъ равноцѣнности наказанія и вреда, такъ какъ эта равноцѣнность ведетъ къ тѣмъ же принципамъ примитивнаго тальона, о которомъ говоритъ и предыдущая теорія; съ другой, гдѣ найти тѣ основанія, по которымъ судья могъ бы опредѣлить объемъ отклоненія отдѣльной воли отъ требованій абсолюта, и наконецъ, какъ установить равноцѣнность объема непониманія требованій разумной сущности правовыхъ положеній—требованій абсолюта—и чувственнаго зла, испытываемаго при наказаніи? ¹

Указанныя теоріи образуютъ собою типичную группу. Несмотря на всѣ недостатки ихъ съ точки зрѣнія правовой и неспособность объяснить многія изъ явленій въ области уголовного права, тѣмъ не менѣе въ нихъ кроется одна изъ глубочайшихъ истинъ, составляющая въ наше время величайшій догматъ въ сферѣ примѣненія наказанія; отрѣшившись отъ самого виновника и оперируя надъ преступленіемъ, для котораго воздаяніе необходимо, эти теоріи установили, что только то наказаніе справедливо, которое заслужено, а отсюда естественно вытекаетъ и *соотвѣтствіе наказанія съ виною преступника*.

Другою немаловажною заслугою теорій нравственнаго и божескаго возмездія является и то обстоятельство, что преобразование ихъ въ интересахъ утилитарныхъ привело къ началу исправленія путемъ наказанія, столь популярному въ наше время ².

Внѣ этого, ученіе «наказаніе ради наказанія» въ наше время потеряло всякій кредитъ, и ни одинъ изъ современныхъ крими-

¹ Таганцевъ, стр. 1137.

² Пр. Вульфбертъ, Лекціи, стр. 296, который ссылается на Pessina. Dello svolgimento storico della dottrina della espiazione (Opuscoli di diritto penale).

налистовъ не рѣшается говорить о возмездіи въ указанномъ смыслѣ или забывать утилитарныхъ цѣлей въ наказаніи.

§ 11. Наказаніе, какъ средство.

Совершенно иначе смотрятъ на наказаніе тѣ теоріи, которыя оправдываютъ наказаніе его результатами. Съ ихъ точки зрѣнія, все, что можно получить отъ наказанія, лежитъ внѣ самого наказанія, далеко за его предѣлами. Осуществлять наказаніе необходимо, но не какъ цѣль, а только какъ средство для достиженія цѣлей. Отсюда же вытекаетъ, что послѣднія должны сообразоваться съ утилитарными требованіями общества, что наказаніе должно достигать поставленныхъ ему задачъ, быть цѣлесообразнымъ средствомъ. Такимъ образомъ, возмездію не остается уже мѣста, и все лежитъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи положеній, высказанныхъ древними мыслителями въ области вопроса о наказаніи, мы рассмотримъ только наиболѣе типичныя изъ теорій нашего времени и наиболѣе примѣнимыя для выясненія цѣлей наказанія воинскаго. Въ этомъ отношеніи теоріи раздѣляются на слѣдующія группы.

1. *Теорія положительнаго закона* или, какъ она выразилась у Фейербаха, теорія психическаго принужденія ¹ утверждаетъ, что цѣль государства—правосостояніе, поддержаніе царства права; а такъ какъ всякое нарушеніе противорѣчитъ указанной цѣли государства, то послѣднее не только можетъ, но и должно устранять всякую возможность нарушеній путемъ принужденія физическаго или психическаго.

Но принужденіе является только дополнительнымъ средствомъ, если ни знаніе, ни образованіе и воспитаніе не окажутъ своего дѣйствія. Физическое принужденіе имѣетъ цѣлью предупредить преступленіе или взыскать съ виновнаго въ пользу пострадавшаго вознагражденіе, но такъ какъ предупредить каждое преступленіе невозможно, а вознаградить невознаградимыя блага немислимо, то, въ интересахъ предупрежденія преступленій, госу-

¹ *Feuerbach. Anti-Hobbes, oder über die Gränzen der höchsten Gewalt* (1798); *его же*, *Ueber Strafe als Sicherungsmittel*, 1800; *его же*, *Lehrbuch der peinlichen Rechts*, 1801, § 8.

дарство вынуждается издать уголовный законъ, устанавливающий угрозу наказаніемъ; это и создаетъ «психическое принужденіе» которое всегда дѣйствительно, проявляется до преступленія и такимъ образомъ само препятствуетъ ему.

Это принужденіе Фейербахъ основывалъ на томъ, что всѣ правонарушенія покоятся на чувственности, на извѣстномъ возбужденіи желаній; но разъ каждый будетъ знать, что правонарушеніе вызоветъ зло, превышающее «то лишеніе, которое обусловливается для него воздержаніемъ отъ преступленія», послѣднее не должно уже совершиться. А для этого необходимы, съ одной стороны, положительная угроза закона, съ другой—неизбѣжное выполненіе самой угрозы; безъ послѣдняго условія одна угроза не можетъ еще создать принужденія. Такимъ образомъ, цѣлью карательной дѣятельности является предупрежденіе возможныхъ нарушителей путемъ устрашенія угрозою и фактомъ исполненія угрозы.

Самымъ существеннымъ недостаткомъ изложенной теоріи должно быть признано основное положеніе Фейербаха: исходя изъ его теоріи, наказаніе, чтобы быть цѣлесообразнымъ, должно быть возможно суровѣе, дабы умертвить преступное желаніе въ самомъ зародышѣ, иначе угроза не будетъ дѣйствительною.

А это въ области военно-уголовнаго права поведетъ къ усиленію репрессіи до невозможныхъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что въ условіяхъ военной службѣ законодатель могъ бы легко найти къ тому основанія, и положительный военно-уголовный законъ, угрожая точно опредѣленною санкціею, стѣснилъ бы судью и свелъ бы военные суды на степень грозныхъ средневѣковыхъ трибуналовъ, примѣнявшихъ выдающіяся мѣры репрессіи.

Несмотря на то, что воззрѣніе Фейербаха на значеніе уголовного закона вполне основательно, тѣмъ не менѣе стремленіе его выдвинуть психическое принужденіе въ видѣ общей цѣли наказанія ведетъ къ цѣлому ряду недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, если угроза наказаніемъ всегда дѣйствительна, то что же тогда свидѣтельствуетъ собою фактъ ежедневныхъ преступленій?

Далѣе, если совершено преступленіе, то винить въ этомъ самого преступника нельзя, такъ какъ въ этомъ случаѣ угроза оказалась недѣйствительною, и вся отвѣтственность падаетъ на законодателя, установившаго недостаточную угрозу. Наконецъ, съ точки зрѣнія этой же теоріи, незнаніе размѣра наказанія должно безусловно влечь за собою безнаказанность преступле-

нія, равно какъ и совершеніе его въ состояніи аффекта, по чувству долга, по неосторожности.

Фейербахъ, желая дѣйствовать на чувственность, упустилъ изъ вниманія, что въ иныхъ случаяхъ угроза даже высшимъ лишеніемъ не имѣетъ никакого значенія; сюда подойдутъ всѣ преступленія, совершаемыя во время сраженія: бѣгство, трусость, положеніе оружія; въ исторіи права можно отыскать множество примѣровъ, которые показываютъ, что противъ бѣгущихъ часто оказывается недѣйствительнымъ даже «безсудное» лишеніе жизни, на полѣ сраженія, рукою начальника. А отсюда непосредственно вытекаетъ, что идея общаго предупрежденія не можетъ стать исключительною цѣлью наказанія.

2. Если теорія принужденія центръ тяжести наказанія видѣла въ угрозы наказаніемъ, а реальному осуществленію его придавала второстепенное значеніе, то *теорія устрашенія*¹ держалась совершенно противоположной точки зрѣнія: только угроза исполненіемъ наказанія можетъ произвести впечатлѣніе, способное удержать будущихъ преступниковъ. Человѣческая природа легко поддается впечатлѣніямъ, и чѣмъ таковое сильнѣе, тѣмъ значительнѣе и результатъ его. Разъ преступленіе совершилось, нарушитель долженъ явить собою примѣръ, быть простымъ физическимъ объектомъ исполненія наказанія, оселкомъ, на которомъ государство, ради охраненія правопорядка, должно пробовать свое смертоносное оружіе противъ другихъ. Самъ преступникъ только подвергается наказанію, государство вовсе не имѣетъ въ виду разсчитывать на его впечатлительность; важно устранить возможность будущихъ правонарушеній со стороны другихъ. Отсюда, какъ естественный логическій результатъ,—примѣрность наказанія, желаніе дать зрителямъ такой спектакль, чтобы у гражданъ стучали зубы и кровь застывала въ жилахъ. Чтобы установить примѣрность наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ соразмѣрить характеръ и мѣру его со степенью виновности лица, потребовалось нѣчто невозможное: отъ наказанія нельзя требовать лишь устрашительности и примѣрности, надо уничтожить жестокость самаго наказанія, незаслуженную преступникомъ.

¹ Теорія Фейербаха была принята и измѣнена отчасти *Bauer*'омъ. *Abhandlungen aus dem Strafrechte*, 1840, т. I, 74—118.

² *Filangieri*, *La scienza della legislazione*, 1781—88; *Servin*, *De la législation criminelle*, 1778; *Gmelin*, *Grundsätze der Gesetzgebung über Verbrechen und Strafen*, 1785 г.

«Жестокость наказаній, говоритъ Беккарія, дѣлаетъ то, что люди поступаютъ настолько рѣшительнѣе, насколько велико угрожающее наказаніе, дабы избѣжать наказанія; она дѣлаетъ то, что для избѣжанія наказанія за одно преступленіе совершается цѣлый рядъ преступленій. Страны и эпохи наиболѣе жестокихъ наказаній всегда отличались наиболѣе кровавыми и безчеловѣчными преступленіями, ибо тотъ же самый духъ жестокости, который руководилъ законодателемъ, управлялъ и рукою разбойника и отцеубійцы; съ трона этотъ духъ диктовалъ кровавые законы послушнымъ, но свирѣпымъ рабамъ, а въ темныхъ нѣдрахъ частной жизни онъ направлялъ людей къ убійствамъ тирановъ для того, чтобы создавать новыхъ». Далѣе Беккарія утверждаетъ, что съ усиленіемъ жестокости наказаній «духъ людей» грубѣетъ и черезъ нѣкоторое время колесованіе устрашаетъ столько же, сколько прежде устрашало тюремное заключеніе.

Наглядное обученіе народа правиламъ государственнаго порядка путемъ живого примѣра, особенно сильно практиковавшееся въ эпоху среднихъ вѣковъ, и въ наше время начинаетъ вызывать подражанія. Нѣкоторые изъ изслѣдователей ¹ настойчиво утверждаютъ, что наказаніе можетъ имѣть только двѣ цѣли: исправленіе преступника и устрашеніе; но первое—миражъ, опытъ народовъ Европы доказалъ это, государства успѣли уже затратить много милліоновъ на достиженіе ея: они устраивали комфортабельныя жилища для порочныхъ членовъ общества, преступниковъ оберегали самымъ тщательнымъ образомъ, но исправленія все-таки не достигали. Поэтому нечего задаваться неосуществимыми цѣлями; наказаніе постольку дѣйствительно, поскольку оно направляется не на преступника, а на толпу; отсюда необходимость самыхъ устрашительныхъ наказаній: смертной казни, тѣлесныхъ наказаній и т. п.

Исторія военно-уголовнаго права даетъ возможность видѣть, что идеѣ устрашенія особенно посчастливилось въ арміи, гдѣ она имѣла преимущественное значеніе; но та же исторія показываетъ, что система воинскихъ наказаній, построенная на началахъ устрашенія, всегда оказывалась несостоятельною: идя отъ мысли общаго предупрежденія, законодатель часто увлекался: что устрашало сегодня, завтра уже не производило впечатлѣнія; усиленіе репрессіи представлялось необходимою, а все это

¹ *Mittelstedt*,—Gegen die Freiheitsstrafen, 1880; см. *Фойницкій*, стр. 55.

приводило къ нежелательнымъ результатамъ, грозя превратить идею предупрежденія въ устрашеніе первой формациі, со всѣми ужасами средневѣковыхъ казней, съ квалифицированными видами и системою наказаній ¹.

3. Ученіе Грольмана ² о *частномъ предупрежденіи* является попыткой смягчить значеніе предыдущей теоріи. Воля, стоящая въ противорѣчій съ юридическимъ порядкомъ, установленнымъ въ государствѣ, представляется опасною для правопорядка. Преступникъ, нарушая извѣстное правовое состояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ опасность своей неправомѣрной воли, которую необходимо уничтожить въ интересахъ охраны юридическаго склада государства. Поэтому оно въ правѣ принять противъ нарушителя извѣстныя мѣры принужденія, такъ какъ преступникъ доказалъ свое нежеланіе или неумѣніе противиться злу и свою опасность, выразившуюся въ его преступной дѣятельности. Принужденіе, принимаемое государственною властью въ интересахъ предупрежденія виновнаго на будущее время, и будетъ имѣть въ виду или уничтоженіе для преступника свободы совершать физическія дѣйствія и, слѣдовательно, зло, или только угрожая ему исполненіемъ самого наказанія; для опредѣленія размѣра наказанія Грольманъ требуетъ сообразоваться съ состояніемъ неправомѣрной воли, съ характеромъ ея и продолжительностью преступнаго состоянія.

Несмотря на совершенно вѣрную основную мысль—воздѣйствовать на преступника, путемъ уничтоженія возникающей отъ него для общества опасности,—теорія эта страдаетъ излишнею односторонностью и многое не въ состояніи объяснить; въ примѣненіи же къ воинскому наказанію, выдвигая индивидуальное противозаконное настроеніе субъекта, она невольно вызываетъ вопросъ: какъ долженъ относиться къ этой сторонѣ дѣянія законодатель, выходящій ради этого изъ сферы опредѣленія общихъ признаковъ дѣянія и принужденный соразмѣрять его съ настроеніемъ виновника? ³ Наконецъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ дожидаться момента рельефнаго обнаруженія неправомѣрной воли военнотружашаго въ преступленіи, когда начальникъ можетъ обнаружить наличность ея и другими способа-

¹ См. ниже: «Историческій очеркъ» Франціи и Пруссіи.

² Grundsätze des Criminalrechtswissenschaft, 1825, §§ 1—16.

³ Это замѣчаніе принадлежитъ Фейербаху (см. Вульффертъ, стр. 302).

ми? Вѣдь, наказаніе по этой теоріи направляется противъ преступника не за то, что онъ совершилъ, а за возможность будущихъ правонарушеній съ его стороны. Поэтому принятіе этого начала легко можетъ повести къ широкому распространенію «предвидѣнія опасности» (относительно тѣхъ военнотружениковъ, которые неоднократно наказаны за незначительные по тяжести проступки), а слѣдовательно и къ примѣненію къ нимъ высшихъ карательныхъ мѣръ.

Несмотря, однако, на эти возраженія, теорія частнаго предупрежденія частью уже получила осуществленіе въ военномъ законодательствѣ, хотя и не въ такомъ безусловномъ видѣ, какъ она представляется у Грольмана,¹ а только какъ одна изъ цѣлей воинскаго наказанія.

4. Ученіе объ *исправленіи* преступника, ради содѣланія его безвреднымъ для правопорядка и общества, получило въ наше время большое распространеніе, какъ общая цѣль наказанія.

Одни послѣдователи теоріи исправленія² говорятъ, что самый фактъ возможности совершенія преступленія доказываетъ, что у преступника воля находится въ извращенномъ состояніи—она безнравственна; характеръ этой воли распознается на основаніи всей совокупности данныхъ, вытекающихъ изъ его преступнаго дѣйствія; поэтому карательная опека государства можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи его только постольку, поскольку онъ проявилъ свою неправомѣрно направленную волю. Вслѣдствіе этого государство должно принять двоякаго рода мѣры, состоящія или въ удаленіи побужденій ко злу, или въ воспитаніи правомѣрной воли, чтобы сдѣлать ее «второю натурою преступника».

Другіе послѣдователи этой теоріи³ полагаютъ, что источникъ преступленія есть непониманіе добра преступникомъ; этотъ по-

¹ См. Règlement sur le service intérieur, 1892 г. (Paris 1901 г.) Art. 325 разрѣшаетъ командиру роты войти съ рапортомъ по командѣ объ отпращиваніи нижняго чина въ дисциплинарныя части, если онъ убѣдится, что рецидива нѣсколькихъ дисциплинарныхъ проступковъ рядового придаетъ «à sa conduite habituelle un caractère de persévérance dangereux pour l'ordre et la police du corps.»

² Gross, F. — Scepticismus der Freizeitslehre in Beziehung zur Strafrechtlichen Theorie der Zurechnung, 1830; Ahrens, — Naturrecht oder Rechtsphilosophie, 1870; Röder, — Strafvollzug im Geiste des Rechtes, 1863; *то же* — Besserungsstrafe und Besserungsanstalten, 1864; Kraase, — System der Rechtsphilosophie, 1874; Таганцевъ (изложеніе теоріи исправленія), 1170–1172.

³ Steltzer, — Grundsätze des peinlichen Rechts, 1790.

слѣдній видитъ добро только въ томъ, что пріятно ему самому, независимо отъ того, вредно ли это для другого; поэтому цѣль наказанія и сводится къ такому карательному воспитанію правонарушителя, которое имѣло бы своимъ результатомъ развитие чувства распознаванія добра и зла, предостерегающаго отъ возможныхъ нарушеній въ будущемъ, такъ какъ, совершая зло, преступникъ считаетъ его добромъ и хочетъ этого добра. *Штельцеръ* говоритъ, что исправленіе должно быть юридическимъ, т. е. устранять опасность, проистекающую отъ преступника для общественнаго спокойствія, путемъ развитія въ немъ чувства необходимости подчиниться праву, безразлично, будетъ ли онъ считать это обязанностью нравственною или юридическою.

Наука уголовного права уже высказала свое отрицательное отношеніе къ этой односторонней доктринѣ. Если брать теорію исправленія въ томъ видѣ, какъ она есть, безъ всякихъ поправокъ ¹, то она окажется вполне непригодною и безсильною для опредѣленія цѣлей воинскаго наказанія: въ самомъ дѣлѣ она все время говоритъ о добрѣ и злѣ; но воинское наказаніе можетъ быть явленіемъ безразличнымъ съ этой точки зрѣнія, а въ такомъ случаѣ и самое право наказанія—немыслимо; наконецъ, давая въ руки тюремнаго начальства всѣ заботы по исправленію преступника, эта теорія можетъ повести къ созданію безграничнаго произвола. Разумѣется, цѣль исправленія можетъ быть принята въ военно-уголовномъ правѣ, но не въ видѣ общей цѣли наказанія; кромѣ того и самая сущность «исправленія» въ примѣненіи къ военнослужащему должна быть значительно измѣнена, сообразно съ цѣлымъ рядомъ условій, на выясненіи которыхъ мы остановимся ниже.

5. Предшествующее изложеніе въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что исчерпывать цѣль наказанія только одною какою-либо изъ указанныхъ задачъ не представляется возможнымъ. Въ виду этого въ послѣднее время являются попытки усвоить наказанію значеніе такого средства, которое способно было бы къ достиженію *нѣсколькихъ цѣлей*.

Представителями этого воззрѣнія въ наше время являются Листъ ², Меркель ³, Ламмашъ и другіе. Мы остановимся преимущ-

¹ Необходимо отмѣтить оригинальное воззрѣніе на теорію исправленія *Спасовича*, стр. 43.

² *Liszt*,—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, § 12 и 14 (1896 г.).

³ *Merkel*,—Lehrbuch des deut. Strafrechts.

щественно на разсмотрѣнїи теорїи Листа, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе пригодна для выясненія задачи карательной дѣятельности государства.

Право, говоритъ Листъ, существуетъ ради людей, съ цѣлью обезпеченія ихъ жизненныхъ интересовъ и правовыхъ благъ; поэтому «миссія уголовного права есть усиленная охрана особенно важныхъ и особенно нуждающихся въ ней интересовъ ¹».

Охрана интересовъ совершается или посредствомъ угрозы наказаніемъ или исполненіемъ наказанія надъ преступникомъ. То и другое воздерживаетъ отъ преступленія гражданъ; что же касается самого преступника, то правопорядокъ стремится бороться и съ нимъ и, какъ орудіе борьбы, примѣняетъ къ нему наказание—принужденіе. Последнее можетъ быть или психическимъ, или механическимъ: первое дѣйствуетъ посредственно и достигаетъ или исправленія, или устрашенія; второе направляется непосредственно къ отдѣленію преступника отъ другихъ лицъ («секвестрація»). Сообразно съ этимъ, Листъ группируетъ преступниковъ на три категорїи и, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ той или другой категорїи, требуетъ примѣнять къ исполненію наказанія ту цѣль, которая является въ данномъ случаѣ необходимою. Такимъ образомъ, непосредственными цѣлями наказанія будутъ: исправленіе, устрашеніе и обезвреженіе; всѣ другія цѣли, достигаемыя наказаніемъ и такъ или иначе связанныя съ нимъ, какъ, напр., удовлетвореніе потерпѣвшихъ и др., будутъ представлять собою только «рефлексивныя» цѣли наказанія. Отсюда видно, что «государство должно вести борьбу съ преступленіемъ на началахъ раціональныхъ и путемъ такихъ карательныхъ средствъ, которыми достигалась бы не одна, а многія карательныя цѣли ²».

§ 12. Наказаніе, какъ цѣль и средство.

Теорїи, пытающіяся соединить принципы воздаянія и полезности, признають наказаніе съ одной стороны—цѣлью, съ другой—средствомъ; въ первомъ отношенїи—наказаніе является возмездіемъ за совершившееся, во второмъ—допустимы полезныя цѣли, стоящія въ полномъ согласїи со справедливостью и получающія свое основаніе изъ принципа воздаянія по заслугамъ. Эти теорїи

¹ *Листъ*.—Задачи уголовной политики (русск. переводъ), стр. IV- V.

² *Ibid.* стр. IV.

имѣютъ очень много сторонниковъ, изъ которыхъ упомянемъ Бернера ¹, Абега ², Кестлина ³, Гауса ⁴, Росси и Ортолана; на ученіи двухъ послѣднихъ мы считаемъ необходимымъ остановиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Росси утверждаетъ ⁵, что справедливо воздавать зломъ за зло, которое приноситъ обществу преступникъ; поэтому существо наказанія и сводится къ причиненію зла, страданія. Общественное бытіе составляетъ для человѣка необходимую сферу, въ которой только и мыслимо развитіе человѣчества, совершающееся при наличности извѣстныхъ правилъ; абсолютная справедливость, осуществляющаяся въ общежитіи, точно также требуетъ воздаянія зломъ за зло. Такимъ образомъ, воздаяніе является цѣлью наказанія; становясь на точку зрѣнія только полезности самого наказанія или только возмездія, можно забыть о справедливости. Государство должно проявлять правосудіе, основанное и на требованіяхъ морали, и на соображеніяхъ практической пользы. Отсюда слѣдуетъ, что, съ одной стороны, преступными дѣяніями должны быть признаваемы только такія, которыя нарушаютъ правовой порядокъ, но что осуществленіе возмездія, съ другой, должно опредѣляться требованіями пользы. Къ послѣднимъ относится необходимость въ отношеніи правонарушителя цѣлей устрашенія, наставленія и исправленія: первое достигается въ отношеніи тѣхъ, кто можетъ взвѣсить и удовольствіе отъ преступленія, и вредъ отъ наказанія; наставленіе достижимо путемъ самой угрозы уголовного закона, но государство не можетъ забывать и объ исправленіи преступника, иначе это было бы съ его стороны небрежностью, заслуживающею упрека.

Въ свою очередь, *Ортоланъ* полагаетъ ¹, что у наказанія нельзя отнять идею о возмездіи. «Эта идея столь сильна, что у всѣхъ народовъ, даже наиболѣе неразвитыхъ, въ виду постоян-

¹ Учебникъ, §§ 7—9; Grundlinien der Criminalistischen Imputationslehre, 1843.

² *Abegg*,—Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft, 1836, § 48; *ею же*,—Die verschiedenen Strafrechtstheorien in ihrem Verhältnisse zu einander (1835).

³ *Köstlin*,—Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts, 1845; *ею же*,—System des deutschen Strafrechts, 1855.

⁴ *Haus*,—Principes de droit pénal, №№ 54—56.

⁵ *Rossi*,—Traité du droit pénal. 1829; *Haus*,—Principes... № 54.

⁶ *Eléments*, № 185.

наго нарушенія этого принципа на землѣ, слагается представленіе о торжествѣ его въ другой жизни, гдѣ будутъ подведены итоги всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, гдѣ будетъ новый нелицемѣрный судъ и гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его». Но если это вызываетъ необходимость существованія наказанія, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не доказываетъ необходимости его примѣненія; послѣднее имѣетъ мѣсто постольку, поскольку оно вызывается требованіями полезности. Такимъ образомъ, возмездіе покоится на принципѣ справедливости, другія цѣли наказанія—на пользѣ: поддержаніи и охранѣ общественнаго благосостоянія; наказаніе борется не только съ преступленіями, но и съ послѣдствіями ихъ; чтобы уничтожить таковыя, наказаніе должно быть примѣрно—съ одной стороны—и имѣть въ виду исправленіе преступника—съ другой.

§ 13. Теоріи о содержаніи военно-карательной дѣятельности.

Разсмотрѣнными теоріями исчерпываются данныя науки *общаго* уголовного права о цѣляхъ наказанія. Обращаясь къ постановкѣ этого вопроса въ военно-уголовномъ правѣ, намъ снова приходится указывать на отсутствіе достаточнаго матеріала въ литературѣ, причемъ имѣющіяся данныя литературы военно-уголовнаго права—далеко не самостоятельны.

*Даніель-майеръ*¹, говоря о самобытномъ значеніи военнаго права, признаетъ цѣлью этого права—поддержаніе боевой годности войска, первымъ условіемъ чего является дисциплина. Но такъ какъ люди—не ангелы, то для поддержанія правопорядка въ государствѣ и дисциплины въ арміи потребно право наказанія. Воинское наказаніе имѣетъ непосредственныя цѣли, состоящія въ устрашеніи, исправленіи и удаленіи изъ арміи неисправимыхъ; общеою цѣлью наказанія, такимъ образомъ, является охрана правопорядка въ войскахъ.

*Л. Штейнъ*² утверждаетъ, что опасность для всего государства вообще и для военнаго быта въ особенности воинскихъ преступленій такъ велика, что наказаніе, для того, чтобы оно могло достигнуть своей цѣли—охраны единства въ арміи,—должно заключать въ себѣ непосредственное и неограниченное устраненіе преступленій. Поэтому наше время поступило совер-

¹ *Dangelmaier*,—Philosophie, 29—41.

² Ученіе, стр. 229.

шенно правильно, сохранивъ тяжесть и немилосердность наказаній для преступленій чисто-воинскихъ.

Наказаніе, говоритъ проф. *Нейловъ*¹, составляетъ необходимое и справедливое послѣдствіе преступленія. Цѣль воинскаго наказанія та же, что и наказанія общаго. Воинское наказаніе существуетъ для охраненія порядка, но только военного, посягательство на который столь же опасно, какъ и посягательство на общій порядокъ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ военное законодательство, всегда признавалось, что свойства воинскихъ наказаній разнятся отъ общихъ, и усвоеніе этого взгляда вело прежде къ установленію самыхъ несправедливыхъ наказаній. Преступленія воинскія составляютъ посягательство на военный порядокъ, дисциплину, а такъ какъ безъ этихъ условій немислимо самое войско, то воинское наказаніе имѣетъ поэтому главною цѣлью—удержать отъ такого посягательства, устранить повтореніе этихъ преступленій. Наказанія общія должны отличаться такими свойствами, чтобы достигнуть сохраненія общественной безопасности на счетъ преступника, предотвративъ возможность совершенія преступленія не столько со стороны того, кто его уже совершилъ, а со стороны другихъ лицъ. Въ правѣ военномъ главную цѣль наказанія, въ объективномъ смыслѣ, составляетъ устраненіе вредности примѣра; въ виду этого и установились особыя наказанія, отличающіяся устрашеніемъ и примѣрностью. Для достиженія того и другого въ общемъ уголовномъ правѣ считаютъ достаточнымъ самой угрозы наказанія, а въ военно-уголовномъ, кромѣ того, требуются и особыя свойства этихъ наказаній. Затѣмъ, возражая противъ увлеченій послѣдователей теоріи устрашенія путемъ жестокихъ наказаній, проф. *Нейловъ* полагаетъ, что «можно признать вполне достаточнымъ для этой цѣли дѣйствительность и неизбѣжность наказанія», а затѣмъ прибавляетъ, что «во имя дѣйствительности, наказаніе должно отличаться строгостью и наглядностью, а во имя неизбѣжности—быстрою и удобопримѣнимостью». Строгость, по его мнѣнію, оправдываетъ существованіе въ извѣстныхъ размѣрахъ смертной казни; наглядность вызываетъ установленіе наказаній, поражающихъ личныя служебныя права и отличія военнослужащаго; быстрота обусловливаетъ собою порядокъ судопроизводства и установленіе легко приводимыхъ въ исполне-

¹ Курсъ, стр. 47—49.

ніе наказаній; удобопримѣнимость требуетъ большей тяжести и меньшей продолжительности лишенія свободы ¹.

Этими немногими данными исчерпывается все, имѣющее отношеніе къ интересующему насъ вопросу ².

§ 14. Выводы.

Длинный рядъ попытокъ въ наукѣ уголовного права разрѣшить вопросъ о цѣляхъ наказанія привелъ къ созданію множества самыхъ разнообразныхъ теорій, имѣющихъ въ виду освѣтить вопросъ съ той или другой точки зрѣнія.

Разсматривая каждую изъ этихъ попытокъ, легко видѣть, что всѣ онѣ вѣрны постольку, поскольку затрогиваютъ одну сторону вопроса, но и постольку невѣрны, поскольку забываютъ объ остальныхъ. Наиболѣе удачно разрѣшаетъ вопросъ о цѣляхъ карательной дѣятельности государства группа т. н. «соединительныхъ» теорій.

Въ самомъ дѣлѣ, теоріи, отрицающія въ наказаніи какія бы то ни было цѣли, поставляемыя ради будущаго, признаютъ цѣль въ самомъ наказаніи и тѣмъ низводятъ карательную функцію государства на уровень механическаго, рефлексивнаго акта, который имѣетъ и долженъ имѣть мѣсто всякій разъ, какъ преступное дѣяніе совершилось. Наказаніе—оборотная сторона преступления, одинъ изъ его элементовъ. И чѣмъ ни оправдывалось бы наказаніе—идеей ли о Божескомъ возмездіи, требованіями ли логической или нравственной необходимости, наказаніе останется безформеннымъ актомъ. Но въ примѣненіи къ воинскому наказанію говорить о возмездіи не представляется возможнымъ: воинское преступленіе, какъ уже указывалось выше, зачастую не только не противорѣчитъ Божественнымъ или нравственнымъ правиламъ, но непосредственно на нихъ основывается и ради нихъ совершается. За что же въ такомъ случаѣ государство стало бы наказывать лицъ, не желающихъ идти въ военную службу, братья за оружіе во имя христіанской идеи? Какъ могло бы государство наложить свою тяжелую, всесильную руку

¹ Ibid, стр. 50.

² Укажемъ также, что проф. Мушниковъ утверждаетъ, что цѣли воинскаго наказанія (Конспектъ, стр. 61) совпадаютъ „съ цѣлью карательной дѣятельности вообще“ (?)

на человѣка, который, дабы уйти отъ службы помогать своей матери, братьямъ, сестрамъ, семьѣ,—умышленно изувѣчилъ бы себя? Стоя на точкѣ зрѣнія теорій Божескаго или нравственнаго возмездія, наказаніе въ этихъ случаяхъ представлялось бы ничѣмъ не оправдываемой жестокостью, проявленіемъ безнравственности, попраніемъ Божескихъ законовъ и чувствъ гуманности и справедливости. Шталь требовалъ за убійство, какъ за уничтоженіе образа Божія, примѣненія смертной казни. Но что же такое тогда война и усмиреніе неповинующихся, посредствомъ примѣненія силы?

Столь же мало состоятельною оказывается и теорія Канта, и ученіе о діалектическомъ возмездіи. Идея тальона—«*per idem punitur et idem*»,—или равноцѣнности вреда и наказанія не можетъ имѣть никакого примѣненія въ области военно-уголовнаго права, такъ какъ она повлекла бы за собою рядъ нежелательныхъ явленій для воинскаго правопорядка ¹.

Кромѣ уже указанныхъ основаній, препятствующихъ остановиться на теоріи діалектическаго возмездія, укажемъ, что идея о всеобщей волѣ дала возможность говорить о *правѣ преступника на наказаніе*; но едва ли кто въ наше время рѣшится утверждать серьезно о существованіи этого права и тѣмъ болѣе въ области воинскаго наказанія ².

¹ Въ самомъ дѣлѣ. съ точки зрѣнія равноцѣнности наказанія, какую форму возмездія можно изобрѣсти для лицъ, нарушающихъ чинопочитаніе, сопротивляющихся приказаніямъ начальства, оставляющихъ свой постъ, курящихъ на часахъ у порохового погреба, подающихъ завѣдомо ложныя жалобы и т. д.? И какъ противорѣчить идеѣ равноцѣнности установленное почти во всѣхъ кодексахъ для подобныхъ преступныхъ дѣяній наказаніе лишеніемъ свободы.

² Вопросъ о *правѣ преступника на наказаніе, какъ на возмездіе*, не противорѣчилъ воззрѣніямъ абсолютныхъ теорій; тѣмъ болѣе страннымъ представляется замѣчаніе Редера, сторонника теоріи исправленія, что преступникъ имѣетъ право на наказаніе, какъ на исправленіе. Невольно рождается вопросъ, почему именно на исправленіе, а не на другую какую-либо мѣру, и почему изъ двухъ наказаній, установленныхъ одно въ виду достиженія цѣли устрашенія, а другое—исправленія, можно говорить о *правѣ* на послѣднее.—Если же не придавать этому праву никакого юридическаго значенія и, по примѣру проф. Таганцева (Лекціи, 1206), говорить о *правѣ* на «примиреніе, котораго долженъ желать преступникъ, не утратившій нравственнаго чувства», то и здѣсь. въ области военно-уголовной право это не имѣетъ разумнаго обоснованія и по необходимости отпадаетъ.

Такимъ образомъ, наибольшую непригодность отличаются теоріи «относительныя», разсматривающія наказаніе съ точки зрѣнія его полезности, но повторяемъ, что признавать одну какую-либо изъ цѣлей въ качествѣ общей задачи карательной дѣятельности—нельзя.

Теорія психическаго принужденія, основывающая цѣль наказанія на одной лишь угрозѣ карательнаго закона, многое оставляетъ необъясненнымъ. Понятно, что, устанавливая то или другое карательное опредѣленіе, государство разсчитываетъ, что диспозитивная часть закона, указывающая вредное для общечитія дѣяніе, налагаетъ на гражданъ опредѣленнаго рода обязанность—воздерживаться отъ этого дѣянія; но, чтобы дать прочность своему повелительному запрещенію, необходима санкція. Эта послѣдняя, разумѣется, содержитъ и должна содержать угрозу; угроза обращается ко всѣмъ и указываетъ то зло, которое явится послѣдствіемъ правонарушенія; отсюда слѣдуетъ, что угроза наказаніемъ должна играть предупредительную роль. Но разъ предупрежденіе не подѣйствовало, чувственныя побужденія одержали побѣду надъ страхомъ предъ угрозой, преступленіе совершилось,—неужели же отъ наказанія нельзя уже требовать достиженія какихъ-либо цѣлей и успокоиться мыслью о безсиліи угрозы? При такихъ условіяхъ смыслъ карательной дѣятельности свелся бы, въ сущности, къ нулю.

Столько же, если не больше содержитъ въ себѣ недостатковъ и теорія устрашенія, имѣющая въ виду подѣйствовать на массу. Казалось бы, что воинскія нарушенія являются по своей природѣ именно такими, которыя особенно настойчиво требуютъ примѣрности и устрашительности въ наказаніи не только по угрозѣ карательнаго закона, но и по самому исполненію. Въ самомъ дѣлѣ, армія соединяетъ въ себѣ множество людей самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, съ многоразличными оттѣнками воспитанія, нравственнаго развитія и условіями дослужебной жизни ¹. И вся эта разнородная масса, чтобы быть исполнительницею требованій единой воли, должна быть сплочена въ одно цѣлое. Но вотъ совершается правонарушеніе, воинскій порядокъ поколебленъ, воинская дисциплина готова рухнуть. Правонарушеніе совершилось на глазахъ массы. Нужно устрашить ее, предупредить, дать примѣръ. Для устрашенія необхо-

¹ *Legavre*.—Code de procedure pénale, стр. 5—6.

димы мѣры, уничтожающія любовь къ нарушеніямъ: смертная казнь, тѣлесное наказаніе. Но на однихъ этихъ карахъ не держится ни одна система наказаній; существуютъ незначительныя по интенсивности наказанія, которыя находятъ себѣ обширное примѣненіе, но признавать за ними значеніе устрашительныхъ мѣръ не приходится. Очевидно, одного устрашенія еще слишкомъ недостаточно, но устрашеніе само по себѣ—слишкомъ заразительно: законодатель, желая предотвратить возможность совершенія того или другого преступленія и устанавливая строгую мѣру воинскаго наказанія, мало-по-малу приходилъ къ убѣжденію, что принятая мѣра—недостаточна, что для искорененія преступности даннаго рода требуется нѣчто большее, нѣчто выдающееся, пугающее воображеніе, и, увлекаясь, увеличивалъ силу уголовной репрессіи, забывая, что устрашеніе—не единственная задача уголовной дѣятельности, что устрашать можно было не только третьихъ лицъ, но и самого виновнаго и что, наконецъ, устрашать не всегда выгодно и цѣлесообразно. И поневолѣ приходилось либо отказываться отъ нечеловѣческихъ карательныхъ мѣръ, либо практиковать въ самомъ широкомъ объемѣ право помилованія, отнимающее у наказанія всю его устрашительность и карательный смыслъ.

Однако, и въ наше время нерѣдко можно встрѣтить утвержденіе, что цѣлью карательной дѣятельности въ арміи должно быть исключительно устрашеніе исполненіемъ наказанія. Армія, особенно въ условіяхъ военнаго времени, не можетъ поставить себѣ задачею исправлять или удалять виновныхъ: первое—немыслимо въ боевой обстановкѣ, второе—нарушаетъ экономію силъ; а поэтому и карательныя мѣры должны имѣть въ виду—достигнуть цѣли предупрежденія преступленій путемъ исполненія наказаній на глазахъ и при участіи товарищей осужденнаго. Съ этой точкой зрѣнія поневолѣ приходится считаться: господство ея въ общественномъ мнѣніи—болѣе, чѣмъ осязательно.

Съ своей стороны мы позволяемъ утверждать слѣдующее. Принимая цѣль устрашенія, является необходимымъ уничтожить всѣ дисциплинарныя взысканія и низшія исправительныя наказанія, лишенныя свойствъ, необходимыхъ для устрашенія третьихъ лицъ, а на останкахъ ихъ воздвигнуть новую систему наказаній, заимствовавъ ее изъ воинскихъ артикуловъ конца XVII столѣтія, гдѣ идея устрашенія царитъ въ полномъ блескѣ. Но даже при торжествѣ этой идеи въ законодательствѣ, практически

она имѣла незначительное осуществленіе и въ свое время. Ниже, при изложеніи исторіи развитія идеи цѣлесообразности воинскаго наказанія, мы остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе, теперь же укажемъ, что въ распоряженіи карательной власти имѣются другія средства, исполненіе которыхъ хотя и не устрашаетъ, но примѣненіемъ которыхъ достигаются извѣстные утилитарные результаты. Поэтому и устрашеніе можетъ имѣть свое мѣсто, но не какъ общая цѣль наказанія, а какъ одна изъ задачъ, поставляемыхъ какъ можно осмотрительнѣе. И пока не будетъ доказано, что въ современныхъ арміяхъ, при сравнительно мягкой карательной системѣ, воинскій правопорядокъ менѣе проченъ, чѣмъ при существованіи квалифицированныхъ казней въ начальную эпоху образованія постоянныхъ войскъ, до тѣхъ поръ и цѣли устрашенія мы будемъ отводить сравнительно ничтожное мѣсто и не выдвигать ее въ качествѣ общей цѣли наказанія.

Точно также нельзя вполне согласиться съ односторонними теоріями частнаго предупрежденія и исправленія. Первая изъ нихъ придаетъ слишкомъ большое значеніе состоянію неправомѣрной воли, вторая, ради своей исключительности, отрицаетъ всѣ другія цѣли, свойственныя воинскому наказанію. Наказаніе имѣетъ въ виду неправомѣрную волю преступника, но не исключительно, а постольку, поскольку она проявила себя въ дѣяніи. Но государству нельзя относиться безразлично къ настроенію воли и у другихъ людей. Теорія исправленія, симпатичная по своей идеѣ, не можетъ имѣть всеобъемлющаго значенія: армія, задаваясь исключительно этою цѣлью, рискуетъ слишкомъ много, но ей также невыгодно и игнорировать эту цѣль, тѣмъ болѣе, что нарушители воинскаго правопорядка могутъ впослѣдствіи, въ критическіе моменты государственной жизни, вернуться въ ряды войскъ, неся съ собой зародыши растлѣвающего вліянія на массу и сохраняя въ себѣ импульсы, не заглушенные исправленіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что мысль объ исправленіи военныхъ преступниковъ постольку необходима, поскольку возможна.

Итакъ, если ни одна изъ указанныхъ цѣлей не можетъ служить въ качествѣ общей цѣли военно-карательной дѣятельности, то естественно возникаетъ вопросъ: какую же общую цѣль преслѣдуетъ государство, наказывая нарушителей воинскаго правопорядка? Чтобы выяснить этотъ весьма существенный для насъ

вопросъ, необходимо остановиться на разсмотрѣніи его нѣсколько подробнѣе.

Выше мы указывали, что обоснованіе военно-карательнаго права государства покоится на необходимости охраны воинскаго правопорядка. Слѣдовательно, наказаніе является средствомъ охраны его. Въ этомъ отношеніи военно-карательное право стоитъ не особнякомъ; вмѣстѣ съ нимъ содѣйствуютъ воинской правоохранѣ другія средства, находящіяся въ распоряженіи государства: воинское образованіе и воспитаніе, военная этика, развитіе воинской чести и чести корпоративной, военная полиція, администрація и т. п. Всѣ эти средства, при своей важности для дѣла правоохраны, не входятъ въ область военно-уголовнаго права, которое имѣетъ дѣло исключительно съ высшимъ изъ средствъ правоохраны — принужденіемъ, наказаніемъ — и явленіями, которыя вызываютъ необходимость его примѣненія.

Отсюда слѣдуетъ, что, несмотря на характеръ совершеннаго правонарушенія и степень вредности его для государства и арміи, несмотря на размѣръ угрожаемаго виновнику наказанія и цѣнность его для правоохраны, каждое наказаніе—отъ смертной казни до незначительнаго замѣчанія — имѣютъ цѣлью охрану воинскаго правопорядка. Для криминалиста — безразлично въ этомъ отношеніи, какое благо, чей интересъ и по какимъ основаніямъ охраняются; для опредѣленія задачи военно-карательной дѣятельности достаточно указать, что нарушеніе такихъ благъ—наказуемо, а если наказуемо, то и запрещено, а запрещеніе *подъ страхомъ наказанія* уже показываетъ, что наказаніе является средствомъ охраны правопорядка отъ посягательствъ на него въ формѣ указанныхъ дѣяній. Вопросъ же о томъ, какія дѣянія вредны для правопорядка и насколько они вредны, всецѣло лежитъ на законодателѣ, и если бы наказаніе угрожало совершителямъ совершенно безвредныхъ или даже полезныхъ для арміи дѣяній, то и въ такомъ случаѣ цѣлью наказанія оставалась бы охрана установленнаго правопорядка. Итакъ, слѣдовательно, наказаніе охраняетъ правопорядокъ; въ этомъ заключается самая общая цѣль карательной дѣятельности.

Но охрана правопорядка есть *конечная* и *посредственная* цѣль наказанія; *ближайшія* и *непосредственныя* цѣли наказаній мыслятся и разсматриваются совершенно отдѣльно и независимо отъ общей цѣли. Эта послѣдняя—всегда неизмѣнна, ея постоян-

ство стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.¹ Наоборотъ, непосредственныя цѣли измѣняются постоянно въ зависимости отъ цѣлаго ряда условий: культурныхъ, политическихъ, а также и отъ индивидуальныхъ свойствъ личности преступника, выразившихся въ преступленіи.² Вопросъ о цѣляхъ наказанія въ зависимости отъ смѣны культурныхъ и политическихъ условий существованія арміи мы разберемъ ниже въ историческомъ очеркѣ, разсмотрѣніе же цѣлей наказанія въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ преступника составитъ предметъ ближайшаго изложенія.

Итакъ, *общая, конечная, посредственная и неизмѣнная цѣль воинскаго наказанія—охрана воинскаго правопорядка*; она опредѣляетъ содержаніе всей военно-карательной дѣятельности государства, безотносительно къ формамъ и видамъ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, дѣйствующихъ и проявляющихъ свои результаты непосредственно и зависимо.

Отсюда вытекаетъ, что отдѣльныя конкретныя наказанія служатъ средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей въ интересахъ охраны правопорядка. Каковы эти цѣли, какъ и насколько онѣ измѣняются—настоятельные вопросы, требующіе внимательнаго разсмотрѣнія. Чтобы разобраться въ нихъ, необходимо постоянно имѣть въ виду различіе: между угрозою военно-уголовнаго закона и исполненіемъ этой угрозы, а также между возможными нарушителями воинскаго правопорядка и лицами, нарушившими военно-уголовный законъ.

Военно-уголовный законъ слагается изъ двухъ элементовъ: диспозиціи и санкции. Первая изъ нихъ опредѣляетъ положительными чертами извѣстное дѣяніе, санкція угрожаетъ за совершеніе такового наказаніемъ. Отсюда—запрещенность дѣянія обуславливается наличностью угрозы наказаніемъ. Итакъ, ближайшая цѣль угрозы—указаніе недозволенныхъ дѣяній.

Законодатель въ теченіе долгаго историческаго процесса пытливо приглядывался къ жизни арміи: воинскій правопорядокъ въ первичную эпоху существованія постоянныхъ войскъ представлялъ собою нѣчто непостоянное: дѣянія, нарушающія общегосударственный порядокъ, не отличались въ представленіи за-

¹ См. *Сергѣевскіи*, О правѣ наказанія (Юридич. Вѣстн., 1881 г. № 6).

² Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ, что Ламмашъ („Ueber Zwecke und Mittel der Strafe“ въ „Zeitsch. für d. g. St.“ IX и Меркель (Lehrbuch) различаютъ также постоянныя и измѣняющіяся цѣли.

конодателя отъ дѣяній воинскаго характера; гдѣ кончались требованія службы и начинались обязанности гражданина,—различить было трудно. И вотъ начинается еле замѣтная дифференціація уголовного права; постановленія воинскаго характера выдѣляются въ отдѣльную группу, для нихъ создаются особые кодексы, военно-карательная дѣятельность обособляется. Кругъ дѣяній, вредныхъ только для арміи и только для воинскаго правопорядка, мало-по-малу расширяется въ зависимости отъ способа комплектованія, организаціи, обученія арміи и др. условій; исторія военно-уголовнаго права показываетъ, что въ болѣе раннія эпохи существованія армій всякое преступленіе солдата нарушало воинскій правопорядокъ; позднѣйшія эпохи характеризуются не только выдѣленіемъ чисто-воинскихъ преступленій, но и созданіемъ такихъ специальныхъ нарушеній, которыя являются результатомъ усовершенствованій арміи. Поэтому, если сфера дѣяній, долженствующихъ быть запрещенными въ арміи, тѣсно соприкасается съ дѣяніями преступными вообще, то на долю законодателя, при установленіи круга воинскихъ преступленій, приходится быть особенно прозорливымъ и дѣйствовать осторожно. Кромѣ того, если общее уголовное право предусматриваетъ дѣянія, по преимуществу, противныя требованіямъ нравственности, и только незначительное число дѣйствій, противныхъ почему-либо установившемуся государственному режиму, то военно-уголовное право, наоборотъ, знаетъ въ большинствѣ только такія дѣянія, которыя запрещаются ради условій существованія арміи. Отсюда слѣдуетъ, что требованія воинскаго правопорядка, воинскія нормы, создаются искусственнымъ путемъ; онѣ вытекаютъ изъ задачъ, поставляемыхъ арміи, изъ требованій необходимости, пользы и цѣлесообразности. Гражданинъ по преимуществу знаетъ, чего нельзя дѣлать и что запрещаетъ уголовный законъ; аналогія между нормами и божескими заповѣдями по своей мысли очень удачна, но она непримѣнима въ условіяхъ военнаго быта. Военнослужащаго, только что принятаго на службу, нужно научить требованіямъ специальной службы, указать на особенный характеръ воинскихъ нормъ, иногда крайне противорѣчащихъ нормамъ общаго права. Если правило, что незнаніемъ закона отговариваться нельзя, приложимо къ гражданину вполнѣ, то къ военнослужащему оно примѣнимо съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ: отъ вступившаго на службу

невозможно тотчасъ же требовать и знанія воинскихъ законовъ¹; и, слѣдовательно, чтобы охранить воинскій правопорядокъ отъ нарушеній, военно-уголовный законъ долженъ въ своей диспозиции указать военному служащему вредныя для правопорядка дѣянія. Мало того, условія военного быта заставляютъ такъ воспитать военнослужащаго, чтобы воинскія нормы—и въ особенности дисциплина — стали его второю природою, дабы онъ былъ болѣе способенъ къ выполнению возлагаемыхъ на него чисто воинскихъ задачъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что указать на запрещенность дѣянія есть ближайшая цѣль военно-уголовнаго закона. Но, чтобы придать этому указанію извѣстное значеніе и силу, мало одного указанія: необходима угроза наказаніемъ. Такимъ образомъ, диспозитивная часть военно-уголовнаго закона устанавливаетъ норму, санкція утверждаетъ ее.

Но и этого еще недостаточно. Санкція, сама по себѣ взятая, указываетъ на степень вредности даннаго преступнаго дѣянія. Чтобы измѣрить опасность того или другого нарушенія, достаточно взглянуть на наказаніе, которое и будетъ служить масштабомъ для оцѣнки вредности дѣянія для правопорядка.

¹ Въ первичную эпоху созданія постоянныхъ армій чтеніе военно-уголовныхъ законовъ поступающимъ на службу входило въ обязанности начальниковъ-офицеровъ; неисполненіе этого правила было тяжкимъ нарушеніемъ долга службы.

Ордоннансы Генриха III во Франціи 1584 и 1586 гг. убѣждаютъ, что ссылка солдата на незнаніе запрещенности даннаго дѣянія влекла отвѣтственность начальника. Въ современныхъ арміяхъ ознакомленіе поступающихъ на службу съ военно-уголовными законами является обязательнымъ: по нашему законодательству, предъ принятіемъ присяги читаются нѣкоторыя постановленія изъ военно-уголовныхъ законовъ, во время прохожденія службы нижніе чины должны продолжать ознакомленіе съ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ; при нарушеніи обязанностей службы кратковременное нахожденіе въ ней (менѣе года) является уменьшающимъ обстоятельствомъ (ст. 79 в. у. о. н.) и, наконецъ, для состоящихъ на службѣ менѣе 6 мѣсяцевъ побѣгъ начинается значительно позднѣе (черезъ 15 дн. въ мирное и 7 дн. въ военное со дня отлучки), нежели для старослужащихъ.

Въ *Германіи* для нижнихъ чиновъ изданъ Kriegs-Artikel (1872 г.), который по закону долженъ читаться имъ „langsam und deutlich“; для незнающихъ нѣмецкаго языка изготовлены переводы этого кодекса; кромѣ перечисленія обязанностей военнослужащаго, Kriegs-Artikel содержитъ въ себѣ опредѣленіе воинскихъ преступленій и наказаній.

Такимъ образомъ, угрожая за опредѣленное дѣяніе извѣстнымъ наказаніемъ, государство имѣетъ цѣлью охрану воинскаго правопорядка путемъ предупрежденія. Это послѣднее направляется ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ государствѣ. Сила угрозы—исключительно предупредительная. Какъ говоритъ Hrehorowicz, уголовный законъ отмѣчаетъ противоправность дѣянія и тѣмъ налагаетъ на всѣхъ обязанность (Pflicht) воздерживаться отъ содѣянія такового; вмѣстѣ съ этимъ, устанавливая опредѣленную мѣру наказанія, онъ указываетъ на степень вредности или опасности дѣянія. Въ отношеніи возможнаго нарушителя угроза дѣйствуетъ путемъ психическаго принужденія, въ отношеніи другихъ лицъ—она даетъ извѣстную увѣренность въ обезпеченіи правопорядка¹.

Какія побужденія у военнослужащаго вызываетъ эта угроза? Съ точки зрѣнія уголовного права можетъ интересовать только страхъ грядущаго наказанія и сознаніе его неизбѣжности: первое способно заставить возможнаго нарушителя удержаться отъ преступленія именно потому, что угроза закона содержитъ слишкомъ серьезное лишеніе; это противопобужденіе—живой фактъ; совершеніе преступленія вовсе не противорѣчитъ ему, а только доказываетъ, что въ данномъ случаѣ имѣлись другія приводящія обстоятельство, одержавшія побѣду надъ страхомъ наказанія.

Вопросъ о томъ, содержитъ ли угроза въ себѣ порицаніе (Missbilligung ²) извѣстнаго дѣйствія, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно, если видѣть основу этого порицанія въ требованіяхъ нравственности; порицаніе военно-уголовнаго закона не можетъ итти дальше указанія несоотвѣтствія даннаго дѣйствія съ долгомъ военнослужащаго, какъ такового, съ его этическими основами призванія. Но, если даже это порицаніе и можетъ оказывать задерживающее дѣйствіе, то значительно болѣе слабое, нежели страхъ наказанія.

Вмѣстѣ съ этимъ немаловажнымъ значеніемъ пользуется и сознаніе неизбѣжности наказанія. Знаніе запрещенности дѣянія и размѣра наказанія при сознаніи возможности избѣжать грядущаго лишенія можетъ свести угрозу закона на степень платонической угрозы, не способной къ реальному осуществленію въ

¹ Hrehorowicz,—Grundbegriffe des Strafrechts, См. Таганцевъ, Лекціи, 1190.

² Lammasch,—Ueber Zwecke... 4 и 5 Н. стр. 425.

Н. Фалѣевъ.—Цѣли воинскаго наказанія.

болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. На помощь этому является страхъ, родившійся на почвѣ убѣжденія въ существованіи процессуальной дѣятельности, могущей указать какъ виновника, такъ и необходимость примѣненія къ нему санкции военно-уголовнаго закона. Поэтому сознание неминуемаго наказанія должно быть поставлено рядомъ со страхомъ самаго лишенія.

Итакъ, военно-уголовный законъ обращается ко всѣмъ лицамъ государства и подъ угрозою наказанія запрещаетъ извѣстныя дѣйствія; задачею этого акта карательной власти является общее предупрежденіе.

Но если цѣль общаго предупрежденія не достигнута, угроза уголовного закона оказываеся безсильною, военнотружашій совершаетъ преступленіе,—какова же дальнѣйшая цѣль военно-карательной дѣятельности? Охрана воинскаго правопорядка путемъ примѣненія къ виновному наказанія, или, какъ говоритъ Листъ, защита этого правопорядка посредствомъ репрессіи преступленія въ лицѣ его автора ¹. Понятно, что и въ этой стадіи карательная дѣятельность не можетъ быть рефлективной и должна стремиться къ достиженію извѣстныхъ цѣлей.

Чтобы выяснитъ эти цѣли, необходимо замѣтитъ, что совершившееся преступленіе, какъ причина, имѣетъ свои слѣдствія; слѣдствія эти выходятъ далеко за предѣлы психическаго состоянія виновнаго, а потому и слѣдуетъ различать слѣдствія объективныя и субъективныя.

Воинскій правопорядокъ безусловно страдаетъ отъ всякаго правонарушенія, какъ бы незначительно оно ни было; это правонарушеніе показываетъ, что военнотружашій, преступившій норму военно-уголовнаго закона, сталъ опаснымъ для арміи, какъ конкретный нарушитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поколебалъ и этотъ правопорядокъ, и уваженіе къ нему со стороны другихъ военнотружашихъ. Государство, осуществляя свою карательную угрозу, не можетъ не считаться со всѣми этими данными, оно должно быть заинтересовано ими постольку, поскольку оно заинтересовано въ неприкосновенности воинскаго правопорядка.

Объективнымъ послѣдствіемъ воинскаго преступленія является сознание у военнотружашихъ нарушенія правопорядка; это, въ свою очередь, можетъ повести къ колебанію и нарушенію у нихъ

¹ Листъ, —Задачи уголовной политики (рус. перев.), стр. 130.

правомѣрнаго состоянія воли; неуваженіе къ закону можетъ вызвать и развитіе подражательность. Въ качествѣ воздерживающаго элемента, государство, съ одной стороны, продолжаетъ настаивать на запрещенности дѣянія: указывая на угрозу карательнаго закона, оно осуществляетъ цѣль общаго предупрежденія; съ другой—путемъ исполненія наказанія надъ преступникомъ оно констатируетъ неизбѣжность самаго наказанія; такимъ образомъ, въ отношеніи третьихъ лицъ наказаніе стремится къ цѣли общаго предупрежденія.

Но исполненіе воинскаго наказанія исчерпывать цѣлью общаго предупрежденія нельзя: этотъ фактъ свидѣтельствуетъ собою нѣчто большее: государство, осуществляя свою карательную угрозу и указывая на необходимость подчиненія закону, тѣмъ самымъ защищаетъ воинскій правопорядокъ. Напримѣръ, исполняя наказаніе надъ военнослужащимъ, оскорбившимъ своего начальника, государство вступаетъ только за интересы воинскаго правопорядка и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетно утверждаетъ, что потерпѣвшаго нѣтъ, а есть только нарушитель правопорядка, отвѣчающій за свое нарушеніе; такимъ образомъ, воинскій правопорядокъ получаетъ новое осязательное подтвержденіе и постановленія уголовного кодекса пріобрѣтаютъ дѣйствительное значеніе. Такова «борьба правопорядка» съ объективными послѣдствіями преступленія.

«Самая цѣль охраны правового порядка наказаніемъ», говоритъ профессоръ Таганцевъ ¹,—«въ ея практическомъ осуществленіи, представляется сложною и видоизмѣняющеюся, а потому и несостоятельными оказались попытки объяснить всѣ виды наказуемости какою-либо одною исключительною цѣлью²». И какъ бы ни былъ проченъ воинскій правопорядокъ, какъ бы сильны ни были мѣры воздѣйствія, но если государство при отправленіи карательной дѣятельности не интересуется субъективными послѣдствіями преступленія,—актъ наказанія пріобрѣтаетъ односторонній характеръ. Считаться съ неправномѣрнымъ состояніемъ воли у преступника,—воли, обнаружившей себя въ преступномъ дѣйствіи, приходится по необходимости. Воздѣйствовать на преступника самимъ наказаніемъ, установить такую карательную

¹ Таганцевъ, —Лекціи, стр. 1185.

² Сергіевскій, — О правѣ наказанія (Юрид. В., 1881 г., № 6); *его же*, — Наказаніе въ XVII ст., стр. 2—3.

мѣру, которая можетъ служить этой цѣли воздѣйствія,—представляется настоящимъ. Поэтому при выборѣ воинскихъ карательныхъ мѣръ нельзя забывать и волю преступника.

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ цѣлей, которыя достигаются самымъ фактомъ исполненія наказанія и въ отношеніи субъективныхъ послѣдствій преступленія, намъ необходимо остановиться на классификаціи преступниковъ—нарушителей воинскаго правопорядка. Классификація эта, съ одной стороны, поможетъ выяснить очень многое въ вопросѣ о содержаніи военно-карательной дѣятельности, съ другой—она укажетъ, поскольку и въ какомъ отношеніи измѣняются цѣли отдѣльныхъ карательныхъ средствъ въ примѣненіи къ военнослужащему.

Классифицировать военныхъ преступниковъ по тѣмъ группамъ, которыя уже выставлены представителями литературы уголовного права ¹,—не представляется возможнымъ, такъ какъ субъективныя условія совершенія воинскихъ преступленій носятъ совершенно своеобразныя черты. Поэтому мы попытаемся дать нѣсколько иную классификацію, для чего намъ необходимо обратиться къ самымъ условіямъ или факторамъ преступности этого рода.

I. Среди нарушителей воинскаго правопорядка особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ лица, которыя совершаютъ преступленія—обыкновенно нарушеніе чиноподчиненности или чинопочитанія—въ состояніи опьяненія: вполне исправные солдаты, внимательные ко всѣмъ мелочамъ своихъ специальныхъ обязанностей, подъ вліяніемъ выпитаго, теряютъ всѣ способности къ самоопредѣленію: начинаясь съ дисциплинарнаго проступка или пьянства, дальнѣйшее поведеніе виновнаго, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, обостряется, пьяный буйствуетъ, совершаетъ насилія, оскорбляетъ начальниковъ, сопротивляется приказаніямъ. Съ точки зрѣнія общаго уголовного

¹ *Ломброзо* различаетъ преступниковъ: прирожденныхъ и случайныхъ; *Ферри*: преступниковъ инстинктивныхъ, по увлеченію, случайныхъ, привычныхъ и помѣшанныхъ; *Листъ*: случайныхъ, съ окончательно укоренившейся склонностью къ преступности и съ развивающейся склонностью этого же характера; *Гарофало*: дѣйствующихъ по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ; изъ русскихъ ученыхъ пр. *Фойницкій*: преступниковъ подъ внѣшними вліяніями, случайныхъ и профессиональныхъ (ст. 46—48); *Вульффертъ*,—Наказаніе въ Энц. Слов.; *его же*,—Антрополого-позит. школа, I,—стр. 253—500; II, стр. 304—497; *Есиповъ*,—Очеркъ, стр. 313.

права, такое состояние виновного исключаетъ у него сознание значенія и свойства совершаемаго и руководство своими дѣйствіями и требуетъ осуществленія терапевтической или предупредительной дѣятельности; съ точки же зрѣнія современнаго военно-уголовнаго права, совершеніе воинскаго преступленія въ состояніи опьяненія влечетъ къ виновному примѣненіе наказанія¹. Разумѣется, въ условіяхъ организаціи и задачъ арміи имѣются основанія для этого, и пьяный нарушитель подчиненности можетъ вызвать и развитіе подражательность; оставить его безнаказаннымъ—опасно для правопорядка; поэтому къ нарушителю должно быть примѣнено наказаніе.

Съ другой стороны, современные военно-уголовные кодексы знаютъ длинный рядъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ «по трусости». Это понятіе само по себѣ уже указываетъ, что виновный нарушаетъ правопорядокъ подъ вліяніемъ такихъ причинъ, которыя не допускаютъ и мысли о способности къ самоопредѣленію, совершенно исключаютъ таковую. Но современное военно-уголовное право не интересуется этими причинами, и виновный наказывается².

II. Наконецъ, есть и такіе нарушители воинскаго правопорядка, которые совершаютъ свои дѣйствія подъ вліяніемъ религіозныхъ или нравственныхъ мотивовъ: отказываются отъ службы, не бе-

¹ *Германскій* военно-уголовный кодексъ во 2 части § 49 указываетъ: «при преступныхъ дѣяніяхъ противъ обязанностей воинской подчиненности, равно какъ и при всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ при исполненіи службы, опьяненіе (Trunkenheit) виновнаго, въ которое онъ привелъ себя по своей винѣ, не служитъ основаніемъ для уменьшенія наказанія»; точно также и *датскій* военно-уголовный кодексъ говорить, что «при нарушеніи обязанностей службы опьяненіе по собственной винѣ не исключаетъ примѣненія наказанія по закону» (§ 50).—Хотя нашъ воинскій уставъ о наказаніяхъ и не упоминаетъ объ опьяненіи, какъ состояніи, устраняющемъ вѣняемость, тѣмъ не менѣе данныя кассационной практики убѣждаютъ въ томъ, что опьяненіе даже не служитъ обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину.

² См. нашъ в. уставъ ст. 262, который знаетъ «малодушіе и робость»; *германскій* кодексъ содержитъ цѣлый отдѣлъ преступленій, совершаемыхъ по трусости (Feigheit)—см. отдѣлъ V, 84—88; *шведскій* уставъ въ главѣ IV (измѣна и недозволенное сношеніе съ непріателемъ) въ §§ 48, 49 предусматриваетъ такія же нарушенія. См. также *датскій* кодексъ §§ 68, 69, 70, 72 и 73, *австрійскій*—§ 144, 243—260 и *швейцарскій* art. 80—81.

руть въ руки оружія¹ и т. п. Эти нарушители, по терминологіи общаго права, могутъ быть названы «профессіональными» и «неисправимыми» преступниками; они отличаются необыкновеннымъ фанатизмомъ, и борьба съ ними посредствомъ наказанія никогда не можетъ привести къ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ результатамъ², въ то же время оставленіе ихъ безнаказанными легко повлечетъ за собою невыгодныя послѣдствія для воинскаго правопорядка, способныя совершенно разрушить таковой въ будущемъ.

III. Въ третью группу должны быть включены такія лица, которыя совершаютъ преступныя дѣянія подъ вліяніемъ случайныхъ побужденій: порывъ можетъ явиться или внезапно, въ моментъ сильнаго психическаго подъема, вслѣдствіе раздраженія, легкомыслія, увлеченія, страсти, ожиданія опасности³ и т. п., или дѣятель нарушаетъ правопорядокъ хладнокровно, разсчитанно, съ увѣренностью въ успѣхѣ. Эта группа—наиболѣе обширная; въ нее войдетъ громадное большинство военныхъ преступниковъ, которые совершаютъ правонарушеніе или неожиданно для самихъ себя, или имѣя полную способность противостоять противоправнымъ побужденіямъ, но не желая противиться имъ въ данный моментъ или при данной обстановкѣ.

IV. Наконецъ, послѣднюю группу преступниковъ составляютъ такіе военнослужащіе, которые вообще не имѣютъ мотивовъ противиться преступнымъ побужденіямъ; воля послѣднихъ стоитъ въ постоянномъ противорѣчьи съ правопорядкомъ; они скрываютъ въ себѣ, такъ сказать, потенциальную преступность, обнаруживающую себя въ дѣйствіи въ ближайшій представляющійся къ тому моментъ. Среди этой послѣдней группы можно различать лицъ, способныхъ къ воспріятію и усвоенію извнѣ достаточныхъ мотивовъ для измѣненія направленія своей воли, или неспособныхъ къ этому, непримиримыхъ,—отсюда различеніе исправимыхъ и неисправимыхъ преступниковъ.

¹ *Германскій* кодексъ § 48: «наказуемость за содѣяніе или опущеніе не устраняется, если виновный считалъ, что его поведеніе было предписано его совѣстью или правилами его религіи».

² Въ отношеніи менонитовъ у насъ вполнѣ цѣлесообразная мѣра некарательнаго свойства примѣнена въ 1885 г. (См. Собр. узак. и расп. 1885 г., № 70, ст. 581).

³ „Патріотическихъ чувствъ“, какъ говорили члены Высочайше учрежденной комиссіи въ 1865 г. (см. Журналъ, стр. 230).

Такимъ образомъ, военные преступники должны быть раздѣлены на четыре группы: дѣятельность первой изъ нихъ опредѣляется *органическими вліяніями*—прирожденными или пріобрѣтенными, вторая группа дѣйствуетъ *по убѣжденію*, третья группа—преступники *случайные* и четвертая—преступники *со склонностями къ преступленію*; послѣдняя группа можетъ заключать *исправимыхъ* и *неисправимыхъ* преступниковъ.

Установивъ въ общихъ чертахъ классификацію преступниковъ, является возможность отмѣтить и ближайшія цѣли военно-карательной дѣятельности.

Что касается первой группы преступниковъ, совершающихъ преступленія подъ вліяніемъ алкоголя, то едва ли можно присваивать въ этомъ отношеніи карательной дѣятельности выдающееся значеніе; преимущественное, но не исключительное значеніе должно быть сообщено лѣченію преступниковъ; съ точки же зрѣнія наказанія совершенно достаточно, если оно будетъ способно сдѣлать ихъ безвредными для воинскаго правопорядка, т. е. если будетъ преслѣдовать цѣль *удаленія*. Другое дѣло,—какими конкретными средствами эта цѣль будетъ достигнута; но для цѣли охраны правопорядка—удаленіе этихъ преступниковъ является необходимостью. Наоборотъ, для тѣхъ лицъ, которыя совершаютъ преступленіе, благодаря природнымъ органическимъ вліяніямъ, наказаніе должно являться средствомъ *устрашенія*, чтобы послѣднее могло быть достаточнымъ мотивомъ воздержанія.

Къ преступникамъ, дѣйствующимъ вслѣдствіе убѣжденія, наказаніе должно примѣняться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ преступникамъ, совершающимъ нарушенія благодаря пріобрѣтеннымъ органическимъ вліяніямъ, т. е. преслѣдовать цѣль содѣланія ихъ безвредными для правопорядка.

Относительно лицъ третьей и четвертой категоріи наказаніемъ должны преслѣдоваться цѣли устрашенія, исправленія и удаленія.

Устрашеніе исполненіемъ наказанія въ *отношеніи самою преступника* имѣетъ слѣдующее содержаніе: отбывая наказаніе и сталкиваясь реальнымъ образомъ съ лишеніями при наказаніи, дѣятель, во избѣжаніе новаго такого же или большаго лишенія, воздерживается отъ преступленій или усиливаетъ тѣмъ другія мотивы для воздержанія. Въ отношеніи преступниковъ случайныхъ наказаніе должно быть такимъ именно лишеніемъ, которое

возбудило бы у дѣятеля достаточно сильный мотивъ, и все содержаніе послѣдняго, поэтому, должно исчерпываться страхомъ невыгодныхъ послѣдствій.

По отношенію къ лицамъ, склоннымъ къ преступности, наказаніе должно преслѣдовать цѣли исправленія, хотя это и не исключаетъ возможности стремиться къ устрашенію. По идеѣ, исправленіе, если только оно возможно, можетъ служить наилучшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ преступленіемъ. Но увлекаться этою идеею нельзя. Исправленіе, которое можетъ быть достигнуто воинскимъ наказаніемъ, съ одной стороны, не есть нравственное перерожденіе преступника: достаточно воздѣйствовать на виновнаго въ смыслѣ приученія его къ требованіямъ военной службы, воплотить въ него нормы военного права, обуздать его противоправные инстинкты и «приспособить» его къ выполненію специальныхъ обязанностей, налагаемыхъ военною службою. Съ другой стороны, такъ какъ исправленіе виновнаго требуетъ и времени и средствъ, то, естественно, въ условіяхъ военного времени эта цѣль получаетъ меньшее значеніе: въ виду практическихъ удобствъ наказаніе будетъ удовлетворять задачѣ правоохраны, если будетъ преслѣдовать цѣль устрашенія, но не исключительно и не въ отношеніи третьихъ лицъ, а среди другихъ цѣлей и въ отношеніи виновнаго.

Однако, при извѣстныхъ условіяхъ цѣль наказанія въ отношеніи случайныхъ преступниковъ измѣняется. Въ самомъ дѣлѣ, разъ военнослужащій, пользуясь извѣстными правомочіями въ сферѣ іерархическихъ или служебныхъ отношеній и обязанный сообразовать отправленіе этихъ функцій съ задачами существованія арміи, злоупотребляетъ ввѣренною ему властью, правами, преимуществами, то у государства естественно возникаетъ недовѣріе къ дальнѣйшему осуществленію виновнымъ дарованныхъ ему правъ. На почвѣ этого недовѣрія рождается другая цѣль—удаленіе нарушителя отъ занимаемой имъ должности, или точнѣе—отнятіе у него возможности повторенія такихъ злоупотребленій путемъ лишенія правомочій.

Эту же цѣль преслѣдуетъ государство и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется наличность рецидивы воинскаго преступленія. Здѣсь государство поступаетъ съ преступниками, какъ съ неисправимыми. Повтореніе свидѣтельствуетъ, что наказанія, примѣнявшіяся ранѣе къ виновному, не привели ни къ чему, оказались безсильными бороться съ преступными побужденіями лица; военнослу-

жащій, совершающій сознательно и неоднократно посягательства противъ воинскаго правопорядка, ясно доказываетъ свою непригодность къ службѣ, къ подчиненію нормамъ военнаго права. Примѣнять къ нему прежнія мѣры воздѣйствія—значить нарушать экономію карательныхъ средствъ; остается одно—удалить рецидивиста изъ арміи и тѣмъ самымъ косвенно достигнуть другой цѣли—устранить «могущественную силу примѣра, играющую значительную роль во всей индивидуальной и общественной жизни человѣка и съ поразительною силою проявляющуюся въ области преступнаго».¹

Итакъ, подводя итоги всему вышесказанному, мы видимъ, что, осуществляя свою военно-карательную дѣятельность, государство дѣйствуетъ не рефлективно, а ради достиженія извѣстныхъ утилитарныхъ цѣлей. Самая общая цѣль воинскаго наказанія—*охрана воинскаго правопорядка*, которая и должна быть достигнута различными средствами—конкретными наказаніями,—дѣйствующими путемъ общаго *предупрежденія, устрашенія, исправленія или удаленія*².

§ 15. Свойства воинскихъ наказаній.

Но, чтобы средства могли соответствовать поставленнымъ цѣлямъ, наказанія должны удовлетворять условію *цѣлесообразности*. Въ виду этого воинское наказаніе должно быть: *личнымъ, нравственнымъ, гибкимъ, дѣлимымъ, приспособляемымъ*,

¹ *Iellineck*, Die social-etische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe, 1878, стр. 57.

² Г. К.—К. (Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, 39 плт.) говоритъ: „Относительно цѣли воинскаго наказанія существуетъ... мнѣніе, что оно должно, по самому существу своему, заключать и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ моментъ устрашенія. Въ подтвержденіе этой мысли обыкновенно дѣлается ссылка на смертную казнь—и именно чрезъ разстрѣливаніе, исполняемое не только на глазахъ другихъ воинскихъ чиновъ, но даже ими самими. Кромѣ того, указываютъ на значительную тяжесть воинскихъ наказаній за такія дѣянія, аналогичныя которымъ въ области примѣненія общаго права обложены наказаніями гораздо болѣе легкими. Для оцѣнки этихъ возраженій необходимо, однако, имѣть въ виду, что смертная казнь составляетъ неизбѣжную принадлежность кодекса военно-уголовныхъ законовъ только для военнаго времени... Всѣ остальные воинскія наказанія ничѣмъ принципиально не отличаются отъ общихъ“... Стр. 479.

экономичнымъ, дѣйствительнымъ, неизбежнымъ, быстрымъ, удобоисполнимымъ.

1. *Принципъ личной ответственности*, получившій большое распространение во всѣхъ почти военно-уголовныхъ кодексахъ нашего времени, устанавливаетъ, что только причинившій вредъ правопорядку является отвѣтственнымъ, что только къ нарушителю военной нормы можетъ быть примѣнено принужденіе. Принципъ этотъ, наиболѣе ясный и не возбуждающій, казалось бы, никакихъ сомнѣній, представляетъ собою завоеваніе новаго времени. Достаточно вспомнить тѣ особые виды воинскихъ наказаній, которые практиковались въ отдаленные періоды исторіи военно-уголовнаго права; римская *decimatio*, съ ея безусловнымъ отрицаніемъ личности виновнаго, стояла на исключительной точкѣ зрѣнія: если власти не могли отыскать виновныхъ въ провинившейся части войскъ, то виновною признавалась сама часть; примѣнять же наказаніе ко всѣмъ, входящимъ въ составъ части, не представлялось возможнымъ, такъ какъ арміи нужны были люди, почему наказаніе поражало только тѣхъ, на кого падалъ жребій ¹; наконецъ, отмѣтимъ эдиктъ Людовика XIV о дуэляхъ между военнослужащими ², который цѣль общаго предупрежденія стремился достигнуть именно мѣрами, уничтожающими принципъ личной ответственности: законъ, желая предупредить возможность совершенія дуэлей, грозилъ наказаніемъ не только выходящимъ на поединокъ, но и дѣтямъ ихъ, и прислугѣ, и всѣмъ другимъ, такъ или иначе соприкасающимся съ дуэлистами.

Въ наше время принципъ личной ответственности нарушается началомъ коллективной ответственности военнослужащихъ за совершеніе ими извѣстнаго рода нарушений ³; эта форма ответственности — очевидный историческій пережитокъ, которому въ

¹ Въ войну 1877 г. въ артиллерійскомъ паркѣ, ночевавшемъ въ Радомирцахъ, ночью поднялась фальшивая тревога, и во время возникшаго безпорядка, безъ всякаго повода и приказанія, была открыта пальба, при чемъ былъ убитъ гусарь. Командовавшій отрядомъ, затруднясь обнаруженіемъ главныхъ виновныхъ, приказалъ тотчасъ же наказать нагайками *каждою пятою человека*. Максимовъ, Статистическій очеркъ стр. 80.

² *Бобровскій*, Состояніе военного права, стр. 366—368.

³ См. нашъ воин. уставъ ст. 75 и постановленія *австрійскаго Militär-Strafgesetza*, трактующія о примѣненіи децимаціи; напр. § 250.

будущемъ придется сойти со страницъ военно-уголовнаго законодательства.

II. Если примѣненіемъ воинскаго наказанія имѣютъ въ виду достигнуть извѣстныхъ полезныхъ цѣлей, то необходимо озаботиться также и о томъ, чтобы цѣли эти дѣйствительно достигались, чтобы самое наказаніе не имѣло развращающихъ свойствъ, чтобы оно не вліяло отрицательнымъ образомъ на внутреннія качества преступника и окружающихъ лицъ. Государство при выборѣ военно-карательныхъ мѣръ не должно упускать изъ вида, что только тѣ наказанія хороши, которыя необходимы; все лишнее, не вызываемое настоятельными потребностями арміи, должно быть выкинуто, иначе воинское наказаніе грозитъ превратиться въ безсмысленный актъ возмездія, далекаго отъ какихъ бы то ни было разумныхъ, утилитарныхъ цѣлей ¹. Военно-уголовное право значительную часть своей исторіи провело среди такихъ наказаній, которыя исключительно направлялись на тѣло преступника, на его чувственность; внутренняя сторона какъ самого нарушителя, такъ и другихъ военнослужащихъ, призванныхъ быть свидѣтелями исполненія наказанія, совершенно игнорировались: не было ни одной части тѣла, на которую законодатель не обратилъ бы своего вниманія: осужденные теряли свои головы, руки, ноги, пальцы, носы, на щекахъ расписывались раскаленнымъ желѣзомъ красивыя линіи; нарушителей сажали на деревянныхъ кобылъ; держали на видномъ мѣстѣ закованными въ желѣзо; развращали въ тюрьмахъ. Все это мало-по-малу исчезло со страницъ военно-уголовныхъ законодательствъ, но осрамительныя наказанія живутъ еще до сихъ поръ ². Разумѣется, требованія времени уничтожили ихъ прежній возмущающій и растлѣвающий человѣческую душу характеръ, тѣмъ не менѣе, они далеко еще не потеряли своего значенія. Однако, чѣмъ безнравственнѣе наказаніе, тѣмъ менѣе достижимы цѣли общаго предупрежденія и исправленія.

Государство, устанавливая тотъ или другой видъ воинскаго наказанія, должно взвѣсить всѣ данныя и за и противъ, въ смыслѣ воспитательнаго воздѣйствія его, какъ на самого преступника, такъ и на остальныхъ членовъ арміи, памятуя слова *Ортолана*,

¹ Проф. Неѣловъ (стр. 50): «наказаніе не должно портить нравственности наказуемаго или присутствующихъ при наказаніи».

² См. ниже: «Тѣлесныя наказанія».

который говоритъ, что «если наказаніе подавляетъ нравственное чувство преступника, пробуждаетъ ненависть, месть, отчаяніе, обучаетъ его порокамъ и злодѣяніямъ, то оно не можетъ быть допускаемо; еще менѣе, конечно, могутъ быть оправдываемы карательныя мѣры, вредно дѣйствующія на окружающую среду, возбуждающія соблазнъ, дурные инстинкты, содѣйствующія огрубенію нравовъ, паденію нравственного чувства»¹.

III. Военское наказаніе должно удовлетворять требованіямъ *шбкости, дѣлимости, приспособляемости*. Значеніе этихъ свойствъ очень велико: военское преступное дѣяніе, въ зависимости отъ средствъ, коими пользуется совершитель, и другихъ условій самаго совершенія, носитъ свои отличительныя черты; оттѣнки виновности лицъ крайне разнообразны, почему законодателю приходится, сообразуясь со всѣмъ этимъ, сдѣлать военское наказаніе не мертвымъ ультиматумомъ, не слѣпымъ проявленіемъ карающаго возмездія, но актомъ, основаннымъ, какъ на субъективныхъ, такъ и объективныхъ признакахъ тяжести посягательства. Индивидуализація военскаго наказанія, дѣлимость его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, приспособляемость его къ оттѣнкамъ виновности составляютъ надежное ручательство цѣлесообразности военскаго наказанія. Поэтому всѣ неподвижныя, недѣлимыя и неспособныя къ приспособленію наказанія должны быть откинута.

Кромѣ того, военское наказаніе должно соотвѣтствовать также возрасту, силамъ, характеру и даже образованію преступника, иначе оно можетъ не оправдать возлагаемыхъ на него государствомъ ожиданій.

Стоя на почвѣ дѣлимости, слѣдуетъ требовать, чтобы наказанія обладали извѣстною подвижностью, въ смыслѣ возможности перехода отъ однихъ мѣръ къ другимъ; этимъ, въ значительной степени, можно искупить недостатки того или другого военскаго наказанія, мало способнаго къ дѣлимости. Отсюда слѣдуетъ, что карательныя мѣры должны быть установлены въ извѣстной постепенности и соображены съ дѣйствительною тяжестью отбытія ихъ. Имѣя возможность замѣны одного военскаго наказанія другимъ, легче достигнуть цѣлей карательной дѣятельности, легче приспособить наказаніе къ данному преступнику, удобнѣе соразмѣрить самую кару со степенью и оттѣнками виновности лица.

Такимъ образомъ, свойства дѣлимости, гибкости, приспособо-

¹ *Ortolan*, № 1431.

бляемости и возможности замѣны воинскаго наказанія непосредственно будутъ служить цѣлямъ наказанія ¹.

IV. Въ большинствѣ современныхъ государствъ къ воинскому наказанію предъявляются требованія быстроты, при которой возможность судебныхъ ошибокъ, сравнительно съ общей юстиціей, значительно возрастаетъ. Старое военно-уголовное право знало упрощенный порядокъ судопроизводства, имѣвшій мѣсто въ исключительныхъ обстоятельствахъ жизни арміи; эти процессуальныя правила были достояніемъ скорорѣшительныхъ трибуналовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обладали широкими полномочіями по примѣненію наиболѣе сильныхъ карательныхъ мѣръ.

Современный законодатель, допустивъ возможность судебной ошибки, долженъ былъ на этотъ случай и наказанію придать особое свойство—*возстановимость*.

Однако, и въ наше время это начало нельзя провести въ чистомъ его видѣ и въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ ни одно изъ современныхъ наказаній не можетъ удовлетворить требованію полной возстановимости: лишеніе свободы, пораженіе служебныхъ благъ и т. п. можно вознаградить, но не возстановить. Поэтому возстановимость слѣдуетъ понимать именно въ смыслѣ отсутствія у наказанія свойствъ—отнимать невознаградимыя блага; отсюда—каждое наказаніе должно быть *вознаградимо*.

V. Въ отношеніи воинскихъ наказаній особое значеніе приобретаетъ его *экономичность*. Если въ общегражданской жизни «всякій преступникъ, хотя бы только временно заключенный въ тюрьму, отрывается отъ общества и тѣмъ самымъ лишаетъ его извѣстной доли рабочей силы» ², то въ арміи эта экономія силы еще настоятельнѣе. Самое призваніе гражданина въ ряды арміи свидѣтельствуетъ, что государство нуждается въ немъ, на призваннаго налагаютъ спеціальныя обязанности, его обучаютъ, упражняютъ, затрачиваютъ средства, чтобы сдѣлать надежнымъ и послушнымъ членомъ арміи; онъ совершаетъ нарушеніе, ему приходится отбывать наказаніе. Какъ бы то ни было, но экономія силъ нарушена: убыль отдѣльныхъ частей не можетъ не отражаться на цѣломъ. Отсюда ясно, что срокъ, въ теченіе котораго военнотружущій отбываетъ наказаніе, долженъ быть возможно меньшимъ, т. е. наказаніе должно быть не долгосрочнымъ.

¹ См. у проф. Неѣлова, стр. 50.

² Фойницкій,—Ученіе о наказаніи, стр. 67.

Это соображеніе, примѣнимое и къ мирному времени, получаетъ особенно серьезное значеніе во время войны. Съ условіемъ экономичности воинскаго наказанія приходится считаться и, ради этого, или устанавливать особыя карательныя мѣры, примѣняемыя исключительно въ военное время, или самое исполненіе наказанія откладывать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Изъ изложеннаго видно, какую грубую ошибку дѣлалъ законодатель, устанавливая въ системѣ военно-карательныхъ мѣръ смертную казнь, примѣненіе которой въ теченіе столѣтій выбрасывало изъ арміи множество солдатъ; то же слѣдуетъ сказать и относительно тѣхъ наказаній, которыя дѣлали солдата негоднымъ къ службѣ, отнимая у него необходимыя части тѣла. Подобныя же возраженія можно сдѣлать и противъ многихъ изъ современныхъ долгосрочныхъ видовъ лишенія свободы, хотя бы и въ специальныхъ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ. Кореннымъ недостаткомъ ихъ является именно ихъ долгосрочность, которой, по недоразумѣнію, присваиваютъ выдающееся значеніе.

VI. Воинское наказаніе должно быть *дѣйствительнымъ*¹. Сущность этого положенія сводится къ слѣдующему: 1) наказаніе должно направляться противъ опредѣленныхъ, реальныхъ благъ, а не представлять собою пораженіе благъ фиктивныхъ; 2) тѣ воинскія наказанія, которыя предоставляютъ преступнику излишнюю комфортабельность, не оправдываемую ни цѣлями самого наказанія, ни требованіями чувства справедливости, ни условіями санитарнаго или гигиеническаго характера и, слѣдовательно, создаютъ для него извѣстныя преимущества, не должны имѣть мѣста въ системѣ воинскихъ наказаній.

Однако, подобныя требованія не исключаютъ возможности примѣненія къ военнотружущимъ условнаго осужденія, такъ какъ существо этого института не уничтожаетъ самаго наказанія и не обращаетъ его въ фикцію. Замѣтимъ, между прочимъ, что принципъ дѣйствительности покоится на существѣ самого наказанія, какъ принужденія, страданія, лишенія, зла.

VII. Равнымъ значеніемъ пользуется свойство *неизбѣжности* наказанія. Чтобы воинскому правопорядку дать надежную охрану отъ правонарушеній, необходимо, чтобы въ сознаніи каждаго во-

¹ Неѣловъ (стр. 49—50) говоритъ: для устрашенія достаточно дѣйствительности и неизбѣжности наказанія; «во имя дѣйствительности, наказаніе должно отличаться строгостью и наглядностью, поражать видимыя внѣшнія блага».

еннослужащего господствовала мысль о неизбежности применения къ виновному карательной мѣры.

Начала дѣйствительности и неизбежности находятся между собою въ весьма тѣсной связи и зависимости: при отсутствіи одного изъ нихъ — другое теряетъ всякое уголовное значеніе: стоитъ отнять у наказанія его дѣйствительность — и неизбежность наказанія лишится всякаго смысла; наоборотъ, сознаніе отсутствія неизбежности отнимаетъ всякое значеніе у наказанія, хотя бы и весьма сильнаго по своимъ размѣрамъ.

Изъ принципа неизбежности наказанія вытекаетъ, что военно-уголовный кодексъ долженъ избѣгать такихъ наказаній, которыя живутъ только на бумагѣ и почти никогда не применяются, иначе даже угроза смертною казнью останется безрезультатною и не окажетъ своего устрашительнаго воздѣйствія.

Неизбежность слѣдуетъ понимать не только съ чисто процессуальной точки зрѣнія, какъ невозможность уклониться отъ суда, скрыть доказательства, но и со стороны матеріальной: частые случаи помилованія осужденныхъ къ опредѣленному роду наказаній создаютъ у военнослужащихъ сознаніе, что эти наказанія свойствомъ неизбежности не обладаютъ.

VIII. Военское наказаніе, сравнительно съ наказаніемъ общимъ, должно отличаться большею *быстротою, удобоисполняемостью*. Въ исключительныхъ условіяхъ военного быта имѣется много данныхъ, чтобы признать это положеніе вѣрнымъ.

Съ точки зрѣнія экономичности воинскаго наказанія, промежутокъ времени между провозглашеніемъ приговора и началомъ исполненія наказанія долженъ быть возможно коротокъ, такъ какъ солдатъ будетъ оторванъ отъ исполненія своихъ специальныхъ обязанностей на меньшій срокъ.

Съ точки зрѣнія устрашительности воинскаго наказанія, быстрота исполненія производитъ наиболѣе рѣшительное дѣйствіе на массу, что представляется не менѣе важнымъ.

Свойство удобоисполнимости особенно серьезно въ военное время, когда нужда въ человѣческой жизни возрастаетъ, почему пользование лишеніемъ свободы, равно какъ и всякими наказаніями, выводящими солдата изъ строя и отнимающими у войска необходимыя для него силы,—должно сократиться до минимума.

Ради послѣдняго требованія, военское наказаніе должно быть особенно эластичнымъ въ томъ смыслѣ, чтобы могло допускать въ широкихъ предѣлахъ замѣну наказаній мирнаго времени спе-

ціальными карательными мѣрами на случай войны. Понятно, господствующіе типъ наказаній мирнаго времени осуществить на войнѣ крайне трудно, тѣмъ не менѣе и наказаніе военнаго времени точно также должно допускать возможность согласованія его съ оттѣнками субъективной и объективной виновности лица, совершившаго нарушеніе.

Такимъ образомъ, воинское наказаніе должно удовлетворять, въ цѣляхъ наибольшей его цѣлесообразности, всѣмъ перечисленнымъ свойствамъ.

Но объемъ человѣческихъ правъ вообще и воинскихъ въ частности настолько ограниченъ, что отыскать среди нихъ такое благо, пораженіе котораго удовлетворяло бы всѣмъ вышеизложеннымъ условіямъ, не представляется возможнымъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ свойствъ должны быть принадлежностью всякаго воинскаго наказанія; сюда относятся: индивидуальность, моральность и неизбежность, при отсутствіи которыхъ данная мѣра есть не что иное, какъ вредный балластъ въ экономіи карательной дѣятельности государства.

Остальныя свойства:—возстановимость, экономичность, удобоисполнимость—хотя и представляются желательными, но въ той лишь мѣрѣ, въ какой это допускается существомъ и характеромъ поражаемыхъ благъ.

Ближе всѣхъ приближается къ идеальному понятію воинскаго наказанія—лишеніе служебныхъ правъ и лишеніе свободы на короткіе сроки, съ примѣненіемъ наиболѣе разумныхъ мѣръ тюремнаго воспитанія.

I.

Историческое развитіе цѣлей воинскаго наказанія.

ГЛАВА I.

Римъ.

§ 16. Система воинскихъ наказаній въ Римѣ ¹.

При самомъ бѣгломъ обзорѣ системы римскихъ военно-карательныхъ мѣръ, пестрота и разнообразіе ихъ бросается въ глаза. Это объясняется желаніемъ законодателя установить возможно большее *внѣшнее соотвѣтствіе* между преступленіемъ и наказаніемъ.

Идея внѣшняго соотвѣтствія весьма нагляднымъ образомъ проявила себя въ законахъ XII таблицъ, куда она, путемъ рецепціи, проникла отъ грековъ, знакомыхъ съ нею еще со временъ Солона ². По понятіямъ того времени, въ зависимости отъ многообразія средствъ и способовъ совершенія преступленія, необходимо было разнообразить и самое наказаніе, которое поэтому и направлялось на ту часть тѣла, которая была фактической совершительницею преступленія; среди такихъ наказаній отмѣтимъ отсѣченіе руки у солдата за ссору съ товарищемъ и

¹ Mommsen, — Roemisches Strafrecht; Rein, — Kriminalrecht; Bouquidé, — De la justice; Огу, — Recrutement; Dangelmaier, — Geschichte; Galisset, Corpus juris.

² Bouquidé, стр. 108, прим. 3.

причиненіе ему поврежденія—«si membrum rumpsit, ni cum eo pacit, talio esto»; за бѣгство съ поля сраженія—«сcuris exsectio», за воровство—«manum amputatio» и т. д.

Впослѣдствіи, во времена имперіи, идея тальона мало-по-малу вымираетъ: законодатель допускаетъ замѣну одного карательнаго средства другимъ по началамъ т. н. «*talio equivalente*»¹ — денежнаго выкупа, соотвѣтствующаго указанному закономъ воинскому наказанію. Изъ этихъ замѣняющихъ мѣръ впослѣдствіи выработались самостоятельные виды воинскихъ наказаній².

По благамъ воинскія наказанія, практиковавшіяся въ Римѣ, могутъ быть раздѣлены на: 1) денежныя взысканія, 2) поражение чести, 3) наказанія тѣлесныя и 4) смертную казнь.

1. *Денежныя взысканія* имѣли въ виду исключительно имущественные интересы виновнаго и примѣнялись въ тѣхъ случаяхъ, когда данный видъ нарушенія не допускалъ отплаты за зло равнымъ зломъ³. Къ этого рода взысканіямъ относились: 1) *pecuniaria mulcta*, 2) *stipendio privari* и 3) *censio hastaria*.

Какъ утверждаетъ Bouquié⁴, римскія постановленія о денежныхъ взысканіяхъ явились плодомъ заимствованія у грековъ, которые примѣняли къ военнотружашимъ различнаго рода штрафы въ формѣ обращенія виновнаго въ рабство, присужденія къ уплатѣ убытковъ государству и т. п. Однако, съ этимъ воззрѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ обращеніе въ рабство у грековъ было или самостоятельнымъ уголовнымъ наказаніемъ, или гражданскимъ послѣдствіемъ долговой несостоятельности; римская же система денежныхъ взысканій всецѣло покоилась на принципѣ *эквивалентнаго тальона*, и разъ невозможно было принять противъ нарушителя мѣру уголовную, основанную на тальонѣ, прибѣгали къ денежному взысканію.

¹ Aulu-Gelle, liv. IX.—Inst. lib. IV.—Bouquié, 109.

² Воинскія наказанія временъ имперіи явились непосредственнымъ результатомъ процесса превращенія идеи воздаянія по принципу равенства, которое опредѣляло мѣру и объемъ наказанія; этотъ процессъ длился цѣлыя вѣка, при чемъ, безъ сомнѣнія, карательныя мѣры, бывшія сначала только однимъ изъ видовъ эквивалентнаго тальона, впослѣдствіи, въ силу тѣхъ или другихъ практическихъ соображеній, стали примѣняться безотносительно къ характеру и существу нарушенія.

³ Здѣсь уже не специфическое равенство, а равноцѣнность, какъ простое соотвѣтствіе мѣры взысканія съ мѣрою преступленія.

⁴ Bouquié, стр. 131—132.

Pecuniaria multa—денежный штрафъ, который назначался военнослужащимъ, принадлежащимъ къ командующей массѣ, за маловажныя нарушенія службы и влекъ за собою для виновнаго отрѣшеніе отъ участія въ военной добычѣ ¹. Нельзя отказать римскому праву въ извѣстной долѣ остроумія въ отысканіи способовъ провести въ чистомъ видѣ идею тальона: разъ военнослужащій нарушалъ какую-либо служебную обязанность и тѣмъ самымъ препятствовалъ арміи въ достиженіи ея задачъ, онъ долженъ былъ лишаться и права участія въ выгодахъ, приобрѣтенныхъ арміей,—въ ея добычѣ. По мнѣнію Sichtermann'a ², *pecuniaria multa* могла быть отнесена и на счетъ личныхъ средствъ виновнаго; этого же мнѣнія придерживается Bouquier ³ и Dangelmaier ⁴, изъ которыхъ первый полагаетъ, что штрафъ могъ быть уплачиваемъ не только деньгами, но и естественными произведеніями земли и даже животными. Денежный штрафъ, будучи низшимъ дисциплинарнымъ взысканіемъ, при третьемъ послѣдовательномъ назначеніи влекъ для виновнаго, кромѣ того, и уголовное наказаніе, доходившее до смертной казни ⁵.

Stipendio privari, или лишеніе жалованья, пользовалось большимъ распространеніемъ ⁶. Указать тѣ преступленія, за которыя оно примѣнялось къ военнослужащимъ, трудно, хотя и можно отмѣтить одинъ случай, когда легіонъ, расположенный въ Лигуріи и допустившій убійство консула Петилія, былъ лишенъ жалованья ⁷. Срокъ, въ теченіе котораго виновные не получали жалованья, колебался въ зависимости отъ степени и свойствъ виновности военнослужащаго. Наказанный носилъ особую кличку — «aere dirutus»—лишенный жалованья; въ жалованномъ спискѣ противъ его имени ставилась отмѣтка — «resignatum aes».

Весьма оригинальнымъ видомъ денежныхъ взысканій было *censio hastaria*, въ которомъ искусно были сплетены фискальныя и моральныя основы: осужденный обязанъ былъ отдать свое копье центуріону, а затѣмъ, при выходѣ на службу, получалъ его

¹ L. 3, § 1 D. de re milit.

² Полибій, VI.

³ Bouquier, стр. 132.

⁴ Dangelmaier,—Geschichte, 17.

⁵ Валерій Максимъ, II, 7; Титъ Ливій, кн. III, гл. 29; Огу, стр. 162; Bouquier, стр. 133.

⁶ Огу, стр. 162; Bouquier, 132.

⁷ De poenis militar. Roman. dissert., С. 15.

обратно только послѣ уплаты извѣстной суммы денегъ ¹. Словомъ, этотъ видъ денежныхъ взысканій представлялъ собою не болѣе, какъ то же лишеніе жалованья, но осложненное позорящимъ моментомъ.

II. Къ низшимъ наказаніямъ, направленнымъ *противъ чести* ², слѣдуетъ отнести *выговоры и порицанія*. Эти взысканія исполнялись въ присутствіи войскъ; начальникъ вызывалъ виновнаго изъ строя и публично упрекалъ его въ совершеніи проступка. Это порицаніе зачастую служило лучшимъ средствомъ борьбы съ воинскими нарушеніями, и правъ Bouquié ³, говоря, что это наказаніе для римскаго солдата было такъ же жестоко, какъ и плети ⁴.

Наказаніе, извѣстное подъ именемъ «*cum decempedis stare*», состояло въ томъ, что нарушителя отправляли къ преторіуму, гдѣ его ставили на видное мѣсто и давали въ руки длинную вѣху, высотой въ десять футовъ (*decempedis*); наказанный оставался въ такомъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не имѣя право ни сойти съ мѣста, ни положить вѣху; послѣднее служило къ тому, чтобы проходящіе могли замѣтить наказаннаго и своимъ вниманіемъ подѣйствовать на него ⁵.

Не менѣе оригинально было и другое воинское наказаніе: «*cibum stantes capere*». Титъ Ливій передаетъ рассказъ о томъ, какъ Тиберій Гракхъ, недовольный однимъ изъ своихъ отрядовъ, потребовалъ отъ него обѣщанія въ теченіе извѣстнаго времени обѣдать стоя и въ подтвержденіе этого приказалъ привести его къ присягѣ ⁶. Иногда вмѣсто этого начальникъ требовалъ отъ подчиненныхъ, чтобы они обѣдали сидя, но въ рваномъ платьѣ ⁷.

¹ См. Schwebelius, Comment., 1805, С. 4, I. 3, Огу, стр. 162.

² Большинство изъ этихъ взысканій примѣнялось въ дисциплинарномъ порядкѣ.

³ Стр. 133.

⁴ Необходимо имѣть въ виду, что эти взысканія назначались за нарушенія обязанностей военной службы, а съ точки зрѣнія римской арміи каждое такое нарушеніе являлось противнымъ долгу, воинской дисциплинѣ и могло быть квалифицировано, какъ одинъ изъ видовъ измѣны.

⁵ Огу, 166.

⁶ Bouquié, 139; Огу, 166.

⁷ Огу, ibid.

Валерій Максимъ рассказываетъ, что, кромѣ указанныхъ мѣръ, въ распоряженіи военачальствующихъ лицъ былъ цѣлый арсеналь разнообразныхъ взысканій, видъ и размѣръ которыхъ всецѣло зависѣлъ отъ ихъ усмотрѣнія: такъ, на примѣръ, Каю Титу было назначено Кальпурніемъ Пизономъ слѣдующее наказаніе: наказанный съ обрѣзанною нижнею полою тоги и съ разутыми ногами стоялъ на видномъ мѣстѣ съ утра до ночи; кромѣ того, ему было запрещено обѣдать вмѣстѣ съ кѣмъ бы то ни было и посѣщать общественныя бани ¹.

Къ этому виду взысканій относится также воспрещеніе выходить съ оружіемъ и въ воинской обуви — *«ad exercitum nudis pedibus ire»*, центуріоны при этомъ лишались права носить поясъ для оружія. Это взысканіе, главнымъ образомъ, примѣнялось къ тѣмъ, которые были признаваемы недостойными сражаться съ непріателемъ и поэтому оставались въ тылу для охраны лагеря ².

«Hordeum pro tritico» — представляло собою также дисциплинарную мѣру, содержаніе которой исчерпывалось тѣмъ, что виновные получали, вмѣсто ежедневной дачи пшеничнаго хлѣба (*tritico*), опредѣленную мѣру ячменя (*hordeum*). Примѣненіе этой мѣры зависѣло отъ усмотрѣнія войсковыхъ учителей—*«Lanistae»* ³.

Не менѣе популярно было также и временное изгнаніе виновнаго изъ мѣста расположенія отряда: наказанный долженъ былъ находиться внѣ лагеря на извѣстномъ отъ него разстояніи, какъ порочный членъ; это взысканіе — *tendere extra castra* — было, съ одной стороны, не совсѣмъ безопасно для наказаннаго въ военное время, такъ какъ онъ долженъ былъ первымъ встрѣчать противника, съ другой — вызывало у товарищей наказаннаго насмѣшки ⁴. Иногда эта мѣра примѣнялась и къ отрядамъ войскъ; въ иныхъ случаяхъ виновныхъ изгоняли изъ войска на зимнее время, позволяя имъ вернуться снова весною, когда надобность въ людяхъ повышалась въ виду возможной войны, или военнослужащаго заставляли все свободное время проводить вооружен-

¹ Durat-Lasalle, т. 6, стр. IV.

² Огу, 166, прим. 2; Frontin, Strateg., IV, 1, 27—28.

³ Огу, 166.

⁴ Валерій Максимъ, II, 7; Frontin, Титъ Ливій, X, 4; Тацитъ, — Анналы, I, 1; XIII, 36.

нымъ ¹. Римское право знало также и назначеніе на дополнительные службы ².

Этими данными исчерпывается содержаніе низшихъ карательныхъ мѣръ противъ чести военнослужащаго. Другія мѣры этого же рода носили въ себѣ специфическія особенности, заключавшіяся въ томъ, что государство, поражая честь виновнаго, въ то же время стремилось утилизовать самого преступника, употребляя его на работы. Къ этимъ наказаніямъ относились: 1) *extra oppida hibernare*, 2) *cespitem portare*, 3) *in itinere cum impedimentis iter facere* и 4) отдача въ крѣпостныя работы.

Осужденные *extra oppida hibernare* вступали въ особые рабочіе отряды, назначавшіеся для возведенія зимнихъ квартиръ арміи; хотя эти отряды, кромѣ наказанныхъ военнослужащихъ, комплектовались отбросами общества, тѣмъ не менѣе наказаніе было срочнымъ и виновный не переставалъ быть военнослужащимъ ³. *Cespitem portare* примѣнялось исключительно къ начальствующимъ лицамъ, при чемъ виновные должны были заниматься работами, состоящими въ ношеніи дерна для построекъ, прикрытія рвовъ, окоповъ и пр. ⁴. Тотъ же позорный характеръ имѣло *in itinere cum impedimentis iter facere* ⁵, когда виновные исполняли нестроевую службу—сопровождали обозъ или плѣнниковъ и т. п.

Совершенно исключительное положеніе занимало наказаніе, известное подъ именемъ—*ut libertini milites* ⁶; виновнаго помѣщали въ особый корпусъ отпущенниковъ, государство какъ бы отказывалось отъ его услугъ и отправляло въ такую часть войскъ, которая призывалась къ отправленію службы только въ самые тяжелые моменты крайняго истощенія военныхъ силъ. Въ этомъ наказаніи отразилось римское воззрѣніе на военную службу, какъ на главную обязанность подданнаго,—обязанность почетную и требующую отъ военнослужащаго высокихъ нравственныхъ качествъ.

¹ Bouquié, 137.

² Огу, *ibid.*

³ См. у Огу, 165; Schwebelius, — *Commentaires sur le livre 3, ch. 4, de Végèce.*

⁴ Огу, 166.

⁵ Амьенъ Марцеллинъ, кн. 25, гл. 1.

⁶ Огу, 166.

Изъ наиболѣе тяжкихъ правопоражающихъ мѣръ отмѣтимъ: *militiae mutatio* — перемѣщеніе изъ одного рода службы въ другой ¹. По понятіямъ того времени пѣхотная служба стояла ниже кавалерійской, морская — пѣхотной и т. д.: виновнаго, оставляя на военной службѣ, только перемѣщали изъ кавалеріи въ пѣхоту, изъ пѣхоты—во флотъ. Иногда эта карательная мѣра примѣнялась къ цѣлой части войскъ, которая въ такомъ случаѣ переходила въ низшій родъ службы путемъ размѣщенія всѣхъ чиновъ, входившихъ въ составъ ея, въ войска низшаго разряда ². Перемѣщеніе было наказаніемъ безсрочнымъ и иногда сопровождалось удержаніемъ или уменьшеніемъ жалованья ³.

Лишеніе чина—*gradus defecito*—примѣнялось исключительно къ лицамъ, занимавшимъ офицерскія должности ⁴; оно было самостоятельнымъ или дополняло собою отрѣшеніе отъ командованія частью.

Наконецъ, наказаніе, извѣстное подъ именемъ «*ignominiosa missio*» ⁵, влекло для приговореннаго немедленное исключеніе изъ службы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ терялъ всѣ права служебныя и нѣкоторыя изъ общегражданскихъ. Исполненіе наказанія происходило при торжественной обстановкѣ: войско, къ которому принадлежалъ виновный, собиралось въ опредѣленное мѣсто, имѣя въ своихъ рядахъ и осужденнаго, въ полномъ вооруженіи; военачальникъ произносилъ формулу: «*tua orega non jam utar*» ⁶, и тотчасъ же виновный выходилъ изъ строя, снималъ съ себя вооруженіе, воинскую одежду, обувь и затѣмъ оставлялъ мѣсто расположенія арміи: съ этого момента онъ переставалъ быть военнослужащимъ ⁷. Въ этомъ видѣ *ignominiosa missio* была самостоятельнымъ наказаніемъ. Въ качествѣ придаточнаго, оно примѣнялось только въ случаѣ присужденія виновнаго къ уго-

¹ L. III, § 1, Dig. XLIX, 16; Титъ Ливій, кн. 25, гл. 6.

² Durat-Lasalle,—т. 6, стр. IV; Валерій Максимъ, кн. 2.

³ Огу, 164—165.

⁴ Титъ Ливій, III, 29.

⁵ L. 3, § 1, D. 49, 16.

⁶ Иногда употреблялась такая формула: «*Tradite nostra viris, ignavi, signa, quirites*». Огу,—163.

⁷ Въ наше время французскій кодексъ даетъ формулу лишенія воинской чести, близкую по своему содержанію къ римской: «*vous êtes indigne de porter les armes*» (art. 190).

ловному наказанію и тогда носило названіе: «*exauctoratio*». Въ рѣдкихъ случаяхъ *ignominiosa missio* могла и не сопровождаться лишеніемъ воинской чести, но зато въ документѣ объ отставкѣ—«*testimoniales*»—виновнаго указывалось, что поводомъ къ увольненію виновнаго было позорное обстоятельство¹. Необходимыми послѣдствіями этого наказанія для виновнаго являлись: ограниченіе права распоряженія воинскимъ имуществомъ—*peculium castrense*, признаніе неспособнымъ къ несенію обязанностей опекуна, отдачу подъ особый надзоръ, стѣсненіе права передвиженія; благодаря послѣднему, осужденный не могъ жить въ Римѣ, большихъ городахъ государства и въ мѣстѣ нахождения того начальника, которымъ было приведено въ исполненіе наказаніе². Въ исторіи Рима извѣстенъ случай, когда Цезарь называлъ своихъ солдатъ «*quirites*», давая имъ тѣмъ самымъ понять, что они перестали быть солдатами и что онъ примѣнилъ къ нимъ «*ignominiosa missio*».

Къ позорящимъ воинскимъ наказаніямъ относятся «*munerum indictio*» и «*in servitutem adactio*». Первое назначалось за самовольное оставленіе мѣста расположенія части; виновнаго назначали на самыя тяжелыя крѣпостныя работы и лишали права ношенія оружія³; *in servitutem adactio* — влекло для виновнаго лишеніе воинскаго званія, изгнаніе изъ арміи и закрѣпощеніе; оно назначалось за уклоненіе отъ внесенія своего имени въ списки цензоровъ, или отъ самаго исполненія военной службы⁴.

III. Тѣлесныя наказанія имѣли три формы: *castigatio*, *virgis coedi* и *fustuarium*.

Первое изъ нихъ—легчайшее—состояло въ томъ, что виновнаго подвергали извѣстному количеству ударовъ розгами, что не влекло для наказаннаго никакихъ правопоражающихъ послѣдствій.

Virgis coedi — наоборотъ, помимо наказанія плетью передъ строемъ, имѣло слѣдствіемъ лишеніе виновнаго воинскаго званія, отдачу въ рабство и потерю правъ гражданства⁵. Это наказаніе

¹ L. 2, § 2. D. de his qui notantur infamia, III—2; L. 13, § 3. D. de re milit.; Ory, 163.

² L. 2, § 2 и § 4, D. 3—2; l. 13, § 3, D. 49, 16; l. 8, § 5, D. 27, 1. C. 3, C. 12—36; l. 3, D. 47, 17.

³ Frontin, IV, 1; Плутархъ, Lucullus; Modestin; l. 3, § 1, D.; Ory, 167.

⁴ Ory, 168.

⁵ Ory, 167.

считалось наиболее позорнымъ и примѣнялось только къ вспомогательнымъ войскамъ. Bouquieré находитъ аналогію между «*virgis coedi*» и кнутомъ, извѣстнымъ нашему праву ¹.

Fustuarium совершалось посредствомъ виноградныхъ лозъ ² только надъ солдатами - римлянами за наиболее тяжкія преступленія. Исполненіе поручалось товарищамъ осужденнаго: трибунъ вызывалъ его на середину выстроенныхъ частей и дотрогивался до него своей палкой; по этому знаку солдаты, вооруженные лозами, окружали преступника и наносили ему удары ³, число которыхъ не было ограничено. Наказываемому предоставлялось право спастись бѣгствомъ, но въ сущности *fustuarium* была скрытою формою смертной казни. Однако, на тотъ случай, если бы виновному удалось избѣжать смерти, законъ запрещалъ, подъ страхомъ такого же наказанія, давать ему убѣжище и не позволялъ ему оставаться въ предѣлахъ государства.

Fustuarium примѣнялось въ случаѣ оставленія поста, сна на часахъ, тяжелой небрежности въ исполненіи служебныхъ обязанностей и т. д. Этому наказанію могли быть подвергаемы не только нижніе чины, но и офицеры. *Fustuarium* назначалось также и въ случаѣ троекратнаго совершенія дисциплинарныхъ проступковъ ⁴.

IV. *Смертная казнь* имѣла нѣсколько видовъ. Наиболее простымъ было сбрасываніе съ Торпейской скалы, если армія пребывала въ Римѣ ⁵, въ походѣ его замѣняли повѣшеніемъ на деревѣ. Впослѣдствіи излюбленною формою стало отсѣченіе головы, исполненіе котораго производилось особо назначеннымъ лицомъ, называвшимся «*speculator*» или «*miles decollandi artifex*», и при помощи военного оружія; если же военнотружашій былъ приговариваемъ къ «*decollatio*» за общее преступное дѣяніе, то казнь совершалась посредствомъ топора ⁶. Иногда виновнаго приговаривали къ смертной казни черезъ разстрѣляніе «*sagittis eminus configi*» ⁷ и сожженіе живымъ — «*vivos comburi*». Римляне часто

¹ Bouquieré, 124—125.

² Принадлежность командной власти центуріоновъ.

³ Полибій, VI, 35; Тацитъ, I, 44; Горацій, *Epodes*, IV; Цицеронъ, *Vergines*, III, 29.

⁴ Bouquieré, 126—127.

⁵ Огу, 168.

⁶ Тацитъ, *Анналы*, I, 44; Титъ Ливій, I, 26; Огу, 169.

⁷ Bouquieré, 110; Огу, 169.

практиковали также заимствованныя формы смертной казни: на-примѣръ, побиваніе камнями—«*lapidibus cooperiri*» и распятіе на крестѣ—«*in crucem tolli*»; обѣ эти формы были отмѣнены Константиномъ. Распятіе на крестѣ влекло за собою лишеніе погребенія,—«*sepultu reprivatio*»—и, обыкновенно, по истеченіи извѣстнаго срока нахождения на крестѣ, трупъ кидали въ рѣку¹. Не менѣе жестокою формою казни являлось раздираніе тѣла виновнаго посредствомъ двухъ деревьевъ, отстоявшихъ другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи; эти деревья пригибались своими вершинами, къ нимъ привязывали преступника за руки и ноги, и затѣмъ деревья распрямлялись и дѣлили тѣло виновнаго на двѣ части². «*Sub crate necari*» состояло въ томъ, что виновнаго бросали живымъ въ рѣку съ прикрѣпленною къ головѣ корзинкою, наполненною камнями. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть «*damnatio ad bestias*» — осужденіе на борьбу съ звѣрями въ циркахъ; это наказаніе имѣло мѣсто только въ императорскій періодъ Рима. Особымъ видомъ смертной казни являлась «*decimatio*»³—обыкновенная смертная казнь, исполнявшаяся надъ однимъ изъ десяти виновныхъ⁴.

§ 17. Цѣли римскихъ воинскихъ наказаній.

Римляне смотрѣли на воинское наказаніе, какъ на средство уничтоженія неправды, которая не можетъ существовать и должна быть уничтожена, ради возстановленія права; наказаніе, такимъ образомъ, было необходимымъ воздаяніемъ, которое примѣнялось, какъ обязанность, а не право государства, какъ необходи-

¹ Титъ Ливій, I, 51; IV, 50.

² Bouquié, 110—111; Ory, 169.

³ Decimatio имѣетъ единственнаго поклонника Lessac (Dict. de la Conversation, t. 38, стр. 341), который придаетъ этому наказанію высокое уголовно-политическое значеніе. См. Ory, стр. 170—171.

⁴ Впрочемъ, въ зависимости отъ степени нужды государства, при децимаціи иногда фактически примѣненію смертной казни подвергался каждый двадцатый человѣкъ и тогда имѣла мѣсто т. н. —vicesimatio, или тридцатый—tricesimatio, пятидесятый—quinquagesimatio и даже сотый—centesimatio; наоборотъ, извѣстны случаи казни каждого пятого—quintimatio. Децимація въ первый разъ примѣнена къ римскимъ войскамъ консуломъ Аппіемъ Клавдіемъ въ 304 г. до Р. Х. (см. Клугенъ, В. Сб. 1859, № 9).

мость, вызываемая самым фактомъ совершенія преступленія. Зная о совершившемся нарушеніи права, государство не смѣло, ради какихъ бы то ни было соображеній: полезности, отказываться отъ наказанія, дабы тѣмъ самымъ не нарушить принципа справедливости. Принципъ воздаянія проводился слѣпо; ради поддержанія его, Манлій Торкватъ и Постумій лично исполняютъ надъ своими сыновьями смертную казнь, какъ надъ нарушителями требованій дисциплины, несмотря на то, что, вступивъ безъ разрѣшенія въ бой съ непріятелемъ, они одержали блестящую побѣду¹; ради этого надъ К. Ф. Руліаномъ, начальникомъ кавалеріи, совершается позорное *virgis coedi*; ради того же Аппій Клавдій производитъ надъ своимъ легиономъ, оказавшимъ ему неповиновеніе, не имѣвшее никакихъ серьезныхъ результатовъ въ войнѣ съ Вольсками, жестокое наказаніе².

Но римляне—народъ громаднаго практическаго ума—не могли не признавать за воинскимъ наказаніемъ и другихъ цѣлей чисто-утилитарнаго характера. На первомъ мѣстѣ изъ нихъ слѣдуетъ поставить устрашеніе: предупредить путемъ публичнаго исполненія наказанія будущихъ нарушителей правопорядка, показать арміи силу права и могущество государства—вотъ цѣль, которую стремились достигнуть тѣми или другими карательными мѣрами³. Смертная казнь должна была происходить на глазахъ у всѣхъ при соблюденіи особыхъ церемоній: военачальникъ, какъ верховный жрецъ, посвящалъ виновнаго богамъ; онъ молился публично и дѣлалъ заклинанія, чтобы кровь преступника не пролилась на народъ; затѣмъ нарушителя уничтожали, ради восстановленія права и возбужденія ужаса въ окружающихъ⁴.

Но, помимо факта исполненія наказанія, законодатель стремился достигнуть цѣлей предупрежденія самымъ установленіемъ данной карательной мѣры; такъ, на примѣръ, законъ, назначая децимацію, не только отбивалъ у солдатъ всякую охоту къ нарушеніямъ, но еще содѣйствовалъ тому, чтобы каждый изъ нихъ удерживалъ и товарищей; угроза относилась ко всѣмъ, и страхъ пострадать за другихъ производилъ ужасающее впечатлѣніе.

¹ Durat-Lasalle, т. 6, стр. II.

² Ibid., стр. II—III.

³ L. 6, § 1. Dig. de poenis, 48, 19 (Ульпіанъ): *ut exemplo deterriti minus delinquant.*

⁴ Bouquidé, *ibid.*

тлѣніе¹. Исполненіе этой казни было обставлено своеобразно: трибунъ собиралъ провинившихся; въ его присутствіи *speculator* рубилъ головы начальникамъ, затѣмъ имена солдатъ, занесенныя на отдѣльные листки, складывались въ общую каску и, въ зависимости отъ тяжести нарушенія, назначалось количество головъ, носители которыхъ, выбираемые по жребію, подвергались казни, счастливы, на которыхъ не падалъ жребій, подлежали дисциплинарному взысканію².

Вмѣстѣ съ тѣмъ, римское устрашеніе было самою грубою и жестокою формою его: присутствующіе при исполненіи зачастую являлись и фактическими исполнителями. И въ этомъ видѣли извѣстную цѣль—цѣль предупрежденія, развитія чувства страха предъ закономъ и необходимости подчиняться ему. Наказывая виновнаго смертью, отдавая его подъ палочные удары, ампутируя ему руки и ноги, лишая его почетнаго званія солдата или даже заставляя преступника сопровождать обозъ, государство желало возстановить право, осуществить возмездіе и устрасить.

Однако, неправильно было бы думать, что только этими цѣлями исчерпывалось содержаніе военно-карательной дѣятельности Рима. Возмездіе являлось только оборотною стороною наказанія, изъ утилитарныхъ цѣлей идея устрашенія играла доминирующую роль; но римляне не отказывались отъ достиженія и другихъ задачъ—исправленія и удаленія неисправимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, весь арсеналъ дисциплинарныхъ мѣръ имѣлъ въ виду воздѣйствовать на личность виновнаго, подавить въ немъ противоправные инстинкты и возбудить желаніе загладить вину, исправить поведеніе и проникнуться требованіями военной службы. Ради достиженія этихъ задачъ, римское военно-уголовное право предписывало отправлять строевыхъ нижнихъ чиновъ въ нестроевую службу, перемѣщать въ отряды вольноотпущенниковъ или рабочія команды: въ новой обстановкѣ, при исполненіи позорныхъ и тяжкихъ работъ, у преступника должно было родиться желаніе возвратить свою честь, свои права, и это желаніе могло пересоздать и перевоспитать солдата, сдѣлавъ его снова способнымъ къ несенію прежнихъ почетныхъ обязанностей³.

¹ Ory, стр. 171.

² Bouquié, 127—128.

³ L. 20 Dig. de poenis 48, 19 (Павель): quod poena constituitur in emendationem hominum.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда военнослужащій совершалъ позорное преступленіе ¹ или когда устрашительныя или исправительныя мѣры не оказывали своего дѣйствія, государство примѣняло къ неисправимымъ такія наказанія, которыя влекли за собою удаленіе изъ арміи ². Ради достиженія этой цѣли, съ одной стороны, устанавливались мѣры, ведущія къ устраненію негодныхъ членовъ арміи непосредственно: *ignominiosa missio*, отдача въ рабство, *virgis coedi* и *fustuarium*; съ другой—неисправимость военнослужащаго, подвергнутаго подрядъ тремъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за однородное дѣяніе, влекла примѣненіе смертной казни и именно ради уничтоженія неисправимаго. Это правило имѣло громадное предупредительное значеніе, такъ какъ удерживало военнослужащаго даже отъ дисциплинарныхъ нарушеній. Такимъ образомъ, строя карательную систему войска на принципѣ возмездія, римское право не забывало и утилитарныхъ цѣлей воинскаго наказанія.

Римское военно-уголовное право смотрѣло на наказаніе, какъ на зло, падающее на самого преступника; поэтому и объектомъ ³ его карательной дѣятельности являлся военнослужащій, учинившій преступное дѣяніе. Но это было только общимъ правиломъ, допускавшимъ безчисленный рядъ исключеній, изъ которыхъ наиболѣе серьезнымъ являлась *decimatio*, какъ нарушеніе начала личной отвѣтственности. Здѣсь рѣзче всего проявилась идея: устрашить, во что бы то ни стало, и ради этого пожертвовать кѣмъ бы то ни было, хотя бы и невиннымъ, уничтожая котораго, можно воздѣйствовать и на дѣйствительнаго виновника ⁴. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отысканіе

¹ Сюда относились: похищеніе, злоупотребленіе довѣріемъ, присвоеніе въ дѣлахъ военнаго управленія и другія дѣянія, которыя влекли и для гражданина т. н. «*infamia*».

² Этимъ способомъ стремились оградить правопорядокъ отъ будущихъ нарушеній со стороны виновнаго и охранить товарищей осужденнаго отъ его вліянія.

³ См. выше, стр. 34—35, о субъектѣ римскаго наказанія.

⁴ Этотъ взглядъ особенно рѣшительно проводился въ военное время, когда обстоятельства препятствовали нормальному порядку отправленія правосудія, почему дисциплинарная власть главнокомандующихъ пріобрѣтала выдающееся значеніе; при такихъ условіяхъ можно было примѣнять только сильныя и дѣйствующія навѣрняка карательныя мѣры, принося въ жертву безопасности арміи жизнь и свободу отдѣльныхъ лицъ.

дѣйствительныхъ виновниковъ какого-либо преступленія, совершеннаго частью войскъ, было невозможно, военачальникъ осуществлялъ свою карательную власть, примѣняя ее ко всѣмъ, входящимъ въ составъ команды, или только къ однимъ начальствующимъ лицамъ. Такъ было, на примѣръ, во время африканской войны, когда Сципіонъ¹ лишилъ добычи солдатъ, а военачальствующихъ подвергнулъ смертной казни въ числѣ трехъ человекъ². То же слѣдуетъ замѣтить относительно послѣдствія смертной казни—лишенія погребенія и конфискаціи: какъ то, такъ и другое поражали не только виновника, но и близкихъ ему людей.

Изъ предшествующаго легко видѣть также, что римскій законодатель, устанавливая карательныя средства, добросовѣстно предполагалъ, что чѣмъ больше безнравственности въ наказаніи, тѣмъ оно вѣрнѣе можетъ подѣйствовать на преступника. На почвѣ этого родились всѣ позорящія наказанія: стояніе въ вѣхѣ, отнятіе оружія, лишеніе хлѣба, временное изгнаніе изъ арміи и т. д. Первое время римской исторіи свидѣтельствуетъ, что эти наказанія были вполнѣ цѣлесообразны: римскій солдатъ страшился униженія своей чести и, ради этого, воздерживается отъ нарушеній; но время шло, и наказанія, предупреждавшія прежде преступленія, становились уже разсадникомъ новыхъ нарушеній, предупреждать которыя стало возможнымъ въ эпоху имперіи при помощи болѣе грозныхъ средствъ. Тѣ изъ воинскихъ наказаній, которыя влекли отдачу осужденнаго въ особыя команды для производства работъ, въ свою очередь, представлялись мало исправительными³: рабочія команды были школою преступниковъ,

¹ Титъ Ливій, кн. 30-ая.

² Durat-Lasalle, т. VI, стр. III.

³ Интересно отмѣтить, что здѣсь сосредоточивались, по мѣрѣ нужды въ рабочихъ рукахъ, различные элементы изъ общества и изъ арміи: преступники изъ гражданскихъ лицъ, опорооченные безчестными преступными дѣяніями или сосланные въ заработки, и военнотруженики—за воинскія нарушенія, лишенные корыстныхъ или постыдныхъ побужденій; взаимное вліяніе совершалось свободно, почему солдаты, возвращавшіеся въ армію, легко подавали дурной примѣръ товарищамъ, и воинскій правопорядокъ оставался совершенно необезпеченнымъ. Эти рабочіе отряды имѣли много общаго съ нашими крѣпостными работами въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій.

гдѣ начальническій произволъ доходилъ до высшихъ предѣловъ и воспитывалъ въ осужденныхъ чувство ненависти и обиды.

Мало того, римское воинское наказаніе дурно заботилось и объ окружающихъ лицахъ, о чемъ свидѣтельствуется привлеченіе товарищей осужденнаго къ фактическому исполненію нѣкоторыхъ наказаній; солдаты, по мысли законодателя, въ исполненіи кары должны были выразить свое негодованіе и презрѣніе къ осужденному; но, побивая виновнаго камнями, колотя преступника лозами, они сами мало-по-малу теряли чувства человѣчности, становились жестокими и способными къ проявленію самыхъ дурныхъ свойствъ своей природы. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія моральности, этому условію удовлетворяли только отчасти денежныя взысканія и незначительная часть другихъ наказаній¹.

Наоборотъ, римскому наказанію была свойственна экономичность, не считая, разумѣется, тѣхъ взысканій, которыя состояли въ лишеніи виновнаго тѣхъ или другихъ членовъ тѣла и дѣлали его неспособнымъ къ службѣ, а также и смертной казни; всѣ остальные были разсчитаны на сравнительно небольшой періодъ времени; самое исполненіе ихъ нисколько не препятствовало нарушителю исполнять обязанности службы и было недорогоимъ средствомъ, не требовавшимъ никакихъ затратъ.

Римское воинское наказаніе имѣло свойства дѣйствительности и неизбежности; оно поражало блага и дѣйствовало навѣрняка; эти свойства служили въ цѣляхъ достиженія задачъ общаго предупрежденія, такъ какъ отъ примѣненія наказанія никто изъ компетентныхъ военачальниковъ отказаться не могъ, что было извѣстно и арміи, которая считала наказаніе актомъ возмездія².

Быстрота воинскаго наказанія представлялась также необходимымъ условіемъ карательной дѣятельности государства, и между

¹ Требованіе моральности наказанія противорѣчило у римлянъ идеѣ преступленія, какъ такого дѣянія, которое въ достаточной мѣрѣ отнимаетъ у виновнаго его воинскую честь; въ виду этого примѣнять какія бы то ни было мѣры не позорнаго или воспитательнаго характера представлялось нецѣлесообразнымъ: позорное дѣяніе не могло вызвать моральной реакціи.

² Начальникъ, который, въ интересахъ утилитарныхъ или по другимъ соображеніямъ, отказался бы въ данномъ случаѣ примѣнить наказаніе къ виновному, могъ быть самъ обвиненъ или въ бездѣйствіи власти, или въ измѣнѣ отечеству.

поставленіемъ приговора и моментомъ исполненія наказанія не допускалось никакого промежутка времени. Вся римская военно-карательная система была проникнута также свойствомъ удобоисполняемости: не говоря уже о смертной казни, которая не требовала ни особыхъ средствъ, ни приспособленій, когда военачальникъ довольствовался первымъ попавшимся деревомъ, рѣкою или скалою, всѣ остальные кары — бичеваніе, изгнаніе и т. п. — могли примѣняться легко и безъ излишнихъ расходовъ.

Все вышеизложенное даетъ возможность выставить положеніе, что римское военно-уголовное право, въ отношеніи цѣлей воинскаго наказанія, держалось соединительнаго взгляда, съ одной стороны, признавая наказаніе—возмѣздіемъ, ради восстановленія нарушеннаго права, съ другой,—смотря на воинское наказаніе, какъ на средство достиженія утилитарныхъ цѣлей: устрашенія, исправленія и удаленія.

Германцы и франки.

§ 18. Системы наказаній у германцевъ и франковъ.

Германцы и франки начинаютъ свою исторію сравнительно поздно, когда Римъ достигъ уже извѣстной высоты и совершенства своихъ правовыхъ институтовъ.

Въ основаніи карательной власти у народовъ германскихъ племенъ лежитъ *местъ со стороны обиженнаго*, которая является не только правомъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязанностью. Войско являлось организованнымъ цѣлымъ, во главѣ его стоялъ военачальникъ, существовала извѣстная іерархическая подчиненность, но всѣ юридическія отношенія между военнотружущими, весь правовой складъ войска покоились исключительно на нормахъ обычнаго права; слѣдовательно, и воинскаго правопорядка въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ наше время, будучи основанъ на положительномъ законѣ, не было; преступникъ могъ посягать только на *частныя права* того или другого лица или всѣхъ вообще лицъ, входившихъ въ составъ войска, а по-

этому воинское преступленіе, какъ и преступленіе общее, было только нарушеніемъ частныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ.

Слѣдую общному праву, потерпѣвшій или осуществлялъ право мести, или принималъ отъ нарушителя денежный выкупъ—*wergeld*; то и другое имѣло цѣлью—удовлетвореніе причиненнаго нарушеніемъ вреда.

Однако, по воззрѣніямъ германцевъ, правонарушеніе имѣло частный характеръ только до тѣхъ поръ, пока оно затрогивало интересы частнаго лица или группы частныхъ лицъ; но разъ дѣяніе наносило ущербъ войску и притомъ такой ущербъ, который ничѣмъ нельзя было вознаградить, обычное право допускало осуществленіе права общественной мести, которая отличалась отъ денежнаго выкупа своимъ публичнымъ характеромъ; благодаря этому, военачальникъ не могъ помиловать осужденнаго. Къ такого рода дѣяніямъ германцы относили измѣну и трусость ¹.

Не останавливаясь на примѣненіи личной мести, слѣдуетъ выяснитъ тѣ формы, въ которыхъ выражалась месть общественная въ интересахъ вооруженныхъ силъ. Сюда относятся: отдача въ рабство и смертная казнь; первая являлась измѣненною формою денежнаго выкупа, вторая—выражала собою по идеѣ воинское наказаніе.

Самыми распространенными видами казни были: повѣшеніе и утопленіе. Висѣлица представляла собою наиболѣе простой, дешевый и удобный инструментъ, посредствомъ котораго всегда и вездѣ, въ мѣстахъ расположенія отряда, на походѣ и даже въ бою было легко осуществить право публичной мести. Повѣшеннаго держали на виду у всѣхъ въ теченіе сутокъ и тѣмъ свидѣтельствовали презрѣніе къ нарушителю права и непоколебимость самаго права. Повѣшеніе было наказаніемъ за перебѣжки къ неприятелю, за побѣги и шпіонство. Салическіе ² и лангобардскіе ³ законы содержали въ себѣ постановленія, грозившія повѣшеніемъ за различные проступки, входящіе въ составъ современнаго понятія государственной, территоріальной или военной измѣны. Утопленіе, какъ наказаніе за трусость, носило у германцевъ своеобразную фізіономію ⁴: виновнаго бросали въ болото, и когда

¹ *Dengelmaier, Geschichte, 34.*

² Гл. LXIX.

³ *Lex Langobardorum, 1, 3, 4, 5 и 6; Bouquié, 350.*

⁴ Тацитъ,—О нрав. германцевъ, гл. XII.

тѣло его скрывалось подъ водою, надъ мѣстомъ утопленія наваливали кучи грязи и поверхъ всего клали плетень ¹.

Однако, такое состояніе военно-уголовнаго права у германцевъ не могло продолжаться долго: съ теченіемъ времени, благодаря все большему соприкосновенію германцевъ съ нравами и юридическимъ бытомъ римлянъ, римское право оставляетъ свои слѣды и на правѣ германцевъ. Въ эпоху Тита Ливія германцы, по примѣру римлянъ, употребляютъ уже смертную казнь въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ примѣняли ее римляне: повѣшеніе замѣняется иногда побиваніемъ камнями, утопленіе—раздираніемъ преступника посредствомъ деревьевъ.

Самое исполненіе наказанія имѣетъ много сходства съ римскимъ правомъ: виновный посвящается богамъ и подвергается казни; но въ то время, какъ въ римскомъ войскѣ каждый военачальникъ былъ въ то же время и жрецомъ, германскія полчища имѣли въ своихъ рядахъ особаго жреца, на обязанности котораго и лежало посвященіе при исполненіи наказанія.

Однако, мало-по-малу публичное значеніе наказанія получаетъ все большее признаніе со стороны германцевъ и франковъ, хотя денежный выкупъ продолжаетъ играть по прежнему выдающуюся роль. вмѣсто нормъ обычнаго права, германскія и франкскія племена создаютъ и писаное право.

Первые кодексы появляются у франковъ салическихъ и рипуарскихъ, бургундцевъ, вестготовъ, англосаксовъ, баварцевъ и фризовъ ². Отъ всей этой массы законодательнаго матеріала сохранился только *lex Salica*—единственный документъ, трактующій о первыхъ юридическихъ институтахъ франковъ.

У франковъ выдающимся значеніемъ пользуется принципъ композиціи; *lex Salica* содержитъ въ себѣ опредѣленную таксу на жизнь, здоровье и свободу лица, причемъ въ мирное время цѣна жизни военнотружашаго колеблется въ зависимости отъ его племеннаго происхожденія; во время же войны всѣ воины, начиная

¹ Этотъ видъ смертной казни держался очень долго въ военно-уголовномъ законодательствѣ западной Европы; такъ, напр., Ричардъ Львиное Сердце предписалъ примѣнять утопленіе къ убійцамъ во флотѣ, причемъ тѣло убитаго привязывалось къ убійцѣ и въ такомъ видѣ погружалось въ море (см. Bouquier, 352).

² Амьенъ Марцелинъ, XVII, гл. XIII.

отъ военачальника и кончая рядовымъ, оцѣниваются въ одну и ту же сумму ¹.

Система денежныхъ выкуповъ у франковъ держится наряду съ существованіемъ наказанія ². Въ концѣ VI вѣка по Р. Х. (въ 596 г.) римское военно-уголовное право налагаетъ свою могучую руку на институтъ воинскаго наказанія: король Хильдебертъ предписываетъ эдиктомъ примѣнять къ ворами и убійцамъ смертную казнь ³, а затѣмъ и другія римскія наказанія проникаютъ въ право франковъ. Побиваніе камнями стало наиболѣе употребительнымъ видомъ *смертной казни*; ею пользовались, главнымъ образомъ, въ случаѣ мятежа или возмущенія; но, имѣя въ виду, что подъ понятіе этихъ преступленій могло подводиться безчисленное количество различныхъ дѣяній, составлявшихъ нарушеніе воинскихъ обязанностей, станетъ понятнымъ распространенность этого наказанія ⁴. Исполненіе его совершалось публично, на глазахъ товарищей осужденнаго, посредствомъ меча или топора. Виновнаго привязывали къ стволу дерева и, смотря по формѣ казни, или отрубали ему голову ⁵, или душили веревкою. Иногда примѣнялась висѣлица, замѣнявшаяся въ военное время вѣтвями дубовъ.

Хотя салическіе законы и воспрещали примѣнять къ военно-служащимъ позорное тѣлесное наказаніе, но существованіе его стоитъ внѣ сомнѣнія ⁶: короли, пользуясь громадною властью, имѣли возможность безбоязненно примѣнять это наказаніе не только къ рядовой массѣ, но и къ начальствующимъ лицамъ.

¹ Bouquié, 370—371.

² См. Dangelmaier, Исторія, стр. 34—36. По Рипуарскимъ законамъ наказаніями облагались: вѣроломство королю и убійство военачальника, по капитуляріямъ Ticinense—побѣгъ съ поля сраженія, по лангобардскому праву—побужденіе непріятели къ войнѣ, измѣна королю, бѣгство изъ трусости и побѣгъ.

³ Bouquié, 372; эти преступленія—наиболѣе частыя въ ту эпоху—допускали до этого времени денежный выкупъ.

⁴ Bouquié, 376.

⁵ Иногда даже въ формѣ дисциплинарнаго взысканія, напр. наказаніе Хлодвигомъ солдата на смотру за небрежность. Bouquié, 373.

⁶ По lex Bajuvariorum тѣлесное наказаніе упоминается въ отношеніи не исполняющихъ приказаній или пренебрежительно обращающихся съ начальниками; виновный въ присутствіи герцога подвергался 50 ударамъ; Dangelmaier (Исторія, 35) полагаетъ, что наказаніе производилось посредствомъ дровка копыя.

Извѣстенъ на примѣръ случай, когда австразійскій король Хильдерикъ II приказалъ высѣчь одного изъ офицеровъ своей свиты—Бодилонна. Лѣтописцы положительно утверждаютъ, что такой поступокъ короля былъ противозаконнымъ, а слѣдовательно надо думать, что наказаніе не имѣло большого распространенія въ арміи ¹.

Ко времени короля Лотаря II франкское военно-уголовное право достигло уже извѣстной степени развитія: законодатель сталъ различать среди преступныхъ дѣяній болѣе или менѣе тяжкія. Во главѣ ихъ были поставлены: измѣна, трусость, убійство, которыя облагались смертною казнью ²; къ менѣе важнымъ нарушеніямъ относились: неисполненіе требованій службы, лѣность и т. п., за которыя назначались или принудительныя работы—воздѣлываніе виноградниковъ, работа въ каменоломняхъ—или клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ ³.

Наконецъ, съ теченіемъ времени франкское право стало присоединять къ воинскимъ наказаніямъ различныя правопоражающія послѣдствія: на примѣръ, за всѣ государственныя преступленія, направленные противъ цѣлости арміи или государства, виновный лишался своихъ воинскихъ отличій: поясовъ, одежды и т. п.; въ моментъ исполненія наказанія на него надѣвалось рубище, имѣвшее, по понятіямъ того времени, позорное значеніе и т. п. ⁴.

Къ началу IX-го вѣка въ военно-уголовное право германцевъ и франковъ разнородныя начала проникаютъ все болѣе и болѣе. Серьезное вліяніе оказываетъ здѣсь право каноническое. Церковь, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, содѣйствуетъ введенію въ военно-уголовное право новаго принципа, ничего не имѣвшаго общаго съ началами римскаго права, именно принципа воздержанія: нарушитель воинскаго правопорядка, отнимая своимъ дѣяніемъ у государства извѣстныя выгоды, долженъ былъ какъ бы вознаградить эти выгоды наказаніемъ. Отсюда истекаетъ

¹ „Childericus rex unum Franconem nobilem, nomine Bodilonem, ad stipem tonsum caedere, contra legem praecepit“, Fredeg. Chron., XCV.

² Въ исключительныхъ случаяхъ примѣнялось: привязываніе виновнаго къ хвосту дикой лошади; иногда видъ казни опредѣлялся судомъ, который, напр., въ одномъ случаѣ постановилъ: положить преступниковъ по дорогѣ и раздавить ихъ колесами повозокъ, наполненныхъ камнями (Bouquié. 377—378, см. Mezeray.—Histoire de France, I, 106).

³ Bouquié, 377.

⁴ Ibid. Mezeray, I. 119.

рядъ новыхъ карательныхъ мѣръ, оригинальныхъ по своему содержанию.

Такъ, напримѣръ, лицо, не являвшееся по призыву короля было присуждаемо къ лишенію мяса и вина въ течение того срока, сколько продолжалось его отсутствіе отъ арміи; ¹ за пьянство виновному грозило оригинальное взысканіе—не пить ничего, кромѣ воды и т. д. ²

Благодаря вліянію римскаго права капитуляріи знаютъ уже *infamia* въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ постановленіи объ *ignominiosa missio*: они устанавливають, что солдатъ проявившій на полѣ битвы недостаточно храбрости, долженъ быть объявленъ безчестнымъ и изгнанъ изъ войска. Изгнаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ ограниченіе въ правахъ: воспрещеніе выступать въ роли свидѣтеля на судѣ, лишеніе званія, сословныхъ преимуществъ и конфискацію ³.

Вліяніе римскаго права отразилось также и на измѣненіе характера уголовнаго права германцевъ: ко времени Карла Великаго цѣлый рядъ дѣяній, допускавшихъ вергельдъ, отошелъ къ области уголовно наказуемыхъ: такъ, напримѣръ, дезертирство или отступленіе предъ непріателемъ стали наказываться, какъ преступленія оскорбленія величества ⁴. вмѣстѣ съ этимъ кругъ дѣяній, вредныхъ для арміи, расширился и захватилъ сферу нарушеній, какія не были вовсе знакомы военному праву прежнихъ вѣковъ: сюда относится, напримѣръ, запрещеніе подъ угрозой смертной казни продавать оружіе вообще и непріателю въ особенности ⁵; наконецъ, преступныя дѣянія, допускавшія прежде примѣненіе денежныхъ выкуповъ, выродились въ наказуемыя нарушенія, облагавшіяся осрамительными и членовредительными наказаніями; такъ, воровство влекло за собою выколотіе глаза въ первый разъ, обрѣзаніе носа во второй и смертную казнь въ третій.

Разумѣется, процессъ дифференціаціи частнаго и публичнаго права къ этому времени еще не закончился, и въ капитуляріяхъ

¹ Капитуляріи Карла Великаго, 812 г., III.

² *Lex Wisigothorum*, I, 2, tit. 1, 4 Capit., кн. 1, тит. II, стр. 72. *De non cogendo bibere in hoste*.

³ Bouquié, 401.

⁴ См. капитуляріи 812 г.; Bouquié, 402.

⁵ Capit., 801 г. Bouquié, 403.

еще встрѣчаются постановленія о денежныхъ выкупахъ, но эти послѣдніе, однако, примѣняются уже въ утроенномъ размѣрѣ, перерождаясь мало-по-малу въ институтъ денежныхъ взысканій.

Въ теченіе IX вѣка выдвигается *принципъ отвѣтственности начальниковъ за дѣйствія своихъ подчиненныхъ*, благодаря чему явился рядъ новыхъ карательныхъ мѣръ: на начальникѣ, какъ ставленникѣ короля, лежала обязанность охранять правопорядокъ; неисполненіе этой обязанности создавало особый видъ преступленія, за которое угрожалось отнятіе должности ¹.

§ 19. Цѣли воинскихъ наказаній у германцевъ и франковъ.

Мы встрѣчаемся съ европейскими народами въ такую эпоху, которая ближе всего подходитъ къ первичнымъ моментамъ ихъ общественнаго уклада. Германцы и франки сталкиваются съ римлянами и поражаютъ ихъ своими нравами, бытомъ и условіями существованія: это—вооруженный народъ, не знающій другой жизни, кромѣ военной, другой формы общежитія, кромѣ родового союза. На этихъ ступеняхъ культуры выдвигается особое право мести: всякая обида нанесенная одному изъ членовъ союза, является обидою всего союза; она должна быть отмщена, дабы не повлекла за собою гнѣва боговъ. Это общее начало имѣло отношеніе и къ наказанію воинскому: обида, причиненная сосѣдомъ, поднимала весь родъ, который и отправлялся въ походъ осуществлять свое право мести. Мелкія нарушенія, происходившія въ сферѣ союза и изъ предѣловъ его не выходившія, вѣдались дисциплинарною властью главы общественнаго соединенія.

Но примѣняя къ обидчику ту или другую мѣру, союзъ вовсе не преслѣдовалъ какихъ-либо цѣлей; наказывать виновника было необходимо, такъ какъ того требовали боги, хотѣлъ союзъ; осуществить идею возмездія было необходимо постольку, поскольку данное дѣяніе было обидою. Отсюда и первичное воинское наказаніе не задавалось никакими цѣлями, оно даже не отличалось отъ наказанія общаго, такъ какъ всѣ нарушенія были военными и всѣ наказанія были воинскими, въ виду военного характера самой общины. Поэтому наказаніе служило только

¹ Capit., кн. 2, 5; Bouquié. 404.

средствомъ удовлетворенія чувства мести и было актомъ возмездія, основаннаго на чувственныхъ побужденіяхъ обиженнаго.

Средства возмездія были однообразны по своему содержанію: обидчикъ заслуживалъ смерти или рабства; о какихъ-либо другихъ мѣрахъ въ первое время германцы и франки не имѣли никакого представленія.

Военный складъ общественныхъ союзовъ, такимъ образомъ, нивелировалъ всѣ нарушенія, признавая, что каждое дѣяніе, вредное союзу, представляетъ собою обиду, заслуживающую мести. Вредными же считались только такія дѣйствія, въ которыхъ или выражалось посягательство на частныя права отдѣльных лицъ, или которыя такъ или иначе нарушали безопасность союза, были ли то дѣйствія членовъ чужой или своей общины. Въ тѣ моменты, когда общественный союзъ не представляется въ видѣ крѣпкаго организма, готоваго дать отпоръ каждому непріязненному дѣйствію, право общественной (а не личной) мести осуществляется въ отношеніи только такихъ дѣяній, которыя явно нарушаютъ безопасность союза ¹; всѣ другія не имѣютъ жгучаго характера и значеніе ихъ сравнительно ничтожно—общественный союзъ допускаетъ со стороны виновника денежный выкупъ ².

Такимъ образомъ, одновременное существованіе системы денежныхъ выкуповъ и уголовныхъ наказаній у германцевъ и франковъ получаетъ свое объясненіе: разъ данное нарушеніе захватываетъ сферу государственной безопасности, потребно наказаніе; въ остальныхъ случаяхъ, даже при покушеніи на безопасность, не повлекшемъ за собою важныхъ результатовъ, вергельдъ находитъ полное примѣненіе.

Съ теченіемъ времени, когда общественныя единенія достигли извѣстной прочности, заботы безопасности должны были стать ограниченнѣе; къ военнымъ основамъ союза присоединяются основы взаимопомощи въ интересахъ развитія культуры ³, а вмѣстѣ съ этимъ замѣчается, что понятіе безопасности расширяется и получаетъ иное содержаніе: союзъ стремится оградить себя отъ нарушеній и на будущее время, а отсюда недалеко уже до

¹ Напр. измѣна, трусость, убійство полководца и т. п.

² Покушеніе на жизнь полководца, неявка на службу, неисполненіе приказаній начальниковъ (см. Рипуарскіе законы, гл. 65)

³ Фойницкій, стр. 62—63.

признанія наказанія, какъ акта, полезнаго для союза, могущаго и долженствующаго обезопасить его.

Моменты, которыми можно было бы отмежевать въ исторіи германцевъ и франковъ всѣ указанныя эпохи развитія идея оцѣлесообразности наказанія, указать невозможно, тѣмъ болѣе, что на правѣ этихъ народовъ весьма сильно отразился духъ римскаго права, которое ускорило процессъ вымиранія идеи мести и денежныхъ выкуповъ.

Франки, допускавшіе композиціи въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, примѣняли воинскія наказанія, выработанныя своимъ собственнымъ историческимъ опытомъ, только до момента ихъ столкновенія съ римлянами; позднѣе отъ композицій и самобытныхъ франкскихъ наказаній осталось очень немного; со времени же Карла Великаго военно-уголовное право какъ франковъ, такъ и германцевъ признаетъ воинское наказаніе мѣрою, имѣющею въ виду опредѣленные полезныя цѣли.

Понятно, и право этихъ народовъ не ушло далеко отъ своего прототипа: воинское наказаніе должно было приносить пользу только наказывающему, но не наказываемому, и личность виновника совершенно игнорировалась. Въ виду этого наказаніе стремилось прежде всего уничтожить преступника, путемъ примѣненія къ нему смертной казни или объявленіемъ за безчестнаго, поставленіемъ условныхъ знаковъ, лишеніемъ видныхъ частей тѣла и т. п. Но, уничтожая преступника, государство старалось обезопасить себя и отъ будущихъ нарушеній; отсюда вытекали содержаніе и самая форма наказаній, а также и способы ихъ выполненія. На томъ же принципѣ—стремленіи къ безопасности покоились наказанія, основанныя на началахъ каноническаго права: пьяница могъ быть полезнымъ только тогда, когда не пьянствуетъ,—отсюда воспрещеніе пить что-либо иное, кромѣ воды и т. п.

Такимъ образомъ, цѣлью воинскаго наказанія было стремленіе охранить государство отъ возможныхъ нарушеній; ради этого слѣдовало устрашать и не только самую угрозою наказанія, но и фактическимъ выполненіемъ ея на глазахъ у массы и при ея непосредственномъ участіи.

феодальная эпоха ¹.

§ 20. Системы воинскихъ наказаній въ эпоху феодализма.

Ленно-правовой бытъ народовъ Европы выдвинулъ рядъ своеобразныхъ юридическихъ отношеній: воинскій правопорядокъ, начавшій слагаться въ эпоху Карла Великаго, послѣ его смерти распался; военно-уголовныя опредѣленія капитулярій потеряли силу сами собою и формы военной повинности вылились въ особую ленную систему, образовавъ изъ населенія классъ людей, которые посвящали себя только одному военному ремеслу.

Подъ словомъ «военнослужащій» въ разсматриваемую эпоху слѣдуетъ понимать лицо, надѣленное отъ сюзерена леномъ. Эти лица носили особые костюмы, имѣли свои традиции, и комплектованіе ихъ происходило на особыхъ условіяхъ; они также должны были являть собою примѣръ мужества, храбрости, благородства, при чемъ самое посвященіе въ рыцари имѣло характеръ церковнаго акта. Обязанности ихъ состояли въ томъ, что, получивъ отъ короля ленъ, они являлись по первому призыву сюзерена для несенія боевой службы, имѣя при себѣ извѣстное число слугъ.

Эти слуги набирались вассаломъ изъ населенія даннаго лена; вассаль вооружалъ ихъ на собственный счетъ и давалъ имъ содержаніе. Несмотря на то, что слуги совершали вмѣстѣ съ рыцарями военные походы и представляли собою главную массу войска, они не могутъ быть названы военнослужащими въ томъ смыслѣ, какъ это относится къ рыцарямъ: военная служба для рыцарей была единственнымъ призваніемъ, для слугъ—временнымъ занятіемъ; первые являлись привилегированными классами въ отношеніи наказанія, вторые—наоборотъ.

На этомъ различіи покоится все военно-карательное законодательство эпохи. Вассаль, ленникъ могъ совершить только одно преступленіе чисто воинскаго характера: не явиться по призыву сюзерена; еще Карлъ Великій, создавая ленную систему,

¹ См. Waitz, Deutsche Verfassungs Geschichte; Fustel de Coulanges, Les origines du système féodal; Bouquié, De la iustice; Dangelmaier, Исторія; Павловъ-Сильванскій, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси.

въ своихъ капитуляріяхъ 812 года грозилъ нарушителямъ лишеніемъ бенефіцій и воинской чести; съ этого времени, какъ говоритъ Bouquié ¹, лишеніе правъ было почти единственнымъ наказаніемъ рыцаря и «если бы феодальная эпоха имѣла военно-уголовный кодексъ, это постановленіе составило бы главный артикулъ его». Обычное право усвоило этому преступленію специальное названіе «вѣроломства», такъ какъ вассалъ клялся быть «вѣрнымъ», привязаннымъ, «уважать сюзерена и короля» и являться по первому требованію; нарушая свои обязанности, вассалъ нарушалъ свою клятву, свое слово рыцаря и совершалъ вѣроломство. Впослѣдствіи, уже къ XII столѣтію, появившіеся во множествѣ законодательные памятники расширяютъ понятіе вѣроломства, подводя подъ него всевозможные виды отказа вассала отъ службы и неповиновеніе итти по призыву сюзерена; иногда за это преступленіе, какъ нарушеніе договора, заключеннаго между вассаломъ и сюзереномъ, грозило особое наказаніе, право сеньера, носившее названіе «foris factura» ².

Лишеніе правъ за вѣроломство почти повсемѣстно въ Европѣ носило одинаковый характеръ: если преступленіе совершалъ леникъ, къ нему примѣнялась конфискація и лишеніе лена ³; если же виновнымъ оказывался безземельный рыцарь, которыхъ впослѣдствіи было очень много, то его приговаривали или къ изгнанію, или даже къ отдачѣ въ рабство ⁴. Во всякомъ случаѣ виновный подлежалъ *лишенію рыцарскаго званія*.

Исторія военно-уголовнаго права хранить безчисленный рядъ формъ и примѣровъ лишенія званія: въ зависимости отъ культурнаго состоянія данной страны и данной эпохи, оно имѣло свой характеръ: такъ, на примѣръ, по французскому обычаю, виновнаго выводили на публичное мѣсто въ полномъ вооруженіи; къ нему приближался войсковой поваръ, который своимъ кухоннымъ ножомъ обрѣзалъ надъ кучею навоза ремни у шпоръ преступника, послѣ чего онѣ переходили въ руки палача, кото-

¹ Bouquié, стр. 440.

² Право foris factura или forfeiture встрѣчалось только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не было общимъ принципомъ феодализма; см. у Павлова-Сильванскаго, указ. соч. стр. 39; Guisot, Histoire de la civilisation en France, IV, 33—34.

³ Иногда примѣнялось, въ видѣ наказанія, лишеніе доходовъ отъ бенефіцій или конфискація лошади и упряжи. Bouquié, 578—579.

⁴ Bouquié, 441.

рый и разбивалъ ихъ топоромъ у каблука¹; затѣмъ осужденный всходилъ на эшафотъ, передъ нимъ клали на столбъ щитъ съ гербомъ, герольдъ провозглашалъ громко: «traître, déloyal, foy-mentie»; къ преступнику подходили священники и, послѣ прочтенія отходной молитвы, пѣли псаломъ «Deus laudem ne tacueris», при чемъ въ промежутки между стихами псалма войсковые герольды снимали съ рыцаря всѣ его отличія; наконецъ, палачъ приступалъ къ исполненію смертной казни, которая во Франціи являлась необходимымъ послѣдствіемъ лишенія званія.— Въ Англіи виновнаго выводили предъ строй рыцарей, съ него снимали португее и шпагу, обрѣзывали шпоры, лишали наручней и чернили оружіе². Въ Германіи съ потерей рыцарскаго званія соединялось повѣшеніе, при чемъ, до исполненія наказанія, щитъ преступника втапывался въ грязь³. Впослѣдствіи, къ концу среднихъ вѣковъ, короли стали широко практиковать это наказаніе, которое, уничтожая рыцарство, давало въ руки королей громадныя богатства.

Помимо вышеуказанныхъ наказаній, рыцари могли подвергаться другимъ карательнымъ мѣрамъ за нарушеніе ленной вѣрности или дисциплины.

Въ «Etablissements de Saint-Louis»⁴ содержится постановленіе, которое предписываетъ рыцарю, виновному въ вѣроломствѣ, имѣть сапоги безъ шпоръ, лошадь—безъ подковъ и безъ сѣдла; иногда виновнаго сажали на раскованную лошадь и въ такомъ видѣ проводили ее по улицамъ города; въ зависимости отъ тяжести нарушенія, лошадь расковывалась на одну, двѣ, три или даже четыре ноги.

Рыцарское военно-уголовное право знало и позорящія наказанія: ношеніе на рукахъ или плечахъ, на извѣстномъ протяженіи дороги, сѣдла или собаки—«sèle chevalière», или «chevalière», которое и примѣнялось за разбои или грабежи⁵; въ

¹ Etabl. de saint Louis I, 130: „se aucuns hons estoit chevalier et ne fust pas gentis hons de parage, ains le porroit prendre li rois ou li bers, en qui chastellenie ce seroit et trancher ses esperons seur un fumie“.—Bouquié, 500.

² Chambertaine, — Etat présent de l'Angleterre; Bouquié, 499.

³ Bouquié, ibid.

⁴ I, 130.

⁵ По капитулярію 867 г. за кражу назначалось денежное взысканіе въ размѣрѣ тройной цѣны похищеннаго и ношеніе сѣдла.

болѣ тяжкихъ случаяхъ, на примѣръ, при поджогѣ, виновные обязаны были итти въ походъ голыми ногами въ одной рубашкѣ и съ пучкомъ крапивы, неся также сѣдло или собаку ¹.

Каждый вассалъ, соединяя въ себѣ законодательную, административную и судебную власть въ отношеніи своихъ подчиненныхъ, осуществлялъ таковую въ замкѣ, на походѣ, въ бою; родъ, мѣра и формы карательныхъ средствъ всецѣло зависѣли отъ его усмотрѣнія, а самыя нарушенія не были опредѣлены. Комплектованіе отрядовъ производилось изъ населенія даннаго лена. Повинность эта носила неопредѣленные черты: забирали на службу, кого хотѣли; содержали такъ, какъ это было удобнѣе для господина.

Въ отношеніи ихъ военно-карательная дѣятельность получаетъ своеобразный характеръ. Смертная казнь была поставлена во главѣ наказаній, и феодальная эпоха не внесла въ нее почти ничего новаго: употреблялась та же висѣлица, то же раздираніе тѣла посредствомъ деревьевъ и т. п. Однако, въ эту же эпоху наказаніе начинаетъ удорожаться: дешевыя карательныя средства хотя и примѣняются по-прежнему, но на ряду съ ними выдвигаются и такія, которыя для исполненія требуютъ нѣкоторыхъ приспособленій; такимъ образомъ появляется колесованіе, сожженіе на медленномъ огнѣ, въ одеждѣ, пропитанной смолою, и т. п.; въ нѣкоторыхъ государствахъ къ провинившимся примѣняли похороненіе живымъ ²; по обычному праву Бретани, за нѣкоторыя преступленія виновника варили въ котлѣ, а затѣмъ вѣшали ³; наконецъ, казнь безъ суда, властью и рукою начальника-офицера, имѣла мѣсто въ отношеніи каждаго солдата, заснувшаго на часахъ и т. п.

Наряду со смертною казнью широкою распространенностью пользуются членовредительныя наказанія: обрѣзаніе языка, уха, ноги, губъ и т. п., и наказанія тѣлесныя.

¹ Ношеніе собаки являлось болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Dangelmaier рассказываетъ, что Фридрихъ Барбарусса назначилъ графу фонъ Сталекъ за нарушеніе мира нести на протяженіи мили собаку, а соучастникамъ его — сѣдла. Въ саксонской арміи ношеніе сѣдель практиковалось еще въ началѣ XIX ст. въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія (Dangelmaier, Исторія. 35—36).

² Bouquié, 587.—См. Аугсбургскій статутъ XII ст.

³ Bouquié, 586.

Но, повторяя зады стараго права, феодальная эпоха создала нѣчто свое: она отмѣтила, какъ благо, *свободу*. Но и здѣсь, поражая свободу человѣка, законодатель дѣйствовалъ ради достиженія тѣхъ же цѣлей, какія преслѣдовалъ онъ, уничтожая жизнь или тѣлесную неприкосновенность. Поэтому онъ, не даваясь какими-либо спеціальными цѣлями, попросту захватывалъ преступника и заключеніемъ его въ отдѣльное помѣщеніе хотѣлъ предупредить возможность правонарушеній со стороны другихъ лицъ. Отсюда понятно, почему феодальная эпоха допускала только вѣчное лишеніе свободы; изъ этого же начала вытекаетъ и способъ отбытія этого наказанія: преступникомъ не интересовались, его внутренній міръ признавался преступнымъ, вреднымъ, онъ могъ дурно воздѣйствовать на окружающихъ; ради этого, виновнаго помѣщали «въ вонючую яму, шириною не болѣе гробницы, вырытую въ скалѣ, сырую, лишенную свѣта и воздуха»¹; объ осужденныхъ никто не заботился; не только духовный строй ихъ, но даже физическое существованіе мало кого интересовало; въ результатѣ — скорая смерть отъ голода, болѣзней, истощенія. Не даромъ же виновные предпочитали смертную казнь этому наиболѣе жестокому изъ наказаній. Болѣе легкимъ видомъ лишенія свободы въ Германіи въ послѣдніе годы среднихъ вѣковъ было установлено заключеніе въ клѣтку², куда запирали виновнаго; клѣтка помѣщалась внѣ мѣста расположенія отряда, за лагерными валами, на возвышенномъ мѣстѣ, подъ выстрѣлами непріятеля; по преимуществу, наказаніе это отбывалось въ теченіе ночного времени.

Изъ наказаній, которыя имѣли своимъ объектомъ и тѣлесную неприкосновенность и честь виновнаго, отмѣтимъ т. н. *chevalet*, ошейникъ и оковы³.

Первое представляло собою укрѣпленное на 5—6-ти футовыхъ столбахъ бревно, на которое сажали виновнаго, при чемъ къ рукамъ и ногамъ его подвѣшивались тяжелыя гири: благодаря тяжестимъ, преступникъ не могъ сдвинуться съ мѣста; верхній гребень бревна былъ заостренъ. Иногда къ этому наказанію присоединялся ошейникъ—круглая деревянная планка, усѣянная же-

¹ Bouquié, 448.

² Bouquié, 580.

³ Ibid, прим.—*Chevalet* въ другихъ странахъ носило названіе «кобылъ», «кбзелъ» и т. п.

лѣзными гвоздями, которая облежала шею преступника и не позволяла ему двигаться. Оковы въ видѣ желѣзныхъ цѣпей надѣвались на руки или на ноги виновныхъ, въ видѣ двустворчатой доски, съ продѣланными посрединѣ ея широкими отверстіями—надѣвались на ноги его ¹.

Феодальное право знало клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ и тѣлесное наказаніе палками; такъ, на примѣръ, исполненіе наказаній надъ дезертирами отлагалось до тѣхъ поръ, пока не будетъ поймано извѣстное ихъ количество, послѣ чего особо важныхъ изъ нихъ подвергали смертной казни, другихъ прогоняли сквозъ строй, третьихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ ².

Наиболѣе мучительнымъ изъ тѣлесныхъ наказаній слѣдуетъ считать наказаніе за кражу во время похода: виновному сбривали голову ³ и тѣмъ лишали его воинской чести, затѣмъ палачъ, съ помощью особаго приспособленія, капаль на обритую голову осужденнаго горячую смолу ⁴. Прогнаніе сквозъ строй ⁵ особенно практиковалось въ венгерскихъ земляхъ въ качествѣ легкаго тѣлеснаго наказанія за незначительные проступки по службѣ (какъ, на примѣръ, за прибытіе по сигналу послѣднимъ).

Феодальное право знало и денежныя взысканія, но они имѣли примѣненіе только въ случаяхъ имущественныхъ правонарушеній; къ этого же рода наказаніямъ слѣдуетъ отнести потерю вооруженія, напоминающее собою римское *censio hastaria*.

§ 21. Цѣли воинскихъ наказаній феодальной эпохи.

Несмотря на все разнообразіе военно-карательныхъ мѣръ, осуществляемыхъ средневѣковымъ государствомъ въ отношеніи рыцарей и простыхъ слугъ, несмотря на различіе социальныхъ

¹ Кромѣ того, во Франціи употреблялся тѣмъ *sonnette*, особый инструментъ—желѣзный или деревянный,—который надѣвался на руки и шею виновныхъ; послѣдніе привязывались другъ къ другу и помѣщались верхомъ на горизонтальные столбы. Это наказаніе примѣнялось за мародерство, ложъ и пьянство; оно было одновременно и болѣзненнымъ и поражающимъ честь (*Bouquié*, 580 примѣч.).

² Примѣненіе къ виновному того или другого изъ указанныхъ наказаній опредѣлялось или усмотрѣніемъ начальника, или рѣшеніемъ суда, или — чаще всего — жребіемъ.

³ *Dangelmaier*, — *Geschichte*, 43.

⁴ *Bouquié*, 586.

⁵ Законъ Фридриха I 1158 г.; *Dangelmaier*, *ibid*.

правъ объектовъ наказанія, несмотря, наконецъ, на самый характеръ тѣхъ и другихъ карательныхъ мѣръ, тѣмъ не менѣ воинское наказаніе служило средствомъ достиженія единственно реальной цѣли — предупрежденія преступленій путемъ устрашенія.

Въ самомъ дѣлѣ, будучи основано на суровомъ принципѣ тальона, стремясь къ воздаянію равнымъ за равное ¹, наказаніе являлось съ характеромъ чисто устрашительной мѣры; никакія другія задачи не могли быть къ нему предъявляемы, въ виду характера государственной организаціи той эпохи: съ одной стороны—сюзеренъ, принимая отъ вассала присягу на вѣрность, страшился возможнаго ея нарушенія; присяга была единственной гарантіей цѣлости владѣній сюзерена и гарантіей весьма ненадежной: каждую минуту король могъ опасаться нападеній со стороны своего подчиненнаго, порою не менѣ могущественнаго ленника. Въ свою очередь, вассалъ имѣлъ слишкомъ мало увѣренности въ своей неприкосновенности: грубая масса закрѣпощеннаго населенія ежеминутно могла выпустить свои когти. Такая необезпеченность заставляла королей и вассаловъ, при отправленіи своей карательной дѣятельности, руководствоваться цѣлью устрашенія: нарушилъ ли вассалъ присягу на вѣрность, посягнулъ ли онъ на могущество сюзерена, — въ цѣляхъ самосохраненія сильнѣйшему необходимо было принять самыя устрашающія мѣры: конфисковать имущество виновнаго, лишить его рыцарскаго званія и повѣсить. Устрашая возможныхъ посягателей на королевское могущество, короли уничтожали и преступниковъ.

То же самое явленіе наблюдается и въ отношеніи рыцарскихъ слугъ, — кучки людей, оторванныхъ отъ мѣста жительства, разлученныхъ съ семьями, голодныхъ, плохо одѣтыхъ, притѣсняемыхъ; ради самосохраненія, ради уничтоженія заразительности примѣра, ради доказательствъ своего могущества, вассалъ уничтожалъ виновныхъ, прогоняя ихъ сквозь строй, вѣшая, сожигая, бросая въ темницы. Но эти же мѣры — жестокія, мучительныя, устрашающія—имѣли прямою своею цѣлью возбудить въ зрителяхъ ужасъ, способный уничтожить въ корнѣ всякое проявленіе преступности, подавляющій чувственныя побужденія подчиненнаго.

¹ «Oculum pro oculo, dentem pro dente, caput pro capite reddet»—слова одного изъ ордоннансовъ (1127 г. въ С.-Омерѣ).

Отсюда становится яснымъ, почему преступнымъ въ средніе вѣка считалось только то, что нарушало интересы сеньера: похищеніе чужого имущества въ мирной обстановкѣ влекло ампутацію руки, чтобы уничтожить этимъ у виновника возможность воровать, у зрителей — желаніе пользоваться чужимъ; во время похода, когда воръ, похищая вещь своего товарища, проявлялъ тѣмъ самымъ опасную для вассала волю, — его подвергали мучительному наказанію; но разбой, насиліе, истязанія, совершаемыя противъ побѣжденныхъ или вассаломъ противъ слабо обезпеченнаго и фактически и юридически населенія, не составляли запрещенныхъ дѣяній¹, такъ какъ они не нарушали интересовъ господина, а въ иныхъ случаяхъ даже содѣйствовали таковымъ. Отсюда слѣдуетъ, что общее предупрежденіе посредствомъ исполненія наказанія, въ самыхъ грубыхъ его проявленіяхъ и формахъ, составляло непосредственную задачу воинскаго наказанія.

Крестовые походы, это колоссальное мировое явленіе, оставили неизгладимыя черты на всей военно-карательной системѣ феодальной эпохи; познакомившись съ бытомъ мусульманъ, съ ихъ примитивными формами устрашенія¹, тогдашніе государи не замедлили перенести ихъ на свою почву и убѣдиться въ ихъ безусловной пригодности. Изъ этого родились незнакомыя военному праву наказанія: вырываніе языка, кастрація и т. п.

Въ области менѣе важныхъ преступныхъ нарушеній феодальное военно-уголовное право оказалось болѣе мягкимъ, но не сумѣло дать этимъ карательнымъ средствамъ другихъ цѣлей; даже устанавливая лишеніе свободы, — этотъ наиболѣе распространенный видъ наказанія въ наше время, — законодатель хотѣлъ только уничтожить возможность нарушеній, дѣйствуя физически на преступника и психически на толпу. Что касается другихъ мѣръ — ношенія рыцарями собакъ, сидѣнія на столбахъ, ошейниковъ, оковъ и т. п. — всѣ онѣ стремились перевоспитать окружающихъ, но не виновника. Такимъ образомъ содержаніе всей

¹ Вѣрнѣе — совершителей таковыхъ дѣяній нельзя было преслѣдовать въ виду слабости центральной государственной власти. См. Павловъ-Сильванскій, — Феодальныя отношенія, стр. 65.

² Коранъ говорилъ: «О вы, имѣющія сердца, ищите спокойствія дней вашихъ въ возмездіи и ужасѣ, который оно возбуждаетъ.» — См. Durat-Lasalle. т. IX, стр. CXLVI.

военно-карательной дѣятельности въ разсматриваемую эпоху сводилось къ устрашенію и отчасти къ удаленію виновнаго посредствомъ захвата его.

Въ эпоху ленныхъ войскъ наказаніе не было зломъ, падающимъ на самого виновника, и часто слуги своей жизнью, свободой и здоровьемъ платились за господъ, равно какъ и господа платили выкупы за своихъ слугъ. Принципъ личной отвѣтственности пользовался только частичнымъ признаніемъ, такъ какъ для господина важно было наказать, но кого — это представлялось безразличнымъ, ибо главное дѣйствіе наказанія должно было проявляться въ отношеніи толпы. Въ выборѣ карательныхъ средствъ феодальное государство не брезговало ничѣмъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» — было единственною основою наказанія.

Самымъ выдающимся, колоритнымъ свойствомъ наказанія, примѣнявшагося къ рыцарямъ, была его слишкомъ очевидная неэффективность. Въ самомъ дѣлѣ, мало было установить, что рыцарь нарушилъ вѣрность, мало было объявить его лишеннымъ лена и потерявшимъ званіе рыцаря,—судьбѣ приходилось искать виновнаго и вести съ нимъ обыкновенную войну; и чѣмъ могущественнѣе былъ виновникъ, тѣмъ менѣе дѣйствительно было наказаніе и тѣмъ легче было его избѣжать.

Ни возстановимости, ни дѣлимости, ни даже экономичности феодальное наказаніе не знало: оно было суровымъ актомъ возмездія могущественнаго государя надъ менѣе сильнымъ вассаломъ или насиліями вассала надъ крѣпостнымъ человѣкомъ; но въ то же время оно было средствомъ достиженія утилитарныхъ цѣлей—устрашить, предупредить угрозою исполненія уголовной кары самую возможность будущихъ нарушеній или захватить преступника, какъ опаснаго человѣка, и воспрепятствовать ему совершать зло. Насколько всѣ эти мѣры достигали своихъ цѣлей, легко видѣть изъ тѣхъ безконечныхъ фактовъ нарушенія ленной вѣрности, которые составляютъ содержаніе исторіи среднихъ вѣковъ; что же касается сѣрой массы подкомандныхъ людей, то это былъ сбродъ недисциплинированныхъ головорѣзовъ, готовыхъ ежеминутно совершить самое тяжкое правонарушеніе, даже въ моментъ исполненія уголовной угрозы.

ГЛАВА II.

§ 22. Эпоха постоянныхъ войскъ.

Конецъ феодальной эпохи въ области военной исторіи ознаменовался появленіемъ почти повсемѣстно въ Европѣ наемныхъ войскъ, комплектованіе которыхъ совершалось путемъ вербовки изъ людей всѣхъ сословій. Въ XV столѣтіи рыцарство представляло собою уже выродившійся институтъ, и ленно - правовая система была въ корнѣ подорвана. Наемныя арміи, собиравшіяся на время войны, не могли однако удовлетворять вполнѣ задачамъ охраненія безопасности: ландскнехтъ давалъ присягу соблюдать строгіе военно-уголовные законы только во время исполненія боевой службы, внѣ которой онъ являлся «свободнѣйшимъ человекомъ»¹. Государь съ одной стороны и наемникъ съ другой являлись простыми контрагентами, сторонами договора; всѣ взаимоотношенія между ними исчерпывались содержаніемъ этого договора, который и являлся, такимъ образомъ, источникомъ военно-уголовнаго права.

Ради поддержанія воинскаго правопорядка, вытекающаго изъ договора, въ распоряженіи полковника былъ запасъ различныхъ карательныхъ мѣръ, которыя являлись, въ сущности, неустойкой для лица, нарушившаго договоръ.

Однако, частно-правовой характеръ отношеній между военнослужащими не могъ долго продержаться, и почти одновременно съ наемными войсками появляются постоянныя войска, обязанныя службою государству, формировавшіяся по возможности изъ лицъ той же національности и не расходившіяся по домамъ по окончаніи военныхъ дѣйствій.

Въ эту переходную эпоху военно-уголовное право вступаетъ

¹ Dangelmaier, Исторія, 50.

въ новыя условія: обычай, игравшій почти исключительную роль въ періодъ рыцарства, ко времени наемныхъ армій теряетъ свое преимущественное значеніе, смѣняясь правомъ договорнымъ, установливающимъ извѣстныя правоотношенія между договаривающимися сторонами; наоборотъ, созданіе постоянныхъ армій выдвигаетъ, въ качествѣ источника военного права, законъ, а въ качествѣ субъекта законодательной власти—монарха, которому всецѣло и нераздѣльно стали принадлежать инициатива и санкція закона.

Въ такихъ условіяхъ родились постоянныя арміи. Попутно съ упорядоченіемъ военного быта, съ установленіемъ воинскаго правопорядка, начальническое усмотрѣніе, въ опредѣленіи размѣра и вида воинскихъ наказаній, становится въ опредѣленныя границы. Самое наказаніе, продолжая еще въ теченіе долгаго времени сохранять черты, заимствованныя отъ предшествующей эпохи, мало-по-малу мѣняетъ свое содержаніе и форму; вмѣсто цѣлей устрашенія выдвигаются новыя задачи для карательной дѣятельности, хотя и въ эту эпоху королевская власть, вооружая армію огнестрѣльнымъ оружіемъ и создавая этимъ огромную силу, еще не рѣшается отказаться отъ сильныхъ мѣръ уголовной репрессіи, чтобы не ослабить тѣмъ самымъ устрашительной силы угрозы.

Франція.

§ 23. Системы и цѣль воинскихъ наказаній въ до-революціонную эпоху.

Учрежденіе постоянныхъ войскъ во Франціи относится къ 1534 г., когда Францискъ I организовалъ изъ жителей провинцій на началахъ обязательной повинности¹ семь легіоновъ, устройство которыхъ было опредѣлено изданными тогда же ордоннан-

¹ Бобровскій, — Состояніе военного права, стр. 329.

сами. Вслѣдъ за первымъ ордоннансомъ 24-го іюля 1534 года ¹ появляется рядъ другихъ—20-го марта 1550 года, 23-го декабря 1553 года, 20-го марта 1557 года и 4-го ноября 1651 года; всѣ они вполнѣ вошли въ ордоннансъ 1-го іюля 1727 года, представлявшій собою первый военно-уголовный кодексъ ². Въ этихъ законахъ идея воинскаго наказанія по-прежнему еще живетъ въ средневѣковомъ своемъ содержаніи. Объектами его являются разнообразныя блага военнослужащаго: жизнь, тѣлесная неприкосновенность, свобода, воинская и гражданская честь и имущество.

Лишеніе жизни, какъ и въ средніе вѣка, представляетъ собою выдающуюся карательную мѣру: нарушителей воинскаго порядка подвергаютъ повѣшенію, разстрѣлянню, удушенію, четвертованію, сожженію и колесованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель признаетъ необходимымъ присоединять къ этому наказанію пораженіе чести и лишеніе имущества: военнослужащій, осужденный къ смерти, считается уже неспособнымъ къ ношенію воинскаго званія, его лишаютъ чести и только послѣ этого отнимаютъ жизнь. Иногда смертной казни предшествовало примѣненіе членовредительныхъ наказаній; такъ, напримѣръ, по закону 1-го іюля 1727 года ³ за обнаженіе шпаги противъ начальника или старшаго, даже если это было вызвано дурнымъ обращеніемъ со стороны послѣдняго, виновный подвергался отнятію руки и смертной казни; точно также виновный въ кражѣ какихъ-либо предметовъ у торговцевъ, находящихся при арміи, подвергался прежде всего прохожденію сквозь строй, а затѣмъ повѣшенію ⁴. Французское военно-уголовное право знало также особые виды квалифицированной смертной казни: такъ, напримѣръ, по закону 1727 года 1-го іюля ⁵, за святотатство военнослужащій былъ присуждаемъ одновременно къ повѣшенію и сожженію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судебная власть была лишена возможности преслѣдовать преступника, примѣнялась *заочная смертная казнь*.

¹ Отмѣтимъ, что составителемъ этого перваго военно-уголовнаго кодекса былъ одинъ изъ генераловъ Франциска I—Guillaume du Bellay—«отецъ военныхъ криминалистовъ». Кодексъ носилъ названіе *Instruction sur le fait de guerre* и указывалъ способы поддержанія воинской дисциплины.

² Огу, стр. 293—294.

³ Art. 41; Огу, № 413.

⁴ Art. 58 зак. 24 іюля 1534 г.; art. 27 зак. 22 марта 1537 г.

⁵ Art. 26.

Тѣлесныя наказанія представляли собою довольно пеструю группу. Самымъ грознымъ изъ нихъ было прохожденіе сквозь строй *passer par les armes* ¹, затѣмъ клейменіе ², прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ ³, обрѣзаніе ушей ⁴, носа, рукъ, ногъ, губъ, пальцевъ, ошейникъ и т. п.; военнослужащіе не были также изъяты отъ общеуголовнаго наказанія—публичнаго сѣченія плетью ⁵; въ видѣ дисциплинарной мѣры примѣнялось посаженіе на деревянную лошадь.

Въ эту эпоху мало-по-малу появляются въ законодательствѣ совершенно новыя воинскія наказанія противъ свободы: ссылка на галеры, заключеніе (*réclusion dans une maison de force*) и тюрьма (*prison*) ⁶. Первое и второе являлись въ качествѣ безсрочныхъ наказаній.

Воинскія наказанія, имѣвшія своимъ объектомъ *честь* военнослужащаго, были не сложны; во главѣ ихъ стояло лишеніе чести, исключеніе изъ службы, объявленіе бродягою, потеря правъ дворянства, выговоры и испрошеніе прощенія; къ этому же виду наказаній относится и изгнаніе; съ лишеніемъ служебныхъ правъ всегда соединялась потеря правъ общегражданскихъ.

Къ *имущественнымъ взысканіямъ* принадлежали конфискація и денежныя пени; первая соединялась со смертной казнью и членовредительными наказаніями; вторыя примѣнялись самостоятельно.

Въ такомъ видѣ представляется система воинскихъ наказаній французскаго военно-уголовнаго права въ его до-революціонный періодъ, когда принципъ тальона занимаетъ господствующее положеніе: поднявшій руку—лишается руки, обнажившій оружіе—погибаетъ отъ оружія и т. д. Однако, принципъ тальона не проводится уже въ своей чистой формѣ. Законодатель допускаетъ безчисленныя уклоненія отъ него, но наказаніе не теряетъ характера возданія зломъ за зло. Этотъ принципъ даетъ себя знать повсюду: преступленіе (а не преступникъ) не остается безъ воз-

¹ Ordonn. 1666 г.; 1716 г., art. 6; 1534 г., art. 58; 1537 г., art. 27. J o u s s e (1771 г.) утверждаетъ, что смертная казнь въ формѣ «*passer par les armes*» состояла «à tuer le coupable à coups de fusil» (?)—*Traité de la justice criminelle*, 1 часть, 46 стр.

² См. декларацію 4 марта 1724 г., art. 5.

³ Зак. 1686 г.; 1727 г., art. 36.

⁴ Зак. 1534 г., art. 32; 1537 г., art. 21.

⁵ Ordon. 1534 г., art. 50; 1536 г., art. 39; 1727 г., art. 44.

⁶ Въ рѣдкихъ случаяхъ *prison* было срочнымъ наказаніемъ.

мездія — наказанія; оно требуется во имя неизбежности и действительности военно-уголовной кары, дабы этимъ предохранить армію отъ нарушителей, а воинскій порядокъ—отъ посягательствъ. Ради этого, наказаніе примѣняется независимо отъ того, имѣется или нѣтъ на лицо преступникъ; такъ, напримѣръ, если дезертиръ избѣгалъ кары, принципъ возмездія требовалъ символическаго наказанія: виновнаго четвертовали заочно и представляли части казеннаго чучела на видныхъ мѣстахъ ¹. Такимъ образомъ, преступленіе не оставалось безнаказаннымъ.

Въ сферѣ мелкихъ служебныхъ нарушеній принципъ тальона игралъ не меньшую роль: такъ, по ордоннансу Франциска 1534 г., всякій военнослужащій, какого бы званія онъ ни былъ, за громкій разговоръ въ строю или крики подвергался прожженію языка; за поджоги—сожженію и т. п.

Однако, французское военно-уголовное право не забывало и утилитарныхъ цѣлей: необходимо было осуществить наказаніе ради того, чтобы въ массѣ военнослужащихъ осталось сильное впечатлѣніе, которое парализовало бы преступную волю окружающихъ, «*afin que les autres y puissent prendre exemple*» ².

Эта примѣрность уголовной кары достигалась, съ одной стороны, жестокостью карательныхъ мѣръ, а съ другой—публичностью ихъ исполненія. Виновнаго разстрѣливали на глазахъ товарищей; палачами являлись тѣ же военнослужащіе, зрителями—люди той части, къ которой принадлежалъ виновный. Если дезертира задерживали внѣ мѣста расположенія его отряда, то для исполненія наказанія его пересылали въ часть и тамъ уже вѣшали.

Но законодатель не могъ довольствоваться только однимъ этимъ: при громадномъ числѣ побѣговъ, надо было устрашать какъ можно сильнѣе. На этой почвѣ рождается нѣчто подобное римской децимаціи: начальникъ выжидаетъ того момента, когда бѣглецы будутъ задержаны въ количествѣ нѣсколькихъ лицъ; затѣмъ, собирая войска и выводя предъ строй преступниковъ, онъ бросаетъ жребій, по которому одинъ изъ трехъ долженъ пройти сквозь строй, остальные два отправиться въ вѣчную работу на галеры ³.

Французское право, въ своемъ стремленіи достигнуть цѣлей общаго предупрежденія, должно было отказываться въ нѣкото-

¹ Ory, стр. 295; ordonn. 1534 г., art. 54.

² См. ordonn. 24 іюля 1534 г., art. 54.

³ Ordonn. 1666 г.; 2 іюля 1716 г., art. 6

рыхъ случаяхъ отъ судебного порядка назначенія наказаній; ради этого, оно даетъ въ руки *prevot* громадную дисциплинарную власть—опредѣлять наказанія по своему усмотрѣнію.

На такихъ началахъ вело французское право борьбу съ воинскими преступленіями. Арміи были полны уродами, лишенными носовъ, губъ, ушей и другихъ частей тѣла; находясь въ рядахъ товарищей, они служили живымъ, постояннымъ напоминаніемъ о запрещенности того или другого дѣянія и тѣмъ самымъ удерживали возможныхъ нарушителей. Этой же цѣли служили и всѣ остальные мѣры: клейменный знакомъ R (*révolte*) или T (*trahison*) долженъ былъ являть собою вѣрное предупрежденіе; военнотружашій, лишенный губъ, съ обнаженными зубами и деснами, имѣлъ страшный видъ, способный внушить отвращеніе и тѣмъ утѣшить и другихъ ¹; прогоняя сквозь строй преступника и заставляя зрителей вмѣстѣ съ тѣмъ быть энергичными исполнителями, законъ желалъ отбить у палачей всякую охоту къ нарушеніямъ и тѣмъ охранить воинскій правопорядокъ.

Но и этого мало: въ большинствѣ случаевъ законъ грозилъ не только самимъ нарушителямъ, но и ихъ родственникамъ: помимо смертной казни нарушителя, помимо конфискаціи, потомство его лишалось правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ происхожденіемъ и службою виновнаго, и переводилось въ податное состояніе. Исторія военно-уголовнаго права этого періода даетъ возможность видѣть, какъ сила репрессіи за то или другое преступленіе прогрессивно увеличивалась; устанавливая какую-либо карательную мѣру, законодатель, спустя нѣкоторое время, убѣждался въ ея неустрашительности, вводилъ затѣмъ другую, болѣе строгую, та снова оказывалась несостоятельною, законодатель увлекался, и сила репрессіи чрезмѣрно увеличивалась: таковы законы о дезертиствѣ ² и о дуэляхъ ³.

¹ Солдаты, чтобы скрыть изуродованныя части лица, отпускали длинные волосы и бороды. Brantôme говорить: «c'étaient de bons hommes, mais la plupart de sac et de corde, meschants garnements échappés de la justice, essorillez et qui cachaient leurs oreilles, à dire vrai, pour longs cheveux hérissés, barbes horribles». Bouquié, 581.

² См. законы 21 іюля 1534; 1666 г., 23 іюля 1668; 24 декабря 1684 г.; 17 іюня 1676; 30 ноября 1692 г.; 2 іюля 1716 г., 6 мая 1720 г.; Огу, § 408.

³ Эдиктъ 1568 г., *ordonn.* 1579; рѣшен. Париж. Парл. 26 іюня 1599; *ordonn.*: 1602, 1609, 1611, 1613, 1623, 1624, 1626, 1679, 1723; рѣш. Парламента 1769 г.; Огу § 418.

Той же цѣли устрашенія служило и лишеніе свободы, въ видѣ галеръ и заточенія: помѣщая преступника навсегда въ изолированныя мѣста, устанавливая надъ нимъ бдительный надзоръ, законодатель стремится устранить вредность примѣра и дурное вліяніе, пресѣчь заразу въ лицѣ виновнаго; но личность его, его психическое состояніе остается въ сторонѣ: воля не воспитывается, противоправныя побужденія не уничтожаются, преступникъ—живая машина, не лишенная жизни только въ интересахъ экономіи.

Но уже совершенно съ другимъ характеромъ выдвигается наказаніе лишеніемъ свободы въ видѣ «prison»: виновнаго лишаютъ свободы на опредѣленный періодъ времени, его изолируютъ, надѣясь, что заключеніе будетъ способно, съ одной стороны, убрать вредное для арміи лицо, съ другой—страхомъ лишений при заключеніи повліять на развитіе у виновнаго свойствъ, необходимыхъ для военнослужащаго, сдѣлать его способнымъ къ несенію обязанностей службы. Понятно, въ распоряженіи государства имѣлось слишкомъ мало средствъ для этого: отсутствіе необходимыхъ помѣщеній, дурныя условія жизни заключенныхъ, постоянное сообщество съ преступниками—все это вызывало естественное недовѣріе къ такого рода наказаніямъ. Этимъ объясняется, что исправительныя задачи наказанія имѣли слишкомъ небольшое значеніе.

Такимъ образомъ, въ до-революціонную эпоху воинское наказаніе служило, главнымъ образомъ, цѣли общаго предупрежденія и удаленія изъ арміи; задачи же частнаго предупрежденія находились только еще въ зачаточномъ состояніи.

§ 24. Реформы воинскихъ наказаній въ эпоху революціи и въ XIX ст.

За полвѣка до великой французской революціи замѣчается броженіе въ области права. Беккарія, съ его «первымъ возгласомъ общественной совѣсти»¹, Вольтеръ и энциклопедисты, съ ихъ новымъ гуманитарнымъ направленіемъ, явились защитниками человѣческаго достоинства, первыми критиками существовавшей карательной системы и схоластическихъ доктринъ юриспруденціи. Средневѣковый взглядъ на преступленіе и преступника нуждался въ реорганизации; военно-карательная дѣятельность,

¹ Hélie, Introduction.

сохранявшая отъ далекихъ вѣковъ свои возмутительные способы воздѣйствія на человѣческую личность, въ свою очередь вызывала горячіе споры среди представителей военно-уголовной юстиціи: защитники тѣлесныхъ наказаній возставали самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ сторонниковъ нравственной репрессіи; они осуждали примѣненіе легкихъ видовъ лишенія свободы, рекомендовали увеличить примѣненіе тѣлесныхъ каръ ¹, какъ наиболѣе простыхъ и дешевыхъ средствъ борьбы, указывали на необходимость существованія смертной казни, клейменія и т. п. Наоборотъ, защитники противнаго мнѣнія требовали признанія за военно-служащими общечеловѣческихъ правъ, порицали излишнюю, не вызываемую необходимостью жестокость военно-уголовнаго права и желали самыхъ широкихъ реформъ въ сферѣ воинскаго наказанія².

Хотя военно-угол. законодательство временъ великой революціи и представляетъ собою вплоть до изданія кодекса 1857 года, по выраженію Фуше ³, «нѣчто неоднородное и часто даже противорѣчащее духу и нуждамъ арміи», тѣмъ не менѣе въ исторіи развитія идеи о цѣлесообразности воинскаго наказанія оно сыграло первостепенную роль какъ въ самой Франціи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Законъ 8-го августа 1790 года является поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ историческаго процесса: національное собраніе освящаетъ принципъ безусловнаго повиновенія въ сферѣ служебныхъ отношеній, придавая ему значеніе *conditio sine qua non* существованія арміи; далѣе дѣятельность того же собранія проявляется въ декретахъ 28-го октября 1790 года и 28-го августа 1791 года, затѣмъ слѣдуетъ рядъ законодательныхъ постановленій ⁴, представляющихъ собою богатѣйшій матеріалъ ⁵.

¹ Тѣлесныя наказанія отмѣнены во французской арміи въ 1788 году S o r t a i s,—Délits militaires 126).

² Durat-Lasalle, т. IX, стр. XVI.

³ Commentaire, стр. 7.

⁴ Большая часть этихъ законовъ помѣщена у Durat-Lasalle, т. IX и въ «Recueil de lois», Metz, 1811 г.

⁵ 16-го октября 1791 года, code pénal 19-го октября того же года, 17-го мая 1792 и 28 марта 1793 годовъ; далѣе является кодексъ 21 брюмера года V, законы: 24-го брюмера года VI, 19-го вандемьера года XII, 17 мессидора и 23 вентоза XIII года, 8 вандемьера XIV года, 7 марта и 21 декабря 1808 года, 30-го ноября 1811 года, 12-го января, 2-го февраля, 1-го и 4-го мая 1812 года, 14-го іюня 1813 года, 4-го января 1814 года и т. д. и т. д.

Революція совершенно отказалась отъ старыхъ военно-карательныхъ средствъ. Принципъ, что солдатъ тотъ же гражданинъ, повторенный впослѣдствіи Наполеономъ въ видѣ общаго правила, оказалъ свое вліяніе въ области не только формальнаго, но и матеріальнаго военно-уголовнаго права; вслѣдствіе этого, военно-карательныя мѣры, особенно въ первое время, очень немногимъ отличались отъ карательныхъ мѣръ общихъ.

Воинскія наказанія подраздѣлялись на уголовныя, исправительныя и дополнительныя наказанія. Къ первымъ относились: смертная казнь, каторга (*travaux forcés*), заточеніе (*détention*), заключеніе (*réclusion*), *boulet*, публичныя работы (*travaux publics*); ко вторымъ—тюрьма (*emprisonnement*) и денежныя пени; къ третьимъ—изгнаніе, лишеніе гражданской чести, исключеніе изъ службы (*déstitution*) ¹. Новая эпоха рѣшительно отвергла все, что досталось ей отъ прежнихъ лѣтъ: эти безчисленные виды уничтоженія человѣческой жизни, сопровождаемые возмутительными обрядами и способами причиненія мученій, всѣ эти ненужныя, лишніе придатки, имѣющіе цѣлью увеличить страхъ уголовной кары исчезли со страницъ военно-уголовнаго законодательства, отошли въ область возмущающихъ совѣсть воспоминаній. Французское право признало необходимымъ, при лишеніи жизни, употреблять только такія средства, которыя вызываютъ мгновенную смерть; такимъ образомъ было установлено обезглавленіе для гражданъ и разстрѣляніе для военнослужащихъ. Закономъ 12-го мая 1793 года были введены особыя формы исполненія этого наказанія, которое происходило въ особо указанныхъ мѣстахъ, въ присутствіи войскъ, къ которымъ принадлежалъ преступникъ; при экзекуціи въ качествѣ представителя закона присутствовалъ *commissaire du gouvernement*; виновный, въ сопровожденіи особаго конвоя изъ 40 вооруженныхъ нижнихъ чиновъ, выводился къ мѣсту казни; войска располагались вблизи безъ оружія; по приказанію командующаго генерала изъ строя выходило четыре сержанта, четыре капрала и столько же стрѣлковъ: они выстраивались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ осужденнаго въ двѣ шеренги и затѣмъ по сигналу, данному адъютантомъ, дѣлали залпъ ².

¹ По существу, *déstitution* являлось исключеніемъ изъ службы съ лишеніемъ чиновъ.

² Extrait du Code pénal militaire 12 mai 1793; Durat-Lasalle, т. IX. стр. 8.

Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть, стремясь побороть то или другое преступленіе, увеличивала силу репрессіи, ей приходилось возвращаться къ сѣдой старинѣ и отыскивать тамъ болѣе устрашительныя формы. Такъ явился законъ 19-го вандемьера года XII (12 октября 1803 года) о дезертирахъ, который предписывалъ виновныхъ, приговоренныхъ къ смертной казни, проводить сквозь строй. На этой же почвѣ выросъ знаменитый приказъ Наполеона 6-го сентября 1813 года, состоявшій изъ двухъ артикуловъ ¹.

Въ этихъ данныхъ содержится во всей своей наготѣ идея устрашенія, которая преслѣдовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ государственная власть болѣе чувствовала свою слабость.

Той же цѣли—общему предупрежденію—служили нѣкоторыя изъ карательныхъ мѣръ противъ свободы; къ нимъ принадлежали каторга, boulet, заточеніе, заключеніе и публичныя работы.

Первая изъ нихъ имѣла въ виду захватить нарушителя и изолировать его отъ остальной массы военнослужащихъ; она примѣнялась исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе свидѣтельствовало о безповоротной испорченности преступника или когда рецидива нарушенія давала возможность признать виновнаго неисправимымъ. Такимъ образомъ, примѣненіемъ каторги законодательство стремилось устрашить и самого преступника, и окружающихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удаленіемъ виновнаго изъ арміи устранить вредность примѣра.

Законы 12-го мая 1793 года и 21-го брюмера года V установили каторгу за преступленія противъ дисциплины; правопоражающія послѣдствія этого наказанія примѣнялись какъ къ гражданамъ, такъ и къ военнослужащимъ; но впослѣдствіи цѣлымъ рядомъ рѣшеній кассационнаго суда—12-го іюня 1830 года, 24-го августа 1842 года и 2-го августа 1851 года—отъ каторги

¹ Bouquié, стр. 131, прим.

«Всякій солдатъ, который покидаетъ свое знамя, нарушаетъ первую «изъ своихъ обязанностей; вслѣдствіе этого императоръ повелѣваетъ:

«Art. 1. Всякій солдатъ, покидающій свое знамя безъ законной причины, «подлежитъ децимаціи. Ради этого, тотчасъ послѣ того, какъ десять бѣглецовъ будутъ собраны вмѣстѣ, корпусные генералы приказываютъ имъ «кнутъ жребій и разстрѣлять одного изъ нихъ.

«Art. 2. Генералъ-маіоръ обязанъ исполнить наказаніе, согласно этому «приказу».

были отняты эти послѣдствія, если она назначалась за воинское преступленіе.

Первоначально всѣ осужденные къ каторгѣ были отправляемы въ тюрьмы (bagnes) Бреста, Рошфора, Тулона и Лоріена; но въ V году рѣшеніемъ директоріи ¹ были установлены спеціальныя тюрьмы въ Гаврѣ и Ницѣ; позднѣе Лоріенская тюрьма отошла въ военное вѣдомство; въ общихъ тюрьмахъ военнослужащіе отдѣлялись отъ каторжниковъ².

Между каторгою и boulet имѣется весьма много общаго. Послѣднее отбывалось въ особыхъ мастерскихъ, устроенныхъ въ Аяччіо, Алжирѣ, Мерсѣ-эль-Кебирѣ, Шершеллѣ и Тунисѣ; заведываніе ими возлагалось на особыхъ начальниковъ (capitaines). Boulet состояло въ особаго рода тяжкихъ работахъ, при чемъ къ ногамъ осужденныхъ приковывалось тяжелое ядро (boulet) съ цѣпью, длиною въ два метра. Работы производились въ теченіе 8—10 часовъ въ день. Заключенные носили особое платье и не смѣли брить бороду. Во время отдыха они помѣщались въ отдѣльныя тюрьмы привязанными на цѣпь. Въ случаѣ совершенія заключеннымъ новаго преступленія, къ цѣпи его привязывалось второе ядро ³. Это наказаніе было установлено для дезертировъ рѣшеніемъ 19-го вандемьера года XII; осужденный по отбытіи наказанія не могъ уже вернуться обратно въ строй ⁴.

Чтобы достигнуть задачъ общаго предупрежденія, законодатель предписывалъ приводить приговоръ въ исполненіе при особо торжественной обстановкѣ въ присутствіи товарищей преступника: осужденнаго выводили предъ строй; онъ, стоя на колѣняхъ, въ особой одеждѣ, съ завязанными глазами выслушивалъ приговоръ, затѣмъ на него одѣвалась цѣпь, привязывалось ядро, и виновный въ такомъ видѣ оставлялъ свою часть ⁵.

Заточеніе и заключеніе были общими и воинскими наказаніями. Присужденные къ заточенію (détention) содержались въ крѣпости безъ принудительныхъ работъ, приговоренные къ заключенію (réclusion) помѣщались въ особыя заведенія (maison de police municipale, d'arrêt, de justice, de correction), гдѣ исполняли

¹ 12 термидора.

² Докладъ генерала Allard'a; Foucher, Commentaire, стр. 565—568.

³ Durat-Lasalle. стр. CLXII и 43—45.

⁴ См. art. 31; Foucher, op. cit., стр. 27.

⁵ Foucher, ibid; докладъ маршала гр. de-Malakoff въ сенатѣ.

обязательныя работы ¹. То и другое наказаніе, по формамъ отбытія, имѣли цѣлью воздѣйствовать на осужденнаго, въ смыслѣ частнаго предупрежденія, и устранить вредность примѣра.

Общественныя работы, въ качествѣ воинскаго наказанія, отбывались въ мастерскихъ Бастіи, Оранъ, Бонъ и Калэ. По закону 19 вандемьера года XII ², осужденные исполняли воинскія или обще-государственныя работы. Они не носили ни цѣпей, ни ядеръ; одежда ихъ напоминала собой военную форму, отъ которой отличалась только своимъ цвѣтомъ; имъ воспрещалось стричь бороду; продолжительность работъ была равна числу часовъ работы лицъ, нанятыхъ государствомъ; они располагались по отдѣльнымъ казармамъ, не имѣющимъ сообщенія съ гарнизономъ даннаго мѣста; здѣсь же въ мастерскихъ находились предметы воинскаго снаряженія и вооруженія. Каждая мастерская составлялась изъ 60 человѣкъ и подраздѣлялась на шесть отдѣленій; во главѣ каждой мастерской стоялъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, во главѣ отдѣленія—староста, выбранный изъ осужденныхъ. Заключение за дисциплинарныя нарушенія подвергались продолженію срока заключенія, а за открытіе готовящагося побѣга получали освобожденіе ³. По отбытіи наказанія заключенные возвращались въ части войскъ ⁴.

Исполненіе приговора надъ осужденными къ публичнымъ работамъ происходило въ присутствіи войскъ: виновнаго выводили въ одеждѣ для заключенныхъ; приговоръ онъ выслушивалъ стоя и безъ завязанныхъ глазъ; затѣмъ мимо него проходила часть войскъ, имѣя ту роту, въ которой служилъ преступникъ, въ головѣ колонны ⁵.

Въ этой группѣ воинскихъ наказаній проглядываетъ уже нѣчто новое: не отказываясь отъ устрашительнаго воздѣйствія на толпу, показывая войскамъ преступника въ позорномъ видѣ, законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ и самого виновнаго: онъ, требуя отъ него правомѣрной воли, желаетъ только уничтожить въ немъ опасность для правового порядка; ради уничтоженія этой опасности, онъ заключается въ особыя заведенія,

¹ Durat-Lasalle, IX, стр. CLIV—CLV.

² Art. 52—55.

³ См. Durat-Lasalle, *ibid.*, стр. 45—47.

⁴ Art. 82—83.

⁵ Art. 78.

гдѣ у него должны развиваться достаточные мотивы сопротивленія злу.

Эта задача, далекая отъ идеи исправленія и направленная всецѣло на устраненіе зла, ставится, главнымъ образомъ, въ интересахъ государства, но не преступника.

Оригинальною чертою французскаго военно-уголовнаго права являлось примѣненіе къ военнослужащимъ, приговореннымъ къ отбытію нѣкоторыхъ наказаній, публичнаго позорнаго выставленія, сущность котораго была опредѣлена декретами 12-го и 14-го апрѣля 1848 года. Но такъ какъ публичное выставленіе не соотвѣтствовало ни характеру воинскихъ нарушеній, ни чести военнаго мундира, то осужденный предварительно подвергался лишенію воинской чести. Процессъ лишенія чести происходилъ въ присутствіи войскъ. Послѣ чтенія приговора съ виновнаго офицера срывали головной уборъ, обрѣзывали шпагу, офицерскія отличія и пуговицы; съ нижнихъ чиновъ—головной уборъ, оружіе, нашивки, шевроны и т. п. Вслѣдъ затѣмъ виновнаго передавали въ руки гражданскихъ властей, а войска дефилировали предъ нимъ ¹.

Однако, въ революціонную эпоху была видвинута цѣль исправленія. Только по истеченіи длиннаго ряда вѣковъ законодатель понималъ, что наилучшею борьбою съ преступностью можетъ быть борьба съ преступникомъ, въ формѣ исправительнаго воздѣйствія на него. Чтобы охранить воинскій правопорядокъ отъ будущихъ нарушеній, надо было развить въ преступникѣ такое настроеніе, которое стояло бы въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями права, а для этого—удалить отъ него внѣшнія побужденія къ совершенію зла, возбудить и усилить, соотвѣтствующими упражненіями, новую привычку подчиняться правопорядку.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, военно-уголовное законодательство Франціи въ первую половину XIX столѣтія сдѣлало очень многое. Ордоннансомъ 3-го декабря 1832 года и регламентомъ 28-го января 1839 года были созданы первыя военно-пенитенціарныя заведенія, имѣющія въ виду исключительно цѣли исправленія ². Регламентъ 1839 года, устанавливая режимъ въ пенитенціар-

¹ Durat-Lasalle. т. IX, стр. CLXX—CLXXX; Merlin. Répertoire. слово «Dégradation».

² См. Durat-Lasalle, т. IX, стр. CLXIII—CLXVI.

ныхъ заведеніяхъ, указывалъ, что тѣ изъ военнослужащихъ, которые должны подвергнуться тюремному заключенію (*emprisonnement*) на срокъ свыше одного года, подлежали содержанію въ центральныхъ военно-исправительныхъ домахъ. Главнѣйшею цѣлью администраціи этихъ заведеній было моральное перерожденіе заключенныхъ ¹, къ этой же цѣли должно было направлять свои заботы и военное начальство.

Обычный пенитенціарный режимъ въ отношеніи военнослужащихъ состоялъ въ томъ, что въ ночное время заключенные помѣщались въ отдѣльныя кельи, днемъ же они занимались производствомъ различныхъ работъ въ общихъ мастерскихъ, подъ надзоромъ смотрителей, при соблюденіи молчанія. Въ извѣстныхъ случаяхъ виновные могли быть заключены въ одиночныя кельи (*cellules solitaires*); этотъ режимъ носилъ названіе *regime de correction*. Работы допускались только такія, которыя не представляли вреда для здоровья заключенныхъ. Высшее завѣдываніе пенитенціаріями, въ отношеніи полиціи, внутренней службы и размѣщенія, лежало на генералъ-лейтенантѣ, командующемъ тѣмъ округомъ, въ которомъ было расположено заведеніе. Тюремы состояли подъ начальствованіемъ особаго начальника—офицера и нѣсколькихъ оберъ и унтеръ-офицеровъ ².

Къ 50 годамъ прошлаго столѣтія Франція обладала уже шестью пенитенціарными заведеніями въ Европѣ и однимъ въ Африкѣ. Работы въ тюрьмахъ состояли: въ производствѣ деревянныхъ издѣлій, въ изготовленіи мундирной одежды, работахъ типографскихъ и т. п. Кромѣ того, во Франціи существовало нѣсколько военныхъ тюремъ для заключенныхъ на меньшіе сроки, для отбывающихъ дисциплинарныя взысканія, для подслѣдственныхъ и т. п.

Среди военно-карательныхъ мѣръ особаго вниманія заслуживаютъ изгнаніе и исключеніе изъ службы. Онѣ примѣнялись за такія нарушенія, которыя свидѣтельствовали объ абсолютной непригодности лица къ военной службѣ. Изгнаніе имѣло крайне ограниченное примѣненіе ³, а исключеніе изъ службы налагалось

¹ „La réforme morale“.

² За годъ до изданія кодекса 1857 года французскія военно-пенитенціарныя заведенія подверглись реформѣ (законъ 23 іюня 1856 года) и въ такомъ видѣ просуществовали до 12 февраля 1900 года.

³ Durat-Lasalle, т. IX, стр. CLV—CLVII.

только на офицеровъ, въ качествѣ самостоятельнаго или дополнительнаго наказанія; послѣдствіемъ деституціи было лишеніе чиновъ и возвращеніе виновнаго въ первобытное состояніе ¹. Денежныя взысканія имѣли цѣлью пополнить убытки казны ².

Со времени революціи и дисциплинарная власть ограничивается во всѣхъ отношеніяхъ: съ одной стороны, суживается объемъ карательныхъ мѣръ,—вмѣсто тѣлеснаго наказанія появляются: краткосрочное лишеніе свободы, выговоры, ограниченіе служебныхъ правъ, внѣочередное несеніе службы и т. п.; съ другой стороны, такъ какъ революціонная армія была организована изъ лучшихъ людей Франціи, сплоченныхъ единой мыслью и ради одной цѣли, то понятно, что и самый способъ осуществленія карательной власти войсковыми начальниками не могъ уже заслуживать довѣрія; ради этого національное собраніе декретомъ 15-го сентября 1790 года опредѣлило положительными признаками кругъ дисциплинарныхъ нарушеній и взысканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ установило и особые дисциплинарные суды, существовавшіе до 1792 года ³. Съ того момента, когда дисциплина французскихъ войскъ стала терять свое этическое основаніе, было признано необходимымъ вернуться къ старой дисциплинарной власти начальниковъ, осуществлявшихъ ее единолично; понятно, что перемѣна способа отправленія власти не повліяла на мѣру наказуемости дисциплинарныхъ проступковъ. Наконецъ, — и это самое важное,—старый взглядъ на дисциплинарныя мѣры, какъ на средства достиженія цѣлей общаго предупрежденія, уступилъ свое мѣсто новому: дисциплинарное наказаніе должно было служить только цѣлямъ исправленія. И давая въ руки начальника власть, законодатель разсчитывалъ, что осуществленіе ея будетъ совершаться на основаніи близкаго знакомства представителя власти съ нарушителемъ, что дастъ возможность легче достигнуть цѣли исправленія, тѣмъ болѣе, что начиная съ ничтожнаго выговора, можно было повышать силу репрессіи и доводить ее даже до заключенія въ пенитенціарій.

Господствующими видами дисциплинарныхъ взысканій являлись—пораженіе чести и правъ въ видѣ: замѣчаній, выговоровъ, смѣщенія на низшія должности и разжалованія и лишеніе сво-

¹ Ibid. т. IV, стр. CLXVI.

² Ibid., стр. CLX.

³ Ibid., т. VI, стр. XII.

боды: воспрещеніе отлучки, нарядъ не въ очередь на работу, арестъ и тюрьма ¹.

• Наиболѣе широкимъ примѣненіемъ изъ воинскихъ наказаній пользовалась смертная казнь, которою облагались: военная измѣна, сообщеніе непріятелю плановъ крѣпостей, пароля и т. п.; переписка съ непріятелемъ; вербованіе войскъ для непріятеля; порча замковъ у орудій, не вызываемая необходимостью; шпіонство; трусость; оставленіе изъ трусости поста; покинутіе повозокъ; капитуляція; сдача позиціи безъ боя; отказъ итти въ бой; насиліе надъ начальникомъ; неповиновеніе; бунтъ; ропотъ; побѣгъ; заговоръ на побѣгъ къ непріятелю, рецидива побѣга за границу или послѣ помилованія, подстрекательство къ побѣгу; убійство, разбой, поджогъ, не вызываемые военными потребностями ².

За смертною казнью слѣдовала каторга, которою наказывались: сонъ на часахъ въ виду непріятеля; оставленіе поста для мародерства; неправильная сдача поста; неисполненіе сдачи въ виду непріятеля; невѣрное донесеніе о состояніи войскъ; оскорбленіе начальника дѣйствіемъ; угроза противъ начальника; третья самовольная отлучка; обобрание убитыхъ; рецидива мародерства; мародерство цѣлою частью войскъ; небрежное храненіе предметовъ службы; подмѣнъ муки должностнымъ лицомъ; умышленная невѣрность въ выдачѣ порцій и кража у обывателей.

Тюрьма назначалась: за первую и вторую отлучку; мѣну и продажу казенныхъ вещей или фуража; оскорбленіе подчиненныхъ; разрѣшеніе мародерства офицеромъ и мародерство, совершенное офицеромъ.

Общественныя работы примѣнялись къ виновнымъ въ продажѣ оружія и кражѣ казенныхъ вещей и въ побѣгѣ внутри страны съ вещами, принадлежащими государству.

Boulet назначалось за рецидиву побѣга, за побѣгъ за границу и за побѣгъ съ общественныхъ работъ.

Заточеніемъ былъ обложенъ только подговоръ къ побѣгу со стороны гражданскихъ лицъ.

¹ Кодификація военно-дисциплинарнаго права имѣла мѣсто въ 1833 году, когда былъ изданъ первый ордоннансъ (2 ноября); въ революціонную эпоху вышло въ свѣтъ множество отдѣльных законодательныхъ опредѣленій. См. Durat-Lasalle, т. VI, стр. I—XXXII.

² См. Durat-Lasalle, т. IX, стр. CCIII—CCXIV.

Заключеніе (réclusion) примѣнялось къ дезертирамъ, захватившимъ съ собою вещи товарищей.

Исключеніе изъ службы, въ качествѣ наказанія самостоятельнаго, примѣнялось только за самовольную отлучку офицера; какъ наказаніе добавочное, оно присоединялось къ наказаніямъ, назначавшимся за мародерство, разрѣшеніе мародерства и продажу фуража.

Итакъ, во времена Генриха II «on voyait sur le chemins plus de soldats pendus aux branches des arbres que d'oiseaux»¹; послѣдующіе государи не мѣняли своего воззрѣнія на задачи воинскаго наказанія, которое носило характеръ института, преслѣдовавшаго, главнымъ образомъ, цѣли полезности для наказывающаго. Съ момента, когда старый государственный порядокъ распался окончательно, пониманіе пользы получаетъ иную постановку: государство, осуществляя карательную угрозу, преслѣдуетъ пользу, какъ экономическое благо, не только для себя, но и для преступника; отсюда рождаются наказанія лишеніемъ свободы, при которыхъ заключенные доставляютъ экономическую выгоду для государства, и наказанія исправительныя, въ тѣсномъ значеніи слова, когда наказанные, доставляя государству трудовое благо, вмѣстѣ съ тѣмъ сами воспитываются этимъ наказаніемъ, развиваютъ въ себѣ побужденія, необходимыя для подчиненія воинскому правопорядку и становятся, такимъ образомъ, полезными членами арміи.

Огромною заслугою революціонной эпохи является именно выдвинутое ею начало, что наказаніе есть благо для наказываемаго; поэтому была ограничена смертная казнь, уничтожены членовредительныя наказанія и установлены чисто исправительныя мѣры.

Австрія.

§ 25. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ XVI ст.

Въ 1508 году, въ царствованіе Максимилиана I, отряды ландскнехтовъ получили первые воинскіе артикулы². Отличительною чертою ихъ (равно какъ и прежде изданныхъ артикуловъ для ар-

¹ Dangelmaier, Geschichte, 59.

² Friccus, 42; Dangelmaier, Geschichte, 54.

тиллеріи Фридриха III) является полное отсутствіе регламентаціи: законодатель, очерчивая сферу вредныхъ для арміи дѣяній и указывая обязанности военнослужащихъ, отказывается дать какой-либо исчерпывающій перечень уголовныхъ каръ, предоставляя это судьѣ. Хотя нѣкоторые изъ статей закона и указываютъ положительно, что запретъ того или другого дѣянія санкціонированъ угрозою тѣлеснаго наказанія или лишенія жизни, но эта угроза имѣетъ общее значеніе, а самыя наказанія только намѣчены, безъ указанія размѣра ихъ и формы примѣненія.

Артикулы Максимилиана I юридически сохраняли свою силу вплоть до 1570 года, но фактически они перестали существовать уже съ момента изданія Каролины; эта послѣдняя была наиболѣе полнымъ законодательнымъ актомъ; въ его составленіи принимали участіе лучшія юридическія силы. Понятно, поэтому, что постановленія ея должны были отразиться и на военно-уголовномъ правѣ ¹, находившемся въ ту эпоху въ зародышевомъ состояніи; мало того, они являлись обязательными и для военнослужащихъ и именно постольку, поскольку они дополняли собою дѣйствовавшее тогда военно-уголовное законодательство; въ виду этого Каролина часто цѣликомъ заносилась на страницы современныхъ руководствъ въ *corpus juris novissimum*, *corpus juris Lünig'a*, въ *Kriegsbuch Fronsperger'a* ². Помимо этого въ царствованіе Карла V былъ изданъ рядъ отдѣльныхъ законовъ, дополнявшихъ и измѣнявшихъ артикулы Максимилиана I.

Въ 1570 году появляется кодексъ Максимилиана II. Этотъ новый законодательный актъ выходитъ въ свѣтъ подъ руководствомъ техника-юриста ³, положившаго въ основаніе его, какъ образецъ, постановленія Каролины; преступленія раздѣляются на воинскія и общія; принята извѣстная система наказаній; каждое карательное средство поставлено въ опредѣленные рамки.

Изданіе артикуловъ Максимилиана II отразилось на исторіи развитія идеи устрашенія.

Придавая лишенію жизни выдающееся значеніе, воинскіе артикулы совершенно умалчивали о видахъ казни, отсылая къ свое-

¹ Molitor, — *Kriegsgerichte und Militaerstrafen*.

² Dangelmaier, 56, прим. 1.

³ Lazarus Schnondi; Dangelmaier, *ibid.* 57.

му первообразу Каролинѣ. Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на постановленіяхъ этого кодекса о смертной казни: это—зенитъ идеи устрашенія: къ тѣмъ шаблоннымъ видамъ казни, которые были знакомы и другимъ законодательствамъ, Каролина присоединила еще свои, наиболѣе утонченные: посаженіе на коль, четвертованіе изуродованнаго тѣла, колесованіе и т. д., и т. д. Отсюда понятно, что воинскіе артикулы были безсильны изобрѣсти новые способы и имъ оставалось пользоваться уже готовыми. Все изложенное въ значительной мѣрѣ относится и къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Среди обезчещивающихъ воинскихъ наказаній совершенно самостоятельное положеніе занимали: удаленіе изъ арміи и шельмованіе, явившіяся подъ вліяніемъ римскаго права. Первое представляло собою позорное лишеніе воинской чести, соединенное съ потерю всѣхъ служебныхъ и нѣкоторыхъ общегражданскихъ правъ, и вѣчное изгнаніе изъ арміи; второе влекло за собою лишеніе всѣхъ правъ военныхъ и общегражданскихъ.

Имущественныя наказанія артикуловъ Максимилиана II точно также носили слѣды римскаго права: какъ римскій воинъ за извѣстныя нарушенія лишался своего снаряженія, такъ и ландскнехтъ обязанъ былъ отдать въ казну свою лошадь, вооруженіе и снаряженіе.

Лишеніе свободы имѣло значеніе не исправительной мѣры, а устрашительнаго средства, направленнаго къ изоляціи военно-служащаго, къ предупрежденію дурного примѣра.

Эта карательная система, имѣя цѣлью «состояніе лучшаго боевого духа и насажденіе древней германской дисциплины»¹, стремилась искоренить преступленіе путемъ уничтоженія преступника и устрашенія его товарищей. Ни о какой другой задачѣ военно-карательной дѣятельности не могло быть и рѣчи: какъ говорилъ Валленштейнъ, воинское наказаніе служило тому, чтобы уничтоженіемъ невиннаго устрашить виновнаго². Самая процедура лишенія жизни и исполненія тѣлесныхъ наказаній совершалась при торжественной обстановкѣ: солдаты, построенные въ двѣ шеренги, отдавали честь своему осужденному товарищу, ко-

¹ Dangelmaier, cit., 58.

² Валленштейну также приписываютъ изреченіе: «Вѣшать, всегда вѣшать. Армія нуждается въ примѣрѣ!» См. Bouquié, 583.

торый обходилъ ряды и прощался съ ними; послѣ этого палачъ умерщвлялъ виновника ¹. Иногда сами товарищи преступника исполняли надъ нимъ смертный приговоръ въ видѣ римскаго «*fustuarium*»: ландскнехты строились шпалерами, на одномъ концѣ которыхъ становились два знаменщика, а къ другому концу подводили виновнаго; профось наносилъ осужденному три удара по спинѣ, послѣ чего преступникъ пробѣгалъ сквозь строй, при этомъ каждый наносилъ ему рану копьемъ или мечемъ, пока тотъ не падалъ на землю или пока знаменщики, имѣвшіе право спѣшить къ нему навстрѣчу, не прикрывали его знаменами ².

Впрочемъ артикулы Максимилиана II знали и дисциплинарныя наказанія; однако, напрасно стали бы искать въ нихъ какихъ-либо началъ исправительнаго воздѣйствія: преслѣдуя задачи устрашенія, эти мѣры отличались отъ наказаній только количественно и примѣнялись по усмотрѣнію военачальствующихъ лицъ, фельдмаршаловъ и полковниковъ, безконтрольно осуществлявшихъ свою власть.

§ 26. Вліяніе шведскаго военно-уголовнаго законодательства.

Дальнѣйшее развитіе воинскихъ наказаній во всѣхъ германскихъ государствахъ совершается подъ живымъ и неотразимымъ вліяніемъ законодательства Густава Адольфа ³. Въ самомъ дѣлѣ, въ вѣкъ жестокой дисциплины, въ эпоху уничтожающихъ чело-вѣческое достоинство воинскихъ наказаній появляется образцовая армія, состоящая изъ наилучшихъ членовъ общества, подчиненная образцовому воинскому правопорядку и надѣленная мягкимъ—по своему времени—военно-уголовнымъ кодексомъ. Понятно, армія Густава Адольфа должна была вызывать удивленіе и подражанія.

Неправильно было бы думать, что система наказаній, принятыхъ въ кодексѣ шведскаго короля, отличалась мягкостью или гуманностью. Наоборотъ, мы встрѣчаемся со многими типичными

¹ Friccius, 57—58.

² Dangelmaier, 66.

³ См. Friccius, Geschichte; Molitor, Krigsgerichte; Бобровскій, Состояніе военнаго права.

для того времени видами военно-уголовныхъ каръ. Такъ, смертная казнь занимаетъ въ кодексѣ выдающееся положеніе, не забыты тѣлесныя и правопоражающія наказанія. Но всѣ они выступаютъ, какъ средства для достиженія иныхъ цѣлей, иныхъ задачъ.

Смертная казнь совершалась посредствомъ разстрѣлянія, повѣшенія и обезглавленія. Густавъ Адольфъ, сынъ своего времени, не могъ отказаться отъ идеи полезности воинскаго наказанія для государства; онъ также стремился предупредить развитие преступности въ арміи грозными наказаніями; но устрашая толпу, онъ не забывалъ и преступника и, лишая его жизни, не подвергалъ его мученіямъ. Густаву Адольфу не трудно было рецепировать наиболѣе выразительную форму смертной казни—децимацію; эту мѣру онъ считалъ вполне цѣлесообразной: оставшіеся послѣ децимаціи въ живыхъ лишались своихъ знаменъ, изгонялись временно изъ лагеря и обязаны были въ теченіе извѣстнаго времени исполнять позорныя работы въ войскѣ: очистку лагеря и т. п.

Отсѣченіе руки, упомянутое въ кодексѣ въ качествѣ тѣлеснаго наказанія, какъ послѣдствіе изгнанія изъ арміи, примѣнялось только въ случаяхъ насилія со стороны подчиненнаго надъ начальникомъ. Мы вполне присоединяемся къ мнѣнію Фриціуса¹, что подобное наказаніе, хотя и имѣло мѣсто въ кодексѣ, тѣмъ не менѣе не примѣнялось, такъ какъ оно слишкомъ мало соотвѣтствовало характеру карательной системы и цѣлямъ воинскихъ наказаній; занесено же оно было въ кодексъ исключительно ради угрозы.

Другой видъ тѣлесныхъ наказаній—прогнаніе сквозь строй—*Cassenlaufen*, имѣлъ также незначительное примѣненіе; исполненіе его совершалось посредствомъ розогъ, а не палокъ или оружія, чѣмъ и отличалось оно, на примѣръ, отъ французскаго *passer sur les picques*.

Въ кодексѣ Густава Адольфа были особенно развиты воинскія наказанія противъ чести военнослужащаго: сюда принадлежали: объявленіе лишеннымъ чести (*Ehrlosigkeitserklärung*), соединенное съ позорнымъ изгнаніемъ; далѣе—наказанія, соединившія въ себѣ пораженіе чести съ лишеніемъ свободы: таковы—

заключеніе въ тюрьму, закованіе, сажаніе на деревянную лошадь. Лишеніе чести влекло за собою потерю всѣхъ служебныхъ и нѣкоторыхъ общегражданскихъ правъ, приче́мъ назначалось за преступленія, несоотвѣтствующія военному достоинству. Заключение въ тюрьму появляется съ характеромъ наказанія, имѣвшаго въ виду *цѣли исправленія*, и послѣ отбытія наказанія виновный снова возвращался въ строй для несенія службы. Закованіе въ желѣзо обыкновенно сопровождалось содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; оно примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда военнотружашій совершалъ какой-либо противонаравственный проступокъ: оскорблялъ хозяевъ квартиры, не являлся къ богослуженію и т. п.¹ Сажаніе на деревянную лошадь было дисциплинарною мѣрою.

Наконецъ, упомянемъ о денежныхъ взысканіяхъ: конфискаціи, пеняхъ и вычетахъ изъ жалованья.

Дисциплина и воинскій порядокъ шведской арміи основывались исключительно на древне-римскомъ принципѣ: любви къ отечеству и святости долга военной службы. Военнотружашій, вступая въ ряды арміи, клялся исполнять предначертанныя земнымъ государемъ военныя обязанности, какъ отблески божественныхъ повелѣній. Долгъ воина былъ долгомъ святымъ, не дающимъ мѣста никакимъ уступкамъ въ интересахъ практической пользы; воинъ призывался къ охранѣ господства права, къ защитѣ государственнаго союза людей, церкви, жизни, здоровья, свободы и имущественной неприкосновенности гражданъ. Отсюда понятно, что нарушенія долга военной службы представляли собою неповиновеніе волѣ Бога. Отправленіе правосудія являлось актомъ справедливости, осуществляемымъ представителемъ государственной власти въ интересахъ самой справедливости, какъ «отблеска божественнаго». Разъ совершено было правонарушеніе, принципъ справедливости требовалъ воздаянія, возстановленія правопорядка, уничтоженія неправомѣрной воли. Примѣняя къ виновнику наказаніе, государство исполняло свой долгъ; уничтожая неправомѣрную, возставшую волю, возстановлялась справедливость.

Всѣ нѣмецкіе историки утверждаютъ, что воинскій порядокъ Густава Адольфа основывался на этическихъ началахъ; Фриціусъ передаетъ разсказъ о томъ, какъ король, по жалобѣ одного

¹ Ibid.

крестьянина, приговорилъ своего солдата къ смертной казни за кражу коровы, и когда приговоръ былъ произнесенъ, Густавъ Адольфъ положилъ свою руку на голову осужденнаго и проговорилъ: «Иди, мой сынъ; если я тебя не накажу, то не только тебя, но за тебя и всѣхъ насъ—накажетъ Богъ»¹. Въ этихъ словахъ яснѣе всего отражается взглядъ Густава Адольфа на преступленіе, какъ на нарушеніе божественныхъ требованій, и на наказаніе, какъ на возмездіе, осуществляемое въ видѣ земного отмищенія за нарушеніе божескихъ законовъ.

Но воинское наказаніе, будучи актомъ божескаго возмездія, вмѣстѣ съ тѣмъ не исключало и реальныхъ цѣлей; на первомъ мѣстѣ были поставлены задачи общаго предупрежденія и устрашенія, выразившіяся, съ одной стороны, въ угрозѣ уголовного закона, а съ другой—въ исполненіи наказанія. Что касается осуществленія угрозы, то оно было поставлено въ должныя рамки: все лишнее, не ведущее непосредственно къ цѣли, было отброшено.

Послѣдующее военное законодательство нѣмецкихъ государствъ создалось подъ вліяніемъ артикуловъ Густава Адольфа. Но законодатели, принимая форму этихъ законовъ, заимствуя формы и виды воинскихъ наказаній, измѣняли ихъ, сообразно отдѣльнымъ свойствамъ той или другой войсковой организаціи, и невольно уклонялись отъ основаній, на которыхъ покоилось шведское право. Забывая или даже не понимая задачъ военно-карательной дѣятельности Густава Адольфа, австрійскіе законодатели тѣмъ не менѣе стремились согласовать по внѣшности свои опредѣленія съ шведскими артикулами. Таковы были военно-уголовные законы Фердинанда III (1642 г.) и Леопольда I (1665 г.), которые, придерживаясь идеи устрашенія, устанавливали жестокія наказанія; система наказаній зачастую напоминала собою древне-германскій тальонъ; встрѣчалось сожженіе, колесованіе, прожженіе языка, клейменіе и т. п. За то, тѣ же артикулы, слѣдуя законодательству шведскаго короля, очерчиваютъ положительными признаками преступныя дѣянія и за каждое изъ нихъ опредѣляютъ наказаніе.

Такимъ образомъ, значеніе шведскаго военнаго права проявилось только на внѣшней формѣ нѣмецкихъ артикуловъ, ничуть не затрогивая ихъ содержанія.

¹ Friccus. 89.

§ 27. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ эпоху XVIII и въ XIX ст.

Во второй половинѣ XVII столѣтія нѣмецкое право мало-помалу подпадаетъ вліянію французскаго законодательства: блестящее царствованіе Людовика XIV, образцовое устройство его арміи и сильное развитіе законодательной дѣятельности, безъ сомнѣнія, не могли не отразиться на постановкѣ вопроса о воинскомъ наказаніи въ другихъ государствахъ. Вліяніе это сказалось въ томъ, что австрійскіе артикулы къ этому времени пестрятъ французскими терминами и французскими данными о наказаніяхъ, о порядкѣ ихъ исполненія и т. д. ¹.

Кульминаціоннаго пункта достигаетъ идея устрашенія въ XXVII и началѣ XVIII-го столѣтій. Затѣмъ, уже подъ вліяніемъ новыхъ гуманитарныхъ ученій, идея о воинскомъ наказаніи измѣняется и ко времени изданія уложенія Маріи Терезіи 1768 года цѣль общаго предупрежденія теряетъ свою остроту ², хотя продолжаетъ еще существовать, отражаясь въ системѣ тѣлесныхъ наказаній палкой, прохожденіемъ сквозь строй, кнутомъ, шпигрутенами, сѣдельными ремнями черезъ 200—300 человѣкъ, обрѣзаніемъ носа и ушей, клейменіемъ, розгами въ соединеніи съ позорнымъ изгнаніемъ и т. п.; смертная казнь зачастую примѣняется въ квалифицированномъ видѣ,—съ отрѣзаніемъ руки, посредствомъ разстрѣліянія, обезглавленія или повѣшенія. Словомъ, законодательство Австріи въ эпоху XVIII столѣтія находилось въ переходномъ состояніи: цѣли воинскаго наказанія были крайне неопредѣленны: съ одной стороны, хотѣли устрашить, съ другой—исправить, съ третьей—удалить неисправимыхъ и т. д. Но все это не имѣло никакой положительной постановки.

То же слѣдуетъ сказать и относительно дисциплинарныхъ мѣръ, представлявшихъ собою пеструю смѣсь разныхъ карательныхъ средствъ изъ далекаго прошлаго; здѣсь мы встрѣчаемся съ позорнымъ ношеніемъ сѣдла, какъ въ рыцарскомъ войскѣ, съ постановкою у столба, какъ въ средневѣковомъ законодательствѣ,

¹ См. Бобровскій,—Состояніе военнаго права

² Friccus, 131—136.

съ посаженіемъ на деревянную лошадь, съ закованіемъ у профоса и т. п.

Французская революція, по странной случайности, не оказала большого вліянія на австрійское право: въ уставѣ 1808 года ¹, какъ и въ его предшественникахъ, встрѣчаются тѣ же тѣлесныя наказанія, почти не измѣнившія своей фізіономіи, и наказанія правопоражающія; за то выдвигается значеніе лишенія свободы, и въ этой области австрійское военно-уголовное право пошло по пути заимствованій изъ французскаго законодательства.

Смертная казнь продолжаетъ еще существовать, но только въ формѣ повѣшенія и разстрѣліянія, безъ всякихъ членовредительныхъ послѣдствій; шпицрутенамъ отдается широкое мѣсто, равно какъ и наказанію палками. Правопоражающія наказанія, въ зависимости отъ служебнаго положенія оъектовъ, раздѣляются на два вида: для офицеровъ—исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ или безъ такового; для нижнихъ чиновъ — клейменіе спины, прибитіе имени осужденнаго къ висѣлицѣ, разжалованіе для унтеръ-офицеровъ, лишеніе орденовъ и знаковъ отличія и лишеніе воинскаго званія ².

Исправительными наказаніями были: различные виды ареста—домашній, у профоса и т. н. Stockhausarrest; при первомъ—наказанный не имѣлъ права оставлять своей квартиры; второй—отбывался въ особомъ помѣщеніи, съ усиленіемъ его содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; Stockhausarrest отбывался на гауптвахтѣ и могъ точно также сопровождаться лишеніемъ горячей пищи ³. Далѣе слѣдуютъ: арестъ въ крѣпости — для офицеровъ и отсылка въ шанцевыя работы — рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, лишенныхъ этого званія. Во главѣ этого рода наказаній слѣдуетъ поставить Kerker. Однако, въ теченіе всего XIX столѣтія военное законодательство Австріи жило и еще продолжаетъ жить подъ вліяніемъ дореформеннаго права, почему и развитіе идеи исправленія воинскаго наказанія идетъ крайне медленными, тяжелыми шагами.

¹ Ibid., стр. 132.

² Friccus, 132 - 133.

³ Стр. 133.

П р у с с и я.

§ 28. Развитие прусского военно-уголовного законодательства до XIX ст. ¹

Тридцатилетняя война оказала решительное влияние в области военного дела всех европейских государств: она выработала систему комплектования и устройства войск, способы ведения войны, тактику, а законодательство шведского короля Густава Адольфа произвело разрушительное действие на догматы военной юстиции того времени.

Эти факторы в значительной мере коснулись и великого курфюршества Пруссии. Имья под знаменами армию, превышающую 25 тыс. человек, Фридрих Вильгельм счел нужным издать для нея уголовное законодательство. Земское право 1620 г. не могло удовлетворять нуждам армии, так как, будучи сколом с Каролины, оно совершенно не знало воинских преступлений, почему и не могло применяться к военным служащим в случаях нарушения ими требований военного правопорядка. Ввиду этого в 1656 году курфюрст издает первый военно-уголовный кодекс—Kriegs-Recht und Articulus-Brief ².

Составление этого кодекса не представляло особенных затруднений, так как приходилось действовать, имея под руками выдающийся образец военно-юридической техники—кодекс шведский ³. Благодаря этому, прусские войска не только получили устав, но даже и комментарии к нему, составленные генерал-аудитором Е. Ноуеґом и значительно облегчившие пользование уставом.

Таковъ былъ дебютъ Пруссіи въ исторіи военно-уголовнаго законодательства.

¹ Frickius, — Geschichte; Fleck, — Commentär; Dangelmaier. — История; Бобровскій, — Состояніе военнаго права.

² Dangelmaier, 75.

³ Фрициусъ утверждаетъ даже, что въ бранденбургской арміи просто былъ введенъ шведскій кодексъ (стр. 141).

Однако, въ артикулахъ 1656 г. нѣтъ ничего, что могло бы характеризовать *пруссаго* законодателя: артикулы часто дословно повторяютъ постановленія кодекса Густава Адольфа, а комментаріи представляютъ собою собраніе данныхъ, почерпнутыхъ изъ судебной практики шведовъ, и только небольшой частью касаются практики прусской.

Но законодательство Пруссіи не могло признать за наказаніемъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣла въ виду военно-карательная дѣятельность въ Швеціи.

Въ Пруссіи примѣненіе къ виновному законодательной угрозы осуществлялось ради предупрежденія возможныхъ нарушеній въ будущемъ, ради устрашенія; условія служебной обстановки прусскаго солдата указывали не на святость долга, а на страхъ грядущаго наказанія; этическихъ основъ не доставало, и въ первые же годы послѣ изданія заимствованныхъ артикуловъ прусская армія стонетъ подъ начальническою палкою, подъ самоуправствомъ и всесильнымъ усмотрѣніемъ.¹ Нѣкоторые изслѣдователи прусскаго военно-уголовнаго права объясняютъ это явленіе дурнымъ составомъ офицеровъ², мы же болѣе склонны видѣть въ немъ необходимое олицетвореніе тѣхъ общихъ основъ, на которыхъ покоилось военно-уголовное законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ того времени. Шведская армія была исключеніемъ изъ правила, ея законодательство и воинскій правопорядокъ обезпечивались не только карательными угрозами, но и личнымъ примѣромъ и личными свойствами законодателя. И вездѣ, кромѣ Швеціи, воинское наказаніе должно было устрашать, а отсюда недалеко уже до полнаго игнорированія дѣйствовавшаго устава, поскольку онъ противорѣчилъ этой идеѣ.

Великій курфюрстъ въ длинномъ рядѣ законодательныхъ актовъ борется съ этимъ явленіемъ, угрожаетъ начальникамъ тяжелыми взысканіями, повышаетъ силу репрессіи и, такимъ образомъ, активно пріобщается къ тому же явленію, съ которымъ борется. И въ этой борьбѣ для арміи была ясно видна цѣль воинскаго наказанія и значеніе военно-уголовнаго закона³.

Словомъ, *не мѣстныя, а общія причины* лишили изданный уставъ дѣйствительной силы.

¹ Friccius, 141.

² Friccius, *ibid.*

³ Бобровскій, стр. 377.

Наоборотъ, удивительною живучестью пользуются другіе военно-уголовные законы, заимствованные изъ имперскаго и французскаго права: таковы Edickt von Haltung guter Disciplin und Ordre 1665 года, Marsch-Edickt 1678 г.¹ и др.

Между прочимъ, великій курфюрстъ для флота издалъ Seekriegs-recht², имѣвшій административное и военно-судебное значеніе, и воинскіе артикулы 1672 г. для артиллерійскаго корпуса³.

Во всякомъ случаѣ эпоха великаго курфюрста была очень богата по числу уголовно-законодательныхъ постановленій, а участіе военныхъ законовѣдовъ придавало этимъ опредѣленіямъ извѣстную систематичность, стройность и полноту. Въ послѣдніе годы царствованія курфюрста въ Пруссіи издается corpus juris militaris, составленный при участіи генераль-аудитора Шульца, снабдившаго военно-уголовныя постановленія комментаріями изъ судебной практики и расширившаго теоретическія данныя, преподанныя Ноуе'омъ при изданіи артикуловъ 1656 года⁴.

Съ момента воцаренія курфюрста Фридриха III прусское законодательство становится подъ вліяніе французскаго военно-уголовнаго права, и шведскія начала вымираютъ сами собою. Въ его царствованіе (1688—1713 г.г.) было издано очень много военно-уголовныхъ законовъ, изъ которыхъ наиболѣе важными слѣдуетъ признать законы о ландмилиціи (1701, 1704, 1705, 1711 и 1712 г.г.) и Kriegsgerichts-Ordnung und der Auditeurinstruction 1712 г. Первые заключали въ себѣ, помимо организаціонныхъ и судебныхъ постановленій, многочисленныя опредѣленія о наказаніи чиновъ ландмилиціи и очерчивали кругъ наказуемыхъ дѣяній.

Въ этихъ законахъ идея устрашенія проходитъ кровавою чертою: наказанія поражаютъ своею силою и разнообразіемъ, смертная казнь и членовредительныя мѣры получаютъ выдающееся значеніе. Для законодателя этого періода важно охранить правопорядокъ, не заботясь о средствахъ, мягкость являлась непозволительною слабостью, поэтому и взоры Пруссіи обращались туда, гдѣ царилъ строгій внѣшній порядокъ, поддерживаемый рѣшительными и вѣрными угрозами. Франція позволяла дѣлать боль-

¹ См. Corpus juris militaris novissimum.

² Бобровскій, 379.

³ Dangelmaier, 75.

⁴ Friccus, 142—143 примѣч.

шой выборъ, недостатка въ наказаніяхъ не было. И на прусскую почву пересаживаютъ эдикты и ордоннансы Людовика XIV ¹.

Также же значеніе имѣеть и законъ 1712 г. о судебномъ порядкѣ, установившій быстрое отправленіе правосудія въ интересахъ обезпеченія того же воинскаго правопорядка скорыми и экономичными процессуальными средствами ².

Мы не упоминаемъ о другихъ военно-уголовныхъ законахъ того времени, которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ, помогая законодателю обезпечить армію отъ порочныхъ ея членовъ; всѣ они раньше рождались на Западѣ и затѣмъ уже переносились въ Пруссію, измѣняя только отчасти свою внѣшнюю конструкцію и внося въ прусское законодательство терминологию французскаго военно-уголовнаго права ³.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ I (1713—1740 г.) ознаменовываетъ себя въ исторіи законодательства изданіемъ двухъ кодексовъ: *Kriegsartikel* 12 июня 1713 г. и *Dienstreglement* 1726 г.

Kriegsartikel былъ изданъ королемъ въ первый же годъ его царствованія. Въ разработкѣ его принялъ участіе знаменитый законовѣдъ того времени — генераль-аудиторъ *Katsch* ⁴. Появленіе кодекса было желательнымъ: артикулы 1656 г. не отвѣчали ни духу арміи королевской Пруссіи, ни цѣлямъ законодателя; со времени ихъ изданія Пруссія пережила длинную исторію реформъ въ области военнаго дѣла, увеличила свою армію, да и культурный строй государства сдѣлался выше. Новые артикулы, не забывая основного стремленія къ общему предупрежденію, оказываются болѣе мягкими по сравненію со своими предшественниками, но лишь въ отношеніи отдѣльныхъ служебныхъ наруше-

¹ Особенно выразителенъ патентъ 1711 года, который объявлялъ (*Friccius*, 148): «Da die bisherige, wiewohl abscheuliche Todesstrafe des Stranges gar keine Furcht, Schrecken noch Beispiel geben wollen, so sollen ertappte und der Desertion überwiesene Soldaten binnen 24 Stunden ohne Gnade vor dem Regiment für Schelme erklärt, ihr Degen vom Henker zerbrochen. Ihnen als unwürdig in ehrlicher Gesellschaft weiter zu sein, die Nase und ein Ohr abgeschnitten, darauf jeder an eine Karre geschmiedet. und lebenslänglich zur schweren Festungsarbeit verwendet werden.»

² *Friccius*, 149.

³ Усиленіе репрессіи создавалось также путемъ изданія отдѣльныхъ эдиктовъ; см. напр. эдиктъ 7 октября 1712 г., раздѣлившій воинскія наказанія на «ordentliche» (сюда принадлежало *Strang*) и «ausserordentliche» (членовредительныя и тѣлесныя). — *Friccius*. 148.

⁴ *Friccius*. 171; Бобровскій, 407—408.

ніи¹; въ общемъ по-прежнему живетъ та же идея — устрашить вооруженную толпу людей, взятыхъ изъ низшихъ слоевъ общества. Артикулы относились лишь къ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ непривилегированныхъ классовъ, къ офицерамъ же примѣнялся регламентъ о службѣ 1726 г. (*Reglement vor die K. Preussische Infanterie*)². Этотъ кодексъ, выросшій въ одинаковыхъ условіяхъ съ артикулами 1713 года, имѣлъ въ виду тѣ же карательныя цѣли, но къ достиженію ихъ стремился другими путями. Привилегированные члены военного общества въ качествѣ объектовъ наказанія имѣли значительно больше правъ, нежели нижніе чины: законодатель признавалъ за ними извѣстную свободу, извѣстный кругъ преимуществъ, а потому, избѣгая дѣйствовать на тѣло, поражалъ ихъ свободу и преимущества — служебныя и сословныя. Преступныя дѣянія, о которыхъ говоритъ кодексъ, исчерпываются проступками противъ правилъ воинскаго повиновенія, чинопочитанія, служебнаго поведенія и дуэлей. Въ кодексѣ имѣются постановленія и о нижнихъ чинахъ, но исключительно какъ объ объектахъ дисциплинарной власти начальниковъ-офицеровъ³.

Просвѣщенный абсолютизмъ, получившій свое выраженіе въ Пруссіи въ лицѣ Фридриха II, долженъ былъ такъ или иначе проявить себя и въ области военно-уголовнаго законодательства.

Дангельмайеръ утверждаетъ, что царствованіе короля не оставило значительныхъ реформъ въ военномъ правѣ того времени⁴. Мы склонны думать иначе и въ законодательныхъ попыткахъ Фридриха II видѣть проявленіе многихъ новыхъ началъ, удержавшихся въ прусскомъ кодексѣ 1845 г. и появившихся даже въ германскомъ 1872 г.

¹ Dangelmaier, — 89.

² Friccius, — 171.

³ Идея въ хронологической послѣдовательности, необходимо отмѣтить пересмотръ, предпринятый въ 1724 году, артикуловъ 1713 года. Какъ ни было сильно желаніе законодателя установить самыя рѣшительныя карательныя мѣры, тѣмъ не менѣе время брало свое и заставляло отмѣнять мало-по-малу устарѣвшія карательныя постановленія. Въ томъ же 1724 г. артикулы вышли въ свѣтъ въ нѣсколько обновленномъ видѣ.

Наконецъ, въ 1739 г. появился регламентъ для драгунъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько уголовно-матеріальныхъ опредѣленій, повторявшихъ зады прусскаго законодательства.

⁴ Dangelmaier, — 90.

Два регламента о пѣхотной и гусарской службѣ 1743 года, значительно своею частью касающіеся вопроса о предупрежденіи воинскихъ преступныхъ дѣяній, предписываютъ усилить надзоръ за подчиненными и даже начальниками изъ высшихъ чиновъ и совершеніе преступленій военнослужащими ставятъ въ связь съ отсутствіемъ надзора за виновными ¹.

Такимъ образомъ, начало отвѣтственности за подчиненнаго получаетъ новое авторитетное подтвержденіе. Но вмѣстѣ съ этимъ естественнымъ путемъ рождается правило и объ усиленіи отвѣтственности начальника, какъ лица, обязаннаго надзоромъ, въ случаѣ совершенія имъ дѣянія совмѣстными усиліями съ подчиненнымъ.

Оба эти начала сказались на послѣдующемъ законодательствѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Самъ Фридрихъ старался придать имъ жизнеспособность и настойчиво вводилъ ихъ въ другіе военные законы, какъ напр., въ регламентъ *Ordre zur Erhaltung der Subordination bei der Armee* 1744 г. ².

Другимъ памятникомъ, заключавшемъ въ себѣ новыя законодательныя тенденціи, былъ *Circlarordre* 6 августа 1744 года ³. Этотъ законъ, установившій новыя правила конфирмаціи военно-судебныхъ приговоровъ, предписалъ, кромѣ утвержденія и смягченія приговоровъ, *усиленіе* таковыхъ до извѣстнаго предѣла. Такимъ образомъ, усмотрѣніе военного начальства приглашалось конкурировать съ судебнымъ рѣшеніемъ, но не на одинаковыхъ условіяхъ: въ то время, какъ судъ взвѣшивалъ обстоятельства дѣла на неподвижныхъ данныхъ закона и только закона,—конфирмуемое начальство отправляло правосудіе, пользуясь исключительно своимъ усмотрѣніемъ, не стѣсненнымъ опредѣленными рамками; начальство было вполне самостоятельно и въ выборѣ карательныхъ мѣръ не стѣснялось, такъ какъ логическія опредѣленія закона, въ случаѣ практической необходимости, могли быть совершенно отброшены.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще болѣе знаменательный актъ: воинскій артикулъ 1749 г.

Въ немъ отразилось все содержаніе военно-уголовнаго зако-

¹ Friccius, 190—192.

² Friccius, 192.

³ Friccius, 194; Dangelmaier, 90—91.

нодательства Фридриха Великаго и его уголовно-политическія тенденціи: устрашать, во что бы то ни стало.

Въ началѣ 1749 г. король приказалъ генераль-аудитору Павловскому составить проектъ военного кодекса. Проектируемый законъ долженъ былъ содержать въ себѣ угрозу сильными карательными средствами,—настолько сильными, чтобы у возможнаго виновника отпала всякая охота къ нарушенію своего правомѣрнаго состоянія. Однако, чтобы примирить культурныя требованія времени съ необходимостью охраны воинскаго правопорядка сильными мѣрами, законодатель пошелъ удивительно вѣрнымъ путемъ: угрожая санкціею закона, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещалъ осуществлять таковую и замѣнялъ ее другою санкціею, болѣе легкою.

Въ 1749 г. были изданы воинскіе артикулы, а вмѣстѣ съ ними особая *декларація*; артикулы *должны были читаться* въ войскахъ, солдаты приглашались выслушивать постановленія о строгихъ наказаніяхъ, а *декларація*, отмѣнявшая и замѣнявшая установленныя въ артикулахъ наказанія, *должна была пребывать въ безопасности*. Знакомиться съ деклараціею предоставлялось только офицерамъ, а примѣнять ее—конфирмующему начальству¹.

Таково было значеніе уголовныхъ опредѣленій Фридриха Великаго.

Въ эту эпоху французское вліяніе не перестаетъ быть еще замѣтнымъ: прусскіе законы настойчиво повторяютъ опредѣленія и термины французскихъ ордоннансовъ, а иногда почти въ цѣломъ заимствуютъ таковыя; отмѣтимъ, напр., законъ 17 ноября 1764 г. о дезертирахъ и ихъ наказаніяхъ,—заимствованный изъ французскаго ордоннанса 1727 года.

Со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма II военно-уголовное законодательство продолжаетъ совершенствоваться подъ руководствомъ генераль-аудитора Саван'а. Причиною появленія многихъ новыхъ законодательныхъ постановленій были войны и походы, въ которыхъ принимала участіе Пруссія и которые убѣдили законодателя въ несовершенствахъ установленнаго въ арміи воинскаго правопорядка. Походъ въ Голландію 1787 г., война съ революціонной арміею 1792—95 г. и съ Польшею 1793—96 повлекли за собою большія реформы въ военно-уголовномъ законодательствѣ.

¹ Friccius. 194—196.

Идеи Фридриха II перестали удовлетворять интересамъ военнаго правосудія, его законодательство противорѣчило самымъ настоятельнымъ нуждамъ арміи.

Первымъ дѣломъ Саван'а была реформа регламента о службѣ офицеровъ. Въ 1788 г. появляется новый законъ, значительно умѣрившій начальническія полномочія и позаботившійся объ этическихъ началахъ отношеній подчиненныхъ и начальствующихъ¹.

Одновременно съ этимъ ведутся дѣятельныя работы по пересмотру воинскихъ артикуловъ Фридриха II, и въ ноябрѣ 1787 года появляется новый проектъ артикуловъ, къ которому, по примѣру стараго закона, прилагается новая декларация, съ воспрещеніемъ опубликовывать ее въ войскахъ².

Новый кодексъ получаетъ утвержденіе 17 іюня 1788 года.

По сравненію съ предшествующимъ кодексомъ, уставъ 1788 г., не выдвигая новыхъ началъ военно-уголовнаго права, стремится дать воинскимъ наказаніямъ большую дѣйствительность, но не въ смыслѣ устрашительности, а исключительно жизненности ихъ и примѣнимости.

Этому уставу суждено было просуществовать очень недолго. Черезъ девять лѣтъ появляется совершенно новый кодексъ, ничѣмъ не похожій на предшествующій.

Дѣло въ томъ, что въ 1794 году обще-уголовное прусское законодательство подверглось коренному преобразованію³: средневѣковыя начала, которыми руководствовался судъ въ своихъ приговорахъ о примѣненіи общихъ наказаній, должны были сойти со страницъ законодательства. Просвѣтительное движеніе XVIII ст. измѣнило цѣли наказанія, ввело гуманизацию въ право, выдвинуло значеніе человѣческой личности и указало путь для разработки права.

Наконецъ, и съ практической точки зрѣнія примѣненіе старыхъ артикуловъ къ военнослужащимъ представляло затрудненія при существованіи новыхъ доктринъ, провозглашенныхъ земскимъ правомъ 1794 года.

Поэтому, исключительно въ цѣляхъ согласованія основныхъ положеній уголовного законодательства былъ изданъ уставъ

¹ Friccius, 211.

² Friccius, 212.

³ Dangelmaier. 92

1797 г. Къ его характернымъ особенностямъ надо отнести: сравнительную легкость наказаній, сокращеніе случаевъ примѣненія наказаній тѣлесныхъ и бѣльшую ясность юридической терминологіи. Однако, идея устрашенія еще продолжаетъ господствовать: уставъ грозитъ квалифицированной казнью, прогнаніемъ сквозь строй, палками и лишеніемъ чести ¹.

Содержаніе устава исчерпывалось только воинскими преступными дѣяніями, общія же разсматривались согласно опредѣленіямъ земскаго права.

Съ такимъ запасомъ военно-уголовныхъ средствъ Пруссія вступаетъ въ XIX столѣтіе.

§ 29. Реформа воинскихъ наказаній въ Пруссіи въ XIX ст.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III получаетъ богатое законодательное наслѣдство. Но Тильзитскій миръ 1807 года показалъ, что военное законодательство не имѣетъ дѣйствительнаго значенія, что воинскій правопорядокъ расшатанъ самими охранителями—начальствомъ, что уголовная репрессія можетъ только способствовать нарушенію закона. Еще въ 1806 г. самъ король лично борется съ злоупотребленіями въ арміи путемъ изданія *Publikandum*'а, раскрывшаго царство произвола. *Publikandum*—это былъ смертный приговоръ старому военному праву, подписанный королемъ, а Тильзитскій миръ—его исполненіемъ. Вслѣдъ за этимъ надо было создать новое право ².

Въ реформахъ всего государственнаго строя Пруссіи однимъ изъ главныхъ пунктовъ было преобразование арміи. *Militair-Reorganisations - Commission*, собранная подъ предсѣдательствомъ Шарнгорста, должна была создать новые военно-уголовные законы, которые и появились въ 1808 году.

Воинскій уставъ для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и регламентъ о службѣ для офицеровъ были самыми долговѣчными кодексами, просуществовавшими до 1845 года. Не отказываясь отъ идеи общаго предупрежденія, Пруссія въ послѣдній разъ обратилась къ французскому законодательству вообще и къ кодексу

¹ Friccius, 217—218.

² Friccius, 228—231.

21 брюмера года V-го въ особенности. Благодаря этому вліянію революціоннаго законодательства, кодексы 1808 года, хотя не отказываются отъ идеи устрашенія, вмѣстѣ съ тѣмъ однако отводятъ послѣднему незначительное сравнительно мѣсто:—всѣ тѣ военно-карательныя средства, которыми имѣли въ виду воздѣйствовать не на преступника, а на возможныхъ нарушителей, съ одной стороны—уменьшились количественно, съ другой—измѣнились качественно; вслѣдствіе этого, примѣненіе смертной казни было значительно сужено и формы ея сведены къ простѣйшимъ видамъ, лишеннымъ тѣлесныхъ или членовредительныхъ придатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на останкахъ этой разбитой идеи выросло нѣчто новое—идея объ исправленіи. Появленіе ея, безъ сомнѣнія, обусловливается военно-уголовнымъ законодательствомъ революціонной Франціи, которое легко проникло въ Пруссію, выступившую въ это время на путь самыхъ коренныхъ реформъ.

Исправительное воздѣйствіе на преступную волю военнослужащаго, по уставу 1808 года, могло быть достигнуто разнообразными мѣрами.

Полувѣковое существованіе тѣлесныхъ наказаній ясно обнаружило непригодность ихъ къ достиженію цѣлей исправленія; поэтому первою заботою новаго устава было отмѣнить прохожденіе черезъ строй¹. Кромѣ того, была установлена цѣлая серія наказаній, имѣвшимъ объектомъ честь военнослужащаго. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить переводъ во второй классъ для нижнихъ чиновъ. Сущность этого наказанія сводилась къ слѣдующему: всякій солдатъ, выходя на службу, вступалъ въ первый классъ; если онъ совершалъ какое-либо позорное правонарушеніе — кражу, подлогъ, побѣгъ и т. д.,—онъ переводился во второй классъ,—или, вѣрнѣе, измѣнялъ свое юридическое положеніе: нижніе чины перваго класса становились къ переведенному въ положеніе ефрейторовъ; переведенный могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію тростью, въ количествѣ 40 ударовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было принято также и лишеніе національной кокарды; установленіемъ такого наказанія законодатель имѣлъ въ виду возбудить въ наказанномъ стремленіе къ возвращенію потерянной чести и тѣмъ самымъ дать возможность ему засвидѣтельствовать своими дѣяніями свою пригодность къ

¹ Friccius. 239.

исполненію почетныхъ обязанностей солдата. Лишеніе кокарды обязательно влекло за собою переводъ наказаннаго во второй классъ. Нѣсколько позднѣ въ Пруссіи было принято, какъ воинское наказаніе, лишеніе медалей и крестовъ¹.

Во главѣ воинскихъ правопоражающихъ наказаній слѣдуетъ поставить исключеніе изъ военнаго званія, при которомъ наказанный лишался всѣхъ правъ, приобрѣтенныхъ службою; онъ исключался изъ списковъ арміи и никогда уже не могъ вернуться на службу. Само собою разумѣется, что это наказаніе не имѣло въ виду цѣлей исправленія; наоборотъ—задачею его было: удалить изъ арміи негоднаго ея члена, почему оно и назначалось въ случаѣ кражи, третьяго побѣга и т. д., т. е. когда виновный своимъ поведеніемъ доказывалъ свою неисправимость. Послѣдствіемъ удаленія изъ арміи было заключеніе виновнаго на извѣстный срокъ въ тюрьму. Такое же значеніе имѣло исключеніе изъ офицерскаго званія (*Entfernung aus dem Offizierstande*), когда наказанный лишался патентовъ и всѣхъ преимуществъ, приобрѣтенныхъ состояніемъ на военной службѣ.

Уставъ 1808 года установилъ также и особую систему наказаній лишеніемъ свободы въ видѣ ареста и заключенія въ особые пенитенціарныя заведенія. Простой арестъ состоялъ въ содержаніи на гауптвахтѣ (*gelinder*), безъ всякихъ осложненій; средній арестъ (*mittel*) отбывался на гауптвахтѣ, но съ уменьшеніемъ пищи, состоявшей изъ хлѣба и воды, причемъ, въ качествѣ дополнительной мѣры, къ нему присоединялось лишеніе жалованья на весь срокъ ареста; наконецъ, арестъ строгій (*strenger*)—отбывался на тѣхъ же условіяхъ, какъ и средній арестъ, но въ темномъ помѣщеніи, изолированномъ отъ другихъ заключенныхъ, и съ лишеніемъ постельныхъ принадлежностей, причемъ самое устройство пола въ карцерѣ мѣшало заключенному лечь, такъ какъ по длинѣ его лежали высокія планки; впослѣдствіи этотъ придатокъ къ наказанію, въ виду его дурного вліянія на здоровье заключенныхъ, былъ отброшенъ².

Заключеніе въ исправительныя заведенія имѣло два вида: *Festungsarrest* и *Festungsarbeitstrafe*. Первое примѣнялось только къ офицерамъ, второе—къ унтеръ-офицерамъ и ря-

¹ Frickius, 240, 241.

² Frickius, 242.

довымъ. Заключение офицеры на весь срокъ отбытія наказанія лишались жалованья; унтеръ-офицеры подвергались разжалованію. Festungsarrest представлялъ собою высшую форму ареста и не влекъ за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ вышеуказаннаго. Festungsarbeitstrafe, замѣнившее собою прежніе шпицрутены, отбывалось въ такъ наз. Festungs-Garnisoncompagnie, при чемъ виновный получалъ названіе «штрафованнаго» (Militärstraf-linge) и подлежалъ обязательнымъ тяжелымъ фортификаціоннымъ работамъ; по окончаніи срока наказанія, виновный возвращался въ армію ¹. Изъ этого легко видѣть, что Festungsarbeitstrafe, по своему содержанію, близко подходило къ французскимъ travaux publics.

Кромѣ этихъ наказаній, прусское законодательство 1808 г. установило для офицеровъ, какъ дисциплинарныя мѣры, домашній арестъ и выговоры въ отсутствіи и присутствіи товарищей виновнаго.

Реформированное, такимъ образомъ, военно-уголовное законодательство не могло, однако, оставаться неподвижнымъ. Первая четверть XIX ст. характеризуется обиліемъ реформъ въ дѣлѣ веденія войны, что не проходитъ безслѣдно и вслѣдствіе чего появляется масса новаго военно-уголовнаго матеріала. Въ 20-хъ годахъ, когда наука уголовного права сдѣлала большой шагъ впередъ, а Пруссія опомнилась отъ ударовъ 1806 г., королемъ было предписано заняться разсмотрѣніемъ военно-уголовнаго кодекса. Была собрана особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Kamptz'a, которая и должна была произвести пересмотръ всего законодательства за время съ 1808 по 1827 гг.

Политическія осложненія помѣшали Фридриху-Вильгельму III осуществить мысль изданія новаго военного кодекса, разработаннаго по указаніямъ теоріи, и только въ 1845 году появился знаменитый Militär-Strafgesetzbuch.

Всѣ эти измѣненія въ системѣ военно - карательныхъ мѣръ Пруссіи въ теченіе XIX вѣка имѣли въ виду сдѣлать идею объ исправленіи болѣе осуществимой и тѣмъ возвести воинское наказаніе въ цѣлесообразный актъ государственной власти. И прусскій военно-уголовный кодексъ 1845 г. и германскій уставъ 1872 г. представляютъ собою не болѣе, какъ развитіе того же стремленія къ цѣлесообразности наказанія.

¹ Ibid, 241.

ГЛАВА III.

Р о с с і я.

§ 30. Системы и цѣли воинскихъ наказаній въ эпоху XVII—XVIII ст.

Первые памятники военно-уголовнаго права въ Россіи встрѣчаются только въ началѣ XVII столѣтія ¹. Съ этого момента становится возможнымъ изученіе вопроса о русскомъ воинскомъ наказаніи. Были ли до этого времени какія-либо военно-карательныя постановленія, примѣнявшіяся въ русскомъ войскѣ, мы въ настоящее время не въ состояніи отвѣтить утвердительно.

При самомъ даже поверхностномъ обзорѣ всѣхъ военно-законодательныхъ памятниковъ вплоть до воинскаго устава о наказаніяхъ 1868 года, можно замѣтить, что *русское военно-уголовное законодательство развивалось не самостоятельно, а подъ господствующимъ вліяніемъ иноземныхъ кодексовъ*. Понятно, что и идея о воинскомъ наказаніи шла тѣмъ же путемъ, и на всемъ протяженіи исторіи нашего законодательства мы встрѣчаемся съ оригинальными явленіями *сильной борьбы русскаго правосознанія съ иноземными началами военнаго права*.

Къ XVII столѣтію въ западной Европѣ на воинское наказаніе смотрѣли, какъ на карательную функцію государства, осуществляемую въ интересахъ устрашенія; въ такомъ же видѣ воинское наказаніе было пересажено и на русскую почву.

«Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки» (1621 г.), или «статейная роспись пушкар-

¹ При существованіи въ Россіи помѣстныхъ отношеній, подъ условіемъ военной службы, является возможность говорить о существованіи военно-карательныхъ постановленій и ранѣе указаннаго времени. Эти отношенія

ская»¹ даетъ возможность видѣть первыя попытки законодателя ввести въ войскѣ юридическую организацію, построенную на началахъ, заимствованныхъ отъ Запада. Этотъ первый военно-уголовный кодексъ представляетъ собою сколокъ съ тѣхъ кодексовъ, которые примѣнялись къ Европѣ: тотъ же порядокъ расположенія матеріала, та же неопредѣленность и смѣшеніе воинскихъ и общихъ преступленій, та же грубая форма первичнаго устрашенія.

получаютъ окончательную регламентацію въ эпоху Іоанна Грознаго, который обязалъ всѣхъ дворянъ, достаточно обеспеченныхъ землею, нести военную службу на конѣ и со снаряженіемъ изъ собственныхъ ихъ средствъ. Землевладѣльцы, по призыву правительства, обязываются въ случаѣ войны являться въ полкъ «конны, людны и оружны» и съ запасомъ провіанта. Уклоненіе отъ этой службы, какъ и на западѣ при существованіи леннаго землевладѣнія, составляло, пожалуй, единственное воинское преступное дѣяніе—«нѣтъчество». Въ качествѣ наказанія правительство грозило уклоняющимся отнятіемъ помѣстья, но фактически или «отнимало у нихъ только часть помѣстья, или, отписавъ всю землю, вслѣдъ затѣмъ возвращало ихъ раскаявшимся дворянамъ» (См. Павловъ-Сильванскій, — Феодальные отношенія въ удѣльной Руси, стр. 28—30; его же, — Государевы служилые люди, стр. 102, 186, 190). Въ этихъ постановленіяхъ ясно проглядываетъ цѣль наказанія: угрозою лишенія помѣстья предупредить возможность самаго нарушенія; фактическое же непримѣненіе этого наказанія объясняется задачами цѣлесообразности такой мѣры, чтобы виновные въ будущемъ «были на государевѣ службѣ противу наряду сполна». (Павловъ-Сильванскій, *ibid.*). Изъ другихъ карательныхъ опредѣленій отмѣтимъ постановленіе Судебника 1550 года о наказаніи за сдачу города.

Кромѣ того, можно указать на особую форму обычного уголовного права, существовавшего въ Запорожѣ. Это право сложилось подъ вліяніемъ многоразличныхъ началъ: приходя въ соприкосновеніе съ тѣми или другими народностями, Сѣчь вырабатывала свой обычный военно-уголовный кодексъ. Главными постановленіями его были: присвоеніе сѣчевого имущества, пьянство во время похода, трусость, измѣна, проигрышъ сраженія, отказъ отъ должности кошевого атамана, убійство казака, возстаніе и т. п. влекли за собою примѣненіе смертной казни въ той или другой формѣ; за пренебреженіе, оказанное старшинѣ, побѣгъ, подкупъ часового и др. назначалось тѣлесное наказаніе палками («кіями»); за маловажныя нарушенія обязанностей призванія виновные приковывались къ пушкѣ (въ пушкарнѣ), заковывались въ желѣза («ланцуги»), ставились въ колодки, отставлялись отъ должности, устранились отъ выборовъ на должности; иногда также примѣнялись выговоры и внушенія (см. Д—скій. — Система карательныхъ мѣръ въ Запорожѣ, «Кіевская Старина», 1893 г. мартъ). — Всѣ эти карательныя мѣры имѣли цѣлью—обезпеченіе общины отъ нарушеній, поэтому отдѣльныя наказанія преслѣдовали задачи или устрашенія, или удаленія; объ исправленіи виновныхъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ Сѣчь преслѣдовала исключительно для себя полезныя цѣли.

¹ Розенгеймъ, стр. 257—266.

Возстановляя, насколько это возможно, систему военно-карательныхъ мѣръ, можно съ вѣроятностью предположить, что «Уставъ» не былъ простымъ дословнымъ переводомъ какого-либо европейскаго кодекса, а довольно обширною компиляціею изъ различныхъ законовъ, при чемъ наибольшее сходство въ отношеніи воинскихъ наказаній замѣчается съ указанными выше постановленіями Максимилиана II ¹.

Система воинскихъ наказаній по уставу представлялась крайне несложною.

Смертная казнь была наиболѣе выдающимся по своей распространенности наказаніемъ, что, при господствѣ идеи устрашенія, становится вполне понятнымъ. Это наказаніе — «по заповѣди казни смертная» — имѣло въ виду заставить военнослужащихъ относиться къ своимъ прямымъ — «пушкарскимъ» — обязанностямъ съ должною осмотрительностью, и разъ виновный совершалъ дѣйствіе, заключавшее въ себѣ нарушеніе специальной обязанности—отлучку отъ пушки, допускъ постороннихъ къ орудію, пьянство на службѣ и т. п. — онъ, для примѣра и отстрастки, долженъ былъ подвергнуться наказанію «по вышеименованной заповѣди и указу». Иногда смертная казнь, по терминологіи устава, называлась «наказаніемъ великимъ» ² и «наказаніемъ смертнымъ» ³. Въ уставѣ не упоминается о какихъ-либо видахъ смертной казни, поэтому и всякія предположенія въ этой области не могутъ имѣть за собой достаточнаго вѣроятія.

Тѣлесное наказаніе уставъ называетъ «наказаніемъ животнымъ» ⁴. Впрочемъ, здѣсь вполне возможно сомнѣніе и отождествленіе понятій смертной казни и «животнаго» наказанія, но статья 10 (320) можетъ вполне убѣдить, что законодатель оба эти понятія раздѣляетъ самымъ положительнымъ образомъ, говоря «... а изымутъ, поведутъ его въ свой приказъ на судъ, а съ суда укажутъ, *наказаніе дати смертное ли или животное*, по обстоянію дѣла». Въ какой формѣ примѣнялось это наказаніе, сказать съ положительностью невозможно, но изъ 9 (319) статьи устава можно усмотрѣть, что въ войскѣ, между прочимъ, практиковалось и посаженіе въ желѣза.

¹ Шендзиковскій, — Исторія, стр. 14—15.

² См. 20; Розенгеймъ, стр. 263.

³ Ст. 10.

⁴ Ibid.

Лишеніе чина и службы представляло собою такое воинское наказаніе, которое не могло преслѣдовать, да въ сущности и не преслѣдовало задачъ устрашенія: по своему содержанію, оно являлось ничѣмъ инымъ, какъ позорнымъ исключеніемъ изъ арміи за дѣянія, несовмѣстимыя съ почетными обязанностями военнослужащаго, что слѣдуетъ изъ 2 статьи устава: «Да аже случится, что который пушкарь дома имѣетъ свою законную жену и дѣти и похочетъ со иною въ нечистотѣ пребыти, и ее у себя держати, блуда ради, и тотъ своего чину и службы лишонъ и доведется его съ *безчестьемъ отъ снаряду и отъ товарищевъ его отженути*»¹.

Полное господство идеи устрашенія создавало *неопредѣленность санкции* уголовного закона—общее явленіе уголовного права разсматриваемой эпохи: *авторитетъ начальника* служилъ надежнымъ ручательствомъ, что цѣль общаго предупрежденія можетъ быть достигнута болѣе разумно самимъ судьей, близко стоящимъ къ обстановкѣ преступленія, нежели законодателемъ. На этомъ основаніи уставъ, въ иныхъ случаяхъ отказываясь регламентировать мѣру и форму наказанія, предоставляетъ осуществить идею устрашенія «по наказанію достойному»², «по наказанію великому», «по великому и жестокому наказанію»³, «безъ пощады»⁴, «чего кто довелся»⁵, «смотря по дѣлу»⁶. Такимъ образомъ, простая и несложная карательная система устава подвергалась безчисленнымъ осложненіямъ при практическомъ примѣненіи наказаній къ виновнымъ.

На основаніи этого можно утверждать, что въ началѣ XVII столѣтія русское военно-уголовное право признавало воинское наказаніе, какъ средство достиженія полезныхъ цѣлей для государства—задачу устрашенія; что касается самой формы примѣненія той или другой кары, то вполне вѣроятно, что начальники, осуществляя свои карательныя функціи, пользовались го-

¹ Розенгеймъ, 258.

² Ст. 17.

³ Ст. 20.

⁴ Ст. 20.

⁵ Ст. 20.

⁶ Ст. 25 (335).

товыми уже формами, въ которыхъ практиковалось общее наказаніе того времени ¹.

Соборное уложеніе 1649 г. стоитъ на той же точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ задачамъ воинскаго наказанія, какъ и уставъ, но въ то время какъ послѣдній строитъ свою карательную систему на принципахъ внутренняго соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ («смотря по дѣлу»), Уложеніе исходитъ изъ идеи тальона.

Въ самомъ дѣлѣ, Уложеніе всю цѣль карательной дѣятельности видѣло не въ угрозѣ закона, а въ самомъ осуществленіи воинскаго наказанія. Такъ какъ исполненіемъ угрозы законодатель разсчитывалъ удержать отъ нарушеній возможныхъ нарушителей, то, чтобы внушить имъ ужасъ, исполненіе кары должно было поражать своимъ видомъ, уничтожая преступника и его преступную волю. Отсюда—рядъ мучительныхъ средствъ борьбы съ потенциальною преступностью, цѣлая серія членовредительныхъ осложненій въ лишеніи жизни, прогрессивное развитіе пугающихъ воображеніе воинскихъ наказаній. Собирая массу людей и вооружая ее, законодатель ничѣмъ инымъ не могъ держать ее въ повиновеніи и дѣлать изъ нея послушное свое орудіе, какъ квалифицированной смертной казнью, батогами, обрѣзаніемъ носа и. т. д.

На такой почвѣ родилась военно-карательная система уложенія ².

Собственно говоря, смертная казнь за воинскія преступленія примѣнялась сравнительно рѣдко, всего лишь въ 6-ти случаяхъ: за вооруженный бунтъ, возмущеніе въ войскѣ, государственную измѣну, сдачу города непріятелю ³, приѣмъ зарубежныхъ людей для измѣны и сношеніе съ непріятелемъ; впослѣдствіи, смертною

¹ По мнѣнію проф. Сергѣевского, въ выборѣ формъ казни при назначеніи ихъ за отдѣльныя преступныя дѣянія рѣшающимъ моментомъ въ большинствѣ случаевъ являлись различныя практическія побочныя соображенія, а не степень виновности лица или тяжесть, или свойство преступнаго дѣянія. См. Наказаніе, стр. 97.

² Приводимая здѣсь система наказаній имѣетъ своимъ источникомъ не только Уложеніе, но и длинный рядъ указовъ XVII столѣтія.

³ Котошинъ говоритъ, что за измѣну, сдачу города и вообще за «измѣнныя статьи» назначалось четвертованіе (стр. 91 и 92); Сергѣевскій основательно сомнѣвается въ этомъ (стр. 98).

казнью было обложено уклоненіе отъ службы ¹. Исполненіе казни было обставлено особенно торжественно и должно было, съ одной стороны, устрашать товарищей виновнаго, съ другой,—напр. въ случаѣ измѣны,—публично свидѣтельствовать мощь государства въ глазахъ даже непріятели, такъ какъ предписывалось преступника «повѣсти противъ непріятельскихъ полковъ» ². Членовредительныя наказанія за воинскія преступленія находили рѣдкое примѣненіе ³.

Подобное ограниченіе двухъ выдающихся видовъ воинскихъ наказаній имѣетъ за собой, по нашему мнѣнію, вполне естественное объясненіе: армія Московскаго государства собиралась съ громадными затрудненіями; въ теченіе всего XIX столѣтія государство ведетъ бесплодную борьбу съ дезертирами и нѣтчиками, и смертная казнь примѣняется къ бѣглецамъ только уже въ послѣдніе годы этого столѣтія. Все это приводитъ къ мысли, что въ разсматриваемую эпоху къ воинскому наказанію предъявлялось требованіе экономичности, такъ какъ законодатель отлично понималъ, что, облагая воинскія нарушенія наказаніями, уничтожающими военнослужащаго или его пригодность къ службѣ, онъ тѣмъ самымъ ослабляетъ свою армію; этимъ же въ значительной мѣрѣ объясняется и позднее появленіе указовъ о смертной казни дезертировъ, именно, когда правительство поняло уже всю невоз-

¹ 1 П. С. З., №№ 127, 143, 150, 151, 224, 253.—Уклоненіе отъ службы, по смыслу указовъ, могли совершать не только солдаты, но и боярскіе люди, находившіеся въ походахъ. Къ нимъ примѣнялось, главнымъ образомъ, повѣшеніе. Иногда, въ видахъ экономіи, казни подвергались не всѣ пойманные. Такъ напр., въ указѣ 1655 г. (П. С. З. № 151) говорится: «.. и котораго двора приведутъ боярскихъ холопей человѣкъ двадцать или тридцать, и изъ того двора велѣно повѣсить человѣкъ шесть, или пять, или четыре, а изъ котораго двора побѣгутъ человѣкъ десять или пять, и тѣмъ велѣно чинить наказанье, смотря по тамошнему дѣлу, а чтобы безъ трехъ, или безъ дву человѣкъ, или одного не повѣся не было». Впослѣдствіи (въ 1658 г., см. Акты Археографическ. Экспед., т. IV, № 106) смертною казнью было обложено и укрывательство дезертировъ. См. Сергѣевскій, Наказаніе, стр. 86—87, примѣч.; Розенгеймъ, стр. 18—19.

² Уложеніе гл. VII, ст. 20: «кто учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжать въ непріятельскіе полки, и въ непріятельскихъ полкахъ сказывать вѣсти».

³ Вырѣзаны языки участникамъ въ дѣлѣ Шакловитаго, 1 П. С. З. № 1349; Сергѣевскій, 142.

можность фактического преслѣдованія виновныхъ и возвращенія ихъ въ армію ¹.

Наиболѣе распространенными наказаніями за воинскія преступленія являлись наказанія тѣлесныя: кнутомъ и батогами; лишающія свободы: заключеніе въ тюрьму и ссылка въ украинскіе города и Сибирь; правопоражающія: пониженіе по службѣ, выдача обиженному головою и написаніе въ разрядныхъ книгахъ порочнымъ и, наконецъ, денежныя наказанія—отобраніе помѣстій и вотчинъ, конфискація имущества, убавка жалованья и денежное взысканіе.

Между наказаніями кнутомъ и батогами, по самому существу ихъ, проводилась большая разница: кнутъ былъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ средствъ, примѣнявшихся къ виновнымъ по суду, въ то время какъ батоги могли быть назначаемы и дисциплинарною властью начальника; кнутъ рѣдко являлся въ видѣ самостоятельнаго наказанія, а всегда сопровождался тѣми или другими праволишеніями; батоги иногда соединялись съ тюрьмою ². За чисто воинскія нарушенія кнутъ—торговая казнь—примѣнялся иногда въ случаѣ побѣговъ, неявки на службу, оскорбленія бояръ, взяточничества, кражи оружія и т. п.; присоединеніе другихъ уголовныхъ послѣдствій имѣло мѣсто или при рецидивѣ, или особо тяжкихъ нарушеніяхъ воинскаго правопорядка. Такъ, на примѣръ, первый побѣгъ влекъ за собою только примѣненіе кнута; рецидива побѣга влекла также кнутъ, но въ соединеніи съ убавкою помѣстнаго оклада и денежнымъ взысканіемъ; вторая рецидива побѣга имѣла своимъ слѣдствіемъ, кромѣ кнута, также отобраніе помѣстій. За неявку на службу въ иныхъ случаяхъ примѣнялся кнутъ и отобраніе вотчинъ, за взяточничество—кнутъ и ссылка; за безчестье кнутъ назначался въ соединеніи съ тюрьмою на двѣ недѣли. Что касается воинскихъ наказаній, направленныхъ противъ свободы, то и они преслѣдовали тѣ же задачи устрашенія ³.

Наиболѣе распространеннымъ и болѣе отвѣчающимъ цѣли устрашенія слѣдуетъ считать серію правопоражающихъ наказа-

¹ И здѣсь принципъ экономіи играетъ серьезную роль.—достаточно лишь напомнить о децимаціи, квинтимаціи и т. д. дезертировъ. См. выше, стр. 188.

² Сергѣевскій, Наказаніе, 147—171.

³ См. ниже: «Исторія воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы», ч. III.

ній. Въ этой области, по странному совпаденію обстоятельствъ, русское военно-уголовное право пошло по пути безсознательнаго подражанія римскому праву; само собою разумѣется, это совпаденіе не можетъ быть объясняемо вліяніемъ послѣдняго, постановленія котораго, если и проникали въ русское государство, то исключительно въ сферу частно-правовыхъ отношеній и отнюдь не въ область военно-уголовную. Мы говоримъ объ исключительномъ наказаніи, которое знало уложеніе, — *о пониженіи по службѣ*.

Римское «*militiae mutatio*» и русское «пониженіе по службѣ» являются совершенно тождественными карательными мѣрами по своему внутреннему содержанию; такъ по условіямъ организации военнаго быта, Московское государство основывало служебное положеніе военнослужащихъ на особой военно-помѣстной системѣ. Княжеская дружина древней Руси, въ видѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, составила высшій классъ служилаго сословія, которое «версталось» исключительно самимъ правительствомъ на условіяхъ помѣстныхъ окладовъ, за которые дворяне обязаны были военною службою: они являлись по призыву царя и входили въ составъ конныхъ войскъ. Отъ горюдовъ точно также въ военное время собирались дворяне и дѣти боярскіе; счисленіе ихъ велось въ разрядѣ, гдѣ они дѣлились на три статьи: на служилыхъ по выбору, по дворовому списку и на служащихъ съ городомъ. Выборъ былъ выше двороваго, служба же съ городомъ составляла низшую степень. Это раздѣленіе и обусловливало величину помѣстнаго оклада и право на придворныя званія. Изъ выборнаго списка назначались ко двору въ званіе жильцовъ, а если получали помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали званіе московскихъ дворянъ и затѣмъ повышались въ стряпчіе, стольники, окольничіе и бояре¹. Что касается мелкопомѣстныхъ дворянъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, то они записывались въ рейтарскую, копѣйную и драгунскую службу. Пониженіе по службѣ назначалось за воинскія преступленія: побѣгъ, нѣтъчество и т. д.; оно являлось перемѣщеніемъ по разряду въ низшую степень: изъ стольниковъ — въ городовые дворяне; изъ выбора и двороваго — на

¹ Устряловъ, — Исторія Петра В., т. I, стр. 176, 181—186; Розенгеймъ, 20. — Павловъ-Сильванскій. — Государевы служилые люди.

службу съ городомъ; изъ полковой службы — въ рейтары и копѣйщики или даже написаніемъ въ пѣшую службу въ солдаты ¹. Понятно, что при господствѣ идеи о мѣстничествѣ, подобная уголовная кара могла служить надежнымъ средствомъ противъ нарушителей воинскаго правопорядка.

Однимъ изъ средствъ борьбы съ мѣстничествомъ, распространеннымъ въ полкахъ, было другое позорящее наказаніе: *выдача юловою обиженному*; впрочемъ, эта мѣра могла примѣняться, какъ дополнительное наказаніе къ безчестью.

Написаніе въ разрядныхъ книгахъ порочнымъ примѣнялось за различныя служебныя нарушенія только къ однимъ начальствующимъ лицамъ, при чемъ къ имени наказаннаго въ спискѣ ставился извѣстный предикатъ: «клятвопреступникъ», «клеветникъ», «бездушникъ», «ябедникъ», «воръ» ² и др.

Эти позорящія наказанія преслѣдовали также задачу устрашенія, стремясь примѣненіемъ кары отбить и у самого виновнаго и у окружающихъ охоту къ правонарушеніямъ: принципъ воздѣйствія на волю виновнаго, въ смыслѣ подавленія въ немъ преступныхъ побужденій, служилъ руководствомъ при созданіи военно-карательной системы; но это воздѣйствіе должно было достигаться путемъ устрашенія — исполненіемъ карательной угрозы, чтобы тѣмъ задавить, заглушить возможность повторенія.

Уложеніе даетъ большой запасъ и *денежныхъ наказаній* за воинскія преступленія. При господствѣ въ Россіи помѣстной системы, какъ ленной на западѣ, этотъ родъ наказаній долженъ былъ получить большое развитіе, такъ какъ онъ приводилъ къ цѣлесообразнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, государство, давая лицу извѣстныя права, могло требовать отъ него подчиненія воинскому правопорядку, такъ какъ самая раздача земель обусловливалась такимъ подчиненіемъ, и отнимая у виновнаго помѣстья и вотчины, законодатель дѣйствовалъ на самыя важныя пружины человѣческой дѣятельности.

Во главѣ денежныхъ взысканій слѣдуетъ поставить отобраніе помѣстій и вотчинъ, которое примѣнялось къ окладнымъ служилымъ людямъ. Конфискація ³ могла касаться или всего имуще-

¹ П. С. З. № 260, 1042, 1097, 1147, 1218, 1313, 1327. — Розенгеймъ, 19.

² Розенгеймъ, 54—55, (примѣч.).

³ Сергѣевскій, Наказаніе «Имущественныя наказанія», стр. 258—276.

ства виновнаго, или только извѣстной его части. Къ этому же виду наказаній слѣдуетъ отнести и убавку или лишеніе жалованья; убавка назначалась на все время нахожденія преступника на службѣ, лишеніе могло опредѣляться на извѣстный срокъ. Эти наказанія нерѣдко назначались въ видѣ уголовныхъ придатковъ къ смертной казни, торговой казни, кнуту, ссылкѣ и т. д. Денежныя пени точно также являлись, по большей части, дополнительнымъ взысканіемъ; впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ назначались и самостоятельно, при чемъ размѣръ ихъ колебался въ предѣлахъ 1—500 руб. ¹.

Вполнѣ оригинальнымъ является положеніе о денежныхъ взысканіяхъ, которыя могли примѣняться не тотчасъ вслѣдъ за обнаруженіемъ преступленія, а по истеченіи извѣстнаго срока времени; такъ напр. они не могли быть взыскиваемы во время военныхъ дѣйствій или какихъ бы то ни было сборовъ ратныхъ людей ². Изъ этого видно, насколько Московское государство цѣнило принципъ экономичности въ воинскомъ наказаніи.

Въ такомъ видѣ представляется система воинскихъ наказаній по Соборному Уложенію. Подводя итоги всему вышеизложенному, слѣдуетъ придти къ выводу, что Уложеніе, стоя на точкѣ зрѣнія устрашенія, вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ наиболѣе мягкихъ уголовныхъ сборниковъ своего времени: задача устрашенія только въ очень рѣдкихъ случаяхъ требуетъ примѣненія выдающихся карательныхъ мѣръ, предоставляя достигать тѣ же цѣли мягкими сравнительно наказаніями. Главнымъ недостаткомъ Уложенія, съ современной точки зрѣнія, надо признать отсутствіе опредѣленной санкціи военно-уголовнаго закона, въ виду чего выраженія «наказать по указу», «по винѣ», «по разсмотрѣнію» могли дать поводъ къ злоупотребленіямъ карательною властію со стороны войсковыхъ начальниковъ.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ царствованію Петра Великаго, тѣмъ все яснѣе обнаруживается цѣль военно-карательной дѣятельности—устрашать нарушителей воинскаго порядка. Изъ законодательныхъ памятниковъ, появившихся на зарѣ дѣятельности Преобразователя, слѣдуетъ остановиться на «Уложеніи», или «правѣ воинскаго поведенія» (1701 г.) и «Краткомъ Артикулѣ»,

¹ Улож. II 5. 7. 8. 9, 10, 11; VII 20; IX 9; XIX 13, 15; XXI 26; XXV 3, 8, 11.

² Розенгеймъ, стр. 17.

такъ какъ въ этихъ военно-уголовныхъ кодексахъ впервые появляются тѣ карательныя мѣры, которыя составляютъ характерную черту Воинскаго Артикула 1716 г. и поэтому могутъ быть названы предтечею этого послѣдняго.

Уложеніе и краткій Артикулъ никоимъ образомъ не заслуживаютъ названія русскихъ военно-уголовныхъ законовъ; представляя собою, въ лучшихъ случаяхъ, дурную передѣлку кодексовъ западно-европейскихъ¹, они насильственно ввели въ русскую армію чуждое ей право и чуждыя наказанія. Этимъ въ значительной степени объясняется недолговѣчность обоихъ законодательныхъ памятниковъ и фактическая непримѣнимость Воинскаго Артикула.

Въ сущности, между арміей даннаго государства и ея карательнымъ законодательствомъ существуетъ постоянная органическая связь, обусловливаемая цѣлымъ рядомъ многообразныхъ культурныхъ и бытовыхъ условий, условий организациі арміи, ея комплектованія и т. п. Законодатель начала XVII ст., желая дать въ руководство военнослужащимъ положительные законы, отыскивалъ таковыя на западѣ и примѣнялъ тѣ изъ нихъ, которые онъ считалъ лучшими, не задаваясь мыслью о пригодности ихъ для русскаго войска. Такимъ путемъ явилось уложеніе Шереметева.

Сравнивая этотъ кодексъ съ Соборнымъ Уложеніемъ, приходится поражаться громадною разницею не только въ родахъ «казней», но и въ формахъ ихъ исполненія: уложеніе Шереметева всецѣло переноситъ на русскую почву угрозу западно-европейскихъ кодексовъ.

Кодексъ Шереметева назначаетъ *лишеніе жизни* уже въ 52-хъ случаяхъ и не за выдающіяся преступленія, а за ничтожныя сравнительно нарушенія: тому, «кто съ караула сойдетъ безъ перемѣны», кто «отбѣжитъ въ погонь за непріятелемъ» и т. д.². Формы лишенія жизни представляются въ осложненномъ видѣ: кодексъ знаетъ уже четвертвованіе и децимацію. «Буде кто на кого найметъ или научить убить... а буде учинять убійство»,—

¹ Шендзиковскій, — (Исторія, стр. 19) полагаетъ, что Уложеніе — передѣлка датскихъ артикуловъ короля Христіана V, 1683 г.

² См. стт. 3. 6. 8. 11. 14. 17. 18. 19. 20. 22. 29. 30. 37. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 50. 56. 58. 63. 69. 74. 75. 77. 78. 85. 90. 98. 105. 112. 117. 118. 122. 123. 126. 129 и 130.

говорить 56 ст. уложенія,—«то въ страхъ прочимъ на четыре части разсѣчь»; въ другой статьѣ за «всѣ тайные сборы и совѣты безъ воли вышняго начальника» уложеніе довольно цинично предписываетъ виновника «разсѣчи на четыре штуки»¹; подобное же постановленіе относится и къ виновнымъ въ сообщеніи непріятелю различныхъ свѣдѣній о войскахъ². Децимація грозитъ въ томъ случаѣ, «буде цѣлые полки, шкwadроны, батальоны или роты присягу свою (и) обѣщаніе забудутъ... тогда оные начальники... имѣнія, чести купно и съ животомъ лишены да будутъ и изъ тѣхъ же начальныхъ людей солдатами рядовыми десятой человѣкъ, на котораго жребья падетъ, повѣшенъ да будетъ» (ст. 44), или «буде осадные люди къ сдачѣ мѣста коменданта принудили... и за то тѣхъ начальниковъ и солдатъ десятаго человѣка по жребью казнить смертью» (ст. 132).

Въ группу *тѣлесныхъ наказаній* входили: кнутъ, шпицрутены, «ручное боевое наказаніе», отрѣзаніе носа, посаженіе въ желѣза и ношеніе мушкетовъ. Кнутъ, заимствованный изъ Соборнаго Уложенія, былъ поставленъ рядомъ съ новымъ наказаніемъ—шпицрутенами и соединялся съ нимъ союзомъ «или»³. Шпицрутены назначались черезъ одну или двѣ роты или черезъ весь полкъ⁴ и часто влекли для виновнаго присоединеніе какого-либо правопоражающаго наказанія⁵.

«Ручное боевое наказаніе» представляло собою необходимый атрибутъ начальнической власти⁶; осуществлялось оно безъ суда, по усмотрѣнію начальника; въ исключительныхъ случаяхъ⁷ въ видѣ «жестокаго боевого на тѣлѣ наказанія», въ одномъ случаѣ оно назначалось «по судному приговору»⁸, вмѣсто «чести нарушенія».

Членовредительное наказаніе—отрѣзаніе носа, въ соединеніи

¹ Ст. 75.

² Ст. 122.

³ Стт. 3, 4, 12, 17, 18.

⁴ Ст. 58. «Всякая татьба... шпицрутень учинить одною или двумя ротами... а буде кто вломленіемъ... всѣмъ полкомъ шпицрутень наказанъ быть имѣеть».

⁵ Напр., отставленіе отъ службы.

⁶ Ст. 35... «подъ ручнымъ боевымъ наказаніемъ отъ начальника».

⁷ „Mit Gewalt in Ordnung treiben“—Шендзиковскій, стр. 21.

⁸ Ст. 89: «бѣннымъ наказаніемъ по судному приговору».

съ изгнаніємъ изъ земли, примѣнялось къ военнoслужашему только за ложное цѣлованіе креста ¹.

Посаженіе въ желѣза было самымъ распространеннымъ дисциплинарнымъ взысканіемъ, наравнѣ съ ношеніемъ мушкетовъ. Оно заключалось въ томъ, что виновнаго или заковывали на цѣпь, или запирали въ деревянную колодку; примѣнялось оно за пьянство послѣ наложеннаго взысканія ², пьянство въ походѣ ³ и за безчестіе ⁴. Что касается ношенія мушкетовъ, то тяжесть исполненія этого наказанія зависѣла: отъ числа мушкетовъ, количества часовъ ношенія въ сутки и отъ числа сутокъ. По уложенію Шереметева вездѣ упомянуто шесть мушкетовъ, которые въ продолженіе сутокъ виновный долженъ былъ «держати по два часа и по три часа отдыхати»; это взысканіе назначалось отъ двухъ сутокъ до одной недѣли. Къ этому же виду наказаній слѣдуетъ отнести и содержаніе за карауломъ.

Въ числѣ воинскихъ наказаній упомянемъ также и каторгу, назначавшуюся только въ случаѣ вооруженной татѣбы въ полѣ и въ осадѣ ⁵.

Изъ наказаній, поражающихъ честь военнoслужашаго, уложеніе знало: отставленіе отъ службы, разжалованіе въ рядовые, лишеніе чиновъ, лишеніе чести, употребленіе на службу за рядового, испрашиваніе прощенія и полученіе преступникомъ удара.

Отставленіе отъ службы было добавочнымъ наказаніемъ къ кнуту или являлось его послѣдствіемъ ⁶. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что оно примѣнялось въ случаяхъ второго повторенія пьянства «при непріятелѣ», рецидивы пьянства въ караулѣ и рецидивы отлучки съ караула,—т. е. въ случаяхъ обнаруженной непригодности къ несенію военныхъ обязанностей. Отсюда ясно, что отставленіе отъ службы (или «отъ чину») имѣло цѣлью удаленіе виновнаго изъ арміи.

¹ Ст. 71: «аще кто передъ воинскимъ судомъ ложно присягу или цѣлованіе креста учинить»...

² Ст. 3: «за вторую (вину) въ желѣза на недѣлю»...

³ Ст. 74: «у начальника безъ всякаго разсужденія чинъ отнять, а солдата въ желѣза сковать или инако какъ наказать жестоко».

⁴ Ст. 59: «...у оскорбленнаго христіанскаго прощенія просить, а буде не получить, то отъ суда заключеніемъ желѣзомъ... наказанъ быть имѣетъ»...

⁵ Ст. 58.

⁶ Ст. 3, 4.

Разжалованіе въ рядовые, упомянутое въ Уложеніи всего лишь въ трехъ статьяхъ¹, назначалось на небольшой срокъ—въ два мѣсяца или являлось послѣдствіемъ отставленія отъ чина, при чемъ, по мысли законодателя, виновный долженъ былъ приучить себя къ надлежащему исправленію начальническихъ обязанностей путемъ прохожденія службы рядовымъ; слѣдовательно, это наказаніе не было вѣчнымъ.

Лишеніе чести присоединялось къ лишенію имущества; законъ указывалъ, что виновные «имѣнія, чести купно и съ животомъ лишены да будутъ»²; иногда оно присоединялось къ «потерянію чина»³, къ лишенію жизни⁴; по терминологіи Уложенія, оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ носило названіе «чести нарушенія» и «безчестія».

Испрашиваніе христіанскаго прощенія и полученіе преступникомъ удара назначались: первое—за оскорбленіе словами, второе—за оскорбленіе дѣйствіемъ, причемъ оскорбленный наносилъ оскорбителю такое же дѣйствіе и при такомъ же количествѣ окружающихъ, какъ это было при оскорбленіи⁵.

Денежныя наказанія, въ видѣ пени⁶, вычетовъ изъ жалованья и конфискаціи, находили довольно обширное примѣненіе.

Если присоединить къ этому тѣ военно-карательныя средства, которыя устанавливалъ другой памятникъ военного права той же эпохи—*Краткій Артикулъ*, то цѣль карательной дѣятельности въ войскѣ станетъ совершенно понятной.

Къ видамъ смертной казни артикулъ присоединилъ сожженіе, колесованіе, отсѣченіе головы и казнь съ мученіями и пытками⁷, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалъ и неопредѣленную санкцію: «наказать по разсмотрѣнію», «по винѣ», «достойно», «чрезвычайно»,

¹ Ст. 7. 48 и 84.

² Ст. 44.

³ Ст. 85: «Никто Генеральскому и полковому Гевантигеру... чѣмъ мѣшати или супротивиться не долженствуетъ подъ потеряніемъ чина и чести своей».

⁴ Ст. 90—за взятки и подарки «подъ потеряніемъ живота и чести по приговору Воинскаго Суда и смертною казнью».

⁵ Ст. 62: «...по розыску, виноватаго тому, кого онъ ударилъ, въ щеку ударить же при столькихъ же людяхъ, при какихъ онъ ударилъ».

⁶ «Подъ пенемъ» ст. 1.

⁷ Т. е. всѣ тѣ виды, которые практиковались и ранѣе въ Московской Руси, но только въ исключительныхъ случаяхъ.

«безъ пощады», «жестоко»; такимъ образомъ, задача воинскаго наказанія въ разсматриваемую эпоху свелась къ грубой формѣ устрашительнаго воздѣйствія на толпу. Въ кодексахъ Шереметева и Меншикова нельзя указать ни одной мѣры, которая преслѣдовала бы другую цѣль, и даже исключеніе изъ арміи недостойныхъ ея членовъ являлось съ тѣмъ же характеромъ.

На такой почвѣ выросла система воинскихъ наказаній Артикула Петра Великаго; онъ заканчиваетъ начатое его предшественниками: устрашеніе вырастаетъ въ ужасающіе размѣры, принципъ пользы для государства проникаетъ всю систему воинскихъ наказаній, заботиться объ исправленіи преступника представляется невыгоднымъ, неэкономичнымъ, противорѣчащимъ стремленіямъ государства. Наказывать—значитъ уничтожать, и чѣмъ выразительнѣе уничтоженіе злой воли, тѣмъ лучше результаты.

Однако, Воинскій Артикулъ въ частностяхъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ: идея соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ ищетъ себѣ выраженія не только во внѣшнихъ формахъ, но и по существу. Вслѣдствіе этого принципъ тальона, занимая въ наказаніи значительное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ не исключаетъ и принципа внутренняго соотвѣтствія вины и наказанія.

Чтобы выяснитъ задачи военно-карательной дѣятельности Петра, необходимо остановиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на системѣ воинскихъ наказаній по Артикулу.

Примѣненіе смертной казни увеличивается значительно¹, формы лишенія жизни разнообразятся и усиливаются, въ интересахъ приданія этому извѣстной декоративности.

Четвертованіе—одна изъ наиболѣе употребительныхъ формъ наказанія—примѣнялось къ самымъ тяжкимъ нарушителямъ правопорядка: за сообщеніе непріятелю лозунга, за сношеніе съ непріятелемъ, за допускъ такихъ сношеній, за измѣну, за бунтъ противъ Государя². Артикулъ рѣшительно выставляетъ принципъ зависимости строгости наказанія отъ возможныхъ вредныхъ послѣдствій дѣянія: такъ, если указанные воинскія преступленія повлекли за собою извѣстныя невыгодныя послѣдствія для государства, четвертованіе должно произойти въ квалифицированномъ

¹ За тѣ же «измѣнныя статьи», о которыхъ говорилъ Котошихинъ; см. выше, стр. 187.

² По подсчету г. Розенгейма до 122-хъ случаевъ.

видѣ посредствомъ рванія тѣла клещами, и наоборотъ—отсутствіе таковыхъ послѣдствій могло повлечь простую смертную казнь, квалифицированную уже послѣ смерти преступника также посредствомъ четвертованія.

Колесованіе за воинскія преступленія назначалось только одинъ разъ—за убійство начальника; за грабежъ возчиковъ провіанта колесованіе имѣло мѣсто уже послѣ лишенія жизни.

Сожженіе примѣнялось въ случаѣ поджоговъ городовъ, селъ и т. д.; разстрѣляніе—за промотаніе вооруженія и одежды; отсѣченіе головы—за поднятіе руки на фельдмаршала; повѣшеніе—за длинный рядъ нарушеній воинскаго характера: трусость, неповиновеніе и т. п.

Всѣ эти мѣры воздѣйствія, въ сущности, не даютъ ничего новаго: и Уложеніе Шереметева, и Краткій Артикулъ держались тѣхъ же карательныхъ средствъ, имѣли въ виду тѣ же задачи; въ Воинскомъ Артикулѣ, однако, все это получаетъ законченность и полноту. Но если наказаніе имѣло цѣлью устрашеніе, то необходимо было допустить и быстроту военного процесса, иначе наказаніе могло потерять свое значеніе; для этого требовалось упростить самый порядокъ примѣненія наказанія и надѣлать начальника широкою карательною властью. Отсюда родились тѣ постановленія Воинскаго Артикула, которые допускають убить всякаго виновнаго въ самовольномъ занятіи квартиръ, за побѣгъ съ поля сраженія, за бунтъ, за сопротивленіе, за насильственное отнятіе добычи, за возмущеніе; въ такихъ обстоятельствахъ, когда, въ интересахъ устрашенія, слѣдовало дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, законъ отказывался отъ нормальнаго порядка отправленія правосудія и допускалъ лишеніе жизни въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Эти данныя свидѣлствуютъ о необыкновенно сильномъ ростѣ идеи устрашенія: еще уложеніе Шереметева допускало лишать жизни виновнаго безъ суда за трусость и выходъ изъ строя во время похода; Воинскій Артикулъ расширилъ число такихъ нарушеній и установилъ смертную казнь въ видѣ «лишенія живота» и «преданія смерти».

Подобныя же явленія наблюдаются и въ области тѣлесныхъ наказаній: отсѣченіе руки назначается за причиненіе раны хозяину квартиры или его домашнимъ, рваніе ноздрей за симуляцію, членовредительство и порчу лошади; тѣлесныя наказанія осуществляются и въ дисциплинарномъ порядкѣ властью офицера

противъ солдата, не исполняющаго приказаніе итти въ строй. Это постановленіе обусловливалось также необходимостью под-держать идею устрашенія и дать возможность офицеру устра-шить и виновника и толпу посредствомъ нанесенія виновнику ранъ. Шпицрутены все болѣе и болѣе приобрѣтають значенія: теперь они уже примѣняются въ 41 случаѣ и въ размѣрѣ 12-ти разъ черезъ полкъ. Понятно, что такая мѣра могла свободно конкурировать съ лишеніемъ жизни. Тѣлесныя наказанія «обык-новенныя»: батоги, ношеніе мушкетовъ и сѣделъ, закованіе въ желѣзо, сажаніе на деревянную лошадь, хожденіе по кольямъ составляли принадлежность начальнической власти. Изъ одного уже перечисленія ¹ ихъ видно, что здѣсь было собрано воедино все, что могъ дать опытъ западныхъ государствъ.

По духу военно-уголовнаго законодательства Петра Великаго, военнослужащій, совершившій какое-либо тяжкое воинское нару-шеніе, не могъ быть уже правообладающимъ субъектомъ; ради устрашенія, требовалось отнять у преступника права на государ-ственную охрану его личности, примѣнить къ нему юридическую смерть. Выразителемъ этого начала явилось шельмованіе, какъ полное, безсрочное отнятіе всѣхъ человѣческихъ правъ: права жалобы, права охраненія своей неприкосновенности, права поль-зоваться довѣріемъ и сообществомъ честныхъ людей. Нарушитель умиралъ: онъ переставалъ быть военнослужащимъ, гражданиномъ и человѣкомъ, онъ уподоблялся дикому звѣрю ².

Шельмованіе примѣнялось въ случаѣ совершенія преступныхъ дѣяній, позорящихъ званіе солдата: трусость, измѣна, побѣгъ съ боя, отступленіе при штурмѣ, переходъ къ непріятелю, передача ему пароля и т. д. Обрядъ шельмованія представлялъ собою осо-бый торжественный актъ: преступника выводили передъ строй и надъ головой его преломляли шпагу, въ знакъ лишенія его воин-ской чести. Если виновный скрывался, то его шельмовали заочно, прибывая имя его къ висѣлицѣ.

Въ числѣ позорящихъ наказаній, которыя зналъ Артикуль, интересно отмѣтить совершенно своеобразное лишеніе воинской

¹ См. краткое изображеніе процессовъ.

² Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи (Угол. Улож.). т. I, стр. 203.

чести ¹. По своему характеру оно было наказаніемъ исключительно воинскимъ, такъ какъ поражало служебныя блага военнослужащихъ и примѣнялось при назначеніи децимаціи къ цѣлой части войскъ: по лишеніи жизни начальниковъ и десятого изъ нижнихъ чиновъ, всѣ остальные должны были пройти сквозь строй и лишиться знаменъ, а затѣмъ изгонялись изъ мѣста расположенія войскъ и становились лагеремъ вдали отъ остальныхъ военнослужащихъ, по примѣру римскаго «*tendere extra castra*». Это правопораженіе допускало реабилитацію; въ послѣднемъ сказывается уже какое-то неясное стремленіе къ цѣлямъ наставленія.

Довольно широкое примѣненіе находило себѣ въ Артикулѣ и другое чисто воинское наказаніе—исключеніе изъ службы. Примѣнялось оно въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ совершаемаго преступленія свидѣтельствовалъ непригодность къ службѣ виновника, и слѣдовательно, преслѣдовало задачи удаленія изъ арміи вредныхъ членовъ. Самое удаленіе имѣло цѣлью предупредить возможность заразительности примѣра для другихъ лицъ, возможность подражанія, а потому и основывалось исключительно на господствующей задачѣ общаго предупрежденія.

Исключеніе изъ службы влекло за собою лишеніе чиновъ, заслуженнаго жалованья и формальной отставки, дающей лицу извѣстныя привилегіи за службу: «чину изверженъ и безъ заслуженнаго жалованья и безъ пасу отъ полку отосланъ»; въ другихъ случаяхъ исключеніе могло быть и не сопровождаемо лишеніемъ чиновъ. Къ иностранцамъ за тѣ же нарушенія примѣнялось исключеніе изъ службы, въ соединеніи съ изгнаніемъ изъ государства и остальными послѣдствіями.

«Отставленіе отъ чина» влекло за собою постоянное или срочное удаленіе виновнаго отъ порученнаго ему командованія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно примѣнялось въ видѣ разжалованія на срокъ.

Наконецъ, къ числу позорящихъ наказаній слѣдуетъ отнести незначительную мѣру—выговоръ, имѣющую за собой, однако,

¹ Артикулъ зналъ также и «лишеніе чести». Г. Розенгеймъ утверждаетъ, что «воинскіе артикулы дѣлаютъ, повидимому, нѣкоторое различіе между собственно шельмованіемъ и лишеніемъ чести» (стр. 128); однако, такъ какъ содержаніе обоихъ карательныхъ мѣръ и ихъ послѣдствія были одинаковы, то мы думаемъ, что различія здѣсь никакого не имѣется чего не отрицаетъ и указанный авторъ (стр. 129)

громадное значеніе, именно въ виду того, что признаніемъ необходимости подобнаго взысканія законодатель открывалъ новую область для наказанія, отличающуюся и по существу и по тяжести правопораженія отъ всей системы воинскихъ наказаній. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признавать за выговоромъ устрашительности, въ сравненіи съ тѣми устрашительными мѣрами, которыя были рассмотрѣны выше; поэтому примѣненіемъ выговора хотя и стремились предупредить преступность, но въ то же время не забывали и самого виновника, который долженъ былъ, вслѣдствіе такой мѣры, исправить свое поведеніе.

Законодательство Петра выдвигаетъ особое наказаніе, неизвѣстное до этого времени—арестъ¹. Придавая ему значеніе наказанія тѣлеснаго, законодатель стремится именно къ соединенію въ немъ пораженія свободы съ извѣстными, невыгодными физическими лишеніями, почему и задачей такого наказанія является не исправленіе, а общее предупрежденіе. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстомъ отбытія ареста назначалось опредѣленное помѣщеніе у профоса, гдѣ заключенный и отбывалъ срокъ наказанія внѣ всякаго исправительнаго на него воздѣйствія; такимъ образомъ, содержаніе его сводилось къ лишенію удобствъ и въ этомъ смыслѣ оно вполне заслуживаетъ названіе тѣлеснаго наказанія. Заключение—въ тюрьмѣ, крѣпкое, жестокое—отличалось отъ ареста только мѣстомъ и способомъ отбытія наказанія, не внося ничего новаго въ его содержаніе и задачи.

Изъ имущественныхъ наказаній Артикулъ особенно выдѣлялъ конфискацію, или отобраніе пожитковъ. Конфискація являлась всегда добавочною карательною мѣрою при примѣненіи къ виновному высшихъ наказаній. Отъ нея необходимо отличать конфискацію предметовъ, добытыхъ преступленіемъ. Между прочимъ, Артикулы знали денежное взысканіе и лишеніе или вычеты изъ жалованія.

Обращаясь къ оцѣнкѣ системы наказаній воинскаго Артикула, необходимо замѣтить, что всѣ почти карательныя мѣры, установленныя имъ, имѣли свойство жестокости, суровости, далеко не оправдываемой цѣлями, которыя преслѣдовалъ законодатель.

Едва ли можно сомнѣваться, что большинство воинскихъ наказаній не представляло собою такихъ лишеній, которыя един-

¹ Нельзя смѣшивать съ содержаніемъ за карауломъ по уложенію Шереметева.

ственно и всецѣло падали на самого преступника, на его единичную личность. Смертная казнь—этотъ несложный рычагъ уголовной юстиціи той эпохи—рѣдко отнималъ жизнь только у одного виновнаго: къ этому наказанію приобщались всѣ, кто такъ или иначе могъ быть сотрудникомъ виновнаго. Всего яснѣе проглядываетъ это въ постановленіяхъ Артикула о трусости и бѣгствѣ цѣлыхъ войсковыхъ частей: законъ, отказываясь отыскать виновнаго среди общей массы нарушителей, оказываясь безсильнымъ обнаружить степень виновности того или другого изъ виновныхъ, дѣйствовалъ рѣшительно: онъ объявлялъ лишеніе жизни для начальниковъ, децимацію и позорныя кары—для всѣхъ остальныхъ. Но, помимо этого, и на цѣломъ рядѣ другихъ постановленій Артикула лежитъ та же печать безсилія карательной власти въ дѣлѣ справедливаго ея осуществленія. Да въ сущности для законодателя это было бы излишнею роскошью: чтобы наказаніе могло устрашать, вовсе не надо было наказывать виновнаго и только его одного; вполне достаточно было привести въ исполненіе угрозу на глазахъ массы и возбудить въ ней ужась.

О моральности средствъ Артикулъ не заботился, равно какъ и о другихъ свойствахъ: гибкости, возстановимости, дѣлимости, экономичности наказаній.

Воинскія наказанія, какъ они представлялись по закону, должны были поражать самыя реальныя блага преступника: жизнь, здоровье, честь; въ этомъ смыслѣ дѣйствительность ихъ стояла внѣ всякаго сомнѣнія и ничѣмъ не отличалась отъ понятія примѣрности и жестокости. Но, чтобы наказаніе было поистинѣ дѣйствительнымъ, необходимо также, чтобы оно было и неизбѣжнымъ. Этому послѣднему условію Петровскія наказанія совершенно не удовлетворяли. Въ самомъ дѣлѣ, *Воинскій Артикулъ*, по своему существу, *отнюдь не былъ непреложнымъ закономъ; воинскія наказанія*, предначертанныя имъ, *фактически зачастую бездѣйствовали*¹, чему въ значительной степени способствовалъ порядокъ конфирмацій приговоровъ и власть военнаго начальства, измѣнявшаго рѣшенія судовъ и постановлявшаго самостоятельныя приговоры. Здѣсь необходимо, хотя бы отчасти, уклониться въ сторону.

¹ Какъ говоритъ проф. Сергѣевскій (о наказаніи XVII ст. вообще)— „буква закона была строже его примѣненія“ (стр. 90).

Дѣло въ томъ, что, будучи передѣлкой (въ области постановлений о воинскомъ наказаніи) шведскихъ артикуловъ 1683 г., Воинскій Артикулъ явился на свѣтъ мертворожденнымъ. Съ одной стороны, онъ вносилъ такія карательныя средства, которыя не были выработаны собственною историческою жизнью, онъ переносилъ на русскую почву все чуждое ей, которое не могло акклиматизироваться и пустить глубокіе корни. Народное правосознаніе было не въ состояніи примириться съ навязываемыми ему новыми формами осуществленія карательной власти,— формами, почерпнутыми случайно иностранцами, не знавшими ни условій русскаго быта, ни народныхъ понятій о правѣ и справедливости: заимствовали только тѣ мѣры, которыя представлялись наиболѣе рѣшительными.

Съ другой стороны, фактическое осуществленіе карательныхъ способовъ воздѣйствія, по Артикулу, совершенно измѣняло ихъ фізіономію: Конфирмовавшее приговоръ начальство и судьи рѣдко справлялись съ Артикулами: въ большинствѣ приговоровъ того времени встрѣтить ссылку на законъ было очень трудно, и всѣ они дѣйствовали, исходя не изъ постановленій закона, а изъ тѣхъ или другихъ условій, лежащихъ въ преступникѣ и его дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, буквальное примѣненіе наказаній по Артикулу разбивалось о подтверждающую власть ¹.

Если это такъ, если суды не примѣняли положеній Артикула, то какое же значеніе имѣла угроза военно-карательнаго закона? Это значеніе все исчерпывалось только *содержаніемъ понятія угрозы*: показать возможнымъ нарушителямъ, что законъ считаетъ это дѣяніе преступнымъ, что онъ порицаетъ его и грозитъ виновнику тѣмъ или другимъ лишеніемъ. Въ этомъ заключалось существо угрозы закона ². Другое дѣло—фактическое примѣненіе угрозы, ея осуществленіе: здѣсь уже выступалъ начальникъ съ его властью подтверждать по своему усмотрѣнію приговоръ, ослаблять карательную силу закона и примѣнять любую мѣру.

Изъ всего этого видно, что наказанія по Артикулу не имѣли

¹ Въ книгѣ г. Розенгейма приведено нѣсколько подобныхъ случаевъ; однако, такое явленіе продолжается вплоть до изданія в.-уголовнаго устава 1839 г.

² Какъ говорилъ манифестъ, сопровождавшій изданіе Артикула: «дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, надлежитъ сей Артикулъ.... прочитать, чтобъ всякъ своего стыда, наказанія и безчестія удалялся и бѣгалъ».

свойства *неизбѣжности*,—этого необходимаго условія цѣлесообразности наказанія.

Недостатки военно-карательной системы стали сознаваться при ея введеніи. Изъ именного Высочайшаго Указа 1-го іюня 1730 г. ¹ мы узнаемъ, что самъ великій законодатель Петръ скоро увидаль, что созданные имъ Артикулы далеко не отвѣчаютъ нуждамъ русской арміи. Въ самомъ дѣлѣ, учреждая воинскую комиссію для разсмотрѣнія дѣйствовавшихъ въ 1730 г. законовъ, императрица *Анна Іоанновна* говоритъ: «понеже еще при жизни блаженнѣйшія памяти Государя Дяди Нашего, Императора Петра Великаго, *сочинены новые военные артикулы*, которые до сего времени въ дѣйство не произведены; того ради имѣетъ комиссія оныя артикулы такожде разсмотрѣть, чтобы могли потомъ по полученіи Нашей Всемиловитѣйшей конфирмаціи публикованы и въ дѣйство произведены быть» ².

Такимъ образомъ, Петръ Великій, послѣ изданія Артикула (1716 г.), на промежуткѣ въ 9 лѣтъ (1725 г.), убѣждается въ мертворожденности военно-уголовныхъ законовъ и предписываетъ сочинить «новые военные артикулы». На этомъ дѣло далеко еще не остановилось. Въ 1730 г. учреждается первая воинская комиссія, дѣятельность которой выражается только въ собраніи матеріаловъ ³; въ началѣ 1733 г. комиссія уже распущена; но

¹ Москов. Отдѣл. Общ. Архива Главн. Штаба, опись 121, св. 19, № 2; 1 П. С. З. № 5571.

² Указъ, п. 15.

³ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. опись 121, Москов. Архивъ Министер. Юстиціи, № 18/380, стр. 1087, дѣла правит. Сената по В. Коллегіи. Въ 1731 году новые артикулы Петра направляются въ С.-Петербургъ для разсмотрѣнія. Изъ доношенія воинской комиссіи въ Сенатъ 3 августа 1731 года мы узнаемъ слѣдующее: «По указу Ея Императорскаго Величества и по пунктамъ изъ Правительствующаго Сената велѣно сочиненные вновь военные артикулы, а дѣйствомъ не произведенные, разсмотрѣть воинской комиссіи. На оныя въ прошломъ 730-мъ году октября 11 дня, по опредѣленію прежде бывшаго въ той комиссіи генералитета, опредѣлено: съ приличными по онымъ указами направить штатскому дѣйствительному совѣтнику барону Гиссену, да генераль-аудитору Центарови, который у сочиненья тѣхъ артикуловъ былъ. И сего 731 года апрѣля 13 дня послано въ Высокоправительствующій Сенатъ отъ воинской комиссіи доношеніе и требованіе, дабы повелѣно было оныя изъ военной коллегіи артикулы послать въ Санктъ-Петербургъ въ воинскую комиссію съ генераль-аудиторомъ Центаровымъ, ибо при разсмотрѣніи оныхъ комиссіею, съ чего что въ тѣ артикулы написано. повиненъ объявить онъ—Центаровій, дабы въ томъ излишняго замедленія не было». Моск. Арх. Мин. Юстиціи.

вслѣдъ за тѣмъ, по иниціативѣ Миниха, составляются новые военные артикулы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, представлявшіе собою три самостоятельныхъ кодекса ¹, разыскать которые въ настоящее время представляется совершенно невозможнымъ. Въ 1754 г., въ царствованіе императрицы *Елизаветы*, собирается новая законодательная коммиссія, которая въ 1755 г. «разсуждала» о «апробованномъ» въ военной коллегіи планѣ военныхъ артикуловъ, но этимъ и ограничились; ² къ концу 1759 г. она совершенно прекращаетъ свои работы. Существенный интересъ представляетъ коммиссія, учрежденная въ 1762 г.; этой коммиссіи императрица дала особую инструкцію ³, въ 20 пунктѣ которой говорилось, что «по прошествіи столь великаго времени и знатной перемѣны въ нравахъ и воспитаніи народа, послѣ изданія въ войско наше содержащагося въ немъ устава, Артикуловъ и процесса, весьма видимымъ образомъ требуется въ тѣхъ быть поправленію и пополненію, въ чемъ особливо учрежденная коммиссія уже и упражнялась, но наступившая война дожелаемаго въ томъ окончанія не допустила, то нынѣ сей коммиссіи все то, прежнюю коммиссіею сочиненія касающееся до сего исправленія, къ себѣ взявъ, разсмотрѣть и, сочиня по основанію нынѣшняго положенія войска, вновь воинскій уставъ, Артикулы и процессъ, представить къ Ея Императорскому Величеству» ⁴.

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 121, св. 14, № 12.

² Ibid., оп. 121, св. 51. Разсужденія эти представляютъ собою незначительныя замѣчанія на проектъ чисто-формальнаго свойства.

³ Ibid., оп. 121, св. 17, № 22.

⁴ Изъ указа ген.-маіору Яковлеву (М. От. Общ. Архива Гл. Шт., оп. 121, св. 14, № 12) мы узнаемъ, что «во исполненіе вышереченнаго 20 пункта всѣ бывшія въ прежней воинской коммиссіи дѣла отданы были для сочиненія воинскаго артикула г.-маіору Грану, который изъ того нѣсколько и сочинилъ, но за отбытіемъ коммиссіи изъ Москвы и за отлучкой его изъ команды всего окончить не могъ», вслѣдствіе этого было повелѣно составить артикулы и процессъ генералу Яковлеву, которому и были посланы вслѣдъ за тѣмъ всѣ работы предшествовавшихъ коммиссій. Изъ перечисленія этихъ матеріаловъ видно, что руководствомъ составителю должны были служить: указная книга съ 725 по 730 годъ; Морской уставъ; Уложение; Воинскій уставъ съ Артикуломъ Военнымъ; Планъ военныхъ артикуловъ въ сводѣ; Черныя дѣла оберъ-аудитора Микѣшина; Новосочиненный при военной коллегіи процессъ; Планъ военныхъ артикуловъ, военной коллегіей апробованный; Планъ военныхъ артикуловъ подполковника Языкова; Выписка изъ сепаратныхъ указовъ, присланныхъ изъ военной коллегіи; Прежде военной коллегіей сочиненные артикулы; Записки и дѣла военной коллегіи 730 года и Россійскіе и нѣмецкіе при Минихѣ сочиненные Артикулы». Таково было обиліе подготовительнаго матеріала.

«Экстрактъ, учиненной во учрежденной при Государственной военной коллегіи воинской комиссіи о сочиненіи по матеріаламъ и пунктамъ»¹, даетъ возможность видѣть, что ген.-маіоръ Степанъ Языковъ въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія сочинилъ новые воинскіе артикулы, не дошедшіе до насъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ всего этого законодательнаго матеріала, чтобы установить положительнымъ образомъ ростъ идеи о цѣлесообразности воинскаго наказанія въ рассматриваемую эпоху; тѣмъ не менѣе эта хаотическая законодательная дѣятельность, начавшаяся еще при жизни Петра Великаго и продолжавшаяся до 1812 г., ясно доказываетъ, что *Воинскій Артикулъ не удовлетворялъ правосознанію народа и духу русской армии, вслѣдствіе чего и примѣненіе его осуществлялось болѣе юридически, чѣмъ фактически.*

Въ половинѣ XVII столѣтія, какъ извѣстно, былъ видвинутъ вопросъ о смертной казни, и отрицательное отношеніе къ этому виду наказанія со стороны *Елизаветы Петровны* должно было произвести нѣкоторый надломъ въ развитіи идеи о цѣляхъ наказанія. Была ли въ эту эпоху отмѣнена смертная казнь или только исполненіе ея временно пріостановлено, вопросъ, который можетъ быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія; съ нашей точки зрѣнія важно указать, какое значеніе имѣли взгляды и распоряженія импер. Елизаветы въ сферѣ воинскаго наказанія. По нашему мнѣнію, военнослужащіе вовсе не были изъяты отъ примѣненія смертной казни. Ни въ указѣ фельдмаршалу Ласси 2-го августа 1743 г.,² ни даже въ указѣ 30 сентября 1754 г.³ ни слова не говорится объ отмѣнѣ или пріостановленіи смертной казни для военныхъ. Если и возможенъ споръ въ этой области, то исключительно въ отношеніи общей карательной системы, такъ какъ военный бытъ той эпохи не могъ отказаться отъ одного изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ охраны правопорядка.

¹ Моск. Отд. Общ. Ар. Гл. Шт. Оп. 121, св. 13, № 12; всего «500 артикуловъ съ выписки», раздѣленные на главы: I-ая трактовала «о страхѣ и службѣ Божіей», II-я—«о богохульствѣ и преступленіяхъ въ законѣ», III-я—«объ оскорбленіи Величества», IV-я—«о бунтѣ и измѣнѣ», V-я—«о сказывающихъ слово и дѣло», VI-я—«о преступленіи въ нечиненіи присяги», VII-я—«о такихъ, кои мимо команды челобитныя или доношенія подавать будутъ».

² Сергѣевскій Н., «Смертная казнь при имп. Елизаветѣ Петровнѣ (оттискъ изъ Жур. Гр. и Уг. пр.)», стр. 51—60.

³ П. С. З., № 10305.

Въ настоящее время мы еще не имѣемъ доказательствъ фактического примѣненія смертной казни въ войскахъ въ эпоху импер. Елизаветы, но полагаемъ, что таковая имѣла мѣсто¹. Со смертью императрицы вопросъ становится исчерпаннымъ: суды примѣняютъ казнь: такъ, напр., извѣстное дѣло поручика *Мировича*², казнь 209 человекъ, бѣжавшихъ въ армію *Костюшки*³, и рядъ другихъ случаевъ: въ 1800-мъ году казнь братьевъ *Грузиновыхъ* по конфирмаціи военно-судной комиссіи⁴, въ 1807 г. Высочайшее повелѣніе о примѣненіи смертной казни къ виновнымъ въ карантинныхъ нарушеніяхъ, въ 1812 г. появляется полевое Уголовное Уложеніе, окончательно упрочившее «натуральную» смерть.

Все вышеизложенное заставляетъ придти къ убѣжденію, что смертная казнь для военнослужащихъ въ теченіе XVII ст. не отмѣнялась и исполненіе ея не пріостанавливалось, а указы Елизаветы на цѣли воинскаго наказанія никакого вліянія не оказали.

§ 31. Цѣли воинскихъ наказаній въ XIX столѣтіи.

Моментъ вступленія на престолъ импер. Александра I можетъ быть названъ поворотнымъ моментомъ въ исторіи развитія идеи о цѣлесообразности воинскаго наказанія. Правосудіе временъ Павла отличалось своеобразною фізіономією, которой не суждено уже повториться въ исторіи: значеніе военно-уголовнаго закона было затуманено «усмотрѣніемъ» и авторитетомъ командной власти, и военный судъ носилъ характеръ скорорѣшительнаго трибунала, преслѣдующаго цѣли быстроты репрессіи въ ущербъ справедливости. Словомъ, эпоха Павла явилась колоритнымъ отраженіемъ военнаго права всего XVIII ст.

15-го сентября 1801 г. появляется многознаменательный указъ⁵, представляющій собою яркую характеристику юстиціи временъ Павла. Молодой государь, приходя въ соприкосновеніе съ судебнымъ матеріаломъ, разрѣшеннымъ въ царствованіе своего отца,

¹ Фойницкій, 142.

² Исторія Смоленскаго полка, СПб., 1900 г.

³ Проф. Шендзиковскій, 155.

⁴ «Русская Старина», 1878 г., № 10, стр. 241.

⁵ Объ учрежденіи комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, см. П. С. З. 1801 г. 15 сентября.

все яснѣе сознавалъ необходимость произвести пересмотръ всѣхъ рѣшенныхъ до него уголовныхъ дѣлъ.

«Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества,—говорится въ указѣ,—простирая взоръ состраданія и на отпадшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества, повелѣваемъ правительствующему Сенату, составя изъ сенаторовъ, самымъ сенаторомъ избранныхъ и на утверждение Намъ представленныхъ, особую комиссію, поручить ей, собравъ свѣдѣнія какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки ¹, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный вредъ государству наносящимъ». Такова была главная и ближайшая цѣль учрежденія комисіи.

Въ видѣ инструкции, Александръ I указывалъ и сферу ея дѣятельности. «Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило,—писалъ Государь,—что люди, коихъ вины важны были только по обстоятельствамъ политическимъ и не предполагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка, осуждены и сосланы были, какъ преступники, на вѣчное заточеніе ². Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло правительство при разныхъ его преобращеніяхъ исторгать изъ среды общества людей невинныхъ для того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какаго-либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ, именемъ закона наказывалось не преступленіе, не порокъ, но единая возможность разглашенія, и

¹ Слова «заточеніе» и «ссылка» въ эту эпоху имѣютъ совершенно особое значеніе: заточеніе обозначало собою или каторжную работу, или заключеніе въ крѣпости; послѣднее имѣло характеръ мѣры чисто-полицейской, направленной къ совершенной изоляціи преступника, хотя карательное ея значеніе стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; ссылка являлась такою карательною мѣрою, при которой виновный или отправлялся въ Сибирь или отдаленные города Европейской Россіи (на поселеніе и на житье), или ссылался въ крѣпостную работу.

² Здѣсь «заточеніе» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ пожизненнаго заключенія въ казематахъ крѣпости.

государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагали въ ней участвовать. Между тѣмъ обстоятельства, рѣшившія правительство на сію строгую мѣру, прешли совершенно, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а можетъ быть и по самой неизвѣстности, куда они сосланы и гдѣ теперь находятся. Сей родъ людей долженъ составить первый классъ въ розысканіяхъ комиссіи и для открытія ихъ она будетъ въ необходимости собрать свѣдѣнія съ самихъ мѣстъ заточенія».

Далѣе указъ утверждалъ, что «было время, когда, соображаясь правамъ и общенароднымъ понятіямъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда, отъ нихъ истекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, оскорбительныя Величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и Величество Государей, бывъ основано на общемъ законѣ, не можетъ колебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе разсужденіе, но встрѣтилось оно весьма поздно разуму законодателей и тогда уже, какъ тысячи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи то жертвы Я желалъ бы открыть и облегчить ихъ участь».

Наконецъ, къ послѣднему виду дѣяній были отнесены «преступленія не намѣренныя, безъ умысла, не предполагающія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ и нравахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ».

Въ ноябрѣ того же года военная коллегія получила отъ комиссіи предложеніе доставить къ ней «вѣдомость всѣмъ тѣмъ безъ изъятія людямъ, какія по вѣдомству ея слѣдовать будутъ къ разсмотрѣнію». Въ виду этого 20 ноября коллегія постановила ¹ разослать подчиненнымъ ей мѣстамъ указы, «чтобы они,

¹ Архивъ Главн. В-Суднаго Управл., дѣло о чиновникахъ, св. 1, № 21, л. 3—4.

собрать аккуратнѣйшимъ образомъ свѣдѣнія о таковыхъ людяхъ и сочинивъ вѣдомости, показали въ нихъ о каждомъ: по какому повелѣнію или опредѣленіямъ коллегіи, кто изъ нихъ, въ какое время наказанъ и куда сосланъ или въ мѣстахъ вѣдомству ихъ принадлежащихъ подъ стражею содержится или по наказаніи и перемѣнѣ прежняго состоянія въ службѣ находится, и таковыя вѣдомости безъ малѣйшаго медленія доставили въ коллегію»¹.

Въ архивѣ главнаго военно-суднаго управленія сохранились дѣла, пересмотрѣнныя Императоромъ въ теченіе 1801—1802 г.²; несмотря на то, что они исключительно относятся къ военно-служащимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ изъ дворянъ, тѣмъ не менѣе на основаніи ихъ можно характеризовать эпоху конца XVIII ст. въ отношеніи идеи цѣлесообразности воинскаго наказанія.

Что касается существа и объема понятія воинскаго преступленія въ эпоху Павла, то ни законодательство, ни судебная практика не выработали какихъ бы то ни было опредѣленныхъ положеній. Преступленіемъ считалось *всякое дѣйствіе, за которое назначалось наказаніе, хотя бы таковое и не прозито виновному по закону*; это дѣйствіе, такимъ образомъ, или являлось запрещеннымъ, или только могло быть запрещено и не только закономъ, но и несложнымъ административнымъ распоряженіемъ. Значительнымъ подтвержденіемъ этому служитъ манифестъ 2 апрѣля 1801 г. «объ облегченіи участи преступниковъ»,

¹ Интересно отмѣтить, что вышеизложенный указъ получилъ свое дѣйствіе въ отношеніи преступниковъ военнаго вѣдомства только спустя нѣкоторое время послѣ его обнародованія: генераль-аудиторіатъ уже приступилъ было къ пересмотру, но затѣмъ счелъ необходимымъ сдѣлать представленіе сенатской комиссіи; послѣдняя направила его къ Государю, вслѣдствіе чего появилось новое подтвержденіе 31 марта 1802 года «Прочитать представленіе комиссіи — писалъ Императоръ, — относительно разсмотрѣнія дѣлъ сужденныхъ по военной части. Я нахожу, что... обязанность ея простирается на людей всякаго рода и званія, а потому и дѣла... должны войти въ ея разсмотрѣніе, и на сей конецъ, истребовавъ оныя, откуда слѣдуетъ, имѣть она ими заняться на точномъ основаніи данныхъ ей правилъ». Для наилучшаго выполненія предначертаній Государя, кромѣ членовъ-сенаторовъ, въ комиссіи было повелѣно присутствовать также и генераль-аудитору кн. Салагову (Архивъ Гл. В.-Судн. Упр., Дѣло о чиновникахъ, 1801 г., № 21).

² Главное В.-Судное Управл., часть журнальная, Высочайшія конфирмаціи по пересмотрѣннымъ дѣламъ съ 12 марта 1801 г. до 1802 г.

который освобождалъ отъ преслѣдованія и наказанія всѣхъ виновныхъ «не въ смертоубійствѣ, разбоѣ или лихоимствѣ»; это отрицательное указаніе убѣждаетъ въ томъ, что только такія—очевидныя и всегда признавшіяся преступными—дѣянія имѣли въ законѣ болѣе или менѣе устойчивыя опредѣленія; по отношенію ко всѣмъ остальнымъ дѣяніямъ невозможно было установить какого-либо ограничительнаго перечня тѣмъ болѣе, что, подъ вліяніемъ того или другого обстоятельства, данное дѣйствіе, *уже совершенное*, признавалось преступнымъ, и виновникъ подвергался наказанію; наконецъ, самыя условія военной службы того времени давали административной власти широкій просторъ въ дѣлѣ оцѣнки поведенія военнослужащаго и соотвѣтствія его дѣйствій съ интересами данной минуты, и разъ не было такого соотвѣтствія—на лицо имѣлось преступное дѣяніе. Такимъ образомъ, никто не могъ знать, что преступно и что разрѣшено ¹. Императоръ Павелъ чуть ли ни ежедневно изобрѣталъ новыя преступленія, ростъ которыхъ, въ виду этого, совершался съ неимоверной быстротой: сегодня самымъ подробнымъ образомъ регламентируется порядокъ посѣщенія маскарадовъ, завтра—портнымъ возбраняется шить военнослужащимъ изъ немоченаго сукна, запрещается танцовать вальсъ, носить низкія большія буки, обрѣзанныя на концѣ косы, высокіе воротники и т. д. ²; вновь народившіяся преступленія влекутъ за собою для виновнаго тяжелыя взысканія; преступность растетъ; жизнь становится невыносимою.

Что касается классификаціи воинскихъ преступленій по ихъ тяжести, то здѣсь господствовалъ полный произволъ: никто, даже и самъ представитель карательной власти въ войскахъ, не могъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить: будетъ ли къ виновному примѣнено отставленіе отъ службы, или ограничатся

¹ Въ 1801 году 20-го іюля послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго на обязанность генераль-аудитора было возложено разсмотрѣніе дѣлъ «о тѣхъ, кои окажутся безвинными и коихъ судьба отягощена болѣе мѣры преступленія». По этимъ дѣламъ должны были составляться доклады, которые и направлялись къ Императору, «сколько когда успѣть можно, стараясь поспѣшить избавленіемъ невинныхъ и облегченіемъ судьбы прочихъ» (Архивъ Гл. В.-Судн. Упр. Дѣло о чиновникахъ 1801 г., св. 1, № 21, л. 4).

² Рус. Старина,—Указы Имп. Павла, 1884 г., № 8.

строгимъ выговоромъ, или, наоборотъ, отправятъ въ Нерчинскъ на работу ¹.

Въ частности, точно также нельзя было провести различія между воинскимъ и общимъ преступленіемъ, такъ какъ и здѣсь выдвигались чисто случайныя, личныя условія, коренившіяся въ томъ же всемогущемъ «усмотрѣніи начальника».

Но въ сущности Павловская армія имѣла все-таки военно-уголовное законодательство: Воинскій Артикуль еще продолжалъ дѣйствовать; суды писали свои сентенціи, ссылаясь на Артикуль; въ войскахъ читались тѣ же грозныя военно-уголовныя постановленія, долженствовавшія поддерживать дисциплину, и даже во вторую половину царствованія Александра I собирались мертвыя военно-уголовныя опредѣленія XVIII ст. и кодифицировались тогдашними законовѣдами ².

При такихъ условіяхъ разсматривать вопросы о воинскомъ преступленіи и наказаніи съ точки зрѣнія закона представляется невозможнымъ. Однако, противоправныя дѣянія, совершавшіяся въ арміи, представлялись по-прежнему вредными, какъ интересамъ государства, такъ и отдѣльныхъ лицъ; но оцѣнка преступленій всецѣло была передана подтверждающей власти, на обязанности которой и лежала квалифікація преступленій; такимъ образомъ, значеніе ихъ для государства, арміи и дисциплины оцѣнивалось въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ начальника, и часто случалось, что однородныя по внѣшней обстановкѣ дѣянія признавались разными начальниками различными преступленіями. Вмѣстѣ съ этимъ и институтъ наказанія, не имѣя уже никакихъ положительныхъ основъ въ законодательствѣ, конструировался начальствомъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ:

¹ Приведемъ. ради иллюстраціи, слѣдующіе примѣры: Растрата казенныхъ вещей—пор. Леоновъ лишенъ чина. Моисеевъ сосланъ въ „Янкольскую крѣпость“, Лехлевъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ на каторгу.—Разжалованіе: аудитора Иванова за пьянство, подп. Полянскаго за неумѣренное наказаніе подчиненнаго, пор. Рубцова за „покражу его деньщикомъ вещей въ Германіи“; хор. Бѣлева за провозъ чрезъ границу двухъ бочекъ соли.—См. Архивъ Гл. В. Суд. Упр., дѣло о чинов., св. 1, № 21, 1801 г. октября 26.

² Напр., Сводъ Россійскихъ узаконеній по части военно-судной 1820 г.; Дополненіе къ нему 1822 г.

существо наказанія, моментъ его окончанія ¹, его послѣдствія—все находилось въ неограниченной и безконтрольной власти начальника, которая приглашалась также и къ опредѣленію мѣстъ отбытія наказаній, связанныхъ съ ограниченіемъ свободы.

При такихъ условіяхъ говорить о цѣлесообразности воинскаго наказанія въ эпоху Павла представляется невозможнымъ; тѣмъ не менѣе оно не было простымъ рефлексивнымъ актомъ, а зачастую имѣло свои цѣли, которыхъ почти никогда не достигало.

Къ счастью дѣла, перерѣшенные имп. Александромъ I-мъ, даютъ возможность установить самымъ положительнымъ образомъ тѣ военно-карательныя мѣры, которыя практиковались въ отношеніи военнотружениковъ, а отсюда уже нетрудно будетъ сдѣлать выводы и о тѣхъ цѣляхъ, которыя могли быть достигаемы примѣненіемъ подобныхъ мѣръ.

Число лицъ, дѣла о которыхъ были пересмотрѣны, доходитъ до 220-ти. Изъ этого числа (по всей вѣроятности, далеко не полного) наименьшее распространеніе имѣли мѣры, направленныя противъ свободы: каторга, поселеніе и крѣпость — всего 72 случая, наибольшее—наказанія, поражавшія служебныя блага виновныхъ: исключеніе изъ службы, разжалованіе и отрѣшеніе отъ должности—148 случаевъ.

Остановившаяся въ частностяхъ на отдѣльныхъ карательныхъ мѣрахъ, слѣдуетъ отмѣтить, что *каторга*, какъ высшее наказаніе, назначавшееся за воинскія и общія преступленія, *примѣнялась иногда и безъ суда*; это наказаніе влекло за собою различныя послѣдствія, какъ видно изъ слѣдующаго: лишеніе чиновъ присоединено было въ 10 сл.; лишеніе чиновъ и дворянства въ 11 сл.; лишеніе чиновъ и «выключка» изъ военнаго званія въ 2 сл.; лишеніе чиновъ, выключка изъ военнаго званія и кнутъ въ 1 сл.; лишеніе чиновъ, выключка изъ военнаго званія и поставленіе указныхъ знаковъ въ 2 сл.; выключка изъ военной службы, кнутъ и поставленіе указныхъ знаковъ въ 2 сл.; кнутъ въ 1 случаѣ.

¹ Весьма характерна для того времени просьба нѣкоего подпор. Яновича, который въ 1795 году былъ разжалованъ на два года и только въ 1801 г. получилъ возможность ходатайствовать о реабилитаціи (Арх. Г. В.-Суд. Упр., Дѣло о чиновникахъ. св. 1. № 21, л. 8 обор.).

Установить исчерпывающимъ образомъ тѣ преступленія, которыя влекли за собою примѣненіе каторги, также невозможно и на ряду съ грабежомъ, вымогательствомъ мы встрѣчаемъ растрату казенныхъ вещей, бездѣйствіе власти, вымогательство подарковъ, оскорбленіе начальниковъ, удержаніе вещей и денегъ у нижнихъ чиновъ и т. п.

Заключеніе въ крѣпости примѣнялось въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда даннымъ преступленіемъ нарушались или денежные интересы казны, или имущественная неприкосновенность частныхъ лицъ; поэтому крѣпость назначалась довольно часто за растрату казенныхъ денегъ, невыдачу провіанта и жалованія нижнимъ чинамъ, «употребленіе нижнихъ чиновъ въ партикулярную работу», присвоеніе казеннаго имущества, умышленное его поврежденіе, причиненіе «обидъ» обывателямъ, занятіе квартиръ подъ постой и т. д., но все это не исключало возможности примѣнять крѣпость и къ виновнымъ въ нарушеніи обязанностей караульной службы, въ превышеніи власти и другихъ чисто воинскихъ преступленіяхъ. Въ первомъ случаѣ подтверждающая власть, имѣя въ виду вознагражденіе убытковъ казны, прямо указывала наказаніе крѣпостью «для заработка» или «заработать деньги», во второмъ — замѣняло крѣпостью тѣлесное наказаніе для привилегированныхъ военнослужащихъ. Что касается послѣдствій, которыя влекло за собой осужденіе къ заключенію въ крѣпость, то установить здѣсь какія бы то ни было общія положенія не представляется возможнымъ; все содержаніе этого наказанія сводилось къ принудительнымъ работамъ, но могло влечь за собою пеструю вереницу всевозможныхъ послѣдствій. Такъ, изъ 30-ти случаевъ примѣненія этого вида воинскаго наказанія присоединялось: лишеніе чиновъ въ 10 случаяхъ; лишеніе дворянства — 3 сл.; лишеніе чиновъ и дворянства — 14 сл.; лишеніе воинскаго званія — 1 сл.; лишеніе чиновъ и написаніе въ рядовые — 1 сл.; исключеніе изъ службы — 1 сл.

Ссылка на поселеніе (12 сл.) всегда сопровождалась лишеніемъ чиновъ; примѣнялась она довольно часто въ случаяхъ причиненія побоевъ, насилій или истязаній, что не исключало возможности назначать это наказаніе и въ другихъ случаяхъ. Какъ послѣдствія ссылки, слѣдуетъ отмѣтить: лишеніе чиновъ и воинскаго званія — 4 сл.; лишеніе чиновъ и дворянства — 7 сл. и лишеніе чиновъ — 1 сл.

Иногда къ виновнымъ примѣнялась *ссылка на житіе* въ Си-

бирскія губерніи; разницу между поселеніемъ и ссылкой на житье установить крайне затруднительно, но совершенно основательно можно предположить, что ссылка на житье являлась всегда наказаніемъ срочнымъ, въ противоположность поселенію, и кромѣ того, при поселеніи всегда назначался принудительный трудъ; сосланные на житье — только удалялись изъ общества и исключались изъ службы.

Пестрота и многообразіе *правопоражающихъ наказаній*, сравнительно съ другими, объясняется, съ одной стороны, дешевизною подобныхъ мѣръ, съ другой — легкостію и удобоисполнимостію. Выдающееся значеніе среди нихъ получаетъ *исключеніе изъ службы*, которое примѣнялось или въ формѣ наказанія, или въ видѣ административной мѣры до суда ¹. Въ царствованіе имп. Павла исключенію изъ службы придавалось весьма серіозное уголовно-политическое значеніе: эта мѣра, прежде всего, совершенно удаляла изъ арміи нарушителя воинскаго правопорядка и тѣмъ самымъ устраняла возможную вредность примѣра; кромѣ того, примѣненіе ея не поглощало государственныхъ средствъ, оно не заставляло непроизводительно тратить деньги на содержаніе преступника, присмотръ и т. п. Послѣдствіями этой карательной мѣры являлись: лишеніе чиновъ въ 49 сл.; лишеніе чиновъ и дворянства—3 сл.; отобраніе патентовъ—29 сл.; отобраніе патентовъ и заключеніе въ крѣпость на срокъ—2 сл.; заключеніе въ смиренный домъ—1 сл.; ссылка на житье въ Сибирь — 2 сл.; лишеніе чиновъ и ссылка въ Тобольскъ «подъ присмотръ»—1 сл.; лишеніе чиновъ и заключеніе въ крѣпость — 1 сл.; лишеніе чиновъ и церковное покаяніе— 1 сл.; кромѣ того, въ 7 случаяхъ исключеніе изъ службы не влекло за собою никакихъ послѣдствій.

Оно примѣнялось за: «употребленіе нижнихъ чиновъ въ партикулярную работу,» недонесеніе о совершившемся преступле-

¹ Указомъ 13 марта 1801 года было повелѣно: „всѣхъ. выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда по приказамъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ считать отставленными отъ службы“. т. е. находящимися въ отставкѣ по собственному желанію; для этого тотъ же указъ предписывалъ военной коллегіи, „по разсмотрѣніи ихъ дѣлъ и по докладу Намъ, снабдить ихъ надлежащими объ отставкѣ указами“. 1 П. С. З. т. 26. № 19782. Эта реабилитация краснорѣчиво показываетъ степень довѣрія молодого Государя къ отправленію военной юстиціи въ предшествующую эпоху.

ніи, ношеніе непринлежащихъ орденовъ, заемъ денегъ у нижнихъ чиновъ, неплатежъ артельныхъ денегъ, растрату прогоновъ, «жестокое наказаніе подчиненныхъ», самовольныя отлучки, за-
пирательство на судѣ, пьянство, подлоги, небрежное охраненіе арестантовъ, буйство, ложное рапортованіе больнымъ, увозъ чужой жены и т. п. Всѣхъ случаевъ осужденія къ исключенію изъ службы (по даннымъ пересмотра)—97. Это даетъ основаніе признать его господствовавшимъ видомъ воинскаго наказанія.

Разжалованіе, или «*написаніе въ рядовые*» занимаетъ слѣдующее мѣсто по своей распространенности: на его долю приходится 52 случая изъ всего числа осужденныхъ: 47 безъ выслуги и только 3 сл. до выслуги ¹. Изъ праволишеній и другихъ послѣдствій разжалованія въ рядовые слѣдуетъ отмѣтить: лишеніе дворянства—10 сл.; заключеніе въ смиренный домъ—1 сл.; плети—1 сл.

Лишеніе чиновъ, какъ наказаніе самостоятельное, имѣло сравнительно небольшое примѣненіе (всего 7 сл.); въ видѣ карательнаго придатка, оно сопровождало: высылку за границу (всего 2 случая относительно иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ), церковное покаяніе (1 сл.) и отобраніе патентовъ (3 сл.).

Намъ остается отмѣтить послѣднюю военно-карательную мѣру: *отрѣшеніе отъ начальствованія*, которое въ царствованіе Павла было примѣнено всего лишь одинъ разъ.

Въ такомъ видѣ представляются воинскія наказанія, примѣнявшіяся въ жизни въ эпоху Павла.

Какъ видно изъ предшествующаго, разладъ между закономъ и жизнью къ моменту воцаренія имп. Александра I достигъ кульминаціоннаго пункта: армія имѣла свой военно-уголовный кодексъ, который, однако, въ жизни совершенно не примѣнялся. Еще Екатерининская комиссія ² признавала его несоотвѣтствующимъ «нравамъ и воспитанію» народа; ко времени Павла это несоотвѣтствіе проявило себя еще рѣзче, еще колоритнѣе. Тѣмъ не менѣе, уголовное значеніе Воинскаго Артикула стояло внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ былъ угрозою, хотя и лишенною жизни

¹ Этотъ способъ разжалованія въ послѣдствіи былъ измѣненъ, и чины стали возвращаться по заслугамъ.

² 1762 года.

и практическаго смысла; каждому военнослужащему было извѣстно, что законъ и воля начальника стоятъ въ непримиримомъ противорѣчїи, что существованіе одного исключаетъ существованіе другого, что, наконецъ, самъ Артикуль есть призракъ, которому никогда не суждено принять реальную оболочку. Въ виду этого и угроза получила чисто платоническое значеніе.

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовались въ дѣйствительности, нельзя не отмѣтить прежде всего обилія наказаній, имѣющихъ въ виду цѣли удаленія виновнаго. Въ самомъ дѣлѣ, преобладающее большинство случаевъ примѣненія исключенія изъ службы ясно доказываетъ, что карательная власть болѣе всего заботилась объ устраненіи вредности, проистекающей или могущей проистекать отъ правонарушителя, и о дешевизнѣ карательныхъ средствъ.

Что касается лишенія свободы: каторги, заключенія въ крѣпость и ссылки на поселеніе, то здѣсь военно-карательная власть дѣйствовала случайно, безъ обдуманной заранѣе системы, дѣйствовала наугадъ и выкидывала преступника за бортъ. Иногда къ этой цѣли присоединялась цѣль закрѣпощенія чловѣка на извѣстное время, съ цѣлью извлечь изъ него матеріальную выгоду, Но дальше этого не шли.

Итакъ, можно установить, что *преобладающее значеніе въ эпоху Павла имѣли тѣ воинскія наказанія, которыя преслѣдовали цѣль удаленія*; эта цѣль поглощала собою всѣ остальные и превращала отправленіе карательной дѣятельности войска въ актъ, почти лишенный всякаго смысла и значенія.

Къ воцаренію имп. Александра все требовало скорѣйшей реформы. Еще будучи наслѣдникомъ престола, Александръ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за отправленіемъ военнаго правосудія, позволяя себѣ въ иныхъ случаяхъ самостоятельно входить съ ходатайствами къ императору о помилованіи или смягченія участи подсудимыхъ. Понятно, что съ восшествіемъ его на престолъ воинское наказаніе мало-по-малу очищается отъ несвойственныхъ ему придатковъ и—главное—приобрѣтаетъ значеніе болѣе или менѣе цѣлесообразной мѣры; самый пересмотръ уголовныхъ дѣлъ Павловской эпохи былъ предпринятъ именно съ цѣлью придать воинскому наказанію извѣстное утилитарное значеніе.

Первое время эта работа велась путемъ конфирмацій: самъ Государь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ входилъ въ подробное

разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и подтверждалъ приговоры совершенно самостоятельно, не считаясь порой даже съ мнѣніемъ спеціалиста—генераль-аудитора или признавая таковыя «неправильными и несогласными съ требованіями службы» ¹.

Понятно, что этотъ путь не могъ считаться надежнымъ; реформа обветшалаго военно-уголовнаго законодательства была необходима тѣмъ болѣе, что западная Европа заволновалась: во Франціи появлялись безчисленныя военно-карательныя постановленія, дополнявшія или измѣнявшія революціонныя законы; въ Пруссіи происходили работы по созданію новаго военно-уголовнаго кодекса, военныя дѣйствія Наполеона выдвинули значеніе арміи въ государствѣ и требовали поставить ее въ соотвѣтствіе съ арміями сосѣдей.

Только въ 1811 году стало возможнымъ приступить къ работѣ. Длинный рядъ законодательныхъ комиссій въ теченіе XVIII ст. не привелъ къ положительнымъ результатамъ; послѣдняя коммиссія, учрежденная въ 1801 г. ², имѣла цѣлью создать новые военно-административныя и организаціонныя законы ³; что касается новыхъ правилъ военнаго судопроизводства и созданія новаго военно-уголовнаго кодекса, то эта работа была выполнена въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ собой законодательной коммиссіи 1811 г., собранной подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Магницкаго ⁴. На обязанность этой коммиссіи былъ возложенъ пересмотръ многихъ законодательныхъ постановленій, но въ результатъ ею было создано только учрежденіе о большой дѣйствующей арміи, въ которое вошло и полевое уложеніе и полевое судопроизводство.

Нѣсколько отрывковъ, относящихся до работъ коммиссіи Магницкаго, хранящихся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, даютъ возможность видѣть, что успѣху работъ коммиссіи много способствовало знакомство ея членовъ съ французскимъ законодательствомъ революціонной и Наполеоновской эпохи.

Остановливаясь въ частности на полевомъ уголовномъ уло-

¹ Конфирмаціи 1801 г. Часть Журн. Гл. В.-Суд. Упр.

² П. С. З. № 19926.

³ Моск. Отд. Об. Арх. Гл. Шт., оп. 121, св. 42, 43, 44 и 45.

⁴ Архивъ Канцел. Воен. Минист., связка разрозненныхъ дѣлъ при законодательномъ отдѣлѣ.

женіи, необходимо, хотя бы отчасти, провести параллель между французскими военно-уголовными законами и уложеніемъ. Едва ли будетъ ошибкою, если мы замѣтимъ, что *появленіе вполне законченнаго кодекса объясняется именно тѣмъ, что комиссія дѣйствовала не вполне самостоятельно, а по готовымъ французскимъ образцамъ*, иначе ея дѣятельность свелась бы къ тѣмъ же результатамъ, какъ и работы всѣхъ предшествующихъ комиссій.

Однако, надо оговориться, что, заимствуя изъ Франціи ея законодательныя постановленія, комиссія считала это законодательство только образцомъ, собраніемъ различныхъ законовъ, которыми она пользовалась строго критически. Передъ нею былъ длинный рядъ разрозненныхъ военно-карательныхъ опредѣленій, откуда она и заимствовала, по преимуществу, *только диспозитивную часть, конструкцію и систему расположенія матеріала*; что касается *санкціи*, то комиссія дѣйствовала почти самостоятельно.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взять главу 1-ю уложенія «объ измѣнѣ» и сравнить ее съ главою 3-ю закона 21-го брюмера года. V-го «De trahison», какъ тождественность обоихъ законовъ станетъ очевидно: § 1 Уложенія говоритъ: *«Всякій чиновникъ арміи и всякое лицо, къ арміи принадлежащее, какою бы чина, званія или состоянія они не были, уличенные въ измѣнѣ, наказываются смертію»*; art. 1. французскаго кодекса: *«Tout militaire ou autre individu, attaché à l'armée ou à suite, convaincu du trahison, sera puni de mort»* ¹.

Далѣе, § 2 Уложенія соотвѣтствуетъ art. 2 французскаго закона, съ незначительными пропусками и перемѣнами противъ послѣдняго ²; въ той же главѣ содержится и IV глава французскаго кодекса «о шпіонствѣ».

Вторая глава уложенія представляетъ собою сколокъ съ I-й главы «de la désertion à l'ennemi»; третья глава напоминаетъ по конструкціи законъ 19 вандемьера года XII (art 44) ³; то же относится и къ IV главѣ Уложенія ⁴, которая частью заимствована также изъ закона V года; глава V и VI взяты изъ VIII и

¹ Durat-Lasalle, т. IX.

² Пунктъ 1, 3, 4 и 7 соотвѣтствуютъ 6-му, 7, 1 и 4.

³ 12 октября 1803 г.

⁴ Франц. законъ, art. 73.

VII гл. закона V года, глава VII уложенія изъ V и VI гл. закона V года. Такимъ образомъ, на конструкцію диспозитивной части уложенія оказали вліяніе, по преимуществу, французскіе законы 21 брум. года V и 19 ванд. года XII.

Совершенно иначе было построена санкція военно-уголовныхъ постановленій уложенія. На систему воинскихъ наказаній повліяли два фактора: съ одной стороны, данныя французскаго права, съ другой—военно-судебная практика Россіи. Заимствовать систему наказаній изъ Франціи цѣликомъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ это повлекло бы за собою построене новыхъ мѣстъ отбытія наказаній, удорожило бы самое наказаніе, сдѣлало бы его менѣе подвижнымъ и удобоисполнимымъ. Надо было заимствовать осторожнѣе и устанавливать только наиболѣе дешевыя и вмѣстѣ съ тѣмъ раціональныя мѣры воздѣйствія. Въ этой области составители уложенія проявили большую самостоятельность и изобрѣтательность.

Параграфъ 78 полевого уложенія устанавливалъ слѣдующую систему наказаній: смерть, гражданская смерть, лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи, лишеніе одного или нѣсколькихъ чиновъ, разжалованіе въ солдаты на время или безъ выслуги, заточеніе, ссылка и прогнаніе сквозь строй; къ этимъ видамъ воинскихъ наказаній уложеніе въ особенной части присоединяло, кромѣ того, тѣлесныя наказанія, соединенныя съ изгнаніемъ изъ арміи, исключеніе изъ службы, конфискацію, денежное взысканіе и наказанія коллективныя.

То обстоятельство, что многія изъ перечисленныхъ наказаній никогда не были знакомы французскому праву, можетъ служить доказательствомъ извѣстной самостоятельности составителей полевого уложенія въ области воинскаго наказанія.

Остановливаясь, въ частности, на каждомъ отдѣльномъ видѣ наказаній, слѣдуетъ отмѣтить преобладающее значеніе *смертной казни*: изъ 73 статей—27 грозятъ виновнику смертью. Это наказаніе могло быть совершаемо только посредствомъ разстрѣлянія черезъ двое сутокъ послѣ утвержденія приговора ¹. Она примѣнялась за самыя разнообразныя преступленія: измѣну, договоръ къ побѣгу, побѣгъ къ непріятелю, побѣгъ съ поля сраженія, съ часовъ, неисполненіе приказанія начальника, поднятіе руки на начальника, грабежъ, поджогъ, насиліе надъ женщиною,

¹ § 79.

и т. п. ¹ Въ трехъ случаяхъ уложеніе предписывало совершать децимацію: въ отношеніи виновныхъ въ заговорѣ къ побѣгу въ непріятельскую армію ², неповинующейся команды ³ и части войскъ, покусившейся на грабежъ или поджогъ, истребленіе лѣсовъ и жатвь или убійство жителей ⁴.

Исполненіе смертной казни совершалось въ присутствіи всѣхъ войскъ данной территоріи; на мѣстѣ казни приготавлился столбъ и вырывалась яма; священникъ сопровождалъ преступника до мѣста; затѣмъ раздавался барабанный бой; оберъ-аудиторъ читалъ преступнику приговоръ суда, то же дѣлали передъ каждымъ изъ батальоновъ адъютанты; затѣмъ на преступника надѣвалась бѣлая длинная рубаха, и ему завязывались глаза; послѣ этого пятнадцать рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ подходили къ преступнику на 15 шаговъ и дѣлали залпъ; вслѣдъ затѣмъ тѣло казненнаго снималось со столба и опускалось въ яму, а войска дефилировали передъ нимъ.

Такой порядокъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ, что постановленія уложенія о смертной казни вполнѣ самостоятельны. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая данныя уложенія съ закономъ 12 мая 1793 г. ⁵, регламентировавшимъ обрядъ казни во Франціи, можно замѣтить только единственное сходство—въ способѣ уничтоженія жизни посредствомъ разстрѣліянія; все остальное крайне противорѣчитъ даннымъ французскаго военно-уголовнаго законодательства. Къ этому необходимо добавить, что институтъ децимаціи, завѣщанный русскому военному праву со временъ Петра В., сохранилъ свою силу и въ уложеніи; говорить о заимствованіи этой формы примѣненія наказанія не приходится, такъ какъ въ началѣ XIX ст. французское право уже не знало ея, а законъ Наполеона о децимаціи дезертировъ появился только послѣ изданія уложенія въ 1813 году ⁶.

Гражданская смерть, въ противоположность смерти физической, построена была по уложенію, какъ и по Военскому Ар-

¹ §§ 1, 3, 8, 9, 13, 15, 17, 29, 32, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 61, 62, 63, 65, 66, 69, 73.

² § 10.

³ § 37.

⁴ § 64.

⁵ Durat-Lasalle, т. IX, стр. 8 и CXLVII.

⁶ См. выше, стр. 155.

тикулу, на фикціи юридическаго вымиранія личности; сущность ея сводилась къ тому, что виновный лишался всѣхъ гражданскихъ правъ и, какъ опорощенное лицо, устранялся изъ общества честныхъ людей. Надо думать, что составители уложенія построили это наказаніе, исходя изъ тѣхъ же соображеній, которыя легли въ основу петровскаго института шельмованія; наконецъ, они имѣли передъ собою живое воплощеніе этого института въ только что изданномъ Code pénal ¹, который строилъ гражданскую смерть (mort civil) на абсолютномъ праволишеніи виновнаго.

Лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи влекло для осужденнаго, по полевому уложенію, высылку внутрь имперіи и воспрещеніе жить въ столицахъ. Уложеніе говоритъ объ этомъ видѣ наказанія въ § 28, который по своей конструкціи совершенно сходенъ съ art. 2, tit. VIII закона 21 брюмера года V-го; это даетъ извѣстную прочность тому соображенію, что составители уложенія заимствовали это наказаніе изъ того же артикула, въ которомъ указывалось, что «tout officier... sera *destitué*, puni de trois mois de *prison* et *déclaré incapable* de remplir aucun grade dans les armées de la republique»; составители уложенія поступили въ данномъ случаѣ очень просто: *деституцію* они передѣляли въ *лишеніе чиновъ*, *заключеніе въ тюрьму* отбросили, въ виду полного отсутствія въ Россіи удобныхъ для того учреждений, а *неспособность къ отправленію служебныхъ обязанностей въ арміи* замѣнили изгнаніемъ изъ арміи. Это соображеніе подтверждается также и тѣмъ, что преступленія, за которыя угрожало такое наказаніе, по уложенію и по закону 21 брюмера года V-го, совершенно тождественны ².

Лишеніе чиновъ было заимствовано, по всей вѣроятности, составителями уложенія изъ всей предшествующей русской судебной практики, которая допускала лишеніе и одного, и всѣхъ чиновъ. Лишеніе всѣхъ чиновъ, по своему содержанію, напоминало французскую *destitution*, слѣдствіемъ которой была потеря всѣхъ воинскихъ преимуществъ и чиновъ и возвращеніе въ гражданское состояніе. Несмотря на допустимость подобнаго

¹ См. art. 25.

² Ср. § 28 и art. 2, tit. VIII, § 46 и art. 16 того же раздѣла, § 72 и art. 11, tit. VI; въ послѣднемъ упоминается между прочимъ и «chasser du corps».

заимствованія, мы полагаемъ, что институтъ лишенія чиновъ явился лишь результатомъ закрѣпленія въ законѣ того, что ежедневно примѣнялось на практикѣ и что было уже извѣстно съ петровскихъ временъ.

Разжалованіе въ солдаты примѣнялось не только къ офицерамъ и чиновникамъ, но и къ унтеръ-офицерамъ, которые при этомъ подвергались прохожденію сквозь строй. При разжалованіи на время предписывалось опредѣлять осужденныхъ въ другіе полки, по выбору и усмотрѣнію начальства¹, осужденныхъ къ вѣчному разжалованію — въ дальніе гарнизоны².

Заточеніе, какъ воинское наказаніе, появляется впервые въ русскомъ правѣ въ постановленіяхъ полевого уголовного уложенія. Этотъ видъ наказанія явился плодомъ простого заимствованія изъ французскаго права, гдѣ упоминаніе о немъ появляется 4 нивоза года IV (25 декабря 1795), когда сочли необходимымъ обложить этою мѣрою подстрекателей къ побѣгу въ размѣрѣ *девятнадцати* заключенія; вслѣдъ затѣмъ, по Code pénal 1810³ года, заточеніе представляется уже въ видѣ общеуголовнаго наказанія: осужденнаго помѣщаютъ въ крѣпость, расположенную на континентѣ государства, на срокъ не менѣе пяти и не свыше 20 лѣтъ. Полевое уложеніе, однако, устанавливая эту мѣру, сходится съ французскимъ законодательствомъ только въ отношеніи мѣста заключенія — крѣпости⁴, но срокъ въ одномъ случаѣ ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, въ остальныхъ опредѣляетъ его въ одинъ, два и три года⁵.

Ссылка, назначаемая по уложенію, замѣнила собою французское «fers»⁶; въ подтвержденіе этого приведемъ слѣдующее соображеніе: §§ 55, 56, 58, и 59 уложенія, предусматривающіе: продажу продовольствія, приѣмъ испорченныхъ продуктовъ, обмѣръ и обвѣсъ и употребленіе больной скотины лицами, завѣдывающими продовольствіемъ, исполнѣе соотвѣтствуютъ art. 5, 3 10 и 9 закона 21 брюмера года V-го, tit. VII; въ послѣднихъ

¹ § 83.

² § 84.

³ Art. 20.

⁴ § 85.

⁵ § 22, § 33 и 57.

⁶ «Fers» было замѣнено въ революціонную эпоху каторгою. См. Foucher, стр. 27.

въ видѣ наказанія указывается «fers»¹, которое въ полевомъ уложеніи замѣнено ссылкой. Такимъ образомъ, составители рѣшили обложить эти преступленія болѣе мягкими наказаніями, приближающимися, по своему содержанію, къ франц. каторгѣ. Ссылка отбывалась осужденными въ Сибири².

Наиболѣе интереснымъ представляется вопросъ о наказаніи *прохожденіе мѣ сквозь строй*. По уложенію, оно примѣнялось въ случаяхъ: побѣга солдата съ часовъ или караула, отсутствія на мѣстѣ во время похода противъ непріятеля, сна на часахъ, ограбленія мертвыхъ и раненыхъ³. Мѣра этого наказанія обозначается положительно только въ двухъ параграфахъ: 67-омъ -- чрезъ пятьсотъ человекъ одинъ разъ, 68-омъ—вдвое; въ остальныхъ случаяхъ вопросъ о мѣрѣ остается открытымъ. Въ такомъ видѣ представляется прогнаніе сквозь строй по уложенію.

Что касается французскаго права, то въ эпоху революціи оно не примѣняло этого вида наказанія; впослѣдствіи уже въ императорскую эпоху, когда Наполеонъ повелъ борьбу съ дезертирствомъ, появляется законъ 19 вандемьера года II (12 октября 1803 г.)⁴, который, устанавливая наказанія за побѣги, въ V раздѣлѣ говоритъ: «Les déserteurs condamnés à la mort continueront à être passés par les armes». Этотъ случай былъ единственнымъ въ теченіе всего времени существованія революціоннаго законодательства. Конструкція диспозитивной части § 13 уложенія и art. 44 (tit. IV) закона даетъ основаніе предполагать здѣсь заимствованіе со стороны составителей уложенія, которые единственный случай распространили на рядъ преступленій и, такимъ образомъ, наслѣдство Воинскихъ Артикуловъ получило новое признаніе.

Сказать что-либо о формѣ исполненія этого наказанія представляется затруднительнымъ, и законъ 19 вандемьера объ этомъ умалчиваетъ; тѣмъ не менѣе, различіе между франц. и русс. законами—очевидно, и если французское право въ прохожденіи сквозь строй видѣло одинъ изъ способовъ лишенія жизни, то уложеніе смотрѣло на эту кару, какъ на простое тѣлесное наказаніе.

Помимо всего этого, полевое уголовное уложеніе содержитъ

¹ Въ art. 9 — «prison».

² § 86.

³ §§ 16, 28, 44, 67 и 68.

⁴ Durat-Lasalle, стр. 44.

въ себѣ нѣсколько смутныхъ указаній относительно многихъ карательныхъ мѣръ, не указанныхъ въ числѣ воинскихъ наказаній, перечисленныхъ въ лѣстницѣ (§ 78); къ такимъ мѣрамъ относятся, напр., тѣлесныя наказанія, соединенныя съ изгнаніемъ изъ арміи, которыя могли примѣняться только къ лицамъ, принадлежащимъ къ арміи: мастеровымъ, подрядчикамъ, маркитантамъ, слугамъ¹ и т. д. (исключая чиновниковъ различныхъ наименованій) — словомъ, къ тѣмъ только, кто, въ силу особаго закона, былъ обязанъ подчиненіемъ воинскому правопорядку. Сравнивая § 28 уложенія, гдѣ установлено это наказаніе, съ art. 2 tit. VIII закона 21 брюмера года V-го, можно замѣтить, что составители уложенія признали необходимымъ замѣнить указанное во французскомъ законѣ «*prison*» наказаніемъ тѣлеснымъ, съ присоединеніемъ къ нему изгнанія изъ арміи. Последнее слѣдуетъ считать, какъ замѣну «*destitution*», примѣнявшуюся во Франціи къ чиновникамъ (*employés*).

Изгнаніе изъ арміи, въ соединеніи съ исключеніемъ изъ службы, примѣнялось только къ начальствующимъ лицамъ—офицерамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подчиненная ему команда совершеніемъ преступныхъ дѣйствій показывала неспособность офицера къ несенію имъ своихъ командныхъ обязанностей; напр. въ случаѣ обнаруженія командою трусости или подачи ею жалобъ на начальника². Слѣдуетъ замѣтить, что это наказаніе, подъ именемъ исключенія изъ службы, давно уже практиковалось въ русской арміи; составители безъ всякой нужды присоединили къ этому изгнаніе изъ арміи, не поясняя существа этого придатка и его уголовного значенія. Впрочемъ, можно съ основательностью предположить, что исключеніе изъ службы съ изгнаніемъ представляло собою позорное лишеніе воинской чести³, слѣды котораго уже намѣчались въ революціонномъ законодательствѣ Франціи.

Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что въ томъ же уложеніи встрѣчаются совершенно самостоятельныя наказанія: и *исключеніе изъ службы* и *изгнаніе изъ арміи*. Первое угрожало начальникамъ, оскорблявшимъ подчиненныхъ офицеровъ⁴, вто-

¹ § 20 и 21. Уст. Пол. Судопроизводства.

² § 42 и 49.

³ *Dégradation militaire*; см. art. 21. tit. VIII, закона 21 брум. года V-го.

⁴ § 45.

рое назначалось за кражу и пріемъ краденаго ¹. Такимъ образомъ, исключеніе изъ службы было чисто военно-карательною мѣрою, примѣнявшеюся за воинское преступленіе; наоборотъ—изгнаніе изъ арміи представлялось дополнительно уголовною мѣрою къ денежному взысканію, такъ что главнымъ наказаніемъ являлся штрафъ, а изгнаніе уже вызывалось необходимостью удалить изъ арміи непригодное ей лицо. Надо думать, что такое удаленіе имѣло своею цѣлью подѣйствовать на духовную сферу виновнаго, на его честь, почему и носило позорный характеръ.

Изъ денежныхъ взысканій слѣдуетъ отмѣтить: *конфискацію* всего имущества виновныхъ въ грабежѣ, разбоѣ, поджогѣ и пріемѣ краденаго ², и денежный *штрафъ*, въ видѣ цѣны украденныхъ, испорченныхъ и т. п. вещей, ординарнаго, двойного и тройного размѣровъ: по закону 21 брюмера года V-го денежный штрафъ могъ достигать и четверного размѣра ³.

Коллективныя наказанія, являющіяся самостоятельнымъ видомъ уголовныхъ мѣръ уложенія, могли примѣняться въ случаяхъ совершенія преступленія цѣлою частью войскъ. Такъ, за неповиновеніе зачинщики и участвовавшіе начальники подвергались смертной казни; начальники, не предупредившіе преступленія,—разжалованію до выслуги; нижніе чины—децимаціи⁴; то же относится и къ случаямъ грабежа, поджога и т. п.

Совершенно оригинальный характеръ носило наказаніе команды, проявившей въ бою трусость: на другой день послѣ преступленія у нея отбирались знамена, офицеры лишались шпагъ, нижніе чины ружей; затѣмъ команда выводилась передъ войско и, неся вмѣсто знамени бѣлую доску съ надписью: «трусые», проходила передъ нимъ, послѣ чего нижніе чины размѣщались по разнымъ полкамъ, офицеры подвергались изгнанію изъ арміи и исключенію изъ службы ⁵.

Такимъ образомъ, полевое уголовное уложеніе въ отношеніи системы наказаній построило нѣчто отличное отъ французскаго

¹ § 51 и 70.

² § 71 и 70.

³ Art. 10, tit. VII.

⁴ § 36.

⁵ § 42.

законодательства. Воинскія наказанія, по уложенію, были принаровлены исключительно къ военному времени, т. е. къ такимъ моментамъ государственной жизни, когда воинское преступленіе могло имѣть ужасающія послѣдствія, когда обузданіе толпы являлось потребностью, когда жизнь, свобода, имущество теряли свою неприкосновенность и становились легко доступными для посягательствъ. Воинское преступленіе требовало быстрой репрессіи, не задающейся другими цѣлями, кромѣ уничтоженія проявившейся злой воли у преступника и «латентной» преступности у окружающихъ; для этого требовалось быстрое дѣйствіе—карательная мѣра,—легко осуществляемая, несложная по существу, недорогая по приспособленіямъ и ужасающая по содержанию. Но смертная казнь не удовлетворяла этому послѣднему требованію. Въ самомъ дѣлѣ, за мародерство уложеніе угрожало виновному лишеніемъ жизни, отнятіемъ высшаго человеческого блага, и въ то же время начальники въ дѣйствующихъ арміяхъ не находили достаточно средствъ для борьбы съ этимъ преступленіемъ. Кутузовъ тотчасъ же по прибытіи къ арміямъ всеподданнѣйше доносить (19 августа) о необыкновенномъ мародерствѣ; гр. Аракчеевъ вноситъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, гдѣ сочли возможнымъ ограничиться новою присягою и церковнымъ проклятіемъ, но въ заключеніе рѣшили издать приказъ къ войскамъ, основанный не на идеѣ устрашенія, а на началахъ чисто нравственного характера ¹.

Такимъ образомъ, устрашительное воздѣйствіе смертной казни парализовалось рядомъ другихъ причинъ, между прочимъ нуждою въ людяхъ; благодаря этому, оно теряло свойства дѣйствительности и неизбежности и получало характеръ платонической угрозы. Тѣлесныя наказанія точно также должны были являться тѣмъ чувствительнымъ зломъ, которое могло спасти армію отъ нарушеній.

Не меньшее значеніе имѣли также мѣры, направленные къ удаленію виновныхъ: онѣ или удаляли виновнаго вовсе изъ арміи, не позволяя ему никогда встать въ ея ряды, или удаляли его временно отъ несенія тѣхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ имъ было совершено нарушеніе. Въ первомъ отноше-

¹ Жур. Ком. Мин., т. II, стр. 101—103.

ніи излюбленными средствами являлись: лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи, исключеніе изъ службы и изгнаніе. Законъ въ корнѣ уничтожалъ возможность будущихъ нарушеній и со стороны самого преступника, который удалялся изъ арміи, какъ неспособный къ занятію военныхъ должностей, и со стороны окружающихъ, которые, съ удаленіемъ виновника, видѣли осуществленіе наказанія и сознавали его неизбѣжность. Точно также и тѣ мѣры, которыя лишали виновнаго возможности оставаться на высотѣ его служебнаго положенія, преслѣдовали тѣ же задачи удаленія, — устраненія отъ должности, дабы преступникъ не могъ впасть въ рецидиву и соблазнить другихъ; такъ были установлены: лишеніе чиновъ и разжалованіе въ солдаты. Обѣ эти мѣры были далеки отъ цѣлей исправительнаго воздѣйствія на волю преступника; такое значеніе, только отчасти, имѣло разжалованіе на время; всѣ же остальные мѣры были наиболѣе дешевыми и простыми способами удаленія преступника.

Ссылка и заточеніе, какъ принудительное лишеніе свободы, точно также преслѣдовали цѣли очищенія арміи отъ порочныхъ членовъ, не заботясь вовсе о самомъ преступникѣ, о его перевоспитаніи. Государство боролось, оно переживало кризисы своего существованія, всѣ матеріальныя средства направлялись непосредственно на эту борьбу,—можно ли было думать о порочномъ членѣ арміи, заботиться о состояніи его нравственныхъ свойствъ, отнимать у себя извѣстную долю матеріальныхъ средствъ на устройство и организацію исправительныхъ заведеній, если это самое лицо—совершитель преступленія—своимъ дѣйствіемъ свидѣтельствовалъ свою опасность для общаго блага, и наконецъ, самая забота о преступникѣ—не могла ли сдѣлаться новымъ преступленіемъ, ненужною роскошью, слабостью государственной власти?

Таковы были задачи воинскихъ наказаній.

Начала, высказанныя полевымъ уложеніемъ, по окончаніи войны стали завоевывать себѣ все болѣе и болѣе мѣста, такъ какъ уложеніе значительно подновило военно-уголовное право и, по своему содержанію, болѣе отвѣчало потребностямъ арміи. Изъ воинскихъ наказаній наибольшимъ распространеніемъ стали пользоваться: тѣлесное наказаніе въ отношеніи нижнихъ чиновъ и разжалованіе въ отношеніи офицеровъ. Первое выросло въ

чудовищную форму ¹, второе выродилось во всеобъемлющую кару ². Современники утверждали, что ни то, ни другое наказаніе не только не достигали цѣлей, но даже уничтожали всякое представленіе о цѣли. Произволъ разрастался, армія была лишена положительнаго закона. Уставъ 1839 г. явился благодѣяніемъ для государства и воинскаго правопорядка.

Само собою разумѣется, что онъ далекъ былъ отъ идеала; наоборотъ,—его постановленія, основанныя частью на Воинскомъ Артикулѣ, частью на полевомъ уголовномъ уложеніи, предста-

¹ Ген. Сабанѣевъ въ 1826 г. писалъ кн. Воронцову: «польза службы да и самая справедливость требуетъ, чтобы власть нѣкоторыхъ чиновниковъ въ тѣлесномъ безъ суда наказаніи имѣла свои предѣлы, а потому считаю необходимымъ власть баталіоннаго и ротнаго командировъ въ семъ отношеніи ограничить закономъ, а субалтернъ и унтеръ-офицерамъ употребленіе палокъ вовсе запретить... До сихъ поръ мѣра власти въ наказаніи ограничивается двумя крайними предѣлами: палки и смерть. Послѣдняя не во власти начальника только въ отношеніи ко времени, т. е. кто въ одинъ разъ убьетъ, тотъ убійца, а кто въ два года заколотитъ, тотъ не въ отвѣтъ. Нѣтъ также опредѣленнаго наказанія по мѣрѣ преступленія: все зависитъ отъ произвола. Напр., буяну, пьяницѣ, лѣнтяю—дадутъ сто палокъ, а исправному барабанщику, который по ошибкѣ не въ ногу ударить—пять сотъ». См. Военно-ученый Арх. Гл. Шт.-Архивъ кн. Воронцова, т. 36, стр. 469.

Гр. Киселевъ, въ свою очередь, утверждалъ, что «тѣлесныя наказанія ни въ чемъ не ограждены, и каждый безъ разбора—отъ фельдмаршала до капрала—можетъ бить и убить человѣка»,—Военно-ученый Арх. Гл. Шт., отд. 4, № 504 по каталогу. См. мою статью «Дореформенная армія».

Въ 1827 г. противъ тѣлеснаго наказанія раздался новый авторитетный голосъ гр. Витгенштейна, который признавалъ эту мѣру ненадежною и, на основаніи собственнаго опыта, полагалъ, что армія можетъ обойтись и безъ него. Воен. сборн., 1895 г., № 9, стр. 201. См. также «Предположенія о тѣлесн. безъ суда наказ. и о раздѣл. нижн. чин. на два разряда», стр. 58.

² «Большая часть офицеровъ, подвергшихся суду, пишутся въ рядовые съ выслугою или безъ выслуги; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ за подобныя преступленія въ нижнемъ чинѣ исключались бы изъ солдатскаго званія. Какая польза отъ таковыхъ солдатъ, равно какъ и тѣхъ, кои, будучи офицерами, исключены изъ службы за неприличное поведеніе и потомъ добровольно поступили на службу?... Только тѣ офицеры... должны быть разжалованы, кои по роду преступленія ихъ могутъ быть терпимы въ военномъ сословіи, и таковыхъ лишать чиновъ на опредѣленное время. Всѣ же прочіе должны, лишаясь чиновъ, исключаться изъ военнаго званія, ибо солдатъ есть званіе почетное». Арх. кн. Воронцова, XXXVI, стр. 481.

вляли собою потерявшія жизненность данныя, тѣмъ не менѣе, благодаря его появленію, всѣ правоотношенія въ арміи вошли въ норму, были урегулированы, и воинскій правопорядокъ получилъ извѣстную прочность. Въ этой именно регламентаціи правоотношеній и слѣдуетъ видѣть свѣтлую сторону устава 1839 г., такъ какъ во всемъ остальномъ онъ въ сущности повторялъ старое¹.

Система воинскихъ наказаній по уставу 1839 г. представляла собою какую-то хаотическую смѣсь уголовныхъ каръ, поражавшихъ своею пестротою и излишнимъ богатствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сводя воедино всѣ эти многочисленные виды наказаній и, по возможности, классифицируя ихъ по благамъ, на которыя они направлялись, мы получаемъ слѣдующее:

Во главѣ всѣхъ карательныхъ мѣръ была поставлена смертная казнь; за нею слѣдуютъ наказанія, поражавшія свободу виновнаго: ссылка въ каторжную работу, на поселеніе, въ отдаленныя губерніи, заключеніе въ арестантскія роты, заточеніе въ крѣпости, арестъ на гауптвахтѣ, отдача въ солдаты; къ наказаніямъ, поражающимъ честь виновнаго, принадлежали: политическая смерть,

¹ Въ этомъ отношеніи мы считаемъ нелишнимъ привести мнѣніе Великаго Князя Михаила Павловича, высказанное имъ въ 30-хъ годахъ при составленіи проекта положенія о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, впавшихъ въ преступленія. «...Комиссія военныхъ судовъ—писалъ онъ— не есть разрѣшеніе винъ, но, по точномъ изысканіи оныхъ, осужденіе преступника по всей строгости законовъ; строгость же сія содержится въ Воинскихъ Артикулахъ, на точномъ основаніи коихъ и заключаются приговоры военныхъ судовъ, опредѣляющіе всегда почти смертную казнь или такое тяжкое наказаніе, исполненіе которыхъ давно въ Россіи не существуетъ. Отъ сего происходитъ, что приговоръ военнаго суда... восходя для положенія мнѣній въ высшія инстанціи, наконецъ измѣняется до того даже, что, вмѣсто опредѣленной смертной казни, назначается преступникъ шпицрутенами черезъ тысячу человѣкъ одинъ только разъ...» Кромѣ того, великій князь указывалъ на «большую несообразность въ наказаніяхъ», назначаемыхъ по конфирмаціямъ: «одни за первый побѣгъ наказываютъ розгами двумя и тремястами ударами, а другіе—шпицрутенами черезъ пятьсотъ человѣкъ» и утверждалъ, «что такое разнообразное наказаніе... за одни и тѣ же преступленія сколько несправедливо, столько же и изнурительно», что «все сіе происходитъ отъ неимѣнія поднесъ закона положительнаго», и что необходимо «подчинить волю начальниковъ, имѣющихъ право дѣлать военно-судныя дѣла, условнымъ правиламъ, изъ коихъ они не могли бы выходить ни въ какомъ случаѣ». Архивъ Главн. В.-Суднаго Управленія. дѣло о составл. проекта положенія о н. чин. не изъ дворянъ, часть 2, стр. 3—4.

гражданская смерть, лишеніе всѣхъ правъ состоянія, шельмованіе, лишеніе дворянства, чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія, патентовъ, отставки, временныхъ отпусковъ, испрошеніе прощенія, исключеніе изъ военнаго званія, отрѣшеніе отъ должности, отставленіе и исключеніе изъ службы, изгнаніе изъ арміи, высылка за границу, переводъ въ другія части войскъ. Изъ тѣлесныхъ наказаній: клейменіе, прогнаніе сквозь строй, кнутъ и плети.

Нельзя не согласиться, что военно-уголовный уставъ 1839 г. «положилъ первое твердое основаніе къ постепенному усовершенствованію военно-уголовнаго законодательства», но вмѣстѣ съ тѣмъ, что по существу своему онъ былъ «не что иное, какъ простой сводъ существовавшихъ прежде постановленій», которыя не могли образовать «полнаго и стройнаго цѣлаго»¹.

Самымъ существеннымъ недостаткомъ устава является сложность, неясность и пестрота системы наказаній и несоотвѣтствие ихъ тяжести преступленій; къ этому необходимо присоединить, что и самыя цѣли наказанія не имѣли прочнаго основанія.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ цѣлей устрашенія, излюбленныхъ въ ту эпоху, появляется и цѣль исправленія, но въ крайне убогой формѣ, благодаря чему и самое исправительное воздѣйствіе оказывалось далеко не отвѣчающимъ своей задачѣ.

Хотя всѣ воинскія наказанія преслѣдовали не одну, а нѣсколько задачъ, тѣмъ не менѣе доминирующую цѣль легко усмотрѣть.

Устрашеніе—не самого виновнаго, а окружающихъ—должно было достигаться слѣдующими мѣрами:

1. *Смертною казнью*, которая примѣнялась и въ мирное и военное время. Она могла быть осуществляема чрезъ разстрѣляніе и повѣшеніе и допускала въ мирное время замѣну ссылкой въ каторожныя работы ². Самый обрядъ лишенія жизни ³ былъ заимствованъ изъ полевого уголовнаго уложенія, съ прибавкою нѣкоторыхъ положеній изъ Воинскихъ Артикуловъ, относящихся до повѣшенія ⁴. Доказательствомъ тому, что воинскій уставъ представлялъ собою только сводъ предшествующаго законодательства, слѣдуетъ указать на децимацію, которая появилась въ

¹ Сб. закон. раб.. 1869 г., стр. 1.

² Ст. 21.

³ Ст. 501, часть 2-ая.

⁴ Гл. 50, п. 3.

уставѣ, какъ простое перенесеніе положеній полевого уложенія ¹. Чтобы придать смертной казни значеніе реальной мѣры, уставъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, присоединилъ къ ней рядъ правоограничительныхъ придатковъ: лишеніе права распорядиться своимъ имуществомъ при смерти ² и шельмованіе; вслѣдствіе этого имущество передавалось законнымъ наслѣдникамъ, а виновные подвергались особому обряду: сниманію мундира, преломленію шпаги надъ головой офицера и отобранію оружія у нижнихъ чиновъ.

2. *Политическая смерть* состояла въ томъ, что виновнаго по лишеніи всѣхъ правъ состоянія клали на плаху или ставили подъ висѣлицу, затѣмъ преламывали надъ головою шпагу и ссылали его въ каторжную работу. Это наказаніе явилось съ самостоятельнымъ значеніемъ уже со времени появленія указовъ 23 марта 1753 г. и 30 сент. 1754 г.; съ тѣхъ поръ оно получило большое распространеніе, какъ наиболѣе дешевая и вѣрная карательная мѣра. Въ видѣ послѣдствія политической смерти для виновнаго наступало: прекращеніе его родительской власти и брака, если дѣти и жена добровольно не слѣдовали за осужденнымъ, и лишеніе права быть завѣщателемъ и наслѣдникомъ ³.

3. *Гражданская смерть*, заимствованная изъ полевого уложенія, въ уставѣ 1839 г. получила обработку; существо ея сводилось къ тому, что виновный былъ лишаемъ всѣхъ правъ состоянія, затѣмъ ссылаемъ или въ каторгу, или на поселеніе; уставъ поэтому часто отождествлялъ понятіе гражданской смерти и лишенія правъ, которое, въ свою очередь, обязательно влекло лишеніе чиновъ, чести, добраго имени и знаковъ отличія, съ отобраніемъ грамотъ и аттестатовъ ⁴.

4. *Каторжная работа* въ мирное время служила наказаніемъ, замѣняющимъ собою смертную казнь, при чемъ въ приговорѣ о ссылкѣ было запрещено употреблять слово «вѣчно»; за воинскія преступленія къ виновнымъ офицерамъ, при этомъ, могло быть присоединяемо и шельмованіе ⁵.

5. При *ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе* осужденные въ мирное

¹ Ст. 566, 593.

² Ст. 137.

³ Ст. 138.

⁴ Ст. 24.

⁵ Ст. 27.

время передавались гражданскому начальству, а въ военное время—отправлялись изъ арміи къ начальству пограничному.

6. *Тѣлесныя наказанія*, которыя по уставу 1839 г. являлись самымъ распространеннымъ видомъ воинскаго наказанія, имѣли нѣсколько подраздѣленій: прохожденіе сквозь строй, кнутъ, плети, и «наказаніе розгами». Составители устава 1839 г. полагали, что «жестокія, тѣлесныя наказанія, установленныя воинскими артикулами», должны быть замѣнены шпицрутенами, въ виду указа 1 января 1782 г. ¹, которымъ повелѣвалось военной коллегіи въ опредѣленіи наказаній руководствоваться Наказомъ Екатерины II; кромѣ того, они ссылались на указы Александра I ², гдѣ запрещено было употребленіе словъ «нещадно и жестоко», наконецъ на повелѣніе 20 апрѣля 1825 г. ³, которое предписывало подтверждающимъ приговоры мѣстамъ и лицамъ замѣнять плети—шпицрутенами, «какъ служащее болѣе примѣромъ». Такимъ образомъ, въ основѣ соображеній составителей лежали вполне гуманныя побужденія. Однако, принимая во вниманіе мѣру этого наказанія и способы его выполненія, приходится заключить, что побужденія составителей не имѣли никакого реальнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, шпицрутены примѣнялись къ нижнимъ чинамъ, не изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, въ громадномъ большинствѣ преступленій воинскаго или общаго характера. Высшимъ размѣромъ этого наказанія было 6000 разъ, хотя въ отношеніи тѣхъ изъ нижнихъ чиновъ, которые были признаны виновными въ «неповиновеніи и дерзости противъ начальниковъ передъ фронтомъ», разрѣшалось, съ Высочайшаго утвержденія, примѣнять шпицрутены и свыше 6000 разъ ⁴.

Обрядъ исполненія этого наказанія состоялъ въ слѣдующемъ: время назначалось обыкновенно поутру на самомъ разсвѣтѣ ⁵; осужденный выводился на мѣсто экзекуціи подъ конвоемъ, состоящимъ изъ унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ съ ружьями, при чемъ два изъ нихъ шли впереди, а два позади осужденнаго; затѣмъ, послѣ команды «на караулъ», аудиторъ прочитывалъ

¹ П. С. З. № 15313.

² 18 янв. 1802 г. (№ 20115) и 10 сент. 1808 г. (23279).

³ П. С. З., № 30324.

⁴ Ст. 69.

⁵ Наставл. для обученія и занятія саперн. бат., часть I, гл. II. § 147 (1818 года).

приговоръ, а люди выстраивали «шереножную улицу»; затѣмъ виновный отводился на правый флангъ, фурлейты или профосы раздавали людямъ прутья, по одному на каждого человѣка, барабанщикъ билъ дробъ и бой къ экзекуціи, при этомъ виновный шелъ въ строй за конвойнымъ унтеръ-офицеромъ, который держалъ передъ нимъ обращенное къ нему штыкомъ ружье; офицеры и унтеръ-офицеры наблюдали, «чтобы арестанту было учинено неослабно заслуженное имъ по суду наказаніе». По окончаніи экзекуціи раздавался отбой, а виновный отправлялся «буде нужно» въ госпиталь для пользованія ¹.

7. *Кнутъ и плети* примѣнялись исключительно къ казакамъ вмѣсто шпицрутеневъ. Первоначально, въ отношеніи Донскихъ казаковъ, существовало изъятіе, и они, въ силу Высочайшаго повелѣнія 20 апрѣля 1825 г., подлежали шпицрутенамъ, но впослѣдствіи, по представленію войскового атамана, 2 января 1826 шпицрутены были замѣнены плетьюми. Число ударовъ опредѣлялось въ зависимости отъ тяжести преступленія, но безъ употребленія словъ «нещадно и жестоко» и во всякомъ случаѣ, не могло превышать пятидесяти ударовъ; къ наказанію кнутомъ присоединялось: а) клейменіе—поставленіе на лбу и на щекахъ указныхъ знаковъ и б) ссылка въ каторжную работу; при наказаніи плетьюми публично черезъ палача—ссылка въ Сибирь на поселеніе или въ арестантскія роты.

Всѣ перечисленныя мѣры имѣли въ виду достиженіе цѣлей устрашенія. Въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ смертной казни и кончая тѣлеснымъ наказаніемъ, законодатель стремился къ одной цѣли: осуществляя уголовную угрозу надъ преступникомъ, преимущественно въ присутствіи сослуживцевъ осужденнаго, изобрѣтая для этого особые ритуалы, торжественные и оставляющіе впечатлѣніе, призывая, наконецъ, къ экзекуціи товарищей осужденнаго, онъ хотѣлъ тѣмъ самымъ показать публично, что угроза уголовного закона—не платоническое воздѣйствіе, а угроза реального значенія, осуществляемая и на словахъ, и на дѣлѣ: военнотружашаго лишали жизни, заточали въ рудники, ссылали на поселеніе, избивали шпицрутенами и только для того, чтобы *свидѣтели* этого дѣйствія восчувствовали весь грозный смыслъ за-

¹ Ст. 506. См. объяснительныя записки къ проекту новаго воинскаго устава о наказаніяхъ, СПб. 1867.

кона, прониклись сознаниемъ необходимости подчиненія ему и умертвили въ себѣ всѣ противоправныя побужденія. Во всѣхъ этихъ наказаніяхъ *личность виновнаго оставалась въ тѣни*: онъ или оставлялъ свою жизнь, принесенный въ жертву цѣли общаго предупрежденія, или удалялся на такое далекое разстояніе отъ своихъ сотоварищей по оружію, что никакое съ его стороны дѣйствіе не могло дойти до нихъ и сыграть роль порочнаго примѣра.

Одною изъ колоритныхъ особенностей устава 1839 г. являлось непримѣненіе (юридически) угрозы смертною казнью въ мирное время, кромѣ лишь случаевъ побѣга къ горцамъ или въ Турецкую Имперію; иностранцы совершенно справедливо указывали, что русское военно-уголовное законодательство, отказавшись отъ примѣненія смертной казни въ мирное время, въ то же время установило прогнаніе сквозь строй—ту же смертную казнь, но квалифицированнаго значенія и замаскированную наименованіемъ тѣлеснаго наказанія. Понятно, что при такихъ условіяхъ давать этому наказанію какое-либо другое значеніе не представляется возможнымъ, такъ какъ оно слишкомъ реально служило идеѣ устрашенія, гораздо реальнѣе, нежели пустая угроза смертною казнью за исключительное преступленіе. Недаромъ же военно-уголовный уставъ требовалъ при экзекуціяхъ присутствія лѣкаря. И несмотря на то, что наказаніе шпицрутенами еще въ началѣ 30-хъ годовъ было официально признано соответствующимъ мучительной смертной казни, тѣмъ не менѣе военно-уголовный уставъ не отказался отъ шести тысячъ ударовъ, разрѣшая даже повышать это число для выдающихся преступленій противъ дисциплины и предписывая въ остальныхъ случаяхъ ограничивать это число тремя тысячами. Но дабы устрашительное воздѣйствіе уголовного закона не потеряло своего значенія, Высочайшее повелѣніе 1834 г. объ ограниченіи тѣлеснаго наказанія не было предано гласности, составивъ такимъ образомъ секретъ подтверждающей власти ¹.

Для наилучшаго достиженія цѣлей устрашенія, военно-уголовный уставъ не ограничивался только фактическимъ лишеніемъ жизни, ссылкой на каторгу и т. п.; ко всему этому онъ присое-

¹ См. Отчетъ по Аудиторіатскому Департаменту Воен. Министерства за 1834 г. (Часть Журнальная Гл. В.-Судн. Управленія). стр. 55.—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.—Военно-уголовное право, стр. 51, прим. 2.

динялъ еще позорящія наказанія, которыя, взятыя въ отдѣльности, являлись бы не менѣе страшными карами: клейменіе, шельмованіе, лишеніе чести, чиновъ и т. п. Они, усиливая угрозу, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляли окружающихъ подумать не только о себѣ, но и о другихъ, заинтересованныхъ въ ихъ судьбѣ лицахъ. Впрочемъ, можетъ быть, законодатель и разсчитывалъ, что каторжныя работы, ссылка на поселеніе и прогнаніе сквозь строй могли имѣть значеніе исправительныхъ мѣръ, но эти средства были настолько бѣдны и такъ мало отвѣчали своей задачѣ, что говорить о нихъ въ этомъ смыслѣ не приходится ¹.

Наоборотъ, военно-уголовный уставъ для достиженія задачъ исправленія стремился дать и другія средства. Къ нимъ принадлежали: ссылка въ арестантскія роты, разжалованіе, заточеніе въ крѣпости, содержаніе подъ арестомъ, лишеніе чиновъ, испрошеніе прощенія и отчасти денежныя взысканія. Въ сущности, воздѣйствіе посредствомъ указанныхъ мѣръ было далеко отъ исправленія, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова; вѣрнѣе сказать, эти мѣры имѣли въ виду цѣль частнаго предупрежденія, стремленіе сдѣлать преступника безвреднымъ и, путемъ примѣненія къ нему наказанія, заглушить въ немъ противоправныя побужденія.

Насколько самому законодателю представлялась неясною задача исправительныхъ наказаній, достаточно указать, что *арестантскія роты* открывали свои двери и военнотружущимъ и гражданскимъ лицамъ, осужденнымъ на срокъ и безсрочно, для принудительнаго лишенія свободы и «для исправленія поведенія». Разумѣется, подобное смѣшеніе различныхъ началъ не могло отзываться благопріятно на цѣлесообразности самой карательной мѣры, и стремленіе лишить виновнаго физической возможности совершать зло (безсрочное заключеніе) и исправить его поведеніе (срочное заключеніе) парализовались другими.

Такое же значеніе имѣло и *разжалованіе въ солдаты*. Когда таковое назначалось безъ выслуги, то виновнику тѣмъ самымъ создавалось препятствіе «исправить свое поведеніе» настолько, чтобы быть впослѣдствіи реабилитированнымъ; разжалованіе же на срокъ имѣло цѣлью заставить виновника новою отличною

¹ Объ исправительномъ воздѣйствіи наказаній лишеніемъ свободы въ эту эпоху см. ниже въ III-ей части настоящаго изслѣдованія.

службою заслужить прощеніе; въ виду этого уставъ запрещалъ опредѣлять въ точности срокъ выслуги, «какъ обстоятельство, которое, завися отъ отличной службы, не можетъ быть предусмотрѣно»¹. Чтобы придать этой угрозѣ реальное значеніе, законъ предписывалъ, чтобы разжалованные несли только строевую службу, имъ воспрещалось дѣлать «понаровку», они не могли посѣщать общества и «имѣть связи съ офицерами»². Разжалованные безъ выслуги отсылались въ дальніе гарнизоны, причемъ, какъ и срочные, лишались патентовъ, орденовъ и знаковъ отличія.

Заточеніе, по уставу, подраздѣлялось на заточеніе въ казематахъ и на гауптвахтѣ; наказаніе было срочнымъ, причемъ срокъ стоялъ въ зависимости отъ тяжести нарушенія.

Мы не останавливаемся на другихъ карательныхъ средствахъ, имѣвшихъ тѣ же цѣли; замѣтимъ лишь, что всѣ они являлись мало удовлетворяющими задачамъ законодателя.

Что касается *удаленія порочныхъ членовъ*, то эта цѣль такъ глубоко проникла всю военно-карательную систему, что почти въ каждомъ наказаніи можно было видѣть ея слѣды. Такому значенію ея содѣйствовала дешевизна, простота и удобство карательныхъ мѣръ, къ которымъ принадлежали: исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности, исключеніе изъ военного званія, ссылка въ отдаленныя губерніи, за границу, отставленіе отъ службы, изгнаніе изъ арміи. Однѣ изъ этихъ мѣръ въ результатѣ достигали удаленія виновнаго вовсе изъ арміи, другія—устраненія отъ занимаемой имъ должности.

Исключеніе изъ службы было самою сильною мѣрою; оно всегда почти сопровождалось воспрещеніемъ состоять на государственной службѣ или занимать какія бы то ни было должности, связанныя съ властью, довѣріемъ или чинопочитаніемъ³; къ нему присоединялось иногда и воспрещеніе пребыванія въ столицахъ⁴.

Изгнаніе изъ арміи съ лишеніемъ чиновъ и исключеніе изъ службы съ изгнаніемъ изъ арміи,—наказанія, примѣнявшіяся во

¹ Ст. 41.

² Ст. 44—45.

³ Ст. 55, примѣч.

⁴ Ст. 464.

время войны, представляли собою тѣ же карательныя мѣры, о которыхъ говорило уже полевое уложеніе.

Исключеніе изъ воинскаго званія было естественнымъ придаткомъ къ осужденію виновнаго къ наказанію, отбытіе котораго сопровождалось прекращеніемъ служебныхъ функцій, какъ напримѣръ при осужденіи къ каторгѣ, арестантскимъ ротамъ и т. п.

Отставленіе отъ службы влекло за собою одинъ правоограничительный придатокъ: «чтобы впредь никуда не опредѣлять», хотя могло примѣняться и безъ этого добавка. Оно назначалось въ случаѣ подачи просьбы объ увольненіи военнотружашаго при объявленіи похода, злобоупотребленія со стороны караульныхъ чиновъ, неисполненія указовъ и т. п.—словомъ, когда дѣяніе виновнаго обнаруживало недостаточность воспитанія въ немъ сознанія своего служебнаго долга ¹.

Въ видѣ временной мѣры, удалявшей нарушителя отъ несенія его обязанностей, уставъ 1839 г. зналъ *отрѣшеніе отъ должности*, какъ низшій видъ наказаній этого рода. Отрѣшеніе состояло въ томъ, что виновный на извѣстный срокъ лишался занимаемаго имъ служебнаго положенія, что влекло для него извѣстныя невыгодныя матеріальныя послѣдствія. Эта мѣра имѣла цѣлью, съ одной стороны, возбудить въ наказанномъ желаніе исправить свое поведеніе, съ другой — въ виду засвидѣтельствованной виновникомъ «лѣности, медленности» и т. д. въ исполненіи распоряженій начальства, удалить его отъ должности, какъ лицо, неспособное къ ея выполнению. Ссылка на житіе въ отдаленныя губерніи и высылка за границу имѣли небольшое

¹ До изданія устава 1839 г. въ русской арміи практиковалось отставленіе отъ службы офицеровъ *за дурное поведеніе*. Оригинально, что вмѣстѣ съ отставленіемъ имъ разрѣшалось поступать вновь на службу первыми офицерскими чинами. Это наказаніе назначалось въ дисциплинарномъ порядкѣ и не влекло какихъ-либо другихъ послѣдствій, но въ случаѣ «впаденія виновнаго въ прежніе пороки» онъ отдавался подъ судъ «для поступленія по законамъ». Судьи обыкновенно назначали въ этихъ случаяхъ вновь отставленіе отъ службы, но съ воспрещеніемъ «поступать впредь въ оную». Въ виду этого въ 1830 году было Высочайше повелѣно присуждать ихъ къ разжалованію въ рядовые до выслуги, чтобы «по законѣнной безнравственности своей они не сдѣлались въ тягость обществу и не обременяли бы мѣстное начальство бесполезнымъ надзоромъ за ихъ поведеніемъ». См. Часть журнальная Гл. В.-Судн. Управленія, Отчетъ 1830 г.

примѣненіе. Послѣдняя примѣнялась только въ отношеніи иностранцевъ, находившихся на военной службѣ, при чемъ у виновныхъ отбирались патенты и грамоты на чины и ордена.

Такимъ образомъ, военно-уголовный уставъ 1839 г. преслѣдовалъ воинскими наказаніями цѣли устрашенія, частнаго предупрежденія и удаленія.

Будучи «сводомъ предшествовавшихъ законовъ», уставъ не былъ самостоятельнымъ кодексомъ ¹; недостатки его явились результатомъ кодификаціонной работы; все, что было нецѣлесообразнымъ въ предшественникахъ устава, повторилось и въ немъ самомъ, и армія, хотя и имѣла уголовный кодексъ, тѣмъ не менѣе она по-прежнему нуждалась въ установленіи дѣйствительныхъ карательныхъ мѣръ, способныхъ уничтожить преступность.

Уставъ 1868 г. положилъ начало новому военно-уголовному законодательству, которое послужило основаніемъ для цѣлаго ряда реформъ, имѣвшихъ цѣлью возвести воинское наказаніе на степень цѣлесообразнаго акта, соотвѣтствующаго задачамъ существованія арміи.

Вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что идея о цѣлесообразности воинскаго наказанія шла у насъ медленными шагами, неохотно измѣняя свое содержаніе.

Достаточно сказать, что начала, выставленныя Петромъ В. въ его Воинскомъ Артикулѣ и имъ же самимъ признанныя мало дѣйствительными, дожили до самаго послѣдняго времени, до эпохи конца 60-хъ годовъ; это обстоятельство говоритъ лучше всего за то, что нашему военно-уголовному праву, въ теченіе его историческаго существованія, болѣе всего была свойственна неподвижность формъ наказанія.

¹ Уставъ 1839 г. заканчиваетъ исторію развитія идеи цѣлесообразности воинскаго наказанія; все дальнѣйшее, относящееся къ этому вопросу, какъ - то: предположенія, законодательныя работы, предшествовавшія изданію воинскаго устава о наказаніяхъ, и т. п. займетъ мѣсто при обзорѣ отдѣльныхъ карательныхъ средствъ. См. ниже часть III-ю.

II

Системы воинскихъ наказаній.

§ 32. Общія наказанія въ системѣ военно-карательныхъ мѣръ.

Современные военно-уголовные кодексы отказываются отъ разграниченія наказаній воинскихъ отъ общихъ: такъ *французскій* говоритъ вообще о наказаніяхъ, которыя могутъ быть примѣняемы военными судами¹, *нашъ* уставъ знаетъ наказанія за дѣянія, сопряженныя и не сопряженныя съ нарушеніемъ службы², *белыйскій* кодексъ устанавливаетъ только спеціальныя наказанія³.

Вопросъ, — допустимы ли въ системѣ воинскихъ наказаній общеуголовныя карательныя мѣры, можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, если эти мѣры отвѣчаютъ существу воинскихъ преступленій, интересамъ государства, арміи и положенію военно-служащаго. Однако, этимъ условіямъ не удовлетворяютъ многія изъ общеуголовныхъ наказаній.

Воинское преступное дѣяніе *in abstracto* есть дѣяніе *условно-преступное* для даннаго мѣста, времени, обстановки, эпохи, куль-

¹ Ст. § 185 и 186 code de justice militaire.

² Это относится исключительно къ наказаніямъ исправительнымъ, ст. 6.

³ По терминологіи кодекса, спеціальныя наказанія носятъ названіе «*peines militaires*» (см. art. 1), хотя въ особенной части его встрѣчаются также и общеуголовныя наказанія за воинскія дѣянія. См. ниже. § 249.

турнаго уровня и т. п. Отсюда видно, что масштабъ преступности дѣянія въ арміи долженъ быть иной, нежели въ обществѣ.

Но поставляя нарушителя воинскаго правопорядка въ равныя карательныя условія съ преступникомъ изъ общества, государство нивелируетъ ихъ самихъ и существо совершенныхъ ими нарушеній: примѣненіе каторги къ убійцѣ и къ солдату, оскорбившему начальника въ строю, явленіе возможное, но мало содѣйствующее задачѣ правоохраны, такъ какъ при такихъ условіяхъ вліяніе одного преступника на другого можетъ совершаться легко. Если же государство пойдетъ на компромиссъ и организуетъ ту же каторгу для военнослужащихъ на иныхъ началахъ, то уже въ самомъ фактѣ допущенія этого компромисса можно усмотрѣть нѣчто отличное отъ того же наказанія, какъ мѣры общеуголовной, т. е. говорить о каторгѣ, какъ о наказаніи воинскомъ въ узкомъ значеніи этого слова. Наконецъ, служебное положеніе военнослужащаго даетъ возможность широкаго выбора такихъ благъ, которыхъ нѣтъ у гражданина — благъ служебнаго характера, и пораженіе этихъ благъ можетъ создать длинный рядъ воинскихъ наказаній, болѣе цѣлесообразныхъ въ интересахъ арміи, нежели мѣры общеуголовныя.

Однако, такъ какъ, во 1-хъ, среди служебныхъ благъ трудно найти такое, пораженіе котораго было бы достаточно серьезнымъ для виновнаго во всякомъ нарушеніи, а во 2-хъ, такъ какъ нѣкоторые изъ воинскихъ нарушеній носятъ тотъ же позорящій характеръ, какъ и большинство общихъ преступленій, то государство естественно не можетъ совершенно отказываться отъ общекарательныхъ мѣръ. По общему правилу, оно примѣняетъ ихъ или къ наиболѣе тяжкимъ нарушителямъ воинскаго правопорядка, или за общія преступленія военнослужащаго, или за дѣянія воинскія, имѣющія позорящій характеръ.

Итакъ, существованіе въ системѣ воинскихъ наказаній общихъ и специальныхъ мѣръ находитъ себѣ оправданіе.

Но отъ этого положенія далеко еще до мысли о полномъ объединеніи карательныхъ средствъ въ отношеніи гражданъ и военнослужащихъ, и есть серьезныя основанія надѣяться, что они никогда не сольются ¹.

¹ Проф. Мушниковъ (Конспектъ, стр. 61) полагаетъ, что «доводы за единство системы общихъ и воинскихъ наказаній -- очень вѣски, т. к. единство это воплощаетъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ.» Съ такимъ толкованіемъ согласиться нельзя, т. к. говорить о равенствѣ

§ 33. Системы наказаній дѣйствующихъ кодексовъ.

Воинское наказаніе, какъ и наказаніе общее, является зломъ, страданіемъ, лишеніемъ какого-либо блага, осуществляемымъ въ отношеніи виновника преступленія. Блага эти таковы: жизнь, тѣлесная неприкосновенность, свобода, честь, права и имущество.

Совокупность наказаній, прилѣняемыхъ къ виновнымъ за нарушенія воинскаго правопорядка, въ связи съ раздѣленіемъ ихъ на виды, формы осуществленія и относительную тяжесть составляетъ систему воинскихъ наказаній. Видъ наказанія опредѣляется поражаемымъ благомъ; онъ можетъ, въ свою очередь, раздѣляться на подвиды. По формамъ осуществленія наказанія могутъ быть главными или дополнительными. Относительная тяжесть ихъ опредѣляется или лѣстничною системою, при которой наказанія слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной постепенности, въ видѣ ступеней одной общей лѣстницы, или системою максимума и минимума, когда отдѣльному виду наказанія придаютъ форму только одной степени; первая система—сложна, искусственна и стѣсняетъ судью, вторая—имѣетъ значительныя преимущества.

Воинскія наказанія могутъ быть индивидуальными или коллективными. Послѣднія назначаются въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіе свойства виновности каждаго отдѣльнаго лица, входящаго въ составъ части, совершившей нарушеніе, представляется затруднительнымъ. Эти наказанія—исключительное достояніе военного права для участниковъ массовыхъ нарушеній.

Чтобы установить системы воинскихъ наказаній, необходимо обратиться къ военно-уголовнымъ и дисциплинарнымъ кодексамъ. Военно-уголовные кодексы содержатъ въ себѣ или только матеріальное право, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и право военно-судебное¹. Дисциплинарныя опредѣленія помѣщаются: 1) или въ тѣхъ

передъ закономъ гражданъ и военнослужащихъ можно только въ смыслѣ равенства ихъ правъ предъ судомъ и наказаніемъ; «стройность же уголовного законодательства», какъ другой доводъ за единство, также мало имѣетъ значенія, ибо ради отвлеченнаго представленія о стройности пришлось бы жертвовать интересами справедливости.

¹ Таковы кодексы французскій и итальянскій.

же военно-уголовныхъ кодексахъ, 2) или въ самостоятельныхъ дисциплинарныхъ уставахъ, или 3) въ другихъ военныхъ законоположеніяхъ. Къ первому типу принадлежатъ кодексы: швейцарскій, датскій, англійскій и турецкій. Дисциплинарные уставы существуютъ: въ Россіи, Германіи, Бельгіи, Болгаріи и Швеціи. Во Франціи и Италіи дисциплинарныя опредѣленія заключаются въ уставахъ о внутренней службѣ войскъ, въ Австріи—въ уставѣ о службѣ (Dienstreglement) и другихъ законахъ.

Въ Германіи наказанія по воинскому уставу могутъ быть раздѣлены на: I) наказанія общія и II) наказанія особенныя.

I. Общія наказанія: 1) смертная казнь и 2) лишеніе свободы. Лишеніе свободы имѣетъ три вида: тюрьма, крѣпость и арестъ, сюда же слѣдуетъ присоединить и цухтгаузъ по уложенію ¹.

II. Среди особыхъ воинскихъ наказаній надо различать наказанія: 1) для воинскихъ чиновъ и 2) для военныхъ чиновниковъ. Въ свою очередь, наказанія для воинскихъ чиновъ подраздѣляются на четыре группы: а) для всѣхъ военнослужащихъ, б) для офицеровъ, в) для унтеръ-офицеровъ и г) для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; соотвѣтственно этому раздѣленію уставъ знаетъ: а) удаленіе или арміи или флота (Entfernung), б) исключеніе изъ службы (Dienstentlassung), в) разжалованіе (Degradation) и г) переводъ во второй классъ ². Всѣ эти правопоражающія наказанія назначаются или обязательно, или факультативно. Особымъ наказаніемъ для военныхъ чиновниковъ является лишеніе должности (Amtsverlust).

Наказанія для воинскихъ чиновъ по дисциплинарному уставу различаются въ зависимости отъ служебнаго положенія лицъ на три категоріи: 1) для офицеровъ, 2) унтеръ-офицеровъ и 3) рядовыхъ. Къ офицерамъ примѣняются: а) выговоръ — простой, формальный и строгій и б) домашній арестъ. Къ унтеръ-офицерамъ: а) выговоръ — простой, формальный и строгій, б) исполненіе внѣ очереди нѣкоторыхъ служебныхъ нарядовъ и в) арестъ: въ казармѣ, квартирѣ, простой и средній. Наказанія третьей категоріи раздѣляются на а) низшія дисципли-

¹ § 16 и § 1.

² § 30, пп. 1, 2. 4 и 3.

плинарныя мѣры и б) высшія; первыя изъ нихъ включаютъ въ себѣ: 1) назначеніе на внѣочередныя наряды, 2) лишеніе права свободнаго распоряженія жалованьемъ и 3) обязательство возвращаться къ опредѣленному времени передъ вечерней зарей въ свое помѣщеніе; высшія дисциплинарныя взысканія раздѣляются на: 1) общія для рядовыхъ, ефрейторовъ и старшихъ ефрейторовъ, 2) для ефрейторовъ — старшихъ и младшихъ и 3) для рядовыхъ второго класса. Въ первую группу входитъ арестъ всѣхъ видовъ: казарменный, домашній, простой, средній и строгій; во вторую—лишеніе званія; въ третью—отдача въ рабочее отдѣленіе ¹.

Дисциплинарныя наказанія для низшихъ военныхъ чиновниковъ тѣ же, какъ и для унтеръ-офицеровъ; для высшихъ чиновниковъ: а) денежный штрафъ и б) домашній арестъ ².

Наконецъ, особое положеніе занимаютъ: наставленія (Zurechtweisungen) и замѣчанія (Rügen), которыя не считаются дисциплинарными взысканіями ³.

Воинскія наказанія въ **Швеціи** могутъ быть раздѣлены на: А) наказанія за преступныя дѣянія, указанныя въ уставѣ, и В) наказанія за нарушенія и упущенія, въ уставѣ не предусмотрѣнныя.

Первыя заключаютъ наказанія: I, общія и II, особенныя; общія примѣняются ко всѣмъ военнослужащимъ, вторыя—къ лицамъ, занимающимъ въ арміи какія-либо должности по службѣ ⁴.

I. Къ числу общихъ наказаній принадлежатъ: 1) смертная казнь, 2) каторга, 3) тюрьма, 4) денежное взысканіе и 5) дисциплинарныя наказанія ⁵. Въ свою очередь послѣднія раздѣляются на три категоріи ареста: 1) арестъ безъ караула, 2) подъ карауломъ и 3) строгій арестъ ⁶.

¹ § 3, п. А, В. С и D. Disz.-Straf.

² См. § 32.

³ См. § 4.

⁴ Сюда относятся: офицеры, унтеръ-офицеры и военные чиновники, см. Militär-Strafgesetzbuch für das K. Schweden, стр. 6. прим. 1. Впрочемъ, исключеніе изъ службы можетъ быть примѣнено и къ рядовымъ, не занимающимъ должности.

⁵ § 9.—Подъ выраженіемъ „дисциплинарныя наказанія» шведскій кодексъ понимаетъ спеціальныя формы лишенія свободы военнослужащихъ за маловажныя дѣянія, указанныя въ кодексѣ, при чемъ эти наказанія могутъ примѣняться и по суду, и по усмотрѣнію начальства, но въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ (см. § 147—155).

⁶ См. §§ 16—24.

II. Особенными наказаніями являются: 1) исключеніе изъ службы, съ которымъ можетъ быть соединяемо въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ (какъ дальнѣйшее послѣдствіе) объявленіе въ приговорѣ недостойнымъ находиться впредь на государственной службѣ, 2) лишеніе должности на опредѣленное время и 3) лишеніе гражданскихъ почетныхъ правъ, назначаемое по уложенію ¹.

Особенностью, присущею шведскому военно-уголовному кодексу, слѣдуетъ считать его упоминаніе о существѣ взысканій, примѣняемыхъ къ военнослужащимъ за маловажныя, не упомянутыя въ уставѣ нарушенія. Эти взысканія раздѣляются на двѣ категоріи: I, общія для всѣхъ военнослужащихъ и II, исключительныя для рядовыхъ ².

I. Къ первымъ принадлежатъ: 1) замѣчанія — безъ свидѣтелей, въ присутствіи начальника, въ присутствіи товарищей виновнаго и 2) воспрещеніе отлучки.

II. Ко вторымъ относятся: 1) усиленіе службы: внѣочередныя упражненія, наряды или службы, 2) исполненіе тяжелыхъ работъ, 3) ограниченіе свободы нахожденія внѣ казармъ, казарменнаго расположенія, квартиры или лагеря и 4) удержаніе жалованья или прибавокъ къ таковому.

Сходная система установлена въ **Даніи**, гдѣ въ группу общихъ наказаній входятъ: 1) смертная казнь, 2) каторга, 3) лишеніе свободы и 4) выговоръ ³; къ наказаніямъ особеннымъ относятся: 1) лишеніе должности и отставленіе отъ службы; это наказаніе примѣняется къ лицамъ «начальствующимъ», т. е. завѣдующимъ какою-либо частью или должностью ⁴, и къ не военнослужащимъ, состоящимъ при арміи на должностяхъ, 2) удаленіе изъ части примѣняется только къ рядовымъ въ качествѣ дополнительнаго наказанія ⁵.

Изъ общихъ наказаній лишеніе свободы имѣетъ восемь видовъ: 1) арестъ простой (домашній или на гауптвахтѣ), 2) арестъ одиночный, 3) простой или строгій арестъ въ цѣпяхъ, 4) арестъ

¹ § 27.

² См. дисциплинарный уставъ 7 октября 1881 г. §§ 24 – 26 и § 9 военно-угол. кодекса.

³ См. § 8 в.-уг. код.

⁴ См. § 34 и 41.

⁵ См. § 32.

въ темномъ помѣщеніи, 5) арестъ съ уменьшеніемъ пищи, 6) простое или строгое заключеніе на хлѣбъ и на воду, 7) простой или строгій арестъ въ крѣпости и 8) государственная тюрьма ¹.

Датское военно-уголовное право не знаетъ самостоятельныхъ дисциплинарныхъ взысканій и признаетъ таковыми: 1) выговоръ, 2) лишеніе свободы—первыя шесть формъ на строго опредѣленные сроки—и 3) денежный штрафъ до 40 кроннъ ².

Однако, уставъ отдѣляетъ отъ воинскихъ наказаній такъ называемыя «дисциплинарныя мѣры», имѣющія въ виду цѣли исправительнаго воздѣйствія. Поэтому, не давая ограничительнаго перечня, уставъ только примѣрно устанавливаетъ ихъ. Къ этимъ мѣрамъ относятся: 1) назначеніе на уборку тѣхъ, кто дурно убралъ что-либо, 2) назначеніе внѣ очереди на упражненія, работы или другую службу по отношенію къ лицамъ, обнаружившимъ недостаточность прилежанія, 3) лишеніе вина или спиртныхъ напитковъ ³ или запрещеніе употреблять таковые для лицъ, злоупотребляющихъ ими ⁴.

Во **Франціи** *code de justice militaire*, въ связи съ *règlement sur le service intérieur* даетъ довольно сложную систему воинскихъ наказаній, которой суждено повториться въ общихъ чертахъ и въ будущемъ военно-уголовномъ кодексѣ ⁵.

Всѣ воинскія наказанія, въ зависимости отъ ихъ тяжести, раздѣляются на три группы: наказанія за I, преступленія, II, проступки и III, нарушенія.

I. Въ первую группу входятъ: 1) смертная казнь, 2) безсрочная каторга, 3) ссылка, 4) срочная каторга, 5) заточеніе (*détention*), 6) заключеніе (*réclusion*), 7) изгнаніе (*bannissement*) и 8) лишеніе воинской чести (*dégradation militaire*).

II. Наказаніями за проступки являются: 1) исключеніе изъ службы (*destitution*), 2) общественныя работы (*travaux publics*), 3) тюрьма (*emprisonnement*) и 4) денежная пеня ⁶.

¹ § 11, а также §§ 12—34.

² Послѣднее только за нарушенія общаго характера (по уложенію). См. § 119 в-у. кодекса.

³ Не выдавая также за это и вознагражденія.

⁴ См. § 129.

⁵ См. *Projet de loi portant réforme du Code de justice militaire pour l'armée de terre*. 1901 года, art. 251—252.

⁶ Art. 185—186.

Въ качествѣ дополнительныхъ наказаній являются: 1) лишеніе воинской чести и 2) тюрьма. Первое сопровождается: смертную казнь по общеуголовнымъ законамъ ¹, каторгу, ссылку, заточеніе, заключеніе и изгнаніе ². Тюрьма сопровождаетъ всегда лишеніе воинской чести, если послѣднее назначается въ качествѣ самостоятельнаго наказанія ³.

III. Дисциплинарныя взысканія за нарушенія раздѣляются на три группы: 1) для офицеровъ, 2) для унтеръ-офицеровъ 3) для капраловъ и 4) для рядовыхъ.

1. Офицеры подлежатъ: 1) аресту простому, 2) выговору отъ полковника, 3) аресту строгому (*de rigueur*), 4) аресту въ крѣпости, 5) выговору отъ генерала ⁴.

2. Къ унтеръ-офицерамъ примѣняются: 1) воспрещеніе отлучки послѣ вечерней зари, 2) воспрещеніе отлучаться изъ помѣщенія или 3) изъ комнаты, 4) выговоръ отъ капитана, 5) лишеніе свободы (*la prison*), 6) выговоръ отъ полковника, 7) смѣщеніе на низшія должности (*rétrogradation*) 8) разжалованіе (*cassation*) и 9) отрѣшеніе отъ должности (для занимающихъ таковую) ⁵.

3. Капралы подвергаются: 1) воспрещенію отлучаться изъ помѣщенія, 2) аресту въ *salle de police*, 3) лишенію свободы (*prison*), 4) разжалованію и 5) отрѣшенію ⁶.

4. На рядовыхъ налагаются: 1) дополнительныя работы, 2) отдача подъ надзоръ (*inspection avec la garde*), 3) воспрещеніе отлучки изъ помѣщенія, 4) арестъ въ *salle de police*, 5) лишеніе свободы, 6) одиночная камера, 7) одиночная исправительная камера, 8) переводъ во второй классъ, 9) отрѣшеніе отъ должности, 10) отдача въ дисциплинарную роту ⁷.

Въ Бельгіи военно-уголовный кодексъ, по примѣру уложенія, дѣлитъ наказанія на три группы: I. За преступленія (*en matière criminelle*); II. за проступки (*en matière correctionnelle*) и

¹ См. art. 188.

² Art. 189.

³ Art. 191.

⁴ Art. 305—311, règlement snr le service.

⁵ Art. 312—313, а также décret du 30 janvier 1897.

⁶ Art. 314, часть 1-я; décret du 24 février 1895. Bull. offic., стр. 121.

⁷ Art. 314—316.

III. за преступленія и проступки. Къ первымъ принадлежить: смертная казнь разстрѣляніемъ, ко вторымъ — заключеніе въ исправительную роту, къ третьимъ—лишеніе воинской чести и исключеніе изъ службы ¹. Изъ общихъ наказаній воинскій уставъ упоминаетъ: каторгу, заточеніе, заключеніе, тюрьму ², лишеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ и политическихъ правъ ³, права носить оружіе и служить въ арміи ⁴, отдачу подъ особый надзоръ полиціи ⁵, денежный штрафъ ⁶ и специальную конфискацію ⁷. Изъ числа самостоятельныхъ воинскихъ наказаній систему необходимо пополнить слѣдующими мѣрами: лишеніемъ званія ⁸ и военною тюрьмою ⁹.

Дисциплинарныя взысканія дѣлятся на двѣ группы: 1) для офицеровъ и 2) для нижнихъ чиновъ.

Офицеры подлежатъ: 1) аресту въ военной тюрьмѣ и 2) домашнему аресту ¹⁰.

Система дисциплинарныхъ взысканій для нижнихъ чиновъ подвергалась многочисленнымъ измѣненіямъ и въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ взысканія раздѣляются на *punitions* и *mesures disciplinaires*, при чемъ послѣднія представляются такими мѣрами, которыя или предшествуютъ, или сопровождаютъ, или являются слѣдствіемъ *punitions* ¹¹.

Эти взысканія различны для: 1) унтеръ-офицеровъ, 2) капраловъ и бригадировъ и 3) рядовыхъ, трубачей и барабанщиковъ ¹².

Первые подлежатъ, какъ *punitions*: а) военной тюрьмѣ, б) аресту въ комнатѣ и в) аресту въ помѣщеніи; какъ *mesures disci-*

¹ Art. 1.

² См. art. 58, дѣлающій ссылку на первую книгу уложенія.

³ Art. 7 общеуголовнаго уложенія.

⁴ Art. 31, § 6 уложенія.

⁵ Art. 35 уложенія.

⁶ Ibid., art. 38.

⁷ См. Legavre, —Commentaire du code pénal militaire, стр. 2.

⁸ См. Art. 54 воинскаго устава.

⁹ Circul. 22 mars 1884; Legavre, ibid.

¹⁰ См. art. 28 loi du 15 mars 1815.

¹¹ См. art. 13 instruction générale du 30 novembre 1887 relative à l'application du régime disciplinaire.

¹² Arrêté royal du 19 juin 1885, déterminant le régime disciplinaire des sous-officiers, caporaux, brigadiers et soldats, art. 1, n. A, B и C.

plinires: а) разжалованію, б) смѣщенію, в) удержанію жалованья и г) лишенію высшихъ окладовъ.

Къ капраламъ примѣняются тѣ же punitions и mesures, исключая смѣщенія.

Къ рядовымъ—punitions: а) одиночная камера (cachot), б) арестъ въ salle de police и в) арестъ въ помѣщеніи;—mesures: а) удаленіе изъ арміи, б) отдача въ дисциплинарную роту, в) переводъ во второй классъ, г) воспрещеніе носить оружіе, д) удержаніе жалованья, е) лишеніе высшихъ окладовъ и ж) содержаніе подъ оружіемъ ¹.

Въ **Австріи** по воинскому уставу главными видами наказаній за преступленія являются ²: 1) смертная казнь, 2) керкеръ ³, 3) исключеніе изъ службы (Cassation), 4) отставленіе отъ службы (Entlassung) и 5) разжалованіе и переводъ въ низшій окладной классъ (mindere Soldklasse)

За проступки кодексъ устанавливаетъ самостоятельную систему ⁴, въ которую входятъ: 1) арестъ, 2) отставленіе отъ службы, 3) разжалованіе и переводъ въ низшій окладной классъ, 4) денежное взысканіе, 5) отобраніе товаровъ, припасовъ и т. п., 6) лишеніе правъ и привилегій, 7) удаленіе изъ опредѣленнаго мѣста, 8) изъ области и 9) изъ областей государства.

Заключеніе въ керкеръ раздѣляется на: 1) простое — въ военной тюрьмѣ и 2) тяжкое—въ крѣпости. Кромѣ того, уставъ знаетъ особую систему придатковъ къ заключенію этого рода: а) уменьшеніе пищи, б) твердое ложе, в) одиночная камера, г) темная одиночная камера, д) удаленіе изъ опредѣленнаго мѣста, округа или области и е) изгнаніе ⁵.

Исключеніе изъ службы и отставленіе примѣняются только къ офицерамъ, чиновникамъ и вообще лицамъ, занимающимъ въ

¹ См. chapitre IX, art. 86—88 instruction général du 30 novembre 1887, circulaire du 16 juillet 1872, circulaire du 28 août 1876, circulaire du 23 janvier 1879.

² § 20 в. у.

³ Между керкеромъ и исключеніемъ уставъ содержитъ тѣлесное наказаніе (körperliche Züchtigung), въ настоящее время не примѣняемое.

⁴ См. § 21.

⁵ См. §§ 23—29, §§ 36—44. До 1868 года существовали: оковы и тѣлесное наказаніе.

арміи какую-либо должность, равно какъ разжалованіе опредѣляется исключительно унтеръ-офицерамъ ¹.

Наконецъ, совершенно самостоятельное положеніе занимаетъ изгнаніе изъ арміи—*Austossung aus der Armee*.

Преобладающимъ видомъ воинскихъ наказаній за проступки является арестъ, въ свою очередь подраздѣляющійся на подвиды: 1) домашній 2) арестъ у профоса и 3) т. н. *Stockhaus-Arrest* ².

Арестъ можетъ сопровождаться слѣдующими придатками: 1) уменьшеніемъ пищи, 2) твердымъ ложемъ, 3) одиночною камерою, 4) темною одиночною камерою, 5) работою въ казармѣ и лагерѣ, 6) разжалованіемъ и 7) отставленіемъ отъ службы ³.

Къ придаточнымъ карательнымъ мѣрамъ, упоминаемымъ въ особенной части кодекса, относятся: 1) вычетъ изъ времени службы при наказаніи за побѣгъ, 2) поставка замѣстителя въ случаяхъ членовредительства и др ⁴.

Система дисциплинарныхъ взысканій значительно стройнѣе предшествующей. Уставъ о службѣ различаетъ наказанія: 1) для воинскихъ чиновъ и 2) военныхъ чиновниковъ.

1. Среди первыхъ уставъ разграничиваетъ взысканія: для а) офицеровъ, б) кадетъ, фельдфебелей и *Offiziers-Stellvertreter* овъ и в) для остальныхъ военнослужащихъ; но кромѣ того, необходимо ввести сюда еще новыя разграниченія: г) для фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ ⁵.

а. Система наказаній для офицеровъ наиболѣе проста, сюда входятъ: 1) выговоры: простой и строгій, 2) *Stations-Arrest* и 3) *Zimmer-Arrest*.

б. Для второй группы законъ устанавливаетъ: 1) выговоры:

¹ § 32, §§ 33–34 и 35.

² Кодексъ знаетъ еще четвертую форму: *Gemeinde-Arrest in der Militär-Grenze*, которая въ настоящее время не примѣняется. Точно также и *Stockhaus-Arrest* замѣненъ такъ называем. *Garnisons-, Brigade-, Regiments-Arrest* омъ. См. §§ 55—65; также *Koller, — Militär-Strafgesetz*, примѣч. 97—102, стр. 53—57.

³ Кодексъ называетъ эти придатки „*Verschärfungen*“, среди которыхъ оковы и тѣлесное наказаніе не имѣютъ примѣненія, см. §§ 77—86.

⁴ Huebner, *Lehrbuch*, § 41.

⁵ См. *F. Löffelmann, — Disciplinar-Strafrecht*, стр. 50—59.

простой и строгій, 2) т. н. *Ordnungsstrafen*; воспрещеніе отлучаться послѣ вечерней зари и обязательство возвращаться въ казарму или жилище къ опредѣленному часу предъ вечернею зарею, и 3) аресты: домашній и простой.

в. Къ остальнымъ нижнимъ чинамъ примѣняются: 1) выговоры, 2) *Ordnungsstrafen*: кромѣ двухъ вышеуказанныхъ,— лишеніе права распоряжаться жалованьемъ и представленіе отчетовъ въ расходахъ своихъ денегъ, ежедневное представленіе съ рапортомъ въ извѣстной формѣ, назначеніе внѣ очереди для исполненія тяжелыхъ, непріятныхъ или низшихъ служебныхъ порученій, наложеніе *Spangen* или привязываніе въ назначенномъ для того мѣстѣ, и 3) аресты: казарменный или домашній арестъ, т. н. *verschärfter* арестъ, арестъ одиночный и строгій.

г. Къ фельдфебелямъ, унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ, кромѣ указанныхъ, примѣняется также разжалованіе ¹.

2. Дисциплинарныя взысканія для чиновниковъ составляютъ двѣ самостоятельныя системы: I) для т. н. *Militärbeamten* и II) для *Armeediener*.

Первая представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) выговоръ, безъ разграниченія формъ его; 2) выговоръ съ угрозою принятія болѣе строгихъ мѣръ; 3) *Stations-Arrest*; 4) домашній арестъ и 5) отставленіе отъ службы съ предостереженіемъ или безъ такового ².

Къ служащимъ при арміи примѣняются только: 1) выговоръ и 2) отставленіе ³.

Среди наказаній, установленныхъ въ **Швейцаріи**, надо различать: 1) наказанія за преступныя дѣянія и 2) наказанія дисциплинарныя.

А. Первыя раздѣляются на: I) главныя и II) дополнительныя.

I. Къ главнымъ принадлежатъ: 1) смертная казнь, 2) заключеніе (*réclusion*), 3) тюрьма (*emprisonnement*), 4) изгнаніе

¹ Пун. 657 *Dienst-Reglement'a* 1873 года.

См. *Disciplinar-Strafvorschrift für die Militär-Beamten des k. k. Heeres*, § 13.

² См. *Loeffelmann*, стр. 152—154; *Anhang, die Disciplinar-Behandlung der Armeediener betreffend*, § 1 (3 ноября 1873 года, см. *Circular-Verordnung*, Praes. № 4389).

(bannissement), 5) лишение чести (dégradation), 6) исключение изъ службы (destitution) и 7) лишение политическихъ правъ ¹.

II. Въ качествѣ дополнительныхъ наказаній являются: 1) лишение чести и политическихъ правъ, которая обязательно присоединяются къ заключенію ², 2) исключение изъ службы и лишение политическихъ правъ, которая могутъ соединяться съ тюрьмою ³; 3) лишение свободы или исключение изъ службы, которая всегда сопровождаютъ изгнаніе ⁴.

Такимъ образомъ, одни и тѣ же наказанія могутъ назначаться самостоятельно или въ соединеніи съ другими и, слѣдовательно, быть или главными, или дополнительными.

В. Дисциплинарныя наказанія раздѣляются на три группы: 1) для рядовыхъ, 2) для унтеръ-офицеровъ и капраловъ, 3) для нижнихъ чиновъ вообще и 4) для офицеровъ ⁵.

1. Военнослужащіе рядового званія могутъ быть подвергнуты: а) нарядамъ на работы ⁶ (corvées), и б) внѣочередному назначенію на упражненія и въ караулы.

2. Къ унтеръ-офицерамъ и капраламъ примѣняются: 1) отрѣшеніе отъ должности (suspension du grade) и 2) лишение званія ⁷.

3) Всѣ вообще нижніе чины могутъ подлежать: 1) т. н. consigne, или воспрещенію оставлять назначенное виновному мѣсто, квартиру или казарму, 2) аресту подъ карауломъ (à la salle de police) и 3) аресту въ тюрьмѣ (à la prison).

4) Дисциплинарныя взысканія для офицеровъ таковы: 1) домашній арестъ, который уставомъ называется простымъ (simple), 2) строгій домашній арестъ ⁸, 3) усиленный арестъ въ запертомъ помѣщеніи или квартирѣ ⁹.

¹ См. art. 4 loi fédérale 1851 г.

² См. art. 6.

³ См. art 7.

⁴ См. art. 8.

⁵ См. art. 167.

⁶ Эта работа или, какъ называетъ ее уставъ, «служба» не входитъ въ прямыя военныя обязанности наказаннаго (см. art. 168, п. а, 1).

⁷ См. art. 169.

⁸ Безъ несенія службы и съ отнятіемъ шпаги.

⁹ Съ приставленіемъ часового. См. art. 170.

Въ **Испаніи** Código de Justicia militar содержитъ въ себѣ двѣ самостоятельныя системы наказаній—penas militares и penas comunes,—которыя могутъ быть примѣняемы военными судами. Для насъ весь интересъ сосредоточивается на первой системѣ, почему мы и обойдемъ вторую молчаніемъ.

Всѣ воинскія наказанія раздѣляются: на I, главныя (principales) и II, дополнительныя (accessorias) ¹.

I. Первыя изъ нихъ, по своей тяжести, располагаются въ слѣдующей нисходящей постепенности: 1) смертная казнь (muerte), 2) военное заключеніе (reclusión militar), имѣющее двѣ формы: безсрочное (perpetua) и временное (temporal), 3) военная тюрьма (prisión militar mayor), 4) лишеніе должности (pérdida de empleo), 5) военно-исправительная тюрьма отъ 3 до 6 лѣтъ (prisión militar correccional), 6) увольненіе отъ службы (separación del servicio) и 7) военно-исправительная тюрьма до 3 лѣтъ ².

II. Въ качествѣ дополнительныхъ наказаній являются: 1) лишеніе воинской чести (degradación militar), 2) отрѣшеніе отъ должности (suspensión de empleo), 3) смѣщеніе съ должности (deposición de empleo), 4) отдача въ дисциплинарную роту (destino á un guerro de disciplina) 5) удаленіе изъ арміи съ лишеніемъ правъ по службѣ (expulsion del ejército), 6) отнятіе предметовъ, добытыхъ преступленіемъ ³.

Сходную съ этою системою даетъ въ **Италіи** codice penale, который раздѣляетъ наказанія на двѣ группы: I) одни не лишаютъ виновнаго чести служить въ арміи, II) другія влекутъ за собою признаніе его недостойнымъ нести службу ⁴.

I. Къ первымъ принадлежитъ: 1) смертная казнь разстрѣляніемъ въ грудь, 2) военное заключеніе, 3) военная тюрьма, 4) отставленіе отъ службы, 5) разжалованіе, 6) отрѣшеніе отъ должности.

¹ Art. 177, cap. I, tit. II; см. Gracia y Hernández, Justicia militar, т. II, стр. 20—29.

² См. вторую часть art. 177.

³ Art. 177, часть 3-я; art. 178—200.

⁴ См. art 4 и 5 codice penale.

II. Во вторую группу входят: 1) смертная казнь въ спину, 2) каторга—безсрочная и на срокъ, 3) общее заключеніе, 4) лишеніе воинской чести и 5) исключеніе изъ службы.

Что касается дисциплинарныхъ взысканій, въ обоихъ названныхъ государствахъ, то они различествуютъ въ зависимости отъ служебнаго положенія виновныхъ¹.

§ 34. Система наказаній нашего воинскаго устава.

По проекту военно-кодификаціонной комиссіи всѣ воинскія наказанія раздѣлялись на уголовныя и исправительныя². Къ первымъ принадлежали: смертная казнь, съ лишеніемъ или безъ лишенія правъ состоянія; ссылка въ каторжную работу; ссылка въ Сибирь на поселеніе и заточеніе въ крѣпости³. Исправительными наказаніями являлись: ссылка на житье, отдача въ военно-исправительныя роты, заключеніе въ крѣпости, разжалованіе въ рядовые, исключеніе изъ службы, отставленіе отъ службы, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, лишеніе нашивокъ и другихъ знаковъ отличія, содержаніе на гауптвахтѣ и денежныя взысканія⁴. Въ отношеніи примѣненія наказаній, проектъ подраздѣлялъ ихъ на наказанія: 1) для офицеровъ, чиновниковъ, юнкеровъ и пользующихся особенными правами состоянія вольноопредѣляющихся, 2) для нижнихъ чиновъ вообще, 3) для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ, 4) для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на вторичной службѣ, 5) для разжалованныхъ въ рядовые и 6) для привилегированныхъ нижнихъ чиновъ, пользующихся особенными правами и преимуществами и не состоящихъ на срочной службѣ⁵.

Высочайше учрежденное совѣщаніе для разсмотрѣнія проекта перваго раздѣла воинскаго устава о наказаніяхъ высказалось въ томъ смыслѣ, что «вышія уголовныя наказанія должны быть по возможности согласованы вполнѣ съ существующими постановленіями по общему уложенію⁶; по этимъ соображеніямъ совѣщаніе

¹ См. Regolamento di dicciplina militare e di istruzıone e servizio interno—для Италіи и уставъ о внутренней службѣ—для Испаніи.

² Сборн. зак. раб., стр. 3—5.

³ Ст. 3.

⁴ Ст. 4.

⁵ Ст. 6.

⁶ Сбор. зак. раб., стр. 49.

въ качествѣ уголовныхъ наказаній выставило: смертную казнь, ссылку въ каторжныя работы и въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія ¹. Но для тѣхъ случаевъ, «когда осужденному къ смертной казни даруется жизнь, а равно когда въ мирное время признается несоотвѣтствующимъ подвергать виновнаго за важное воинское преступленіе лишенію всѣхъ правъ состоянія ², совѣщаніе выдѣлило заточеніе и смертную казнь безъ лишенія правъ состоянія ³. При разсмотрѣніи лѣстницы исправительныхъ наказаній, совѣщаніе останавливалось на вопросахъ о томъ, слѣдуетъ ли раздѣлить ихъ на отдѣльныя лѣстницы, въ зависимости отъ различныхъ правъ военнослужащихъ, или ограничиться одной общей лѣстницею. Первая система была сначала признана неудобною: она не давала возможности ознакомиться нагляднымъ образомъ съ существомъ ея наказаній и идеею законодательства о постепенной строгости карательныхъ мѣръ и затрудняла пользование ею на практикѣ ⁴, такъ какъ въ уставѣ явилось бы «неоднократное повтореніе однихъ и тѣхъ же статей въ различныхъ мѣстахъ и не только относительно наименованія и опредѣленія существа наказанія, но и самыхъ послѣдствій, какія онѣ влекутъ за собою, что до крайности и безъ всякой пользы для дѣла усложнило бы уставъ». Кромѣ того, система наказаній по проекту кодификаціонной комиссіи была признана военнымъ министромъ неудовлетворительною, такъ какъ наказанія, стоявшія въ нисходящемъ порядкѣ, представляли въ сущности «одно и то же наказаніе въ различномъ лишь примѣненіи его къ различнымъ, по правамъ, категоріямъ лицъ; другія же болѣе важныя наказанія поставлены ниже менѣе важныхъ ⁵.

И тѣмъ не менѣе совѣщаніе пришло къ убѣжденію, что установленіе одной общей лѣстницы исправительныхъ наказаній для всѣхъ военнослужащихъ невозможно. Это убѣжденіе явилось результатомъ разсмотрѣнія составленнаго дѣлопроизводителями совѣщанія проекта, которые утверждали, что на установленіе постепенности наказаній имѣетъ вліяніе только различіе праволишеній. А такъ какъ, по мнѣнію совѣщанія, самыя праволишенія

¹ Ibid.. стр. 182.

² Ibid., стр. 187, 183.

³ Ibid., стр. 187; Высоч. утв. ред., стр. 2 и 3.

⁴ Ibid., ст. 57.

⁵ Сб. зак. раб., стр. 58.

имѣютъ далеко не одинаковое значеніе для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами, то, если для офицера крайне чувствительно подвергнуться потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, съ чѣмъ соединяется лишеніе чиновъ, правъ дворянства или почетнаго гражданства и исключеніе изъ службы съ воспрещеніемъ навсегда обратиться вновь къ какой бы то ни было служебной дѣятельности, «а лишеніе всего этого нижнихъ чиновъ изъ непривилегированныхъ состояній не можетъ быть для нихъ въ большей части случаевъ особенно ощутительно», то совѣщаніе высказало, что «установленіе параллельной системы наказаній по различію принадлежащихъ военнослужащимъ правъ наиболѣе соотвѣтствуетъ условіямъ военного быта»¹. Такимъ образомъ, явилось двѣ совершенно отдѣльныхъ лѣстницы исправительныхъ наказаній: 1) для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія и не состоящихъ на срочной службѣ, 2) и для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ или не пользующихся особыми правами состоянія².

Первый раздѣлъ Высочайше утвержденной редакціи проекта въ первую лѣстницу вводилъ: 1) ссылку на житіе въ Сибирь или отдаленныя губерніи съ лишеніемъ чиновъ, исключеніемъ изъ службы, потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и съ заключеніемъ или безъ такового; 2) временное заключеніе въ крѣпости съ исключеніемъ изъ службы, безъ лишенія чиновъ и потерю нѣкоторыхъ особенныхъ правъ; 3) временное заключеніе въ смиренномъ домѣ съ тѣми же правоограниченіями; 4) заключеніе въ крѣпости съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ по службѣ; 5) заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства съ увольненіемъ отъ службы; 6) содержаніе на гауптвахтѣ, съ ограниченіемъ или безъ ограниченія нѣкоторыхъ правъ по службѣ, и 7) денежныя взысканія³. Вторую лѣстницу составляли: 1) отдача въ военно-исправительныя роты съ потерю всѣхъ особенныхъ правъ, 2) одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, съ потерю нѣкоторыхъ правъ, и 3) денежныя взысканія. Эти общія исправительныя наказанія дополнялись особыми карательными мѣрами въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ; *особенныя* исправи-

¹ Ibid., стр. 119—120.

² Выс. утв. редакція перваго раздѣла, ст. 4. На срочной службѣ считались служившіе по найму, судебному приговору или рекрутской очереди.

³ Ст. 4, а, I—VIII.

тельныя наказанія подраздѣлялись, въ свою очередь, на двѣ лѣстницы: *для офицеровъ и привилегированныхъ нижнихъ чиновъ*: — исключеніе изъ службы безъ лишенія чиновъ, отставленіе отъ службы, разжалованіе въ рядовые, исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ и отрѣшеніе отъ должности; *для остальныхъ нижнихъ чиновъ*: — лишеніе нашивокъ за безпорочную службу и другихъ знаковъ отличія, безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ и съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ ¹.

Несмотря на массу трудовъ, положенныхъ отдѣльными составителями проекта и совѣщаніемъ, система наказаній явилась слишкомъ сложною, соотвѣтствія между отдѣльными карательными мѣрами достигнуто не было, а искусственность системы вела къ искусственности въ правилахъ о переходѣ отъ однихъ наказаній къ другимъ.

При разсмотрѣніи проекта въ соединенномъ собраніи главныхъ судовъ недостатки этой системы рѣзко обнаружились, а реформа воинской повинности въ началѣ 70-хъ годовъ выдвинула на очередь пересмотръ системы наказаній воинскаго устава.

Дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ (изд. 1900 г.) всѣ воинскія наказанія раздѣляетъ на уголовныя, исправительныя и дисциплинарныя.

Уголовныя наказанія въ свою очередь дѣлятся на общія и особенныя. Въ первыя входятъ: 1) смертная казнь и 2) ссылка въ каторжныя работы. Отличительною чертою ихъ является придаatokъ—лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Въ видѣ особенныхъ уголовныхъ наказаній уставъ выставляетъ: 1) смертную казнь и 2) заточеніе въ крѣпости, которыя всегда назначаются безъ лишенія правъ состоянія, хотя заточеніе и влечетъ за собою исключеніе изъ службы и лишеніе чиновъ ².

Система исправительныхъ наказаній представляется значительно сложнѣе ³. Конструкція ея покоится на принципѣ раздѣленія военнослужащихъ на офицеровъ и нижнихъ чиновъ, при чемъ въ отношеніи послѣднихъ наказанія раздѣляются въ зависимости отъ сословнаго положенія объектовъ. Такимъ образомъ, исправительныя

¹ Ст. 5, а и б.

² Стт. 2 и 3, 18.

³ Ст. 5 и 6.

наказанія дѣлятся на наказанія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ; наказанія для нижнихъ чиновъ—на наказанія: для пользующихся особенными правами по состоянію и не пользующихся таковыми; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть подраздѣлены также на наказанія главные и дополнительные, изъ которыхъ послѣднія представляютъ собою различные правопоражающіе придатки.

Въ отношеніи офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ въ настоящее время система представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) арестантскія отдѣленія, 2) исключеніе изъ службы, 3) заключеніе въ крѣпости, 4) разжалованіе въ рядовые, 5) отставленіе отъ службы, 6) содержаніе на гауптвахтѣ и 7) отрѣшеніе отъ должностей¹. Существо этихъ наказаній и послѣдовательность ихъ въ лѣстницѣ стоитъ въ зависимости отъ дополнительныхъ правопоражающихъ придатковъ: арестантскія отдѣленія сопровождаются всегда лишеніемъ чиновъ, исключеніемъ изъ службы и потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ по состоянію (Врем. Пр., п. 1). Исключеніе изъ службы *можетъ сопровождаться* лишеніемъ чиновъ и всегда *сопровождается* потерю правъ и преимуществъ по состоянію (ст. 5, п. III и VI). Временное заключеніе въ крѣпости сопровождается исключеніемъ изъ службы съ лишеніемъ или безъ лишенія чиновъ и потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ по состоянію или только ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ по службѣ (ст. 5, п. IV и VII, Врем. Прав., п. 1, ч. 2). Отставленіе отъ службы обязательно, а содержаніе на гауптвахтѣ только въ извѣстныхъ случаяхъ влечетъ ограниченіе правъ по службѣ (п. VIII и IX). Разжалованіе въ рядовые соединяется съ лишеніемъ чиновъ, знаковъ отличія и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ службою (ст. 42). Отрѣшеніе отъ должности не входитъ въ общую лѣстницу наказаній для офицеровъ, почему и должно быть выдѣлено, какъ наказаніе исключительное (ст. 46).

Исправительныя наказанія для нижнихъ чиновъ составляютъ слѣдующую лѣстницу: 1) отдача въ арестантскія отдѣленія, 2) заключеніе въ крѣпости, 3) отдача въ дисциплинарныя части, 4) одинокое заключеніе въ военной тюрьмѣ². Эти главные наказанія влекутъ за собою: первое—потерю всѣхъ особенныхъ правъ по состоянію, второе—нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, третье—или

¹ Временныя правила 18 янв. 1902 г.

² Ст. 6, 6, 1 и Времен. правила, п. 1.

нѣкоторыхъ особенныхъ по состоянію, или нѣкоторыхъ правъ по службѣ, четвертое—только послѣднее правоограниченіе (Вр. правила, п. 1, п. 2, лит. б; ст. 6).

Для непользующихся особенными правами состоянія нижнихъ чиновъ воинскій уставъ присоединяетъ сюда: 1) заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства и 2) переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, при чемъ первое наказаніе влечетъ лишеніе воинскаго званія, исключеніе изъ службы и потерю всѣхъ особенныхъ правъ по состоянію (ст. 6).

Дѣйствующій дисциплинарный уставъ (изд. 1900) раздѣляетъ объектовъ наказанія на двѣ группы: I) нижнихъ чиновъ и II) офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства ¹. Въ свою очередь, первая группа, въ зависимости отъ служебнаго положенія военнослужащихъ, подраздѣляется на подвиды: 1) рядовые и ефрейторы и 2) унтеръ-офицеры. Рядовые выдѣляютъ изъ себя особую группу: вольноопредѣляющихся и лицъ, пользующихся, по правамъ образованія, сокращенными сроками службы по двумъ первымъ разрядамъ, а унтеръ-офицеры—фельдфебелей и сверхсрочныхъ ².

Къ рядовымъ и ефрейторамъ примѣняются: 1) Воспрещеніе отлучки до одного мѣсяца. 2) Назначеніе не въ очередь на службу или на работы до 8 нарядовъ. 3) Простой арестъ не выше мѣсяца. 4) Строгій арестъ до 20 сутокъ. 5) Усиленный арестъ до восьми сутокъ. 6) Переводъ въ разрядъ штрафованныхъ въ военное время. Для ефрейторовъ, кромѣ того, установлено особое взысканіе: 7) Лишенія званія и смѣщеніе на низшія степени и меньшіе оклады ³.

Для вольноопредѣляющихся и привилегированныхъ нижнихъ чиновъ законъ допускаетъ всѣ перечисленныя наказанія, за исключеніемъ наряда на работы, а также во время похода, вмѣсто назначенія на работы, поставленіе подъ ружье ⁴.

Въ отношеніи унтеръ-офицеровъ дисциплинарный кодексъ устанавливаетъ слѣдующую систему: 1) Выговоры. 2) Воспрещеніе отлучки до одного мѣсяца. 3) Нарядъ на службу до 8 разъ. 4) Простой арестъ до одного мѣсяца. 5) Строгій арестъ до 20 сутокъ.

¹ Ст. 13—20 и 33—36.

² Ст. 14 и 16.

³ Ст. 13.

⁴ Ст. 20.

6) Смѣщеніе на низшія должности. 7) Неудостоеніе къ производству въ офицеры. 8) Лишеніе унтеръ-офицерскаго званія. Для фельдфебелей и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ уставъ знаетъ тѣ же мѣры, за исключеніемъ строгаго ареста ¹.

Система дисциплинарныхъ взысканій для офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Замѣчанія и выговоры—словесные и въ предписаніи. 2) Замѣчанія и выговоры при собраніи офицеровъ. 3) Замѣчанія и выговоры въ приказѣ. 4) Арестъ домашній и на гауптвахтѣ до одного мѣсяца. 5) Неудостоеніе къ производству на вакансіи или за выслугу лѣтъ. 6) Удаленіе отъ должности или командованія частью и, кромѣ того, 7) увольненіе отъ службы ².

Такова карательная система нашего дѣйствующаго военно-уголовнаго законодательства.

§ 35. Оцѣнка нашей системы.

Обращаясь къ оцѣнкѣ нашей военно-карательной системы ³, слѣдуетъ замѣтить, что однимъ изъ ея недостатковъ является излишняя сложность, которая ведетъ къ цѣлому ряду недоумѣній и уничтожаетъ всякое представленіе о послѣдовательности наказаній.

Въ отношеніи уголовныхъ наказаній наибольшія сомнѣнія вызываетъ *заточеніе*. Въ воинскомъ уставѣ не содержится какихъ-либо опредѣлительныхъ постановленій, дающихъ возможность признать за заточеніемъ характеръ такого воинскаго наказанія, которое примѣняется на одинаковыхъ основаніяхъ ко *всѣмъ* военнослужащимъ. Уставъ указываетъ, что заточеніе сопровождается всегда исключеніемъ изъ службы съ лишеніемъ чиновъ (см. 18), а такъ какъ этотъ правопоражающій придатокъ входитъ въ перечень наказаній для офицеровъ, то можно думать, что заточеніе не имѣетъ характера общей для всѣхъ мѣры. При пересмотрѣ воинскаго устава въ началѣ 90-хъ годовъ состави-

¹ Ст. 15—16³.

² Ст. 33—34.

³ См. работы по пересмотру устава въ комиссіи ген. Гольмблата: «Разборъ мнѣній», ч. 1. въ дѣлахъ гл. воен.-судн. управл.; Кузьминъ-Караваевъ, Характеристика, стр. 60—62.

тель мотивовъ къ проекту говорилъ, что «ни въ дѣйствующемъ уставѣ, ни въ сборникѣ работъ не высказано въ точности, что заточеніе въ крѣпости можетъ быть примѣняемо и къ нижнимъ чинамъ»¹. Самое появленіе подобнаго замѣчанія въ официальной запискѣ уже доказываетъ, что эта карательная мѣра не имѣетъ, дѣйствительно, прочныхъ основаній въ законодательствѣ. Но, исходя изъ исторической конструкціи этого наказанія, надо признать, что заточеніе—мѣра общая, примѣнимая къ нижнимъ чинамъ и къ офицерамъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя проектъ кодификаціонной комиссіи и исключалъ заточеніе изъ лѣстницы наказаній для нижнихъ чиновъ², тѣмъ не менѣе Высочайше учрежденное совѣщаніе въ засѣданіи 19 февраля 1866 года³ установило, что наказаніе это должно быть примѣняемо и къ нижнимъ чинамъ; поэтому ссылка составителя мотивовъ на отсутствіе въ сборникѣ законодательныхъ работъ основана на недостаточномъ знакомствѣ его со сборникомъ⁴.

Такимъ образомъ, ст. 18 дѣйствующаго устава по ея редакціи представляется крайне неудовлетворительной, а это влечетъ къ заблужденію даже въ официальныхъ запискахъ.

Далѣе, заточеніе, по мысли совѣщанія, должно было представлять собою благотѣльную военно-карательную мѣру, которая могла бы замѣнять собою и смертную казнь безъ праволишенія, и ссылку въ каторжную работу, когда осужденному даруется жизнь или представляется «неудобнымъ» за воинское преступленіе примѣнять каторгу. Но, устанавливая эту замѣняющую мѣру, совѣщаніе вмѣстѣ съ тѣмъ убило въ зародышѣ самую возможность ея примѣненія: срокъ заточенія оно опредѣлило въ 10—20 лѣтъ; поэтому военные суды отказывались отъ этой мѣры⁵, «признавая низшій срокъ заточенія въ 10 лѣтъ слишкомъ продолжительнымъ для того, чтобы ходатайствовать о замѣнѣ ими каторжныхъ работъ, обыкновенно уже собственною властью суда смягченныхъ до сроковъ, мало превышающихъ или вовсе не превышающихъ 10 лѣтъ».

¹ Мотивы. стр. 12.

² Ст. 6. п. 2.

³ Журналъ № 5; Сб. зак. раб., стр. 158—159.

⁴ Работы по пересмотру 90-хъ гг. см. Мотивы. стр. 10.

⁵ Сб. зак. раб.; стр. 158.

Изъ другихъ недоумѣній, какія вызываетъ заточеніе, слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе точныхъ правилъ о способѣ замѣны смертной казни и каторги заточеніемъ ¹ и «указанныхъ закономъ случаевъ», когда заточеніе могло бы имѣть мѣсто ².

Система исправительныхъ наказаній для офицеровъ является въ сущности собраніемъ наказаній, различныхъ только по названію, но или однородныхъ по существу, или неправильно установленныхъ по тяжести.

Внизу этой лѣстницѣ поставлены: 1) заключеніе въ крѣпости отъ 2 мѣсяцевъ до 1 г. 4 мѣс., 2) отставленіе отъ службы и 3) содержаніе на гауптвахтѣ.

№ 1.

VII.
*Заключеніе въ
крѣпости.*

VIII.
*Отставленіе отъ
службы.*

IX.
*Содержаніе на
гауптвахтѣ.*

Ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ,

1 ст. 8 м.—1 г. 4 м.	Лишеніе права по-	1 ст. 4 м.—6 м.
2 » 4 м.— 8 м.	ступать на службу	2 » 3 м.—4 м.
3 » 2 м.— 4 м.	въ теченіе 3 лѣтъ.	

Въ отношеніи правопоражающихъ *придатковъ* всѣ три вида наказаній совершенно тождественны (если не считать факультативнаго правоограниченія при гауптвахтѣ): они влекутъ ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ. Но, такъ какъ ст. 58 разрѣшаетъ замѣнять заключеніе въ крѣпости на срокъ менѣе года и четырехъ мѣсяцевъ содержаніемъ (въ теченіе того же срока) на гауптвахтѣ, то, слѣдовательно, и по способу отбытія крѣпость и гауптвахта сходятся вполнѣ. Но, что касается сроковъ наказанія, то крѣпость, назначаемая отъ 2 мѣсяцевъ должна быть поставлена ниже гауптвахты, низшая степень которой превышаетъ низшую степень крѣпости.

Точно также не имѣется соотвѣтствія между тѣмъ же заключеніемъ въ крѣпость и отставленіемъ отъ службы. Та и другая мѣра влекутъ за собой одинаковыя правопораженія; но въ то время, какъ заключенный, отбывъ срокъ наказанія, снова

¹ Ст. 55 в. у. о нак.

² Во время войны 1877—78 гг. въ нашей арміи не было ни одного случая замѣны каторжныхъ работъ заточеніемъ (Максимовъ, Статистическій очеркъ, стр. 76); въ мирное время примѣненіе его также незначительно.

возвращается въ армію, — отставленный въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отставленія лишень права вступать въ службу¹. Такимъ образомъ, по существу заключеніе въ крѣпость должно быть поставлено ниже и отставленія отъ службы, и содержанія на гауптвахтѣ.

Что касается разжалованія въ рядовые, стоящаго выше исключенія изъ службы безъ лишенія чиновъ, то необходимо замѣтить слѣдующее:

№ 2.

V.
Разжалованіе въ рядовые.

1. Лишеніе чиновъ и орденовъ.
2. Лишеніе права на награды въ теченіе 3 лѣтъ.

VI.

Исключеніе изъ службы безъ лишенія чиновъ.

1. Лишеніе права вступать на службу въ теченіе 3 лѣтъ.
2. Принятіе на службу рядовымъ.

Разжалованіе влечетъ за собою лишеніе чиновъ и знаковъ отличія и разжалованный только черезъ три года можетъ получить прощеніе²; наоборотъ, исключеніе изъ службы безъ лишенія чиновъ имѣетъ для виновнаго слѣдствіемъ признаніе его неспособнымъ къ несенію государственной службы или службы по выборамъ, причемъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, онъ можетъ поступить на службу, но не иначе, какъ рядовымъ³. Такимъ образомъ, исключенный изъ службы безъ лишенія чиновъ можетъ быть снова принятъ на службу рядовымъ, т. е. лишаясь чиновъ при реабилитаціи и въ тотъ моментъ, когда разжалованный въ рядовые, не покидавшій вовсе службы, получаетъ прощеніе штрафа.

Точно также и исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ поставлено выше заключенія въ крѣпости (отъ 1 г. 4 м. до 4 л.), по недоразумѣнію.

№ 3.

III.

Потеря нѣкоторыхъ особенныхъ правъ по состоянію и
Исключеніе изъ службы
съ лишеніемъ чиновъ.

IV.

Заключеніе въ крѣпости до 4 л.
съ исключеніемъ изъ службы
безъ лишенія чиновъ.

¹ Ст. 44 в. у. о н.

² Ст. 43.

³ Ст. 40.

Въ самомъ дѣлѣ, оба эти наказанія влекутъ для виновныхъ потерю нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ по состоянію; но высшее наказаніе—исключеніе—входитъ въ качествѣ простого придатка въ низшее, къ которому, кромѣ того, присоединяется еще и долгосрочное лишеніе свободы. Изъ всего этого остается лишь практически безразличный придатокъ—лишеніе чиновъ, который при исключеніи изъ службы значительнаго вліянія на существо карательной мѣры оказать не можетъ.

Наконецъ, сравнивая исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ и безъ лишенія ихъ, видно, что лишенный чиновъ, поступая на службу, совершенно сравнивается съ нелишеннымъ чиновъ, несмотря на то, что между обѣими формами исключенія изъ службы въ лѣстницѣ значится еще два вида наказаній.

№ 4.

III.

VI.

*Исключеніе изъ службы**Исключеніе изъ службы*

съ потерю нѣкоторыхъ особенныхъ правъ по состоянію,

съ лишеніемъ чиновъ,

безъ лишенія чиновъ,

съ лишеніемъ права вступать въ государственную службу въ теченіе 3 лѣтъ
послѣ чего могутъ быть приняты *рядовыми*.

Необходимо отмѣтить, что отдѣленіе III гл. I устава даетъ иную послѣдовательность наказаній, а именно: послѣ ссылки на житье слѣдуетъ заточеніе въ крѣпости съ потерю и ограниченіемъ правъ, а не исключеніе изъ службы; затѣмъ содержаніе на гауптвахтѣ, при чемъ исключеніе изъ службы, разжалованіе и отставленіе поставлены ниже всѣхъ остальныхъ.

Въ лѣстницѣ наказаній для нижнихъ чиновъ бросается въ глаза ихъ неравномѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ непривилегированные нижніе чины, при осужденіи въ дисциплинарныя части и военную тюрьму, переводятся въ разрядъ штрафованныхъ, т. е. подвергаются самому тяжкому, по своему существу, правоограниченію, межъ тѣмъ какъ привилегированные изъяты отъ этого и отбываютъ тѣ же наказанія безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ. Между дисциплинарными батальонами и одиночнымъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ слишкомъ мало общаго, чтобы

можно было приводить ихъ въ соотвѣтствіе ¹; къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, срокъ заключенія въ дисциплинарномъ батальонѣ искупается меньшею тяжестью самаго наказанія, почему для большинства виновныхъ переходъ отъ дисциплинарныхъ батальоновъ къ военной тюрьмѣ можетъ явиться не уменьшеніемъ, а усиленіемъ наказанія. Наконецъ, переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, стоящій въ самомъ низу лѣстницы исправительныхъ наказаній для непривилегированныхъ нижнихъ чиновъ, является для нихъ лишнею ступенью, которой не имѣется въ лѣстницѣ для привилегированныхъ нижнихъ чиновъ.

Проводя параллель между лѣстницами наказаній для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, видно, что для офицеровъ преимущественное значеніе приобрѣтаютъ правоограничительныя мѣры, а для нижнихъ чиновъ—наказанія лишеніемъ свободы. Если для подобной конструкции военная служба и даетъ нѣкоторыя основанія, то наоборотъ—самое богатство карательныхъ мѣръ для офицеровъ представляется излишнимъ, потому что создаетъ рѣзкое несоотвѣтствіе, которое красною чертою проходитъ черезъ всѣ три лѣстницы наказаній.

Въ самомъ дѣлѣ *восьми* видамъ наказаній для офицеровъ (см. таблицу № 5) соотвѣтствуетъ *два* вида въ лѣстницѣ для нижнихъ чиновъ, при чемъ исключеніе изъ службы, заключеніе въ крѣпости съ исключеніемъ изъ службы и разжалованіе приравниваются отдачѣ въ дисциплинарные батальоны, а остальные наказанія—военной тюрьмѣ ². Нетрудно видѣть, что это соотвѣтствіе—чистая фикція, такъ какъ тяжесть наказаній для офицеровъ или несоизмѣримо выше ³, или ниже ⁴ наказаній для нижнихъ чиновъ.

¹ Даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на оба эти наказанія видно, что наша военная тюрьма, съ ея весьма строгимъ одиночнымъ заключеніемъ, съ суровымъ режимомъ и съ другими карательными придатками, представляетъ собою нѣчто выдающееся по тяжести, напоминающее по режиму *каторгу въ Даніи* (strafarbeibe), въ то время какъ наши дисциплинарные батальоны по своему карательному содержанію значительно мягче французскихъ дисциплинарныхъ ротъ, т. е. *дисциплинарнаго наказанія*. См. мою статью въ «Тюр. Вѣстн.» 1902 г. № 6, стр. 405.

² В. у. о н., примѣч. къ прилож. I (къ ст. 8).

³ Напр. заключеніе въ крѣпости, съ исключеніемъ изъ службы, съ потерю нѣкоторыхъ правъ, на время до 4 лѣтъ и дисциплинарный батальонъ съ проблематическими служебными правоограниченіями до 3 лѣтъ.

⁴ Напр. гауптвахта безъ правоограниченія на одинъ мѣсяцъ и военная тюрьма съ потерю правъ по службѣ на тотъ же срокъ.

Таблица № 5 ¹.

Офицеры.	Нижніе чины.
	I. Дисциплинарные батальоны.
I. Исключеніе изъ слж. лиш. чин.	1. на время 2 ¹ / ₂ —3 л.
	2. » » 2 —2 ¹ / ₂ »
II. Заключ. въ крѣп. искл. изъ слж. потер. нѣкот. пр.	
1. на время 2 г. 8 м.—4 л.	1. » » 2 ¹ / ₂ —3 »
2. » » 1 г. 4 м.—2 г. 8 м.	2. » » 2 —2 ¹ / ₂ »
III. Разжалованіе въ рядовые.	1. » » 2 ¹ / ₂ —3 »
	2. » » 2 —2 ¹ / ₂ »
IV. Исключ. изъ слж. безъ лиш. ч.	3. » » 1 ¹ / ₂ —2 »
	4. » » 1 —1 ¹ / ₂ г.
V. Заключ. въ крѣп. съ огр. пр. по служб.	II. Военная тюрьма.
1. отъ 8 м. до 1 г. 4 м.	1. на время 3 —4 м.
2. » 4 » » 8 »	2. » » 2 ¹ / ₂ —3 »
3. » 2 » » 4 »	3. » » 2 —2 ¹ / ₂ »
VI. Отставлен. отъ службы.	1. » » 3 —4 »
	2. » » 2 ¹ / ₂ —3 »
VII. Гауптвахта съ огрн. пр.	1. » » 3 —4 »
1. на время 4—6 м.	2. » » 2 ¹ / ₂ —3 »
2. » » 3—4 »	3. » » 2 —2 ¹ / ₂ »
Гауптвахта безъ огр. пр.	4. » » 1 ¹ / ₂ —2 »
1. на время 1—3 м.	5. » » 1 —1 ¹ / ₂ »
VIII. Отрѣшеніе отъ должности.	5. » » 1 —1 ¹ / ₂ »

Напр., исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ и разжалованіе въ рядовые, соотвѣтствующія первой и второй степени дисциплинарныхъ батальоновъ, какъ двѣ величины, равныя по разнѣ третей, совпадаютъ, и наказаніе, стоящее на двѣ степени ниже, становится равнымъ стоящему на двѣ степени выше. То же соображеніе относится и къ заключенію въ крѣпости. Нѣкоторыя особенности представляетъ собою исключеніе изъ службы безъ лишенія чиновъ, которое соотвѣтствуетъ 3 и 4 степенямъ дисциплинарныхъ батальоновъ. Результатами такого «соотвѣтствія» можетъ явиться для нижнихъ чиновъ весьма нежелательное явленіе: напримѣръ, понижая первую степень дисциплинарныхъ батальоновъ, соотвѣтствующихъ исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, на двѣ степени, придется назначить дисциплинарные батальоны по той же высшей степени.

Еще болѣе путаницы вносить въ систему наказаній искус-

¹ См. Мотивы; примѣчаніе къ приложенію I-му къ ст. 8.

ственная пригонка одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ къ четыремъ видамъ и 8 степенямъ офицерской лѣстницы наказаній. Военная тюрьма, соотвѣтствующая отставленію, должна быть назначена въ высшемъ размѣрѣ, нежели низшая степень стоящаго выше наказанія, т. е. наказаніе низшее строже наказанія высшаго. Точно также легко усмотрѣть, что тремъ различнымъ наказаніямъ для офицеровъ (V—VIII) соотвѣтствуетъ военная тюрьма на одни и тѣ же сроки, такъ что при увеличеніи или пониженіи наказаній легко можетъ получиться обратное явленіе.

Само собой разумѣется, что сложность и противорѣчивость системы наказаній по воинскому уставу не могли вызывать затрудненій при практическомъ осуществленіи наказаній, и когда въ началѣ 90-хъ годовъ зашла рѣчь о пересмотрѣ устава, главное вниманіе было обращено на приведеніе въ порядокъ нашей военно-карательной системы.

Что касается наказаній уголовныхъ, то они были оставлены безъ всякаго измѣненія. Главное вниманіе обратили на себя наказанія исправительныя, которыя и подверглись пересмотру. При этомъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли отказаться совершенно отъ лѣстничной системы и принять систему *maximum'a* и *minimum'a* ¹, но это «мнѣніе не было поддержано прочими членами совѣщанія».

Критикуя замѣчанія на проектъ устава, составитель «разбора замѣчаній» находилъ, что «въ пользу системы германскаго военнаго кодекса можно провести много вѣскихъ соображеній», но она непримѣнима къ намъ въ настоящее время потому, что во 1-хъ, уложеніе построено по системѣ лѣстничной, а во 2-хъ, допускаемая германскимъ уставомъ широкая власть суда въ избраніи наказаній «объясняется существующими тамъ законами судоустройства и судопроизводства, по которымъ военные начальники и во главѣ ихъ Императоръ—Король являются вліяющими на судъ и его рѣшенія въ мѣрѣ, близкой съ правомъ конфирмаціи приговоровъ, господствовавшимъ у насъ по уставу военно-уголовному,—въ мѣрѣ, выраженной формулой: начальникъ есть владѣтель суда (*Gerichtsherr.*) При нашемъ же обвинительномъ процессѣ необходимо, чтобы уголовный законъ нормиро-

¹ См. Разборъ мнѣній, стр. 4; мнѣніе проф. Кузьмина Караваева.

валъ наказанія въ болѣе тѣсныя рамки, не предоставляя суду разнообразить таковыя безотчетно въ предѣлахъ около 5-ти и болѣе существующихъ степеней наказанія».

Такимъ образомъ, авторъ самъ признаетъ соображеніе въ пользу системы германскаго устава вѣскими; поэтому намъ остается выяснитъ только значеніе приводимыхъ имъ доводовъ. Эти послѣдніе едва ли состоятельны. Въ самомъ дѣлѣ, принятіе за образецъ *германскаю* кодекса и обоснованіе возраженій на почвѣ только *германскаю* права является плодомъ какого-то страннаго недоразумѣнія, такъ какъ *повсюду на Западѣ*, за исключеніемъ Италіи, принята система *maximum'a* и *minimum'a*. Оправданіе же системы германскаго кодекса процессуальнымъ положеніемъ военныхъ начальниковъ вызываетъ также значительныя недоразумѣнія. Сравнивая положеніе *Gerichtsherr'a* по *Militärstrafgerichts-Ordnung'u* ² 1845 года и военныхъ начальниковъ по уставу военно-уголовному ³ 1839 г., ясно видно, что эти величины несоизмѣримы и ничѣмъ не похожія одна на другую. Что же касается «формулы»—*начальникъ есть владѣтель суда*, то это не болѣе, какъ дурной переводъ слова *Gerichtsherr* ⁴ и основывать на немъ возраженія представляется невозможнымъ. Наконецъ, замѣчаніе автора, будто при нашемъ процессѣ необходимо ставить наказанія въ тѣсныя рамки и не позволять суду «безотчетно разнообразить» таковыя, противорѣчитъ самой существенной задачѣ законодателя—соразмѣрить наказаніе съ различными оттѣнками конкретной вины и обнаруживаетъ недовѣріе къ суду, выразившееся въ свое время въ словахъ Екатерининскаго наказа: «судья.. долженъ только силлогизмъ.. сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе—законъ, второе.. изъясляетъ дѣйствіе, заключеніе.. оправданіе или наказаніе, не зависящее отъ ложнаго какаго разсужденія или отъ дурнаго расположенія его судьи» ⁵.

Созданная при пересмотрѣ система являлась только редакціоннымъ исправленіемъ дѣйствующей. Самымъ важнымъ недостаткомъ ея была излишняя дробность объектовъ наказанія на че-

¹ См. Разборъ замѣчаній, ч. 1, стр. 5—7.

² § 77.

³ См. часть II-ая, ст. 388—414.

⁴ «*Gerichtsherr als Vorstand des Militärgerichts*»... § 77 *Strafgerichts-Ordnung'a* 1845 г.

⁵ См. Наказъ. X, 151—153.

тыре группы: (см. таблицу № 6) офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ, подпрапорщиковъ, эстандартъ-юнкеровъ, подхорунжихъ и кандидатовъ на классную должность; 2) нижнихъ чиновъ, пользующихся особенными правами состоянія; 3) нижнихъ чиновъ I-й категоріи, т. е. пользующихся правами по образованію или особыми преимуществами, пріобрѣтенными службою или знаками отличія, жалуемыми за личныя заслуги, и 4) нижнихъ чиновъ 2-ой категоріи, т. е. не пользующихся вышеуказанными правами и преимуществами.

Таблица № 6.

Офицеры.	Н. ч., польз. прав. сост.	Ниж. ч. 1 кат.	Ниж. ч. 2 кат.
I. Закл. въ крѣп. съ искл. слж.	Отдача въ дисциплинарные батальоны съ потерю нѣктр. пр. по слжб. Безъ перевода въ раз. штрафованныхъ на срокъ отъ 2 ¹ / ₂ —3 лѣтъ.	Съ перев. р. ш.	
1. на 2—3 г.	» » » 2 — 2 ¹ / ₂ »		
2. » 1 г. 4 м. 2 л.	» » » 1 ¹ / ₂ —2 »		
II. Искл. изъ слжб.	» » » 1 ¹ / ₂ —2 »		
III. Крѣп. съ отст. отъ слжб.	» » » 1 ¹ / ₄ —1 ¹ / ₂ »		
отъ 1 г. 1 г. 4 м.			
IV. Отставл. отъ слжб.	» » » 1 — 1 ¹ / ₄		
V. Крѣп. съ огр. н. прв. по слжб. мѣ съ потер. нѣктр. пр. по слжб.	Одиночное заключеніе въ воен. тюрьм. Безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ	Съ перев. р. ш.	
1. на 10 м. 1 г.	на срокъ отъ 3 до 4 мѣсяцевъ.		
2. „ 8-10 м.	» » » 2 ¹ / ₂ » 3 »		
VI Гауптвахта съ огр. прв. по слж.			
1. на 6 — 8 м.	» » 2 » 2 ¹ / ₂ »		
2. „ 4 ¹ / ₂ —6 м.	» » 1 ¹ / ₂ » 2 »		
3. „ 3 — 4 ¹ / ₄ м.	» » 1 » 1 ¹ / ₂ »		
VII. Гауптвахта.	Строгий арестъ съ потер. прв. Перев. разр. штр.		
на время 1-3 м.	на срокъ отъ 3 до 4 недѣль.		

Подобное раздѣленіе, не вызываемое ни условіями военной службы, ни другими какими-либо основаніями, создало излишнія наказанія, повторило старыя и выдвинуло принципъ искусственнаго соотвѣтствія. Къ счастью, работы во время пріостановились и проектъ не вошелъ въ жизнь: уголовный законъ наиболѣе консервативенъ, а потому позволительно желать, чтобы пересмотръ имѣлъ въ результатѣ не повтореніе старыхъ ошибокъ, хотя бы и подъ другими формами, но дѣйствительное улучшеніе и упрощеніе военно-карательной системы, въ чемъ такъ нуждается наша армія.

III.

Цѣли воинскихъ наказаній.

ГЛАВА I.

Смертная казнь ¹.

§ 36. Область примѣненія смертной казни.

Военно-уголовное право всегда признавало смертную казнь одною изъ наиболѣе важныхъ карательныхъ мѣръ. Въ наше время она уже утратила свое первоначальное значеніе: число случаевъ примѣненія ея значительно уменьшилось, самыя формы исполненія упростились, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ военный законодатель не считаетъ еще возможнымъ вовсе отказаться отъ нея.

Въ согласіи съ законодателемъ стоятъ и нѣкоторые изъ представителей науки; такъ, напримѣръ, *Бернеръ* ², ярый противникъ лишенія жизни, положительно заявляетъ, что «армія въ мирное время не нуждается въ смертной казни, и потому отмѣна ея какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военно-уголовныхъ кодексахъ должна слѣдовать одновременно; въ военное же время, напротивъ, прекращается судъ надъ извѣстными дѣйствіями на

¹ Загоскинъ,—Очеркъ исторіи; Кистяковскій,—Изслѣдованіе;—Сергѣевскій,—Лишеніе жизни (Юр. Вѣстник. 1879 г.), Vanier,—La peine de mort (Revue pénitentiaire 5. 1893); Бернеръ,—О смертной казни; Журн. Выс. учр. комиссіи, приложение аудит. Серебрякова.

² Бернеръ,—О смертной казни, стр. 88—89.

началахъ общаго уголовного права, и потому не будетъ противорѣчія въ отмѣнѣ смертной казни для мирнаго времени и въ удержаніи ея на время войны». Изъ русскихъ ученыхъ проф. *Фойницкій*¹ точно также утверждаетъ, что въ наше время можно говорить о сохраненіи смертной казни, «какъ мѣры крайней, примѣнимой въ ненормальныя эпохи государственной жизни, когда государство подвергается опасности во время войны... оно не можетъ заводить длинныхъ судебныхъ процедуръ, оно не можетъ отправлять осужденныхъ въ мѣста заключенія, такъ какъ и мѣста заключенія тогда небезопасны».

Такимъ образомъ, вопросъ о смертной казни въ системѣ воинскихъ наказаній не подвергается никакому сомнѣнію, и въ дѣйствующемъ законодательствѣ всѣхъ европейскихъ государствъ смертная казнь стоитъ во главѣ системы наказаній².

Германскій военно-уголовный кодексъ облагаетъ смертною казнью: военную измѣну; дѣянія начальствующихъ лицъ, вредныя для войска и противныя долгу службы; рецидива побѣга въ военное время; заговоръ и подстрекательство къ побѣгу въ военное время; побѣгъ съ поста или изъ осажденнаго укрѣпленія къ непріятелю; бѣгство изъ трусости во время сраженія; неповиновеніе въ виду непріятеля; насилія противъ начальника въ военное время, во время отправленія службы; зачинщикамъ и подстрекателямъ возстанія въ военное время; возстаніе въ виду непріятеля; причиненіе при ограбленіи въ военное время кому-либо смерти; нарушенія караульной службы, влекушія вредъ для арміи и совершенныя въ виду непріятеля, и побѣгъ военнопленнаго или нарушеніе имъ даннаго слова³.

Изъ перечисленнаго видно, что германскій уставъ присваиваетъ смертной казни значеніе мѣры, осуществляемой *исключительно въ военное время*.

¹ Ученіе о наказаніи, стр. 152—153.

² По мысли Тарда (*Philosophie penal*, стр. 526) въ наше время въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни замѣчается реакція въ пользу принятія этого наказанія. «Успѣхъ дарвинизма содѣйствовалъ ужасному возрожденію милитаризма», а смертная казнь — «родная сестра войны» (Спасовичъ; *Новыя направленія въ наукѣ уголовного права, Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 10; *Вопросы науки, искус. и литер.*, № 17).

³ См. §§ 58, 63, 71, 72, 73, 84, 95, 97, 107, 108, 133, 141 и 159.

Совершенно другую картину рисуетъ кодексъ французскій, который допускаетъ примѣненіе смертной казни *и въ мирное, и въ военное* время. Смертной казни подлежатъ: поднятіе оружія противъ Франціи; измѣна; шпіонство; подстрекательство къ побѣгу къ непріятелю; сдача непріятелю позиціи; заключеніе противозаконной капитуляціи; оставленіе караульнымъ поста въ виду непріятеля; оставленіе въ виду непріятеля занимаемаго мѣста; бунтъ; неповиновеніе; вооруженное насиліе противъ часового или караула; насиліе противъ начальника изъ засады, или въ строю, или при исполненіи служебныхъ обязанностей; сопротивленіе, оказанное восьми военнослужащими; нападеніе на союзную или нейтральную державу; продолженіе враждебныхъ дѣйствій безъ разрѣшенія; принятіе начальствованія безъ разрѣшенія; побѣгъ къ непріятелю; побѣгъ по соглашенію въ виду непріятеля; обораніе раненаго съ нанесеніемъ новыхъ ранъ; разграбленіе припасовъ съ оружіемъ въ рукахъ, поджогъ и разрушеніе военныхъ зданій и т. п., разрушеніе средствъ защиты въ виду непріятеля и убійство обывателя¹.

По нашему уставу о наказаніяхъ смертная казнь примѣняется въ *военное время*: за нанесеніе начальнику удара во время исполненія обязанностей службы; сопротивленіе, совершенное въ военное время и въ виду непріятеля; явное возстаніе; нападеніе на часового; умышленное убійство часового; побѣгъ къ непріятелю; несоблюденіе особыхъ обязанностей караульной службы въ виду непріятеля; отлучку изъ караула при тѣхъ же обстоятельствахъ; допущеніе къ побѣгу плѣннаго или арестанта; нарушеніе обязанностей службы съ намѣреніемъ содѣйствовать непріятелю; сообщеніе безъ умысла непріятелю военныхъ свѣдѣній, которыми тотъ воспользовался; оставленіе поста въ виду непріятеля; бѣгство; потерю въ бою знамени; нарушеніе приказанія или положеніе оружія командою; заключеніе противозаконной капитуляціи; сдачу крѣпости; отступленіе отъ плана военныхъ дѣйствій, повлекшее вредныя послѣдствія; принятіе начальствованія при такихъ же условіяхъ; сокрытіе важныхъ свѣдѣній; нападеніе на нейтральное государство; разрушеніе укрѣплений; распусканіе вредно дѣйствующихъ слуховъ; разглашеніе ввѣренныхъ по службѣ тайнъ,

¹ См. art. 204, 205 и 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 238, 241, 249, 250, 251, 253 и 256.

если произошли вредныя послѣдствія; обобраніе раненыхъ съ насиліемъ; захватъ шайкою у жителей одежды и вещей; истребленіе военныхъ снарядовъ; нарушеніе военноплѣннымъ безопасности арміи¹. Такимъ образомъ, наше законодательство, по примѣру германскаго, допускаетъ примѣненіе смертной казни только въ военное время² и за такія дѣянія, которыя или представляютъ опасность для арміи и государства, или совершаются въ виду непріятели. Тѣмъ не менѣе число преступленій, подлежащихъ смертной казни, по нашему уставу значительно превышаетъ таковое же по уставу германскому, съ одной стороны, а съ другой — вполнѣ мыслимы случаи преданія виновнаго суду въ мирное время для сужденія по законамъ военного времени³.

Вышеизложенное показываетъ, что дѣйствующіе кодексы назначаютъ смертную казнь только за такія дѣянія, которыя или совершены съ измѣнническимъ умысломъ, или представляютъ собою наиболѣе тяжкое отрицаніе дисциплины, или могутъ влечь за собою опасность большого вреда для арміи. Но и въ этомъ отношеніи они не пришли еще къ одинаковымъ воззрѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ воинскій уставъ, напр., въ ст. 243 говоритъ:

«Всякое нарушеніе обязанностей службы. съ намѣреніемъ способствовать или благопріятствовать непріятелю въ военныхъ или другихъ враждебныхъ его дѣйствіяхъ, подвергаетъ виновныхъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни».

Наоборотъ, германскій кодексъ въ § 62 устанавливаетъ:

«Кто въ военное время намѣренно нарушитъ обязанность службы и тѣмъ будетъ содѣйствовать предпріятіямъ непріятели или причинять опасность или вредъ воюющимъ германскимъ или союзнымъ войскамъ, тотъ наказывается цухтгаузомъ до 10 лѣтъ, или тюрьмою или крѣпостью до 10 лѣтъ.»

¹ Ст. 98, 106 и 107, 110, 117, 118, 137, 157, 158, 159, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 254, 255, 257, 258, 260, 262, 264, 265, 267, 270 и 271.

² Исключеніе составляетъ ст. 119, но она въ сущности предусматриваетъ общее государственное преступленіе (ст. 244¹ Улож.).

³ Въ Австріи въ военное время смертная казнь примѣняется въ случаяхъ, указанныхъ въ §§ 149, 152, 162, 165, 194, 232, 234, 240, 244—251, 255, 257, 259, 264, 273, 287 и 300; въ мирное и военное время въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ §§ 147, 148, 161, 163, 165, 168—170, 176, 191, 192, 193, 218, 219, 260, 262, 300 и 317.

Бельгійскій кодексъ упоминаетъ смертную казнь въ art. 15, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 28, 31, 39, 40 и 52, изъ которыхъ только art. 40 допускаетъ примѣненіе ея въ мирное время.

Или: по *французскому* кодексу насилія надъ начальникомъ влекутъ за собою смертную казнь¹, а по *германскому* — даже въ случаѣ причиненія ему смерти или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія—*цухтгаузъ* отъ 5 лѣтъ², по *нашему*—*каторіу* отъ 12 лѣтъ въ мирное время и *смертную казнь* съ лишеніемъ правъ — въ военное³.

Или: по *нашему* уставу сообщеніе непріятелю безъ злого умысла свѣдѣній, которыми непріятель воспользовался съ выгодой, облагается *смертью*⁴, а по *шведскому* уставу — *каторію* до 2 лѣтъ или *тюрьмою* до 6 мѣсяцевъ⁵.

По *германскому* уставу, смертная казнь назначается военно-плѣнному вообще за нарушеніе имъ до окончанія войны условій, на которыхъ онъ освобожденъ изъ плѣна⁶; по *датскому* же—только въ случаѣ вступленія его вновь въ ряды арміи, а за нарушеніе имъ честнаго слова другимъ какимъ-либо образомъ — тюрьма или каторга до 3 лѣтъ⁷.

По *бельійскому* кодексу оставленіе поста въ виду непріятеля во всякомъ случаѣ влечетъ смертную казнь⁸, по *нашему*⁹ и *швейцарскому*¹⁰ — только при наличности вредныхъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ—далеко не единственныхъ—легко видѣть, что въ дѣлѣ оцѣнки вредоносности даннаго дѣянія нѣтъ и не можетъ быть опредѣленнаго масштаба. А потому позволительно заключить, что при обложеніи хотя бы только указанныхъ преступленій меньшимъ, нежели смертная казнь, наказаніемъ, интересы правоохраны останутся непоколебленными.

¹ См. art. 221, 222 и 223.

² § 97, ч. 2-ая.

³ Ст. 98, г. 2-ая, п. а и б.

⁴ Ст. 244.

⁵ § 55.

⁶ § 159.

⁷ § 67.

⁸ Art. 23, ч. 3-я.

⁹ Ст. 245, ч. 2-ая, назначающая исключеніе изъ службы или разжалованіе.

¹⁰ Art. 77, d.

§ 37. Виды смертной казни.

Въ первые моменты образованія постоянныхъ войскъ, ради достиженія цѣли устрашенія, государство старалось обставить осуществленіе смертной казни такими аксессуарами, которые производили бы особенно сильное впечатлѣніе на зрителей. Принципъ жестокости, способной, по понятіямъ того времени, оказать устрашительное воздѣйствіе на вооруженную массу, во второй половинѣ XVIII ст. уступаетъ мѣсто новому началу: соединенію примѣрности наказанія съ наименьшимъ страданіемъ для самого виновнаго. Это начало получаетъ у насъ свое осуществленіе въ Наказѣ Екатерины II, а затѣмъ переходитъ и въ военно-уголовное законодательство: 1 января 1782 г. военной коллегіи повелѣно было ¹ въ опредѣленіи воинскихъ наказаній руководствоваться Наказомъ, при чемъ дѣлалась ссылка на ст. 150 его, гдѣ говорилось: «когда бы жестокость наказаній не была уже отвергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то бы къ отриновенію оныхъ довольно было и сего, что она бесполезна, и сіе служить къ показанію, что она несправедлива.» Это начало переходитъ въ военно-уголовный уставъ 1839 г. ² и получаетъ окончательное выраженіе въ уставѣ 1868 года.

Современные военно-уголовные кодексы знаютъ только простѣйшія формы казни. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ разстрѣлянію, затѣмъ повѣшенію и обезглавленію.

Разстрѣляніе (*Erschiessen, fusillade, mort par les armes*) принято всѣми кодексами, какъ наиболѣе удобная въ обстановкѣ военной службы форма, въ смыслѣ ея дешевизны, простоты и легкости исполненія въ условіяхъ мирной и военной жизни; можетъ быть, разстрѣляніе—менѣе мучительный и навѣрняка дѣйствующій способъ; къ тому же, по общему воззрѣнію, онъ признается болѣе почетнымъ для военнослужащаго, нежели всякій другой. Въ Италіи почетная форма — разстрѣляніе въ грудь.

Повѣшеніе (*Strang*), обезглавленіе (*Enthauptung, mort par le glaive, decapitation*) и разстрѣляніе въ спину — формы менѣе по-

¹ П. С. З. № 15313.

² Ст. 67, примѣчаніе.

четныя. Повѣшеніе упоминается австрійскимъ кодексомъ, обезглавленіе—швейцарскимъ и шведскимъ, разстрѣліаніе въ спину—итальянскимъ ¹.

Въ Германіи смертная казнь исполняется чрезъ разстрѣліаніе, если она назначается за воинскія преступленія, а въ военное время и за преступленія общія; въ Даніи—за преступленія по военно-уголовному и общему кодексу совершается разстрѣліаніемъ, но въ послѣднемъ случаѣ — если только встрѣчаются препятствія къ исполненію ея по уложенію ². Въ Швеціи разстрѣліаніе установлено лишь для опредѣленныхъ случаевъ, въ остальныхъ—примѣняется отсѣченіе головы; однако, въ полѣ или на морѣ вмѣсто обезглавленія примѣняется разстрѣліаніе, если первый способъ не можетъ быть приведенъ почему-либо въ исполненіе ³. Во Франціи каждый, приговоренный къ смертной казни военнымъ судомъ, подлежитъ разстрѣліанію ⁴, въ Бельгіи же—только при условіи назначенія казни по военно-уголовному кодексу, при чемъ виновный при исполненіи наказанія можетъ имѣть на себѣ воинскія отличія и мундиръ ⁵. Въ Швейцаріи *mort par le glaive* употребляется въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ: за нѣкоторыя изъ воинскихъ преступленій ⁶ и за преступленія общія (*decapitation*) ⁷. Въ Австріи *Strang* примѣняется при наличности положительныхъ требованій о томъ закона ⁸.

Установленіе въ нашемъ уставѣ двухъ формъ казни — повѣшенія и разстрѣліанія имѣетъ за собой исторію. Проектъ Капгера ⁹ принялъ оба вида, но военно-кодификаціонная комиссія, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ, не согласилась съ этимъ ¹⁰. Объяснительная записка утверждала, что «повѣшеніе въ понятіяхъ общихъ гораздо постыднѣе, нежели разстрѣліаніе, не говоря уже,

¹ § 14.

² § 9.

³ § 10.

⁴ Art. 187.

⁵ Art. 2.

⁶ Art. 5; 43, наприм., устанавливаетъ на выборъ: обезглавленіе или разстрѣліаніе.

⁷ См. напр. art. 100.

⁸ §§ 191, 192, 218, 260, 300, 307, 322, 328, 335, 350, 362, 365, 415, 449 — 452, 471, 487—490 и 497. См. *Damianitsch*,—*Militär-Strafgesetzbuch*, стр. 47.

⁹ Ст. 7.

¹⁰ Журн. Выс. учрежд. комисіи, 1865., стр. 96.

что сопровождается болѣе продолжительнымъ страданіемъ казненнаго»¹, а потому и предлагала удержать повѣшеніе только въ видѣ наказанія постыднаго характера. Меньшинство членовъ возражало, что постыдно всякое наказаніе, что установленіе смертной казни съ болѣе продолжительными физическими страданіями—«противно духу времени» и «не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, уничтожившаго крѣпостное право и отмѣнивашаго наказаніе плетью и розгами», что повѣшеніе въ военное время сопряжено съ неудобствами, «и было бы странно заставлять нашихъ солдатъ воздвигать эшафоты, когда каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ своихъ орудіе смерти. Поэтому меньшинство полагало довольствоваться только разстрѣляніемъ, но большинство не согласилось съ этими доводами, и такимъ образомъ въ проектъ были внесены оба вида казни²; при чемъ повѣшеніе было оставлено для такихъ преступныхъ дѣяній, «которые нравственно опозориваютъ человѣка, оставляя черное, постыдное на имени его пятно», въ виду чего съ повѣшеніемъ должно было соединяться позорное лишеніе воинской чести³.

Дѣйствующій уставъ въ ст. 10 предусматриваетъ оба вида казни, при чемъ назначеніе того или другого, при отсутствіи указаній въ законѣ и при назначеніи лишенія правъ, ставитъ на усмотрѣніе суда; казнъ безъ праволишенія исполняется всегда чрезъ разстрѣляніе⁴.

§ 38. Исполненіе смертной казни.

Вопросъ о приведеніи смертной казни въ исполненіе имѣетъ важное уголовно-политическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, при наказаніи смертью государство должно, главнымъ образомъ, заботиться не о виновникѣ, а объ окружающихъ, которые, посредствомъ осуществленія уголовной угрозы, приглашаются къ исполненію закона и къ воздержанію отъ нарушеній.

Въ цѣляхъ достиженія задачи устрашенія путемъ исполненія казни, государство можетъ прибѣгать къ различнымъ мѣрамъ;

¹ Объяснительная записка, стр. 140.

² Ст. 8, 9.

³ Сборн. зак. раб., стр. 44—45; Высоч. утв. проектъ, ст. 8—9

⁴ Ст. 12 и 13.

но, будучи послѣдовательнымъ, приходится признать, что устрашеніе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ видъ казни ужаснѣе. Такъ, англійское правительство, для возстановленія порядка въ Индіи, примѣняло къ виновнымъ разстрѣляніе, но при этомъ, для лучшаго самообезпеченія, изобрѣло крайне отвратительный приѣмъ, рассчитанный на туземные вкусы и нравы: виновныхъ привязывали къ дулу пушки, по два, по три человѣка разомъ, и производили залпъ¹.

Въ наше время законодательства европейскихъ государствъ устанавливають быстрые и немучительные приѣмы лишенія жизни виновнаго, при чемъ всѣ они требуютъ *публичнаго* исполненія приговора. Эта публичность понимается въ томъ смыслѣ, что осуществленіе угрозы должно происходить въ присутствіи войскъ и начальниковъ осужденнаго; другія лица—гражданскія, не принадлежащія къ арміи, къ этому акту не допускаются. Самое исполненіе происходитъ въ предѣлахъ тюремной ограды или въ уединенныхъ мѣстахъ.

По нашему военно-судебному уставу² приговоръ приводится въ исполненіе предъ строемъ или въ присутствіи той команды, къ которой принадлежитъ осужденный; постороннія лица не допускаются. Если въ предѣлахъ ограды зданія, гдѣ содержится осужденный, имѣется мѣсто, удобное для исполненія казни предъ строемъ, то она совершается внутри означенной ограды; въ противномъ случаѣ избирается другое удобное мѣсто. Эти данныя изъ военно-судебнаго устава не исчерпываютъ, однако, многихъ подробностей исполненія казни. Для выясненія ихъ необходимо обратиться къ другимъ законодательнымъ постановленіямъ—приказу по воен. вѣд. 7 января 1882 г. № 7 и къ V-ой части, кн. II, ст. 549 С.В.П. 1859 г., изъ которыхъ видно, что присужденный къ казни долженъ быть прежде исполненія ея исключенъ изъ списковъ своей части. Къ осужденному приглашается священникъ или духовное лицо его вѣроисповѣданія для приготовленія къ исповѣди и св. причащенію или къ покаянію и молитвѣ. Духовное лицо сопровождаетъ осужденнаго на мѣсто казни и остается при немъ до исполненія приговора, напутствуя его къ открывающейся предъ нимъ въ иномъ мірѣ новой жизни. Осужденный

¹ Журн. военно-кодифик. комиссіи, стр. 100.

² Ст. 1117—1118.

отправляется на мѣсто казни въ закрытой повозкѣ, подъ конвоемъ, въ арестантской шинели и шапкѣ. Приговоръ прочитывается во всеуслышаніе однимъ изъ офицеровъ по назначенію начальника, исполняющаго приговоръ. Затѣмъ на осужденнаго надѣвается бѣлая, длинная рубаха, священникъ даетъ ему благословеніе, преступника съ завязанными глазами привязываютъ къ столбу, сзади котораго вырыта яма. Послѣ этого 15 рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ приближаются къ столбу съ заряженными ружьями и, не доходя 15 шаговъ, останавливаются, прикладываются и стрѣляютъ, цѣлясь въ грудь, чтобы смерть послѣдовала мгновенно; при этомъ солдаты должны подходить неслышно, и унтеръ-офицеръ подаетъ команду знаками. Если съ перваго залпа преступникъ не застрѣленъ, то команда снова заряжаетъ ружья и стрѣляетъ по одиночкѣ. По совершеніи казни тѣло преступника снимается со столба, кладется въ гробъ и подъ конвоемъ отправляется на мѣсто погребенія. Отъ прочтенія приговора до окончанія казни продолжается барабанный бой. Войска расходятся.

Что касается обряда повѣшенія, то въ общемъ онъ почти сходится съ только что указаннымъ; казнъ совершается особо назначеннымъ для того лицомъ.

Во Франціи исполненіе наказанія регламентируется декретами 23 ноября 1874 г. и 4 октября 1891 г. Въ «цѣляхъ гуманности», законъ предписываетъ производить смертную казнъ «быстро и надежно». Осужденный выводится на мѣсто казни, въ сопровожденіи отряда въ 50 чел., не въ воинской одеждѣ. Его привязываютъ къ столбу и, во время чтенія приговора, завязываютъ глаза и ставятъ на колѣна. Взводъ стрѣлковъ (12 чел.) выстраивается въ 6-ти метрахъ и даетъ залпъ. При казни присутствуютъ войска. Если бы послѣ залпа преступникъ остался въ живыхъ, ему наносится *coup de grâce* однимъ изъ исполнителей ².

Согласно *Militär-Strafvollstreckungs-Vorschrift* въ Германіи мѣсто и время исполненія казни опредѣляется властями. Къ присутствованію при смертной казни назначается часть не менѣе

¹ Этотъ порядокъ исполненія казни повторяетъ данныя изъ военно-уголовн. законовъ 1839 г., II кн. ст. 501, въ свою очередь заимствованныя изъ §§ 81—101 полевого уголовного судопроизводства 1812 года (1 П.С.З., № 24975). См. Неѣловъ, Курсь, стр. 62—63.

² Sortais.—стр. 163—165.

роты. Приведеніе ея въ исполненіе возлагается на штабъ-офицера, который опредѣляетъ способъ доставки на мѣсто казни осужденнаго и распоряжается о назначеніи къ нему духовнаго лица. На мѣстѣ казни въ присутствіи войскъ подѣ ружьемъ аудиторомъ или, въ случаѣ его отсутствія, офицеромъ прочитывается рѣшеніе суда и приказъ объ его утвержденіи. Затѣмъ десять рядовыхъ строятся въ двѣ шеренги въ 5-ти шагахъ отъ осужденнаго и, послѣ новаго напутствованія осужденнаго священникомъ, приводятъ приговоръ въ исполненіе по командѣ или знаку. Штабъ-офицеръ, распоряжающійся на мѣстѣ казни, въ зависимости отъ обстоятельствъ, опредѣляетъ, долженъ ли осужденный быть скованнымъ или съ завязанными глазами. Объ исполненіи составляется протоколъ ¹.

Съ большой помпой совершается смертная казнь въ Австріи, согласно Pkt. 708 Dienstreglement'a. Исполненіе возлагается на Depot-Commandant'a. Для прикрытія назначается двѣ роты стрѣлковъ, а для оцѣпленія осужденнаго: фельдфебель, капралъ, 6 ефрейторовъ и 18 рядовыхъ; послѣдніе образуютъ четырехугольникъ, по 6-ти человекъ съ каждой стороны. Профосъ ведетъ осужденнаго подѣ этимъ конвоемъ на мѣсто казни, въ границы оцѣпленія входитъ священникъ. Процессія подвигается медленнымъ шагомъ, и никто не смѣетъ отдавать при этомъ чести. Лѣвѣе начальника, распоряжающагося экзекуціей, идетъ аудиторъ. Начальникъ, при приближеніи къ мѣсту казни, командуетъ: «Habt Acht! In das Executions-Carré, Marsch!» По этой командѣ составляется изъ полуротъ каррэ. Въ него входятъ офицеры. Аудиторъ прочитываетъ приговоръ, а затѣмъ слѣдуетъ исполненіе казни, послѣ чего священникъ произноситъ краткое увѣщаніе и молится за умершаго, при чемъ войска преклоняютъ колѣна.

Если назначено разстрѣляніе, то приговоръ исполняется 8-ю стрѣлками, заряжающими ружья подѣ наблюдениемъ офицера. Послѣ прочтенія приговора осужденный становится на колѣна, и ему завязываются глаза однимъ изъ его товарищей, присутствующихъ при казни. Преступнику даже предоставляется право выбора этого «Kamerad'a» (!). Послѣ этого начальникъ экзекуціи даетъ саблею знакъ, по которому одна сторона каррэ раскры-

¹ Militär-Strafvollstreckungs-Vorschrift, §§ 1—2.

вается. Стрѣлки выходятъ впередъ. Отъ нихъ отдѣляются четыре стрѣлка, назначенныхъ стрѣлять первыми, которые безшумно берутъ на изготовку и приближаются къ осужденному на такое разстояніе, чтобы его не встревожить (*ohne den Verurtheilten zu beruhren*). За ними также неслышно двигаются остальные стрѣлки. Начальникъ экзекуціи становится такимъ образомъ, чтобы стрѣлки, могли его видѣть, затѣмъ поднимаетъ саблю. По этому знаку, два стрѣлка, находящіеся въ срединѣ, цѣлятся въ голову, а крайніе—въ грудь осужденнаго и по командѣ «Feuer» дѣлаютъ залпъ. Остальные четыре стрѣлка производятъ одинъ или нѣсколько выстрѣловъ только въ томъ случаѣ, если преступникъ еще живъ. При казненномъ оставляется караулъ: 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ до захожденія солнца ¹. Исполненіе казни всегда совершается утромъ черезъ два дня послѣ объявленія осужденному приговора ².

Въ Бельгіи исполненіе смертной казни регламентируется декретомъ національнаго конвента 12 мая 1793 года ³. Констатированіе смерти осужденнаго возлагается на врача, который, по окончаніи казни, опредѣляетъ, слѣдуетъ ли нанести казненному *coup de grâce*, который, въ случаѣ надобности, исполняется назначеннымъ для того унтеръ-офицеромъ выстрѣломъ въ ухо на разстояніи пяти сантиметровъ отъ осужденнаго. Если смертной казни подвергаются одновременно нѣсколько человѣкъ, то они разставляются по одной линіи въ 10-ти метрахъ одинъ отъ другого. Затѣмъ адъютантъ поднимаетъ саблю, даетъ время стрѣлкамъ изготовиться и потомъ командуетъ «feu» ⁴.

§ 39. Правопораженія при смертной казни.

Жизнь—высшее благо человѣка и отнятіе его—высшее зло и страданіе для живого существа. Примѣняя къ виновному смертную казнь, государство заставляетъ его разомъ оканчивать всѣ счеты съ порядкомъ. Поэтому, казалось бы, что смертной казни въ отношеніи военнослужащихъ невозможно придать ка-

¹ A. Koller,—*Militär-Strafgesetz*, стр. 19—21.

² § 318 *Mil. Straf-Proz.-Ordnung*.

³ См. выше, стр. 154; *Legavre.—Commentaire*, стр. 6—7.

⁴ *Legavre.*—стр. 7.

кихъ-либо отличныхъ чертъ. И дѣйствительно, пока область военно-уголовнаго права не отмежевывалась отъ права общаго, смертная казнь по своему содержанію являлась одинаковою карательною мѣрою, независимою отъ юридическаго положенія виновнаго.

Однако, съ теченіемъ времени законодатель долженъ былъ убѣдиться, что между тяжкими воинскими и общими преступленіями слишкомъ мало общаго для того, чтобы облагать ихъ одинаковыми наказаніями, и что мотивы, цѣли и намѣренія воинскаго преступнаго дѣянія совершенно иного характера и свойства. Поэтому естественно родилась мысль о необходимости различать даже и въ смертной казни почетныя и позорныя формы. Мысль эта, при содѣйствіи общественнаго мнѣнія и культурныхъ условій страны, въ разныхъ государствахъ получила и разное осуществленіе.

Но дѣло далеко не ограничилось только формами казни: законодатель рѣшился измѣнить для военнослужащихъ и юридическія послѣдствія ея. Этотъ процессъ совершался въ теченіе долгаго періода времени, но и теперь онъ еще не закончился и, надо думать, закончится не скоро.

Французскій кодексъ указываетъ, что въ случаяхъ осужденія виновнаго къ смертной казни *по общимъ уголовнымъ законамъ*, къ нему примѣняется лишеніе воинской чести ¹. Соображенія, которыми руководствовался законодатель, покоятся на слѣдующемъ ²: «Смертная казнь, всегда позорная въ порядкѣ общегражданскомъ, не можетъ сохранять такого характера во всѣхъ случаяхъ примѣненія ея къ военнослужащимъ. Если поддержаніе дисциплины требуетъ иногда наказаній, кажущихся несоразмѣрными съ нарушеніемъ, и если тяжкихъ нарушеній службы и неповиновенія достаточно для примѣненія къ виновнымъ военнослужащимъ смертной казни, то возмутительно была бы мѣра, которая поставила бы на одну линію, въ отношеніи позорности (*infamie*), военныхъ съ убійцами и наиболѣе ужасными преступниками» ³.

¹ Art. 187—188.

² Foucher,—Commentaire. 569—570.

³ Вопросъ о такомъ различіи возникъ еще въ 1829 г. въ комиссіи палаты пэровъ. Генераль Ambrugeas заявлялъ, что «законодатель не въ силахъ придать преступному дѣйствию позорящее значеніе, когда общественное мнѣніе откажется признать въ этомъ дѣйствиіи глубокую без-

Что касается воинскихъ преступленій, то французскій кодексъ въ особенной своей части обложилъ одни изъ нихъ смертною казнью съ лишеніемъ воинской чести, другія—безъ таковой. Къ первымъ относятся дѣянія, которыя не лишены постыднаго характера: измѣна, шпіонство, содѣйствіе непріятелю, убійство начальника изъ засады, грабежъ и т. п.; ко вторымъ—нарушеніе военноплѣннымъ своего слова; проникновеніе непріятеля въ крѣпость; оставленіе поста; бунтъ; вооруженное насиліе противъ часового; насиліе надъ начальникомъ въ строю или на службѣ; сопротивленіе; нападеніе на союзную державу; продолженіе враждебныхъ дѣйствій; принятіе начальствованія безъ разрѣшенія; побѣгъ въ виду непріятеля; ограбленіе раненаго съ нанесеніемъ ему новыхъ ранъ, убійство обывателя ¹.

При лишеніи воинской чести виновный лишается чиновъ и права ношенія связанныхъ съ чинами знаковъ отличія и мундира, признается абсолютно неспособнымъ служить въ арміи подъ какимъ бы то ни было видомъ, лишается права носить какіе бы то ни было ордена, правъ на пенсію и награды за прежнюю службу ²; кромѣ того, согласно ст. 28 и 34 общаго уголовнаго кодекса, осужденный теряетъ права гражданства, т. е. отрѣшается отъ публичныхъ должностей, лишается права вотиловать, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ, признается неспособнымъ къ производству экспертизы, къ свидѣтельствуванію, быть членомъ семейнаго совѣта, опекуномъ, содержать школу и т. п.

Австрійскій кодексъ различаетъ правопораженія при повѣшеніи и разстрѣляніи. Осужденіе къ *повѣшенію* влечетъ: 1) для офицеровъ и чиновниковъ—исключеніе изъ службы, для не имѣющихъ должности—отставленіе отъ службы, для унтеръ-офицеровъ—разжалованіе, для рядовыхъ и, кромѣ того, для всѣхъ военнослужащихъ вообще, — изгнаніе изъ арміи (*Ausstossung aus der k. k.*

нравственность, ту испорченность сердца и жажду крови, которыя влекутъ къ воровству и убійству»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводилъ крайне характерный случай отказа одного осужденнаго къ каторгѣ въ замѣну смертной казни за нанесеніе начальнику оскорбленія, въ виду того, что, по мнѣнію виновнаго, онъ не совершилъ ничего постыднаго. а потому лучше предпочиталъ смерть. чѣмъ каторгу съ лишеніемъ чести.

¹ Art. 205, 207, 211 и 213. 217, 220, 222 и 223, 225, 226, 227, 228. 241, 249 и 256.

² Art. 190, ч. 2.

Агмее) съ лишеніемъ знаковъ отличія и мундира; 2) лишеніе дворянства (Adel); 3) гражданскихъ почетныхъ званій, титуловъ, ученыхъ степеней и 4) завѣщательной правоспособности послѣ осужденія. При осужденіи къ разстрѣлянню для виновнаго наступаютъ всѣ указанныя послѣдствія, кромѣ изгнанія изъ арміи и лишенія дворянства ¹.

Дѣянія, влекущія повѣшеніе, большею частью, представляютъ собою постыдныя преступленія, какъ, напр., побѣгъ, совершенный съ намѣреніемъ поступить въ службу непріятеля; заговоръ на такое же преступленіе; побѣгъ, соединенный съ умышленнымъ убійствомъ при задержаніи; намѣренное обнаруженіе трусости, какъ результатъ соглашенія съ непріателемъ, имѣющій въ виду интересы противника; вступленіе на службу къ непріателю и др.

По германскому кодексу, смертная казнь за преступныя дѣянія, указанныя въ немъ, не влечетъ правоограниченій по закону. Однако, такъ какъ, въ силу § 2 кодекса, положенія общеуголовныхъ законовъ, относящіяся къ преступленіямъ и проступкамъ вообще, имѣютъ примѣненіе и къ воинскимъ преступленіямъ, то, слѣдуя § 32 германскаго уложенія, необходимо придти къ выводу, что смертная казнь за преступныя дѣянія по воинскому уставу *можетъ* сопровождаться лишеніемъ гражданскихъ почетныхъ правъ. Присоединеніе этого придатка ставится на усмотрѣніе суда ² и, слѣдовательно, каждое преступленіе, наказываемое по уставу смертною казнью, можетъ влечь за собой правопораженіе.

Точно также и по бельгійскому кодексу присоединеніе къ смертной казни *dégradation militaire* всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія суда ³.

Проектъ Капгера въ ст. 7 устава вливалъ разстрѣлянне и повѣшеніе, при чемъ позорное лишеніе чести соединялось съ повѣшеніемъ, а при разстрѣлянніи этотъ придатокъ ставился на усмотрѣніе суда. Военно-кодификаціонная комиссія посвятила этому вопросу нѣсколько засѣданій, при чемъ большинство членовъ высказалось, что присоединеніе лишенія чести къ разстрѣлянню составляетъ «нововведеніе, едва-ли оправдываемое какою-

¹ §§ 45—46.

² Rüdorff, — Militar-Strafgesetzbuch, стр. 17.

³ Art. 2; Legavre, стр. 6.

либо необходимостью», почему и рѣшено было присоединять право-пораженіе только къ повѣшенію ¹. Впослѣдствіи комиссія снова возбудила вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли при установленіи смертной казни сдѣлать различіе тѣхъ случаевъ, когда смертная казнь должна сопровождаться лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и когда должна опредѣляться безъ присоединенія этого позорнаго лишенія. Меньшинство членовъ полагало внести въ законъ общее правило объ обязательномъ лишеніи всѣхъ правъ состоянія на томъ основаніи, что противное этому правило явилось бы нововведеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ уложеніемъ, что воинскія преступленія, по своему характеру, не даютъ безусловнаго права на такое отступленіе отъ общихъ законовъ, что, наконецъ, установленіе смертной казни безъ праволишеній вызвало бы необходимость въ особомъ наказаніи, замѣняющемъ смертную казнь и также не влекущемъ правопораженія. Наоборотъ, по мнѣнію большинства, условія военного быта создаютъ рядъ особыхъ преступленій, въ которыхъ не заключается проявленій ни испорченной нравственности, ни постыдныхъ побужденій и для которыхъ, поэтому, «справедливо, полезно и сообразно со справедливостью» установить особую казнь безъ лишенія правъ. «Сопровожденіе по воинскимъ законамъ смертной казни всегда и безусловно лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія не оправдывается ни пользою, ни необходимостью и можетъ вести на дѣлѣ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ той цѣли, какую имѣетъ въ виду карательный уголовный законъ». Въ виду этого въ проектъ военно-кодификаціонной комиссіи и было внесено правило о томъ, что разстрѣліаніе опредѣляется безъ лишенія или съ лишеніемъ правъ состоянія; повѣшеніе же сопровождается всегда праволишеніемъ, а также и позорнымъ лишеніемъ воинской чести передъ строемъ ²; при этомъ видъ наказанія опредѣлялся судомъ. Совѣщаніе постановило, что повѣшенію должно предшествовать позорное лишеніе воинской чести; вмѣстѣ съ тѣмъ оно признало полезнымъ указать въ особенной части устава нѣкоторые случаи, когда преступникъ долженъ неминуемо подвергнуться позорной смертной казни ³.

¹ Журн. В.-Кодиф. комиссіи, стр. 96—104.

² Проектъ, ст. 8 и 10.

³ Сборн. зак. раб., стр. 184—185.

Такимъ образомъ, утвержденная редакція проекта содержала въ себѣ слѣдующія положенія: ст. 8 указывала, что лишеніе всѣхъ правъ состоянія присоединяется и къ повѣщенію, и къ разстрѣлянню, а ст. 9, кромѣ того, что къ повѣщенію лишеніе воинской чести присоединяется всегда, а къ разстрѣлянню—по усмотрѣнію суда. Впослѣдствіи ¹ лишеніе воинской чести исчезло со страницъ нашего законодательства.

Въ настоящее время уставъ знаетъ смертную казнь съ лишеніемъ и безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія. Послѣдняя приимѣняется только въ военное время, осуществляется посредствомъ разстрѣлянна и назначается за такія преступленія, которыя, представляя собою нарушеніе обязанностей службы, не сопряжены съ корыстными или другими постыдными побужденіями; сюда относятся: оставленіе поста въ виду непріятеля, положеніе безъ боя оружія, сдача крѣпости, самовольное отступленіе отъ плана военныхъ дѣйствій, самовольное принятіе начальствованія, нападеніе на союзное государство, разрушеніе военныхъ орудій и запасовъ и разглашеніе тайнъ.

Смертная казнь безъ присоединенія правопоражающихъ придатковъ, по своей идеѣ, весьма разумная и справедливая мѣра; однако, отграничить въ законѣ область воинскихъ преступленій, лишенныхъ постыднаго характера, отъ дѣяній позорнаго характера представляется труднымъ. Въ сущности, какія дѣянія для военно-служащаго могутъ быть признаны непостыдными, не влекущими за собою позорнаго придатка—лишенія правъ? Вѣдь для военно-служащаго каждое преступленіе, а тѣмъ болѣе воинское—постыдно, позорно. Слѣдовательно, разсматривать постыдность дѣянія слѣдуетъ только съ точки зрѣнія общегражданской, или вѣрнѣе—не отягчать смертную казнь правопораженіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершается по легкомыслію, увлеченію, «патріотизму» ², какъ говорили члены военно-кодификаціонной комиссіи. Наоборотъ, когда тяжкое воинское нарушеніе происходитъ въ силу корыстныхъ или личныхъ интересовъ, или сопряжено съ гнусными побужденіями или съ явнымъ сознаніемъ и желаніемъ вреда государству, арміи или отдѣльнымъ лицамъ, къ виновному должно примѣнить смертную казнь, со всѣми право-

¹ Прик. по в. в. 1882 г., № 7.

² Журн. В. у. ком., стр. 230.

поражающими послѣдствіями, такъ какъ здѣсь не можетъ быть мѣста привилегированной отвѣтственности. Отсюда видно, что устанавливая положительно въ законѣ необходимость лишенія правъ при назначеніи смертной казни въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, законодатель рискуетъ впасть въ ошибку, такъ какъ все зависитъ отъ свойствъ самаго дѣянія, побужденій виновнаго и цѣлаго ряда другихъ привходящихъ моментовъ, трудно уловимыхъ и не допускающихъ законодательной регламентаціи, но въ которыхъ за то легко разобратся суду, опредѣляющему наказаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, напр., нашъ воинскій уставъ назначаетъ за сопротивленіе въ виду непріятели смертную казнь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія¹. Однако, вполне мыслимы случаи, когда военнослужащій сопротивляется только по недоразумѣнію и несовсѣмъ ясно усвоенному приказанію или же, наоборотъ,—въ цѣляхъ способствованія видамъ непріятели или своимъ собственнымъ. Различіе въ томъ и другомъ случаѣ очевидно; между тѣмъ, назначая за сопротивленіе вообще положительно смертную казнь съ правопораженіемъ, законодатель тѣмъ самымъ лишаетъ возможности оттѣнить это различіе и дать восторжествовать началу, положенному имъ самимъ въ основу привилегированной смертной казни.

Помимо этого, нашъ уставъ, стремясь къ болѣе точной регламентаціи, совершенно произвольно подраздѣляетъ наказуемыя дѣянія въ отношеніи привилегированной смертной казни. Напримѣръ, въ двухъ почти тождественныхъ дѣяніяхъ онъ устанавливаетъ различныя карательныя мѣры: ст. 158 предусматриваетъ самовольную отлучку въ виду непріятели съ караула, и ст. 245—самовольное оставленіе при тѣхъ же условіяхъ поста; въ первомъ случаѣ назначено лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, во второмъ случаѣ—смертная казнь.

Главные виновные въ командѣ, нарушившей приказанія и оставившей назначенное для нея мѣсто *безъ боя* или *положившей оружіе* предъ непріятелемъ, или *сдавшейся* въ плѣнъ, «не исполнивъ своей *обязанности по дому присяги*», подвергаются смерти съ праволишеніемъ, а командующій отрядомъ, *положившій оружіе* предъ непріятелемъ или *заклучившій капитуляцію*,

¹ Ст. 106 и 107.

не исполнивъ своей *обязанности по дому присяги* и согласно съ *требованіями воинской чести*, если эти дѣйствія совершены безъ боя или несмотря на возможность защищаться, — привилегированной казни¹.

Или: за умышленное сокрытіе важныхъ о непріятелѣ или другихъ свѣдѣній, если тѣмъ отнята возможность отвратить вредныя для военныхъ дѣйствій послѣдствія, назначается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, а за разглашеніе тайныхъ свѣдѣній, ввѣренныхъ по службѣ, если произошли вредныя послѣдствія—только смертная казнь² и т. д.

Или, напримѣръ, сравнивая постановленія кодексовъ, приходится убѣдиться, что одни и тѣ же дѣянія, въ отношеніи присоединенія правопоражающихъ придатковъ, въ разныхъ государствахъ оцѣниваются различно. Напр., французскій кодексъ считаетъ излишнимъ присоединять къ смертной казни лишеніе чести въ случаѣ ограбленія раненаго съ нанесеніемъ ему новыхъ ранъ; наоборотъ, нашъ уставъ грозитъ въ этихъ случаяхъ наказаніемъ за разбой по общимъ уголовнымъ законамъ³. Или: французскій кодексъ за насиліе надъ начальникомъ въ строю устанавливаетъ только *mort*, а нашъ уставъ присоединяетъ и лишеніе правъ⁴ и т. д.

Все это еще разъ заставляетъ утверждать, что точная законодательная регламентація случаевъ примѣненія привилегированной смертной казни невозможна и всецѣло должна быть передана на усмотрѣніе суда, иначе все значеніе этой исключительной карательной мѣры исчезнетъ, и сама она потеряетъ свою цѣлесообразность.

§ 40. Оцѣнка смертной казни.

Смертная казнь, какъ воинское наказаніе, представляетъ собою вымирающій институтъ, которому рано или поздно придется исчезнуть со страницъ военно-уголовнаго законодательства: достаточно прослѣдить исторію послѣдняго столѣтія, чтобы признать это

¹ Ам. 248 и 250.

² Ат. 257 и 264.

³ Art. 249 и ст. 265.

⁴ Art. 222 и ст. 98, ч. 2, п. 6.

положеніе заслуживающимъ большого вѣроятія, а историческое вымираніе казни въ свою очередь можетъ служить наилучшимъ критеріемъ пригодности ея для арміи.

Осуществленіе смертной казни имѣетъ цѣлью уничтожить преступника и тѣмъ предупредить возможность новыхъ преступленій съ его стороны; въ отношеніи же остальной массы военнослужащихъ публичное исполненіе должно показать могущество закона и тѣмъ предупредить возможность преступленій со стороны этой массы. Словомъ, осуществляя смертную казнь, государство преслѣдуетъ цѣль устрашенія.

Выше было установлено, что воинское наказаніе должно быть *личнымъ*, т. е. зломъ, падающимъ исключительно на виновника. Этому условію удовлетворяетъ и смертная казнь, но не вполне. Такъ австрійскій уставъ сохраняетъ еще децимацію¹, наказаніе, лишаящее жизни виновнаго не по мѣрѣ вины, а на основаніи данныхъ жребія (Los). Въ силу § 168, за возстаніе, произведенное большимъ числомъ военнослужащихъ, по приговору Standrecht'a, назначается смертная казнь разстрѣляніемъ, которая исполняется надъ оберъ и унтеръ-офицерами и надъ каждымъ десятымъ рядовымъ, назначаемымъ по жребію. Еще рѣзче проявляется нарушеніе начала личной отвѣтственности въ § 250, который угрожаетъ смертною казнью всѣмъ лицамъ, входящимъ въ составъ команды, не исполнившей своихъ обязанностей въ сраженіи или положившей оружіе или иначе проявившей трусость въ бою; казни подвергаются: всѣ зачинщики, всѣ офицеры и каждый десятый изъ нижнихъ чиновъ по жребію.

Смертная казнь, сопровождаемая у насъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, представляется также однимъ изъ нарушеній этого принципа. Въ сущности, отнимая у осужденнаго жизнь—высшее благо, законъ ступеневываетъ для него лично значеніе всякихъ другихъ праволишеній, но, отнимая у него права собственности и лишая завѣщательной правоспособности, государство тѣмъ самымъ распространяетъ зло наказанія не только а преступника, но и на третьихъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія, желательно замѣнить лишеніе всѣхъ правъ состоянія,—если правоограниченіе необходимо,—какимъ-либо другимъ придаткомъ, поражающимъ только личныя блага осужденнаго.

¹ Huebner, Lehrbuch стр. 15; §§ 168 и 250 устава.

Принципъ моральности воинскаго наказанія—общій принципъ уголовного права. Между тѣмъ, смертная казнь противорѣчитъ не только высшимъ завѣтамъ ученія Христа, но и развращаетъ толпу зрителей, собранныхъ быть свидѣтелями лишенія жизни, такъ какъ она или развиваетъ грубые, низменные инстинкты человѣческой природы, или вызываетъ проявленія чувства состраданія къ наказанному, нежелающа въ дѣлѣ военно-уголовной политики. Но такъ какъ цѣль смертной казни — устрашеніе, то, слѣдовательно, совершая казнь непублично, тѣмъ самымъ устраняется и устрашительное воздѣйствіе на толпу или, вѣрнѣе, наказаніе становится нецѣлесообразнымъ.

Выше мы останавливались уже на разсмотрѣніи церемоніаловъ совершенія смертной казни, теперь постараемся выяснитъ, поскольку интересы цѣлесообразности наказанія требуютъ этой торжественности. По нашему мнѣнію, эти ритуалы вѣрнѣ всего развращаютъ зрителей, а для осужденнаго создаютъ «моральную и физическую пытку и удлиняютъ агонію» ¹. Въ особенности грѣшить въ этомъ отношеніи законодательство Австріи, съ его длиннымъ и сложнымъ кортежемъ, церемоніями и кощунственнымъ издѣвательствомъ надъ преступникомъ. Безусловно, публичность казни—необходима въ интересахъ устрашенія, но число присутствующихъ должно ограничивать до возможныхъ предѣловъ, а главное—уничтожить участіе товарищей осужденнаго въ непосредственномъ исполненіи приговора.

И правъ Sortais, который, говоря о формахъ исполненія смертной казни, замѣчаетъ: «Развѣ это—не есть нравственное зло, котораго достаточно, чтобы наложить ужасное пятно палачей разомъ на нѣсколько человѣкъ, особенно если... они товарищи, быть можетъ—друзья осужденнаго? Развѣ нельзя опасаться, что душевныя движенія импровизированныхъ исполнителей заставятъ дрогнуть руки, которыя не дрожатъ предъ непріателемъ, и тѣмъ помѣшаютъ иногда нанести необходимый *coup de grâces*? Можетъ быть, этотъ *coup de grâces* былъ бы желательнымъ и болѣе надежнымъ для нихъ самихъ; но безпорно, что онъ былъ бы болѣе гуманнымъ. Какъ бы то ни было, но способъ исполненія разстрѣлянія—безусловно не удовлетворителенъ, и хорошо еще, что

¹ Chauveau et Hélie, 1, стр. 115.

оно рѣдко практикуется; желательное появленіе болѣе человѣчной и болѣе совершенной регламентаціи»¹.

Точно также и Coomans говоритъ: «нѣтъ никакой разницы между палачомъ, который съ высоты эшафота даетъ своимъ помощникамъ сигналъ спустить ножъ, и офицеромъ, который поднимаетъ свою саблю, давая тѣмъ такой же знакъ своимъ солдатамъ для смертной казни»².

Смертная казнь—недѣлима.

Нашъ уставъ, наиболѣе снисходительный къ преступникамъ, восполняетъ отсутствіе дѣлимости широкимъ правомъ замѣны ея. Разумѣется, юридическая природа института замѣны совершенно отлична, тѣмъ не менѣе допущеніе ея въ законодательство служитъ выразителемъ стремленія установить возможность исправленія тѣхъ недостатковъ, которые носитъ смертная казнь въ самой себѣ. По нашему уставу смертная казнь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія можетъ быть замѣнена: для осужденнаго къ разстрѣлянію—совершеніемъ надъ нимъ только обряда разстрѣлянія, а для приговореннаго къ повѣшенію—поставленіемъ подъ висѣлицею. Эта казнь носитъ техническое названіе *политической смерти*. Она влечетъ ссылку въ каторжныя работы безъ срока или на опредѣленное время. Наоборотъ, смертная казнь безъ лишенія правъ можетъ быть замѣнена обрядомъ разстрѣлянія и заточеніемъ въ крѣпости на опредѣленное время. Замѣна въ томъ и другомъ случаѣ совершается въ мирное время—по особому Высочайшему соизволенію, а въ военное—по распоряженію главнокомандующаго³.

Институтъ замѣны смертной казни, по справедливости, долженъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, драгоценнымъ и гуманнымъ началомъ, составляющимъ достояніе нашего права; ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ кодексовъ не содержится аналогичнаго института, и превращеніе казни въ другое, болѣе мягкое наказаніе, совершается путемъ смягченія.

Смертная казнь—невозстановима. Если общеуголовная юстиція несовершенна и допускаетъ возможность ошибокъ, то что можно сказать объ отправленіи правосудія въ арміи, стоящей на военномъ

¹ Sortais,—Des délits militaires, стр. 165.

² Legavre, стр. 6.

³ Необходимо имѣть въ виду, что это институтъ замѣны, а не смягченія смертной казни. Прик. по в. в. 1882 г., № 7; ст. 55 в. у. о н.

положеніи и руководствующейся упрощеннымъ порядкомъ судопроизводства? Въ военное время по необходимости приходится жертвовать гарантіями правосудія интересамъ быстроты процесса. Австрійскій кодексъ въ этомъ отношеніи идетъ необыкновенно далеко и даетъ въ руки скорорѣшительнаго трибунала—Standgericht'a — огромную власть по примѣненію высшихъ военно-карательныхъ мѣръ. Естественно, что съ увеличеніемъ быстроты процесса пропорціонально увеличивается и вѣроятность судебной ошибки, и смертная казнь навсегда отнимаетъ у государства возможность исправить таковую ¹.

Столь же мало удовлетворяетъ смертная казнь и другому условію—экономичности наказанія. Наказаніе вообще отрываетъ осужденнаго отъ работы и лишаетъ общество рабочей силы; въ арміи же смертная казнь дѣйствуетъ особенно рѣшительно и не экономично: она не только отрываетъ, но и уничтожаетъ виновнаго. И какъ бы ни были ничтожны случаи ея примѣненія, тѣмъ не менѣе осуществленіе ея въ военное время все же вырываетъ изъ строя людей, помогаетъ непріятелю уничтоженіемъ ихъ и все-таки очень мало содѣйствуетъ интересамъ устрашенія. Понятно, поэтому, насколько осторожно слѣдуетъ относиться къ смертной казни, и почему въ дѣйствительности такъ рѣдко и прибѣгаютъ къ ней.

Смертная казнь представляетъ собою наиболѣе дѣйствительную мѣру въ томъ смыслѣ, что она поражаетъ самое реальное и цѣнное благо—жизнь. Но, какъ указывалось выше ², свойство дѣйствительности имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если самое примѣненіе наказанія представляется неизбѣжнымъ. Что же касается смертной казни, то неизбѣжность ея болѣе, чѣмъ сомнительна. Въ самомъ дѣлѣ, государство часто не рѣшается прибѣгать къ осуществленію угрозы, допуская въ широкихъ предѣлахъ или замѣну казни лишеніемъ свободы, или только помилованіе. Эти факты настолько общеизвѣстны, что въ корнѣ подрываютъ всю устрашительную силу угрозы смертью, а при

¹ Интересную судебную ошибку военнаго суда отмѣчаетъ Н. Gross въ статьѣ «Abschaffung der Todesstrafe» въ Archiv für Krim.-Anthrop. und Kriminalistik, 9 B. 1 H., Май, 1902 г., стр. 9.

² См. стр. 111.

сознаніи возможности избѣжать осуществленія угрозы, сама угроза теряетъ свое значеніе ¹.

Съ своей стороны, въ примѣненіи къ смертной казни, какъ къ наказанію воинскому, мы можемъ засвидѣтельствовать поразительное явленіе: съ введеніемъ полевого уложенія 1812 г., число преступленій, облагаемыхъ смертною казнью, значительно увеличилось, чѣмъ это было въ практикѣ предшествующей эпохи, но число дѣйствительнаго осуществленія смертной казни оказалось ничтожнымъ. Причиною тому служило несоотвѣтствіе тяжести нарушеній съ наказаніемъ и съ культурнымъ уровнемъ начальниковъ, конфирмовавшихъ приговоры. Для доказательства этого мы считаемъ возможнымъ привести слѣдующее:

Въ 1833 г., генералъ *Нейгардтъ*, предсѣдатель комитета, пересматривавшаго военно-уголовное законодательство, писалъ военному министру, на основаніи девяти тысячъ пересмотрѣнныхъ дѣлъ за время 1812—1832 г., что «въ теченіе минувшихъ 20 лѣтъ виновными въ измѣнѣ оказались штабъ и оберъ-офицеровъ—11, изъ которыхъ дѣйствительно разстрѣлены только 2; нижнихъ чиновъ—47, изъ коихъ дѣйствительно разстрѣлены 2... Въ побѣгѣ къ непріятелю оказались виновными: оберъ-офицеровъ 2, изъ коихъ ни одинъ законнаго наказанія не получилъ, нижнихъ чиновъ—93, изъ коихъ разстрѣлены только—5... Нѣтъ сомнѣнія, что въ необходимость смягчать казни начальство вовлечено было отчасти самою строгостью законовъ». Это официальное признаніе ², высказанное въ первую половину XIX ст., при господствѣ грозныхъ карательныхъ средствъ, лучше всего говорить за неѣйствительность смертной казни. И въ наше время расчетъ на помилованіе и замѣну—вполнѣ возможный—можетъ отнять у смертной казни устрашительное значеніе и придать ей характеръ нецѣлесообразной мѣры, отягчающей карательный бюджетъ государства ³.

¹ Фуше вычислилъ, что за 10 лѣтъ—съ 1846 по 1856 г. во Франціи смертныхъ приговоровъ было 1596, а приведено въ исполненіе 134; приговоры къ каторгѣ исполнены въ количествѣ $\frac{1}{4}$ ихъ. См. Курсъ проф. Неблова, стр. 50.

² Архивъ Канцеляріи Воен. Министерства. связка безъ описи при дѣлахъ законодательнаго отдѣла. № 3, стр. 121—125.

³ Въ войну 1877—78 г.г. къ смертной казни съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія было присуждено 16 нижн. чиновъ, изъ которыхъ 7—за

Изъ свойствъ, наиболѣе присущихъ смертной казни, можно отмѣтить ея удобоисполнимость и быстроту, а также и дешевизну, въ смыслъ исполненія.

Такимъ образомъ, смертная казнь не удовлетворяетъ многимъ кореннымъ условіямъ, которыя предъявляются наукою права къ наказанію вообще.

Устрашеніе—цѣль наказанія, имѣющая право на существованіе, но устрашать фактическимъ исполненіемъ наказанія можно только при томъ условіи, если осуществленіе угрозы слѣдуетъ непосредственно за совершеніемъ преступленія. Нашъ уставъ отлично понимаетъ всю цѣлесообразность такой мѣры и разрѣшаетъ въ минуты крайне вредно дѣйствующаго на массу отрицанія дисциплины принимать «необыкновенныя мѣры». Ст. 277 воинскаго устава о наказаніяхъ, между прочимъ, указываетъ, что смертоубійство не вмѣняется въ преступленіе, когда во время возмущенія открытою силою или вооруженною рукою начальникъ, для восстановленія порядка, будетъ вынужденъ употребить эти мѣры или когда во время сраженія начальникъ убьетъ подчиненнаго, сопротивляющагося ему или обратившагося изъ трусости въ бѣгство, или побудившаго къ побѣгу другихъ, или распротранившаго между военными чинами страхъ и безпорядокъ, если не было иного средства пресѣчь сопротивленіе или предупредить побѣгъ и безпорядки.

Точно также и швейцарскій кодексъ предписываетъ офицеру убить или приказать убить въ сраженіи или вблизи непріятеля каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, если онъ замѣтитъ, что кто-либо изъ нихъ пытается бѣжать, предварительно лишь напомнивъ имъ громко объ ихъ обязанностяхъ ¹.

Австрійскій уставъ, въ свою очередь, разрѣшаетъ убить подчиненнаго на мѣстѣ (*auf der Stelle niederzumachen*), въ случаѣ обнаруженія имъ трусости, захвата незаконнымъ путемъ добычи, ухода съ поля сраженія и грабежа ².

воинскія нарушенія. Изъ послѣднихъ подвергнуто разстрѣлянію только четверо: 2—за нанесеніе ударовъ офицерамъ, 1—за подстрекательство команды къ угрозѣ оружіемъ противъ офицера и 1—за побѣгъ къ непріятелю. См. Максимовъ, —Статистическій очеркъ в.-судн. части во время войны 1877—78 г.г., часть 2, стр. 75—76.

¹ Art. 81 какъ бы устанавливаетъ диспозицію—бѣгство изъ трусости и санкцію—смертную казнь рукою или по приказанію начальника.

² §§ 252 и 255, 264, 282, 499.

Шведскій кодексъ, на которомъ вообще замѣтно вліяніе нашего устава, указываетъ, что если во время сраженія подчиненный обратится въ бѣгство или предастся грабительству, или при возмущеніи, мятежѣ или въ другихъ случаяхъ, когда преступленіе можетъ повлечь большую опасность для порядка или безопасности, приказаніе начальника остается безъ исполненія, то начальникъ имѣетъ право употребить силу; если эта сила окажется чрезмѣрною, то примѣняются правила общеуголовнаго уложенія, относящіяся къ необходимой оборонѣ ¹.

Эти постановленія являются наслѣдіемъ далекаго прошлаго. Само собою разумѣется, что между смертною казнью, какъ наказаніемъ, и убійствомъ подчиненнаго въ указанныхъ случаяхъ нѣтъ ничего общаго, но приведенныя постановленія совершенно справедливо выдвигаютъ эти необыкновенныя мѣры, какъ цѣлесообразныя средства устрашенія ². И какъ бы ни былъ коротокъ моментъ между совершеніемъ преступленія и осуществленіемъ наказанія, тѣмъ не менѣе промежутокъ времени, нужнаго для судебного разсмотрѣнія дѣла, будетъ достаточнымъ для того, чтобы отнять у смертной казни ея ошеломляющее значеніе, ея остроту.

Этимъ самымъ мы хотимъ сказать, что примѣненіе смертной казни по суду не можетъ конкурировать, въ смыслѣ устрашительности, съ лишеніемъ жизни виновнаго на мѣстѣ преступленія начальникомъ. А потому и признавать за смертною казнью значеніе мѣры, способной устрашать всегда и во всѣхъ случаяхъ, не представляется возможнымъ.

Понятно, что доводовъ приводимыхъ за необходимость смертной казни, такъ же много, какъ и доказательствъ противнаго, тѣмъ не менѣе прогрессивное пониженіе жестокости воинскихъ наказаній—живой фактъ, съ которымъ приходится считаться и который, быть можетъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, отниметъ у смертной казни даже то небольшое сравнительно значеніе, которое ей придается въ настоящее время ³.

¹ См. § 36 и 37.

² Сергѣевскій,—Русское уголовное право, стр. 149: «никто не назоветъ убійцей офицера, пустившаго пулю въ лобъ обратившемуся въ бѣгство солдату и тѣмъ удержавшаго весь отрядъ отъ отступленія».

³ Проф. Нефловъ не высказывается положительно о необходимости смертной казни, но замѣчаетъ, что въ наше время наблюдается «направленіе по возможности уменьшить ея примѣненіе». Стр. 60.

ГЛАВА II.

Лишеніе правъ.

§ 41. Объемъ и условія пораженія правъ.

Въ самыя раннія эпохи существованія постоянныхъ войскъ въ нихъ рѣзко разграничивались командные и подначальные элементы арміи. Первые выходили изъ высшихъ слоевъ общества, пользовались обширными правами собственниковъ, земле- и рабовладѣльцевъ, подчинялись непосредственно главѣ арміи и, состоя у него на службѣ, сохраняли за собою свои преимущества. Единственнымъ благомъ, на которое могла быть направлена карательная дѣятельность государства, являлись ихъ права: неповиновеніе главѣ арміи свидѣтельствовало, что виновный не считалъ необходимымъ уважать права государя, охранявшаго права подчиненныхъ, а слѣдовательно, и права самого нарушителя; ради этого наказаніе, по идеѣ внѣшняго соотвѣтствія, должно было лишать виновнаго тѣхъ благъ или правъ, которыми тотъ пользовался. Что касается второй группы военнослужащихъ, то говорить о какихъ-либо преимуществахъ, принадлежавшихъ имъ, не приходится; въ послѣдствіи, при усложненіи механизма вооруженныхъ силъ, военныя потребности выдвигаютъ начало іерархіи. Отсюда родилось разнообразіе служебныхъ правъ военнослужащихъ обѣихъ категорій, такъ что и въ средѣ непривилегированныхъ лицъ стали отличаться одни передъ другими извѣстными полномочіями.

Современная доктрина лишенія правъ основывается на слѣдующемъ. Армія, принимая въ свои ряды гражданина, надѣляетъ

его, въ интересахъ государства, извѣстными правами и обязанностями. Эти права коренятся въ существѣ задачъ арміи; на различіи служебныхъ правъ и обязанностей покоится система команднаго и административнаго управленія, это дѣлаетъ армію подвижнымъ организмомъ, имѣющимъ цѣлью достиженіе боевыхъ задачъ. До тѣхъ поръ, пока военнослужащій не нарушаетъ требованій воинскаго правопорядка, онъ пользуется довѣріемъ государства и осуществляетъ свои права. Но разъ имъ совершено нарушеніе, то уже этотъ фактъ показываетъ, что лицо, которому ввѣрено осуществленіе особыхъ правъ публичнаго характера, въ дальнѣйшемъ пользоваться довѣріемъ государства не можетъ. И это послѣднее, опасаясь будущихъ съ его стороны нарушеній въ сферѣ предоставленныхъ ему правъ, отнимаетъ эти права и, такимъ образомъ, лишаетъ его только выгодъ и именно тѣхъ, которыя оно само дало ему для правомѣрнаго пользованія ими.

Въ наше время государство лишаетъ виновнаго правъ *гражданскихъ, публичныхъ и служебныхъ*. Съ точки зрѣнія нашего предмета вся сущность вопроса сводится только къ выясненію, насколько лишеніе тѣхъ или другихъ правъ необходимо въ интересахъ арміи и цѣлесообразности наказанія.

1. Что касается *гражданскихъ* правъ, то необходимость пораженія ихъ за воинскія преступленія подлежитъ большому сомнѣнію. Воинское преступное дѣяніе есть нарушеніе специальныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на виновника военною службою. Отрицающій воинскій правопорядокъ въ то же время не отрицаетъ правопорядка общегосударственнаго; совершая дѣяніе, преступное для арміи, онъ можетъ оставаться лицомъ высокой нравственности. Отсюда ясно, что поражать виновнаго лишеніемъ правъ *общегражданскихъ*—нелогично. Нарушеніе специальныхъ обязанностей должно влечь пораженіе и специальныхъ правъ, приобрѣтенныхъ на военной службѣ, такъ какъ гражданскія права лица—не привилегія военнослужащаго, какъ такового, не приобрѣтеніе заслугами на поприщѣ военной службы, а общегражданскія, вѣрные—общечеловѣческія права, которыми могутъ пользоваться и преступные и честные люди. Въ цѣляхъ охраны воинскаго правопорядка, важно лишать виновнаго только исключительныхъ выгодъ или исключительныхъ правъ, пользованіе которыми со стороны опороченнаго не можетъ быть безопаснымъ.

2. Иначе стоитъ вопросъ о лишеніи правъ *публичнаго* характера, т. е. такихъ правъ, которыя даютъ лицу возможность ока-

зывать то или другое вліяніе на теченіе общественной жизни государства. Понятно, пользование такими правами со стороны виновнаго военнотружашаго не можетъ быть вполне безопаснымъ, такъ какъ, разъ лицо обнаружило свою непригодность къ несенію военныхъ обязанностей и связанныхъ съ ними правъ, то предположеніе о возможномъ злоупотребленіи и другими публичными правами—вполнѣ разумна.

3. Права *военно-служебныя* должны быть однимъ изъ главныхъ благъ, для пораженія ихъ наказаніемъ воинскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, неумѣніе, нежеланіе или завѣдомое злоупотребленіе своими правами по службѣ говоритъ само за себя, и это обстоятельство должно уничтожить довѣріе государства къ виновному. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія справедливости, лишеніе военнотружашаго только его служебныхъ правъ представляется правильнымъ: государство отнимаетъ только тѣ права, которыя оно само даетъ; права служебныя пріобрѣтаются службой; расширеніе правъ по службѣ свидѣтельствуетъ болѣе довѣріе со стороны государства къ виновному, и если виновникъ нарушаетъ довѣріе или оказывается почему-либо неспособнымъ къ осуществленію предоставленныхъ ему правъ, то нѣтъ ничего послѣдовательнѣе и цѣлесообразнѣе, какъ лишать его именно этихъ правъ.

Къ положительнымъ свойствамъ лишенія служебныхъ правъ, какъ наказанія, относится его *экономичность*: оно сопряжено для государства съ наименьшимъ количествомъ затратъ для осуществленія, такъ какъ при этомъ государство только отнимаетъ у виновнаго то благо или тѣ преимущества, которыя дало ему. Хотя эти права имѣютъ публичный характеръ, тѣмъ не менѣе пораженіе ихъ ложится на виновнаго тяжелымъ бременемъ, отчего наказаніе, однако, не перестаетъ быть экономичнымъ, такъ какъ виновный не покидаетъ арміи и несетъ тѣ или другія обязанности, имѣя меньшія права. Наоборотъ, тѣ правопоражающія наказанія, которыя лишаютъ виновнаго права служить въ арміи, въ значительно меньшей мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ экономичности, такъ какъ они поражаютъ и другія его публичныя права, что можетъ только содѣйствовать образованію бѣднѣйшаго населенія въ государствѣ, которому оно такъ или иначе должно будетъ придти на помощь.

Служебныя правопораженія представляютъ собою наиболѣе *дѣйствительныя* карательныя средства, такъ какъ они поражаютъ наиболѣе реальныя блага военнотружашаго и вмѣстѣ съ

тѣмъ отличаются *быстротою* и *удобствомъ исполненія*. Если эти свойства важны вообще, то въ условіяхъ военного времени они получаютъ еще большее значеніе, такъ какъ при этомъ военно-служащій, отбывая наказаніе, остается въ строю и приноситъ извѣстную долю работы для самой арміи. Наконецъ, этимъ наказаніямъ присущи въ широкихъ предѣлахъ свойства *шбкости*, *дѣлимости* и *приспособляемости*, въ виду чего особенно важно соединять правопораженіе не съ наказаніемъ, а съ преступленіемъ, такъ какъ при помощи этого можно будетъ легко исправить даже недостатки главнаго наказанія.

Все это даетъ право признать, что лишеніе служебныхъ правъ едва ли не лучшая карательная мѣра за воинскія нарушенія.

Лишеніе правъ можетъ быть или главнымъ, или придаточнымъ наказаніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ правопораженіе можетъ соединиться или съ извѣстными преступными дѣяніями, или съ опредѣленными наказаніями.

Съ точки зрѣнія цѣлесообразности наказанія, лишеніе правъ не должно быть связываемо съ наказаніемъ, хотя бы и наиболѣе тяжкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, устанавливая правопораженія въ качествѣ необходимаго и законнаго послѣдствія данной карательной мѣры, законодатель стѣсняетъ судью, если по убѣжденію послѣдняго лишеніе права не вызывается ни свойствомъ дѣянія, ни задачею примѣненія къ виновному наказанія. Въ этомъ случаѣ правопоражающій придатокъ будетъ ненужнымъ отягченіемъ участи осужденнаго.

Наоборотъ, устанавливая связь между лишеніемъ правъ и извѣстною категоріею преступныхъ дѣяній, законодатель дѣйствуетъ болѣе цѣлесообразно, хотя установленіе такой связи въ законѣ представляется дѣломъ далеко ненадежнымъ.

Такимъ образомъ, необходимость присоединенія пораженія правъ должна быть поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія суда. Но на это рѣшится не всякое законодательство, а потому въ настоящее время лишеніе правъ, какъ дополнительная мѣра, или присоединяется къ наказанію, какъ необходимое его послѣдствіе, или сопровождаетъ нѣкоторыя преступныя дѣянія.

§ 42. Системы лишенія гражданскихъ и политическихъ правъ.

Дѣйствующіе военно-уголовные кодексы частью создаютъ особые виды лишенія правъ, частью заимствуютъ правопоражающія наказанія изъ обще-уголовныхъ кодексовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, въ систему общеуголовныхъ мѣръ военно-уголовное право вводитъ нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Нашъ воинскій уставъ о наказаніяхъ, по примѣву дѣйствующаго уложенія, различаетъ: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія, 2) лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ и 3) потерю нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

1. *Лишеніе всѣхъ правъ состоянія* сопровождается осужденіемъ виновнаго къ воинскимъ уголовнымъ наказаніямъ: смертной казни, ссылкѣ въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе¹. Исключеніемъ изъ этого правила является осужденіе виновнаго къ особннымъ уголовнымъ наказаніямъ: смертной казни и заточенію въ крѣпости².

Въ этомъ отношеніи воинскій уставъ не дѣлаетъ никакихъ отступленій отъ уложенія и ст. 16 его отсылаетъ къ ст. 22--28 уложенія. Такимъ образомъ, лишеніе правъ состоянія, какъ послѣдствіе воинскаго уголовного наказанія, влечетъ для виновныхъ: дворянъ — потерю дворянства и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ преимуществъ, для духовныхъ — изверженіе изъ духовнаго званія съ потерю преимуществъ, предоставленныхъ имъ; для почетныхъ гражданъ, купцовъ и людей прочихъ состояній — потерю добраго имени и правъ, присвоенныхъ каждому изъ сословій въ особенности; затѣмъ — лишеніе почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія и отобраніе принадлежащихъ осужденному грамотъ, дипломовъ, патентовъ и аттестатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ лишеніе правъ семейственныхъ: прекращеніе правъ супружескихъ, если другой супругъ не слѣдуетъ за осужденнымъ, власти родительской и другихъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства или свойства. Лишеніе правъ

¹ Ст. 2 в. у. о нак.

² Ст. 3 в. у. о нак.

собственности влечетъ переходъ къ законнымъ наслѣдникамъ осужденнаго принадлежащаго ему имущества и всякаго другого имущества, которое могло бы достаться виновному по наслѣдству. Кромѣ того, виновный исключается изъ воинскаго званія¹.

2. *Лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ правъ и преимуществъ* по воинскому уставу ничѣмъ не отличается отъ уложенія; оно влечетъ: лишеніе почетныхъ титуловъ, дворянства, чиновъ, знаковъ отличія, права вступать въ государственную или общественную службу, записываться въ гильдіи или получать какого-либо рода свидѣтельства на торговлю; быть свидѣтелемъ при какихъ-либо договорахъ и давать по гражданскимъ дѣламъ свидѣтельскія показанія, быть избираемымъ въ третейскіе суды, быть опекуномъ, попечителемъ или повѣреннымъ по чьимъ-либо дѣламъ; кромѣ того, осужденный отдается подъ надзоръ полиціи, и ему воспрещается отлучка изъ мѣста жительства въ теченіе извѣстнаго времени; имущество дворянъ отдается въ опекунское управленіе. Воинскій уставъ присоединяетъ къ этимъ лишеніямъ *пораженіе правъ служебныхъ*: исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ—для офицеровъ и чиновниковъ и лишеніе воинскаго званія съ исключеніемъ изъ службы—для нижнихъ чиновъ².

Это правоограниченіе присоединяется къ ссылкѣ на житье, отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и къ заключенію въ тюрьму гражданскаго вѣдомства.

3. *Лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ*, или «потеря» ихъ влечетъ по уложенію *лишеніе публичныхъ правъ*³: запрещеніе вступать въ государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ на какія-либо должности (даже въ опекуны по назначенію дворянской опеки)—для дворянъ; запрещеніе участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемыми въ почетныя или соединенныя со властью городскія должности — для купцовъ и почетныхъ гражданъ; потерю права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми — для людей всѣхъ прочихъ состояній.

Воинскій уставъ соединяетъ это правопораженіе съ лишені-

¹ Ст. 22—28 уложенія о нак.

² Ст. 5, п. I; ст. 6, 6. 1. п. I—II, 2, п. I—II.

³ Ст. 50 и 51 улож. о нак.

емъ служебныхъ правъ¹; такъ оно связывается съ исключеніемъ изъ службы съ лишеніемъ или безъ лишенія чиновъ², съ исключеніемъ изъ службы и съ временнымъ заключеніемъ въ крѣпости³.

Итакъ, въ области пораженія правъ гражданскихъ и политическихъ воинскій уставъ не вноситъ ничего новаго по существу, но присоединяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служебныя правопораженія.

Эти придатки, являясь логическимъ слѣдствіемъ лишенія правъ публичныхъ и гражданскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ естественно усиливаютъ уголовную кару. Разумѣется, трудно согласиться съ тѣмъ, что военнотружашіе должны подлежать усиленной отвѣтственности въ сравненіи съ гражданскими лицами, но нельзя не признать, что такое усиленіе является необходимымъ результатомъ ограниченія публичныхъ правъ.

Система нашего воинскаго устава о наказаніяхъ имѣетъ много общаго съ системою *code de justice militaire*, который основываетъ праволишенія на пораженіи гражданскихъ, публичныхъ и служебныхъ благъ. Art. 189 указываетъ, что наказанія каторгой, ссылкой, заточеніемъ, заключеніемъ и изгнаніемъ опредѣляются по правиламъ общаго уголовного кодекса и, кромѣ послѣдствій, указываемыхъ этимъ кодексомъ, влекутъ за собою лишеніе воинской чести. Такимъ образомъ, и французскій кодексъ допускаетъ естественное усиленіе наказанія для военнотружашаго.

До 1854 г. наказанія вѣчною каторгою и ссылкой влекли за собою высшее правопоражающее послѣдствіе — гражданскую смерть; но законами 31 мая и 3 іюня 1854 г.⁴ это праволишеніе было уничтожено и замѣнено лишеніемъ правъ гражданства (*dégradation civique*). Осужденіе военнотружашаго къ безсрочной каторгѣ или ссылкѣ влечетъ за собою ограниченіе *правъ гражданскихъ*: 1) онъ не можетъ располагать своимъ имуществомъ, вполнѣ или отчасти, ни въ формѣ дара, ни въ формѣ завѣщанія, ни приобрѣтать такимъ путемъ, развѣ лишь приобрѣтаемое будетъ составлять слѣдующее ему содержаніе, и 2) всякое завѣ-

¹ Ст. 26 воин. уст. о нак.

² Ст. 5, п. III; ст. 40 и 41; п. VI и ст. 39.

³ Ст. 5, п. IV; ст. 24, 26.

⁴ Durat-Lasalle, т. IX.

щательное его распоряженіе, сдѣланное ранѣ вступленія въ законную силу послѣдовавшаго о немъ обвинительнаго приговора,—недѣйствительно¹. Однако, правительство можетъ возвратить приговоренному къ вѣчному наказанію сполна или отчасти эти права и даровать ему пользованіе въ мѣстѣ отбытія наказанія всѣми гражданскими правами или нѣкоторыми изъ нихъ². Права общественныя подвергаются ограниченіямъ на слѣдующихъ началахъ: 1) осужденный исключается и отрѣшается отъ всѣхъ публичныхъ должностей, мѣстъ или службъ, 2) лишается права вотивовать, права участвовать въ выборахъ, быть избираемымъ и носить какой-либо знакъ отличія; 3) признается неспособнымъ быть присяжнымъ, экспертомъ; свидѣтелемъ въ актахъ и давать показанія на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, 4) считается неспособнымъ къ занятію должности члена какого-либо семейнаго совѣта, быть опекуномъ, попечителемъ, опекуномъ-замѣстителемъ или попечителемъ расточителей, за исключеніемъ своихъ дѣтей, если семейство согласится на это и, наконецъ, 5) лишается права носить оружіе, быть членомъ національной гвардіи, служить во французской арміи и производить занятія, которыя предполагаютъ какія-либо знанія или мастерство; сюда относятся: право содержать школу, обучать или заниматься въ какомъ-либо образовательномъ заведеніи въ званіи профессора, учителя или надзирателя³. Въмѣстѣ съ этимъ осужденный подвергается лишенію воинской чести⁴.

Осужденіе виновнаго къ срочной каторжной работѣ, заточенію, заключенію или къ изгнанію влечетъ лишеніе правъ гражданства⁵ и лишеніе воинской чести.

Германскій уставъ строитъ систему праволишеній на нѣсколько иныхъ основанійхъ: лишеніе почетныхъ гражданскихъ правъ является единственнымъ праволишеніемъ, заимствованнымъ изъ общеуголовнаго кодекса, которое *можетъ быть присоединяемо* за преступленія по воинскому уставу къ смертной казни, цухтгаузу или къ тюрьмѣ⁶ (въ послѣднемъ случаѣ,—если

¹ Art. 3, законъ 3 іюня 1854 г.

² Art. 4 *ibid.*

³ Ст. 34 Code pénal.

⁴ Art. 190 Code de justice militaire.

⁵ Art. 28 Code pénal.

⁶ § 32 общ. уг. кодекса.

срокъ заключенія не менѣе трехъ мѣсяцевъ и при этомъ или законъ положительно допускаетъ такое лишеніе, или тюрьма назначается взамѣнъ цухтгауза). Срокъ лишенія правъ при осужденіи къ временному цухтгаузу — отъ двухъ до десяти лѣтъ, къ тюрьмѣ—отъ одного года до пяти лѣтъ.

Существо этого праволишенія состоитъ въ томъ, что у виновнаго отнимается рядъ публичныхъ правъ: онъ теряетъ навсегда права, пріобрѣтенныя имъ въ силу публичныхъ выборовъ, публичныя должности, званія, титулы, ордена и знаки отличія, права носить національную кокарду, служить въ германскомъ войскѣ или императорскомъ флотѣ, пріобрѣтать публичныя должности или какія бы то ни было званія, титулы, ордена и т. п., право подавать голосъ по публичнымъ дѣламъ, избирать или пользоваться иными политическими правами, быть свидѣтелемъ при совершеніи письменныхъ актовъ, быть опекуномъ или членомъ семейнаго совѣта, кураторомъ и судебнымъ заступникомъ ¹. При осужденіи къ тюрьмѣ, виновный можетъ быть приговариваемъ къ потерѣ права занимать публичныя должности на время отъ одного года до пяти лѣтъ ²; кромѣ того, общій уголовный кодексъ выдвигаетъ правило, по которому осужденіе къ заключенію въ цухтгаузъ влечетъ за собою лишеніе навсегда права службы въ войскѣ ³.

Наконецъ, при лишеніи почетныхъ гражданскихъ правъ обязательно назначается удаленіе изъ арміи или флота: нижнимъ чинамъ—при цухтгаузѣ, при лишеніи гражданскихъ правъ свыше трехъ лѣтъ ⁴; офицеры же подлежатъ удаленію вмѣстѣ съ осужденіемъ ихъ въ цухтгаузъ или съ лишеніемъ правъ, безотнositельно къ сроку лишенія ⁵.

Нельзя обойти молчаніемъ постановленія шведскаго военно-уголовнаго кодекса, который, по нашему мнѣнію, лучше другихъ разрѣшаетъ вопросъ о правопораженіяхъ въ области гражданскихъ и общественныхъ правъ. Онъ требуетъ присоединенія этого лишенія, въ качествѣ дополнительнаго наказанія, только въ точно установленныхъ закономъ случаяхъ ⁶, именно: въ случаѣ совер-

¹ § 31—34 общ. уг. кодекса.

² § 35 общ. уг. кодекса.

³ §§ 32—35 и 31.

⁴ § 31 воинск. устава.

⁵ Ibid., часть 2-я.

⁶ См. § 27.

шенія виновнымъ позорнаго преступленія, какъ, напр., противъ собственности ¹.

§ 43. Системы пораженія служебныхъ правъ.

Наиболѣе простую систему даетъ бельгійскій кодексъ, который знаетъ: 1) лишеніе воинской чести, 2) исключеніе изъ службы, 3) лишеніе должности, 4) разжалованіе, 5) смѣщеніе и 6) переводъ во второй классъ.

1. *Лишеніе воинской чести* (dégradation militaire) всегда соединяется съ осужденіемъ военнослужащаго по общему уложенію къ уголовному наказанію; наоборотъ, если это наказаніе назначается на основаніи кодекса военного, то лишеніе чести имѣетъ мѣсто только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ суду предоставлено право примѣнять лишеніе чести въ случаѣ признанія военнослужащаго виновнымъ въ позорныхъ преступленіяхъ — attentat à la pudeur, viol, vol, abus de confiance и т. п. ².

Слѣдствіями лишенія воинской чести является: лишеніе чиновъ и права ношенія связанныхъ съ чинами отличій и мундира; неспособность служить въ арміи подъ какимъ бы то ни было видомъ и лишеніе права носить знаки отличія или ордена ³.

2. *Исключеніе изъ службы* (destitution) примѣняется только къ офицерамъ и влечетъ лишеніе чиновъ и права ношенія мундира. Присоединеніе этого наказанія является обязательнымъ при осужденіи виновнаго по воинскому уставу къ уголовному наказанію, если оно не влечетъ лишенія чести, и кромѣ того—за преступленія позорныя, указанныя выше ⁴.

3. *Лишеніе должности* (privation du grade), упомянутое въ кодексѣ въ качествѣ придатка къ наказанію по уложенію одинъ только разъ ⁵, примѣняется къ унтеръ-офицерамъ, капраламъ

¹ Напр., §§ 108, 113, 114, 116, 117, 118, 119 и др.

² См. гл. V. разд. VII, кн. II; гл. I; отдѣлен. II и III гл. II. разд. IX, кн. II Уложенія; art. 3—4 code militaire.

³ Art—5; Legavre, стр. 15—17.

⁴ Art. 6—7.

⁵ Art. 54.

или бригадирамъ, въ случаѣ нарушенія ими довѣрія по храненію ввѣреннаго имъ по должности казеннаго имущества ¹.

4. *Разжалованіе* (dégradation) представляетъ собою дисциплинарное взысканіе для унтеръ-офицеровъ, капраловъ и бригадировъ за наиболѣе важныя проступки. Разжалованіе унтеръ-офицеровъ опредѣляется военнымъ министромъ, а капраловъ—командиромъ корпуса. Разжалованные переводятся въ другія части войскъ въ качествѣ рядовыхъ ².

5. *Смѣщеніе* (rétrogradation) точно также примѣняется въ дисциплинарномъ порядкѣ къ унтеръ-офицерамъ властью начальника дивизіи; при этомъ наказанные переводятся на низшія должности («sergent» или «maréchal des logis») или званія (капраловъ, бригадировъ) ³.

6. По бельгійскому регламенту о воинской дисциплинѣ, рядовые могутъ быть переведены во второй или «особый» классъ нижнихъ чиновъ, если будутъ признаны виновными въ неоднократныхъ нарушеніяхъ службы, неповиновеніи или дурномъ поведеніи ⁴. Инициатива въ наложеніи этого наказанія исходитъ отъ командира роты, а самое опредѣленіе зависитъ отъ усмотрѣнія командира корпуса. Продолжительность нахождения во второмъ классѣ обуславливается «исправленіемъ поведенія»; состояніе въ этомъ классѣ влечетъ для осужденнаго рядъ служебныхъ правоограниченій.

Интересно отмѣтить, что до 1830 года переводъ во 2-ой классъ влекъ за собою тѣлесное наказаніе ⁵ въ формѣ «coups de baguette» въ числѣ 50-ти ударовъ, съ выдачею особаго билета «de renvoi», или 15-ти ударовъ плашмя шашкою. Въ настоящее время, послѣ отмѣны тѣлеснаго наказанія, выдача билета однако существуетъ ⁶. Билетъ этотъ, содержащій въ себѣ имя и фамилію осужденнаго, а также и названіе его проступка, выставляется въ частяхъ войскъ на видномъ мѣстѣ.

Система правопоражающихъ наказаній французскаго права

¹ Legavre, стр. 126—138.

² Arrêté royal du 16 nov. 1887; instruction général du 30 nov. 1881; arrêté du juin 1885.

³ Arrêté 16 ноября 1881 г., art. 1 и 5.

⁴ Règlement de discipline militaire, art. 31.

⁵ Gérard, Code pénal, стр. 195—196.

⁶ Décret du gouvernement provisoire du 7 oct. 1830.

представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) лишеніе воинской чести, 2) исключеніе изъ службы, 3) смѣщеніе на низшія должности, 4) разжалованіе, 5) отрѣшеніе отъ должности и 6) переводъ во второй классъ.

Легко видѣть, что между французскою и бельгійскою системами очень много общаго. Въ самомъ дѣлѣ:

1. *Лишеніе воинской чести* назначается: при осужденіи по общимъ уголовнымъ законамъ къ смертной казни, каторгѣ, ссылкѣ, заточенію, заключенію и изгнанію. Если же это наказаніе является главнымъ, то къ нему присоединяется тюрьма, продолжительность которой, опредѣляемая въ приговорѣ, не должна превышать пяти лѣтъ ¹.

2. *Исключеніе изъ службы* влечетъ за собою лишеніе чина или званія и права носить связанныя съ ними отличія и мундиръ; вмѣстѣ съ тѣмъ исключенный офицеръ не можетъ получать ни пенсій, ни наградъ за прежнюю службу ².

3. *Смѣщеніе* на низшія должности опредѣляется властью *officiers généraux*. Ротный командиръ, считая необходимымъ примѣнить смѣщеніе къ унтеръ-офицеру или капралу, подаетъ рапортъ съ выпискою изъ журнала взысканій полковнику, который направляетъ ее къ бригадному командиру; отъ послѣдняго зависитъ назначеніе взысканія. Смѣщенный нижній чинъ переводится въ другой батальонъ или роту ³.

4. *Разжалованіе* (*cassations*) есть дисциплинарное взысканіе, налагаемое властью бригаднаго командира, начальника дивизіи и командира корпуса на унтеръ-офицеровъ и капраловъ. Оно влечетъ переходъ виновнаго въ положеніе рядового; наказанные переводятся въ другіе части войскъ ⁴. Разжалованіе примѣняется только въ случаѣ безуспѣшности наложенныхъ прежде взысканій.

5. *Отрѣшеніе* отъ должности можетъ быть назначено только тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые занимаютъ какую-либо особую должность или исполняютъ служебныя порученія. Оно назначается начальниками отъ командира корпуса до военнаго министра включительно ⁵.

¹ Art. 188, 189 и 191.

² Art. 192.

³ Règlement sur le service intérieur, art. 317; décret du 31 mai 1898.

⁴ Règlement sur le service int., art. 318; décret du 26 novembre 1894.

⁵ Ibid.. art. 319; loi du 13 juillet 1894.

6. Французскому праву извѣстно оригинальное наказаніе—renvoi des soldats de la 1-re classe à la 2-e classe ¹. Чтобы выяснитъ содержаніе этой карательной мѣры, необходимо замѣтитъ, что при поступленіи на службу всѣ рядовые непосредственно зачисляются во второй классъ. Переходъ въ первый классъ допускается лишь по предложенію ротнаго командира, подкрѣпленному ходатайствомъ командира батальона, и по утвержденіи начальникомъ части ². Число рядовыхъ перваго класса не должно превышать двухъ человѣкъ на отдѣленіе. Къ переходу въ первый классъ предназначаются, по истеченіи шести мѣсяцевъ службы, тѣ изъ рядовыхъ, которые умѣютъ читать и писать, отличаются своимъ поведеніемъ, расторопностью, знаніемъ службы и т. д.; впрочемъ изъ этого правила можетъ быть допущено исключеніе въ отношеніи нижнихъ чиновъ, отличившихся «мужествомъ и самопожертвованіемъ». Преимущества первоклассныхъ таковы: они получаютъ нѣсколько повышенное содержаніе сравнительно со второклассными, несутъ наряды только по ротѣ, считаются старшими относительно рядовыхъ 2-го класса и не могутъ быть назначены въ «soldats ordonnances» ³. Переводъ въ низшій классъ является дисциплинарнымъ наказаніемъ, назначаемымъ полковникомъ, по представленію капитана, и влечетъ за собою лишеніе вышеуказанныхъ преимуществъ.

Германское законодательство строить слѣдующую систему лишенія правъ: 1) удаленіе изъ арміи или флота, 2) исключеніе изъ службы, 3) лишеніе должности, 4) разжалованіе, 5) переводъ во второй классъ и 6) лишеніе званія.

1. *Удаленіе изъ арміи или флота* (Entfernung) представляетъ собою дополнительное наказаніе, которое *обязательно* назначается нижнимъ чинамъ—при цухтгаузѣ, при лишеніи гражданскихъ правъ, если срокъ послѣдняго превышаетъ три года; офицерамъ—также при цухтгаузѣ или при лишеніи гражданскихъ правъ, независимо отъ срока лишенія, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда унтеръ-офицеры и рядовые обязательно подлежатъ переводу во второй классъ; *факультативно* удаленіе опредѣляется при тюремѣ на срокъ свыше пяти лѣтъ, а для офице-

¹ Ibid., art. 182 и 320.

² Arrêté ministériel du 14 janvier 1889, p. 65.

³ Нижніе чины, состоящіе въ личномъ распоряженіи офицеровъ. Règlement sur le service intérieur, art. 277.

ровъ, кромѣ того, и во всѣхъ случаяхъ, когда къ нижнимъ чинамъ можетъ быть примѣненъ переводъ во второй классъ.

Удаленіе влечетъ по закону: а) потерю служебной должности и связанныхъ съ нею отличій, равно какъ и всѣхъ пріобрѣтенныхъ военною службою преимуществъ, поскольку таковыя могутъ быть отняты приговоромъ суда, б) потерю орденовъ и знаковъ отличія и в) неспособность къ поступленію вновь въ армію или флотъ.

Равнозначущимъ удаленію изъ арміи является лишеніе офицерскаго званія—*Verlust des Offiziertitels* для отставныхъ офицеровъ, состоящихъ на пенсіи; оно влечетъ послѣдствія, какъ при удаленіи, кромѣ лишенія служебной должности (п. а), а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишеніе права носить офицерскую форму¹.

2. *Исключеніе изъ службы* (*Dienstentlassung*) обязательно опредѣляется при признаніи виновнаго офицера неспособнымъ къ занятію публичныхъ должностей и въ тѣхъ случаяхъ, когда унтеръ-офицеры подлежатъ разжалованію; факультивно это наказаніе назначается при лишеніи свободы свыше одного года и въ случаяхъ, когда для унтеръ-офицеровъ допускается разжалованіе.

Исключеніе изъ службы влечетъ по закону потерю служебной должности, всѣхъ пріобрѣтенныхъ офицерскою службою преимуществъ и права ношенія офицерской формы, но лишеніе чина не соединяется съ этимъ наказаніемъ.

Вмѣсто исключенія къ отставнымъ (*pensionirte*) офицерамъ, имѣющимъ право носить офицерскую форму, примѣняется лишеніе этого права².

3. *Лишеніе должности* (*Amtsverlust*) можетъ быть назначено только чиновникамъ при лишеніи свободы свыше одного года и при осужденіи за кражу, подлогъ, разбой, вымогательство, укрывательство, обманъ или поддѣлку, если даже не опредѣляется лишенія гражданскихъ правъ. Послѣдствія лишенія должности указаны въ общеуголовномъ уложеніи³.

4. *Разжалованіе* (*Degradation*) должно быть опредѣлено унтеръ-офицеру при тюремѣ свыше одного года, при переводѣ во второй классъ и при признаніи неспособнымъ къ занятію публичныхъ

¹ § 30, 31, 32 и 33.

² §§ 34, 35 и 36.

³ § 43 в. у. и §§ 35—36 Уложенія.

должностей. Разжалованіе можетъ быть назначено при тюремѣ на срокъ въ одинъ годъ и менѣе, при новомъ повтореніи и за преступныя дѣянія: кражу, подлогъ, разбой, вымогательство и др., которыя могутъ влечь назначеніе лишенія должности для чиновника.

Разжалованный переходитъ въ званіе рядового и лишается приобрѣтенныхъ унтеръ-офицерскою службою преимуществъ ¹.

5. *Переводъ во второй классъ* (Versetzung in die zweite Klasse des Soldatenstandes) обязательно назначается при лишеніи нижняго чина гражданскихъ правъ, если срокъ такового лишенія не превышаетъ трехъ лѣтъ; факультативно это наказаніе можетъ сопровождать новое повтореніе преступнаго дѣянія, а также и осужденіе за одно изъ указанныхъ выше позорныхъ дѣяній. Кромѣ того, это наказаніе можетъ быть назначено: при лишеніи свободы нижняго чина, дважды сужденнаго уже за воинскія преступленія и отбывшаго за нихъ наказанія, если онъ въ третій разъ осуждается за воинское же преступленіе, или, если кромѣ одного наказанія по суду и нѣсколькихъ высшихъ дисциплинарныхъ взысканій, онъ приговаривается къ наказанію за воинскій проступокъ.

Переводъ во второй классъ влечетъ по закону лишеніе орденовъ и знаковъ отличія, права ношенія военной кокарды и правъ на призрѣніе (Versorgungsansprüche) ².

5. *Лишеніе званія* (или отрѣшеніе отъ должности—Entfernung von Charge), въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, можетъ быть назначено только ефрейторамъ и оберъ-ефрейторамъ, властью командира полка ³.

Датскому военно-уголовному кодексу извѣстны только двѣ формы лишенія правъ: 1) лишеніе должности или отставленіе отъ службы и 2) удаленіе изъ части.

1. «Лишеніе должности» примѣняется къ должностнымъ лицамъ изъ воинскихъ чиновъ и военныхъ чиновниковъ, а отставленіе отъ службы — къ невоеннослужащимъ, находящимся на службѣ при арміи. По содержанію эти мѣры тождественны. Лишенный должности или отставленный отъ службы, если срокъ

¹ §§ 40—41.

² §§ 37, 38 и 39.

³ § 3, С, № 3; § 11, Disciplinar-Strafordnung'a.

его службы еще не окончился, обязанъ нести службу въ качествѣ рядового; однако, это правило не исключаетъ возможности уволить наказаннаго вовсе отъ службы по усмотрѣнію подлежащаго министерства.

Это наказаніе, кромѣ точно опредѣленныхъ въ законѣ случаевъ, примѣняется: 1) если виновный присуждается къ лишенію свободы за преступное дѣяніе, признаваемое въ общественномъ мнѣніи безчестнымъ; при этихъ условіяхъ лишеніе должности является слѣдствіемъ свойства совершеннаго дѣянія; 2) если виновный будетъ подлежать болѣе тяжкому лишенію свободы, нежели то, которое ему можетъ быть назначено, то судъ опредѣляетъ вмѣсто лишенія свободы лишеніе должности, и 3) если виновный, находясь на должности, былъ подвергнутъ нѣсколько разъ лишенію свободы и вновь долженъ подвергнуться такому же наказанію, то судъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ свойствъ совершенныхъ преступныхъ дѣяній и другихъ данныхъ, признавая виновнаго неспособнымъ или недостойнымъ быть въ должности, вмѣсто лишенія свободы назначаетъ лишеніе должности.

Однако, примѣненіе этого наказанія не исключаетъ возможности для осужденнаго вновь вступить въ должность или службу, но при условіяхъ: если онъ наказанъ не за безчестное дѣяніе и въ военное время или при опасныхъ обстоятельствахъ выказалъ храбрость или мужество.

Лишеніе должности присоединяется всегда къ осужденію въ государственную тюрьму. По тяжести, оно соотвѣтствуетъ низшему размѣру каторги ¹.

2. *Удаленіе изъ части*—наказаніе, свойственное только датскому праву. Оно можетъ быть назначено рядовому при слѣдующихъ обстоятельствахъ: если въ теченіе перваго срока службы онъ былъ подвергнутъ по меньшей мѣрѣ пять разъ наказаніямъ лишеніемъ свободы, соотвѣтствующимъ въ общей сложности 60-ти днямъ ареста подъ карауломъ, и одинъ разъ наказанію по суду, то судъ, въ случаѣ новаго преданія суду, по своему усмотрѣнію, въ зависимости отъ свойства дѣянія, назначаетъ удаленіе изъ части въ качествѣ придатка къ назначаемому наказанію.

¹ §§ 35, 36, 37, 34, 44 и 41.

Въ силу этого, наказанный исключается изъ списковъ части и въ теченіе остающагося времени службы употребляется на нужды арміи, по назначенію военного управленія; если онъ оказывается при отправленіи этой «штрафной службы» прилежнымъ и хорошимъ по поведенію, то черезъ два мѣсяца можетъ быть возвращенъ въ свою часть. Вторичное удаленіе изъ части влечетъ назначеніе виновнаго на особая службы внѣ той части, гдѣ онъ служилъ, и препятствуетъ ему снова вернуться въ часть, исключая лишь военного времени ¹.

Также проста и система шведскаго права, которому знакомы: 1) исключеніе изъ службы и 2) лишеніе должности.

1. При *исключеніи изъ службы* виновный перестаетъ быть военнослужащимъ. Къ этому наказанію, въ определенныхъ закономъ случаяхъ, можетъ быть присоединяемо, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, объявленіе въ приговорѣ недостойнымъ находиться впредь на государственной службѣ ².

Исключеніе обязательно сопровождается осужденіемъ виновнаго офицера или унтеръ-офицера въ каторгу на основаніи общихъ и военно-уголовныхъ законовъ. Но, если офицеръ или унтеръ-офицеръ были наказаны три или болѣе разъ, при чемъ офицеръ изъ числа этихъ наказаній былъ подвергнутъ одинъ разъ аресту подъ карауломъ на срокъ не менѣе 16-ти дней, а унтеръ-офицеръ строгому аресту, и это лицо вновь совершаетъ преступленіе, то, несмотря на тяжесть вновь назначеннаго наказанія лишеніемъ свободы, виновный подвергается исключенію изъ службы, если это вызывается поведеніемъ осужденнаго, необходимою поддержанія воинской дисциплины и интересами арміи.

Что касается рядовыхъ, то, при назначеніи имъ каторги срокомъ не выше 6-ти мѣсяцевъ, они могутъ и не быть подвергнуты исключенію изъ службы, если, во 1-хъ, ихъ преступное дѣяніе не принадлежитъ къ числу такихъ, которыя налагаютъ пятно или уничтожаютъ гражданскую честь осужденнаго, и если, во 2-хъ, начальникъ части войскъ признаетъ оставленіе виновнаго на службѣ возможнымъ ³.

Подробныя постановленія, относящіяся къ исключенію изъ службы, заключаются въ уложеніи.

¹ § 32.

² Напр. §§ 72, 73 и 74.

³ § 28.

2. *Лишеніе должности* назначается только на опредѣленное время. Оно влечетъ уменьшеніе получаемаго по службѣ содержанія и временное удаленіе отъ завѣдыванія частью. Относительно этого наказанія примѣняются правила общеуголовнаго уложенія ¹.

Австрійскій кодексъ различаетъ: 1) изгнаніе изъ арміи (Ausstossung aus der k. k. Armee), 2) исключеніе изъ службы (Cassation), 3) отставленіе отъ службы (Entlassung) и 4) разжалованіе.

1. *Изгнаніе изъ арміи* присоединяется къ осужденію къ смертной казни чрезъ повѣшеніе и къ тяжкому керкеру или на срокъ свыше 10 лѣтъ, или въ томъ случаѣ, когда осужденный уже однажды къ керкеру, по возвращеніи въ армію, снова совершаетъ такое преступное дѣяніе, которое влечетъ за собою тотъ же керкеръ на срокъ не менѣе одного года ².

2. *Исключеніе изъ службы* (Cassation) влечетъ удаленіе офицера или чиновника отъ занимаемыхъ ими должностей, лишеніе ихъ воинскихъ чиновъ, потерю знаковъ отличія, орденовъ, медалей и іерархической власти, а также признаніе неспособнымъ къ несенію обязанностей военной службы или публичныхъ должностей ³. Это наказаніе можетъ быть самостоятельнымъ или дополнительнымъ.

3. *Отставленіе отъ службы* (Entlassung) назначается служащимъ и отставнымъ офицерамъ и чиновникамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, состоящимъ при арміи. Оно состоитъ въ лишеніи военныхъ чиновъ, должностей и жалованія. Потеря орденовъ и знаковъ отличія не присоединяется къ отставленію отъ службы. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда за данное преступленіе офицеры подлежатъ исключенію изъ службы, лица, состоящіе при арміи, подвергаются отставленію, но съ правопораженіями, указанными для исключенія изъ службы ⁴. Это наказаніе можетъ имѣть мѣсто и въ дисциплинарномъ порядкѣ въ отношеніи чиновниковъ и Armeediner.

4. *Разжалованіе* и переводъ на низшій окладной классъ (Degradierung und Versetzung in eine mindere Soldklasse) влечетъ перемѣщеніе унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, состоящихъ съ пер-

¹ §§ 9 и 25.

² Hübner, § 16; § 46 и 47 в. у.

³ Hübner, § 16; § 31—32 в. у.

⁴ § 33 и 34 в. у.

выми въ одной должности или окладѣ, на низшую должность, съ указаніемъ или безъ указанія срока такого перемѣщенія; за преступленія срокъ разжалованія не опредѣляется; за проступки срокъ назначается по усмотрѣнію суда. Наконецъ, въ качествѣ дополнительной мѣры къ разжалованію, можетъ присоединяться: признаніе неспособнымъ къ занятію публичной должности и потеря знаковъ отличія, но исключительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеры подлежатъ исключенію изъ службы. Разжалованіе можетъ быть примѣняемо и въ дисциплинарномъ порядкѣ ¹.

Швейцарскій кодексъ знаетъ: 1) лишеніе чести, 2) исключеніе изъ службы, 3) лишеніе политическихъ правъ, 4) отрѣшеніе отъ должности и 5) лишеніе званія.

1. *Лишеніе чести* (dégradation) влечетъ за собою публичное объявленіе преступника недостойнымъ служить отечеству. Это наказаніе, вмѣстѣ съ лишеніемъ политическихъ правъ, всегда присоединяется къ заключенію. Оно—срочно; продолжительность праволишенія опредѣляется въ приговорѣ суда ².

2. *Исключеніе изъ службы* (destitution) офицера, унтеръ-офицера, капрала, appointe или artificier—влечетъ для нихъ лишеніе принадлежащихъ имъ званій и воспрещеніе носить связанныя съ званіями отличія. Исключенный офицеръ, кромѣ случаевъ реабилитаціи, не можетъ болѣе занимать какой-либо должности и исключается изъ арміи. Всякій унтеръ-офицеръ и другіе нижніе чины, подвергнутые исключенію, продолжаютъ службу простыми рядовыми, если только въ приговорѣ не назначено имъ такого наказанія, которое дѣлаетъ виновныхъ неспособными къ несенію военной службы.

Это наказаніе можетъ присоединяться къ тюремѣ и изгнанію ³.

3. *При лишеніи политическихъ правъ* виновный становится неспособнымъ отправлять права по голосованію и избирательныя права, принадлежащія ему по конституціи или по законамъ союза или его кантона, а также и занимать какую-либо публичную должность. При заключеніи лишеніе политическихъ правъ можетъ быть пожизненнымъ, а при тюремѣ не должно превышать десяти лѣтъ ⁴.

¹ § 35.

² Art 9 и 6.

³ Art. 10, 7 и 8.

⁴ Art. 11, 6 и 7.

4. *Отръшеніе отъ должности* (suspension du grade) есть дисциплинарное взысканіе, налагаемое на унтеръ-офицеровъ и капраловъ. Оно назначается до 30 дней, въ теченіе которыхъ виновный не можетъ осуществлять права и пользоваться преимуществами своего званія, не снимая съ себя, однако, внѣшнихъ отличій, присвоенныхъ его званію ¹.

5. *Лишеніе званія* (perte du grade) влечетъ за собою лишеніе должности, званія—унтеръ-офицера или капрала—и внѣшнихъ отличій, при чемъ срокъ такого лишенія закономъ не опредѣляется ².

Обращаясь къ постановкѣ вопроса о пораженіи служебныхъ правъ въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ, необходимо отмѣтить, что въ этомъ отношеніи уставъ представляетъ собою необыкновенную пестроту и непоследовательность.

1. Во главѣ системы служебныхъ праволишеній слѣдуетъ поставить *исключеніе изъ службы*. Послѣдствіями исключенія изъ службы являются: лишеніе права вступать вновь въ государственную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми по назначенію дворянства, городовъ и селеній въ должности ³. Однако, если виновный былъ исключенъ изъ службы за воинскія собственно преступныя дѣянія, совершенныя не изъ корыстныхъ или другихъ какихъ-либо гнусныхъ побужденій, то по усмотрѣнію военного начальства, по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ исключенія изъ службы и съ засвидѣтельствованіемъ безпорочности поведения исключеннаго со стороны мѣстнаго начальства, виновный можетъ вступить снова на военную службу, но не иначе, какъ рядовымъ.

Исключеніе изъ службы назначается или съ лишеніемъ чиновъ, или безъ такового.

Въ первомъ случаѣ послѣдствіями наказанія являются: лишеніе всѣхъ чиновъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія, кромѣ медалей за участіе въ войнахъ и походахъ и крестовъ равнаго съ ними достоинства, а также и всѣхъ другихъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ службою; но осужденный сохраняетъ за собою пріобрѣтенныя чинами или орденами права дворянства или почетнаго гражданства ⁴.

¹ Art. 169, п. 1.

² Art. 169, п. 2.

³ Ст. 40.

⁴ Ст. 38.

Во второмъ случаѣ осужденный не теряетъ ни чиновъ, ни орденовъ и знаковъ отличія, ни соединенныхъ съ чинами, орденами и знаками отличія правъ и преимуществъ, но лишается всѣхъ другихъ правъ и преимуществъ, приобрѣтенныхъ службою¹.

Эта правоограничительная мѣра, по нашему уставу, играетъ роль дополнительной и главной.

Исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ для офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ соотвѣтствуетъ по своему содержанию *исключенію изъ службы съ лишеніемъ воинскаго званія* — для нижнихъ чиновъ. Это наказаніе, въ связи съ потерей всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, присоединяется къ высшимъ исправительнымъ наказаніямъ.

Исключеніе изъ службы безъ лишенія чиновъ соединяется съ временнымъ заключеніемъ въ крѣпости, которое сопровождается потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ.

Исключеніе изъ службы съ лишеніемъ и безъ лишенія чиновъ, въ качествѣ наказанія главнаго, всегда связывается съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

2. *Разжалованіе въ рядовые* примѣняется только къ офицерамъ. Оно влечетъ за собою лишеніе чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія, кромѣ медалей и крестовъ за войны и походы. Разжалованный можетъ получить офицерскій чинъ, исключая случаевъ отличнаго военнаго подвига, только по предварительномъ восполѣдованіи Высочайшаго соизволенія о неслитаніи понесеннаго штрафа препятствіемъ къ наградамъ, при чемъ не дозволяется входить съ представленіями о неслитаніи понесеннаго штрафа препятствіемъ къ наградамъ прежде истеченія трехъ лѣтъ безпорочной и усердной службы послѣ разжалованія².

3. *Отставленіе отъ службы* не сопровождается ни лишеніемъ чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія, ни соединенныхъ съ чинами, орденами и знаками отличія правъ и преимуществъ, приобрѣтенныхъ службою, а также права поступать снова на государственную или общественную службу въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отставленія. Въ военное время начальству предоставляется

¹ Ст. 39.

² Ст. 42 и 43.

право, не выжидая трехъ лѣтъ, представлять отставленныхъ офицеровъ къ опредѣленію въ дѣйствующія войска. Отставленіе можетъ быть примѣняемо и къ отставнымъ ¹.

Оно всегда соединяется съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

4. *Отрѣшеніе отъ должности* примѣняется только къ лицамъ, занимающимъ какую-либо должность. Оно не подвергаетъ виновнаго ограниченію правъ и преимуществъ, но отрѣшенный можетъ быть допущенъ къ занятію той же или соотвѣтствующей должности только съ особаго Высочайшаго соизволенія и по засвидѣтельствованіи начальства объ отлично-усердной его службѣ ².

5. *Ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ* сопровождается: воспрещеніемъ производства по линіи и за выслугу лѣтъ, впредь до особаго засвидѣтельствованія начальства объ отличномъ подвигѣ или усердной и безпорочной службѣ и разрѣшенія не считать наказанія препятствіемъ къ наградамъ и повышеніямъ, а также и ограниченіемъ права на полученіе орденовъ и другихъ знаковъ отличія, установленныхъ за безпорочное прохожденіе службы ³.

Это наказаніе присоединяется къ заключенію въ крѣпости, отставленію отъ службы и содержанію на гауптвахтѣ ⁴.

6. *Потеря нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ* заключается: въ лишеніи унтеръ-офицерскаго или ефрейторскаго званія, въ лишеніи приобрѣтеннаго прежнею службою права на полученіе прибавочнаго жалованія и въ лишеніи права, исключая лишь случая отличнаго подвига, на полученіе знаковъ отличій впредь до прощенія понесеннаго штрафа ⁵.

Оно примѣняется только къ нижнимъ чинамъ и сопровождается отдачу въ дисциплинарные баталіоны и одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ ⁶.

7. *Переводъ въ разрядъ штрафованныхъ*, какъ наказаніе самостоятельное, влечетъ за собою потерю нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ ⁷.

¹ Ст. 44—45.

² Ст. 46.

³ Ст. 27.

⁴ Пун. VII, VIII и IX ст. 5.

⁵ Ст. 52.

⁶ Ст. 50.

⁷ Ст. 54.

Этими данными исчерпываются постановления дѣйствующаго устава о наказаніяхъ. Дисциплинарный уставъ, кромѣ того, вноситъ въ систему:

8. *Лишеніе званія*—ефрейторскаго, бомбардирскаго и унтеръ-офицерскаго.

9. *Смѣщеніе* на низшія степени и меньшіе оклады — ефрейторовъ и бомбардировъ, смѣщеніе на низшія должности—унтеръ-офицеровъ и *удаленіе отъ должности* или *командованія частью*—офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ.

10. *Неудостоеніе* къ производству въ офицеры—унтеръ-офицеровъ и *неудостоеніе* офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ къ производству на вакансіи или за выслугу лѣтъ, впредь до одобрительнаго засвидѣтельствованія начальства.

11. *Увольненіе отъ службы* въ запасъ или отставку—сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ и увольненіе отъ службы — офицеровъ ¹.

§ 44. Цѣли наказаній лишеніемъ правъ.

На основаніи предшествующаго, всѣ наказанія лишеніемъ правъ можно раздѣлить на слѣдующія группы: наказанія, имѣющія въ виду: I) изгнаніе виновнаго изъ арміи, II) временное удаленіе его изъ арміи и III) лишеніе тѣхъ или другихъ преимуществъ служебнаго характера или чина, должности и званія.

I.

Изгнаніе изъ арміи представляетъ собою безсрочное наказаніе, лишающее виновнаго права находиться въ рядахъ арміи и пользоваться правами военнослужащаго. Государство какъ бы считаетъ осужденнаго неспособнымъ нести почетныя обязанности службы; а отсюда — изгнанію долженъ быть присущъ въ большей или меньшей степени позорный характеръ.

Военнослужащій, совершившій извѣстное правонарушеніе, свидѣтельствующее о его *непригодности къ службѣ въ арміи*, вызываетъ, какъ указано выше, естественное недовѣріе, какъ лицо, могущее совершить правонарушеніе и въ будущемъ.

¹ Ст. 13—16² и 33—34.

Если имъ совершенно чисто *воинское* преступное дѣяніе, на-примѣръ, такое нарушеніе своихъ обязанностей или злоупотре-бленіе своими полномочіями, что относительно дальнѣйшаго поль-зованія виновнымъ тѣми же полномочіями возникаетъ опасность для государства, то, чтобы отнять у виновнаго всякую возмож-ность совершать преступленія, государство, въ силу необходимо-сти, принуждено лишить виновнаго его *служебнаю* права, т. е. права на службу или права находиться въ рядахъ арміи.

Если военнотружашимъ совершенно *общее* преступленіе, тя-жесть котораго оцѣнивается или въ зависимости отъ свойствъ самого дѣянія, или отъ тяжести карательной угрозы, то право-пораженіе имѣетъ мѣсто въ силу того, что виновный, засвидѣ-тельствовавъ дѣяніемъ свою опасность для правопорядка обще-государственнаго, становится опаснымъ и для правопорядка во-инскаго. Это же правопораженіе можетъ наступить и въ тѣхъ случаяхъ, когда военнотружашимъ совершенъ цѣлый рядъ хотя и не тяжкихъ нарушеній, но доказывающихъ или его неспособность къ несенію обязанностей службы, или нежеланіе подчиняться тре-бованіямъ правопорядка, что равно вызываетъ въ карательной власти презумпцію опасности этого военнотружашаго.

Такимъ образомъ, цѣлью изгнанія изъ арміи является обез-печеніе воинскаго правопорядка путемъ *удаленія* виновнаго изъ той сферы, гдѣ онъ можетъ совершать нарушенія.

Къ карательнымъ мѣрамъ этой категоріи *въ Германіи* при-надлежатъ: Entfernung, Verlust des Offizierstitels, Dienstentlassung и Amtsverlust. Всѣ эти наказанія—безсрочны. Они безусловно влекутъ за собой удаленіе виновнаго изъ арміи. Однако, импе-ратору предоставлено разрѣшать принятіе удаленнаго на службу въ армію; но это принятіе не представляетъ собою юридическаго послѣдствія наказанія, а осуществляется по усмотрѣнію главы арміи и ходатайству осужденнаго въ порядкѣ помилованія и реа-билитации ¹.

Во *Франціи* и *Бельіи* dégradation militaire и destitution преслѣ-дуютъ ту же цѣль. Французскій кодексъ смотритъ на лишеніе чести, какъ на позорное наказаніе, также препятствующее ви-новному вступить на службу. Въ своемъ докладѣ Langlais ука-зывалъ, что «la dégradation militaire... peine la plus grave aux

¹ Rüdorff. стр. 32.

yeux de l'armée» ¹. Поэтому и самый обрядъ лишенія чести носитъ позорный характеръ: виновный выводится предъ строй; ему читается приговоръ, а затѣмъ командующій офицеръ произноситъ: «N* N*, vous êtes indigne de porter les armes; au nom du peuple francais, nous vous dégradons!» ². Этотъ обрядъ, совершаемый во имя націи, товарищами военнослужащаго, которые какъ бы лично отвергаютъ виновнаго, имѣетъ въ виду воздѣйствовать и на преступника, и на окружающихъ въ смыслѣ устрашенія, хотя конечною его цѣлью является удаленіе виновнаго. Ради того, чтобы обрядъ лишенія чести былъ болѣе дѣйствительнымъ, законъ предписываетъ, послѣ произнесенія формулы, снять съ осужденнаго всѣ военныя отличія и ордена, а затѣмъ — если онъ офицеръ — преломить надъ головою его шпагу и обломки бросить на землю.

При составленіи французскаго кодекса въ законодательномъ корпусѣ постановленія о destitution вызвали большіе споры, при чемъ меньшинство, въ числѣ которыхъ находились ген. Petiet и Legrand, полагало необходимымъ не лишать офицеровъ пенсіи, такъ какъ подобное лишеніе являлось бы конфискаціей собственности, приобрѣтенной службою и гарантированной самимъ закономъ; Legrand признавалъ даже, что лишеніе пенсіи представляетъ собою второе новое наказаніе, налагать которое государство не имѣетъ ни права, ни нужды. Деституція по французскому праву препятствуетъ вступленію когда бы то ни было вновь на службу, допуская противное въ порядкѣ помилованія ³.

Австрійское право относитъ къ этой категоріи наказаній: Ausstossung, Cassation и Entlassung. Отмѣтимъ, что осужденіе виновнаго къ Entlassung не исключаетъ для него возможности снова занять публичную должность; но для вступленія въ армію требуется соизволеніе главы государства, а для другой службы — разрѣшеніе подлежащаго министерства ⁴.

По *нашему* уставу позорнымъ и безсрочнымъ лишеніемъ служебныхъ правъ являются: 1) исключеніе изъ службы съ лишеніемъ воинскаго званія для нижнихъ чиновъ и 2) исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ въ соединеніи съ высшими

¹ Foucher,—Commentaire, стр. 581.

² Art. 190 code de justice militaire.

³ Foucher,—Commentaire, 583—587.

⁴ Hübner, § 17.

исправительными наказаніями, или не за воинскія преступленія— для офицеровъ ¹. Всѣ они влекутъ за собою лишеніе права вступить вновь когда-либо въ государственную службу или на общественныя должности.

II.

Тѣ изъ правопоражающихъ наказаній, которыя только временно удаляютъ виновнаго изъ арміи, построены на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Если въ наказаніяхъ первой категоріи преимущественное значеніе получаетъ задача удаленія виновнаго ради обезпеченія воинскаго правопорядка, при чемъ самъ виновный мало или даже вовсе не интересуется карательную власть, то въ наказаніяхъ второй категоріи объективные интересы, интересы правопорядка, пользуются равнымъ значеніемъ съ интересами субъективными — воли преступника. Такимъ образомъ, государство, удаляя виновнаго изъ арміи и тѣмъ обезпечивая воинскій правопорядокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ нарушителю «исправиться», обѣщая при доказанномъ исправленіи снова принять его въ ряды арміи.

Эта цѣль наиболѣе колоритно отражается въ нашемъ правѣ, которое устанавливаетъ: 1) исключеніе изъ службы за воинскія преступленія, лишенныя позорнаго характера, 2) отставленіе отъ службы и 3) увольненіе отъ службы.

1. Необходимо имѣть въ виду, что двѣ формы *исключенія изъ службы* были установлены Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ, «сообразно съ особыми потребностями военной службы», при чемъ совѣщаніе, между прочимъ, высказалось за то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда исключеніе назначается за чисто-воинскія преступленія, было бы желательно не «простираетъ строгость наказанія до того, чтобы пресѣчь исключенному всякую возможность къ служебной дѣятельности и къ возврату чрезъ новую усердную службу утерянныхъ имъ правъ»; въ виду этого было признано «возможнымъ и полезнымъ» установить, что исключенные въ этихъ случаяхъ могутъ, по усмотрѣнію начальства, поступать снова на службу черезъ три года и рядовыми ². Такое постановленіе сохранилось и въ дѣйствующемъ уставѣ ³.

¹ Ст. 40.

² Сборн. зак. раб., 63 и 192.

³ Ст. 38—41.

Останавливаясь въ частности на данныхъ нашего устава, нельзя не придти къ выводу, что постановленія его объ исключеніи изъ службы являются наиболѣе неудачными, искусственными и казуистичными. Какъ уже указывалось выше, исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ поставлено въ лѣстницѣ наказаній на двѣ степени выше исключенія безъ лишенія чиновъ, и все различіе этихъ карательныхъ мѣръ сводится, такимъ образомъ, къ приращку—лишенію чиновъ. По ст. 40 устава, исключенные изъ службы принимаются вновь въ нее рядовыми, безотносительно къ тому, лишены они чиновъ или нѣтъ. Если въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто лишеніе чиновъ, то, естественно, при приѣмѣ на службу исключенный вступаетъ рядовымъ, но уставъ—что уже вовсе не логично—требуешь того же самаго и отъ исключеннаго безъ лишенія чиновъ. Словомъ, послѣдній, при приѣмѣ на службу, подвергается новому праволишенію—какъ бы наказанію за исправленіе своего поведенія. Это недоразумѣніе явилось плодомъ желанія составителей устава привести воинскія наказанія въ возможное соотвѣтствіе, что, разумѣется, было почти невыполнимымъ, послѣдствія же наказанія, или вѣрнѣе—его сущность оставалась незатронутою.

Наконецъ, нашъ уставъ присоединяетъ къ исключенію изъ службы потерю особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, т. е. потерю многихъ публичныхъ правъ. Необходимость такого приращка была вызвана желаніемъ составителей установить исключеніе изъ военной службы согласно съ наказаніями по уложенію за преступленія по должности, при чемъ, однако, они упустили изъ вида самое серьезное,— а именно различіе по существу воинскихъ и общеслужебныхъ преступныхъ дѣяній; условія военной службы создаютъ совершенно особые классы нарушеній, единственно возможныхъ на военной службѣ, какъ, напримѣръ, нарушеніе караульной службы и др. Если за подобныя дѣянія цѣлесообразно назначать исключеніе изъ службы, такъ какъ военнотружашій нарушилъ свои военныя обязанности, то едва ли необходимо признавать его неспособнымъ къ занятію вообще общественныхъ должностей, при отправленіи которыхъ ему уже никогда не придется быть въ качествѣ караульнаго начальника или рунда.

При послѣднемъ пересмотрѣ воинскаго устава о наказаніяхъ¹

¹ Въ началѣ 90-хъ годовъ: см. проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ и „Мотивы“.

постановленія его объ исключеніи изъ службы были признаны «гуманными и отвѣчающими требованіямъ военной службы», хотя и страдающими существенными недостатками, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, указывали на отсутствіе строгаго разграниченія преступленій «гнусныхъ» и чисто-воинскихъ. Какъ тѣ, такъ и другія нашъ уставъ облагаетъ однимъ и тѣмъ же наказаніемъ, что не могло считаться нормальнымъ, почему проектъ и предлагалъ ввести два вида исключенія изъ службы съ лишеніемъ чиновъ. Первый долженъ былъ носить названіе старое (дѣйствующаго устава), а второму предполагалось дать названіе «увольненія отъ службы съ лишеніемъ чиновъ». Но при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи проекта было установлено: «исключеніе изъ службы *вообще*» и «исключеніе изъ службы *военной*». Первое обозначало собою неспособность виновнаго вообще къ несенію публичныхъ обязанностей, второе—только обязанностей военной службы. Какъ извѣстно, проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія, и поэтому частичныя улучшенія, вводимыя имъ, не могли получить осуществленія.

2. *Отставленіе отъ службы*, по своему существу, имѣетъ много общаго съ исключеніемъ изъ службы, почему наши составители всегда разсматривали оба эти наказанія параллельно. Чтобы уяснить себѣ значеніе того и другого, слѣдуетъ имѣть въ виду, что военно-уголовный уставъ 1839 года зналъ отрѣшеніе отъ должности и исключеніе изъ службы, какъ наказанія, назначавшіяся по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ. При этомъ указывалось: «ежели кто отрѣшенъ или исключенъ безъ суда и безъ узаконеннаго слѣдствія, то таковой считается токмо отставленнымъ отъ службы»; исключеніе же изъ службы установлено было «съ воспрещеніемъ вовсе» или «именно какого-либо особеннаго рода или должности, требующей власти, довѣрія или чиновочитанія»¹. Эти постановленія на практикѣ возбуждали рядъ сомнѣній, почему 16 января 1857 г. былъ изданъ приказъ по военному вѣдомству, въ которомъ предписывалось, чтобы въ конференціяхъ по военно-суднымъ дѣламъ, при увольненіи чиновниковъ отъ службы по распоряженію начальства, въ Высочайшихъ приказахъ были употребляемы слѣдующія выраженія: 1) «исключается изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь въ оную не

¹ Ст. 56.

опредѣлять», 2) «отставляется отъ службы», 3) «увольняется отъ службы». Въ первомъ случаѣ для виновнаго наступало вѣчное лишеніе права вступленія на службу, во второмъ — срочное лишеніе въ теченіе трехъ лѣтъ, въ третьемъ—безъ указанія причинъ виновный удалялся административною властью. Въ такомъ видѣ предсталъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе военно-кодификаціонной комиссіи въ 1865 году, которая и остановилась на немъ весьма подробно ¹. Въ основаніе своихъ работъ комиссія положила постановленія уложенія о наказаніяхъ, регламентирующія правила объ исключеніи и отрѣшеніи чиновниковъ. Съ этой точки зрѣнія она смотрѣла и на проектъ Капгера, который, помимо указанныхъ уже правоограниченій, устанавливалъ еще рядъ другихъ, а именно: 1) что только исключенный изъ службы за преступленіе, совершенное изъ корыстныхъ видовъ или съ обманомъ, лишается права участвовать въ выборахъ, 2) что исключенные изъ службы за дурное поведеніе могутъ быть принимаемыми рядовыми, когда по истеченіи трехъ лѣтъ отъ времени исключенія послѣдуетъ засвидѣтельствованіе мѣстнаго начальства о безпорочномъ ихъ поведеніи, и 3) что находящіеся въ отставкѣ и впослѣдствіи подпавшіе суду должны считаться исключенными или отставленными отъ службы и подлежать всѣмъ указаннымъ послѣдствіямъ. Первое, какъ несогласное съ уложеніемъ, было отвергнуто, такъ какъ отступленіе отъ уложенія по особенностямъ военного быта не оправдывалось комиссіей; второе являлось правиломъ не уголовного свойства, но было уже помѣщено въ сводѣ военныхъ постановленій и, наконецъ, третье не должно было имѣть мѣста въ виду того, что оно явствовало изъ смысла самыхъ постановленій объ исключеніи и отставленіи отъ службы. «Нельзя не признать», говорилось въ журналѣ совѣщанія, «что допущенное противу уложенія измѣненіе въ наименованіи послѣдняго наказанія, а именно, оставленіе отъ службы, вмѣсто отрѣшенія отъ должности, имѣетъ свое основаніе, такъ какъ чрезъ это болѣе явственно выражается самое существо наказанія». Въ виду этого совѣщаніе, утвердивъ проектъ комиссіи, постановило, что при совершеніи чисто-воинскаго преступленія исключенный можетъ быть снова принятъ на службу рядовымъ на правахъ вольноопредѣляющагося,

¹ Журн. В. учр. ком. 1865 г., стр. 136—138.

а также сочло необходимымъ удержать третье правило проекта Капгера относительно отставныхъ офицеровъ и выдѣлило исключеніе и отставленіе отъ службы въ самостоятельную группу наказаній для офицеровъ.

Эта историческая справка позволяетъ видѣть, что постановленія воинскаго устава заимствованы изъ уложенія настолько, что даже были выдѣлены изъ общей лѣстницы. Основаніемъ этому служило соображеніе, что «такъ какъ сіи наказанія будутъ назначаться преимущественно за преступленія по службѣ, то нѣтъ надобности вводить ихъ въ общую лѣстницу наказаній, а правильнѣе, примѣняясь и къ порядку, принятому въ общемъ уложеніи, опредѣлить ихъ въ особой статьѣ»¹.

Дѣйствующій уставъ въ ст. 44 даетъ крайне неясное опредѣленіе существа отставленія отъ службы. Онъ отмѣчаетъ, что отставленіе не сопровождается лишеніемъ чиновъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія, а также правъ и преимуществъ, связанныхъ съ чинами, но влечетъ за собою *потерю прочихъ правъ и преимуществъ, службою пріобрѣтенныхъ*, а также лишеніе права въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отставленія поступать снова на службу государственную или общественную. Въ уставѣ не имѣется указаній на существо мѣры—«потери прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ» и для установленія такового необходимо обратиться къ ст. 5, п. VII, гдѣ отмѣчается, что отставленіе отъ службы сопровождается ограниченіемъ лишь нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Отсюда видно, что только это праволишеніе и имѣетъ мѣсто при удаленіи, выраженіе же ст. 44 «потеря» должно признать только редакціонною неточностью.

Необходимо замѣтить, что дѣйствующій уставъ сообщаетъ отставленію отъ службы слишкомъ мало уголовно-политическаго значенія. Все содержаніе наказанія сводится къ временному удаленію виновнаго изъ арміи, каковое удаленіе и является единственно реальнымъ, дѣйствительнымъ зломъ для виновнаго. Что касается присоединенія къ нему лишенія права вступать вообще на государственную службу, то здѣсь вполне примѣнимы тѣ соображенія, которыя были высказаны нами при разсмотрѣніи вопроса объ исключеніи изъ службы.

Едва ли въ этомъ случаѣ можно указывать и на недовѣріе

¹ Сборн. законод. работъ, стр. 122, 193, 63—64.

государства, вызываемое преступленіемъ къ его совершителю, такъ какъ отставленіе назначается за такія воинскія преступленія, которыя далеко не могутъ опорочить военнослужащаго, какъ лицо, способное къ отправленію государственной или общественной службы. Лишеніе же «прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ» для лица, находящагося внѣ службы, т. е. воспрещеніе производства по линіи и ограниченіе права на полученіе орденовъ, приводитъ къ тому, что это пораженіе теряетъ свою дѣйствительность.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить также и еще одной странности, допускаемой нашимъ уставомъ, а именно—срочности этого праволишенія, опредѣляемой въ три года. Невольно напрашивается вопросъ, почему именно три года, а не одинъ, пять или десять. Если законодатель имѣлъ въ виду исправленіе виновнаго, то принятіе его вновь на службу можетъ имѣть мѣсто только послѣ засвидѣтельствованія этого исправленія. Но въ данной обстановкѣ и при данныхъ условіяхъ такое засвидѣтельствованіе немыслимо, такъ какъ въ теченіе своего стажа—трехъ лѣтъ—виновникъ не можетъ вступить ни въ какую государственную или общественную службу, а слѣдовательно и доказать свое исправленіе и способность снова воспользоваться своимъ положеніемъ военнослужащаго—офицера. Такимъ образомъ, законъ, не справляясь со степенью безопасности отставленнаго для воинскаго правопорядка, разрѣшаетъ принять его черезъ три года и тѣмъ самымъ можетъ сдѣлать дурную услугу правопорядку. Что касается трехлѣтняго періода, то едва ли надо отмѣчать, что установленіе такового покоится на произвольномъ основаніи. Лучшимъ доказательствомъ этому служить указаніе той же 44 ст. на возможность принимать офицеровъ, отставленныхъ отъ службы, въ военное время, не выжидая трехъ лѣтъ. Это свидѣтельствуетъ, что результатами своего наказанія государство не интересуется.

Еще менѣе цѣлесообразно отставленіе отъ службы въ примѣненіи къ лицамъ, находящимся въ отставкѣ, которыя, подвергаясь этому наказанію, лишаются единственной выгоды и преимущества—права вступать на службу, такъ какъ остальные праволишенія для отставныхъ не имѣютъ никакого значенія. Все это позволяетъ желать, чтобы въ будущемъ отставленію отъ службы было придано другое, болѣе цѣлесообразное значеніе.

3. *Увольненіе отъ службы* представляетъ собою высшее дис-

циплинарное взысканіе для офицеровъ или чиновниковъ и для сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ.

Въ отношеніи первыхъ законъ указываетъ, что въ случаяхъ, когда дисциплинарныя взысканія окажутся безуспѣшными, они могутъ быть увольняемы отъ службы порядкомъ дисциплинарнымъ ¹.

Съ одной стороны, можно предположить, что увольненіе отъ службы, по своей природѣ, отличается отъ природы наказанія тѣмъ болѣе, что главный военный судъ ² высказалъ мысль, что увольненіе не составляетъ дисциплинарнаго взысканія, а является мѣрою административною, примѣненіе которой предоставляется не суду, а исключительно начальству.

Однако, съ такимъ толкованіемъ согласиться невозможно на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Увольненіе отъ службы помѣщено въ главѣ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, и предполагать, что законодатель на-мѣренно помѣстилъ сюда не дисциплинарную, а просто административную мѣру, не представляется возможнымъ; эта мѣра хотя и не отмѣчена ст. 33, перечисляющей дисциплинарныя взысканія, тѣмъ не менѣе она стоитъ тотчасъ же за ними и является высшею дисциплинарною мѣрою. Эта мысль находитъ себѣ подтвержденіе также и въ томъ, что ст. 66—69, регламентирующія подробности увольненія, входятъ въ главу VIII устава, озаглавленную «о порядкѣ наложенія дисциплинарныхъ взысканій». 2) Примѣненіе ея обусловливается по закону безуспѣшностью другихъ дисциплинарныхъ взысканій и усмотрѣніемъ начальства. Хотя въ приказѣ по в. в. 1884 г. № 136 и было постановлено, что увольненіе наступаетъ даже въ случаѣ неудовлетворительной аттестаціи офицера ³, но такое расширеніе смысла закона является произвольнымъ и только обнаруживаетъ стремленіе практики свести дисциплинарное взысканіе на степень административной мѣры. 3) Наконецъ, при увольненіи офицеровъ отъ службы, помимо собственнаго ихъ желанія, слѣдуетъ руководствоваться не ст. 760—762 I кн. III т., а дисциплинарнымъ уставомъ ⁴. 4) Помимо всего этого, увольненіе упомянуто два раза въ

¹ Ст. 34 д. у.

² Рѣш. 1893 г. № 125.

³ Отзывъ гл. в.-суд. упр. 1889 г. № 4934; прик. по в. в. 1893 г. № 163.

⁴ Цирк. гл. в.-суд. упр. 1886 г. № 5511.

воинскомъ уставѣ, въ качествѣ санкціи къ ст. 197, 198 и 238, а отсюда слѣдуетъ, что эта мѣра есть наказаніе, примѣняемое не только въ дисциплинарномъ порядкѣ, но и по суду. То обстоятельство, что въ лѣстницѣ исправительныхъ наказаній и дисциплинарныхъ взысканій оно не имѣетъ мѣста, не можетъ оказывать вліянія на самое существо мѣры, а должно быть объяснено обычной въ нашемъ законодательствѣ неточностью и неполнотою редакціи.

Увольненіе отъ службы офицеровъ и чиновниковъ совершается Высочайшими приказами. Но увольненію предшествуетъ изслѣдованіе о проступкѣ и поведеніи виновнаго, по распоряженію ближайшаго начальства, и предложеніе ему подать просьбу объ отставкѣ. Если бы прошенія въ назначенный срокъ подано не было, то представленіе начальства объ отставкѣ представляется главному начальнику военного округа или командиру корпуса вмѣстѣ съ произведеннымъ изслѣдованіемъ, выпискою изъ журнала взысканій и послужнымъ спискомъ. Окончательное рѣшеніе объ увольненіи отъ службы принадлежитъ командиру корпуса относительно оберъ-офицеровъ и начальнику округа относительно штабъ-офицеровъ. Затѣмъ представленіе направляется къ военному министру ¹.

Интересно отмѣтить, что офицеры и чиновники, увольняемые по распоряженію начальства, сохраняютъ право на полученіе выслуженной ими пенсіи, но награжденіе ихъ слѣдующимъ чиномъ и правомъ ношенія въ отставкѣ мундира можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ ходатайства о томъ начальства ².

Офицеры, подвергнутые увольненію, не зачисляются въ запасъ, а подаютъ въ отставку такъ же, какъ и исключенные и отставленные отъ службы ³.

Увольненіе сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ совершается по приказу начальника дивизіи. Уволенные, въ силу этого, остаются армію и переходятъ въ запасъ или отставку ⁴.

Въ западно-европейскомъ правѣ всѣ карательныя мѣры, имѣющія цѣлью временное удаленіе виновнаго изъ арміи, допускаютъ обратное вступленіе на службу только въ порядкѣ помилованія или реабилитаціи.

¹ См. 66—68 д. у.

² Ст. 69 и примѣч.; Высоч. пов. 23 іюня 1893 года.

³ Прик. по в. в. 1887 г., № 60; уст. о воин. повин., ст. 277.

⁴ Ст. 68 д. у.

III.

Къ карательнымъ мѣрамъ, направленнымъ противъ служебныхъ благъ военнослужащаго, относятся и такія воинскія наказанія, которыя, будучи по существу пораженіемъ извѣстныхъ правъ, въ то же время *не удаляютъ виновнаго изъ арміи и отъ службы*. Такія наказанія представляются наиболѣе удобными и наиболѣе цѣлесообразными въ условіяхъ военного быта. Въ самомъ дѣлѣ, нарушеніе военнослужащимъ требованій воинскаго правопорядка, не свидѣтельствующее объ испорченности виновнаго и абсолютной непригодности его къ несенію обязанностей службы, создаетъ для государства совершенно особыя задачи: не имѣя надобности удалять виновнаго вовсе отъ службы, оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ поводъ сомнѣваться въ его безупречномъ соблюденіи всѣхъ требованій службы. Въ виду этого оно считаетъ наиболѣе удобнымъ для себя оставить его на службѣ и, не поражая навсегда его правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у него на болѣе или менѣе продолжительное время его должность, чинъ или званіе, чтобы, путемъ лишенія виновника извѣстныхъ матеріальныхъ благъ, заставить его относиться къ обязанностямъ службы болѣе добросовѣстно; при этомъ, разъ виновный засвидѣтельствовалъ свою пригодность къ пользованію отнятыми правами, государство снова возвращаетъ ему преимущества, не ограничивая возвращенія таковыхъ какимъ-либо срокомъ.

Къ такимъ мѣрамъ относятся: въ *Германіи*—*Amtsverlust*, *Degradation* и *Versetzung in die zweite Klasse*, *Entfernung von Charge*; въ *Австріи*—*Degradierung und Versetzung in eine mindere Soldclasse*; въ *Швейцаріи*—*destitution* для нижнихъ чиновъ, *suspension du grade* и *perte du grade*; во *Франціи*—*rétrogradation*, *cassations*, *suspension de la commission*, *renvoi à la 2-e classe*; въ *Бельіи*—*privation du grade*, *dégradation*, *rétrogradation* и *rétrogradation à la 2-e classe*; въ *Россіи*—отрѣшеніе отъ должности, удаленіе отъ должности, смѣщеніе на низшія должности, смѣщеніе на низшія степени и оклады; разжалованіе и лишеніе званія; ограниченіе и потеря нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, неудостоеніе къ производству и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Всѣ перечисленныя здѣсь мѣры имѣютъ своею цѣлью поставить волю виновнаго въ соотвѣтствіе съ требованіями правопо-

рядка, не удаляя его отъ *службы*, но только устраняя его изъ той сферы, въ которой имъ было совершено нарушеніе, или вѣрнѣе—отнимая у него фактическую возможность нарушать право-порядокъ въ области предоставленныхъ ему ранѣ преимуществъ. Слѣдовательно, содержаніе этихъ карательныхъ мѣръ исчерпывается лишеніемъ какого-либо служебнаго права.

Постановленія нашего воинскаго устава очень мало удовлетворяютъ началамъ цѣлесообразности, поэтому мы и остановимся на разсмотрѣніи ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Къ наказаніямъ для офицеровъ и чиновниковъ наше законодательство относитъ: *отрѣшеніе отъ должности и удаленіе отъ должности*. Различіе между этими двумя карательными мѣрами заключается только въ способахъ назначенія наказанія и реабилитаціи, т. е. отрѣшеніе отъ должности совершается по суду ¹, удаленіе отъ должности въ порядкѣ дисциплинарномъ ²; отрѣшенный отъ должности реабилитируется съ особаго Высочайшаго соизволенія, по засвидѣтельствованіи начальства объ от-лично-усердной его службѣ; удаленный отъ должности—властью начальства. Существо той и другой мѣры состоитъ въ лишеніи офицера тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя связаны съ занятіемъ данной должности.

Отрѣшеніе отъ должности представляетъ собою совершенно исключительное наказаніе въ отношеніи только тѣхъ военно-служащихъ, которые занимаютъ въ арміи какія-либо должности; въ отношеніи всѣхъ другихъ отрѣшеніе не примѣняется и должно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быть замѣнено равносильнымъ наказаніемъ, а именно: гауптвахтою отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, такъ какъ по 4 п. примѣч. прил. къ 8 ст. отрѣшеніе соотвѣтствуетъ 5 ст. военной тюрьмы, а эта послѣдняя въ свою очередь—гауптвахтѣ ³. Точно также и удаленіе отъ должности можетъ быть примѣнено къ лицамъ, занимающимъ должность: ротнымъ, баталіоннымъ командирамъ и т. д.

Отрѣшеніе отъ должности вовсе не было знакомо, равно какъ и въ проектѣ военно-кодификаціонной комиссіи оно не

¹ Ст. 46 в. уст. о нак.

² Ст. 33, пун. 6 дисц. уст.

³ См. таблицу № 6 (стр. 199); рѣш. гл. в. суда 73/59, 75/133 Кузьминъ-Караваевъ, Характеристика, 104-106.

упоминалось. При разсмотрѣніи проекта въ совѣщаніи, по инициативѣ в. к. Константина Николаевича, былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ: не будетъ ли полезно ввести въ уставъ отрѣшеніе отъ должности, при этомъ было указано, что удаленіе отъ командованія частью въ порядкѣ положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ не имѣетъ того значенія, какъ формальное отрѣшеніе по приговору суда, а «между тѣмъ сіе послѣднее наказаніе, являясь какъ средняя мѣра между отставленіемъ отъ службы и взысканіями съ оставленіемъ на службѣ, весьма чувствительно въ извѣстномъ служебномъ положеніи и весьма умѣстно въ примѣненіи къ нѣкоторымъ нарушеніямъ и упущеніямъ по службѣ ¹». Въ томъ же совѣщаніи военнымъ министромъ было высказано, что отрѣшеніе отъ должности уже примѣнялось и ранѣе, какъ самостоятельное наказаніе по суду ². Такимъ образомъ, явилось постановленіе объ отрѣшеніи отъ должности.

Въ сущности, эта мѣра наиболѣе дѣйствительная въ отношеніи поражаемыхъ благъ и наиболѣе цѣлесообразная въ интересахъ достиженія цѣли частнаго предупрежденія. Будучи подвергнутъ серьезнымъ матеріальнымъ невыгодамъ, виновный воздерживается отъ нарушенія требованій военной службы и даетъ возможность государству, по удостовѣреніи въ его безупречности, возвратить ему потерянные права. Но серьезность этой мѣры возбуждаетъ значительныя сомнѣнія въ томъ отношеніи, что дисциплинарное осуществленіе удаленія отъ должности не можетъ дать большихъ гарантій правильности ея примѣненія. Чѣмъ важнѣ затрогиваемыя ею права, тѣмъ, въ интересахъ цѣлесообразности наказанія, должно осторожнѣе и относиться къ нимъ, а дисциплинарное осуществленіе нельзя сравнивать съ судебнымъ рѣшеніемъ.

Отрѣшеніе отъ должности помѣщено внѣ лѣстницы наказаній для офицеровъ. Это объясняется тѣмъ, что въ работахъ по составленію воинскаго устава оно постоянно являлось въ качествѣ исключительной мѣры, которой не придавали особенно серьезнаго карательнаго значенія.

Тотъ же характеръ и содержаніе носятъ: смѣщеніе на низшія

¹ Сборн. зак. раб., стр. 64.

² Даже при отсутствіи законодательныхъ опредѣленій.

должности унтеръ-офицеровъ и смѣщеніе на низшія степени и оклады для ефрейторовъ и бомбардировъ. Къ сожалѣнію, въ уставѣ не имѣется какого-либо указанія на возможность реабилитаціи. Надо полагать, что таковая все-таки возможна.

Дѣйствующее военно-уголовное законодательство многихъ европейскихъ государствъ знаетъ особое правопораженіе — разжалованіе. Сущность этой карательной мѣры явствуетъ изъ самаго ея названія; оно предполагаетъ, въ качествѣ объекта наказанія, лицо, занимающее въ арміи извѣстное положеніе, возвышающее его надъ общею рядовою массою нижнихъ чиновъ. Сюда принадлежатъ офицеры, чиновники и тѣ нижніе чины, которые имѣютъ какія-либо званія, сопряженные или съ властью, или съ внѣшними отличіями. Наше право знаетъ разжалованіе — въ отношеніи офицеровъ ¹ и лишеніе званія — въ отношеніи нижнихъ чиновъ ²; въ другихъ государствахъ это наказаніе примѣняется только къ нижнимъ чинамъ. По нашему уставу, разжалованіе является карательною мѣрою, примѣняемою по суду, лишеніе же званія — дисциплинарнымъ взысканіемъ; въ Германіи ³ — разжалованіе примѣняется къ нижнимъ чинамъ по суду; въ Австріи ⁴ — по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ; по французскому, бельгійскому и итальянскому уставамъ въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Нашъ военно-уголовный уставъ зналъ *разжалованіе* съ лишеніемъ или безъ лишенія дворянства. Проектъ Капгера повторилъ эти постановленія, хотя въ объяснительной запискѣ и отмѣтилъ неудобства этого наказанія: «большая часть изъ сихъ разжалованныхъ или по немолодымъ лѣтамъ, или по непривычкѣ къ трудамъ, мало способны къ солдатской службѣ и не могутъ выносить ея трудностей; сверхъ того, они, какъ недовольные своимъ положеніемъ, имѣютъ невыгодное вліяніе на окружающихъ ихъ нижнихъ чиновъ.»

Военно-кодификаціонная комиссія, на основаніи этого, остановилась на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли вносить въ проектъ оба вида разжалованія. При этомъ только два члена ⁵, указывая, что такое наказаніе глубоко укоренилось въ нашей судебной

¹ Ст. 42—43 в. у. о н.

² Ст. 13, п. 6; ст. 15, п. 8 дисц. уст.

³ § 40.

⁴ Hübner, 17—18.

⁵ Плавскій и Философовъ.

практикѣ и что оставленіе его въ лѣстницѣ исправительныхъ наказаній безусловно желательно для замѣны наказаній уголовныхъ, полагали нужнымъ сохранить его.

Однако, большинство членовъ признало, что разжалованіе должно быть наказаніемъ «за преступленія чисто-воинскія, не унижающія военнаго званія,—наказаніемъ, которое не можетъ касаться никакихъ правъ сословныхъ, а обращеніе въ ряды арміи лишенныхъ правъ по происхожденію безусловно оскорбляетъ званіе рядового»¹; наконецъ, какъ говорилось въ Высочайшемъ повелѣніи 2-го апрѣля 1861 г., «несовмѣстно съ достоинствомъ службы и съ честнымъ званіемъ солдата обременять ряды арміи такими разжалованными, которые по предосудительному свойству преступныхъ ихъ дѣяній должны подвергнуться лишенію принадлежащихъ имъ правъ состоянія». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, совѣщаніе установило разжалованіе, какъ наказаніе за «упущенія по службѣ», которыя не заключаютъ въ себѣ ничего позорнаго въ нравственномъ отношеніи.

Такъ родились дѣйствующія постановленія устава о разжалованіи.

Съ момента разжалованія, офицеръ перестаетъ быть таковымъ и обращается въ рядового, пользующагося особыми правами по состоянію, такъ какъ онъ не теряетъ при этомъ пріобрѣтенныхъ чинами и орденами правъ дворянства или почетнаго гражданства². Законъ допускаетъ реабилитацію, т. е. производство наказаннаго въ «офицерскій чинъ», при условіяхъ: 1) отличнаго военнаго подвига, или Высочайшаго соизволенія о несчитаніи понесеннаго штрафа препятствіемъ къ наградамъ, 2) по истеченіи трехъ лѣтъ и 3) при безпорочной и усердной службѣ послѣ разжалованія³.

Однако, едва ли разжалованіе можетъ служить исправленіемъ для виновнаго. Если это положеніе вѣрно въ отношеніи лица, дорожащаго службою и только начавшаго таковую, то оно совершенно несостоятельно для лицъ давно служащихъ, для которыхъ разжалованіе влечетъ потерю даже правъ на пенсію⁴; но и здѣсь дѣйствительность наказанія парализуется возможностью

¹ Журн. Выс. учр. комис., стр. 129—132.

² Ст. 42 в. у. о нак.

³ Ст. 43 *ibid.*

⁴ Прик. по в. вѣд. 1887 г., № 189.

Всемилоствѣйшаго прощенія. Однако, помѣщеніе офицера, нарушившаго обязанности службы, въ ряды нижнихъ чиновъ, съ одной стороны обращаетъ званіе рядового не въ то почетное званіе, о которомъ говоритъ нашъ законъ, а въ званіе, которое съ равнымъ правомъ носить и безпорочный нижній чинъ и нарушившій запреты воинскіе офицеръ; съ другой—есть полное основаніе предполагать, что разжалованному трудно будетъ настаивать правомѣрно свою волю въ тѣхъ условіяхъ, куда онъ попадаетъ.

Въ виду всего этого разжалованіе офицеровъ является, по нашему мнѣнію, наказаніемъ, не имѣющимъ значенія серьезной уголовно-политической мѣры.

Другое дѣло — разжалованіе нижнихъ чиновъ: здѣсь виновный возвращается въ ту среду, откуда вышелъ, между нимъ и рядовою массою никогда не было той пропасти, которою отдѣляются офицеры и нижніе чины; поэтому онъ въ сущности только лишается однихъ служебныхъ преимуществъ, не мѣняя среды.

Нашъ уставъ знаетъ *ограниченіе*¹ и *потерю*² нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ; первое — для офицеровъ, второе — для нижнихъ чиновъ. Сходство между этими обѣими карательными мѣрами замѣчается и по цѣлямъ наказанія, и по свойствамъ поражаемыхъ благъ: сюда входитъ ограниченіе права на полученіе знаковъ отличія, воспрещеніе производства для офицеровъ и лишеніе унтеръ-офицерскаго или ефрейторскаго званія и права на прибавочное жалованіе—для нижнихъ чиновъ. Эти наказанія, по примѣру западнаго права, не примѣняются въ качествѣ самостоятельныхъ мѣръ и являются слѣдствіями другихъ наказаній.

Нельзя не замѣтить, что блага, поражаемая этими наказаніями, въ большинствѣ являются проблематическими. Въ самомъ дѣлѣ, полученіе знаковъ отличія въ будущемъ парализуется для нижняго чина постановленіемъ закона о случаяхъ отличнаго подвига или прощенія, для офицеровъ — о воспрещеніи производства лишь впредь до особаго засвидѣтельствованія начальства объ отличномъ подвигѣ или усердной или безпорочной службѣ. Такимъ образомъ, это наказаніе поражаетъ не реальныя

¹ Ст. 27.

² Ст. 52.

блага и выгоды военнослужащаго, а блага будущаго — блага недѣйствительныя, гадательныя, не для всѣхъ и не въ одинаковой мѣрѣ имѣющія значеніе. Въ этомъ — наиболѣе слабая сторона правоограниченія этого рода, которая дѣлаетъ его крайне неудовлетворительнымъ, хотя, очевидно, устанавливая таковое, законодатель имѣлъ въ виду посредствомъ праволишенія подѣйствовать на виновнаго въ смыслѣ исправленія и дать ему возможность пріобрѣсти потерянные права въ будущемъ, при хорошей службѣ или отличномъ подвигѣ.

Среди правопоражающихъ наказаній для нижнихъ чиновъ особымъ значеніемъ пользуется переводъ въ разрядъ штрафованныхъ — по нашему уставу, во второй классъ — по германскому, французскому и бельгійскому и въ разрядъ наказанныхъ — по итальянскому.

Переводъ въ разрядъ штрафованныхъ существовалъ въ первой половинѣ XIX ст. въ Баваріи, Ганноверѣ, Пруссіи и другихъ государствахъ Германіи. Особенно рельефнымъ представлялось ганноверское законодательство, которое лишало виновнаго: извѣстной доли свободы, учреждая надъ нимъ постоянный надзоръ, всѣхъ служебныхъ преимуществъ, знаковъ отличія, правъ на производство, на занятіе карауловъ во дворцѣ, быть конвойнымъ и ординарцемъ и т. п.; имя штрафованнаго заносилось на особую черную доску съ надписью «разрядъ штрафованныхъ», висѣвшую всегда въ казармѣ на видномъ мѣстѣ; при погребеніи штрафованнаго лишали воинскихъ почестей. Переводъ въ классъ безпорочныхъ совершался по усмотрѣнію начальника дивизіи, въ виду исправленія виновнаго, совершенія имъ подвига, или за безупречное поведеніе въ теченіе полугода ¹.

Въ Англіи переводъ въ разрядъ штрафованныхъ былъ установленъ въ 1859 г. въ цѣляхъ ограниченія тѣлеснаго наказанія. Состояніе въ этомъ разрядѣ обусловливало собою обязательное примѣненіе тѣлеснаго наказанія только въ случаѣ совершенія второразряднымъ побѣга, буйства, неповиновенія, насилія противъ старшихъ, пьянства, растраты, воровства, членовредительства и другихъ постыдныхъ дѣяній. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній смѣщеніе было отмѣнено.

Въ нашемъ правѣ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ—

¹ Предположенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда, стр. 9—11.

явленіе сравнительно недавняго времени. Первое упоминаніе о немъ встрѣчается въ проектѣ положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины. Составители проекта, стремясь къ ограниченію тѣлеснаго наказанія безъ суда и къ возвышенію нравственнаго духа арміи, предполагали раздѣлить всѣхъ нижнихъ чиновъ, не пользующихся особенными правами по состоянію, на два разряда, съ тѣмъ, чтобы наказанію розгами безъ суда подвергались только состоящіе въ разрядѣ штрафованныхъ¹. Параграфъ 14 проекта устанавливалъ, что «нижніе чины, неизъятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, могутъ быть подвергаемы розгамъ не иначе, какъ послѣ перевода въ разрядъ штрафованныхъ и только по содѣянніи имъ вновь проступка, или по положительному предписанію закона, или въ тѣхъ случаяхъ, когда для строгости примѣра полковой командиръ или высшій начальникъ признаетъ необходимымъ соединить наказаніе розгами съ переводомъ виновнаго въ разрядъ штрафованныхъ». Въ первое время эта мысль проекта показалась дѣйствительно выдающеюся, способною, если не уничтожить, то значительно уменьшить число случаевъ примѣненія тѣлеснаго наказанія. Порукою тому составителямъ было законодательство западно-европейскихъ государствъ. Мѣра эта была одобрена в. кн. Константиномъ Николаевичемъ, который находилъ ее «справедливою» и требовалъ «немедленнаго раздѣленія» нижнихъ чиновъ на два разряда. Такого же мнѣнія держались и другіе высшіе начальники. Однако, раздавались голоса, которые указывали на опасность самой мѣры, такъ какъ «приведеніе оной въ исполненіе послужить источникомъ укоровъ товарищей лицъ, попавшихъ въ разрядъ штрафованныхъ», что для службы эта мѣра будетъ бесполезна, а для нравственности нижнихъ чиновъ положительно вредна, что соединеніе въ одно мѣсто большого числа порочныхъ будетъ означать корпорацію, составляемую гласно, приказами начальства, что на штрафованныхъ ляжетъ пятно позора, и солдаты будутъ ихъ чуждаться, что переводъ въ разрядъ трудно обезпечить законностью² и т. п. Однако, это наказаніе получило признаніе и было перенесено въ уставъ о наказаніяхъ, въ качествѣ дополнительной мѣры къ заключенію въ военной тюрьмѣ,

¹ Стр. 3—4. Предположенія о раздѣл. нижн. чин. на два разряда.

² Предположенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда, стр. 25—28.

и самостоятельнаго наказанія для нижнихъ чиновъ срочной службы.

По уставу изд. 1900 г. переводъ въ разрядъ штрафованныхъ является дополнительнымъ наказаніемъ къ дисциплинарнымъ баталіонамъ и одиночной тюрьмѣ, и самостоятельнымъ за рядъ маловажныхъ проступковъ ¹. Послѣдствія перевода таковы: виновный лишается унтеръ-офицерскаго и ефрейторскаго званія, правъ на получение знаковъ отличія, кромѣ случаевъ совершенія отличнаго подвига, правъ на прибавочное жалованье ², онъ не удостоивается преимуществъ, приобретаемыхъ безпорочною службою, не можетъ быть произведенъ въ унтеръ-офицеры или ефрейторы, не назначается въ почетный караулъ, а также вѣстовымъ и посыльнымъ къ начальствующимъ лицамъ и за старшаго ³. Однако, помимо этихъ ограниченій, необходимо отмѣтить еще и такія, которыя являются естественнымъ слѣдствіемъ недовѣрія, возникающаго къ порочному лицу: состоявшіе въ разрядѣ штрафованныхъ ни въ какомъ случаѣ не переводятся въ гвардію ⁴, не назначаются въ роту дворцовыхъ гренадеръ ⁵, въ отдѣльный корпусъ жандармовъ и въ госпитальную прислугу ⁶; штрафованные не могутъ быть учителями молодыхъ солдатъ ⁷, часовыми на важныхъ постахъ, имѣющихъ казенный интересъ ⁸, препровождать арестантовъ ⁹, занимать какія-либо должности находиться въ командировкахъ, требующихъ благонадежности ¹⁰, и пользоваться временными отпусками ¹¹. Однако, самымъ тяжелымъ послѣдствіемъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ является лишеніе права на изыятіе отъ тѣлеснаго наказанія даже въ гражданской жизни по увольненіи виновнаго въ запасъ или отставку, если во время службы онъ не удостоился прощенія штрафа ¹².

¹ Ст. 96, 101, 104, 122, 190, 191 и 249 в. у.

² Ст. 52 в. у. о н.

³ Ст. 84 д. у.

⁴ Прик. по в. в. 1873 г., № 350, п. 1 примѣч.

⁵ Полож. о ротѣ дворц. гренад., § 17.

⁶ С. В. П., кн. XVI, ст. 234.

⁷ Прик. по в. в. 1873, № 177.

⁸ Циркул. 1867 г. № 13.

⁹ Циркул. 1867 г. № 17; 1868 г. № 36; 1881 г. № 169.

¹⁰ С. В. П., ч. II, кн. I, ст. 1278.

¹¹ С. В. П., ч. II, кн. I, ст. 1604, 1632.

¹² Собраніе узаконеній. 1885 г., № 2, п. 29.

Нашъ законъ допускаетъ выбытіе нижняго чина изъ разряда штрафованныхъ не ранѣе года, при условіи безпорочной службы и разрѣшенія со стороны полкового командира ¹. Годичный срокъ, впрочемъ, можетъ быть сокращенъ въ видѣ награды за примѣрную храбрость, отличное поведеніе или вслѣдствіе «иныхъ, особо уважительныхъ причинъ», но въ этомъ случаѣ съ разрѣшенія корпуснаго командира—въ мирное и начальника дивизіи—въ военное время. Но годичный срокъ измѣняется, если переводъ въ разрядъ штрафованныхъ назначается, какъ замѣняющее одиночное заключеніе наказаніе; въ этомъ случаѣ переходъ въ безпорочнослужащіе можетъ быть совершенъ по прослуженіи въ немъ не менѣе года сверхъ срока, на который увеличено пребываніе въ разрядѣ ².

Наоборотъ, нижніе чины, состоящіе въ дисциплинарныхъ частяхъ, находятся въ болѣе привилегированномъ положеніи: на основаніи «положенія о дисциплинарныхъ баталіонахъ» ³ начальники дисциплинарныхъ частей должны сообщать подробныя свѣдѣнія о поведеніи освобожденныхъ изъ заключенія въ тѣ части войскъ, откуда они прибыли, а о выдающихся по нравственнымъ качествамъ нижнихъ чинахъ особо сообщаютъ командиру части; что касается заключенныхъ, увольняемыхъ въ запасъ, то право реабилитаціи таковыхъ принадлежитъ начальнику дисциплинарной части.

Такимъ образомъ, получается странный порядокъ вещей: виновный въ наиболѣе тяжкихъ нарушеніяхъ дисциплины и воинскаго правопорядка и осужденный къ отдачѣ въ дисциплинарныя части при зачисленіи въ запасъ можетъ быть переведенъ въ разрядъ безпорочнослужащихъ, въ то время какъ нижніе чины, совершившіе менѣе значительные проступки и подвергшіеся или одиночному заключенію, или только переводу въ разрядъ штрафованныхъ, какъ наказанію самостоятельному, въ случаѣ зачисленія ихъ въ запасъ ранѣе установленнаго для реабилитаціи срока, несмотря на все стараніе заслужить прощеніе, должны уходить, оставаясь штрафованными. Однако, для казаковъ законъ устанавливаетъ другія правила: состоящимъ на

¹ Ст. 86 дисц. уст.

² См. примѣч. къ 86 ст. дисц. уст.

³ Прик. по в. в. 1892 г., № 320, ст. 89.

льготѣ, переведеннымъ въ разрядъ штрафованныхъ во время нахожденія ихъ на дѣйствительной службѣ, въ указанный годовой срокъ для прошенія зачисляется время, проведенное на льготѣ, если они, по удостовѣренію станичныхъ обществъ и засвидѣтельствуванію атамановъ отдѣловъ, при хорошемъ поведеніи будутъ отличаться исправнымъ исполненіемъ лежащихъ на нихъ воинскихъ обязанностей ¹.

При пересмотрѣ устава въ началѣ 90-хъ годовъ вопросъ о переводѣ въ разрядъ штрафованныхъ былъ снова возбужденъ. Начальники частей и лица военно-судебнаго вѣдомства высказали пожеланіе о перенесеніи всѣхъ постановленій о немъ въ уставъ о наказаніяхъ. При этомъ условіи, разумѣется, достигалась извѣстная стройность системы. Но существо самого наказанія не возбуждало споровъ и разногласій, какъ «полезная мѣра, не отрывающая солдата надолго отъ несенія службы» ², при чемъ даже предполагалось, вмѣстѣ съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, подвергать виновнаго немедленно тѣлесному наказанію. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи мнѣніе московскаго военно-окружнаго суда, который предлагалъ установить, что «въ нахожденіи на дѣйствительной военной службѣ состояніе нижнихъ чиновъ въ разрядѣ штрафованныхъ не даетъ права подвергать ихъ тѣлесному наказанію» ³.

¹ Ст. 88 дисц. уст.

² Замѣчанія, стр. 119—120.

³ Сводъ замѣчаній воен. начальн., стр. 60—61.

ГЛАВА III.

Пораженіе чести.

§ 45. Системы наказаній пораженіемъ чести.

Въ отличіе отъ наказаній, имѣющихъ своимъ объектомъ гражданскія, общественныя или служебныя права военнослужащаго, военно-уголовное право знаетъ также и пораженіе чести, т. е. внутренняго достоинства лица, состоящаго на военной службѣ.

Въ исторіи военно-уголовнаго права, особенно въ первые моменты его появленія, пораженіе чести, какъ наказаніе воинское, конкурируетъ съ другими видами наказаній. Въ наше время, наоборотъ, эта карательная мѣра занимаетъ незначительное сравнительно мѣсто.

Въ *Австріи* регламентъ о службѣ ¹ устанавливаетъ систему *выговоровъ*:

I. Для офицеровъ—простой и строгій. Первый изъ нихъ объявляется виновному на словахъ или письменно безъ свидѣтелей; второй объявляется въ присутствіи старшихъ чиновъ и офицеровъ, состоящихъ въ равныхъ чинахъ съ наказаннымъ.

II. Унтеръ-офицерамъ простой выговоръ объявляется только словесно и безъ свидѣтелей, а строгій—въ присутствіи унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ высшее или одинаковое съ виновнымъ званіе.

III. Рядовымъ объявляется выговоръ простой.

¹ Пун. 657 Dienst-Reglement; A. 1 (а и b), B. 1 (а и b) и C. 1.

IV. Выговоры для чиновниковъ имѣютъ двѣ формы: выговоръ простой (какъ для офицеровъ) и выговоръ съ угрозою принятія болѣе сильныхъ мѣръ. Послѣдній объявляется въ присутствіи другихъ чиновниковъ даннаго управленія, но въ отсутствіи всѣхъ подчиненныхъ наказаннаго ¹.

V. Armeediener'амъ выговоръ объявляется словесно и въ присутствіи двухъ лицъ, по положенію равныхъ или старшихъ, нежели наказанный ².

Германское право устанавливаетъ также выговоры (Verweise), какъ наказаніе исключительно лишь въ отношеніи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Для первыхъ установлены: выговоръ простой, формальный и строгій. Первый совершается безъ свидѣтелей или въ присутствіи только одного начальника; формальный—при собраніи офицеровъ части, строгій—въ приказѣ, съ внесеніемъ причинъ въ *parol-bücher*.

Для унтеръ-офицеровъ существуютъ тѣ же виды, но формальный выговоръ совершается въ присутствіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ роты, эскадрона или батареи ³.

Рядовые выговорамъ не подлежатъ.

Кромѣ этого, германскому праву знакомы двѣ мѣры: наставленіе и замѣчаніе, которыя хотя и упомянуты въ дисциплинарномъ уставѣ, тѣмъ не менѣе не входятъ въ систему взысканій ⁴.

Французскій уставъ о внутренней службѣ различаетъ въ отношеніи офицеровъ: выговоры (*réprimandes*) полковника и генераловъ. Они объявляются въ присутствіи: одного или нѣсколькихъ офицеровъ въ старшихъ, нежели виновный, чинахъ и офицеровъ равнаго съ нимъ чина, или только въ присутствіи старшихъ офицеровъ ⁵.

Выговоры унтеръ-офицерамъ объявляются капитаномъ или полковникомъ. Въ первомъ случаѣ присутствуютъ унтеръ-офицеры роты, занимающіе такую же должность, какъ и наказанный; во второмъ—унтеръ-офицеры, равные или высшіе по должности.

¹ Disciplinary-Strafvorschrift für die Militär-Beamten, § 13, a и b.

² § 1 и 2 Anhang. die Disciplinar Behandlung der Armeediener betreffend.

³ Disciplinary-Strafordung. § 3.

⁴ Ibid, § 4.

⁵ Art. 305.

Въ обоихъ случаяхъ выговоръ долженъ быть объявленъ въ такой формѣ, какая «требуется пользою службы» (*bien du service*) ¹.

Къ рядовымъ и капраламъ выговоръ не примѣняется.

Датскій военно-уголовный кодексъ знаетъ выговоръ, какъ наказаніе, налагаемое по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ первомъ случаѣ онъ опредѣляется за незначительные проступки по службѣ, за которые законъ угрожаетъ простымъ арестомъ на короткіе сроки. Эта замѣна ареста выговоромъ—не обязательна для суда, а стоитъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ даннаго случая ².

Ни швейцарскому, ни бельгійскому праву не знакомы такіе виды пораженія чести.

Нашъ дисциплинарный уставъ и здѣсь отличается достаточною сложностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ для офицеровъ и чиновниковъ онъ выставляетъ замѣчанія и выговоры, которые имѣютъ три степени: 1) объявляемые словесно и въ предписаніи, 2) при собраніи офицеровъ и 3) въ приказѣ ³.

Однако, уставъ указываетъ на возможность примѣненія крайне оригинальной мѣры: «поставленія виновности или упущенія на видъ», которая также можетъ быть объявлена словесно, въ предписаніи или въ приказѣ. Эта мѣра не составляетъ дисциплинарнаго взысканія и считается за одно лишь напоминаніе начальникомъ подчиненному о его обязанностяхъ ⁴.

Что касается унтеръ-офицеровъ, то среди нихъ надо различать: 1, состоящихъ на первосрочной и 2, сверхсрочной службѣ, а среди послѣднихъ: а) занимающихъ должности фельдфебелей и взводныхъ унтеръ-офицеровъ строевыхъ ротъ и б) «прочихъ» сверхсрочныхъ. Къ унтеръ-офицерамъ примѣняются выговоры, къ сверхсрочнымъ строевымъ—замѣчанія и выговоры, къ другимъ—только выговоры ⁵.

Рядовымъ и ефрейторамъ выговоры или замѣчанія не назначаются.

¹ Art. 312.

² §§ 8 и 33. Относительно выговора, какъ взысканія дисциплинарнаго, см. § 199.

³ Ст. 33, п. 1—3 д. у.

⁴ Примѣч. къ ст. 33 д. у.

⁵ Ст. 15, 16¹ и 16² д. у.

Обращаясь къ оцѣнкѣ постановленій нашего устава, прежде всего приходится отмѣтить отсутствіе какихъ-либо указаній на различіе по существу между замѣчаніями и выговорами, если вообще такое различіе существуетъ. Если же эти мѣры — тождественны, то естественно возникаетъ вопросъ, почему онѣ носятъ разныя названія. Вслѣдствіе этого и возникаетъ недоразумѣніе, благодаря которому къ сверхсрочнымъ строевымъ унтеръ-офицерамъ примѣняются и выговоры и замѣчанія, а къ другимъ унтеръ-офицерамъ только выговоры.

Далѣе, останавливаясь на разсмотрѣніи «поставленія на видъ», легко видѣть, что эта мѣра носитъ неопредѣленный характеръ. По существу она едва ли чѣмъ отличается отъ замѣчаній или выговоровъ, по формѣ—она такъ же, какъ и словесныя замѣчанія или выговоры, не заносится въ журналъ взысканій¹, но въ то же время уставъ признаетъ ее только «напоминаніемъ».

Съ юридической точки зрѣнія поставленіе *виновности* или *упущенія* на видъ, въ какой бы формѣ это сдѣлано ни было, есть *non sens*. Съ другой стороны, законъ, говоря о виновности или упущеніи, имѣетъ въ виду безусловно содѣяніе или опущеніе преступнаго характера; отсюда видно, что поставленіе на видъ можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ совершенія военнотружущимъ маловажнаго дисциплинарнаго нарушенія. А такъ какъ, въ силу 1-й статьи дисциплинарнаго устава и юридической логики, нельзя «оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія», то или нельзя считать «поставленія на видъ» только напоминаніемъ, или слѣдуетъ придти къ выводу, что не всякое преступное дѣяніе по нашему праву наказуемо.

Но такъ какъ послѣднее — недопустимо при существованіи воинскаго правопорядка и въ благоустроенной арміи, то приходится остановиться на первомъ и объявить, что «поставленіе на видъ» виновности должно быть и есть дисциплинарное взысканіе, которое по своему содержанію ничѣмъ не мягче замѣчаній или выговоровъ.

Замѣтимъ также, что выговоры и другія соотвѣтствующія мѣры, объявляемыя офицеру въ приказѣ, ставятъ въ извѣстность всю часть, къ которой принадлежитъ наказанный, а слѣдовательно: начальниковъ, равныхъ и подчиненныхъ. Едва ли

¹ См. 89 д. у.

въ этомъ случаѣ нужно говорить о томъ, насколько для интересовъ арміи выгодно, чтобы подчиненные знали о поражении чести начальника, хотя бы въ легкой формѣ замѣчанія, выговора или поставленія на видъ.

Такимъ образомъ, современныя военно-уголовныя законодательства сузили сферу примѣненія пораженія чести. Существующее и понынѣ *dégradation militaire* во французскомъ, бельгійскомъ и швейцарскомъ правѣ, а также и лишеніе воинской чести, отъ котораго отказался нашъ воинскій уставъ только въ сравнительно недавнее время, не могутъ быть отнесены къ числу наказаній пораженіемъ чести, такъ какъ центръ тяжести ихъ лежитъ въ пораженіи служебныхъ благъ, а не чести. Всякое наказаніе, начиная отъ высшихъ уголовныхъ и кончая низшимъ денежнымъ взысканіемъ, заключаетъ въ себѣ униженіе чести, достоинства лица; безъ этого элемента немислимо наказаніе, и отнять у него это свойство—значитъ отказаться отъ современнаго наказанія. «Постыдно не наказаніе, а преступленіе»—мысль, высказанная честнымъ человѣкомъ, въ то время какъ для нарушителя правопорядка воинскаго—преступленіе является иногда случаемъ выказать свое молодечество, лихость, и отнюдь по его убѣжденію не будетъ дѣяніемъ позорнымъ.

§ 46. Оцѣнка наказаній пораженіемъ чести.

Обращаясь къ разсмотрѣнію свойствъ пораженія чести, какъ наказанія, необходимо отмѣтить, что въ современныхъ арміяхъ оно не можетъ получить большого распространенія. Въ самомъ дѣлѣ, честь—гражданская или воинская, какъ сознаніе своего достоинства военнослужащимъ,—едва ли можетъ служить благомъ, на которое должно быть направлено воинское наказаніе. Честь—понятіе субъективное, трудно поддающееся репрессіи; поражать ее—значитъ или уничтожать сознаніе собственнаго достоинства у военнослужащаго, что для государства не выгодно, или дѣйствовать на виновнаго устыдительною образомъ, что мало дѣйствительно.

Пораженіе чести—наказаніе неравномѣрное, такъ какъ люди разнo относятся къ своей чести и не одинаково дорожатъ ею; поэтому—ничтожная мѣра для одного можетъ имѣть тяжелое значеніе для другого. Пораженіе чести—недѣлимо; всѣ мѣры,

направленныя къ разграниченію силы выговоровъ, не ведутъ къ цѣли, такъ какъ основаны на внѣшнемъ различіи и существеннаго значенія имѣть не могутъ. Кромѣ того, пораженіе чести—невозстановимо, такъ какъ нельзя прошлаго сдѣлать небывшимъ, нельзя смыть пятно посрамленія.

Законодательство тѣхъ государствъ, гдѣ пораженіе чести примѣняется исключительно въ отношеніи начальствующихъ лицъ—офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, смотритъ на рядовую массу, какъ на негодный объектъ для лишенія чести; подобное явленіе, заимствованное изъ временъ сѣдой древности, несостоятельно въ наше время, когда всякій солдатъ—почетный членъ общества, его защитникъ, имѣющій честь, которую армія должна воспитывать; лишать рядового чести, слѣдовательно, можно такъ же, какъ и другихъ военнослужащихъ, а отказываясь отъ этого, государство какъ бы вовсе не признаетъ за ними чести.

Быстрота и удобоисполнимость—единственно положительныя свойства этихъ наказаній—далеко не искупаютъ другихъ недостатковъ. Поражая честь военнослужащаго, государство унижаетъ его въ глазахъ арміи и самого виновнаго, оно стремится устыдить его, причинить ему нравственную боль, признать публично дѣйствія его неправомѣрными, а его поведеніе—позорнымъ для солдата. Примѣненіемъ этихъ мѣръ имѣютъ въ виду въ будущемъ обезопасить воинскій правопорядокъ отъ нарушенія, а также и воспитать волю военнослужащаго въ соотвѣтствіи съ задачами существованія арміи и требованіями правопорядка.

Однако, охрана правопорядка помощью такихъ средствъ представляется не цѣлесообразной, и если пораженіе чести существуетъ въ наше время, то единственно только въ виду его маловажнаго значенія по тяжести. Достаточно замѣтить, что выговоръ въ устахъ начальника зависитъ также и отъ степени популярности начальника и его авторитетности въ глазахъ подчиненныхъ.

Кромѣ того, выговоръ, какъ мѣра воспитательная, нецѣлесообразна и въ томъ случаѣ, когда, какъ мы уже указывали выше, она объявляется во всеуслышаніе данной части, особенно—если относится къ начальствующимъ лицамъ. Унижая виновнаго въ глазахъ его подчиненныхъ, государство дѣйствуетъ въ противность своимъ собственнымъ интересамъ и интересамъ существованія арміи.

Другое дѣло—выговоры съ глазу на глазъ, напоминающіе собою отеческое внушеніе, или выговоры, заявляемые отъ лица всей корпораціи, къ которой принадлежитъ виновный ¹. Въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ большее значеніе, нежели выговоръ публичный, во второмъ—онъ свидѣтельствуетъ порицаніе даннаго круга лицъ, которыя признають поведеніе виновнаго несогласнымъ съ интересами корпораціи.

§ 47. Коллективныя наказанія лишеніемъ воинской чести.

Въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ военно-уголовныхъ кодексовъ, не сумѣвшихъ вполнѣ отрѣшиться отъ началъ стараго военного права, встрѣчаются исключительныя наказанія, непосредственнымъ объектомъ которыхъ являются не отдѣльныя лица, а данная войсковая часть, нарушившая *in corpore* запреты уголовного закона. Наказаніе коллективное направляется поэтому не противъ военнослужащихъ, какъ субъектовъ даннаго совершившагося преступленія, и не по мѣрѣ субъективной виновности каждаго изъ нихъ, а противъ даннаго полка, роты, эскадрона и т. п., какъ извѣстной войсковой единицы, входящей въ составъ арміи.

Въ наше время эти наказанія представляютъ собою пораженіе воинской чести въ его чистомъ видѣ. Устанавливая эти наказанія, законодатель исходитъ изъ мысли, что каждому отдѣльному солдату и извѣстной войсковой единицѣ свойственно сознание своего воинскаго достоинства; это сознание является продуктомъ исторической жизни данной части, ея боевого и мирнаго прошлаго. И разъ часть засвидѣтельствовала посредствомъ содѣяній или опущеній такія качества, которыя съ военной точки зрѣнія представляются постыдными, то ее можно объявить не имѣющею воинской чести и, какъ таковую, уничтожить, вычеркнуть изъ числа вооруженныхъ силъ государства.

Съ другой стороны, воинскія массовыя преступленія, въ силу совершенно особой психологіи массъ, происходятъ въ такой формѣ, которая исключаетъ всякую возможность для судьи считаться съ

¹ Сюда относятся выговоры, какъ наказаніе по суду корпораціи—суду чести.

личною виновностью каждаго отдѣльнаго нарушителя. Эти преступленія—бѣгство, трусость и т. п.—представляютъ собою нѣчто хаотическое, стихійное, и никакія изслѣдованія суда въ дѣлѣ установленія степени и формы участія каждаго изъ виновныхъ не могутъ привести къ положительнымъ результатамъ. Такимъ образомъ, будетъ ли обусловлено примѣненіе такого наказанія рѣшеніемъ суда или нѣтъ,—съ точки зрѣнія цѣлесообразности наказанія является несущественнымъ.

Такія наказанія сохранились въ законодательствѣ *Австріи* и *Россіи*.

Австрійскій кодексъ указываетъ: въ случаяхъ, когда цѣлая войсковая часть не исполняетъ своихъ обязанностей во время сраженія, особенно если полки, батальоны, роты, эскадроны или команды, противъ приказанія начальниковъ, отказываются противодѣйствовать непріятелю, или оставляютъ позиціи и укрѣпленія, или принуждаютъ начальника отступить или сдаться на капитуляцію, то всѣ зачинщики, виновные офицеры и каждый десятый изъ нижнихъ чиновъ подвергаются разстрѣлію. Кромѣ того, сама часть, обнаружившая трусость, лишается знаменъ до тѣхъ поръ, пока не засвидѣтельствуетъ вновь свою храбрость предъ непріателемъ; если дѣяніе совершено небольшими отрядами, то люди, входящіе въ составъ ихъ, распредѣляются по другимъ полкамъ¹.

Нашъ уставъ даетъ аналогичное постановленіе: команда, нарушившая приказанія начальника и оставившая назначенное для нея мѣсто безъ боя, или положившая оружіе предъ непріателемъ, или сдавшаяся въ плѣнъ, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги, почитается явно возставшею, и всѣ главные виновные или зачинщики, сообщники, а также старшіе въ званіи или чинѣ подвергаются смертной казни съ лишеніемъ правъ, а прочіе, принадлежащіе къ составу команды,—по мѣрѣ ихъ участія². Но независимо отъ наказаній по суду, можетъ быть опредѣляемо за такія преступленія, по особому Высочайшему повелѣнію, и лишеніе отличій, Всемилостивѣйше пожалованныхъ командѣ или части ея, а также уничтоженіе состава команды путемъ размѣщенія нижнихъ чиновъ, оставляемыхъ на службѣ,

¹ § 250 Mil.-Strafgesetz.

² Ст. 248 в. у. о н.

въ другія войска, и увольненія офицеровъ отъ службы или переводомъ въ другіе полки или команды ¹.

Изъ приведеннаго видно, что пораженіе воинской чести имѣетъ своимъ объектомъ не отдѣльныхъ лицъ, а данную команду, при чемъ самое наказаніе назначается независимо отъ личнаго наказанія виновныхъ, по нашему же праву — даже не судомъ, а Императоромъ, какъ Главою арміи.

Это послѣднее обстоятельство было предметомъ обсужденія совѣщанія. Изъ проекта военно-кодификаціонной комиссіи можно было заключить, что это наказаніе входило въ предѣлы власти суда. Совѣщаніе же признало, что принятіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ, «обусловливаясь преимущественно различными высшими соображеніями, должно принадлежать исключительно высшей военной власти, которая при томъ, оцѣнивая важность для службы совершеннаго цѣлою командою преступленія, можетъ въ своемъ высшемъ усмотрѣніи опредѣлять и по мѣрѣ надобности объявлять свое о семъ рѣшеніе, какъ по произнесеніи надъ виновными судебного приговора, такъ равнымъ образомъ и немедленно по вослѣдованіи преступленія, до производства еще надъ виновными суда» ².

Цѣль этой исключительной мѣры — очевидна: съ одной стороны, объявляя данную часть лишенною воинской чести ³, государство тѣмъ самымъ желаетъ устрашить и другія части; кромѣ того, уничтожая часть распредѣленіемъ входящихъ въ составъ ея лицъ, оно имѣетъ въ виду охранить воинскій правопорядокъ отъ нарушеній въ будущемъ, могущихъ произойти отъ той же части; наконецъ, предполагая, что въ массовыхъ преступленіяхъ виновность отдѣльныхъ лицъ можетъ быть незначительною, а вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что принадлежность лица къ части, лишенной чести, еще не доказываетъ его личной непригодности къ несенію военной службы, государство помѣщаетъ военнослужащаго въ другую воинскую часть, съ надеждою, что онъ будетъ имѣть достаточныя побужденія содѣйствовать интересамъ арміи.

Мы не высказываемся относительно разумности этой мѣры для правоохранительной дѣятельности государства, но въ то же

¹ Ст. 75 в. у.

² Сборн. зак. раб., стр. 168.

³ По мнѣнію Кузьмина-Караваева, — «корпоративной чести». Характеристика, 156.

время утверждаемъ, что лишеніе чести въ такой формѣ не можетъ быть разсматриваемо, какъ наказаніе, ибо его мѣсто—не въ военно-уголовномъ кодексѣ, который имѣетъ дѣло съ субъективною виновностью и съ индивидуальными карательными мѣрами, а въ законахъ военно-полицейскихъ.

ГЛАВА IV.

Имущественныя взысканія.

§ 48. Системы имущественныхъ взысканій.

Современное военно-уголовное право мало-по-малу исключаетъ изъ своей карательной системы такія наказанія, которыя своимъ непосредственнымъ объектомъ имѣютъ имущество виновнаго. Причинъ такого явленія очень много. Во-первыхъ, воинское преступное дѣяніе есть по преимуществу нарушеніе обязанностей долга, обязанностей высшаго порядка, трудно переводимыхъ на деньги. Во-вторыхъ, совершеніе военнотружашимъ воинскаго преступления, въ большинствѣ случаевъ предполагаетъ отсутствіе у виновнаго корыстныхъ или иныхъ какихъ-либо личныхъ побужденій. Въ-третьихъ, поражая имущественную состоятельность военнотружашаго, государство вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у виновнаго средства для выполненія имъ обязанностей, превращаетъ его въ субъекта необезпеченнаго, что является безусловно невыгоднымъ для интересовъ воинскаго правопорядка. Наконецъ, отнятіе имущества у виновнаго влечетъ за собою обогащеніе государства на его счетъ; это послѣднее уже не соотвѣтствуетъ идеѣ о государствѣ, признается недостойнымъ его.

Имущественныя взысканія имѣютъ слѣдующія формы: конфискація всѣхъ или части принадлежащихъ осужденнымъ вещей или другихъ имуществъ; денежныя пени; вознагражденіе убытковъ казны и устраненіе объективныхъ послѣдствій преступления.

1. Хотя ст. 9 устава и упоминаетъ о полной и частичной конфискаціи имущества, но въ особенной части такого наказа-

нія не встрѣчается. Однако, упоминаніе въ ст. 137 наказанія за государственную измѣну въ случаѣ побѣга къ непріятелю и вступленія въ ряды непріятельской арміи послѣ взятія въ плѣнъ, заставляетъ признать въ данномъ случаѣ молчаливую ссылку на ст. 255 уложенія, которая предписываетъ опредѣлять въ этомъ случаѣ, кромѣ главнаго наказанія—смертной казни — также и конфискацію всего родового и благопріобрѣтеннаго имущества виновнаго «въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій... на основаніи особо издаваемыхъ на этотъ случай правилъ». Конфискація является исключительно принадлежностью нашего военно-уголовнаго кодекса и не встрѣчается ни въ одномъ изъ остальныхъ.

Что касается отобранія отдѣльныхъ предметовъ, то уставъ совершенно игнорируетъ эту форму ¹.

II. Въ формѣ денежной пени, имущественныя наказанія по нашему уставу играютъ непослѣднюю роль. Они всегда соединяются съ другимъ наказаніемъ и самостоятельно не назначаются.

Въ уставѣ въ лѣстницѣ наказаній для офицеровъ и чиновниковъ денежныхъ взысканій за преступленія *по службѣ* не установлено, межъ тѣмъ какъ въ лѣстницѣ для нижнихъ чиновъ—такія взысканія имѣются только за преступленія, не сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей *военной службы* ².

Денежныя пени уставъ опредѣляетъ за выдачу денегъ или другихъ предметовъ раньше срока, за присвоеніе или растрату, за невѣрную запись въ приходной книгѣ, за принятіе денегъ вмѣсто продуктовъ, за выдачу денегъ за недоставленные еще предметы, за промедленіе въ отсылкѣ суммъ или вещей и за производство ссудъ изъ казенныхъ суммъ ³.

Размѣръ денежной пени исчисляется въ видѣ цѣны имущества или процентовъ. Въ первомъ отношеніи уставъ знаетъ: ординарную сумму — равную имуществу ⁴, не свыше цѣны иму-

¹ Австрійскій военно-уголовный кодексъ знаетъ отобраніе товаровъ, запасовъ и т. п., но отказывается отъ регламентаціи этого наказанія и назначенія его за воинскія преступленія, почему въ этихъ случаяхъ и руководствуются общеуголовнымъ уложеніемъ. См. § 21, п. f; § 73; уложеніе § 240.

² Ст. 5 и 6. пун. а.

³ Стт. 225, 232, 240, 220, 222, 227 и 235.

⁴ Ст. 235, 234.

щества ¹, двойную цѣну его ², не свыше двойной цѣны ³, проценты съ суммы ⁴.

Денежная пеня обращается или на самого виновнаго, или на лицъ, обязанныхъ надзоромъ за виновнымъ, или на военно-служащихъ, свидѣтельствовавшихъ то или другое имущество.

Въ первомъ отношеніи уставъ не разрѣшаетъ обращать взысканія на содержаніе нижнихъ чиновъ ⁵, но допускаетъ это въ отношеніи офицеровъ, которые подвергаются или вычету изъ жалованія и другихъ получаемыхъ отъ казны суммъ, или изъ собственного имущества; послѣднему подлежатъ и нижніе чины, имѣющіе имущество. Нижніе чины, не имѣющіе собственного имущества, подвергаются замѣнѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: денежная пеня не свыше 50 рублей—простымъ арестомъ не свыше десяти сутокъ; не свыше 150 р. — простымъ арестомъ отъ 10 дней до одного мѣсяца; не свыше 300 руб.—одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; свыше 300 руб.—тому же наказанію на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ ⁶.

Въ отношеніи офицеровъ замѣна денежныхъ пеней допускается только въ случаѣ увольненія ихъ отъ службы и неимѣнія ими средствъ къ уплатѣ взысканія; оставшіеся же на службѣ и не имѣющіе средствъ подвергаются опредѣленному вычету изъ получаемаго ими содержанія ⁷.

Нашъ воинскій уставъ о наказаніяхъ выказываетъ большую заботу объ охраненіи интересовъ казны, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные въ присвоеніи, употребленіи на свои надобности и т. п. не въ состояніи сами заплатить падающаго на нихъ взысканія, оно обращается на начальниковъ или лицъ, имѣвшихъ за виновными надзоръ ⁸.

Наконецъ, уставъ знаетъ одинъ случай, когда денежная пеня

¹ Ст. 232.

² Ст. 240, 220.

³ См. 235, 2-я часть.

⁴ Ст. 225, 227.

⁵ Ст. 53.

⁶ Ст. 60.

⁷ Ст. 61.

⁸ Ст. 236.

обращается на счетъ свидѣтельствовавшихъ то или другое имущество лицъ, а именно: въ случаѣ неправильностей въ строеніи или сооруженіи ¹.

Такова система нашего устава ².

¹ Ст. 210.

² Въ формѣ вознагражденія убытковъ, имущественныя взысканія получаютъ въ нашемъ правѣ большое распространеніе. Наибольшее признаніе имѣетъ форма вознагражденія убытковъ казны: за принятіе вредныхъ припасовъ (219), за промедленіе въ приѣмъ суммъ (216), за приѣмъ несходныхъ съ образцами товаровъ (217, 218), за притѣсненіе частныхъ лицъ при приѣмѣ отъ нихъ издѣлій (223), отпускъ испорченныхъ вещей (226), упущенія по присмотру за рабочими (228), небрежное храненіе казеннаго имущества (229), утрату имущества (230), истребленіе его (231), растрату (234). Постановка вопроса о вознагражденіи за вредъ и убытки по нашему уставу не имѣетъ настолько отличительныхъ, рѣзкихъ чертъ, чтобы можно было провести границу между нимъ и денежнымъ взысканіемъ, какъ наказаніемъ личнымъ. И вознагражденіе это осуществляется въ порядкѣ уголовного суда, какъ одинъ изъ элементовъ уголовного иска. Уставъ знаетъ также и вознагражденіе за вредъ и убытки въ пользу отдѣльныхъ военнослужащихъ, а именно: въ случаѣ удержанія начальникомъ жалованья или довольствія подчиненныхъ, или производства съ нихъ вычетовъ и т. п. (176); въ этомъ случаѣ «уплата обиженнымъ противозаконно у нихъ удержаннаго или вычтеннаго» присоединяется къ другому наказанію въ формѣ дополнительной мѣры. Удержаніе жалованія начальникомъ безъ корыстной цѣли (177) влечетъ за собою сверхъ наказанія личнаго, «обязанность вознаградить подчиненныхъ за всѣ убытки, понесенные ими отъ противозаконныхъ его распоряженій».

Какъ составной элементъ служебнаго правопораженія, имущественное лишеніе входитъ въ понятіе потери нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ въ формѣ лишенія пріобрѣтеннаго службою права на полученіе прибавочнаго жалованія (52 ст. в. у. о. н.).

Имущественныя лишенія присоединяются также къ нѣкоторымъ наказаніямъ. На основаніи приказа по в. в. 1887 г. № 189 «служба безпорочная пенсією не награждается»; въ виду этого лишенію пенсіи подлежатъ: военнослужащіе, подвергнутые наказаніямъ уголовнымъ, соединеннымъ или не соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія (ст. 2 и 3 в. у.), наказаніямъ исправительнымъ, соединеннымъ съ потерей всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ по состоянію или съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ по службѣ (ст. 5. п. I—IX), и взысканіямъ дисциплинарнымъ, если они замѣняютъ, по Монаршему милосердію, другое болѣе тяжкое наказаніе по суду или если виновный подвергнутъ дисциплинарному взысканію по Высочайшему повелѣнію, съ особымъ подтвержденіемъ въ томъ и другомъ случаѣ о внесеніи взысканія въ послужной списокъ (ст. 35 и 97 д. у.). Подвергнутые содержанію на гауптвахтѣ безъ ограниченія правъ и отрѣшенію отъ должности или уволенные въ отставку по приговору суда общества офицеровъ пенсіи не лишаются.

Германскій уставъ отказывается отъ примѣненія имущественныхъ взысканій за нарушенія воинскаго характера; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда общеуголовные законы угрожаютъ условно денежнымъ взысканіемъ или лишеніемъ свободы, то денежное взысканіе не назначается, если преступнымъ дѣяніемъ одновременно нарушена и военно-служебная обязанность ¹.

Наоборотъ, за нарушение служебныхъ обязанностей чиновниковъ военнаго вѣдомства примѣняются наказанія, указанныя въ уложеніи, если только эти дѣянія не отмѣнены военно-уголовнымъ кодексомъ ². Изъ этого слѣдуетъ, что къ чиновникамъ денежныя взысканія примѣняются ³.

Кромѣ того, германскій дисциплинарный уставъ знаетъ особое взысканіе—лишеніе права распоряжаться жалованьемъ по своему усмотрѣнію и наложеніе обязанности представлять отчетъ въ производимыхъ расходахъ унтеръ-офицеру—своему начальнику; наказаніе это примѣняется только къ рядовымъ ⁴.

По *датскому кодексу*, если виновному военнослужащему угрожаетъ, на основаніи постановленій общеуголовныхъ законовъ, денежное взысканіе, то таковое замѣняется лишеніемъ свободы, если преступное дѣяніе касается военной службы ⁵. Въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія денежный штрафъ до 40 кр. можетъ имѣть мѣсто, но только въ случаѣ совершенія военнослужащимъ проступка, наказуемаго по общимъ законамъ ⁶.

Шведскій уставъ упоминаетъ денежное взысканіе въ системѣ наказаній, но примѣненіе его происходитъ на основаніи правилъ общаго уложенія ⁷, при чемъ, въ случаѣ несостоятельности, оно можетъ быть замѣнено лишеніемъ свободы въ военной тюрьмѣ ⁸. Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ особенной части кодекса содер-

¹ § 29 в. у.

² §§ 153—154 в. у.

³ Разд. XXVIII Уложенія: «Verbrechen und Vergehen im Amte», §§ 331—359.

⁴ Disciplinar-Strafordnung, § 3. Эта мѣра можетъ проявиться и въ другой формѣ: у виновнаго могутъ быть отняты на время деньги.

⁵ § 40, пун. 2.

⁶ § 199, ч. 2.

⁷ §§ 9 и 12.

⁸ § 12.

жится указаніе на замѣну штрафа дисциплинарнымъ взысканіемъ ¹.

Наконецъ, необходимо отмѣтить упомянутое также въ особенной части и только всего одинъ разъ оригинальное имущественное взысканіе: уставъ говоритъ: «кто изъ военной добычи, принадлежащей... государству или подлежащей распредѣленію между войсками, возьметъ что-либо, съ намѣреніемъ присвоить это для себя или для другого, тотъ *лишается своей части изъ добычи и наказывается...*» ².

Французскій кодексъ говоритъ кратко, что денежные взысканія по общеуголовнымъ законамъ, назначаемыя военными судами, могутъ быть замѣняемы тюрьмою на срокъ отъ 6 дней до 6 мѣсяцевъ ³. Эти взысканія имѣютъ большое примѣненіе въ случаѣ совершенія полицейскихъ нарушеній ⁴.

Въ *Норвегіи* денежная пеня представляетъ собою одну изъ дисциплинарныхъ мѣръ, общую для всѣхъ военнослужащихъ. Она назначается въ размѣрѣ отъ 8-ми до 800 кр. ⁵

Денежное взысканіе въ Норвегіи можетъ быть также и замѣняющимъ наказаніемъ: командиръ баталіона имѣетъ право замѣнить простой арестъ для военнослужащихъ всѣхъ званій денежною пенею въ размѣрѣ 8—60 кр. ⁶

Англійское право устанавливаетъ денежное взысканіе въ видѣ исключительной дисциплинарной мѣры, которая примѣняется къ нижнимъ чинамъ, злоупотребляющимъ спиртными напитками. Размѣръ ея — не свыше десяти шиллинговъ, съ присоединеніемъ или безъ присоединенія тюрьмы и тюремной работы. Англійскому же праву знакомо удержаніе жалованія, какъ главное или дополнительное наказаніе ⁷.

¹ § 107.

² § 103.

³ Art. 195.

⁴ Новый законъ 1900 г., см. Bulletin officiel du minist. de la guerre, № 11, стр. 320.

⁵ § 16 и 24.

⁶ Gran, — Fonctionnement, I, стр. 24—25.

⁷ Gran, I, стр. 196.

§ 49. Оцѣнка имущественныхъ взысканій.

Обращаясь къ оцѣнкѣ имущественныхъ взысканій, надо замѣтить, что, какъ бы незначительны они ни были, они въ корнѣ подрываютъ принципъ личной отвѣтственности, такъ какъ, поражая имущественную сферу виновнаго, затрагиваютъ и благосостояніе близкихъ ему лицъ.

Кромѣ того, они представляютъ собою не для всѣхъ равномѣрную кару; степень тяжести ихъ зависитъ отъ имущественной состоятельности лица,—признакъ, едва ли способный служить основаніемъ для установленія карательной лѣстницы. Денежное взысканіе, наконецъ, есть отнятіе государствомъ денегъ или имущества у виновнаго, а подобное отнятіе въ глазахъ наказаннаго не можетъ имѣть значенія мѣры справедливой, такъ какъ оно противорѣчитъ идеѣ о государствѣ, обогащающемся на счетъ виновнаго. Даже назначеніе этихъ суммъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій не можетъ отнять у взысканія его характера, такъ какъ эта благотворительность является принудительной; а что несправедливо по мнѣнію виновнаго, то никогда не можетъ повліять положительнымъ образомъ и на волю преступника.

Имущественныя взысканія обладаютъ свойствомъ дѣлимости и индивидуализаціи; но, имѣя въ виду, съ одной стороны, что законъ ставитъ сумму взысканія въ зависимость не отъ имущественной способности лица, а съ другой — что индивидуализировать денежное взысканіе—дѣло далеко не легкое, приходится признать, что и въ этомъ отношеніи взысканіе не имѣетъ за собою положительныхъ свойствъ.

Наконецъ, денежное взысканіе и неудобноисполнимо въ условіяхъ военнаго быта. Не говоря уже о нижнихъ чинахъ, имущественная состоятельность которыхъ сводится къ нулю, примѣненіе денежнаго взысканія къ офицерамъ можетъ создать трудности для государства какъ въ силу незначительности содержанія, получаемаго ими отъ казны, такъ и отъ тѣхъ лишеній, которыя само государство принуждено будетъ восполнить въ той или другой формѣ.

Едва-ли надо говорить о неэкономичности этого наказанія—свойствѣ, всецѣло присущемъ денежному взысканію и отнимаю-

щемъ у арміи, можетъ быть, ея лучшія боевыя силы. Это обстоятельство вліяло и должно вліять въ будущемъ на совершенное исчезновеніе изъ воинскаго устава о наказаніяхъ всякаго упоминанія о денежномъ взысканіи, даже и за такія воинскія нарушенія, которыя, по существу, сходны съ общеслужебными по уложенію о наказаніяхъ.

Отсутствіе свойства удобоисполнимости ведетъ къ тому, что наше законодательство принуждено создавать особую систему замѣняющихъ наказаній. Не имѣя подъ руками эквивалентныхъ мѣръ, оно почему-то признаетъ, что лишеніе свободы способно до нѣкоторой степени замѣнить имущественное взысканіе. Эта замѣна допускается только въ отношеніи нижнихъ чиновъ, не имѣющихъ собственнаго имущества; офицеры же, въ случаѣ увольненія ихъ отъ службы, подлежатъ замѣняющему наказанію на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ.

Если денежное взысканіе нецѣлесообразно, то еще менѣе цѣлесообразна замѣна его. Что общаго между отнятіемъ имущества и лишеніемъ свободы? почему 50 рублей эквивалентны—десяти суткамъ простого ареста, а 300 рублей—одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ? Старое право знало отдачу въ рабство лица, несостоятельнаго къ уплатѣ денежнаго взысканія, имп. Павелъ I ссылалъ въ крѣпость въ работу «для заработка» военнослужащихъ, нарушившихъ интересы казны¹. Но въ этихъ случаяхъ карательная власть дѣйствовала съ разумѣніемъ: разъ убытокъ имѣется или съ виновнаго надо удержать деньги, понятно, что отработокъ всего этого—единственный эквивалентъ. Наше право держится иного воззрѣнія и, въ интересахъ справедливости, предписываетъ замѣнять денежное взысканіе заключеніемъ въ тюрьмѣ, но безъ правопоражающихъ придатковъ².

Выяснивъ существо и сферу примѣненія имущественныхъ взысканій, можно установить и тѣ цѣли, которыя имѣетъ въ виду это наказаніе.

Денежное взысканіе назначается за такія преступныя дѣянія, которыя представляютъ собою посягательство на имущественные интересы казны: разъ преступное дѣяніе совершилось, интересы

¹ См. Высочайшія конфирмаціи за время 1797—1801 г.г. (Гл. В.-Суд. Упр., часть журнальная).

² См. ст. 60 в. у. о нак.

казны нарушены или только подверглись возможному нарушенію, какъ, напр. при покушеніи на растрату ¹,—денежное взысканіе является выраженіемъ идеи возмездія, отплаты зломъ за зло, тальономъ, основаннымъ на началахъ внѣшняго соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ. Другой цѣли это наказаніе имѣть не можетъ; оно именно служитъ возмездію, иначе государство не допускало бы взыскать денежную пеню даже при покушеніяхъ на преступленіе. Идея тальона также проникаетъ все существо наказанія: сумма взысканія оцѣнивается не въ зависимости отъ тяжести вреда, его послѣдствій и др. данныхъ, а отъ размѣра интересовъ казны; законъ предписываетъ суду при опредѣленіи суммы взысканія руководствоваться суммою преступления и на этомъ одномъ строить и денежное взысканіе и замѣняющую его систему.

Все это, какъ кажется, должно служить наилучшимъ выразителемъ отрицательнаго значенія денежнаго взысканія. Наказаніе, поражающее не только преступника, но и заинтересованныхъ его судьбою лицъ, наказаніе, отнимающее у защитника государства средства его благосостоянія, наконецъ, наказаніе, выражающее въ наше время давно забытую идею возмездія и ради только одной ея существующее, — это наказаніе должно исчезнуть изъ военно-уголовнаго законодательства, какъ несоотвѣтствующее интересамъ арміи.

¹ Напр., ст. 232 нашего устава, которая требуетъ назначенія денежнаго взысканія только при пополненной растратѣ (1 и 2 части статьи). Относительно покушенія см. рѣшен. гл. в. суда 82/97, 85/189, 97/4 и др.

ГЛАВА V.

Лишеніе свободы.

Отдѣленіе I.

§ 50. Виды лишенія свободы.

Лишеніе свободы, какъ воинское наказаніе, появляется значительно позднѣе лишенія свободы въ видѣ наказанія общеуголовнаго. Въ то время какъ карательная власть охраняла общегосударственный правопорядокъ посредствомъ заключенія виновныхъ въ безопасныя мѣста, армія въ отношеніи своихъ нарушителей дѣйствовала на иныхъ основаніяхъ: выводитъ военнослужащаго изъ строя, лишать его свободы на болѣе или менѣе продолжительное время, учреждать за нимъ строгій надзоръ — представлялось нецѣлесообразнымъ, противнымъ интересамъ и задачамъ арміи. Поэтому старались дѣйствовать наиболѣе удобными, дешевыми и устрашительными мѣрами—смертною казнью, тѣлесными и членовредительными наказаніями.

Въ наше время наказаніе лишеніемъ свободы представляетъ собою такую карательную мѣру, которая поражаетъ свободу дѣятельности человѣка постольку, поскольку она проявляетъ себя во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, причемъ центръ тяжести сводится къ лишенію свободы передвиженія, хотя сюда же подходитъ и свобода труда, свобода образа жизни и т. п.

Всѣ современные виды лишенія свободы могутъ быть раздѣлены: на наказанія, которыя поражаютъ свободу виновнаго въ формѣ принудительнаго удаленія его въ опредѣленную территорию государства, въ формѣ принудительнаго выселенія изъ пре-

дѣловъ государства, въ формѣ принудительнаго заключенія преступника въ особыя зданія на территоріи государства и, наконецъ, въ формѣ лишенія виновнаго отдыха. Первая форма носитъ техническое названіе ссылки, вторая—изгнанія, третья—заключенія, послѣдняя—лишенія отдыха.

§ 51. Исторія воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы въ Россіи.

I.

До-Петровскій періодъ.— Какъ мѣра административнаго характера, ссылка появляется во второй половинѣ XVI ст., когда московское правительство посылаетъ военноплѣнныхъ на заселеніе восточныхъ окраинъ государства. Главными пунктами ссылки служили Астрахань и Сибирь, гдѣ впослѣдствіи ссыльнымъ иноземцамъ—литовскимъ людямъ, нѣмцамъ и др.¹—предоставляется право вступать на службу и получать жалованье. Принятіе такой мѣры объясняется желаніемъ правительства утилизовать въ интересахъ государства ссыльныхъ, какъ извѣстную рабочую силу. Этотъ принципъ сразу получаетъ полное признаніе: вслѣдъ за военноплѣнными ссылка распространяется и на преступниковъ. Соборное Уложеніе упоминаетъ ссылку 11 разъ, но уже къ концу XVII ст. число случаевъ примѣненія ея значительно возрастаетъ: рядъ указовъ этой эпохи облагаетъ ею уклоненіе отъ службы въ формѣ побѣга и неявки².

Однако, практически ссылка примѣнялась и за другія преступленія. Такъ, Котошихинъ указываетъ, что полковые воеводы подвергались ссылкѣ за нарушеніе служебныхъ обязанностей³; кромѣ того, ссылка могла назначаться и въ другихъ случаяхъ, соотвѣтственно обстоятельствамъ даннаго дѣла⁴.

Формы примѣненія ссылки отличались большимъ разнообразіемъ.

¹ Доп. къ Актамъ Историческимъ, VII, 55.

² Грамота воеводѣ Чердынскому. Акты Истор., т. V, стр. 56; П. С. З. № 1552; Дополн. къ Акт. Истор., т. XII, стр. 389; Сергѣевскій, Наказаніе, 222.

³ Котошихинъ.— О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 43.

⁴ См. Gordon, — Tagebuch des Generals Gordon, I, 294–295; Сергѣевскій, — 224.

зіемъ. Правительство въ теченіе XVII ст. пытается отыскать такія формы, которыя болѣе всего способствовали бы извлеченію изъ преступника выгодъ; поэтому объемъ территоріи для ссыльныхъ, съ одной стороны, расширяется, съ другой — появляются заботы о лучшей организаціи ссыльнаго населенія.

Что касается юридическаго положенія ссыльныхъ, то въ этомъ отношеніи интересно представляется т. н. ссылка въ службу. Ссылаемые направлялись въ сибирскіе и окраинные города. Въ указѣ о ссылкѣ обыкновенно обозначалось преступленіе, мѣсто ссылки, родъ службы виновнаго¹ и «чинъ», понимая подъ послѣднимъ названіе его должности или служебнаго положенія.

Въ мѣстахъ ссылки наказанные приверстывались въ дѣти боярскія, въ дворяне, въ стрѣльцы, въ казаки. Родъ службы долженъ былъ соотвѣтствовать, главнымъ образомъ, прежнему общественному положенію виновнаго². Указы и грамоты XVII ст. подтверждаютъ это начало неоднократно и грозятъ воеводамъ за нарушеніе его наказаніемъ³.

Иногда для лицъ, занимавшихъ высшее служебное положеніе ссылка могла соединяться и съ правопоражающими послѣдствіями въ формѣ пониженія по службѣ или разжалованія⁴.

Довольствіе сосланныхъ производилось или на общихъ основаніяхъ со стрѣлецкими частями, или съ извѣстными ограниченіями⁵.

На основаніи этихъ немногочисленныхъ данныхъ можно, однако, выяснитъ тѣ цѣли, которыя преслѣдовались московскимъ государствомъ, широко практиковавшимъ ссылку на службу. Содерж-

¹ «Сослать въ службу, въ какую кто годится».

² „Изъ приказовъ Казанскаго и Сибирскаго ссылаются на вѣчное житіе всякаго чину люди за вины, а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ городахъ верстаютъ въ службы, смотря по человѣку“, — Котошихинъ, стр. 73. По указанію Олеарія (*Aussführliche Beschreibung*, стр. 223), стрѣльцы и солдаты снова занимали солдатское мѣсто — *Soldatenstelle* — и получали хорошее пропитаніе и годичное жалованье. Иностранецъ Reutenfels отмѣчаетъ (*De rebus Moscovicis*, стр. 147), что ссыльные въ Сибирь предназначались частью для военной службы, частью для земледѣлія. — См. Сергѣевскій, стр. 236.

³ П. С. З., № 562.

⁴ Сергѣевскій, стр. 238. Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный былъ сосланъ на службу въ простые казаки.

⁵ Дополн. Акт. Истор., т. X, стр. 56.

жаніе этой карательной мѣры исчерпывалось исключительно перемѣщеніемъ виновнаго изъ центра на окраины. Благодаря этому, центръ освобождался отъ преступнаго элемента, и тѣмъ обезпечивалось господство правопорядка; на окраинахъ же ссылки составляли особое единеніе, образованное въ интересахъ государственной пользы: границы были плохо обезпечены отъ непріятельскихъ нападений, населеніе было немногочисленно; и направляя сюда преступниковъ, государство создавало прочный военный оплотъ. Ссылка, какъ карательная мѣра, имѣла серьезное значеніе: она влекла только перемѣщеніе, тѣмъ не менѣе мѣста для поселенія представлялись далеко небезопасными въ военномъ отношеніи и, кромѣ того, населеніе должно было собственнымъ трудомъ — непрестаннымъ и тяжелымъ — придавать мѣстамъ ссылки культурный характеръ. Слѣдовательно, ссылка преслѣдовала цѣли, полезныя для государства: она утилизировала силы преступника и ограждала безопасность—въ центрѣ отъ преступниковъ, на окраинахъ—отъ непріятеля.

II.

Петровский періодъ.—Этотъ принципъ утилизаціи въ концѣ XVII ст., вмѣстѣ съ ускореніемъ темпа государственной и общественной жизни, остается неизмѣннымъ: правительство по-прежнему верстаетъ ссылныхъ на службу; но въ устройство и форму ссылки вносится много новаго, чему способствуетъ бѣдность рабочихъ рукъ, широкіе планы работъ по возведенію укрѣпленій, построекъ и т. п. и наконецъ колонизаторская пропаганда. Ссылка на службу представляетъ собою уже подневольный, обязательный трудъ—трудъ каторжный ¹.

Такимъ образомъ, характерною чертою этого періода является введеніе *ссылки на каторгу*: гдѣ нужно было извлечь изъ преступника всю даваемую имъ пользу, тамъ и образовывались пункты каторжной работы. Первоначально такими пунктами служили: Азовъ и Троицкой, впослѣдствіи сюда присоединяются: Петербургъ, Кронштадтъ, Рогервикъ, Таганрогъ и т. д. Иногда

¹ См. проектъ Виніуса о каторжной работѣ въ т. V, Допол. Акт. Истор., № 80; Грамота Воронежск. воеводѣ 1645 г.

образовывались временные пункты ссылки; таковы, напр., Олонецкая верфь ¹, галерная гавань на Васильевскомъ Островѣ ² и др. города и мѣстности.

Однако, эта реформированная ссылка продолжала свое существованіе наряду со старою ссылкой: въ документахъ этой эпохи имѣются указанія, что преступники ссылались и на каторгу, и на вѣчное житіе, и на поселеніе. Отсюда можно заключить, что ссылка на житіе, являлась лишь стариннымъ приверстываніемъ на службу въ мѣстахъ поселенія ³; то же относится и къ ссылкѣ на поселеніе ⁴.

Каторжная работа производилась на каторгахъ или галерахъ, въ крѣпостяхъ, на дорогахъ, верфяхъ, рѣкахъ и т. п., словомъ тамъ, гдѣ въ данный моментъ была нужда въ рабочихъ рукахъ. Сосланные носили названія: каторжныхъ, галерниковъ, колодниковъ, арестантовъ, невольниковъ, мастеровыхъ, рабочихъ, ссыльныхъ и т. п. На пополненіе каторжнаго населенія правительство посылало плѣнныхъ турокъ ⁵, татаръ ⁶, шведовъ ⁷, поляковъ ⁸ и даже несостоятельныхъ должниковъ ⁹. Ссылные могли брать съ собою или просить о высылкѣ къ нимъ женъ и дѣтей ¹⁰.

Въ отношеніи объема примѣненія, ссылка на каторгу не даетъ опредѣленныхъ чертъ: этому наказанію подвергались «люди разнаго званія и чина» за взяточничество, недосмотръ за лѣсами и другія вины ¹¹, преступники за побѣгъ съ Олонецкой верфи ¹², бѣглые солдаты, оставшіеся въ живыхъ послѣ поимки и повѣшенія одного изъ четырехъ ¹³, плѣнные за побѣгъ ¹⁴, за похище-

¹ Архив. Морск. Минист., Дѣла Адмир.-Сов., № 9, 1701 г., 17--83.

² Архив. Морск. Минист., Дѣла вице-адмирала Зимаевича, № 34, 1727 г.

³ Архив. Мор. Мин., Дѣла Прик. В. Мор. Фл., № 22, 1701--02 г.

⁴ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 87, 1706 г.

⁵ Арх. Мор. Мин., Д. Адм.-Сов., № 9, 1701 г.

⁶ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 22, 1701--02 г.

⁷ Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина. № 51, 1712 г., л. 102.

⁸ Ibid., л. 100.

⁹ Арх. Мор. Мин., указы Адм.-Кол., отд. III, 1722. 39.

¹⁰ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 57, 105, л. л. 350, 434, 503, 508--510.

¹¹ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 37.

¹² Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 44.

¹³ Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 248.

¹⁴ Ibid., № 51.

ніе Его Царскаго Величества казны, за обмѣну парусовъ, за фальшивую подпись подъ руку генерала, за пріемъ краденаго, за продажу мундира и бросаніе государственнаго палаша, за членовредительство, за воровскія пропускныя письма, за «пріѣздъ къ капитану въ неуказные часы», за разбой, кражу ¹ и т. п.

Срокъ каторги отличался крайнею неопредѣленностью: она назначалась или *до указа*, или *по указу*. Въ первомъ случаѣ наказаніе могло окончиться въ любой моментъ при условіи полученія указа объ этомъ въ мѣстѣ ссылки, во второмъ—въ точно опредѣленный въ указѣ, сопровождавшемъ ссылаемаго, срокъ, который опредѣлялся или «вѣчно», или на время въ 10, 5 лѣтъ, 2 или 1 годъ и даже въ такихъ дробныхъ числахъ, какъ, напр., 4 года 5 мѣс. и 12 дн.

Сосланные въ теченіе срока наказанія могли быть свободно перемѣщаемы изъ одного пункта въ другой, въ зависимости отъ потребностей даннаго времени и мѣста. Изъ центральныхъ областей колодникі отправлялись на сѣверъ—въ Петербургъ, Рогервикъ и др.; такое же перемѣщеніе могло происходить и въ другихъ пунктахъ ссылки, гдѣ увеличивались или измѣнялись работы ².

Работы отличались большимъ разнообразіемъ, причемъ тяжесть ихъ не принималась во вниманіе. Эти данныя, въ связи съ другими, вполне подтверждаютъ мысль, что для правительства цѣннымъ былъ самый трудъ, независимо отъ его карательнаго значенія, такъ какъ каторга была тѣмъ же московскимъ «приверстываніемъ» въ службу, «кто куда годится».

Въ первые годы XVIII ст. управленіе южными каторгами возлагалось на стольниковъ, на сѣверѣ каторги состояли въ вѣдѣніи Приказа Адмиралтейскихъ дѣлъ ³. Иногда каторжные выходили изъ вѣдомства того или другого административнаго органа и переходили въ вѣдомство другого ⁴. Такая дробность въ упра-

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., Дѣла Воен. Колл. 1719 г.

² Напр., «прислать артиллерійскаго ученика съ каторги на пушечный дворъ для работы и послать на пушечный дворъ, ради всякой артиллерійской работы, всѣхъ артиллерійскихъ служителей, осужденныхъ на каторгу въ вѣчную работу или на урочные годы». См. Арх. Мор. Мин., указы Адм.-Колл., 2 (отд. I), 1719 г.; Дѣла Пр. В. Мор. Фл., № 111; Дѣла Адмир.-Колл. № 7, 1707 г.

³ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 68, 1703 г., л. 167.

⁴ Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 257. 1720 г.

вленіи—естественное явленіе того времени, когда власти еще не успѣли размежеваться ¹.

Ссылные на каторгѣ продолжали числиться «чинами» ²; это обстоятельство указываетъ, что и при отбытіи наказанія ссылные не теряли своихъ служебныхъ правъ.

Вопросъ о юридическомъ положеніи ссылныхъ военнослужащихъ былъ рассмотрѣнъ г. Розенгеймомъ ³, при чемъ авторъ на основаніи ряда дѣлъ военной коллегіи ⁴ пришелъ къ выводу, что «ссылка на каторгу или на галеры не влекла за собой окончательнаго пораженія всѣхъ правъ не только состоянія, но и служебныхъ» ⁵. Съ своей стороны, мы укажемъ, что о какомъ-либо служебномъ правопораженіи при ссылкѣ не могло быть и рѣчи: ссылка, сама по себѣ взятая, будь то каторга, поселеніе или житье, не влекла другого ограниченія, кромѣ свободы передвиженія и труда.

За то другое замѣчаніе того же автора представляется безусловно вѣрнымъ: «осужденные въ каторгу или на галеры, по окончаніи сроковъ, возвращались въ войска и при томъ не только нижніе чины, но и офицеры, тѣми же чинами, въ какихъ постигло ихъ осужденіе» ⁶.

Въ этомъ отношеніи мы идемъ еще далѣе и положительно утверждаемъ, что армія являлась исключительнымъ пунктомъ, куда стекались всѣ, освобожденные отъ работъ, разумѣется, если, въ видахъ полицейскихъ, они не пересылались на поселеніе или житье въ Сибирь. Такъ, напримѣръ, въ 1711 году было повелѣно пополнять полки рекрутами, старыми солдатами и освобожденными каторжниками ⁷; въ томъ же году освобождаются отъ каторги невольники, находившіеся въ Азовскомъ краѣ, но не всѣ, а только тѣ изъ нихъ, которые до ссылки служили въ солдатскихъ полкахъ ⁸.

¹ Устройство каторгъ и каторжныхъ дворовъ установить въ подробностяхъ не представляется возможнымъ. См. напр. описаніе тюремнаго двора въ Арх. Мор. Мин., Дѣла Пр. В. М. Фл., № 25, л. 1630—35.

² Напр., капитанъ, полковникъ, стрѣлецъ, солдатъ и др.

³ Очеркъ в.-судныхъ учреждений въ Россіи. Спб. 1878.

⁴ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба.

⁵ Ibid., стр. 125.

⁶ Ibid.

⁷ Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 28.

⁸ Арх. Мор. Мин., ibid., № 26.

Изъ этого видно, что въ наиболѣе критическіе моменты государственной жизни, при затруднительности наборовъ, правительство обращается къ преступному населенію—ссылнымъ—и только указываетъ имъ новую форму принудительной работы, производимой также въ интересахъ государственныхъ.

Случаи освобожденія отъ каторжныхъ работъ и отправленія на службу имѣли мѣсто въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія: не считаясь съ единичными случаями освобожденія, отмѣтимъ коллективное принятіе «по прежнему въ службу» каторжныхъ, отбывшихъ урочные годы въ 1724 году, при чемъ публично битые кнутомъ были «прикрыты флагомъ»¹. Вторичное вступленіе на службу послѣ отбытія наказанія совершались путемъ *помилованія*, такъ что иногда опредѣлялись на службу каторжники, не окончившіе еще урочныхъ мѣръ. Помилованіе такой формы распространялось также и на офицеровъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ позволительно будетъ сдѣлать слѣдующія заключенія о ссылкѣ для военнослужащихъ.

Ссылка не всегда и не для всѣхъ влекла за собою правоограничительные придатки общаго или служебнаго характера. Ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами документовъ не имѣется указаній на то, что правоограниченіе было необходимымъ послѣдствіемъ наказанія. А если это такъ, то и правоограниченія, поскольку ихъ слѣдовало примѣнять въ данномъ случаѣ, стояли въ зависимости отъ усмотрѣнія суда и свойствъ преступнаго дѣянія. Словомъ, *правопораженія не были связаны съ самими наказаніями*.

Военнослужащіе, отбывая ссылку въ той или иной формѣ, по справедливому замѣчанію г. Розенгейма, *продолжали именоваться прежними чинами*, но утверждать, что они пользовались въ дѣйствительности преимуществами своего званія, нельзя, такъ какъ ссылка нивелировала людей «всякаго чину». Въ самомъ дѣлѣ, солдаты, матросы, казаки, офицеры, живя на тюремномъ дворѣ, числились въ составѣ подневольнаго населенія — они были тѣми же каторжными невольниками. На существованіе какихъ-либо отдѣльныхъ помѣщеній на каторгѣ для военнослужащихъ нѣтъ и рѣчи; «мундирное строеніе» поступаетъ общее на всѣхъ каторжанъ, независимо отъ ихъ прежняго служебнаго положенія;

¹ Арх. Мор. Мин., Дѣла Адмир.-Совѣта, № 32.

довольствіе ссыльныхъ точно также одинаково для всѣхъ. И такимъ образомъ, для военнослужащихъ остается лишь одно преимущество: возможность возвратиться на службу прежними чинами.

Однако, дѣйствительно, военнослужащіе на каторгѣ именовались своими чинами; но въ этомъ нельзя видѣть чего-либо свѣдѣтельствующаго о сохраненіи ими въ ссылкѣ прежнихъ привилегій. Наоборотъ, «именные списки» людей «разнаго чину» на каторжныхъ дворахъ, упоминая прежнее положеніе сосланнаго, только констатируютъ фактъ, не придавая ему никакого значенія, какъ простую ссылку на происхожденіе виновнаго, и вмѣсто «изъ солдатъ» -- говорятъ просто «солдатъ». Этимъ заявленіемъ мы хотимъ лишь указать на возможность нивелировки всѣхъ каторжанъ, въ чемъ и скрывалась одна изъ важныхъ причинъ карательной тяжести ссылки.

Юридическое положеніе ссыльныхъ было неяснымъ и для современнѣхъ дѣятелей. Что недоразумѣнія не были единичными, служить доказательствомъ появленіе въ 1721 г. указа военной коллегіи, окончательно и прочно установившаго содержаніе праволишеній при ссылкѣ. «...Которые офицеры и рядовые—говорить указъ—по кригсрехтамъ и конфирмаціямъ подлежатъ будутъ тѣлесному наказанію и ссылкѣ на каторгу, и таковымъ чиня наказаніе такое: которые приговорены будутъ на каторгу въ вѣчную работу съ наказаніемъ, тѣхъ бить кнутомъ, а которые на урочные годы, тѣхъ гонять шпицрутенъ, а кнутомъ не бить, чего и по кригсрехтамъ ихъ не приговаривать для того, что, ежели по прошествіи урочныхъ лѣтъ оные свободятся, то за такимъ порокомъ, что были въ кацкихъ ¹ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу» ².

Отсюда видно, что правопоражающія послѣдствія стояли въ зависимости только отъ формы пораженія тѣлесной неприкосновенности. Лишеніе правъ являлось въ видѣ лишенія чиновъ или чина, а тѣлесное наказаніе—въ формѣ наказанія кнутомъ, шпицрутенъ или поротія ноздрей. Отнятіе чиновъ не препятствовало вступить вновь на службу рядовымъ; примѣненіе кнута не лишало возможности для виновнаго быть реабилитированнымъ

¹ „Кать“—палачъ.

² Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 198, 1721 г.

посредствомъ «прикрытія флагомъ»; при поротіи ноздрей помилованіе не могло простираться далѣе освобожденія отъ работъ, и наказанные не имѣли уже права возвратиться на службу.

III.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго не имѣла большого значенія въ дѣлѣ организаціи ссылки для военнослужащихъ: она является только дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, завѣщанныхъ Петровскимъ законодательствомъ. Не касаясь частичныхъ измѣненій въ этой области, укажемъ, что всѣ воинскія комиссіи, пересматривавшія военно-уголовное законодательство, не интересовались военно-тюремнымъ дѣломъ, такъ какъ ссылка вполне удовлетворяла интересамъ государственной пользы.

Знаменитый указъ Елизаветы о пріостановкѣ исполненія приговоровъ о смертной казни ввелъ новую форму лишенія свободы—отдачу во всегдашнюю работу въ кандалахъ послѣ наказанія кнутомъ и клейменія. Это наказаніе влекло за собою удаленіе виновнаго изъ арміи, а, слѣдовательно, и исключало вмѣшательство военныхъ властей въ организацію наказанія.

Ссылка въ каторгу на урочныя годы по - прежнему отбывается тамъ, гдѣ есть нужда въ рабочихъ рукахъ: этими пунктами служатъ крѣпости и крѣпостныя учрежденія. Потребность въ рабочихъ была такъ велика, что даже въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія высказывалось, что «ссылочные невольники для работъ вездѣ нужны, гдѣ только крѣпости инженернаго вѣдомства по границамъ находятся, наипаче же потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно» ¹.

Принципъ принудительности работъ и утилизаціи преступника былъ положенъ въ основаніе устройства рабочихъ и смиренныхъ домовъ при Екатеринѣ II ², при чемъ получилъ новое подтвержденіе въ указѣ 13 сентября 1797 г., который раздѣлилъ преступниковъ на три категоріи: осужденные къ каторгѣ, вза-

¹ Отношеніе ген.-ад. Князева къ генераль-прокурору 1795 г.; см. Фойницкій,—стр. 271.

² Въ 1775 г.

мѣнъ смертной казни, ссылались въ Нерчинскъ послѣ наказанія кнутомъ; приговоренные къ вѣчной ссылкѣ—въ Иркутскъ на су-конную фабрику, а присужденные къ заключенію въ работные дома—направлялись «къ крѣпостнымъ строеніямъ» ¹.

Такимъ образомъ, къ царствованію Александра I-го ссылка уже имѣла четыре формы: ссылка на каторгу, на поселеніе, на житіе и въ крѣпость, при чемъ послѣдняя являлась доминирующимъ видомъ лишенія свободы для военнослужащихъ.

IV.

Въ началѣ XIX столѣтія ссылка измѣняется самымъ рѣшительнымъ образомъ, хотя принципы ея устройства остаются неизмѣнными.

Въ 1807 г. было утверждено положеніе министра военныхъ сухопутныхъ силъ «о содержаніи поступающихъ въ крѣпости милиціонныхъ ратниковъ» ². Эта мѣра, на первый взглядъ ничего не имѣющая общаго со ссылкой, совершенно неожиданно измѣнила ея фізіономію и характеръ. Въ силу этого положенія, въ крѣпости былъ введенъ непреступный элементъ — милиціонные ратники, неспособные къ строевой службѣ, для производства тамъ работъ «не такихъ тяжкихъ, какія исправляются ссыльными» ³.

Съ этого времени крѣпости сосредоточиваютъ: преступниковъ—изъ гражданъ и военнослужащихъ, несостоятельныхъ должниковъ, нижнихъ чиновъ и милиціонныхъ ратниковъ, получившихъ названіе «военныхъ рабочихъ». Но этимъ дѣло далеко еще не завершилось: въ 1816 г. образуются въ Москвѣ два военно-рабочихъ батальона ⁴ и рабочія бригады по государственнымъ дорогамъ ⁵ и, наконецъ, въ 1818 г. издается положеніе о «*военно-рабочихъ ротахъ*» для инженернаго корпуса ⁶. Благодаря послѣд-

¹ П. С. З., № 18140.

² П. С. З., № 22696.

³ Ibid., пун. 10.

⁴ П. С. З., № 26252.

⁵ П. С. З., № 26361.

⁶ П. С. З. № 27491; кромѣ того, см. П. С. З. №№ 22879, 23490, 23506, 23670, 24032, 24176, 26730, 27435 и 27491.

нему образовывается 36 военно-рабочихъ ротъ ¹, на укомплектованіе которыхъ, между прочимъ, поступаютъ и крѣпостные арестанты, благонадежные по поведенію, наказанные крѣпостью «не по суду» и нестарыхъ лѣтъ.

Однако положеніе 1818 г. мало удовлетворяло интересамъ «фортификаціоннымъ», такъ какъ потребность въ рабочихъ рукахъ продолжала еще чувствоваться. Поэтому вслѣдъ за изданіемъ положенія, инспекторъ инженернаго корпуса принимаетъ временныя мѣры, получающія законодательное утвержденіе въ 1828 г. ². Въ силу этого, въ военно-рабочія роты направляются бродяги и крѣпостные арестанты, поступившіе въ крѣпости *по суду*, но на урочные годы.

Такимъ путемъ была установлена связь между крѣпостными работами и рабочими ротами, которая укрѣпилась впослѣдствіи еще болѣе благодаря тому, что всѣ военнослужащіе, послѣ отбытія наказанія въ крѣпости, должны были поступать въ роты прежде обратнаго ихъ возвращенія въ части войскъ.

Эти мѣры, удовлетворяя интересамъ инженернаго вѣдомства, однако дурно отзывались на положеніе военно-тюремнаго дѣла: крѣпостныя работы были школами разврата, гдѣ жили совмѣстною жизнью и общіе и военные преступники, изъ которыхъ послѣдніе, возвращаясь впослѣдствіи въ армію, несли съ собою зародыши растлѣвающего вліянія.

Новое положеніе о крѣпостныхъ арестантахъ было издано 3 іюня 1823 года ³ и явилось первымъ законодательнымъ актомъ, установившимъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя начала военно-тюремнаго дѣла въ Россіи.

Положеніе образовывало 15 «*крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ*» въ Динабургѣ и Бобрыйскѣ. Къ постоянному составу ротъ принадлежали: командующій ротою съ тремя офицерами и 18 нижнихъ чиновъ; въ переменный составъ каждой роты (арестанты) входило 120 чел. Ротамъ была присвоена строевая организація. Административный персоналъ набирался изъ отставныхъ чиновъ;

¹ Въ 1820 г. образовано еще 2 роты (при Тульскомъ оружейномъ заводѣ) П. С. З. № 28262.

² См. отношеніе Начальника главнаго штаба 15 янв. 1828 г. № 475, Архивъ Ген.-Аудит. Дѣло о составленіи положенія о ниж. чинахъ не изъ дворянъ, впавшихъ въ преступленія.

³ См. Арх. Ген.-Ауд. Дѣло о нижнихъ чинахъ, т. 3.

имъ присваивались въ качествѣ оружія трости. Арестанты дѣлились на отдѣленія изъ 8—12 чел.; въ отдѣленія поступали «люди, равному приговору осужденію». Осужденные къ крѣпостной работѣ на срокъ составляли первый разрядъ, бродяги—второй разрядъ, а «вѣчные арестанты» входили въ особую роту, гдѣ дѣлились на отдѣленія въ зависимости «отъ знанія ими мастерства». Положеніе предписывало подчинить арестантовъ «строжайшей военной дисциплинѣ», одѣвать ихъ въ военную форму, стричь мыть и брить «какъ бы находились на службѣ». Работы производились «цѣлый день». Въ помощь тюремному начальству назначался карауль.

Положеніе заключало въ себѣ также и правила относительно разжалованныхъ офицеровъ, которые должны были «одѣваться и содержаться безъ всякаго различія отъ прочихъ арестантовъ» они поступали въ такія отдѣленія, «коимъ принадлежатъ по учиненному надъ ними приговору», и были лишены права имѣть чернила, бумагу, перья, книги, ножи и «всякій инструментъ».

Всѣ арестанты за побѣгъ подлежали безъ суда тѣлесному наказанію и зачисленію въ разрядъ вѣчныхъ.

Такимъ образомъ къ 30-мъ годамъ XIX ст. мѣстами военно-тюремнаго заключенія служили *крѣпостныя арестантскія роты* и *военно-работчія роты*.

Мы остановились въ подробностяхъ на выясненіи исторіи военно-тюремнаго дѣла у насъ именно потому, что данные въ литературѣ¹ представляются крайне неудовлетворительными. Вопросъ этотъ до нашего времени былъ совершенно открытымъ, какъ будто образованіе арестантскихъ ротъ въ 1833 году явилось самымъ начальнымъ моментомъ военно-тюремнаго дѣла, благодаря чему вся предшествующая эпоха—два столѣтія—осталась незатронутою. Настоящій пробѣлъ мы и попытались восполнить.

Что касается заключенія для офицеровъ, то, какъ и въ предшествующую эпоху, оно не пользуется большимъ распространеніемъ: конфирмаціи Императора стремятся ввести для офицеровъ, какъ наиболѣе цѣлесообразную мѣру, лишеніе служебныхъ правъ.

Однако, въ 20-хъ годахъ появляется важное указаніе на различіе заключенія, по его тяжести, для офицеровъ: Высочайшее

¹ Никитинъ. Бытъ военныхъ арестантовъ. Спб., 1873 г.

повелѣніе 1824 года ¹ раздѣляетъ лишеніе свободы въ крѣпости на 3 самостоятельныя группы: 1) содержаніе въ крѣпости, 2) содержаніе въ казематахъ и 3) содержаніе на гауптвахтѣ. Первая форма примѣнялась къ офицерамъ, которые присуждались къ разжалованію и къ крѣпостнымъ работамъ. Вторая форма на-поминала собою заточеніе, указанное въ Полевомъ Уложеніи, при чемъ заключенный, не подвергаясь работамъ и не лишаясь чиновъ и званія, отбывалъ лишь назначенный ему срокъ лишенія свободы. Наконецъ, при третьей формѣ заключеніе отбывалось при караульных помѣщеніяхъ въ крѣпостяхъ и не влекло за собою никакихъ ограниченій по службѣ.

V.

Къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія военно-тюремное заключеніе перестало уже удовлетворять самымъ элементарнымъ требованіямъ уголовной политики, тюремной гигиены, военного образованія и т. п. Поэтому правительство приходитъ къ убѣжденію въ необходимости реорганизаціи крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ на самыхъ широкихъ началахъ, и 19 ноября 1833 года издается положеніе объ учрежденіи *арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства* ².

Въ сущности эти роты въ значительной степени напоминали ту же крѣпость, но съ новымъ опредѣленнымъ режимомъ, раздѣленіемъ заключенныхъ и т. п. Учрежденныя въ числѣ 43-хъ, онѣ черезъ три года увеличились до 55-ти. Въ роты поступали всѣ осужденные въ крѣпостную работу нижніе чины—«для исправленія поведенія» и преступники изъ гражданскихъ лицъ. Необходимымъ условіемъ поступленія въ роту являлось отсутствіе тѣлесныхъ недостатковъ, такъ какъ учрежденіемъ ротъ правительство преслѣдовало и фискальные интересы.

Заключенные классифицировались въ зависимости отъ тяжести наказанія на разряды: первый разрядъ «военно-срочныхъ» комплектовался нижними чинами, осужденными на срокъ; вто-

¹ Отчетъ ген.-ауд. 1827 г. Главн. в.-суд. управл., часть журнальная.

² См. мою статью «Военно-тюремное заключеніе» въ «Тюремн. Вѣстн.» 1902 г., № 5.

рой разрядъ составляли бродяги; преступники гражданскаго вѣдомства и военнослужащіе, исключенные изъ военнаго званія, составляли третій разрядъ «всегдашнихъ». На этой классификаціи основывалось распредѣленіе заключенныхъ по тремъ различнымъ помѣщеніямъ; кромѣ того, въ каждомъ разрядѣ существовала классификація по признаку общности работъ.

Работы производились исключительно казенныя; въ свободное время заключенные должны были обучаться маршировкѣ и военному строю ¹.

Законъ создавалъ особыя правила бритья волосъ на головѣ, запрещалъ употребленіе табаку, спичекъ, чернилъ и бумаги. «Всегдашніе» арестанты содержались въ кандалахъ, а съ цѣлью предупрежденія побѣговъ среди нихъ существовала круговая порука.

Тѣ изъ военно-срочныхъ арестантовъ, которые знали какое-либо мастерство и отличались хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ, переводились въ *военно-рабочія роты*.

Въ случаѣ, если военно-срочный, по мнѣнію тюремнаго начальства, не могъ быть признанъ исправившимся, онъ оставался въ заключеніи на неопредѣленное время. Всегдашніе арестанты переводились въ разрядъ срочныхъ по истеченіи 10-ти лѣтъ, откуда черезъ пять лѣтъ переходили въ военно-рабочія роты на пятнадцать лѣтъ.

Арестантскія роты были весьма неудовлетворительнымъ опытомъ въ дѣлѣ военно-тюремнаго заключенія въ виду фактическаго смѣшенія въ нихъ военныхъ и гражданскихъ лицъ, системы неопредѣленнаго срока заключенія и крайне широкихъ дисциплинарныхъ правъ тюремнаго начальства.

Когда въ 1860 году сенаторъ Капгеръ составлялъ «предположенія объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній военнаго вѣдомства» ², ему приходилось считаться съ самыми непозволительными, съ точки зрѣнія уголовной политики, явленіями. Мѣста военнаго заключенія устраивались тамъ, гдѣ это представлялось возможнымъ: въ тюремныхъ замкахъ, острогахъ, при военныхъ

¹ Въ 1853 г. было предположено военно-срочныхъ арестантовъ, вмѣсто производства работъ, назначать три или два раза въ недѣлю на строевыя занятія. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II отд. соб. Е. И. В. Канцеляріи, 1853 г., № 178, о пересмотрѣ в.-угол. законовъ.

² Арх. гл. в.-судн. управленія, печатная брошюра (68 стр.)

гауптвахтахъ и проч., находившихся въ различныхъ вѣдомствахъ. Сенаторъ Капгеръ утверждалъ, что при современномъ ему положеніи мѣстъ заключенія «нерѣдко лица, прикосновенныя къ одному и тому же дѣлу, содержались вмѣстѣ и, слѣдовательно, могли соглашаться между собою о существѣ даваемыхъ ими предъ судомъ показаній и тѣмъ лишать судъ всякой возможности обнаружить истину. Скопленіе въ одномъ помѣщеніи лицъ, обвиняемыхъ въ важныхъ, нерѣдко позорныхъ преступленіяхъ, съ офицерами и нижними чинами, содержащимися подъ арестомъ въ видѣ исправительнаго наказанія или дисциплинарнаго взысканія, за маловажныя упущенія по службѣ, было оскорбительно для послѣднихъ, а постоянное сообщество съ закоренѣлыми и развратными преступниками могло имѣть неблагоприятное вліяніе на ихъ нравственность.»

Помѣщенія для заключенныхъ были лишены удобствъ, одиночныя камеры встрѣчались очень рѣдко и поражали своимъ неблагоустройствомъ. Кромѣ того, «соблазнительный примѣръ другихъ», слабость караульнаго надзора, дурной тюремный персоналъ—все это способствовало тому, что арестантскія помѣщенія на военныхъ гауптвахтахъ нерѣдко служили «театромъ отвратительнаго безчинства, и военные чины, содержащіеся въ нихъ за маловажныя проступки, совершали тамъ гораздо важнѣйшія преступленія».

Всѣ эти неудобства побудили военное министерство въ началѣ 60-хъ годовъ принять мѣры къ улучшенію мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства для военнослужащихъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, а также представить соображенія о возведеніи и приспособленіи зданій для этой цѣли въ главныхъ пунктахъ сосредоточенія войскъ и войти въ сношенія съ гражданскимъ начальствомъ объ отдѣленіи въ тюремныхъ замкахъ особыхъ помѣщеній для военныхъ арестантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано снести съ военнымъ начальствомъ и просить доставленія соображеній по устройству отдѣльныхъ карцеровъ для одиночнаго заключенія нижнихъ чиновъ по приговору суда или въ порядкѣ дисциплинарномъ взаимнѣ тѣлеснаго наказанія. Вслѣдствіе этого распоряженія главные начальники доставили по этому вопросу свои мнѣнія, изъ которыхъ выяснилась окончательно необходимость повсемѣстнаго устройства мѣстъ военнаго заключенія, соотвѣтственно квартирному расположенію войскъ.

Однако, постройка военно-пенитенціарныхъ заведеній грозила

большими расходами для казны, въ виду чего сенаторъ Капгеръ рѣшилъ ограничиться учрежденіемъ лишь особыхъ военно-тюремныхъ отдѣленій при существовавшихъ тогда тюрьмахъ и острогахъ гражданского вѣдомства, а также при городскихъ гауптвахтахъ и другихъ казенныхъ зданіяхъ. Организациа этихъ заведеній должна была совершаться по системамъ какъ одиночнаго, такъ и совмѣстнаго заключенія, предполагалось учредить тюремныя работы, заимствовавъ постановленія о западно-европейскихъ пенитенціаріяхъ и т. п. Что касается устройства помѣщеній для военнослужащихъ, подвергаемыхъ аресту и одиночному заключенію въ порядкѣ дисциплинарномъ, то составитель высказалъ мысль объ удобствѣ приспособить для этого казарменныя зданія, а для офицеровъ устроить карцеры при полковыхъ штабахъ. Высшее завѣдываніе военно-тюремными заведеніями предполагалось ввѣрить или дежурному генералу, или генераль-аудитору, непосредственное начальствованіе—тюремнымъ надзирателямъ, а завѣдываніе карцерами—начальникамъ частей войскъ ¹.

Вслѣдъ за этимъ составитель высказывалъ и тѣ предположенія, на которыхъ долженъ былъ основываться порядокъ содержанія заключенныхъ. Такъ какъ для офицеровъ проектъ опредѣлялъ заключеніе въ казематы крѣпости до 4-хъ лѣтъ и содержаніе на гауптвахтѣ до 6-ти мѣсяцевъ, то въ отношеніи перваго предполагалось довольствоваться прежде изданными постановленіями, а для гауптвахты создать болѣе строгій порядокъ содержанія: воспрещеніе употребленія спиртныхъ напитковъ и табаку, а также ограниченіе права свиданій, прогулокъ и занятій; время, проведенное арестованнымъ въ госпиталѣ, не должно было входить въ срокъ заключенія.

Что касалось нижнихъ чиновъ, подвергаемыхъ заключенію въ казематѣ или въ одиночной тюрьмѣ, или же содержанію подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ, то ихъ предполагалось помѣщать въ отдѣльныя кельи, безъ постельныхъ принадлежностей, съ отпускомъ горячей пищи черезъ два дня въ третій въ продолженіе четырехъ недѣль, лишать куренья табаку и употребленія спиртныхъ напитковъ, а также и права свиданій. Они должны были поручаться наблюденію священника для духовнаго назиданія и обязательно обучаться грамотѣ и мастерствамъ. При рабо-

¹ См. предположенія, стр 45—54.

тахъ предполагалось ввести систему молчанія, если только разговоры не требовались свойствомъ самыхъ работъ. Изъ заработанныхъ денегъ $\frac{1}{3}$ предполагалось отдавать заключеннымъ по освобожденіи, а остальные употреблять на содержаніе военно-тюремнаго отдѣленія, а также на приобрѣтеніе матеріаловъ и инструментовъ. При совмѣстномъ заключеніи предполагалось выдѣлять юнкеровъ и пользующихся особыми правами состоянія нижнихъ чиновъ.

Наконецъ, одновременно съ этимъ былъ возбужденъ вопросъ о реформѣ арестанскихъ ротъ ¹—«этихъ школъ всѣхъ возможныхъ пороковъ». Предполагалось раздѣлить роты на *исправительныя* и *крѣпостныя*; мѣстомъ образованія ихъ должны были служить крѣпости. Здѣсь предполагалось сосредоточивать всѣхъ военныхъ преступниковъ, даже приговоренныхъ къ каторжной работѣ; гражданскіе арестанты и бродяги выдѣлялись изъ мѣстъ военного заключенія и поступали въ вѣдѣніе гражданскихъ властей.

Въ исправительныя роты предполагалось помѣщать тѣхъ изъ нижнихъ чиновъ, не пользующихся особенными правами, которые подверглись наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ этихъ правъ, а также и рецидивисты, нуждающіеся въ исправленіи; въ крѣпостныя роты предназначались нижніе чины, осужденные въ роты на срокъ до 4-хъ лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и съ содержаніемъ въ оковахъ (т. е. за преступленія, наказываемыя ссылкой на поселеніе), и рецидивисты, совершившіе преступленіе въ третій разъ и подлежащіе исключенію изъ военного званія. Заключенные въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ должны были носить названіе «военно-срочныхъ», а въ крѣпостныхъ—«крѣпостныхъ» арестантовъ. Предполагалось учредить 13 исправительныхъ и 5 крѣпостныхъ ротъ на 100—160 арестантовъ каждая.

Управленіе тѣми и другими ротами ввѣрялось вѣдомству главнаго управленія корпуса военныхъ инженеровъ, которое должно было приводить свои распоряженія въ исполненіе черезъ комендантовъ крѣпостей.

Что касается предполагавшагося режима, то въ каждой изъ ротъ арестанты должны были раздѣляться на отряды испытые-

¹ См. объяснительная записка къ проекту положенія объ арест. ротахъ.

мыхъ и исправляющихся, при чемъ первый предназначался для только что зачисляемыхъ въ роты, содержимыхъ отдѣльно отъ исправляющихся. Каждый разрядъ подраздѣлялся на отдѣленія по возрасту и мастерствамъ. Арестанты крѣпостныхъ ротъ содержались въ ножныхъ кандалахъ ($5\frac{1}{6}$ фун.). Разряды отличались по внѣшности формою, по довольствію—горячею пищею и полученіемъ кваса. Всѣмъ вообще арестантамъ возбранялось курить табакъ, имѣть спички, бумагу, перья, ножницы, иголки и т. п.

Арестанты производили работы казенныя (земляныя) и хозяйственныя и обучались фронту лѣтомъ въ теченіе 12 часовъ, весной и осенью—9 и зимою 8 час. въ сутки, изъ которыхъ 2 часа посвящалось строю; крѣпостные арестанты на ученіе не должны были выводиться.

Унтеръ-офицеры «для удержанія арестантовъ отъ побѣговъ и собственной обороны» должны были имѣть «трости» и отточенные тесаки. Надзоръ за поведеніемъ и исправленіемъ арестантовъ возлагался на плацъ-майора и его помощниковъ; мѣрами исправленія служили: назиданія священника, чтеніе нравственныхъ книгъ, постепенное облегченіе строгости заключенія и церковныя службы.

Переводъ испытуемыхъ въ разрядъ исправляющихся допускался не ранѣе 8 мѣсяцевъ, одного года и двухъ лѣтъ, въ зависимости отъ срока заключенія, а нехристіане и ранѣе этого срока, если перейдутъ въ христіанство. Исправляющіеся пользовались свободными днями, имъ сокращался срокъ заключенія и уменьшались работы.

Дисциплинарные проступки предполагалось раздѣлить на два рода, и за проступки перваго рода должно было назначаться: заключеніе «въ уединенномъ мѣстѣ» до 7 дней съ содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ и розги до 50 ударовъ, а за втораго рода — заключеніе до 14 дней, розги до 150 ударовъ и продолженіе времени испытанія до 3 мѣсяцевъ или перечисленіе на тотъ же срокъ въ отрядъ испытуемыхъ.

По окончаніи срока заключенія военно-срочные арестанты могли быть удостоиваемы прежняго званія солдата и назначались въ военно-рабочія роты или въ линейные и гарнизонные батальоны; крѣпостные арестанты по отбытіи наказанія должны были отправляться или на поселеніе (лишенные всѣхъ правъ), или въ Сибирь на водвореніе (всѣ остальные).

Этотъ проектъ ¹ сенатора Капгера былъ переданъ на разсмотрѣніе въ особую комиссію генерала Непокойчицкаго ², а вмѣстѣ съ тѣмъ были затребованы мнѣнія начальствующихъ лицъ. Комиссія высказалась въ томъ смыслѣ, что раздѣленіе ротъ на крѣпостныя и исправительныя является «мѣрою благотвительною», различіе въ содержаніи заключенныхъ—цѣлесообразно, и остается только желать наилучшей постановки вопроса о военно-тюремныхъ работахъ. Однако, начальствующія лица и главноуправлявшій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи графъ Блудовъ не согласились съ нѣкоторыми предположеніями проекта ³, вслѣдствіе чего та же комиссія составила новый проектъ, причемъ всѣ мѣста военно-тюремнаго заключенія раздѣлила на двѣ группы: военно-исправительныя роты и военныя тюрьмы ⁴.

Первыя предназначались для содержанія заключенныхъ на время до 6 лѣтъ. Управление ротою ввѣрялось уже не инженерному вѣдомству, а особому начальнику, назначаемому военнымъ министромъ. Арестантовъ предполагалось раздѣлить на испытуемыхъ и исправляющихся; за хорошее поведеніе заключеніе можно было уменьшить на $\frac{1}{3}$ срока; система заключенія представлялась одиночною для испытуемыхъ и смѣшанною для исправляющихся; было введено обязательное молчаніе; для исправляющихся разрѣшалась совмѣстная работа; арестанты носили

¹ Мы подробнѣе останавливаемся на разсмотрѣніи этого проекта потому, что въ настоящее время онъ представляетъ собою исключительное достояніе архива; кромѣ того, онъ обращаетъ на себя вниманіе многими своими положительными сторонами и является во всякомъ случаѣ знаменательнымъ актомъ своего времени.

² Сборникъ законодат. работъ, стр. XIV.

³ Изъ представленныхъ замѣчаній серьезнаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія полковника Лебедева и капитана Сѣраковского. Такъ, первый утверждалъ, что крѣпостныя роты должны были войти въ лѣстницу обще-уголовныхъ наказаній, что осуществленіе на практикѣ раздѣленія арестантовъ на разряды встрѣтитъ затрудненіе, что различіе въ пищѣ поведетъ къ заболѣваніямъ, что трудъ арестантовъ не будетъ производительнымъ и т. д. Капитанъ Сѣраковский указывалъ на отсутствіе обученія и образованія, на несовершенство принятаго проектомъ келейнаго заключенія, на устрашеніе, какъ единственную цѣль проекта и т. д. (См. Арх. Гл. В. Суд. Упр. Замѣчанія начальствующихъ лицъ на нѣкоторые §§ проекта положенія объ арестантскихъ ротахъ).

⁴ Сборн. законод. работъ, стр. 110.

военную форму, спали на деревянныхъ койкахъ; довольствіе состояло изъ хлѣба, одного блюда горячей пищи и кваса, причемъ исправляющіеся два раза въ недѣлю могли получать кашу; работы—въ мастерскихъ и хозяйственныя—продолжались 8—10 часовъ въ сутки; заработанныя деньги въ размѣрѣ 10⁰/₁₀₀ предполагалось употреблять въ пользу заключенныхъ, которые могли ими пользоваться даже въ заключеніи; было установлено обязательное обученіе грамотѣ и строю; по окончаніи срока заключенія виновные могли возвращаться въ войска, при чемъ время, проведенное ими въ ротѣ, въ службу не засчитывалось.

Военныя тюрьмы предназначались для заключаемыхъ на время отъ одного до восьми мѣсяцевъ; предполагалось построить ихъ по системѣ одиночнаго заключенія; довольствіе состояло изъ горячей пищи въ теченіе пяти дней недѣли, а остальное время—изъ хлѣба и воды; заключенные не должны были заниматься работами вовсе.

Этотъ проектъ былъ представленъ на разсмотрѣніе военнаго совѣта, а затѣмъ и Высочайше учрежденнаго совѣщанія. Совѣщаніе вполнѣ согласилось со взглядами военнаго министерства на необходимость устройства военныхъ тюремъ по системѣ кельйнаго заключенія, какъ наиболѣе отвѣчающей интересамъ военной службы, причемъ полагало maximum срока установить въ 6, а не въ 8 мѣсяцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ допустить различныя обегченія участи заключеннаго по отбытіи имъ ²/₃ срока. Кромѣ того, стремясь сдѣлать военнослужащихъ, выходящихъ изъ военной тюрьмы, способными къ продолженію службы, совѣщаніе, въ виду неблагопріятнаго вліянія заключенія на здоровье, полагало нужнымъ установить для заключенныхъ «непроизводительныя» ¹ (собственно гигиеническія) работы, или совмѣстныя физическія упражненія и извѣстныя работы въ кельяхъ. Въ вопросѣ о довольствіи заключенныхъ совѣщаніе ограничилось лишь указаніемъ «на умѣренность пищи», не ведущей, однако, къ разслабленію силъ заключеннаго.

16 мая 1867 года проектъ о военно-исправительныхъ ротахъ и военныхъ тюрьмахъ былъ утвержденъ ² и затѣмъ вошелъ въ XVII кн. Свода Военныхъ Постановленій изд. 1869 г. ³.

¹ Ibid., стр. 93.

² Приказъ Воен. Мин. 1867 г., № 183.

³ Изд. 1870 г.

Это положеніе явилось первымъ и послѣднимъ законодательнымъ актомъ о военно-исправительныхъ ротахъ; въ виду этого нелишнимъ будетъ отчасти остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ его въ самыхъ общихъ чертахъ.

Роты предназначались для помѣщенія въ нихъ нижнихъ чиновъ; заключеніе не сопровождалось исключеніемъ изъ военнаго званія, но и не засчитывалось въ дѣйствительную службу. Арестанты въ ротахъ дѣлились на два разряда, причемъ для исправляющихся 8 мѣсяцевъ заключенія считались за годъ; они, кромѣ того, носили на воротникахъ куртокъ красные клапаны ¹. Каждый разрядъ дѣлился на отдѣленія въ 25 человекъ, причемъ въ отдѣленіи сосредоточивались лица, знающія одинаковыя мастерства.

Испытуемые сначала содержались въ одиночномъ заключеніи, на условіяхъ военныхъ тюремъ, а затѣмъ переходили въ заключеніе совмѣстное въ теченіе дня, ночью же они запирались снова въ камеры. Арестантамъ воспрещалось курить, имѣть при себѣ деньги, вещи или орудія; занятія состояли: въ производствѣ работъ—ремесленныхъ и хозяйственныхъ, съ платою «по усердію» ², въ строевыхъ занятіяхъ (обученіе стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ) и въ обученіи грамотѣ подъ руководствомъ унтеръ-офицера въ присутствіи священника или помощника командира роты. «Постоянный трудъ и соблюденіе молчанія, охраненіе отъ соблазна, точное выполненіе установленныхъ правилъ въ порядкѣ содержанія арестантовъ и обращенія съ ними, умственное и религіозное обученіе составляютъ основныя начала, помощью которыхъ можно достигнуть нравственнаго исправленія преступника», говорила ст. 113 положенія и возлагала эти заботы на командира роты и священника.

Въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ положеніе знало только такія, которыя заключались въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, причемъ самыя проступки раздѣлялись на два рода, въ зависимости отъ ихъ тяжести.

Что касается освобожденія арестантовъ изъ военно-исправительныхъ ротъ, то положеніе предписывало заключенныхъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на срочной службѣ, по отбытіи за-

¹ См. 60—62.

² Ст. 102.

ключенія, обращать на службу исключительно въ полевые войска и линейные батальоны; не состоявшіе на срочной службѣ по вы-
бытіи изъ ротъ исключались изъ военнаго вѣдомства и переда-
вались въ распоряженіе гражданскаго начальства.

Управленіе ротою ввѣрялось командиру, который подчинялся
начальнику мѣстныхъ войскъ; при ротѣ состояли: помощникъ
командира, священникъ, секретарь, врачъ, фельдшера, завѣды-
вающій работами и кадровые нижніе чины. Для обсужденія мѣръ
къ достиженію нравственнаго исправленія арестантовъ, а также
и для управленія хозяйственною частью роты при каждой изъ
нихъ учреждался комитетъ.

Наконецъ, въ томъ же 1867 году эта система военно-тюрем-
наго заключенія увѣнчалась учрежденіемъ при военномъ мини-
стерствѣ главнаго военно-тюремнаго комитета, въ которомъ
должно было сосредоточиваться разсмотрѣніе отчетностей по
всѣмъ дѣламъ, относящимся до тюремной части ¹.

Положеніе 1867 года послужило послѣднимъ основаніемъ
устройства и развитія у насъ военно-тюремнаго заключенія. Но
военно-исправительныя роты были созданы въ то время, когда
армія комплектовалась на началахъ рекрутскаго набора, самое
же заключеніе по своему режиму во многомъ носило слѣды преж-
нихъ арестантскихъ ротъ. Благодаря этому, въ первые же мо-
менты преобразованія ротъ въ нихъ оказались прежніе арестанты
и новые заключенные; это не могло имѣть благотѣльнаго
вліянія на нравственность арестантовъ и, въ связи съ другими
недостатками, оставшимися по наслѣдству отъ прежнихъ ротъ,
достиженіе въ дѣлѣ исправленія заключенныхъ болѣе или менѣе
успѣшныхъ результатовъ представлялось невозможнымъ. Отсут-
ствіе грамотныхъ, множество дисциплинарныхъ нарушеній, длин-
ный рядъ рецидивистовъ, дурной персоналъ администраціи, не-
гигиеническія условія мѣстъ заключенія—все это говорило про-
тивъ военно-исправительныхъ ротъ.

Военное министерство въ цѣляхъ уничтоженія тѣхъ причинъ,
которыя порождали ухудшеніе быта заключенныхъ, принимало
нѣкоторыя мѣры, какъ напр. новыя, болѣе строгія условія пере-
хода въ отрядъ исправляющихся, одиночное заключеніе для всѣхъ

¹ См. отчеты комитета въ Канцеляріи Военнаго Министерства и въ
Архивѣ Главнаго Штаба.

поступающихъ вновь, усиленіе дисциплинарныхъ взысканій и т. п., но мѣры эти являлись частичными палліативами.

Преобразование воинской повинности повлекло за собою необходимость реформы военно-исправительныхъ ротъ, которая и совершилась въ 1875 году, когда изъ нихъ были сформированы существующія нынѣ дисциплинарныя части: батальоны, роты и команды.

VI.

Попутно съ этимъ подверглось измѣненіямъ и наказаніе ссылкой въ *каторжныя работы* для военнослужащихъ. Тотчасъ послѣ изданія уложенія въ военномъ вѣдомствѣ былъ возбужденъ вопросъ о согласованіи общихъ и военныхъ уголовныхъ законовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и объ измѣненіи правилъ объ отдачѣ военнослужащихъ въ каторжную работу. Несмотря на то, что дѣятельность комиссіи 1853 года по пересмотру осталась почти безрезультатной, но соображенія генералъ-адъютанта Анненкова и другихъ составителей, на которыхъ былъ возложенъ пересмотръ, дошли до насъ вмѣстѣ съ замѣчаніями графа Блудова, переданными сенатору Капгеру въ 1854 году и послужившими ему матеріаломъ для положенія о каторжной работѣ 1860 года ¹.

Исходя изъ мысли, что военнослужащіе должны подлежать болѣе строгому наказанію, въ сравненіи съ лицами гражданскими, предполагалось для первыхъ установить только два вида каторжныхъ работъ: въ рудникахъ и крѣпостяхъ, допуская вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣну первыхъ послѣдними; при осужденіи въ каторжную работу, военнослужащіе должны были подвергаться прохожденію сквозь строй шпицрутенами отъ 200 до 1500 разъ и болѣе; въ порядкѣ содержанія каторжныхъ и крѣпостныхъ арестантовъ предполагалось различіе: первые должны были содержаться въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, вторые—только въ ножныхъ, а военно-срочные—безъ оковъ; каторжныхъ предполагалось употреблять на самыя тяжкія и опасныя работы, съ уменьшеніемъ числа свободныхъ дней, пищи и т. п.

¹ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло II Отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи 1853 г. № 178 о пересмотрѣ военно-уголовныхъ законовъ.

Эти предположенія не получили дальнѣйшаго развитія, и первымъ памятникомъ законодательнаго характера относительно каторжныхъ работъ слѣдуетъ считать проектъ положенія о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ, относящійся къ 1860 году ¹.

Какъ извѣстно, по уложенію каторжныя работы раздѣлялись на работы: въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ. До 1860 года военнослужащіе, приговариваемые къ работѣ въ крѣпостяхъ, ссылались въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства. Это влекло за собою рядъ неудобствъ: арестанты всѣхъ разрядовъ имѣли возможность вступать другъ съ другомъ въ сношенія, вслѣдствіе чего роты не исправляли, а только развращали поступавшихъ туда людей ².

Наконецъ, отсутствіе строгаго разграниченія въ ротахъ каторжныхъ отъ арестантовъ влекло множество неудобствъ: въ то время какъ каторжные, находясь въ разрядѣ исправляющихся, пользовались различными льготами, арестанты были лишены этого, сроки заключенія каторжныхъ были менѣе сроковъ арестантовъ и т. п. ³

Въ виду этого проектъ устанавливалъ, что осужденные въ каторжную работу въ крѣпостяхъ исключительно назначались въ крѣпости: Свеаборгскую и Омскую ⁴.

Число каторжныхъ не опредѣлялось и могло увеличиваться, или уменьшаться, въ зависимости отъ числа осуждаемыхъ; при переполненіи крѣпостей осужденные обращались въ работы въ рудникахъ, при чемъ одинъ годъ крѣпости былъ эквивалентенъ десяти мѣсяцамъ работы въ рудникахъ. Осужденные состояли въ вѣдѣніи мѣстныхъ комендантовъ или плацъ-маіоровъ; для надзора за ними состояли офицеры и нижніе чины. Каторжные дѣлились на два разряда; испытываемые содержались въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, а исправляющіеся въ однихъ ножныхъ; «для предосторожности» ⁵ тѣмъ и другимъ брили полъ головы съ лѣвой стороны отъ затылка до лба.

¹ Составленъ Капгеромъ. См. Архивъ Государственнаго Совѣта, Дѣло II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи о разсмотрѣніи положенія (проекта) объ арест. ротахъ в. вѣд. о каторжн. работѣ въ крѣпостяхъ, 1860 г. № 127а

² Объяснительная записка къ проекту положенія, стр. 1—5.

³ Проектъ положенія объ арест. ротахъ, стр. 147 и др.

⁴ § 128 проекта положенія.

⁵ Отъ побѣговъ, ст. 227.

Каторжные должны были носить на одеждѣ тѣ же знаки, какъ и крѣпостные арестанты ¹.

Проектъ устанавливалъ и работы: испытуемые работали ежедневно, кромѣ большихъ праздниковъ, исправляющіеся, кромѣ того, освобождались каждое воскресенье по утрамъ для присутстванія при литургіи ².

Время испытанія опредѣлялось: въ три года—для осужденныхъ до 12 лѣтъ, два года—для осужденныхъ до 10 и одинъ годъ—для остальныхъ; для каторжниковъ, которые, состоя въ отрядѣ исправляющихся, не подвергались взысканіямъ, годъ считался въ десять мѣсяцевъ. По освобожденіи отъ работъ, по окончаніи срока или неспособности, каторжные отправлялись въ приказъ о ссыльныхъ, для поселенія ихъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири въ числѣ ссыльно-поселенцевъ, а поступившіе въ работу изъ нижнихъ чиновъ до поселенія отправлялись въ работу на казенные заводы и фабрики, впредь до истеченія срока ихъ обязательной службы ³.

Осужденные подвергались за мелкія нарушенія наказаніямъ розгами, продолженію времени испытанія или перечисленію въ отрядъ испытуемыхъ; за побѣги—шпицрутенамъ, клейменію рукъ у локтя и лопатокъ и за преступленія—шпицрутенамъ, обращенію на работу въ рудники и клейменію ⁴.

Капгеръ въ своемъ проектѣ исходилъ изъ мысли, что родъ и сроки каторжныхъ работъ, установленные уложеніемъ, распространены были на военное вѣдомство только условно ⁵, впредь до пересмотра дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ, что въ установленіи трехъ различныхъ видовъ каторги по преступленіямъ воинскимъ нѣтъ необходимости и что, наоборотъ, въ практикѣ военныхъ судовъ осужденіе къ работѣ на заводахъ вызывало всегда недоумѣніе, такъ какъ наказаніе это было значительно легче, чѣмъ отдача въ крѣпостныя арестантскія роты за менѣ важныя нарушенія. И въ самомъ дѣлѣ, каторжные заводскіе черезъ 1—1½ года заключенія въ острогѣ переходили въ исправляющіеся, имъ сокращались сроки, снимались оковы,

¹ § 229.

² Стр. 148 проекта.

³ § 231—234 *ibid.*

⁴ § 242—256 *ibid.*

⁵ Высочайшее повелѣніе 1846 г.

выдавались заработныя деньги, они получали дозволеніе жить внѣ острога, вступать въ бракъ и т. п.

Это несоотвѣтствіе служило доказательствомъ отсутствія постепенности въ наказаніяхъ и содѣйствовало тому, что нижніе чины совершали нарочно болѣе тяжкія нарушенія, чтобы не подвергнуться арестантскимъ ротамъ. Какъ полагалъ составитель проекта, затрудненія, возникавшія въ примѣненіи къ военнослужащимъ постановленій уложенія о каторгѣ, происходили отъ того, что они не были соображены съ общемою системою воинскихъ наказаній.

Однако, военно-кодификаціонная коммиссія большинствомъ голосовъ отвергла этотъ проектъ и признала, что виды и продолжительность каторги должны быть опредѣлены согласно уложенію, такъ какъ военнослужащій, осужденный къ каторгѣ, будетъ лишенъ своего званія и долженъ поэтому нести одинаковое для всѣхъ гражданъ наказаніе.

Что касается лишенія воинской чести при осужденіи къ каторгѣ, то коммиссія высказалась, что каторга по своему свойству вмѣщаетъ въ себѣ понятіе о лишеніи воинской чести, что она—наказаніе «въ высшей степени опозоривающее» и что самый обрядъ снятія знаковъ отличія, преламыванія шпаги и выставленія къ позорному столбу должно распространить и на лицъ военнаго званія («позорное предъ строемъ лишеніе воинской чести»). Весьма оригинально мнѣніе совѣщанія, разсматривавшаго проектъ, что приговоренный къ каторгѣ этимъ обрядомъ подвергается «торжественному передъ народомъ заявленію» объ изверженіи его изъ среды, къ которой онъ принадлежитъ ¹.

VII.

Что касается *ссылки на поселеніе*, то по уставу 1839 года она являлась наказаніемъ исключительно для офицеровъ и чиновниковъ; нижнимъ чинамъ въ тѣхъ же случаяхъ назначалась ссылка въ крѣпостныя арестантскія роты ². По тогдашнимъ воззрѣніямъ, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе представлялась болѣе тяжкимъ наказаніемъ для офицеровъ, такъ какъ, помимо всевозможныхъ праволишеній, влекла за собою и принудительное удаленіе. Тѣ же праволишенія въ отношеніи нижнихъ чиновъ имѣли меньшее значеніе, «отъ сего порочные ниж-

¹ Сборн. закон. раб., 49—51.

² Ст. 230 в. уг. уст., ч. I.

ніе чины не страшатся лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе и наиболѣе боятся тѣхъ наказаній, при которыхъ сроки работъ продолжительнѣе и надзоръ строже во время содержанія въ острогахъ»¹. Съ такимъ воззрѣніемъ пришлось считаться составителямъ воинскаго устава, которые замѣтили, что «нельзя отрицать и въ нижнемъ чинѣ привязанности къ родинѣ и къ узамъ семейнымъ», почему и распространили правила о ссылкѣ и на нижнихъ чиновъ. Наконецъ, до устава 1868 года военные суды практиковали осужденіе къ ссылкѣ нижнихъ чиновъ, но состоящихъ на срочной службѣ и имѣющихъ 50 лѣтъ отъ роду или неспособныхъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ; остальные подлежали заключенію въ роты. Подобный порядокъ безусловно создавалъ несоразмѣрность наказаній, которую и стремилась уничтожить военно-кодификаціонная коммиссія.

Однако, совѣщаніе взглянуло на это нѣсколько иначе и, разбирая проектъ, высказало много цѣнныхъ принципіальныхъ взглядовъ. До изданія воинскаго устава, вслѣдствіе закрытія въ 1859 г. заводовъ, предназначавшихся для помѣщенія въ нихъ ссылаемыхъ на поселеніе, почти всѣ поселенцы (до обращенія ихъ на поселеніе) освобождались отъ работъ и направлялись непосредственно въ наиболѣе отдаленныя мѣста Сибири, гдѣ и оставались безъ надзора и работъ. Между тѣмъ въ практикѣ того времени наблюдались случаи, когда нижніе чины, съ цѣлью избавиться отъ арестантскихъ ротъ, совершали такія преступленія, которыя имѣли результатомъ ссылку виновныхъ на поселеніе. Такимъ образомъ, это наказаніе представлялось далеко не устрашающимъ для нижнихъ чиновъ, почему составители устава и признали необходимымъ подвергать ссылаемыхъ продолжительному содержанію въ заключеніи въ одной изъ крѣпостей Сибири. Эта мѣра принималась составителями не съ цѣлью усиленія тяжести ссылки, а для «удержанія нижнихъ чиновъ отъ желанія освободиться отъ обязательной службы»². Поэтому совѣщаніе поставило присоединеніе этого придатка въ зависимость отъ усмотрѣнія суда, а срокъ заключенія опредѣлило отъ 2 до 6 лѣтъ. Проектъ удержалъ это правило³.

¹ Журн. Выс. учр. комис., стр. 119.

² Сборн. закон. раб., стр. 86.

³ См. ст. 14.

VIII.

Ссылка на житье по проекту Капгера была принята въ качествѣ наказанія для военнослужащихъ за воинскія преступленія. Военно-кодификаціонная комиссія согласилась, что наказаніе это, по самому свойству своему и по отношенію его къ общей системѣ воинскихъ наказаній, будетъ вполне согласно и съ военно-уголовнымъ уставомъ, который упоминалъ ссылку на житье. Однако, отсутствіе точныхъ правилъ о существѣ и способѣ отбытія наказанія и рѣдкое примѣненіе его, вслѣдствіе этого, къ военнослужащимъ заставляло суды прибѣгать къ другимъ наказаніямъ, избѣгая ссылки. Проектъ, желая придать этому наказанію иное значеніе, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его болѣе подвижнымъ. По уложенію 1845 года ссылка въ Сибирскія губерніи имѣла пять степеней, а въ другія губерніи — четыре. Низшія степени ссылки назначались за тѣ преступленія, которыя влекли лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и сопровождались вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшающими вину обстоятельствами; проектъ на эти случаи устанавливалъ разжалованіе въ рядовые съ выслугою, а потому допускалъ, что установленіе въ проектѣ пятой степени на житье въ Сибирь и четвертой степени въ другія губерніи—представлялось излишнимъ.

Военно-кодификаціонная комиссія, согласившись по существу съ составителемъ проекта, вмѣстѣ съ тѣмъ сочла нужнымъ, вмѣсто разжалованія, возстановить отбрасываемыя проектомъ степени ссылки и такимъ образомъ согласовать ее съ уложеніемъ, а также и исключить изъ проекта правило, по которому осужденному предоставлялось, по окончаніи срока ссылки, переселяться въ другія области; оно было признано несоотвѣтствующимъ интересамъ военной службы, вслѣдствіе общаго начала, что «наказанія по военному вѣдомству не только не должны быть слабѣе гражданскихъ, но должны отличаться большею строгостью, чѣмъ по гражданскому»¹.

Съ такимъ толкованіемъ согласилось и совѣщаніе, и такимъ образомъ въ воинскій уставъ были занесены постановленія уложенія².

¹ Журн. Выс. учр. комис., 127—129.

² Сборн. зак. раб. стр. 59.

Отдѣленіе II.

Ссылка.

§ 52. Система наказаній ссылкойю.

Ссылка есть удаленіе виновнаго изъ метрополіи и водвореніе его въ мѣстахъ, спеціально предназначенныхъ къ тому государствомъ, съ воспрещеніемъ оставлять эти мѣста.

По дѣйствующему русскому законодательству ссылка имѣетъ три формы: каторжныя работы, поселеніе и ссылка на житье.

Каторга, какъ наказаніе за воинскія преступленія, регламентируется отчасти уложеніемъ, отчасти уставомъ о ссыльныхъ. Воинскій уставъ изд. 1900 г. не подраздѣляетъ каторгу на виды, что фактически совершилось еще въ 1885 г. ¹. Послѣ вступленія приговора въ законную силу, осужденные передаются въ вѣдѣніе гражданскихъ властей и, такимъ образомъ, заканчиваютъ свои счеты съ арміей ².

Ссылка на поселеніе и на житье за преступныя дѣянія по воинскому уставу замѣняется наказаніями, установленными въ Высочайше утвержденномъ 10 іюня 1900 г. мнѣніи государственнаго совѣта ³ съ изъятіями, опредѣленными закономъ 18 января 1902 г. ⁴. Этотъ послѣдній установилъ слѣдующія правила:

Ссылка на поселеніе въ Сибирь за дѣянія, предусмотрѣнныя 106, 111, 116, 148 и 175 ст. в. устава, а также въ случаѣ пе-

¹ Высоч. утвержд. мнѣніе госуд. совѣта; собр. узакон. 24 іюня 1885 г.

² Ст. 1119 XXIV кн. С. В. П. 1869 г.

³ Собр. узакон. и расп. правит. 1900 г., № 67.

⁴ Собр. узакон. и расп. правит. 1902 г., № 23.

рехода къ ссылкѣ отъ каторжныхъ работъ, при смягченіи наказанія за преступленія по ст. 98, 101 (лит. в), 106, 107, 111, 157 и 159, замѣняется по усмотрѣнію суда какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ: или отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ послѣдствіями по 43 ст. уложенія и по 23 и 48 ст. воинскаго устава, на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ, или заключеніемъ на тѣ же сроки въ крѣпости, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, съ послѣдствіями по 26 ст. воинскаго устава и съ исключеніемъ изъ службы съ лишеніемъ чиновъ для офицеровъ и чиновниковъ.

Ссылка на житье въ Сибирь по 145, 148, 149, 175, 177, 180, 181, 189, 239, 253, 257 и 263 ст. воинскаго устава замѣняется также по усмотрѣнію суда или отдачею въ арестантскія роты на общихъ основаніяхъ или заключеніемъ въ крѣпости на сроки, указанные 24 ст. воинскаго устава, съ исключеніемъ изъ службы и потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ для офицеровъ и отдачею въ дисциплинарные батальоны отъ 2 до 3 лѣтъ, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію правъ и преимуществъ—для нижнихъ чиновъ.

Изложенныя временныя правила были выработаны въ военномъ министерствѣ вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1900 г. Основаніемъ для изданія ихъ послужила мысль, что арестантскія отдѣленія позорны не только для офицеровъ и чиновниковъ, но и для нижнихъ чиновъ, выдѣляющихся по своему воспитанію и развитію. Наоборотъ, морское министерство высказалось противъ такой замѣны, такъ какъ ссылка на поселеніе—наказаніе общее для всѣхъ лицъ въ государствѣ, а замѣна арестантскихъ ротъ дисциплинарными батальонами «поведетъ къ ослабленію уголовной репрессіи, нежелательному въ интересахъ службы и неоправдаемому положеніемъ нижнихъ чиновъ».

Отмѣтимъ, что въ *проектѣ* правилъ кругъ преступленій, допускавшихъ замѣну поселенія—крѣпостью, включалъ, кромѣ перечисленныхъ, преступленія, указанные въ ст. 117, 131, 136, 138, 149, 160, 187 и 252 ¹.

Во *Франціи*, по закону 31 мая 1854 г. ² travaux forcés отбываются въ особыхъ учрежденіяхъ, гдѣ осужденные исполняютъ

¹ Въ законѣ недостаетъ ст. 187, которая по проекту допускала замѣну ссылки на житье.

² Foucher. стр. 1025.

самыя тяжкія общественныя или колонизаторскія работы. Ссылка на каторгу сопровождается послѣдствіями по уложенію и лишеніемъ воинской чести. Оригинально, что началомъ срока каторги считается моментъ лишенія виновнаго чести ¹. Главнымъ пунктомъ каторжныхъ тюремъ служить Гвіана.

Не касаясь депортации, отмѣтимъ, что во Франціи существуетъ релегация для рецидивистовъ. Индивидуальная релегация соотвѣтствуетъ нашей ссылкѣ на житье. Исключеніе религированныхъ военнослужащихъ изъ военного званія наступаетъ съ момента прибытія ихъ въ колонію ².

§ 53. Оцѣнка ссылки.

Не касаясь вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ ссылки, какъ общеуголовнаго наказанія, замѣтимъ, что, какъ наказаніе воинское, она — неудовлетворительна. Какъ уже указывалось выше³, помѣщая виновнаго военнослужащаго за воинское преступленіе въ одинаковыя карательныя условія съ преступниками изъ общества, государство тѣмъ самымъ сравниваетъ его дѣяніе съ дѣяніями гнусныхъ злодѣевъ, хотя сосланный военнослужащій, совершившій даже самое выдающееся воинское преступленіе, можетъ оставаться честнымъ человѣкомъ, хорошимъ гражданиномъ.

Кромѣ того, принимая во вниманіе, что ссылка служитъ средствомъ обезпеченія метрополіи отъ порочныхъ лицъ, а потому и имѣетъ цѣлью удаленіе таковыхъ изъ центра, съ принудительнымъ водвореніемъ ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ, приходится придти къ убѣжденію, что такія цѣли въ отношеніи военнослужащихъ не раціональны. Въ самомъ дѣлѣ, если присутствіе даннаго преступника вредно для арміи, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что его присутствіе вредно и для гражданскаго общества; въ случаѣ его виновности полезно удалить его изъ арміи, но несправедливо лишать его родины, семьи и имущества; онъ совершилъ преступленіе, противное интересамъ военной службы, военного быта, воинской дисциплины, но ничѣмъ не погрѣшилъ

¹ См. art. 200 code de justice militaire по редакціи 1901 года (Bul. Of. № 14, 1901 г.).

² См. arrêté 13 mars 1901.

³ См. стр. 242.

противъ нормъ общаго права и не заслужилъ наказанія, удаляющаго его изъ общества.

Здѣсь, впрочемъ, является сомнѣніе по поводу того, не является ли ссылка однимъ изъ средствъ устрашенія, необходимаго въ арміи. Но если въ наше время каторжныя работы еще способны удовлетворять условіямъ устрашенія, то ни ссылка на поселеніе, ни ссылка на житье не имѣютъ уже этихъ свойствъ. Отсутствіе ихъ и было одною изъ главныхъ причинъ отмѣны ихъ въ недавнее время у насъ и рѣдкаго примѣненія депортаціи во Франціи, гдѣ релегации придаютъ преимущественное значеніе и то, главнымъ образомъ, за преступленія общія, совершаемыя не въ первый разъ.

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать появленія временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки для военнослужащихъ крѣпостью и дисциплинарными батальонами. Но въ этомъ отношеніи можно идти дальше—и попутно признать, что каторжныя работы, какъ воинское наказаніе,—мѣра, далеко не цѣлесообразная. Не говоря уже о томъ, что онѣ не менѣе позорны, чѣмъ арестантскія отдѣленія, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ же цѣли устрашенія, какія преслѣдуются каторгой, легко могутъ быть достигнуты не позорнымъ, но устрашительнымъ воинскимъ наказаніемъ — долгосрочнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Къ тому же и современное состояніе каторжныхъ работъ у насъ оставляетъ желать много лучшаго.

Что касается, въ частности, ссылки на поселеніе и на житье, то общая и военно-судебная практика свидѣтельствуютъ, что нерѣдко преступниками, приговоренными къ низшимъ исправительнымъ наказаніямъ совершались новыя преступленія съ цѣлью новаго сужденія и ссылки на поселеніе или житье, которыя освобождали виновнаго отъ обязанности служить. Это лучше всего доказываетъ отсутствіе у названныхъ наказаній свойствъ устрашительности.

Отдѣленіе III.

И з г н а н і е.

§ 54. Оцѣнка изгнанія, какъ воинскаго наказанія.

Въ формѣ принудительнаго выселенія виновнаго изъ государства, изгнаніе никогда не пользовалось большимъ распространеніемъ, какъ военно-карательная мѣра, такъ какъ оно лишало армію рабочей силы, въ то время какъ цѣли, достигаемыя изгнаніемъ, легче и проще могли быть достигнуты въ арміи путемъ другихъ средствъ.

Въ настоящее время изгнаніе почти уже нигдѣ не примѣняется даже за общія преступленія.

Въ дѣйствующемъ *французскомъ* кодексѣ изгнаніе (*bannissement*) упоминается въ числѣ уголовныхъ наказаній, но примѣняется оно на основаніи постановленій общеуголовнаго кодекса; кромѣ послѣдствій, указанныхъ въ *code pénal*, оно влечетъ за собою лишеніе воинской чести¹. По *швейцарскому* кодексу осужденному къ изгнанію воспрещается вступать на территорію союза. Оригинально, что изгнаніе, по образцу греческаго ostracisme или римской relegation, не влечетъ за собою какихъ-либо праволішеній, и отбывшій наказаніе возвращается на родину полноправнымъ гражданиномъ. Оно назначается на срокъ не свыше 10-ти лѣтъ, при чемъ не можетъ примѣняться къ особенно опаснымъ преступникамъ или рецидивистамъ. Изгнанію предшествуетъ всегда лишеніе свободы или исключеніе изъ службы. Не-

¹ Art. 189.

обходимость назначенія этого наказанія ставится на усмотрѣніе суда въ зависимости отъ свойствъ даннаго случая; при этомъ судъ долженъ имѣть увѣренность, что осужденный можетъ внѣ государства вести честно свою жизнь ¹.

Кромѣ того, изгнаніе знакомо *турецкому* военно-уголовному кодексу, который знаетъ двѣ формы изгнанія—безсрочнаго и на срокъ ². Это изгнаніе, по существу, представляетъ собою удаленіе виноваго изъ мѣста служенія и постоянного жительства и водвореніе его въ той или другой территоріи имперіи по выбору и назначенію суда. Вѣчное изгнаніе (*nefi-i-mu-ebed*) сопровождается лишеніемъ званія военнослужащаго и нѣкоторыми гражданскими и публичными праволишеніями ³. Срочное изгнаніе не влечетъ за собою лишенія правъ, но сопровождается исключеніемъ изъ службы. Оно можетъ назначаться на срокъ отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ ⁴.

Нашъ воинскій уставъ о наказаніяхъ знаетъ нѣкоторыя формы изгнанія въ видѣ: воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстахъ и высылку за границу ⁵. Оба эти наказанія представляютъ собою дополнительныя карательныя мѣры, присоединяемыя къ уголовнымъ и исправительнымъ наказаніямъ «въ случаяхъ, именно законами означенныхъ». Однако, обѣ эти мѣры нельзя признавать наказаніями воинскими; онѣ являются только послѣдствіями наказаній и почерпаютъ свое содержаніе изъ уложенія. Кромѣ того, въ особенной части ни разу не встрѣчается ни одного изъ указанныхъ послѣдствій.

Фактическое непримѣненіе изгнанія, какъ въ области общеуголовной, такъ и военной, служить наилучшею оцѣнкою его цѣлесообразности. Къ тому же примѣненіе его къ военнослужащимъ нарушаетъ принципъ экономичности наказанія и ослабляетъ армію.

¹ Loi fédéral; art 4 d и art. 8.

² Gran, стр. 72, т. III.

³ 11 и 12.

⁴ См. Gran, III. 72.

⁵ Ст. 9 воин. уст. о нак.

Отдѣленіе IV.

Военно-тюремное заключеніе.

§ 55. Общее и военно-тюремное заключеніе ¹.

Такъ какъ предположеніе о необходимости упростить систему лишенія свободы путемъ устройства мѣстъ заключенія, пригодныхъ для содержанія лицъ гражданскихъ и военнослужащихъ, независимо отъ свойствъ совершенныхъ тѣми и другими преступныхъ дѣяній,—вполнѣ возможно, то поэтому мы попытаемся прежде всего выяснитъ вопросъ, не можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, государство обойтись безъ особыхъ мѣстъ военнаго заключенія, примѣняя въ отношеніи виновныхъ военнослужащихъ мѣста общаго заключенія?

Съ точки зрѣнія единства карательной системы, эта мысль находитъ себѣ полное оправданіе: не воздвигая особыхъ зданій для заключенія военнослужащихъ, государство можетъ получаемыя отъ такой экономіи суммы затратить на другія неотложныя нужды. Съ другой стороны, при такомъ устройствѣ всѣ подданные государства подлежали-бы одинаковому наказанію, а отсюда уже не далеко до мысли о полномъ равенствѣ лицъ гражданскихъ и военныхъ предъ закономъ и наказаніемъ. Съ точки зрѣнія удобства управленія, эта система также представляется наилучшею, такъ какъ допускаетъ возможность имѣть общую администрацію, гарантируетъ единство управленія т. п.

¹ См. мою статью «Военно-тюремное заключеніе» въ «Тюр. Вѣстн.» 1902 г. № 6.

Таковы доводы за уничтоженіе спеціальнаго военно-тюремнаго заключенія. Однако, они не могутъ считаться вполне убѣдительными.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣли военнаго заключенія настолько отличны, а свойства его такъ характерны, что даже единство системы не должно останавливать государства въ строгомъ разграниченіи военнаго и обще-гражданскаго заключенія.

1. Гражданинъ не несетъ какихъ-либо спеціальныхъ служебныхъ обязанностей, въ то время какъ военнотрудовой призывается къ исполненію своей повинности на опредѣленный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ совершить извѣстный кругъ дѣйствій, пройти циклъ обученія и военнаго воспитанія. Въ виду этого военно-тюремно заключеніе, отрывая виновнаго отъ его служебныхъ обязанностей, должно быть *краткосрочнымъ*, въ то время какъ общегражданское заключеніе можетъ быть и не стѣснено этимъ условіемъ. При краткосрочности заключенія, рядовая масса отнимается у арміи на незначительный періодъ времени, что не мѣшаетъ ея обученію и воспитанію; офицеры, остающіеся послѣ отбытія заключенія на службѣ, точно также не отрываются надолго отъ исполненія служебныхъ обязанностей, отъ командованія и завѣдыванія своими частями. Помѣщая виновнаго въ мѣста общаго заключенія, государство будетъ дѣйствовать неэкономично, затрачивая большія средства на его содержаніе и отнимая у арміи людей.

2. Изъ краткосрочности вытекаетъ другое требованіе: военное заключеніе должно имѣть *болѣе строгій режимъ* сравнительно съ установленнымъ въ мѣстахъ общегражданскаго заключенія.

3. Военное заключеніе должно быть сообразовано съ *основными: требованіями военной службы* воинской дисциплиной, военной іерархіею и т. п. При сохраненіи этого, военнотрудовой, находясь въ заключеніи, продолжаетъ сознавать необходимость подчиненія воинскому правопорядку, считаетъ себя состоящимъ на службѣ и не порываетъ связи съ арміею.

4. Военное заключеніе за чисто-воинскія преступленія не должно быть *позорнымъ* и влечь за собою такихъ карательныхъ послѣдствій, которыя отнимаютъ у виновнаго политическія или гражданскія права. Это вызывается и существомъ самаго преступнаго дѣянія, и положеніемъ субъекта преступленія, такъ какъ позорное заключеніе для военнотрудоваго создастъ въ бу-

дущемъ длинный рядъ невыгодныхъ послѣдствій по устройству жизни и по пріисканію занятій, что совершенно напрасно обременить государство излишнимъ числомъ праволишенныхъ лицъ. Словомъ, военное заключеніе—не общая тюрьма, а такъ называемая *custodia honesta*, гдѣ заключены тягчайшіе нарушители воинскаго, но не общегосударственнаго правопорядка.

Изложенныя общія условія военно-тюремнаго заключенія могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для признанія непригодности мѣстъ общегражданскаго заключенія въ отношеніи военнослужащихъ, совершившихъ *воинское* преступленіе.

Совершенно иначе, однако, приходится отнестись къ такой формѣ заключенія, при которой военнослужащій перестаетъ быть таковымъ и исключается изъ арміи. Здѣсь возможны также двѣ точки зрѣнія: виновный можетъ быть помѣщенъ въ мѣста *общегражданскаго заключенія*, какъ лицо, уже не обязанное подчиненіемъ воинскому правопорядку, или наоборотъ—онъ долженъ быть помѣщенъ *въ тюрьму военную*, какъ лицо, совершившее нарушеніе во время нахождения на военной службѣ.

Послѣдняя форма представляется болѣе пригодной. Въ самомъ дѣлѣ, если виновный совершилъ воинское преступленіе, то нѣтъ никакихъ основаній—ни теоретическихъ, ни практическихъ—отправлять его въ общегражданскую тюрьму, такъ какъ, съ теоретической точки зрѣнія, за воинское преступленіе должно быть назначено воинское же наказаніе; съ практической же—помѣщеніе нарушителя воинскаго правопорядка въ мѣста общаго заключенія вводитъ его въ соприкосновеніе съ порочными гражданами, что противорѣчитъ цѣлямъ исправительнаго воздѣйствія.

Разумѣется, исключеніе военнослужащаго изъ арміи—придаatokъ, съ которымъ необходимо считаться. При исключеніи изъ арміи военнослужащій прекращаетъ всѣ обязательства къ военной службѣ, перестаетъ нести таковую, но это еще не даетъ права относиться къ его дѣянію, какъ къ общему преступленію. При исключеніи виновнаго, если таковое вызывается настоящими надобностями арміи, ничто не мѣшаетъ измѣнить нѣкоторыя изъ условій военнаго заключенія: сдѣлать его болѣе долгосрочнымъ, устранить военную организацію и т. п.

Во всякомъ случаѣ помѣщать исключеннаго изъ службы въ

мѣста общегражданскаго заключенія — мѣра едва ли цѣлесообразная и соотвѣтствующая интересамъ государства.

Наконецъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ тѣмъ случаямъ, когда военнослужащій совершаетъ общее преступленіе? Здѣсь также возможны двѣ точки зрѣнія: если вмѣстѣ съ осужденіемъ къ заключенію военнослужащій признается неспособнымъ къ несенію обязанностей военной службы и удаляется изъ арміи, ничто не мѣшаетъ направить виновнаго въ общегражданскія мѣста заключенія, если же наоборотъ — общее преступленіе настолько незначительно, что не сопровождается исключеніемъ виновнаго изъ военного званія, то, въ интересахъ государства и арміи, слѣдуетъ помѣщать его въ мѣста военного заключенія, съ болѣе суровымъ режимомъ и меньшею продолжительностью срока лишенія свободы.

§ 56. Свойства военно-тюремнаго заключенія.

Въ наше время военно-тюремное заключеніе занимаетъ мало-по-малу господствующее положеніе въ системѣ наказаній европейскихъ государствъ.

Съ точки зрѣнія современной культуры, тюремное заключеніе представляетъ собою наиболѣе гуманную карательную мѣру, съ которой свободно мирится совѣсть человѣка; лишеніе свободы въ такой формѣ сводится не только къ физическому захвату виновнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ возможность самаго широкаго воздѣйствія на его духовную область, оно можетъ быть воспитательною мѣрою, которая приведетъ не только къ достиженію задачъ спеціальнаго предупрежденія, но и къ исправленію виновнаго; наконецъ, заключеніе даетъ возможность временно освободить армію отъ порочныхъ ея членовъ и тѣмъ охранить воинскій правопорядокъ. Наконецъ, исполненіе наказанія не развращаетъ ни виновнаго, ни его товарищей.

Военное заключеніе наилучшимъ образомъ отвѣчаетъ свойствамъ гибкости, дѣлимости, приспособляемости; въ зависимости отъ характера преступнаго дѣянія, степени виновности лица, его наклонностей, характера, образованія и т. п. можно въ широкихъ предѣлахъ измѣнять репрессію заключенія; оно можетъ представлять собою незначительное взысканіе, тяжкое заточеніе и среднюю между ними карательную мѣру; оно обладаетъ зна-

чительною подвижностью, допускаетъ переходъ отъ высшей мѣры къ низшей и, слѣдовательно, даетъ возможность строго индивидуализировать наказаніе.

Наконецъ, по свойству возстановимости, военное заключеніе должно быть поставлено наряду съ денежными взысканіями.

Наибольшее число возраженій противъ лишенія свободы, какъ наказанія воинскаго, обращается противъ его *неудобопримѣнности*. Съ этимъ свойствомъ нельзя не считаться. Дѣйствительно, военное заключеніе, какъ бы краткосрочно оно ни было, все-таки отнимаетъ у арміи ея дѣятелей, вызываетъ необходимость затраты извѣстныхъ средствъ на устройство мѣстъ заключенія, администрацію и т. п. Разумѣется, смертная казнь, тѣлесное наказаніе, лишеніе правъ отличаются удобоисполнимостью, быстрою; заключеніе требуетъ времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность говорить и объ исправительномъ воздѣйствіи на виновнаго и объ устрашеніи. Эта *шбкость* должна поглотить собою всѣ недостатки заключенія, къ которымъ, между прочимъ, относится и дороговизна военной тюрьмы. Но, отрывая солдата временно отъ службы, военное заключеніе въ то же время не отнимаетъ средствъ для продолженія военнаго образованія и воспитанія виновнаго: военныя упражненія и занятія могутъ, до нѣкоторой степени, замѣнить собою трудъ заключенныхъ и, такимъ образомъ, время, проведенное въ тюрьмѣ, не пропадетъ даромъ.

Несмотря на то, что сфера свободы каждаго военнослужащаго болѣе или менѣе ограничена, тѣмъ не менѣе пораженіе ея въ тюремномъ заведеніи представляетъ собою весьма *дѣйствительную* мѣру.

§ 75. Оцѣнка системъ тюремнаго заключенія.

Обращаясь къ оцѣнкѣ системъ тюремнаго заключенія, слѣдуетъ остановиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на выясненіи примѣнимости ихъ къ заключенію военно-тюремному.

1. При системѣ совмѣстнаго заключенія, населеніе данной тюрьмы живетъ одною жизнью, независимо отъ служебнаго положенія заключенныхъ, тяжести ихъ преступленій и другихъ условій. Это наиболѣе примитивная система, при которой, вслѣдствіе ея отрицательныхъ свойствъ, требуется извѣстная классификація.

1. Такъ какъ въ мѣстахъ военнаго заключенія наказанные продолжаютъ оставаться военнослужащими, то, естественно, первымъ признакомъ классификаціи должно являться служебное положеніе наказаннаго, основанное на занимаемомъ имъ мѣстѣ въ лѣстницѣ военной іерархіи. Іерархія не можетъ примириться съ условіями совмѣстнаго сожителства офицеровъ и нижнихъ чиновъ, почему раздѣленіе тѣхъ и другихъ должно стоять на первомъ планѣ, иначе исправительное воздѣйствіе военной тюрьмы грозитъ превратиться въ средство, расшатывающее основы существованія арміи. Такимъ образомъ, получается классификація по служебному положенію военнослужащихъ. Эта классификація строго выдерживается во всѣхъ мѣстахъ военнаго заключенія, основанныхъ по системѣ заключенія совмѣстнаго ¹.

Въ этомъ отношеніи можно идти еще дальше и требовать выдѣленія изъ группы военнослужащихъ лицъ, пользующихся извѣстною среди нихъ властью: унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей. Такое выдѣленіе не будетъ вредить интересамъ военной службы, а скорѣе — содѣйствовать имъ ².

Иначе разрѣшается вопросъ, если военнослужащій, вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, лишается своихъ служебныхъ преимуществъ, своего знанія. Въ этомъ случаѣ говорить о требованіяхъ іерархіи не приходится и для классификаціи необходимо отыскать уже другіе признаки.

2. Среди той или другой группы военнослужащихъ мыслимо раздѣленіе по родамъ наказаній и тяжести преступленій. Извѣстно, что въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ военнаго заключенія часто содержатся лица, отбывающія разныя наказанія. Такъ, на примѣръ, во Франціи prison предназначается между прочимъ для содержанія арестованныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ и отбывающихъ тюремное заключеніе на короткіе сроки ³. При такомъ подраздѣленіи отбывающихъ наказаніе получается классификація по роду наказанія.

¹ § 14 датскаго кодекса воспрещаетъ помѣщать въ арестныхъ помѣщеніяхъ офицеровъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицерами, а послѣднихъ — съ рядовыми.

² По нашему дисциплинарному уставу (ст. 78 примѣч.) штабъ-офицеры при содержаніи ихъ подъ арестомъ содержатся отдѣльно отъ оберъ-офицеровъ.

³ Декретъ 26 февраля 1900 г.

Кромѣ того, раздѣленіе заключенныхъ по тяжести преступленій, хотя и представляется возможнымъ, но въ сущности сводится къ предыдущему признаку классификаціи, почему мы и считаемъ излишнимъ останавливаться на немъ.

3. Мѣста военнаго заключенія могутъ содержать въ себѣ лицъ, отбывающихъ наказаніе, подслѣдственныхъ, а также и предназначенныхъ къ пересылкѣ въ другое военно-тюремное заведеніе. Положеніе военнослужащихъ всѣхъ указанныхъ трехъ категорій настолько различно, что по необходимости влечетъ раздѣленіе ихъ на группы и, при такихъ условіяхъ, мы получаемъ классификацію по процессуальнымъ моментамъ осуществленія карательной угрозы.

4. Раздѣленіе военнослужащихъ по внутреннимъ ихъ качествамъ является дѣломъ необходимымъ, но едва ли выполнимымъ. Эта «пенитенціарная алхимія»¹ ведетъ къ тому, что судъ или тюремное начальство, на основаніи имѣющихся у нихъ данныхъ, подраздѣляютъ заключенныхъ на группы, обыкновенно на три: хорошихъ, удовлетворительныхъ, дурныхъ; хорошихъ, подозрительныхъ и дурныхъ; на двѣ группы: испытуемыхъ и исправляющихся; наконецъ, на пять и даже четырнадцать группъ². Эта система классификаціи, покоясь на крайне неопредѣленныхъ признакахъ, трудно распознаваемыхъ вообще, ведетъ обыкновенно къ сомнительнымъ догадкамъ. Наконецъ, даже при условіи возможности опредѣленія моральности заключенныхъ, потребовалось бы установить столько же группъ, сколько и заключенныхъ, такъ какъ невозможно сблизить нравственныя черты такъ интимно, чтобы создать цѣлыя обширныя группы. Наконецъ, помѣщеніе дурного въ среду дурныхъ же едва ли можетъ быть разумною мѣрою, ведущею къ исправленію.

Такимъ образомъ, система совмѣстнаго тюремнаго заключенія военнослужащихъ по необходимости порождаетъ классификацію заключенныхъ по тѣмъ или инымъ признакамъ или, вѣрнѣе говоря, сама взыываетъ къ необходимости раздѣленія ихъ на столько отдѣльныхъ группъ, сколько и заключенныхъ, т. е. къ системѣ разъединенія.

¹ Moreau-Christophe въ приложеніи къ Suringar, — *Consideration sur la réclusion individuelle des détenus*, Paris, 1843 г., стр. 76.

² Фойницкій, 326.

Помимо того, какъ бы ни была совершенна система классификаціи, строгое наблюденіе за преступникомъ становится невозможнымъ; вліяніе другъ на друга совершается легко, исправительныя цѣли становятся трудно достижимыми, и тюремный порядокъ находится въ постоянной опасности.

Чтобы уничтожить нѣкоторые изъ недостатковъ системы совмѣстнаго заключенія, государство принимаетъ тѣ или другія мѣры помимо классификаціи. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить систему молчанія. Эта система создана, съ одной стороны, въ интересахъ чисто-полицейскаго свойства, а съ другой въ цѣляхъ исправленія заключенныхъ. Какъ полицейская мѣра, молчаніе должно предупреждать возможность заговора со стороны заключенныхъ; какъ исправительное воздѣйствіе, она препятствуетъ сношеніямъ арестантовъ между собою. Но и при существованіи классификаціи система молчанія является только палліативомъ, такъ какъ она не служитъ препятствіемъ къ объясненію арестантовъ между собою знаками и вообще трудно осуществима, а потому и не достигаетъ цѣли.

Другую мѣрою, при совмѣстномъ заключеніи, является система ночного разъединенія, сущность которой сводится къ разобщенію арестантовъ въ ночное время; она также должна препятствовать нарушеніямъ порядка и вредному воздѣйствію другъ на друга. Эта мѣра — наиболѣе удовлетворительная среди другихъ.

Однако, несмотря на длинный рядъ неудобствъ, вытекающихъ изъ системы совмѣстнаго заключенія, почти всѣ современныя военно-пенитенціарныя заведенія придерживаются именно этой системы. Виновные размѣщаются въ тюрьмѣ, сохраняя строевое подраздѣленіе на батальоны, роты, взводы и отдѣленія, живутъ въ казарменной обстановкѣ, при чемъ система молчанія примѣняется или частью, или является лишь дисциплинарнымъ взысканіемъ, равно какъ и ночное разъединеніе.

Причина этого явленія очевидна: она лежитъ въ самой цѣли наказанія, отбываемаго военнослужащимъ въ такомъ пенитенціаріи, который имѣетъ задачею дать заключенному возможность, при отбытіи наказанія, продолжать нести военную службу, но въ особыхъ условіяхъ, нежели въ частяхъ войскъ. Отсюда видно, что современная организація военно-тюремнаго заключенія всецѣло покоится на томъ принципѣ, что цѣль воинскаго наказанія — исправленіе военнослужащаго, какъ такового.

II. Полное раздѣленіе военнослужащихъ въ мѣстахъ отбытія

наказанія, т. е. классификація, построенная на свойствахъ личности каждаго заключеннаго, носитъ названіе одиночнаго заключенія.

Въ зависимости отъ того, поскольку одиночное заключеніе изолируетъ виновнаго, оно распадается на двѣ основныя группы: индивидуальное заключеніе и келейное.

Въ условіяхъ перваго заключенный помѣщается въ отдѣльную камеру, никто изъ другихъ заключенныхъ не можетъ имѣть съ нимъ общенія, но зато тюремный персоналъ и постороннія лица имѣютъ къ нему болѣе или менѣе широкій доступъ.

Въ мѣстахъ военнаго заключенія такая система хотя и допустима, но едва ли желательна, если возбуждается вопросъ о доступѣ постороннихъ тюремъ лицъ. При условіяхъ доступа, одиночное заключеніе теряетъ значительную силу репрессіи, что неминуемо должно повлечь за собою продленіе срока заключенія; а это не можетъ быть выгоднымъ для арміи и ея интересовъ.

Другое дѣло—кейное заключеніе, когда для заключеннаго наступаетъ полная изоляція. Въ прежнее время оно служило, какъ мѣра физическаго захвата преступника и только впоследствии стало примѣняться, какъ мѣра исправительнаго воздѣйствія. Въ примѣненіи къ военнослужащему система одиночнаго заключенія представляется мѣрою довольно сильною, примѣнимою даже и къ болѣе тяжкимъ нарушителямъ воинскаго правопорядка. Несмотря на сравнительно незначительные сроки, какъ напримѣръ въ одинъ мѣсяцъ, такое заключеніе слишкомъ сильно поражаетъ волю арестанта чуть ли не во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это лишеніе представляется весьма чувствительнымъ для заключеннаго, съ одной стороны, и весьма вредно дѣйствующимъ на него въ будущемъ—съ другой.

Въ самомъ дѣлѣ, заключая виновнаго въ келью, отнимая у него всякую возможность бороться съ противоправными побужденіями и вообще лишая его инициативы, государство можетъ такъ сильно поразить волю военнослужащаго, особенно при долгосрочномъ заключеніи, что заключенный сдѣлается апатичнымъ, вялымъ, пассивнымъ, не поддающимся побужденіямъ соревнованія.

Интереснымъ представляется вопросъ — способна ли исправить заключеннаго подобная система. Одни изслѣдователи положительно утверждаютъ, что «уединеніе возбуждаетъ въ арестантѣ размышленіе, которое приводитъ его къ добрымъ намѣ-

реніямъ», другіе высказываютъ положеніе, что и въ одиночномъ заключеніи преступныя мысли не покидаютъ заключеннаго и въ примѣръ приводятъ Лафайета, который, будучи посаженъ за возстаніе въ одиночную тюрьму, продолжалъ обдумывать планы новыхъ возстаній¹. Какъ кажется, то и другое мнѣніе не совсѣмъ вѣрны.

Безусловно, цѣлей исправленія одиночное заключеніе само по себѣ, безъ всякаго посредства другихъ мѣръ, достигнуть не можетъ. Оно, разумѣется, можетъ навести заключеннаго на размышленіе о тяжести преступленія, суровости наказанія и о тѣхъ невыгодахъ, которыя связаны съ совершеніемъ преступленія; это размышленіе, въ свою очередь, можетъ привести виновнаго къ сознанію необходимости воздержаться отъ преступнаго образа дѣйствій, или научить «лучше прятать концы». Во всякомъ случаѣ, при этихъ условіяхъ и краткосрочности военнаго заключенія, психическое перерожденіе виновника — немислимо, но вполнѣ возможно зарожденіе сознанія о необходимости воздержанія. Словомъ, *только* заключеніе, хотя бы и въ наиболѣе изолированныхъ камерахъ, ни къ чему дальнѣйшему не поведетъ; наоборотъ—одиночная камера въ связи съ другими мѣрами военно-тюремнаго воспитанія—великій рычагъ для поддержанія воинскаго правопорядка.

Что касается ссылки на Лафайета, то она представляется, хотя и оригинальною, но едва ли убѣдительною: военнослужащій, совершая нарушеніе своихъ обязанностей службы, не можетъ быть отождествляемъ съ преступниками политическими, нарушающими правопорядокъ общегосударственный; воинское преступленіе весьма часто является правонарушеніемъ, совершаемымъ по легкомыслію, а не по убѣжденію, иногда даже по недоразумѣнію, вслѣдствіе недостаточнаго усвоенія обязанностей службы. Однимъ словомъ, ни тотъ, ни другой доводъ не можетъ быть принятъ безъ оговорокъ.

Однако, кромѣ вышеизложеннаго, нельзя также не затронуть вопроса о возможности и полезности непосредственнаго перехода изъ одиночнаго заключенія въ ряды арміи. Какъ бы непродолжительно ни было такое заключеніе, тѣмъ не менѣе оно крайне отличается отъ строевой обстановки; поэтому осво-

¹ Фойницкій. 355.

божденный тотчасъ же, выходя изъ своей кельи, попадаетъ въ такую сферу, гдѣ все полно для него соблазна и искушеній. Такой порядокъ представляется нераціональнымъ, такъ какъ военнослужащій, будучи предоставленъ самому себѣ, снова можетъ впасть въ преступленія. Поэтому и возможно, и желательно поставить между тюрьмою и строемъ такое учрежденіе, которое служило бы этапомъ въ передвиженіи военнослужащаго въ строевую обстановку.

Все это приводитъ къ убѣжденію, что система одиночнаго заключенія, взятая сама по себѣ, имѣетъ слишкомъ много отрицательныхъ свойствъ, которыя заставляютъ озаботиться присканіемъ мѣръ, способныхъ устранить указанные недостатки.

§ 58. Системы наказаній лишеніемъ свободы въ дѣйствующихъ кодексахъ.

Дѣйствующіе военно-уголовные кодексы даютъ два основныя типа лишенія свободы: заключеніе обще-гражданское и военное.

Первое является слѣдствіемъ или придаткомъ къ служебному праволишенію, извѣстному вообще подъ именемъ исключенія изъ службы; оно назначается за общегражданскія или специально-воинскія преступныя дѣянія. Для преступниковъ этой категоріи государство не устраиваетъ особыхъ тюремныхъ заведеній и направляетъ виновныхъ въ общегражданскія мѣста заключенія.

Заключеніе военное предназначается для военнослужащихъ, не приговоренныхъ къ исключенію изъ службы или къ лишенію воинскаго званія.

Въ виду того, что лишеніе воинскаго званія ставитъ виновнаго въ одинаковыя условія съ гражданскими лицами, мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи только тѣхъ мѣръ, направленныхъ противъ свободы, которыя получаютъ названіе *военно-тюремнаю* заключенія.

Россія. По дѣйствующему воинскому уставу о наказаніяхъ къ этому виду относятся: заключеніе въ крѣпости, содержаніе на гауптвахтѣ — для офицеровъ; дисциплинарные батальоны и военная тюрьма — для нижнихъ чиновъ; наконецъ, арестъ для тѣхъ и другихъ.

Наше законодательство, дѣлая уступку интересамъ цѣлесообразности, раздѣляетъ заключеніе въ крѣпости на три самостоятельныя группы: заточеніе въ крѣпости, заключеніе въ крѣпости съ потерю нѣкоторыхъ правъ по состоянію и заключеніе въ крѣпости съ ограниченіемъ служебныхъ правъ. Хотя первые два вида заключенія, по нашему уставу, сопряжены съ исключеніемъ изъ службы, тѣмъ не менѣе они получаютъ форму заключенія спеціальнаго, такъ какъ по своему исключительному режиму они не могутъ быть приравниваемы къ заключенію общегражданскаго характера.

Заточеніе въ крѣпости для офицеровъ есть воинское уголовное наказаніе, которое назначается исключительно за воинскія преступленія взаимнъ смертной казни или каторги и поселенія по особому ходатайству суда; эти ходатайства въ мирное время разрѣшаются Государемъ Императоромъ, а въ военное— главнокомандующимъ. Заточеніе опредѣляется на время отъ десяти до двадцати лѣтъ¹.

Заключеніе въ крѣпости съ потерю правъ состоянія опредѣляется на время отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, при чемъ раздѣляется на степени: отъ 2 лѣтъ 8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ и отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; заключеніе въ крѣпости второго рода назначается: отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, 4—8 мѣсяцевъ, 2—4 мѣсяцевъ².

Содержаніе на *кауптвахтѣ* съ ограниченіемъ служебныхъ правъ опредѣляется отъ 4 до 6 мѣсяцевъ и отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, безъ правоограниченій—отъ 1 до 3 мѣсяцевъ³.

Для нижнихъ чиновъ *дисциплинарные батальоны* раздѣляются на 4 степени: отъ 2 лѣтъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ; 2 лѣтъ — 2 лѣтъ 6 мѣсяцевъ; 1 года 6 мѣсяцевъ — 2 лѣтъ и 1 года — 1 года 6 мѣсяцевъ⁴.

Одинокое заключеніе опредѣляется на время: отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, 2 мѣсяцевъ 2 недѣль—3 мѣсяцевъ, 2 мѣсяцевъ—2 мѣсяцевъ 2 недѣль; 1 мѣсяца 2 недѣль—2 мѣсяцевъ и 1 мѣсяца — 1 мѣсяца 2 недѣль⁵.

¹ Ст. 2, 18—19, 55 ч. 2.

² Ст. 5 п. IV и VII, 24—27, 58.

³ Ст. 5 п. IX, 32—34.

⁴ Ст. 6, 49—50¹.

⁵ Ст. 6, 51.

Арестъ для офицеровъ подраздѣляется на домашній и на гауптвахтѣ; какъ тотъ, такъ и другой могутъ быть назначены до 1 мѣсяца ¹.

Арестъ въ отношеніи рядовыхъ и ефрейторовъ раздѣляется на домашній, или воспрещеніе отлучки до 1 мѣсяца, простой, строгій и усиленный на тотъ же срокъ; къ унтеръ-офицерамъ примѣняются тѣ же наказанія, кромѣ усиленнаго ареста, при чемъ строгій арестъ не можетъ превышать 20 сутокъ; на фельдфебелей и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ строгій арестъ не налагается ².

Домашній арестъ для офицеровъ состоитъ въ содержаніи на квартирѣ, съ исправленіемъ или безъ исправленія служебныхъ обязанностей. Арестъ на гауптвахтѣ отбывается безъ исправленія служебныхъ обязанностей или на гауптвахтѣ, или — при отсутствіи ея—въ особой комнатѣ при полку, подъ наблюденіемъ дежурнаго офицера, а въ исключительныхъ по усмотрѣнію начальства случаяхъ—и съ приставленіемъ къ комнатѣ часового ³, отъ арестованныхъ въ этихъ случаяхъ отбирается оружіе, хотя бы на немъ и были воинскія знаки и другія украшенія, и въ продолженіе ареста хранится подъ знаменами или у начальника части ⁴.

Простой арестъ для нижнихъ чиновъ состоитъ въ содержаніи виновныхъ каждого отдѣльно, въ свѣтломъ карцерѣ, съ исправленіемъ по усмотрѣнію начальства служебныхъ обязанностей, съ лишеніемъ постельныхъ принадлежностей. При строгомъ арестѣ назначается уменьшенное довольствіе (горячая пища черезъ каждые два дня). На тѣхъ же условіяхъ, но въ темномъ карцерѣ отбывается усиленный арестъ ⁵.

При всѣхъ видахъ ареста нижнимъ чинамъ воспрещается куренье табаку, употребленіе водки, сообщеніе съ посторонними, пѣніе и игры ⁶.

Смѣшанный арестъ, не упомянутый въ системѣ дисциплинарныхъ взысканій ⁷, состоитъ изъ всѣхъ видовъ ареста, при чемъ

¹ Дисц. уст., ст. 33, п. 4.

² Д. у., ст. 13. 15—16².

³ Ст. 78 уст. дис.

⁴ Ст. 79—80.

⁵ Ст. 74.

⁶ Ст. 76.

⁷ Ст. 13.

назначеніе содержанія въ темномъ карцерѣ ограничивается половиною всего срока ареста и не болѣе, чѣмъ на 5 сутокъ непрерывно, при чемъ промежутокъ изъ простого и строгаго ареста долженъ быть не менѣе недѣли ¹.

Арестъ для сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ (строевыхъ фельдфебелей и взводныхъ унтеръ-офицеровъ) отбывается на гауптвахтѣ или при полку на условіяхъ, одинаковыхъ съ арестомъ для офицеровъ ².

Каждому виду наказаній соотвѣтствуютъ особыя мѣста для лишенія свободы: заключеніе въ крѣпости—въ особо предназначенныхъ крѣпостяхъ ³, содержаніе въ дисциплинарныхъ батальонахъ—въ дисциплинарныхъ частяхъ ⁴, заключеніе въ тюрьмѣ—въ военныхъ тюрьмахъ ⁵, аресты—или на гауптвахтахъ ⁶, или въ карцерахъ при частяхъ войскъ, или въ казарменныхъ помѣщеніяхъ ⁷ и офицерскихъ квартирахъ ⁸.

Франція по количеству видовъ лишенія свободы конкурируетъ съ нашимъ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ.

По *code de justice militaire*, всѣ виды сводятся: къ *заточенію, заключенію, публичнымъ работамъ и тюрьмѣ* ⁹, кромѣ того, сюда же слѣдуетъ присоединить *отдачу въ алжирскія войска* ¹⁰ и *дисциплинарныя роты* ¹¹.

Что касается заточенія, то таковое является наказаніемъ,

¹ Ст. 75.

² Ст. 77¹ д. у.

³ Кр. Петербургская—для Петербургскаго, Финляндскаго и Московскаго округовъ, Варшавская Александровская цитадель—для Варшавскаго и помѣщеніе для заключенныхъ, находящееся въ Виленскомъ военномъ округѣ, — для заключенныхъ этого округа. См. Циркуляръ Главн. Штаба 1880 г., № 70.

⁴ Бобруйскій, Херсонскій, Воронежскій и Екатериноградскій дисциплинарные батальоны и Омская и Иркутская дисциплинарныя роты.

⁵ С.-Петербургская, Московская, Варшавская и Рижская военныя тюрьмы. Кронштадтское отдѣленіе военной тюрьмы и отдѣленіе военной тюрьмы при Херсонскомъ дисциплинарномъ батальонѣ.

⁶ Уставъ о гарниз. службѣ, приложение 10 къ § 173.

⁷ Уставъ о внутренней службѣ, §§ 235—251.

⁸ Домашній арестъ.

⁹ Art. 185—186 в. у.

¹⁰ Décret 8 sept. 1899.

¹¹ Décret 5 juill. 1890.

назначаемымъ за преступленія на срокъ отъ пяти до двадцати лѣтъ. Оно отбывается въ крѣпостяхъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію главы государства ¹.

Заключеніе принадлежитъ къ этому же типу воинскихъ наказаній, назначается на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ и отбывается въ центральныхъ домахъ заключенія по одиночной системѣ ².

Что касается специальныхъ мѣстъ военно-тюремнаго заключенія, то въ самое послѣднее время правительство стало принимать мѣры къ надлежащему устройству ихъ. Такъ, декретомъ 26 февраля 1900 года ³ былъ въ корнѣ измѣненъ законъ о военно-тюремныхъ заведеніяхъ, изданный въ 1856 и 1865 году ⁴.

Согласно новому закону, всѣ пенитенціарныя заведенія раздѣлены на три группы: prisons, pénitenciers и ateliers de travaux publics ⁵. Поэтому наказанія, установленныя кодексомъ, отбываются на слѣдующихъ условіяхъ:

Тюрьма—низшее наказаніе лишеніемъ свободы—опредѣляется на срокъ отъ шести дней до 5 лѣтъ; мѣсто отбытія наказанія опредѣляется въ зависимости отъ срока заключенія; такъ, при назначеніи тюрьмы на срокъ до одного года виновные отправляются для отбытія наказанія въ prisons, расположенныя въ военныхъ округахъ Франціи, при опредѣленіи тюрьмы на срокъ свыше года наказанные помѣщаются въ военно-пенитенціарныя заведенія (pénitenciers) ⁶.

Публичныя работы являются исключительнымъ наказаніемъ, которому подлежатъ только одни нижніе чины. Онѣ назначаются на срокъ отъ двухъ до десяти лѣтъ. Наказаніе отбывается въ особыхъ мастерскихъ публичныхъ работъ (ateliers) ⁷.

Африканскія войска предназначаются для помѣщенія тѣхъ лицъ, которыя или до поступленія на службу, или во время несенія уже службы подверглись одному или нѣсколькимъ исправительнымъ наказаніямъ, вслѣдствіе чего представляется необ-

¹ Art. 20 улож.

² Art. 21 улож.

³ См. Règlement sur les établissements pénitentiaires. Bull. Offic. 1900. № 57.

⁴ Регламенты 23 іюля 1856 г. и 6 февраля 1865 г.

⁵ Décret 1900, art. 1.

⁶ Instruction sur les établissements pénitentiaires, art. 1.—Art. 194 в. у.

⁷ Ibid.—Art. 193 в. у.

ходимымъ помѣстить ихъ въ эти войска, прежде назначенія въ войска метрополіи. Въ алжирскія войска поступаютъ въ настоящее время: нижніе чины, приговоренные къ тюрьмѣ, вслѣдствіе признанія смягчающихъ обстоятельствъ и замѣны этимъ другого болѣе строгаго наказанія, осужденные въ тюрьму на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ, а также помилованные и отбывшіе заключеніе въ дисциплинарныхъ ротахъ, если отсылка ихъ въ алжирскія войска представляется необходимою ¹.

Дисциплинарныя роты представляютъ собою наказаніе въ отношеніи нижнихъ чиновъ, которые, не совершивъ ни одного наказуемаго проступка, однако, понесли уже нѣсколько дисциплинарныхъ взысканій, и ротный командиръ признаетъ присутствіе ихъ въ ротѣ невыгоднымъ для интересовъ арміи. Дисциплинарныя роты раздѣляются на стрѣлковыя и инженерныя, всѣ онѣ помѣщены на территоріи Алжира; кромѣ того, во Франціи имѣются такія же роты и въ колоніяхъ, по существу своему, совершенно тождественныя съ этими ².

Система *арестовъ* представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Офицеры могутъ быть подвергнуты: *простому аресту* каждымъ старшимъ офицеромъ или даже офицеромъ равнаго съ наказываемымъ чина при условіи, что этотъ послѣдній является начальникомъ. Срокъ ареста отъ 4 до 30 дней. Арестованный не несетъ службы, не имѣетъ права оставлять назначеннаго помѣщенія и принимать посѣтителей иначе, какъ по дѣламъ службы ³. *Строій арестъ и арестъ въ крѣпости* можетъ быть назначенъ только полковникомъ: первый—до 30 дней, второй—до 15 ⁴.

Къ унтеръ-офицерамъ примѣняется лишеніе свободы—*prison*, которое при назначеніи на срокъ свыше 15 дней отбывается въ военной тюрьмѣ даннаго округа ⁵.

¹ Bull. Offic., 1899, № 45, стр. 1223—1224.

² Décret 5 juill. 1890.

³ Art. 306 регл. о вн. сл.

⁴ Art. 307 и 308. Аресты назначаются устно или письменно; во всякомъ случаѣ причина и срокъ арестованія объявляются наказанному. Арестъ начинается съ момента его назначенія; отъ усмотрѣнія бригаднаго генерала зависитъ отправить офицера въ мѣсто ареста безъ надзора или подъ наблюденіемъ.

⁵ Art 312.

Капралы и рядовые подлежатъ аресту въ *salle de police* и въ одиночной камерѣ—до 30 дней и въ одиночной исправительной камерѣ—до 28 дней; въ послѣднемъ случаѣ арестованные получаютъ хлѣбъ и супъ безъ мяса ¹.

Всѣ эти виды ареста отбываются при частяхъ войскъ ².

Спеціальнымъ видомъ военно-тюремного заключенія въ *Бельгии* по *code pénal* является *заключеніе въ военно-исправительную роту* ³ на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ ⁴, которое примѣняется только къ нижнимъ чинамъ ⁵.

Кромѣ того, сюда же относится и *отдача въ дисциплинарную роту*, назначаемая рядовымъ по постановленію дисциплинарнаго суда ⁶ на срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ ⁷.

Заключеніе въ военно-исправительной ротѣ и отдача въ дисциплинарную роту отбываются осужденными въ особомъ дисциплинарномъ и исправительномъ корпусѣ ⁸.

Prison militaire представляетъ собою дисциплинарное взысканіе, которое примѣняется ко всѣмъ военнослужащимъ, за исключеніемъ рядовыхъ ⁹, причемъ офицерамъ она назначается до 15 дней, а нижнимъ чинамъ—до 8 дней. Мѣстомъ для отбытія этого наказанія служатъ т. н. *salles de détention*, помѣщающіяся въ казармахъ ¹⁰.

Cachot есть *punition* для рядовыхъ; оно не можетъ превышать 8 дней, при чемъ отбывается въ темномъ одиночномъ карцерѣ ¹¹.

Арестъ раздѣляется на домашній—для офицеровъ до 2 мѣсяцевъ, *arrêt dans la chambre*—для унтеръ-офицеровъ и капраловъ до 15 дней, *arrêt dans la quartier*—для всѣхъ нижнихъ чиновъ до 3 недѣль и *арестъ à la salle de police*—для рядовыхъ до 3 недѣль ¹².

¹ Art. 314.

² Art. 316.

³ Art. 1.

⁴ Art. 9.

⁵ Art. 8.

⁶ Instruction général du 30 nov. 1887, § 46–56 и arrêté royal du 1 sept. 1886.

⁷ Gran, Fonctionnement, 134.

⁸ См. Règlement concernant les corps de discipline; Legavre, стр. 32.

⁹ Arrêté royal du 19 juin 1885.

¹⁰ Legavre, стр. 2

¹¹ Régime disciplinaire; Legavre, стр. 159.

¹² Ibid., art. 1; Legavre. 158–159.

Кромѣ перечисленныхъ наказаній, въ Бельгiи къ военнoслужащимъ примѣняются наказанія лишеніемъ свободы, указанныя въ уложеніи.

Въ *Италіи* военно-уголовный кодексъ говоритъ только о двухъ видахъ военно-тюремнаго заключенія: *военная тюрьма* и *военное заключеніе* ¹.

Военная тюрьма на срокъ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года отбывается въ особыхъ ротахъ, носящихъ названіе «carcerati» ².

Военное заключеніе на срокъ до 2-хъ лѣтъ отбывается въ т. н. ротахъ «reclusi», а свыше этого срока—въ ротахъ «reclusori» ³.

Кромѣ этихъ наказаній, въ Италіи существуетъ особое дисциплинарное взысканіе—*отдача въ дисциплинарныя роты*, назначеніе которыхъ—исправлять нижнихъ чиновъ—рецидивистовъ дисциплинарныхъ нарушеній и дурного поведенія. Такихъ ротъ—всего восемь ⁴.

Германское законодательство устанавливаетъ: *цухтгаузъ*, *лишеніе свободы* и *отдача въ рабочее отдѣленіе*. Цухтгаузъ назначается по уложенію пожизненно или на срокъ отъ 1 года до 15 лѣтъ ⁵. Лишеніемъ свободы по смыслу воинскаго устава признаются: *тюрьма*, *крѣпость* и *арестъ*, при чемъ лишеніе свободы свыше шести недѣль есть тюрьма или крѣпость, ниже—арестъ ⁶.

Къ военно-тюремнымъ заведеніямъ принадлежатъ: Festungsgefängnisse, Festungs-Gefangenanstalten, Festungsstuben-Gefangenanstalten и Militärarrest-Anstalten: Garnisongefängnisse, Arrestlokale ⁷.

¹ См. выше, стр. 254.

² Такихъ ротъ въ Италіи двѣ.

³ Всего 4 роты.

⁴ Въ 1901 г. (16 марта) военный министръ ген. Санъ-Мартино внесъ въ палату депутатовъ проектъ объ уменьшеніи числа дисциплинарныхъ ротъ до 6-ти, сведенія обѣихъ ротъ „carcerati“ въ одну и сокращенія ротъ reclusi и reclusori до двухъ. См. Revue pénitentiaire. 1901 г., № 6, стр. 1075: «Réorganisation des compagnies de discipline en Italie». Въ среднемъ заключенныхъ въ годъ: дисциплинарныхъ—766, carcerati—188, reclusi—248 и reclusori—296.

⁵ § 14 уложенія.

⁶ § 16—17.

⁷ § 3 Mil.-Strafvol.-Vorsch.

Тюрьма отбывается офицерами и чиновниками въ Festungs-Gefangenanstalten, унтеръ-офицерами и рядовыми: въ Festungs-gefängniss, если наказаніе свыше 6-ти недѣль, и въ Garnisongefängniss, если срокъ менѣе ¹. *Крѣпость* отбывается въ Festungs-stuben-Gefangenanstalt ².

Арестъ домашній—простой отбывается въ жилищѣ наказаннаго ³, усиленный—въ особой арестной комнатѣ ⁴ съ лишеніемъ права принимать посѣтителей. Средній арестъ отбывается въ одиночномъ заключеніи съ лишеніемъ постельныхъ принадлежностей и съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ (черезъ каждые три дня) ⁵; высшій срокъ его — 4 недѣли. Строгій арестъ исполняется въ темной одиночной камерѣ на условіяхъ средняго ареста ⁶. Арестъ нижними чинами отбывается на военныхъ гауптвахтахъ, въ Militär-Arrestanstalten ⁷ и т. п. Домашній арестъ примѣняется къ офицерамъ, простой—къ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, средній—къ ефрейторамъ и рядовымъ и строгій — только къ рядовымъ. Рабочія отдѣленія—Arbeiter-Abtheilungen—принимаютъ дисциплинарно наказанныхъ нижнихъ чиновъ второго класса ⁸.

Въ *шведскомъ* кодексѣ установлены: каторга, тюрьма и т. н. «дисциплинарныя взысканія» ⁹.

Первыя два наказанія опредѣляются по правиламъ общеуголовнаго уложенія, при чемъ, въ случаѣ назначенія каторги за преступленія по воинскому уставу на срокъ не свыше двухъ лѣтъ или тюрьмы, наказанія отбываются въ военной тюрьмѣ ¹⁰.

Собственно воинскимъ лишеніемъ свободы являются дисциплинарныя взысканія, имѣющія три формы: арестъ безъ караула, арестъ подъ карауломъ и строгій арестъ.

Арестъ безъ караула отбывается арестованнымъ въ его собственной квартирѣ или палаткѣ, съ несеніемъ или безъ несенія

¹ Ibid., § 11, пун. 4—5.

² Ibid., § 106, пун. 1.

³ § 23 в. у. и § 16 M.-Str.-Vorschr

⁴ § 17 S.-Vorschr.

⁵ § 24—25 в. у. и § 19 M.-V.

⁶ § 26 в. у. и § 18 M.-V.

⁷ § 20, пун. 5 M.-V.

⁸ § 3 M.-V., примѣчаніе 1.

⁹ § 9.

¹⁰ §§ 12—13.

службы, при чемъ наказаніе можетъ быть усилено воспрещеніемъ принимать посѣтителей. При выступленіи въ походъ наказаніе пріостанавливается до окончанія похода.

Арестъ подѣ карауломъ отбывается въ запертомъ свѣтломъ помѣщеніи или подѣ карауломъ въ палаткѣ съ воспрещеніемъ принимать посѣтителей; исполненіе службы разрѣшается начальникомъ; арестованнымъ рядовымъ наказаніе можетъ быть усилено лишеніемъ постельныхъ принадлежностей.

Строгій арестъ исполняется въ темной одиночной камерѣ военной тюрьмы, при чемъ черезъ каждые 3 дня наказаніе прерывается на одинъ день, въ теченіе котораго арестованный находится въ свѣтломъ помѣщеніи; дни перерыва въ срокъ не зачитываются¹. Низшій срокъ ареста—одинъ день (24 часа); высшій срокъ ареста безъ караула для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ—15 дней, ареста подѣ карауломъ для офицеровъ—30 дней, для унтеръ-офицеровъ—15 дней и для рядовыхъ 10 дней, строгаго ареста—8 дней. Не назначаются: строгій арестъ—офицерамъ, арестъ безъ караула—рядовымъ².

Датскій уставъ знаетъ: *каторгу* и *лишеніе свободы*.

Подѣ каторгою понимается работа въ цухтгаузѣ (2 до 16 лѣтъ) или въ исправительномъ домѣ (6 мѣс.—6 лѣтъ), причемъ лица, приговоренныя къ каторгѣ, но обязанныя срочною службою, могутъ быть обязаны работою, полезною для арміи³. Въ качествѣ наказаній лишеніемъ свободы примѣняются:

1) *Простой арестъ*, который раздѣляется: на а) домашній, когда арестованный не смѣетъ оставлять своего жилища въ казармѣ, палаткѣ и т. п., и б) арестъ подѣ карауломъ, который отбывается въ арестномъ помѣщеніи при караулѣ. Низшій срокъ простого ареста—6 часовъ, высшій: для офицеровъ—2 мѣс., для нижнихъ чиновъ—1 мѣсяць⁴.

2) *Одиночный арестъ* есть арестъ подѣ карауломъ въ одиночной камерѣ съ лишеніемъ права курить; высшій срокъ его—60 дней⁵.

¹ §§ 16 - 19.

² § 20.

³ §§ 8 и 10 .

⁴ §§ 12—15.

⁵ § 17.

3) *Арестъ въ цѣпяхъ* бываетъ простой или строгій; въ первомъ случаѣ арестованный сковывается на одну, во второмъ—на двѣ ноги на неподвижномъ пунктѣ въ арестномъ помѣщеніи; ежедневно онъ расковывается на одинъ часъ; простой арестъ не долженъ превышать 10-ти, а строгій—5-ти дней ¹.

4) *Арестъ въ темномъ помѣщеніи* отбывается въ одиночной темной камерѣ въ тюрьмѣ или арестномъ помѣщеніи; высшій срокъ его—30 дней ².

5) При *арестѣ съ уменьшеннымъ довольствіемъ* наказанный получаетъ только горячій обѣдъ и хлѣбъ и воду ³.

6) *Заключеніе на хлѣбъ и на воду*, когда виновный не получаетъ горячей пищи, раздѣляется на простое—въ свѣтломъ помѣщеніи и строгое—въ одиночной темной камерѣ безъ постельныхъ принадлежностей ⁴; низшій срокъ заключенія—2 дня, высшій—30 дней.

7) Простой и строгій *арестъ въ крѣпости* опредѣляется на срокъ въ 6 недѣль, 1 мѣсяцъ, 2 мѣс., но не свыше 1 года ⁵.

8) Наконецъ, *исударственная тюрьма* на срокъ менѣе 1 года замѣняется для офицеровъ арестомъ въ крѣпости ⁶.

Въ *Норвегії* установлены слѣдующія формы лишенія свободы: *карательныя работы* (Strafarbeide) и *заключеніе*. Последнее отбывается или въ крѣпости (Foesting), или въ особыхъ тюрьмахъ—Tugthus, или въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ—Bodsoensel.

Карательныя работы представляютъ собою общеуголовное наказаніе и раздѣляются на вѣчныя и срочныя (отъ шести мѣсяцевъ до 18 лѣтъ); однако, норвежское право придаетъ этому наказанію специфическую особенность, если только оно назначается за нарушеніе чисто-воинскихъ обязанностей службы: въ этомъ случаѣ продолжительность его не можетъ превышать двухъ лѣтъ; если же воинское преступленіе влечетъ за собою осужденіе на большій срокъ, виновный отбываетъ наказаніе въ мѣстахъ общаго заключенія. Опредѣленіе мѣста отбытія наказа-

¹ § 18.

² § 19.

³ §§ 20—21.

⁴ §§ 22—26.

⁵ §§ 27—30.

⁶ § 34.

нія въ крѣпости, тюрьмѣ или пенитенціаріи зависитъ отъ суда, при чемъ пенитенціаріи предназначаются, главнымъ образомъ, для замѣны карательныхъ работъ, назначенныхъ на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ, лицамъ въ возрастѣ 18—30 лѣтъ, съ уменьшеніемъ срока на одну треть.

Заключеніе раздѣляется на слѣдующія формы: арестъ простой, арестъ въ крѣпости, тюремное одиночное заключеніе, заключеніе на хлѣбъ и на воду и тюрьма (morkt Foensel).

Простой арестъ примѣняется къ офицерамъ на срокъ отъ одного до 60 дней и отбывается или дома, или въ палаткѣ (Huus-arrest), или на гауптвахтѣ (Vagtarrest). Унтеръ-офицерамъ тотъ же арестъ опредѣляется до 30 и рядовымъ до 15 дней; нижніе чины отбываютъ арестъ или на гауптвахтѣ, или въ мѣстахъ военнаго заключенія.

Арестъ въ крѣпости, примѣняемый исключительно къ офицерамъ, назначается на срокъ отъ 30 дней до 180 дней и отбывается въ особо предназначенныхъ къ тому крѣпостяхъ.

Одиночное заключеніе (ensomt Foensel) назначается только нижнимъ чинамъ на срокъ отъ 5 до 90 дней, отбывается ими въ тюрьмахъ.

Заключеніе на хлѣбъ и воду (Foensel paa Vand og Brod) опредѣляется только рядовымъ и капраламъ отъ 2 до 30 дней, отбывается въ тюрьмахъ.

Morkt Foensel отбывается въ особыхъ помѣщеніяхъ въ мѣстахъ военнаго заключенія, съ лишеніемъ свѣта, постельныхъ принадлежностей и содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, срокомъ отъ 1—10 дней ¹.

Въ *Голландіи* принята слѣдующая система воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы: военное заключеніе (militaire gevangenisstraf) и военное заточеніе (militaire detentie).

Заключеніе назначается на срокъ отъ одного до 15 лѣтъ; это наказаніе можетъ быть отбываемо въ исправительныхъ домахъ, въ военныхъ тюрьмахъ или состоятъ въ принудительныхъ работахъ.

Заключеніе отбывается по системѣ совмѣстнаго заключенія въ военныхъ тюрьмахъ—militaire strafgevangenis—въ Leyde, или

¹ Gran, Fonctionnement, стр. 21—23.

по системѣ одиночнаго заключенія въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ — *cellulaire gevangenis* Амстердама, Роттердама и Утрехта.

Заточеніе назначается отъ одного до двухъ лѣтъ и отбывается или въ совмѣстныхъ арестныхъ, или превотальныхъ домахъ; при одиночномъ заточеніи опредѣляются тѣ же *cellulaire gevangenis*, при чемъ если заточеніе назначается на срокъ менѣе одного года, оно отбывается въ особыхъ тюрьмахъ, расположенныхъ въ мѣстахъ сосредоточенія войскъ.

Аресты раздѣляются: на усиленный въ темныхъ карцерахъ, арестъ въ превотальныхъ домахъ съ различными лишеніями въ пищѣ, образѣ жизни, аресты на гауптвахтѣ (*straf of politiekamer*), домашній и городской (воспрещеніе уѣзжать изъ города). Одни изъ видовъ ареста отбываются въ мѣстахъ военнаго заключенія, другіе при частяхъ войскъ ¹.

Въ Голландіи существуетъ также дисциплинарный корпусъ для нижнихъ чиновъ, поведеніе которыхъ является порочнымъ.

Австрія знаетъ только двѣ формы лишенія свободы: *керкеръ* и *арестъ*.

Заключеніе въ *керкеръ* имѣетъ два вида: простой *керкеръ*, когда осужденный отбываетъ наказаніе въ военной тюрьмѣ, и тяжкій, — когда онъ заключается въ крѣпость и содержится въ оковахъ. *Керкеръ* назначается пожизненно или на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 20 лѣтъ ². Къ нему можетъ присоединяться: уменьшеніе пищи, лишеніе постельныхъ принадлежностей, содержаніе въ одиночной или темной одиночной камерѣ, высылка изъ опредѣленныхъ мѣстъ и изгнаніе ³.

Арестъ домашній отбывается офицерами въ ихъ квартирахъ съ приставленіемъ караула или безъ такового; арестъ у профоса отбывается нижними чинами или въ квартирѣ профоса ⁴ или въ опредѣленномъ помѣщеніи; *Stockhaus-Arrest* отбывается въ камерахъ, находящихся въ зданіяхъ военныхъ судовъ ⁵.

¹ Gran, — Fonctionnement, I, 144 — 145; Legavre, Commentaires стр. 5.

² § 23—27 в. у.

³ § 36; см. выше стр. 250.

⁴ См. Vorschrift für die Militär-Gefangenhäuser, § 34.

⁵ Этотъ видъ ареста не примѣняется; см. выше, стр. 251, прим. 2.

Арестъ можетъ назначаться на срокъ отъ 24 часовъ до 6 мѣсяцевъ; онъ иногда сопровождается тѣми же придатками, какъ и керкеръ, за исключеніемъ высылки и изгнанія, но съ присоединеніемъ назначенія на работы въ лагерѣ или казармѣ, разжалованія и отставленія ¹.

Система арестовъ, какъ наказаній дисциплинарныхъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Ztations-Arrest до 30 дней для офицеровъ состоитъ въ томъ, что наказанный, продолжая нести службу, не имѣетъ права посѣщать публичныя мѣста, гостиницы, рестораны и въ свободное отъ занятій время удаляться изъ мѣста своего расположенія ².

Zimmer-Arrest для офицеровъ (до 30 дней) препятствуетъ наказанному оставлять квартиру и принимать посѣтителей ³, равно какъ и для нижнихъ чиновъ, которые во время ареста несутъ службу за рядового и назначаются на работы ⁴.

Простой (einfacher) *арестъ* (до 30 сутокъ) состоитъ въ содержаніи наказаннаго въ общемъ помѣщеніи подъ карауломъ, съ воспрещеніемъ курить табакъ, нести службу и т. п. ⁵.

Kasern-, Quartier-, Lager-Arrest (до 30 дней) влечетъ для наказаннаго воспрещеніе оставлять безъ служебной необходимости обычное мѣсто въ казармѣ, квартирѣ или лагерѣ ⁶.

При назначеніи т. н. *verschärfter'a* ареста виновный содержится въ общемъ запертомъ помѣщеніи; въ качествѣ подстилки ему служитъ солома, на него ежедневно на 6 часовъ налагаются оковы (съ промежутками черезъ каждые три дня), пища уменьшается.

Одиночный арестъ (до 21 дня) отбывается въ одиночной камерѣ при соблюденіи условій *verschärfter* ареста.

Строгий арестъ (до 15 дней) отбывается на условіяхъ одиночнаго ареста въ темной камерѣ ⁷.

Всѣ воинскія наказанія лишеніемъ свободы отбываются въ особыхъ военно-тюремныхъ заведеніяхъ. Такъ называемые *Mili-*

¹ § 77 в. у.

² П. 681. D.-Regl.

³ П. 682. D.-Regl.

⁴ П. 683. D.-Regl.

⁵ П. 684. D.-Regl.

⁶ П. 685. D.-Regl.

⁷ П. 686. D.-Regl.

tär-Strafanstalten предназначаются для наказанных кеккеромъ на срокъ выше одного года (Festungs-Strafhäuser). Для отбытія другихъ видовъ лишенія свободы, а также и для подслѣдственныхъ существуютъ т. н. Militär-Gefängnisse (Garnisons-, Brigade-Arreste). Къ нимъ также принадлежатъ Feld-Arreste ¹.

Въ *Испаніи* приняты слѣдующіе виды воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы: военное безсрочное заключеніе (reclusion militar perpetua), которое однако назначается на срокъ въ 30 лѣтъ; срочное военное заключеніе (temporal) на срокъ отъ 10 до 20 лѣтъ; военная тюрьма, которая раздѣляется на два вида: тяжкая (prison mayor) и исправительная (coreccional); первая назначается на срокъ отъ шести до десяти лѣтъ, вторая или на срокъ отъ 3 до 6 лѣтъ, или до трехъ лѣтъ; отдача въ дисциплинарную роту (destino a un guero de disciplina) и аресты ².

Турція устанавливаетъ для арміи: kurek—каторжную работу на срокъ отъ 1 до 10 лѣтъ или безсрочно; kale-bend—заточеніе въ крѣпости безсрочно или на 1—10 лѣтъ; pranga—общественныя работы на тотъ же срокъ, отбываемыя виновными военнослужащими въ особыхъ мастерскихъ, или на срокъ отъ 15 дней до 1 года въ качествѣ исправительнаго наказанія; тюрьма—habz—отъ 45 дней до 3 лѣтъ, карцеръ — temir-bend—отъ 10 дней до 6 мѣсяцевъ и арестъ—habz—отъ 1 дня до 45-ти дней ³.

Въ *Греціи* установлены: заточеніе или заключеніе въ крѣпости (en froulò phylàkisis) отъ 5 до 20 лѣтъ; заключеніе съ принудительными работами (heirktè) отъ 5 до 10 лѣтъ; общественныя работы (dèmosia érga) отъ двухъ до пяти лѣтъ и тюрьма (phylàkisis) отъ 6 дней до пяти мѣсяцевъ и аресты ⁴.

¹ Vorschrift für die Militär-Gefangenhäuser, § 2, пун. 1—3.

² Hernandez, II, 21.

³ Gran.—Fonctionnement, III, 71—74.

⁴ Gran.—ibid., стр. 50—52.

§ 59. Пенитенціарный режимъ въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ.

Система одиночнаго заключенія наиболѣе полно проведена у насъ относительно военныхъ тюремъ и тюремныхъ отдѣленій при дисциплинарныхъ частяхъ. Въ теченіе всего срока, на который назначено наказаніе, заключенный содержится въ одиночной камерѣ, гдѣ онъ занимается работами и получаетъ пищу ¹; оставленіе камеры допускается только въ случаѣ посѣщенія заключеннымъ церкви, бани, во время маршировки и гимнастическихъ упражненій, а также хозяйственныхъ работъ внутри ограды ².

Заключенные обязаны сохранять тишину; имъ воспрещаются: разговоры и всякое сношеніе другъ съ другомъ, употребленіе спиртныхъ напитковъ и табаку, имѣть при себѣ деньги, вещи и т. п. Заключенные не имѣютъ права свиданья съ посторонними и родственниками и даже переписка съ ними дозволяется только съ разрѣшенія и подъ контролемъ тюремнаго начальства, гимнастическія упражненія заключенными совершаются съ соблюденіемъ «безусловнаго молчанія» ³.

Та же система принята въ мѣстахъ арестованія нижнихъ чиновъ, которые заключаются въ отдѣльные карцеры съ воспрещеніемъ разговаривать, пѣть и сообщаться съ посторонними ⁴.

Что касается содержанія въ крѣпости, подъ видомъ заточенія или заключенія, то законъ, хотя и придерживается системы одиночнаго заключенія, но уже въ меньшемъ объемѣ. Такъ, заключенные помѣщаются въ отдѣльныя камеры; никому изъ постороннихъ не дозволяется посѣщать ея, кромѣ родственниковъ и знакомыхъ, которые съ разрѣшенія коменданта крѣпости и въ присутствіи комендантскаго адъютанта могутъ посѣщать заключеннаго одинъ разъ въ недѣлю, заключенные имѣютъ право совершать прогулки въ опредѣленномъ мѣстѣ подъ надзоромъ

¹ Св. В. П. кн. XVII, изд. 1893 г., ст. 152.

² Ст. 153, 155, и 162.

³ Ст. 156, 157 и 162.

⁴ Дисц. уст. ст. 76.

караула, кромѣ заточенныхъ, для которыхъ отводится особое мѣсто ¹.

Заключенные, какъ говоритъ законъ, обязаны «сохранять тишину» ², переписка съ знакомыми можетъ быть имъ разрѣшена комендантомъ ³.

Что касается содержанія на гауптвахтѣ и ареста для офицеровъ, то законъ допускаетъ совмѣстное заключеніе ⁴.

Система совмѣстнаго заключенія принята у насъ въ отношеніи дисциплинарныхъ батальоновъ. По положенію 1878 г. осужденные въ теченіе первыхъ двухъ недѣль по доставленіи ихъ должны были содержаться въ строгомъ одиночномъ заключеніи, а остальное время въ общихъ помѣщеніяхъ ⁵. Такой порядокъ былъ принятъ въ тѣхъ видахъ, чтобы дать имъ освоиться со своимъ положеніемъ и доставить начальству части возможность ознакомиться съ заключенными и объяснить имъ всѣ правила и требованія, установленныя въ батальонѣ ⁶. Однако, въ дѣйствующемъ положеніи этого правила уже не встрѣчается ⁷, но между тѣмъ содержится весьма неясное опредѣленіе, что «въ каждой дисциплинарной части, по рѣшенію комитета, изъ заключенныхъ *исправляющихся* образуются» строевыя части: въ батальонѣ—рота, въ ротѣ—взводъ, въ командѣ—разрядъ ⁸. Это правило, указывая на разрядъ исправляющихся, вмѣстѣ съ тѣмъ въ примѣчаніи указываетъ на возможность перехода изъ него «въ общее число заключенныхъ». Все это даетъ рядъ неясныхъ опредѣленій.

Тѣмъ не менѣе, на основаніи этого можно установить, что заключенные образуютъ собою строевую часть, расположенную казарменнымъ порядкомъ. — Исправляющіеся составляютъ только особую фракцію заключенныхъ; во все время пребыванія въ части они по возможности остаются въ тѣхъ самыхъ отдѣ-

¹ 31 Прил. къ ст. 1, прим. 2, кн. XVII, С. В. П. 1869 г. изд. 1893 г.

² Ст. 22 и 25.

³ Ст. 22.

⁴ Примѣч. къ ст. 78 дисц. уст.

⁵ Ст. 48, Пр. по в. в. 1878 г., № 139.

⁶ Аванасьевъ, стр. 125.

⁷ Пр. в. в. 1880 г., № 207.

⁸ Ст. 43.

леніяхъ, въ которыя были назначены при поступленіи; переходъ, слѣдовательно допускается только въ разрядъ исправляющихся ¹.

Такимъ образомъ, при системѣ совмѣстнаго заключенія, ниже чины классифицируются на разряды.

Заключеннымъ воспрещается игра, пѣніе и громкій разговоръ; свиданіе съ родственниками и знакомыми допускается, но въ присутствіи унтеръ-офицера, съ разрѣшенія начальника части, въ воскресные и праздничные дни, въ опредѣленный часъ, въ опредѣленной комнатѣ и по заслугамъ заключенныхъ ²; заключенные не имѣютъ права курить, имѣть деньги и переписываться безъ разрѣшенія начальника.

Заключеннымъ не разрѣшается выходить изъ мѣста расположенія дисциплинарной части, за исключеніемъ состоящихъ въ разрядѣ исправляющихся, которые съ разрѣшенія начальника части могутъ быть увольняемы со двора безъ конвоя или по своимъ подобностямъ, или по какимъ-либо служебнымъ порученіямъ начальства ³, кромѣ того, исправляющіеся обучаются одиночной стрѣльбѣ и разсыпному строю и даже могутъ быть выводимы на занятія въ составѣ той части войскъ, при которой учреждена дисциплинарная команда ⁴.

Наказанія лишеніемъ свободы во *Франціи* построены по различнымъ системамъ. Что касается заключенія въ крѣпости, то для военнослужащихъ принята система индивидуальнаго заключенія, при которой заключенные разобщаются въ отдѣльныхъ кельяхъ, но имѣютъ право на свиданіе съ посторонними лицами и съ начальствомъ крѣпости. Заключеніе отбывается въ центральныхъ домахъ, гдѣ введена система одиночнаго заключенія, которое, однако, не проводится достаточно строго. Впрочемъ, какъ заточеніе, такъ и заключеніе представляютъ собою общеуголовныя наказанія, режимъ и устройство которыхъ не преслѣдуетъ цѣлей, выставляемыхъ интересами военной службы.

Что касается мѣстъ военнаго заключенія, то законъ 1900 года устанавливаетъ слѣдующія правила ⁵.

¹ Ст. 46.

² Ст. 55.

³ Ст. 45.

⁴ Ст. 67, примѣчаніе.

⁵ Instruction sur les établissements pénitentiaires militaires. Bull. Offic. 1900 г., № 57.

Въ зависимости «отъ свойствъ каждаго изъ осужденныхъ», пенитенціарный режимъ въ prisons, pénitenciers и ateliers de travaux publics состоитъ въ совмѣстномъ производѣ работъ днемъ съ обязанностью абсолютнаго молчанія и съ одиночнымъ заключеніемъ на ночь ¹. Однако, послѣднее требованіе— не безусловно ² и всецѣло зависитъ отъ удобства и наличныхъ силъ военно-тюремнаго заведенія ³.

Военнослужащіе, находящіеся подъ стражей въ качествѣ подслѣдственныхъ, выдѣляются въ особую группу, которая подлежитъ особому режиму, наиболѣе легкому и не стѣсняющему заключенныхъ; они не принимаютъ участія въ производствѣ работъ, развѣ только сами не пожелаютъ этого, но за то несутъ нѣкоторыя обязанности въ тюрьмѣ (т. н. corvées) ⁴.

Лица, заключенныя въ prisons въ качествѣ дисциплинарнаго взыскація, подвергаются такому же режиму, какъ и находящіеся подъ арестомъ при частяхъ войскъ. Въ этихъ случаяхъ офицеры признаются арестованными въ крѣпости.

Что касается классификаціи заключенныхъ, то декретъ 26 февраля 1900 г. предписываетъ проводить границу между подвергнутыми тюрьмѣ, подслѣдственными и дисциплинарно наказанными ⁵. При этомъ въ prisons и pénitenciers осужденные подраздѣляются на двѣ категоріи:

1. Осужденныхъ къ тюрьмѣ за преступленія и проступки по общимъ уголовнымъ законамъ.

2. Осужденныхъ къ тому же наказанію за дѣянія чисто воинскія (purement militaires) ⁶.

Наконецъ, въ pénitenciers и ateliers публичныхъ работъ имѣются отдѣльныя секціи для рецидивистовъ ⁷.

Помимо этого, инструкція 10 декабря того же года предписываетъ классифицировать заключенныхъ въ зависимости отъ свойствъ тѣхъ причинъ, по которымъ они наказаны, и отъ ихъ

¹ Décret 26 fevr. 1900 г. art. 3 и instruction 10 déc. 1900 г., art. 3.

² Выдерживается въ полной мѣрѣ только въ Авиньонѣ. См. *Sortais*,— *Délits militaires*, стр. 241.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Art. 5 и 4.

⁶ Art. 5.

⁷ Art. 6.

прошлаго ¹, при чемъ указываетъ на необходимость выдѣлять изъ общаго числа наказанныхъ рецидивистовъ ².

Въ алжирскихъ частяхъ войскъ нижніе чины располагаются обыкновеннымъ казарменнымъ порядкомъ, при чемъ раздѣляются на четыре класса, въ зависимости отъ того, по какой причинѣ они доставлены въ батальоны ³.

Что касается заключенія въ дисциплинарныхъ ротахъ, то нижніе чины *стрѣлковыхъ* ротъ помѣщаются совмѣстно и несутъ строевую службу общимъ порядкомъ; наоборотъ, въ *піонерныхъ* ротахъ заключенные при отбытіи наказанія только участвуютъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, а остальное время посвящаютъ инженернымъ работамъ ⁴.

Замѣтимъ, что за послѣднее время Франція усиленно работаетъ надъ пересозданіемъ своихъ военно-пенитенціарныхъ заведеній ⁵. Общеюридическая литература не относится безучастно къ этому вопросу и удѣляетъ ему значительное вниманіе ⁶.

Въ *Германіи*, по общему правилу, въ Festungsgefängnisse установлена система совмѣстнаго заключенія, при чемъ военному министерству предоставляется опредѣлять, въ какихъ именно учрежденіяхъ наказаніе тюремю должно отбываться въ одиночномъ заключеніи ⁷.

Что касается классификаціи заключенныхъ, то первымъ и главнымъ основаніемъ для этого является признакъ «sittliche Führung», благодаря чему они раздѣляются на «sittlich Bessere» и «sittlich Schlechtere» ⁸.

Опредѣленіе того класса, куда долженъ быть зачисленъ каждый изъ поступающихъ въ тюремное учрежденіе, зависитъ отъ начальника тюрьмы, который руководствуется въ этомъ отношеніи свойствомъ совершеннаго осужденнымъ проступка, аттеста-

¹ Art. 2.

² Ibid.

³ Art. 2 Instruction (Bul. Offic. 1899 г. стр. 1226) и décret (8 сентября 1899 г.) art. 1.

⁴ См. Décret 5 juill. 1890 (Bul. de lois, 291 стр.).

⁵ Появленіемъ закона 1900 года отмѣненъ длинный рядъ самыхъ новѣйшихъ законоположеній 1896, 1898 гг. и даже нѣсколько циркуляровъ 1900 года.

⁶ См. рядъ статей въ Revue pénitentiaire за 1898, 1899, 1901 и 1902 г.

⁷ Mil.-Str.-Vorschr., стр. 82, примѣч.

⁸ M.-S.-V., § 77, п. 1.

цією о его поведеніи, полученной изъ части войскъ, и прежнимъ поведеніемъ его до поступленія на службу ¹. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ приговоренные къ заключенію въ военно-тюремное заведеніе, съ присоединеніемъ правопоражающихъ послѣдствій, обязательно поступаютъ въ классъ дурныхъ ².

«Дурные» помѣщаются непременно отдѣльно отъ хорошихъ и, по общему правилу, въ одиночныя камеры ³; эта классификація должна быть выдержана при всѣхъ обстоятельствахъ тюремнаго образа жизни и даже при производствѣ работъ, чтобы вліяніе ихъ не сказалось на поведеніи «хорошихъ» ⁴.

Что касается арестованныхъ нижнихъ чиновъ, то законъ предписываетъ содержать ихъ въ одиночныхъ камерахъ. Рабочія отдѣленія построены по системѣ совмѣстнаго заключенія.

Въ *Голландіи* каждое изъ воинскихъ наказаній отбывается или по одиночной, или по совмѣстной системѣ, въ зависимости отъ характера преступленія и тяжести наказанія; виновный отправляется въ военную тюрьму (*militaire strafgevangenis*), если онъ приговоренъ къ совмѣстному заключенію, и въ арестный или превотальный домъ, если приговоренъ къ заточенію ⁵.

Одиночное заключеніе и заточеніе отбывается въ особыхъ пенитенціарныхъ заведеніяхъ (*cellulaire gevangnissen*).

Въ *Даніи* одиночное заключеніе примѣняется только къ приговореннымъ къ *Strafarbeide*, которые отбываютъ это наказаніе въ одиночныхъ кельяхъ въ *Forbedringshus'*ахъ ⁶.

Совершенно особыя черты носить режимъ въ дисциплинарномъ корпусѣ въ *Бельіи* ⁷.

Состоящіе въ дисциплинарныхъ ротахъ, т. н. «*disciplinaires*»,

¹ Ibid., п. 2.

² Ibid.

³ § 104, M.-S.-V.

⁴ § 77, п. 3. M.-S.-V.

⁵ G r a n, Fonctionnement, I стр. 144—145.

⁶ G r a n, ibid., стр. 39—41.

⁷ См. Arrêté royal du 1 septembre 1886, Règlement concernant le corps de discipline et de correction.

раздѣляются на два класса: 1) обязанныхъ и 2) не обязанныхъ принудительными работами.

Заключенные въ ротахъ исправительныхъ—«*correctionnaires*»—подраздѣляются на три класса:

1. Классъ испытуемыхъ (*class d'épreuve*), гдѣ состоятъ всѣ вновь поступившіе нижніе чины, а также и тѣ лица, которыя почему-либо будутъ переведены сюда изъ другихъ классовъ ¹.

2. Классъ награжденныхъ (*classe de récompense*), куда переводятся тѣ изъ *correctionnaire*'овъ, которые хорошимъ поведеніемъ въ предшествующемъ классѣ засвидѣтельствовали «раскаяніе и исправленіе».

3. Классъ наказанныхъ (*classe de punition*) вмѣщаетъ тѣхъ изъ *correctionnaire*'овъ, поведеніе которыхъ признается дурнымъ ².

Роты по возможности образуются изъ *correctionnaire*'овъ, принадлежащихъ къ одному и тому же классу. Однако, если обстоятельства требуютъ образовать роту изъ людей разныхъ классовъ, эти послѣдніе должны отдѣляться одинъ отъ другого ³.

Во всякомъ случаѣ, поступающіе въ исправительную роту *вторично* отдѣляются отъ всѣхъ остальныхъ ⁴:

Испытанія для перевода въ высшіе классы производятся ежемѣсячно, хотя это и не исключаетъ возможности отправить переведеннаго въ низшій классъ дисциплинарнымъ порядкомъ. Переводъ въ высшій классъ, по представленію командира роты, утверждается командиромъ корпуса ⁵, на основаніи письменныхъ данныхъ о поведеніи заключеннаго.

Correctionnaires переходятъ въ классъ *de récompense* черезъ 3 мѣсяца нахожденія въ классѣ испытуемыхъ и черезъ 4 мѣсяца если заключенные—рецидивисты ⁶. Эти же условія соблюдаются для перевода изъ класса *de punition* въ классъ *d'épreuve* ⁷. Эти, періоды (въ 3 и 4 мѣсяца) являются минимальными и не связываютъ тюремное начальство, но только въ отношеніи *correctionnaires* ⁸.

¹ Art. 72, *ibid*.

² *Ibid*.

³ Art. 73.

⁴ *Ibid*.

⁵ Art. 75.

⁶ Art 76.

⁷ Art. 77.

⁸ Art. 78

Крики, пѣніе, игры и танцы воспрещаются заключеннымъ ¹; они не имѣютъ права держать при себѣ деньги. Состоящіе въ классѣ испытуемыхъ и награжденныхъ могутъ курить въ часы отдыха и на воздухѣ ².

Въ ротахъ — дисциплинарныхъ и исправительныхъ — установлена система совмѣстнаго заключенія, при чемъ одиночныя камеры являются въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы можемъ придти къ выводу, что система одиночнаго заключенія принята во всѣхъ государствахъ при краткосрочномъ лишеніи свободы; наоборотъ, — при долгосрочномъ установлена система заключенія совмѣстнаго, съ обязанностью для заключенныхъ нести строевую службу.

§ 60. Военно-тюремныя работы.

Значеніе и виды тюремныхъ работъ.—Тюремныя работы могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія фискальной, карательной и исправительной. Первая изъ нихъ въ современныхъ государствахъ мало-по-малу исчезаетъ, зато выдвигается значеніе двухъ остальныхъ.

Работа, какъ одно изъ средствъ устрашительнаго воздѣйствія, имѣетъ цѣлью сдѣлать изъ тюрьмы страданіе, лишеніе, зло. Ради этого карательная власть учреждаетъ особую систему работъ, безотносительно къ ихъ характеру: выбираетъ работы наиболѣе тяжкія, мучительныя для человѣка и въ то же время непріятныя ³.

¹ Art. 90.—91.

² Art. 93.

³ Въ англійскихъ военныхъ тюрьмахъ въ 70-хъ годахъ практиковалось перекладываніе ядеръ, которое производилось слѣдующимъ образомъ: арестанты становились рядами на тюремномъ дворѣ; передъ каждымъ лежало двадцати-фунтовое ядро. По командѣ они наклонялись, брали ядра, поворачивались налѣво кругомъ, дѣлали шагъ впередъ и клали ядра. По новой командѣ снова брали ядра, поворачивались и т. д. Такое занятіе продолжалось по полтора часа утромъ и вечеромъ. Анненковъ, Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы. 1873 г. стр. 52; Курочкинъ. Одиночное заключеніе, В. Сб. 1897. 8. стр. 272—273.

Такъ въ Римѣ военнослужащіе были принуждаемы *cespitem portare* и т. п. Въ этихъ наказаніяхъ еще замѣчается смѣшеніе фискальныхъ и карательныхъ началъ, хотя виновные и исполняютъ обычную военную работу—возведеніе окоповъ, ношеніе дерна, рытье канавъ и т. п. Такимъ образомъ, по характеру работы оставались военными, но вмѣстѣ съ тѣмъ были самыми тяжелыми и непріятными.

Впослѣдствіи государство уже отказывается отъ фискальныхъ цѣлей и выдвигаетъ цѣли чисто карательныя: появляются галеры, *boulet*, *katorpa*.

Наконецъ, государство приходитъ къ убѣжденію въ необходимости и полезности тюремной работы для заключенныхъ бродягъ, попрошайекъ и т. п.; впослѣдствіи къ работамъ привлекаются вообще заключенные, чтобы дать имъ возможность, посредствомъ приученія къ производительному труду, вступать по выходѣ изъ тюрьмы въ классъ честныхъ работниковъ.

Однако, вопросъ о необходимости и характерѣ работъ въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ остается пока еще открытымъ. Въ литературѣ имѣется небольшое сочиненіе по военному тюремовѣдѣнію Vidal'я, который устанавливаетъ положеніе ¹, что, если въ общегражданскихъ тюрьмахъ трудъ полезенъ, то въ военныхъ — необходимъ, и именно такой трудъ, который соотвѣтствуетъ цѣлямъ сохраненія и увеличенія физическихъ силъ заключенныхъ, чтобы, выходя изъ тюрьмы, они снова могли встать подъ знамена.

Намъ кажется, что вопросъ этотъ гораздо сложнѣе и не можетъ быть разрѣшенъ безъ теоретическихъ основаній, чего не дѣлаетъ указанный авторъ.

Трудъ, какъ карательный придатокъ лишенія свободы, имѣетъ право на существованіе въ военныхъ тюрьмахъ, но съ длиннымъ рядомъ оговорокъ. Если военнослужащему, послѣ отбытія наказанія, не придется вернуться на службу, если вмѣстѣ съ заключеніемъ онъ присуждается къ исключенію изъ военнаго вѣдомства и службы—вопросъ о необходимости принудительныхъ работъ всецѣло передается въ руки общаго тюремовѣдѣнія, такъ какъ судьба заключеннаго и его способность къ службѣ уже не интересуютъ болѣе арміи. Другое дѣло, если во время заключенія

и послѣ него виновный продолжаетъ оставаться военнотрудовымъ.

Работа военнотрудового въ арміи сводится къ двумъ видамъ: трудовому труду и труду хозяйственному. Первый — неотъемлемая необходимость военного дѣла, второе — явленіе допустимое. Если военнотрудовой несетъ наказаніе — въ интересахъ государства и арміи необходимо, чтобы онъ продолжалъ заниматься трудовымъ трудомъ; ради этой цѣли, всѣ военно-тюремныя заведенія краткосрочны или построены по системѣ совмѣстнаго заключенія съ естественной классификаціей заключенныхъ по трудовому уставу; такимъ образомъ, они стремятся или оторвать военнотрудового на самый короткій срокъ, или и въ заключеніи заниматься его по-прежнему трудовой работой.

Чтобы достигнуть карательнаго значенія, трудовой трудъ долженъ отличаться большею интенсивностью, въ сравненіи съ трудами въ арміи, т. е. занятія должны продолжаться больше времени, чѣмъ въ строю, по характеру быть труднѣе и т. п.

Съ точки зрѣнія исправительнаго воздѣйствія, гражданская тюрьма имѣетъ цѣлью приучить заключеннаго къ труду, выпустить его въ общество съ большими силами для борьбы съ преступностью, отучить его отъ бездѣлья¹. Что касается тюрьмы военной, цѣль которой—приучить виновнаго къ требованіямъ военной службы, сдѣлать его болѣе способнымъ приводить въ соотвѣтствіе свои побужденія съ требованіями воинскаго правопорядка, то единственно цѣлесообразнымъ представляется организовать тюрьму именно такъ, чтобы посредствомъ труда, съ одной стороны, и другихъ мѣръ тюремной дѣятельности—съ другой, развить въ заключенномъ способность приспособляться къ условностямъ военной службы. А для достиженія этого, какъ кажется, требуется тотъ же трудовой трудъ, та же трудовая служба и обстановка, усиленная, въ виду достиженія тѣхъ же цѣлей, и лишенная преимуществъ, которыми пользуются непопеченные военнотрудовые. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ производительнъ трудъ въ тюрьмѣ, онъ не можетъ конкурировать съ трудомъ военнымъ, и положеніе, что занятія земледѣліемъ, сапожнымъ или другими мастерствами не воспитываютъ военнотрудового къ воспріятію обязанности

¹ Фойницкій, 363.

подчиненія правопорядку, а слѣдовательно и не будутъ содѣйствовать правоохранѣ,—не нуждается въ доказательствахъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія карательной и исправительной, военная тюрьма должна занимать своихъ сидѣльцевъ единственно полезнымъ для нихъ строевымъ трудомъ.

Что касается примѣненія военной тюрьмы въ случаяхъ совершенія военнотруженикомъ общихъ проступковъ, то и здѣсь вполне возможенъ тотъ же строевой трудъ, примѣняемый къ заключенному въ цѣляхъ карательнаго свойства; къ тому же, совершая общее преступленіе, военнотруженикъ не перестаетъ быть таковымъ, почему представляется цѣлесообразнымъ, по выходѣ его изъ тюрьмы, дать ему способность подчиняться требованіямъ закона. Это положеніе получаетъ законодательную регламентацію во французскомъ декретѣ 26 февр. 1900 г., который, раздѣляя заключенныхъ на двѣ группы: осужденныхъ за воинское и общее дѣяніе ¹, устанавливаетъ для каждой изъ нихъ совершенно особый карательный режимъ ².

Однако, выдвигая значеніе строевыхъ работъ, мы вовсе не ограничиваемъ тѣмъ самымъ кругъ военно-тюремнаго труда.

Съ точки зрѣнія экономіи государства необходимо, чтобы заключенные подвергались хозяйственнымъ работамъ по тюрьмѣ, но эти работы имѣютъ только экономическое значеніе и въ задачи карательной дѣятельности не входятъ.

Иначе стоитъ вопросъ о всякихъ другихъ работахъ: мастерскихъ, земледѣльческихъ и т. п., все значеніе которыхъ исчерпывается карательнымъ содержаніемъ и фискальными цѣлями.

Такимъ образомъ, въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ можетъ быть установленъ обязательный *строевой* трудъ въ цѣляхъ чисто-исправительныхъ, трудъ *хозяйственный*—въ цѣляхъ экономическихъ и *всякій другой* трудъ—въ цѣляхъ карательныхъ.

Что касается вопроса о приисканіи тюремной работы, то рѣчь можетъ идти исключительно о работахъ карательнаго значенія. Эти послѣднія доставляются или хозяйственною системою, путемъ полученія заказовъ отъ военнаго же вѣдомства, которое при этомъ достигаетъ и экономическихъ цѣлей, или путемъ подрядовъ (какъ напр. у насъ и во Франціи начальнику тюрьмы

¹ См. выше. стр. 423.

² Art. 5.

разрѣшается принимать и частныя работы ¹; однако, нашъ законъ, расширивъ понятіе хозяйственныхъ работъ и допустивъ возможность принятія заказовъ отъ частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ экономическаго или даже карательнаго труда, сдѣлалъ трудъ чисто фискальнаго свойства; конечно, это не можетъ быть оправдываемо цѣлесообразностью наказанія, такъ какъ самая цѣль лежитъ внѣ устрашенія или извлеченія изъ преступника выгодъ).

Продолжительность военно-тюремной работы опредѣляется различно, но имѣя въ виду, что тюрьма должна приучить заключеннаго къ требованіямъ службы, она должна какъ можно чаще предъявлять эти требованія и гарантировать ихъ исполненіе; посредствомъ этого можно достигнуть цѣлей исправленія.

Однако, вслѣдствіе того, что сумма благъ должна быть менѣе для заключеннаго, нежели для свободнаго военнослужащаго, время работы въ тюрьмѣ по необходимости является болѣе продолжительнымъ; въ этомъ заключается невыгодное для виновнаго послѣдствіе, которое является для него лишеніемъ или страданіемъ, безъ котораго немыслимо наказаніе.

Что касается вознагражденія за военно-тюремный трудъ, то исполнявшіе работу (не строевую) вознаграждаются въ размѣрѣ той или другой части платы, при чемъ плата можетъ быть выдана имъ не ранѣе выбытія изъ заключенія, дабы не создавать тѣмъ различія въ положеніи работавшихъ и неработавшихъ.

Такъ какъ строевой трудъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ средствъ тюремнаго воспитанія, то вопросъ о немъ долженъ занять мѣсто при разсмотрѣніи мѣръ, направленныхъ къ исправленію виновнаго. Въ этомъ-то именно и заключается колоритная особенность военно-тюремнаго строевого труда.

Строевыя занятія заключенныхъ могутъ производиться въ томъ же объемѣ, какъ и въ частяхъ войскъ, или по измѣненной программѣ.

Современныя государства или устраиваютъ изъ военно-тюремныхъ учреждений, въ сущности, тѣ же строевыя части, съ тою же программой и продолжительностью занятій, какъ напр. въ африканскихъ батальонахъ пѣхоты, или рекомендуютъ различныя учебныя занятія, въ зависимости отъ поведенія заключен-

¹ Ст. 71, примѣч.

наго и степени его безопасности, или наконецъ, сокращаютъ строевыя работы до minimum'a, заставляя заключенныхъ упражняться только такими строевыми приѣмами, которые не требуютъ ни особыхъ средствъ, ни орудій.

Въ зависимости отъ поведенія заключеннаго и степени его безопасности, въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ устанавливается раздѣленіе строевыхъ работъ по ихъ содержанію: на общія—для всѣхъ заключенныхъ и особыя—для исправляющихся.

Къ первому роду относятся: гимнастическія упражненія, маршировка, имѣющія исключительно въ виду цѣли гигиены, а также и нѣкоторыя изъ строевыхъ упражненій; ко второму роду принадлежатъ занятія съ ружьемъ и строемъ вообще.

Законодательство о военно-тюремныхъ работахъ. — Вопросъ о необходимости и свойствахъ военно-тюремныхъ работъ разрѣшается законодательствомъ неодинаково.

Такъ, наши дисциплинарные батальоны знаютъ только строевой и хозяйственный трудъ, который охватываетъ собою и ремонтное исправленіе зданій и всевозможныя постройки бѣлья, одежды и т. п.¹ Состоящіе въ разрядѣ исправляющихся занимаются одиночнымъ, шереножнымъ, взводнымъ и ротнымъ ученіемъ, одиночною стрѣльбою и разсыпнымъ строемъ; однако, полное снаряженіе имѣется по штатному числу заключенныхъ. Продолжительность работъ въ дисциплинарныхъ частяхъ производится согласно существующихъ въ войскахъ правилъ.

Въ нашихъ одиночныхъ военныхъ тюрьмахъ обязательны: гимнастика, маршировка и хозяйственныя работы; мастеровыя работы производятся въ свободное время и состоятъ въ шитьѣ сапогъ, бѣлья, платья и т. п. Трудъ хозяйственный производится внѣ камеръ, мастеровыя работы—въ камерахъ. Законъ требуетъ, чтобы работы по своему характеру были удобны, безвредны и могли быть производимы безъ большого числа инструментовъ².

Заключенные въ крѣпости не подлежатъ обязательнымъ работамъ и занимаются ими по желанію³.

Арестованные могутъ быть привлекаемы къ несенію только

¹ См. 160.

² С. В. П., кн. XVII, ст. 162—164.

³ Ст. 25.

строевыхъ обязанностей. Это правило относится къ лицамъ, подвергнутымъ домашнему и простому арестамъ ¹.

Точно также и во *Франціи* въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ предписывается производить такія работы, которыя не причиняютъ вреда здоровью осужденныхъ, и не угрожаютъ опасностью для зданій и порядка въ тюрьмѣ ².

Административный совѣтъ заведенія, по соглашенію съ предпринимателемъ, составляетъ проектъ работъ (смѣту), который представляется на разсмотрѣніе въ военное интендантство ³, для утвержденія затѣмъ военнымъ министромъ или генералами, командующими дивизіями въ *Африкѣ* ⁴.

Наблюденіе за работами возлагается на *surveillants*, которые не выпускаютъ заключенныхъ изъ мастерскихъ, не позволяютъ входить туда заключеннымъ изъ другихъ мастерскихъ, слѣдятъ, чтобы рабочіе не выносили предметовъ и инструментовъ ⁵.

Въ каждой мастерской предприниматель (*entrepreneur*) можетъ предложить начальству тюрьмы назначить одного изъ заключенныхъ, отличающагося знаніемъ и прилежаніемъ къ работѣ на должность *chef d'atelier* ⁶.

Entrepreneur обязанъ въ теченіе пяти дней внести плату за произведенныя работы въ казначейство. Вознагражденія заключеннымъ не выдается, но по выходѣ изъ тюрьмы имъ уплачивается 15%₀ заработаннаго въ зависимости отъ количества труда, работоспособности и «*leur bonne volonté*» ⁷.

Въ однихъ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ установлена эта система подрядовъ, въ другихъ—поставки въ казну ⁸.

Опредѣленіе свойства и характера военно-тюремныхъ работъ можетъ быть передано на усмотрѣніе властей; эти работы произво-

¹ Всеподданнѣйшій докладъ комиссіи по пересмотру дисциплинарнаго устава.

² Instruction 10 дек. 1900 г., art. 177.

³ Ibid.. § 178.

⁴ Art. 179.

⁵ Art. 180.

⁶ Art. 182.

⁷ Art. 190—191, 193.

⁸ Sortais—Délits militaires, стр. 241—243

Н. Ф а л ѣ в ѣ в ѣ . Цѣли воинскаго наказанія.

дятся въ интересахъ различныхъ частей военнаго министерства, или другихъ министерствъ, или даже общинъ ¹.

Производство работъ, за исключеніемъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства, возлагается обязательно на всѣхъ нижнихъ чиновъ ², при чемъ подслѣдственные, обвиняемые и наказанные дисциплинарно вовсе освобождаются отъ работъ ³ и могутъ заниматься ими только по желанію.

Число рабочихъ часовъ въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ измѣняется: въ январѣ, февралѣ, ноябрѣ и декабрѣ: утромъ отъ 8—11 ч., днемъ отъ 12 до 3 и вечеромъ отъ 3¹/₄—7¹/₄, въ мартѣ и октябрѣ отъ 7—11, 12¹/₂—3, 3¹/₄—6³/₄, въ остальное время года отъ 6—11, 1—3 и 3¹/₄—6¹/₂ час. ⁴

Въ пяти батальонахъ легкой африканской пѣхоты нижніе чины ⁵ живутъ въ обыкновенной казарменной обстановкѣ и исполняютъ хозяйственныя и строевыя работы ⁶.

Что касается состоящихъ въ дисциплинарныхъ ротахъ, то люди стрѣлковыхъ ротъ занимаются военными упражненіями въ полной почти мѣрѣ; піонеры, наоборотъ, производятъ главнымъ образомъ фортификаціонныя работы и только отчасти занимаются строевыми упражненіями ⁷.

Изъ вышеизложеннаго видно, что во Франціи строевому труду отведено очень незначительное мѣсто ⁸.

¹ Instruction, art. 197.

² Instruction, art. 73.

³ Ibid.

⁴ Instruction, art. 61.

⁵ Какъ ихъ называютъ «zéphyrs» или «joyeux». Sortais, 200.

⁶ См. Revue pénitentiaire, 1896, стр. 489, докладъ Saleilles.

⁷ Ироническое прозваніе, чуть ли не признанное официально, — «biribi». Въ послѣднее время эти части породили громадную литературу. См. особенно Fix. — Zéphyrs. disciplinaires et camisards (Revue de Paris, 1898, septembre); Larcher et Olier, Institutions pénitentiaires de l'Algérie; Dubois-Desaulle. Camisards, peaux de lapins et cocos, corps disciplinaires de l'armée française, 1901; Revue pénitentiaire, 1898 г., стр. 145 и 915. 1901 г. стр. 1587. 1902 г. стр. 334, мою статью «Тѣлесныя наказанія во французской арміи» 1902 года.

⁸ Въ 1901 году полковникъ Guatey сдѣлалъ въ интернаціональномъ конгрессѣ коммерческой географіи докладъ относительно характера работъ солдатами, наказанными и сосланными въ колоніи. См. Revue pénitentiaire, 1901 г. стр. 401—404.

Въ *Германіи* заключенные военнослужащіе могутъ подлежать какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ работамъ ¹. Первыя производятся въ интересахъ экономіи частей войскъ, учреждений и заведеній ² и состоятъ въ изготовленіи одежды, снаряженія и т. п. Внѣшнія работы должны отвѣчать «Ehrgefühl» заключенныхъ; онѣ производятся на артиллерійскихъ складахъ, въ укрѣпленіяхъ ³ и т. п.

Продолжительность работъ опредѣляется инспекторомъ; она не можетъ превышать лѣтомъ 11-ти и зимой 9 часовъ, включая сюда и время, потребное на производство строевыхъ упражненій ⁴.

Унтеръ-офицеры, равно какъ и заключенные въ одиночныхъ камерахъ, могутъ быть обязываемы производствомъ работъ только въ предѣлахъ тюремной ограды ⁵.

Вознагражденіе за трудъ начинается для заключеннаго только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня начала срока наказанія и колеблется въ предѣлахъ отъ 1 до 10 пфениговъ ⁶.

Въ *Бельіи* заключенные въ исправительныя и дисциплинарныя роты занимаются трудомъ—строевыми ⁷ и хозяйственными упражненіями по меньшей мѣрѣ 12 часовъ въ день. Первый изъ нихъ по своему содержанію соотвѣтствуетъ занятіямъ въ пѣхотныхъ частяхъ войскъ ⁸. *Correctionnaires* и *disciplinaires*, обязанные принудительными работами нестроевого характера, не принимаютъ участія въ строевыхъ занятіяхъ, за исключеніемъ понедѣльника. *Correctionnaires* класса награжденныхъ участвуютъ ежедневно только въ одномъ какомъ-либо упражненіи ⁹. *Disciplinaires* въ теченіе по меньшей мѣрѣ первыхъ трехъ, а рециди-

¹ § 89 Mil.-Str.-Vorschr.

² § 90 *ibid.*

³ § 91 *ibid.*

⁴ § 92 *ibid.*

⁵ § 93—94.

⁶ См. Bestimmungen über den Arbeitsbetrieb in den Festungsgefängnissen, Anlage 11 къ § 96 M.-Str.-Vorschr.

⁷ «Exercices» см. art. 49 arrêté royal du 1 sept. 1886.

⁸ *Ibid.*, art. 55.

⁹ Art. 57.

висты—четырехъ мѣсяцевъ обучаются первоначальнымъ военнымъ упражненіямъ ¹.

Нестроевыя (хозяйственныя и др.) работы возлагаются на disciplinaires черезъ три мѣсяца послѣ ихъ вступленія въ роту и на correctionnaires изъ класса награжденныхъ. Эти работы могутъ быть внѣшними и внутренними; изъ числа послѣднихъ особымъ значеніемъ пользуются т. н. emplois de faveur: должности лазаретной прислуги, цирюльниковъ, поваровъ и т. п. ². Классъ испытуемыхъ на работы можетъ быть назначенъ только по исключенію ³.

Къ работамъ, по общему правилу, нижніе чины назначаются только по представленію командира роты, утвержденному командиромъ исправительнаго корпуса ⁴.

§ 61. Военно-тюремное образованіе.

Образованіе интеллектуальное.—Совокупность мѣръ, направленныхъ къ поднятію умственнаго уровня заключеннаго, составляетъ систему тюремнаго образованія.

Вопросъ о необходимости тюремнаго образованія долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ. Поднятіе умственнаго уровня составляетъ вообще одну изъ задачъ военной службы. Озабочиваясь улучшеніемъ арміи и развитіемъ образованія въ ней, государство принимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать военнослужащаго возможно болѣе способнымъ «къ воспринятію впечатлѣній и къ переработкѣ ихъ въ представленія» и такимъ образомъ улучшить составъ арміи. Наше время признаетъ аксіомою, что грамотный нижній чинъ представляетъ собою наилучшее оружіе въ современной войнѣ, когда успѣхъ ея, главнымъ образомъ, зависитъ отъ стрѣлка, сознательно владеющаго своимъ оружіемъ. Въ этихъ цѣляхъ государство даетъ въ распоряженіе арміи громадныя средства на устройство военныхъ школъ и развитіе образованія въ войскахъ.

¹ Art. 58.

² Art. 113.

³ Art. 114.

⁴ Art. 115.

Если военнослужащій, отбывая военно-тюремное заключеніе, продолжаетъ оставаться таковымъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что и въ заключеніи онъ долженъ продолжать начатое имъ образованіе. Однако, здѣсь возможны вопросы по поводу того, удобно ли и полезно ли продолжать образованіе и въ тюрьмѣ и не создаетъ ли это своего рода приманку для преступниковъ? Возраженія такого рода уже встрѣчаются въ отношеніи тюремнаго образованія вообще ¹, но они едва ли примѣнимы къ образованію въ военной тюрьмѣ. Противники образованія указываютъ, что тюрьма, такимъ образомъ, создаетъ привиллегію для заключеннаго въ сравненіи съ гражданами; военная тюрьма, наоборотъ, продолжаетъ только начатое уже дѣло, не создавая для заключеннаго никакой привиллегіи. Полезно ли образованіе въ военной тюрьмѣ—составляетъ вопросъ, входящій въ сферу цѣли самаго наказанія, и если статистическія данныя не доказываютъ большей способности противостоять противоправнымъ побужденіямъ со стороны болѣе образованнаго лица, однако поднятіе умственнаго уровня заключеннаго служить болѣе надежнымъ ручательствомъ тому, что правовыя положенія—эти искусственныя военно-служебныя нормы—будутъ легче воспринимаемы имъ, а слѣдовательно и лучше выполняемы.

Заговоривъ о необходимости военнаго образованія, слѣдуетъ остановиться на выясненіи одного весьма существеннаго обстоятельства, которое, какъ оно представляется съ перваго взгляда, можетъ служить самымъ вѣскимъ доказательствомъ того положенія, что, въ интересахъ правоохраны, образованіе вообще и грамотность въ частности не должны имѣть мѣста въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, а отсюда недалеко будетъ и до признанія, что воинскій правопорядокъ является болѣе обезпеченнымъ при отсутствіи грамотныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если данныя статистики доказываютъ, что общая преступность стоитъ въ обратномъ отношеніи къ умственному развитію населенія, то данныя статистики военно-тюремнаго дѣла убѣждаютъ, что военная преступность тѣмъ больше, чѣмъ богаче армія грамотными людьми ².

Если взять для сравненія числа грамотныхъ и неграмотныхъ, поступающихъ въ наши дисциплинарныя батальоны и роты за

¹ lebb, Report of the discipline and management of the convict prisons for 1851, стр. 52 (Фойницкій).

² См. отчеты военнаго министерства.

какой-либо годъ ¹, то мы получимъ указаніе на соотношеніе грамотности и военной преступности, такъ какъ названное наказаніе главнымъ образомъ имѣетъ примѣненіе къ нарушителямъ воинскаго правопорядка.

	Высш. образованія.	Средняго.	Низшаго.	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ
1891 г.	1	11	135	2,839	2,393
1892 г.	1	13	188	3,218	1,694
1893 г.	1	14	146	2,939	2,033
1894 г.	—	30	199	2,572	2,597
1895 г.	—	17	242	2,071	2,093
1896 г.	—	13	207	2,050	2,217
1897 г.	—	11	217	2,739	1,825
1898 г.	—	13	249	2,841	2,059
1899 г.	—	8	284	2,963	2,403
1900 г.	—	10	376	2,650	2,539

Такимъ образомъ, преимущественное положеніе занимаютъ лица, или получившія образованіе, или только грамотныя.

Однако, выводить отсюда, что образованіе—вредно, представляется невозможнымъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ собою нѣчто другое. Въ общегражданской жизни условно-преступныхъ дѣяній сравнительно немного, въ обстановкѣ военнаго быта—они занимаютъ господствующее положеніе. Эти послѣднія представляютъ собою нарушеніе особыхъ служебныхъ отношеній къ арміи, казенному имуществу, подчиненнымъ и др. Субъектами этихъ отношеній являются обыкновенно военнослужащіе, облеченные властью, преимуществами, правами, отвѣтственностью, въ качествѣ которыхъ всегда выступаютъ грамотныя и болѣе развитыя лица. Они-то и даютъ главный контингентъ нарушителей воинскаго правопорядка.

Съ другой стороны, изъ данныхъ нашей статистики вытекаетъ, что превалирующее число грамотныхъ только немногимъ

¹ Отношеніе грамотныхъ и неграмотныхъ въ среднемъ за предшествовавшіе годы одинаково.

отличается отъ числа неграмотныхъ; а это заставляетъ признать, что выставленное выше положеніе о безполезности или вредѣ образованія не имѣетъ за собой вѣроятія и не можетъ быть принято за основаніе для разрѣшенія вопроса объ образованіи военно-тюремномъ.

Такимъ образомъ, необходимость военно-тюремнаго образованія вызывается, съ одной стороны, характеромъ военной тюрьмы, какъ наказанія, при которомъ виновный не перестаетъ быть военнослужащимъ, съ другой—цѣлями этого наказанія, стремленіемъ достигнуть исправленія заключеннаго, которое легче достижимо въ отношеніи болѣе развитыхъ лицъ.

Что касается военного законодательства современныхъ государствъ, то, за незначительными исключеніями, оно повсюду признаетъ необходимость образованія военнослужащихъ.

Интеллектуальное образованіе въ военной тюрьмѣ дается не всѣмъ заключеннымъ и не всѣмъ въ равной мѣрѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, военнослужащіе, занимающіе въ арміи командное (офицерское) положеніе, предполагающее уже извѣстную степень образованія, не нуждаются въ интеллектуальномъ образованіи, по крайней мѣрѣ, настолько, какъ нижніе чины; поэтому нигдѣ тюремнаго образованія въ отношеніи офицеровъ и чиновниковъ не существуетъ.

Наоборотъ, нижніе чины представляютъ собою учащійся элементъ. Программа преподаванія въ военныхъ, обыкновенно, краткосрочныхъ мѣстахъ заключенія не можетъ быть слишкомъ обширною и ограничивается, по общему правилу, чтеніемъ, письмомъ и ариѳметикой.

Обращаясь къ дѣйствующему законодательству у насъ, мы видимъ, что тюремное образованіе установлено для дисциплинарныхъ батальоновъ и военной тюрьмы: ст. 64 положенія, между прочимъ, указываетъ ¹, что заключенные обучаются грамотѣ и «подготовительнымъ занятіямъ», которыя производятся въ опредѣленные по расписанію часы, на основаніи существующихъ на этотъ предметъ въ войскахъ правилъ ²; согласно ст. 15, обученіе возлагается на самого ротнаго командира. Въ военныхъ тюрь-

¹ Пун. 3.

² Ст 70

махъ заключенные занимаются «чтеніемъ учебныхъ книгъ» въ своихъ камерахъ ¹.

Такимъ образомъ, въ дисциплинарныхъ частяхъ заключенные продолжаютъ свое образованіе, начатое въ строю и вполнѣ соотвѣтствующее ему по программѣ; что касается военной тюрьмы, то, въ виду ея краткосрочности, тамъ разрѣшается только чтеніе книгъ, но не образованіе.

Во *Франціи* дѣло образованія поставлено значительно лучше. Въ силу декрета 26 февраля 1900 г., въ каждомъ пенитенціарномъ заведеніи учреждается *школа* для первоначальнаго образованія, но не всѣхъ заключенныхъ, а только тѣхъ, кто уже умѣетъ читать и писать ².

Эта школа функціонируетъ, въ силу инструкціи ³, только въ томъ случаѣ, если число обучающихся превышаетъ пять чело-вѣкъ. Курсъ обученія заключается въ чтеніи, письмѣ и начаткахъ ариѳметики. Уроки происходятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Руководителемъ является главный учитель (*moniteur général*); въ случаѣ, если бы число учениковъ потребовало бы усиленіе учительскаго персонала, *moniteur'u* предоставляется право избирать среди заключенныхъ одного или нѣсколькихъ помощниковъ. Урокъ долженъ происходить, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе часа.

Количество учебныхъ пособій опредѣляется по числу заключенныхъ военнымъ министромъ. При каждомъ военно-пенитенціарномъ заведеніи имѣется коллекція книгъ для раздачи заключеннымъ для чтенія въ праздничные и воскресные дни. Однако, и въ другіе дни недѣли выдача книгъ можетъ имѣть мѣсто, но исключительно лишь для чтенія въ свободное время; это правило главнымъ образомъ относится къ подслѣдственнымъ и обвиняемымъ арестантамъ.

Библіотека заведенія ввѣряется главному учителю, который обязанъ хранить ее и имѣть каталогъ. Кромѣ книгъ и сочиненій, получаемыхъ отъ военнаго министерства, начальникъ военно-пенитенціарнаго заведенія можетъ раздавать сочиненія, избранныя имъ самимъ, но подъ своею личною отвѣтственностью. Ежегодно

¹ Ст. 163.

² Art. 11.

³ 10 декабря 1900 г., art. 128.

онъ представляетъ инспектирующему генералу списокъ книгъ, допущенныхъ имъ къ обращенію со времени послѣдней инспекціи ¹.

Въ *Германіи* во всѣхъ мѣстахъ военно-тюремнаго заключенія введено обязательное обученіе элементарнаго характера ².

Однако, обученію подлежатъ не всѣ заключенные: отсюда исключаются военнослужащіе, не нуждающіеся въ первоначальномъ образованіи и заключенные на короткіе сроки. Долгосрочные принимаютъ участіе въ урокахъ, которые ведутся унтеръ-офицеромъ изъ чиновъ тюремнаго персонала; при его отсутствіи обученіе возлагается на одного изъ заключенныхъ, занимающагося подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера. Издержки на приобрѣтеніе учебныхъ и письменныхъ принадлежностей покрываются изъ суммъ, ассигнованныхъ военно-тюремному учрежденію.

Относительно краткосрочныхъ заключенныхъ, вмѣсто *Schulunterricht*, практикуется *Dienstunterricht*, т. е. изученіе основныхъ правилъ военной службы и военныхъ законоположеній; учебные часы употребляются именно на эти занятія ³. *Dienstunterricht* имѣетъ цѣлью научить заключеннаго его военнымъ обязанностямъ, для чего наказаннымъ читается также *Kriegsartikel* ⁴.

Кромѣ того, при каждомъ учрежденіи заводятся небольшія библіотеки ⁵.

Вопросъ о военно-тюремномъ образованіи лучше другихъ разрѣшается *Бельіею* въ дисциплинарныхъ и исправительныхъ ротахъ ⁶.

Тамъ прежде всего различаются общее и специальное военное образованіе. Общее состоитъ въ изученіи чтенія, письма, элементарныхъ правилъ ариѳметики, грамматики, исторіи и географіи *Бельгіи* ⁷. Кромѣ того, во всѣхъ классахъ одинъ изъ учителей ежедневно въ теченіе четверти часа читаетъ о нравственности ⁸.

¹ Instruction, art. 129.

² § 100 Mil.-Straf.-Vorschrift.

³ Ibid., ч. 2.

⁴ Art. 87.

⁵ § 250 M.-Str.-Vor.

⁶ См. arrâté royal du 1 sept. 1886.

⁷ Art. 160.

⁸ Art. 161.

Школы образуются въ каждой ротѣ, подѣ наблюдениемъ и заведываніемъ особаго офицера, специально къ тому предназначеннаго. При немъ состоятъ учителя, избранные изъ заключенныхъ *disciplinaires* или *correctionnaires* ¹.

Ученики заносятся въ списки, показывающіе степень успѣшности ихъ обученія при поступленіи и выходѣ изъ роты. Главный контингентъ учащихся даютъ неграмотные чины—*disciplinaires* и *correctionnaires*, принадлежащіе къ классамъ испытуемыхъ и награжденныхъ; другіе присутствуютъ на занятіяхъ только по назначенію командира корпуса ². Не участвующіе въ прохожденіи курса въ теченіе времени уроковъ занимаются маршировкой ³. Въ особо указанные дни имъ читаются лекціи о нравственности, при чемъ законъ обязываетъ излагать содержаніе въ понятныхъ выраженіяхъ ⁴.

Ученики раздѣляются на два отдѣленія: французское и фламандское. Въ каждомъ изъ отдѣленій имѣется три класса: низшій, средній и высшій ⁵.

Командиры роты ежемѣсячно, а офицеры еженедѣльно собираютъ заключенныхъ и разъясняютъ имъ ихъ обязанности ⁶.

Книги изъ библіотекъ выдаются заключеннымъ изъ класса испытуемыхъ и награжденныхъ въ зависимости отъ ихъ умственныхъ способностей и нравственнаго развитія. Для этой цѣли въ каждой ротѣ получаютъ необходимыя книги, которыя хранятся офицеромъ, заведывающимъ курсами ⁷.

Спеціальное образованіе для заключенныхъ состоитъ въ изученіи: правилъ военной этики и дисциплины, обязанностей по отношенію къ отечеству, правилъ одиночнаго, взводнаго и ротнаго учений, внутренней службы въ гарнизонѣ и лагерѣ, правилъ стрѣльбы, содержанія оружія и предметовъ одежды и снаряженія. Кромѣ того, *disciplinaires* и *correctionnaires* учатся пѣть сигналы ⁸.

¹ Art. 162.

² Art. 163—164.

³ Art. 165.

⁴ Art. 167.

⁵ Art. 166.

⁶ Art. 168.

⁷ Art. 169—171.

⁸ Art. 59.

Однако, несмотря на все это, тюремное образованіе оставляетъ желать много лучшаго. На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ надлежащій выборъ тюремнаго учителя. Во многихъ государствахъ эти функции исполняются унтеръ-офицерами, или самими заключенными, и только въ одной Бельгіи дѣло преподаванія ввѣрено особому офицеру. При такихъ условіяхъ значеніе образованія въ военно-тюремномъ дѣлѣ не можетъ проявить себя рѣшительнымъ образомъ.

Но такъ какъ срокъ заключенія слишкомъ коротокъ для того, чтобы можно было высоко поднять умственный уровень заключенныхъ, то, имѣя въ виду всю тяжесть одиночнаго заключенія у насъ и способность при этихъ условіяхъ легче поддаваться впечатлѣніямъ извнѣ, слѣдуетъ пожелать возможно широкаго устройства чтеній, которыя, дѣйствительно, способны бросить въ душу заключеннаго новыя начала, не будучи для него въ то же время облегченіемъ участи, излишнею роскошью или даже привилегією.

Образованіе религіозное.—Если тюремное интеллектуальное образованіе занимаетъ во всѣхъ государствахъ подчиненное положеніе, то, наоборотъ — образованію религіозному отводится первое мѣсто.

Съ общегражданской точки зрѣнія, преступникъ—нарушитель правопорядка, лицо безнравственное или презрѣвшее требованія нравственности и религіи. Заключая его въ тюрьму, государство должно позаботиться о нравственномъ и религіозномъ мірѣ преступника, пробудить въ немъ моральныя чувства, вызвать религіозныя настроенія. Это—первая и послѣдняя обязанность тюрьмы передъ обществомъ. Наоборотъ, такъ какъ интеллектуальное образованіе всегда представлялось слишкомъ большою роскошью, которою не могли даже иногда воспользоваться и честные граждане, то на этой почвѣ естественно и выросла система религіознаго и умственнаго образованія въ тюрьмѣ.

Если это положеніе спорно вообще и въ примѣненіи къ гражданской тюрьмѣ, то оно еще болѣе спорнымъ представляется въ отношеніи тюрьмы военной. Въ самомъ дѣлѣ, если убійство, кража, насиліе — глубоко безнравственныя дѣйствія, грѣхи, то нельзя того же сказать о воинскомъ преступленіи, тѣмъ болѣе, если оно составляетъ такое дѣяніе, которое стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями нравственными и божескими. А въ

виду этого падаетъ самое главное основаніе, по которому религиозному образованію удѣляется первое мѣсто.

Само собою разумѣется, что жестоко лишать заключеннаго его единственнаго, быть можетъ, утѣшенія въ стѣнахъ тюрьмы; наоборотъ, въ извѣстной мѣрѣ и въ отношеніи извѣстнаго круга заключенныхъ религиозное образованіе можетъ имѣть выдающееся уголовно-политическое значеніе; поэтому на государствѣ лежитъ забота о приведеніи въ соотвѣтствіе равно важныхъ началъ религиознаго и умственнаго образованія.

Въ большинствѣ европейскихъ военно-тюремныхъ учрежденій въ штатъ тюрьмы входитъ священникъ, на обязанность котораго возлагается, съ одной стороны, вести духовную жизнь заключенныхъ, а съ другой—отправлять богослуженіе въ тюрьмахъ.

Въ англійскихъ тюрьмахъ священники по воскресеньямъ совершаютъ службу два раза въ день и имѣютъ безпрепятственное право во всякое время посѣщать заключенныхъ ¹.

Въ Италіи на тюремныхъ священниковъ возлагается обязанность нравственнаго и религиознаго образованія заключенныхъ; онъ посѣщаетъ больныхъ и утѣшаетъ ихъ, входитъ въ камеры наказанныхъ; онъ совершаетъ въ тюрьмѣ утреннія и вечернія молитвы, отправляетъ службу по праздникамъ, а послѣ обѣдни обязанъ читать религиозную и нравственную проповѣдь; на немъ лежитъ также обязанность погребенія умирающихъ въ тюрьмѣ, при содѣйствіи самихъ заключенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и тюремнымъ учителемъ ².

Во Франціи, по закону 26 февраля 1900 г., религиозное образованіе поручается священнослужителямъ, представителямъ различныхъ культовъ, признанныхъ государствомъ ³, при чемъ самое назначеніе духовника имѣетъ мѣсто съ разрѣшенія военнаго министра по представленію командира округа и дивизіоннаго генерала въ Тунисѣ. Обязанности его въ тюрьмѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ исполненіи мессы по праздникамъ и воскресеньямъ и другимъ назначаемымъ начальствомъ днямъ. Обязанности нравственнаго и религиознаго воздѣйствія на заключен-

¹ Vidal, стр. 140.

² Ibid, стр. 115—116.

³ Art. 10; instruction, art. 126.

ныхъ священнослужителями не католическаго вѣроисповѣданія исполняются подѣ наблюдениемъ начальства тюрьмы, которое озабочивается тѣмъ, чтобы его ученье не шло въ разрѣзъ съ требованіями военно-тюремной полиціи и дисциплины. Обыкновенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ священники католики говорятъ заключеннымъ проповѣдь.

Духовнымъ лицамъ предоставляется право избирать изъ числа заключенныхъ на должности своихъ прислужниковъ ¹.

Въ *Германіи* въ Festungsgefangenanstalten заключенные могутъ присутствовать при богослуженіи. Если почему-либо это трудноисполнимо, то по желанію заключенныхъ богослуженія могутъ совершаться и въ ихъ комнатахъ. Законъ *воспрещаетъ принуждать* заключенныхъ присутствовать при молитвенныхъ службахъ ².

Что касается т. н. Religionsübungen въ Festungsgefängnissen, то законъ предписываетъ совершать въ нихъ богослуженіе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Два раза въ годъ для заключенныхъ исполняется Abendmahl; въ эти дни они освобождаются отъ работъ ³.

Такія же правила примѣняются и къ Festungsstubengefangenen ⁴.

Точно также и въ Бельгіи въ каждой изъ ротъ священникъ исполняетъ духовныя требы и богослуженія по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, сообразуясь съ требованіями полиціи и дисциплины, установленныхъ въ корпусѣ. Если имѣется опасеніе, что эти требованія могутъ быть нарушены, командиръ корпуса доносить объ этомъ по командѣ и препятствуетъ начатію богослуженія. Какъ и въ Германіи, заключенные не могутъ быть принуждаемы къ присутствованію при духовныхъ службахъ ⁵.

У насъ религіозное образованіе имѣетъ мѣсто въ отношеніи лишь заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ и военныхъ тюрьмахъ.

Въ первыхъ священникъ входитъ въ штатъ заведенія, испол-

¹ Относительно платы духовнымъ лицамъ за исполненіе обязанностей по военнымъ тюрьмамъ см. art. 127.

² Mil.-Strafvol.-Vorschr., § 58.

³ § 88 M.-Str.-Vorschr.

⁴ § 115 M.-Str.-Vorschrift.

⁵ См. Arrêté royal du 1 sept. 1886 г. art. 172—175.

няеть общія обязанности священниковъ, преподаеть заключеннымъ Законъ Божій и, наставляя ихъ въ религіи, обращаетъ особенное вниманіе на ихъ нравственность, при чемъ, какъ членъ тюремнаго комитета, можетъ заявлять ему о смягченіи наказанія тѣмъ заключеннымъ, которые будутъ того достойны; въ дисциплинарныхъ командахъ обязанности эти исполняются священникомъ той части войскъ, при которой состоитъ команда ¹.

Религіозное образованіе заключенныхъ состоитъ въ томъ, что они въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ выводятся въ церковь, для слушанія богослуженія; въ теченіе Великаго поста они обязаны говѣть ²; то же по возможности, относится и къ заключеннымъ другихъ вѣроисповѣданій.

Въ военныхъ тюрьмахъ на обязанности священника возлагается «наставлять заключенныхъ въ религіи, навѣщая ихъ для того сколь можно чаще и обращая особое вниманіе на ихъ нравственность» ³; образованіе заключенныхъ состоитъ въ молитвенныхъ упражненіяхъ, говѣніи и чтеніи духовно-нравственныхъ книгъ ⁴.

Для заключенныхъ въ крѣпостяхъ говѣнье составляетъ обязанность ⁵; что же касается посѣщенія церкви, то законъ разрѣшаетъ только выходить имъ передъ и по праздникамъ въ крѣпостную церковь, подъ назоромъ караула» ⁶.

§ 62. Военно-тюремная полиція и дисциплина.

Чтобы достигнуть цѣлей исправленія военнослужащаго, военная тюрьма должна озаботиться принятіемъ такихъ мѣръ, которыя облегчили бы достиженіе этихъ цѣлей. Къ такимъ мѣрамъ относится предупрежденіе возможныхъ со стороны заключенныхъ нарушеній тюремнаго порядка (военно-тюремная поли-

¹ Ст. 21.

² Ст. 50—52.

³ П. С. З., 1883 г., іюля 24 (№ 1682), п. 16, ст. 118.

⁴ Ст. 153, 154 и 163.

⁵ Ст. 24.

⁶ Ст. 23.

ція) и наказаніе виновныхъ за проступки (военно-тюремная дисциплина въ узкомъ смыслѣ слова).

Военно-тюремный надзоръ. Предупредительныя мѣры могутъ быть достигнуты путемъ правильно организованнаго надзора за заключенными и путемъ отнятія у нихъ фактической возможности совершать нарушенія.

Органами надзора, обыкновенно, является тюремное начальство и постоянный персоналъ тюрьмы; въ нѣкоторыхъ государствахъ надзоръ осуществляется путемъ приставленія къ заключеннымъ военного караула.

Мѣры надзора могутъ или ограничиваться самымъ необходимымъ наблюдениемъ за дѣйствіями заключеннаго, или наоборотъ приставлениемъ къ виновному часового, дѣятельность котораго сводится къ воспрепятствованію виновному совершать какія бы то ни было нарушенія. Роль караула при тюрьмѣ или ограничивается только внѣшнимъ наблюдениемъ за тюрьмою, посредствомъ окарауливанія внѣшнихъ стѣнъ, или внутреннимъ надзоромъ въ помѣщеніи заключенныхъ, или посредствомъ употребленія силы.

Что касается надзора со стороны начальства тюрьмы и караула, то законодательство каждого государства устанавливаетъ на этотъ счетъ различныя мѣры.

По нашему законодательству никому изъ постороннихъ не дозволяется входить въ ограду зданія безъ разрѣшенія начальника дисциплинарной части; для этого ворота должны быть всегда заперты на замокъ и открываться только въ случаяхъ, указанныхъ начальникомъ части. Общія помѣщенія заключенныхъ могутъ быть запираемы на ночь, если это будетъ признано необходимымъ ¹. Для содержанія караула и занятія наружныхъ постовъ назначается караулъ отъ частей войскъ, но въ иныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія командующаго войсками, признается возможнымъ содержать караулъ изъ самихъ заключенныхъ, по выбору и усмотрѣнію начальника дисциплинарной части ².

Правила о надзорѣ значительно строже въ военныхъ тюрьмахъ. Каждая камера имѣетъ окошко для наблюденія за дѣйствіями арестованныхъ; находящіеся въ комнатѣ предметы не

¹ Ст. 31 и 32.

² Ст. 33.

могутъ быть употреблены, какъ орудія разрушенія; входъ въ тюрьму запертъ; отлучка чиновъ управленія изъ тюремнаго зданія можетъ имѣть мѣсто только съ разрѣшенія начальника; при тюрьмѣ имѣется караулъ; начальникъ тюрьмы не можетъ ночевать внѣ тюрьмы и т. д. ¹.

Въ крѣпостяхъ камеры устраиваются съ рѣшетчатыми окнами, выходъ заключенныхъ въ церковь и на прогулку совершается подъ надзоромъ караула ².

На гауптвахтахъ надзоръ за арестованными возлагается на представителей комендантскаго управленія ³, а ближайшее наблюдение — на караулъ и часового у камеръ ⁴.

Во *Франціи* высшій надзоръ за военно-пенитенціарными заведеніями возлагается на комендантовъ, которые могутъ передавать надзоръ майорамъ, состоящимъ въ ихъ распоряженіи ⁵.

Органомъ фактическаго надзора въ pénitenciers и ateliers de travaux publics является т. н. «adjutant de surveillance» — нижній чинъ въ званіи унтеръ-офицера ⁶. Онъ убѣждается въ дѣйствительномъ исполненіи всѣхъ правилъ внутренняго распорядка, полиціи и дисциплины; его власть распространяется на всѣхъ заключенныхъ и лицъ тюремнаго персонала ⁷.

Въ его непосредственномъ распоряженіи состоятъ «surveillants de section» ⁸.

Они имѣютъ право посѣщать заключенныхъ въ мастерскихъ и камерахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ими не употреблено средствъ разрушенія. Ночью они образуютъ обходъ, который не можетъ оставлять своего мѣста ни подъ какимъ предлогомъ ⁹.

Что касается заключенныхъ, то они обязаны оказывать уваженіе каждому изъ надсмотрщиковъ и отдавать имъ честь ¹⁰. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны относиться съ прилежаніемъ къ

¹ Ст. 130, 134—136.

² Ст. 6, 23.

³ Уставъ о гарниз. службѣ, приложение 10 къ § 173, п. 7.

⁴ Уставъ о внутр. службѣ, § 237.

⁵ Instruction 10 décembre 1900, art. 8.

⁶ Ibid, art. 11.

⁷ Art. 19.

⁸ Art. 24.

⁹ Art. 78—79.

¹⁰ Art. 80.

работамъ и со вниманіемъ ко всѣмъ должностнымъ лицамъ заведенія. Они могутъ говорить между собою только въ часы отдыха ¹.

Кромѣ этого, вблизи каждого пенитенціарнаго заведенія учреждается военный караулъ, сила котораго опредѣляется командующимъ войсками. На его обязанности лежитъ только внѣшнее наблюдение за пенитенціаріемъ, при чемъ часовые употребляютъ оружіе только въ случаяхъ замѣченнаго ими побѣга заключеннаго ².

Въ *Германіи* Festungsgefängnisse подчинены инспектору военно-тюремныхъ заведеній ³, при чемъ полицейскій надзоръ за ними ввѣряется плацъ-майору, въ распоряженіи котораго состоитъ сверхсрочный унтеръ-офицеръ ⁴.

Личный надзоръ за заключенными осуществляется унтеръ-офицерами, специально для того командированными отъ войскъ; при нихъ состоятъ помощники -- ефрейторы и рядовые, командированные на срокъ въ 6 недѣль ⁵.

Въ *Бельіи* органами надзора служатъ также унтеръ-офицеры которые не имѣютъ права покидать назначеннаго имъ мѣста, посѣщаютъ заключенныхъ, слѣдятъ за соблюденіемъ ими правилъ внутренняго порядка и ежедневно представляютъ командиру корпуса рапортъ о состояніи ихъ частей ⁶. Кромѣ того, вблизи ротъ имѣется караулъ, который не имѣетъ никакого сообщенія съ заключенными ⁷.

Въ *Италіи* каждое военно-тюремное заведеніе охраняется карауломъ, который обязанъ также сопровождать арестантовъ на работы, производимыя внѣ зданія тюрьмы. Для лучшаго наблюденія за заключенными законъ предписываетъ соединять ихъ въ группы, каждая не свыше 200 человѣкъ ⁸.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ въ качествѣ органовъ надзора при арестованныхъ офицерахъ иногда ставится нижній чинъ —

¹ Art. 81.

² Art. 95—99.

³ § 3 M.-Str.-Vor.

⁴ § 50, *ibid.*

⁵ §§ 65—66.

⁶ Arrêté 1 sept. 1886, art. 45—47.

⁷ *Ibid.*, art. 35—44.

⁸ Vidal, 111, 117.

часовой, что едва ли соотвѣтствуетъ интересамъ военной службы и условіямъ чинопочитанія и подчиненности ¹.

Таковы въ общемъ черты военно-тюремнаго надзора.

Воспрещеніе заключенному имѣть при себѣ какія-либо вещи или деньги имѣетъ предупредительное значеніе, такъ какъ вещи могутъ быть примѣнены заключеннымъ, какъ орудіе совершенія преступленія, а деньги, какъ средство подкупа или организаціи преступнаго дѣянія.

Во виду этого во всѣхъ государствахъ вступающіе въ военно-тюремныя заведенія подвергаются самому тщательному осмотру: всѣ найденныя при нихъ вещи и деньги отбираются на храненіе, а деньги, найденныя у заключеннаго впослѣдствіи и скрытыя имъ при вступленіи въ тюрьму, конфискуются и поступаютъ въ собственность тюрьмы. Такъ, по нашему законодательству ², заключенные не могутъ ничего принимать отъ родственниковъ и знакомыхъ при свиданіяхъ, пользоваться пожертвованіями отъ частныхъ лицъ ³, употреблять спирные напитки, имѣть табакъ ⁴; деньги заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ отсылаются въ сберегательныя кассы ⁵, а сидѣльцевъ тюрьмы — хранятся въ полкахъ и командахъ ⁶, или въ кассѣ управленія тюрьмы ⁷; сокрытіе денегъ влечетъ ихъ конфискацію ⁸.

Во Франціи, въ силу декрета 1900 г., заключенные не имѣютъ права имѣть при себѣ карманныхъ денегъ; деньги, получаемыя ими за работу, обращаются въ частный фондъ кассы тюремнаго заведенія ⁹.

Право свиданій.—Воспрещеніе имѣть свиданіе съ посторонними тюрьмѣ лицами имѣетъ значеніе, съ одной стороны, карательное, съ другой—полицейское. Не останавливаясь на первомъ, котораго мы уже коснулись выше, отмѣтимъ, что повсюду свиданіе имѣетъ мѣсто съ разрѣшенія начальника тюрьмы.

¹ Напр. нашъ дисц. уставъ ст. 78. швейцарскій, art. 170, п. 3.

² Кн. XVII, ст. 40.

³ Ст. 56, *ibid*.

⁴ Ст. 57, *ibid*.

⁵ Ст. 101.

⁶ Ст. 143.

⁷ Ст. 149.

⁸ Ст. 150.

⁹ Art. 8 и 10.

Такъ, въ *Италіи* заключенный имѣетъ право на свиданіе лишь одинъ разъ въ мѣсяцъ и только съ родителями и родственниками. Въ интересахъ полицейскихъ, свиданіе происходитъ въ присутствіи унтеръ-офицера ¹.

Въ *Англіи* осужденные къ одиночному заключенію лишены свиданій вовсе ².

Во *Франціи* свиданіе дозволяется или съ разрѣшенія начальника заведенія, или высшаго начальства. Каждое посѣщеніе записывается въ особую книгу, съ указаніемъ имени и мѣстожителства посѣтителя; надсмотрщикъ предупреждаетъ посѣтителей объ ихъ обязанностяхъ и при свиданіи все время наблюдаетъ за заключеннымъ; всякую передаваемую заключенному вещь онъ обязанъ арестовать и представить начальству ³. Непосредственныя свиданія заключенныхъ въ отсутствіе унтеръ-офицера допускаются только съ родителями. Офицерамъ можетъ быть разрѣшенъ приѣмъ посѣтителей въ ихъ комнатахъ ⁴.

Свиданія разрѣшаются по воскресеньямъ и праздникамъ отъ 1 до 4 дня, при чемъ для офицеровъ въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы исключенія ⁵. Посѣтители за нарушеніе тюремныхъ правилъ лишаются права свиданія ⁶.

Въ *Германіи* заключенные въ Festungsgefängnisse имѣютъ право на свиданье только съ ближайшими родственниками: женами, родителями и дѣтьми, съ разрѣшенія начальства. Свиданія происходятъ въ присутствіи унтеръ-офицера и въ теченіе самаго непродолжительнаго времени ⁷.

Кромѣ этихъ лицъ, законъ допускаетъ для заключенныхъ право свиданій съ начальниками, которые *обязаны* посѣщать наказаннаго: начальникъ тюрьмы—каждый мѣсяцъ, командиръ отдѣленія или другой офицеръ и фельдфебель — одинъ разъ въ недѣлю ⁸.

Что касается нашихъ дисциплинарныхъ батальоновъ, то за-

¹ Vidal. стр. 120.

² Ibid.

³ Instruction 10 décembre 1900, art. 110.

⁴ Art. 108.

⁵ Art. 109.

⁶ Art. 113.

⁷ § 83 Mil.-Str.-Vor.

⁸ § 105 Ibid.

конъ требуетъ, чтобы свиданія разрѣшались «съ крайнею разборчивостью, сколько можно рѣже», только тѣмъ заключеннымъ, которые будутъ этого заслуживать ¹; посѣтителемъ ничего не дозволяется приносить и передавать заключеннымъ, а нарушившіе это правило немедленно удаляются изъ комнаты и не допускаются болѣе къ свиданію ².

Въ одиночныхъ тюрьмахъ заключенные, по соображеніямъ карательнаго свойства, лишены права свиданій ³.

Содержащіеся въ крѣпостяхъ имѣютъ право свиданья разъ въ недѣлю съ посторонними лицами въ присутствіи комендантскаго адъютанта; арестованные на гауптвахтахъ пользуются правомъ свиданій съ разрѣшенія коменданта ⁴.

Право корреспонденціи.—Наконецъ, что касается права корреспонденціи—отправленія и полученія писемъ,—то въ интересахъ предупредительныхъ въ наше время это лишеніе представляется совершенно нецѣлесообразнымъ, а карательное значеніе его—ничтожно.

Интересно, что во Франціи заключеннымъ разрѣшается переписываться, подъ надзоромъ начальства, съ близкими родственниками; въ письмахъ они могутъ касаться только семейныхъ дѣлъ, представляющихъ частный интересъ, и другихъ дѣлъ, не относящихся до описанія ихъ положенія въ тюрьмѣ. Во французскихъ пенитенціаріяхъ для заключенныхъ имѣется ящикъ, куда заключенные и кладутъ свои письма, не запечатывая ихъ; этотъ ящикъ хранится у начальника и каждое утро унтеръ-офицеръ обходитъ съ нимъ заключенныхъ; на конвертѣ долженъ быть написанъ адресъ и имя отправителя. Письмо опускается въ ящикъ въ присутствіи заключеннаго, послѣ чего ящикъ отправляется къ начальнику заведенія ⁵.

Въ нашихъ мѣстахъ военнаго заключенія переписка разрѣшается начальствомъ. Въ дисциплинарныхъ частяхъ получаемыя и отправляемыя письма на русскомъ языкѣ прочитываются на-

¹ Ст. 55.

² Ст. 56.

³ Ст. 157.

⁴ Прил., п. 18.

⁵ Instruction, art. 115—117.

чальникомъ части ¹, а въ тюрьмахъ—контролируются начальствомъ ².

Всѣ эти мѣры образуютъ собою предупредительную дѣятельность тюремнаго начальства.

Военно-тюремная дисциплина.—Съ того момента, какъ предупредительныя мѣры оказались несостоятельными, дисциплина требуетъ иныхъ мѣръ—мѣръ карательнаго свойства. Вопросъ объ объемѣ ихъ и способахъ примѣненія имѣетъ серьезное значеніе.

Наказаніе не зависитъ отъ объекта примѣненія, а потому и въ отношеніи военно-заключенныхъ государство должно руководствоваться общими началами, на которыхъ покоится наказаніе. Оно, слѣдовательно, должно имѣть тѣ же свойства, какъ и наказаніе воинское вообще: быть нравственнымъ, дѣлимымъ, возстановимымъ, дѣйствительнымъ, неизбѣжнымъ и экономичнымъ.

Если безнравственныя мѣры вредны вообще, то въ отношеніи заключенныхъ онѣ еще вреднѣе; въ самомъ дѣлѣ, развращая заключеннаго, онѣ становятся въ самое крайнее противорѣчіе съ задачами тюрьмы, съ задачами исправленія. Въ виду этого наиболѣе цѣлесообразными мѣрами слѣдуетъ признавать всякія лишенія, которыя допускаетъ тюрьма, если только эти лишенія не могутъ имѣть слѣдствіемъ разстройства здоровья осужденнаго и т. п. послѣдствій. Эти лишенія, усиливая карательное значеніе заключенія, вмѣстѣ съ тѣмъ представляются наиболѣе удобными средствами, не требующими особыхъ приспособленій и вполне отвѣчающими интересамъ заключенія.

Не менѣе серьезнымъ представляется также и вопросъ о существѣ тѣхъ нарушеній, которыя должны быть облагаемы взысканіями. При этомъ слѣдуетъ оговориться, что дѣло идетъ только о мелкихъ нарушеніяхъ; всѣ остальные, которыя не являются посягательствомъ на интересы дисциплины военно-тюремнаго заведенія, а составляютъ нарушеніе нормъ военно-уголовнаго или общаго кодексовъ, должны разсматриваться, какъ дѣянія, подлежащія сужденію и наказанію по общимъ правиламъ. Это вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что сумма лишеній, пред-

¹ Ст. 58,

² Ст. 157.

ставляемыхъ въ военной тюрьмѣ, сравнительно не велика, а сроки заключенія достаточно коротки.

Такимъ образомъ, покушенія на интересы тюремной дисциплины облагаются особыми наказаніями въ порядкѣ дисциплинарномъ, властью военно-тюремнаго начальства. Эти наказанія имѣютъ цѣлью удержать виновнаго и его товарищей отъ будущихъ нарушеній. Слѣдовательно, и наказанія эти имѣютъ своею задачею только устрашительное воздѣйствіе на виновныхъ и окружающихъ лицъ.

Дѣйствующія законодательства держатся болѣе или менѣе одинаковыхъ правилъ въ отношеніи объема и сферы поражаемыхъ благъ.

Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить систему лишеній; къ нимъ относится:

1) *Лишеніе подстилки* или спальныхъ принадлежностей—въ нашихъ одиночныхъ тюрьмахъ ¹, въ Англіи—для одиночно и совместно заключенныхъ на срокъ не свыше 72 час. въ общей сложности ², въ Австріи—въ военныхъ тюрьмахъ и въ Бельгіи ³.

2) *Лишеніе права курить*—въ Италіи и Англіи.

3) *Лишеніе права покупать на свои деньги съѣстные припасы*—во всѣхъ военно-тюремныхъ заведеніяхъ Франціи ⁴.

4) *Лишеніе отдыха*—во Франціи и Италіи въ формѣ наряда на службу безъ очереди и въ обязательствахъ являться по утрамъ къ унтеръ-офицеру на утренній осмотръ ⁵.

5) *Лишеніе права прогулки*—во Франціи ⁶.

6) *Лишеніе права свиданій*—у насъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для принявшихъ что-либо отъ посѣтителей ⁷.

7) *Переводъ въ низшій классъ* заключенныхъ—у насъ въ дисциплинарныхъ частяхъ по рѣшенію комитета, въ Италіи—по усмотрѣнію начальника тюрьмы, и въ Бельгіи ⁸.

¹ См. кн. XVII.

² Vidal, 136—137.

³ Art. 84, arrêté royal du 1 sept. 1886.

⁴ Декретъ 26 февр. 1900 г., art. 12, 1°.

⁵ Ibid., art. 12, 2°.

⁶ Ibid., 3°.

⁷ Ст. 56.

⁸ Art. 74 arrêté 1 sept. 1886.

8) *Удержаніе* заработной *платы*, которая выдается на руки,—въ Италіи ¹.

9) *Лишеніе свободы*—наиболѣе распространенный видъ дисциплинарнаго наказанія, которое измѣняется въ зависимости отъ системы военно-тюремнаго заключенія, послѣдствій, сопровождающихъ лишеніе свободы, и формъ самаго заключенія. Въ первомъ отношеніи заключеніе въ одиночную камеру является извѣстнымъ страданіемъ, зломъ для заключеннаго. Въ такомъ видѣ оно примѣняется у насъ въ дисциплинарныхъ частяхъ на срокъ до одного мѣсяца, въ Италіи до 30 дней, въ Австріи, Германіи, Франціи и Бельгіи ². То же одиночное заключеніе можетъ быть отбываемо въ темныхъ карцерахъ, что весьма широко практикуется во всѣхъ государствахъ. Иногда вмѣстѣ съ заключеніемъ въ темную камеру опредѣляется: а) *лишеніе юрочей пищи* или уменьшеніе порціи (у насъ, въ Англіи, Франціи, Австріи), б) наконецъ, къ этимъ праволишеніямъ можетъ присоединяться и *закованіе* виновнаго (во Франціи, Италіи, Англіи).

10) *Тѣлесное наказаніе* въ формѣ исключительныхъ мѣръ—примѣненія силы и оружія у насъ, тѣлесныхъ лишеній во Франціи и Бельгіи.

По общему правилу, всѣ эти дисциплинарныя взысканія налагаются властью лицъ, принадлежащихъ къ тюремному персоналу, при чемъ, въ зависимости отъ іерархическаго положенія лица, опредѣляется и самая мѣра его власти. Въ этомъ отношеніи дѣлаетъ исключеніе наше законодательство, которое ставитъ на усмотрѣніе *коллегіальнаго органа*—комитета дисциплинарной части—переводъ заключеннаго въ разрядъ испытуемыхъ. Точно также и въ Италіи, до самаго послѣдняго времени, особый дисциплинарный комитетъ имѣлъ право разрѣшать вопросы о примѣненіи къ виновному тѣлеснаго наказанія. Нѣкоторые законодательства, какъ напр. наше, устанавливаютъ извѣстную лѣстницу наказаній ³, другія опредѣляютъ кругъ дѣяній, подлежащихъ такимъ взысканіямъ (Англія).

Обѣ эти мѣры имѣютъ цѣлью ограничить начальнической произволь, но въ дѣйствительности почти не достигаютъ ея,

¹ Vidal, op. cit.

² Art. 12 décret 1900, 4°.

³ См. ст. 167, XVII кн.

такъ какъ даютъ трудно уловимые признаки дѣяній и взысканій. Въ виду достиженія этой цѣли законъ различаетъ болѣе тяжкіе случаи нарушенія тюремной дисциплины отъ мелкихъ нарушеній и рекомендуетъ руководствоваться или «особо увеличивающими вину обстоятельствами» или «явнымъ неповиновеніемъ и сопротивленіемъ распоряженіямъ начальства» (у насъ) ¹, или «неистовствомъ и насиліями особо тяжкими» (во Франціи и Бельгii). Въ первомъ случаѣ нашъ законъ разрѣшаетъ примѣнять тѣлесное наказаніе, силу и оружіе, во второмъ — французское положеніе разрѣшаетъ воспользоваться однимъ изъ слѣдующихъ средствъ: *menotte* и *pedotte* ².

Menotte представляетъ собою желѣзную дугу, прикрѣпленную къ планкѣ; виновный всовываетъ свои руки въ дугу, которая затѣмъ завинчивается помощью особаго приспособленія.

Pedotte — желѣзная планка, не прикрѣпленная къ стѣнкамъ камеры; по бокамъ планки имѣются двѣ желѣзныхъ дуги для просовыванія ногъ; заключенному привинчиваютъ ноги, и въ такомъ положеніи (или съ ногами скрещенными) онъ остается до окончанія наказанія ³.

Остановливаясь на оцѣнкѣ системы этихъ карательныхъ мѣръ, нельзя не замѣтить, что она представляется далеко неудовлетворительною. Если назначеніе военной тюрьмы — исправленіе или даже частное предупрежденіе заключеннаго, то дисциплинарныя взысканія должны представлять собою развитіе того же начала. Поэтому вполне умѣстными и цѣлесообразными являются такія взысканія, сущность которыхъ сводится къ пораженію тѣхъ отдѣльныхъ преимуществъ, которыми пользуется заключенный въ моментъ совершенія преступленія.

Здѣсь идетъ рѣчь именно о преимуществахъ, т. е. о тѣхъ исключительныхъ правахъ, которыми владѣетъ заключенный въ сравненіи съ другими, но не о правахъ тюремнаго населенія вообще. Поэтому не могутъ быть оправданы ни мѣры антигигіеническія — долгосрочное лишеніе свѣта и уменьшеніе пищи, ни

¹ Ст. 168, 169.

² Instruction, 12 avr. 1900, art. 23; Description, 12 dec. 1899. См. мою статью: «Тѣлесныя наказанія во французской арміи.»

³ Въ Бельгii въ аналогичныхъ случаяхъ примѣняется „*menotte*“ или „*entraves*.“ См. *arrêté royal* du 1 sept. 1886, art. 82, 2-ая часть.

мѣры безнравственныя — тѣлесное наказаніе, и никакія другія мѣры, имѣющія цѣлью унижить виновнаго, уронить его достоинство въ глазахъ его самаго и его товарищей. Всѣ онѣ, поражая «естественное» право заключеннаго, а не его выгоды и преимущества, могутъ оказать дурное вліяніе на его психическое состояніе, привести къ скорой рецидивѣ и, наконецъ, поставить серьезное препятствіе въ дѣлѣ достиженія исправительнаго воздѣйствія посредствомъ военно-тюремныхъ мѣръ образованія и воспитанія.

§ 63. Военно-тюремное воспитаніе.

Не порывая своей связи съ войскомъ, заключенный остается военнослужащимъ, лицомъ, обязаннымъ службою; въ виду этого необходимо, чтобы государство, продолжая считать его такимъ, осуществило въ отношеніи его тѣ же мѣры военного воспитанія, которыя практикуются въ арміи. Если же это не будетъ имѣть мѣста, военное воспитаніе, пріобрѣтенное на службѣ, подъ вліяніемъ особаго режима въ тюрьмѣ и условій тюремной обстановки, исчезнетъ, и изъ военнослужащаго мы получимъ типъ вообще тюремнаго сидѣльца.

Въ самомъ дѣлѣ, если заключеніе военнослужащаго есть результатъ нарушеній имъ воинскаго правопорядка и эти нарушенія свидѣтельствуютъ, что поведеніе виновнаго не соотвѣтствуетъ задачамъ существованія арміи, то естественно, что въ военной тюрьмѣ необходимо образовать изъ него военнослужащаго, умѣющаго подчиняться требованіямъ воинскаго правопорядка, съ одной стороны, и активно содѣйствовать интересамъ арміи — съ другой.

Къ этой цѣли стремится военная тюрьма, въ этомъ лежитъ самая цѣль наказанія. Поэтому вопросъ о мѣрахъ тюремнаго воспитанія военнослужащаго пріобрѣтаетъ огромное значеніе.

Принципъ, которымъ должна руководствоваться военная тюрьма, тотъ же, какъ и тюрьмы общей — заставить заключеннаго, путемъ соревнованія, достигнуть задачъ исправленія.

Въ самомъ дѣлѣ, заключая виновнаго въ келью и лишая его многихъ удобствъ, государство заставляетъ заключеннаго такъ или иначе обдумать свое положеніе. Но если это размышленіе не приводитъ виновнаго ни къ какимъ другимъ результатамъ,

какъ только къ сознанію неизбежности этого зла и его неизмѣнной въ теченіе всего срока заключенія интенсивности, то, кромѣ безпросвѣтнаго чувства одиночества и тоски, тюрьма ничего не дастъ заключенному. При такихъ условіяхъ надежды на исправленіе нѣтъ: заключенные не имѣютъ возможности покинуть тюрьмы или получить льготы до окончанія наказанія, словомъ—фактически не могутъ засвидѣтельствовать своего исправленія.

Поэтому необходимо, чтобы для заключеннаго впереди, еще прежде освобожденія, была надежда на облегченіе участи, какое облегченіе должно быть поставлено въ зависимость отъ его поведенія и степени желанія содѣйствовать исправительнымъ задачамъ военной тюрьмы.

Единственнымъ правиломъ для руководства въ области военно-тюремнаго воспитанія является слѣдующее положеніе: *данная сумма страданій должна быть болѣе суммы страданій, лежащихъ впереди.*

Изъ этого вытекаетъ, что тѣ изъ военныхъ тюремъ, которыя не допускаютъ перехода заключеннаго изъ одного положенія въ другое — лучшее, представляются неудовлетворительными.

Въ этомъ отношеніи особенно сильно грѣшитъ у насъ одиночная военная тюрьма, съ ея въ высшей степени прямолинейною системою изоляціи заключенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ при вступленіи, такъ и при выходѣ заключенный находится въ условіяхъ одного и того же режима; для виновнаго тюрьма не даетъ никакого выхода, никакого облегченія, а потому и представляется, по существу, лишенною средствъ всякаго исправительнаго воздѣйствія. Соревнованіе со стороны заключенныхъ — немислимо, и всѣ они, предоставленные самимъ себѣ, не имѣютъ никакой надежды на какое-либо улучшеніе въ будущемъ.

Одною изъ самыхъ раннихъ мѣръ воспитанія появляется въ исторіи военной тюрьмы *постепенная строгость* наказанія, понижающаяся по мѣрѣ приближенія къ окончанію срока. На этомъ основаніи покоится различіе между заключенными по ихъ тюремнымъ преимуществамъ — раздѣленіе на разряды или категоріи, что, однако, не исключаетъ возможности давать заключенному различныя привиллегіи даже при отсутствіи разрядовъ.

Помимо пониженія строгости заключенія, въ военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ устанавливаются и другія мѣры тюремнаго воспитанія: улучшеніе пищи, свобода корреспонденціи, право ку-

рять, право на отдыхъ, право на отлучки изъ тюрьмы и, наконецъ, досрочное освобождение.

Нечего говорить, что всѣ эти отдѣльныя мѣры, взятыя сами по себѣ, составляютъ уже достаточный импульсъ для соревнования заключенныхъ, хотя не каждая изъ нихъ имѣетъ для всѣхъ заключенныхъ одинаковое значеніе, и отъ такта, умѣнья и сообразительности тюремнаго персонала зависитъ очень многое въ дѣлѣ тюремнаго воспитанія.

Здѣсь, въ сравненіи съ гражданской тюрьмою, для заключенныхъ можно установить длинный рядъ привилегій служебнаго или строеваго характера. Къ этимъ мѣрамъ можетъ принадлежать: назначеніе заключеннаго на болѣе или менѣе ответственныя должности, поставленіе его во главѣ отдѣленія заключенныхъ, разрѣшеніе заниматься съ оружіемъ, обученіе стрѣльбѣ, назначеніе на должности учителей и т. п. Всѣ эти мѣры, возможныя только въ военной тюрьмѣ, имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія, и не пользоваться ими едва ли цѣлесообразно.

Пониженіе строгости наказанія можетъ имѣть мѣсто или черезъ опредѣленные промежутки времени, при чемъ законъ только опредѣляетъ minimum этого срока, или по усмотрѣнію тюремнаго начальства, которое не стѣснено какими-либо рамками.

Послѣдній способъ — наиболѣе рациональный, но примѣненіе его встрѣчаетъ цѣлый рядъ затрудненій. Прежде всего онъ предполагаетъ наличность высокихъ качествъ у начальника тюрьмы для распознаванія и безошибочнаго установленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степени исправленія заключеннаго и возможности пониженія для него тяжести наказанія, что представляется сомнительнымъ и невыполнимымъ. Кромѣ того, при этихъ условіяхъ личность начальника тюрьмы всецѣло должна отражаться на характерѣ самаго наказанія, которое легко можетъ оказаться неравномѣрнымъ въ отношеніи тѣхъ или другихъ заключенныхъ. Наконецъ, такое значеніе тюремнаго начальства противорѣчитъ существу понятія наказанія, какъ мѣры, осуществляемой по указаніямъ судебной власти и не зависящей отъ административнаго усмотрѣнія.

Въ виду этого практически болѣе осуществимымъ и цѣлесообразнымъ представляется первый способъ — опредѣленія въ законѣ minimum'a срока, въ теченіе котораго заключенный долженъ испытать на себѣ извѣстную сумму лишеній. По истеченіи

этого срока заключенный можетъ получить тѣ или другія тюремныя преимущества, въ этомъ случаѣ—только по усмотрѣнію тюремнаго начальства, единственно компетентнаго для разрѣшенія этого вопроса.

Досрочное освобожденіе должно быть поставлено во главѣ этихъ мѣръ: общія за исправленіе поведенія не только смягченіе участи, но и полное освобожденіе, государство заставляетъ заключеннаго содѣйствовать своему собственному исправленію. А въ этомъ и кроется залогъ успѣха военно-тюремной дѣятельности.

Какъ извѣстно, досрочное освобожденіе можетъ быть или безусловнымъ, или условнымъ.

Въ первомъ случаѣ заключенный освобождается вовсе изъ заключенія и не можетъ быть возвращенъ въ тюрьму иначе, какъ за новое преступное дѣяніе. Наоборотъ, сущность условнаго освобожденія заключается въ томъ, что заключенный, засвидѣтельствовавшій свое исправленіе по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока нахожденія въ тюрьмѣ, освобождается, но подъ условіемъ обратнаго возвращенія въ случаѣ, если не сумѣетъ воспользоваться освобожденіемъ, какъ исправившійся вполнѣ, и дастъ поводъ подозрѣвать, что его дальнѣйшее поведеніе на свободѣ грозитъ правопорядку.

Сравнивая обѣ формы освобожденія, приходится высказаться за освобожденіе условное. Въ самомъ дѣлѣ, безповоротное освобожденіе военнотружашаго является актомъ помилованія, а не мѣрою тюремнаго воспитанія, оно есть не болѣе,—какъ награда за хорошее поведеніе. Наоборотъ,—условное освобожденіе имѣетъ съ одной стороны—воспитательное, а съ другой—карательное значеніе, такъ какъ, уменьшая для виновнаго сумму страданій, оно въ то же время продолжаетъ вліять на освобожденнаго страхомъ новаго возвращенія въ тюрьму и вынуждаетъ его къ продолженію тюремнаго соребнованія.

Институтъ досрочнаго освобожденія въ арміи можетъ и долженъ получить широкое распространеніе тѣмъ болѣе, что до тюрьмы, въ тюрьмѣ и послѣ тюрьмы военнотружашій продолжаетъ оставаться таковымъ и поэтому является обязаннымъ содѣйствовать достиженію задачъ военной службы.

Въ Италіи при вступленіи виновнаго въ тюрьму, онъ помѣщается въ отдѣльную камеру; это заключеніе продолжается 36 часовъ; въ это время его знакомятъ съ новыми обязанностями,

а затѣмъ переводятъ въ низшій классъ заключенныхъ, гдѣ для него существуетъ длинный рядъ лишеній въ пищѣ, въ правѣ разговаривать, имѣть свиданія и т. п. Въ случаѣ хорошаго поведения, заключенный, или по усмотрѣнію начальства, или въ зависимости отъ продолжительности наказанія, переводится во второй классъ. Обратный переходъ въ низшій классъ совершается по усмотрѣнію начальника тюрьмы, въ видѣ наказанія за нарушеніе правилъ тюремной дисциплины. Первый классъ даетъ состоящему въ немъ новыя преимущества: внѣшнія отличія, улучшеніе пищи и т. п.¹

Наконецъ, въ Англіи для осуществленія мѣръ воспитанія существуетъ особое должностное лицо—governor, который обязанъ, при поступленіи виновнаго въ тюрьму, разсмотрѣть обстоятельства совершеннаго ими преступленія, выписку о его прежней службѣ и поведеніи, отмѣтки объ его характерѣ, его возрастѣ и обо всемъ, что можетъ служить къ характеристикѣ заключеннаго, чтобы на основаніи этихъ данныхъ помѣстить заключеннаго въ одинъ изъ трехъ классовъ. На его же обязанности лежитъ протектировать молодымъ солдатамъ и менѣе испорченнымъ нижнимъ чинамъ, объяснять имъ тяжкія послѣдствія дурнаго поведения и возбуждать въ заключенныхъ надежду на улучшеніе ихъ положенія путемъ возможнаго перехода въ высшій классъ. Рецидивисты непосредственно поступаютъ въ низшій классъ. Состояніе въ высшемъ классѣ даетъ заключенному рядъ тѣхъ или другихъ преимуществъ².

По нашему мнѣнію, наиболѣе удачно разрѣшаетъ вопросъ о тюремномъ воспитаніи положеніе о нашихъ дисциплинарныхъ батальонахъ. Несмотря на то, что бывшее по положенію 1878 г. первою ступенью для заключенныхъ одиночное заключеніе—вполнѣ нормальная и цѣлесообразная мѣра воспитанія—отмѣнено, тѣмъ не менѣе законъ отмѣчаетъ рядъ мѣръ, которыя по необходимости должны вызвать соревнованіе въ заключенномъ.

Поступая въ общее число заключенныхъ, военнотрудовой по рѣшенію дисциплинарнаго комитета черезъ нѣсколько времени переходитъ въ разрядъ исправляющихся.

Оригинальностью, присущею нашему законодательству, являет-

¹ Vidal, 116—117

² Ibid.

ся отсутствіе указанія срока пребыванія въ первомъ разрядѣ, что вполне естественно, такъ какъ, во-первыхъ, отъ степени интенсивности исправленія зависитъ и приобрѣтеніе тюремныхъ льготъ, а во-вторыхъ, самыя льготы не даютъ переведеннымъ какихъ-либо особо выдающихся преимуществъ. Но уже поступивъ въ разрядъ исправляющихся, заключенный не теряетъ возможности приобрѣсти еще большія льготы: прежде всего, къ исправляющемуся выказывается особое довѣріе: ему даютъ ружье и обучаютъ одиночной стрѣльбѣ и разсыпному строю ¹; вмѣстѣ съ тѣмъ заключенныхъ, которые будутъ признаны заслуживающими перевода въ разрядъ исправляющихся, разрѣшается выводить на ученья и занятія вмѣстѣ съ неопороченными нижними чинами той части войскъ, при которой учреждена команда; наконецъ, исправляющіеся могутъ быть, съ разрѣшенія начальника дисциплинарной части, увольняемы со двора одни, безъ конвоя, какъ для исполненія порученій начальства, такъ и по собственной ихъ надобности ².

Кромѣ всего этого, нашъ законъ знаетъ также и досрочное освобожденіе; онъ указываетъ, что заключеннымъ, отличающимся особенно хорошимъ поведеніемъ и знаніемъ службы, срокъ пребыванія въ дисциплинарной части можетъ быть сокращенъ, но не болѣе, какъ на одну шестую часть срока, при чемъ это сокращеніе не влечетъ за собою перечисленія въ число безпорочно-служащихъ во все время нахожденія въ дисциплинарной части ³.

Порядокъ освобожденія представляется болѣе цѣлесообразнымъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ, нежели въ отдѣльных командахъ: въ первыхъ—освобожденіе имѣетъ мѣсто въ силу опредѣленія комитета, въ послѣднихъ — командира части, при которой учреждена команда. Естественно, что при условіи коллегиальнаго разрѣшенія вопроса о сокращеніи срока, это послѣднее можетъ имѣть важное уголовно-политическое значеніе, хотя оно и совершается не на основаніи «предварительнаго фізіо-психологическаго изслѣдованія» ⁴ заключеннаго,

¹ Ст. 67 кн. XVII. С. В. П.

² Ст. 44.

³ Ibid.

⁴ Ferri,—Sociologia criminale, стр. 694.

какъ требуетъ того Ферри; въ командахъ же освобожденіе носитъ чисто бюрократическій характеръ.

Наконецъ, законъ возлагаетъ на начальника части совершение послѣдняго акта въ дѣлѣ военно-тюремнаго воспитанія, а именно: онъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о поведеніи освобожденныхъ изъ заключенія въ тѣ части войскъ, откуда они прибыли, а о заключенныхъ, отличавшихся во время содержанія въ дисциплинарной части знаніемъ службы, хорошимъ поведеніемъ и нравственностью, доводитъ особо до свѣдѣнія командировъ войскъ, куда возвращаются освобожденные; наконецъ, заключенные, которые по окончаніи срока заключенія подлежатъ увольненію въ запасъ, переводятся начальниками дисциплинарныхъ частей въ разрядъ безпорочно-служащихъ, «если того заслуживаютъ».

Однако, только этими данными и исчерпываются всѣ положительныя черты нашего законодательства. Что касается заключенія въ крѣпости, на гауптвахтѣ, въ одиночныхъ военныхъ тюрьмахъ и въ арестныхъ мѣстахъ при частяхъ войскъ, то нашъ законъ совершенно умалчиваетъ о мѣрахъ тюремнаго воспитанія, какъ будто таковыя тамъ вовсе излишни. Отсутствіе указаній на эти мѣры по отношенію къ заключеннымъ въ военныхъ тюрьмахъ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ, что наше одиночное заключеніе, главнымъ образомъ, служитъ задачамъ чисто устрашительнымъ.

Въ самое послѣднее время во *Франціи* возникла мысль о необходимости ввести въ военно-пенитенціарныя заведенія нѣкоторыя новыя мѣры воспитанія, до тѣхъ поръ неизвѣстныя во Франціи. Такъ, по закону 1900 г., напр., заключенные, поведеніе которыхъ является вполнѣ удовлетворительнымъ, могутъ получить улучшенное довольствіе, но не изъ суммъ тюрьмы, а изъ своихъ собственныхъ денегъ, составляющихъ тюремный заработокъ¹. Понятно, что такая мѣра имѣетъ очень небольшое значеніе въ дѣлѣ военно-тюремнаго воспитанія; зато разрѣшеніе примѣнять досрочное освобожденіе представляется весьма серьезнымъ. Чтобы получить право на освобожденіе до срока, заключенный обязанъ вести себя «bien»; относительно такихъ разрѣшается освобожденіе въ формѣ «grâce» или «réduction de la peine», но не

¹ Décret. art 9.

ранѣ, какъ по истеченіи, по меньшей мѣрѣ, половины назначеннаго имъ наказанія, хотя бы таковое и являлось результатомъ пониженія или замѣны другого наказанія¹. Впрочемъ, этотъ срокъ можетъ быть пониженъ при условіи, если заключенный проявитъ свое мужество, самопожертвованіе, честность и т. п.².

Instruction 10 декабря 1900 г. самымъ подробнымъ образомъ регламентируетъ порядокъ и способы осуществленія этихъ мѣръ. Ежегодно къ 1-му апрѣля и 1-му октября тюремное начальство обязано дѣлать военному министру представленія относительно заключенныхъ: 1) отбывшихъ половину наказанія и заслуживающихъ помилованія, 2) отбывшихъ такой же срокъ и достойныхъ пониженія наказанія и 3) отбывшихъ въ заключеніи не менѣе 5 лѣтъ и могущихъ быть освобожденными на остающуюся часть наказанія. Впрочемъ, эти представленія могутъ имѣть мѣсто и въ другое время года, но исключительно въ отношеніи: а) присужденныхъ къ *emprisonnement* на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, если только путемъ семестральныхъ представленій эта мѣра не можетъ быть осуществлена, и б) заключенныхъ, которые отличаются усердіемъ къ службѣ и неспособны служить въ арміи³.

Вмѣстѣ съ этимъ инструкція строго воспрещаетъ⁴ начальникамъ военно-тюремныхъ заведеній сообщать заключеннымъ о томъ, что они имѣютъ свойства, необходимыя для представленія министру относительно помилованія или смягченія наказаній, а также поставлять ихъ въ извѣстность относительно сдѣланныхъ уже ими представленій⁵.

Въ *Бельгии* среди мѣръ военно-тюремнаго воспитанія особаго вниманія заслуживаютъ т. наз. «*proposition de réintégration*» относительно *disciplinaires*, и «*de réduction de peine*» и «*de grâce*» — для *correctionnaires*.

Перваго числа каждаго мѣсяца командиръ дисциплинарнаго корпуса дѣлаетъ представленія въ военный департаментъ относительно тѣхъ изъ «*disciplinaires*», которые по своему поведенію

¹ Ibid., art. 7.

² Ibid.

³ Instruction, art. 57.

⁴ Ibid.

⁵ *Sortais* (Délits militaires) настойчиво требуетъ допущенія въ армію института досрочнаго условнаго освобожденія; стр. 309—314.

заслуживаютъ быть возвращенными въ части, при условіи, если они находились въ ротѣ не менѣе 6-ти, а рецидивисты — 9-ти мѣсяцевъ ¹.

Что касается представленій о досрочномъ освобожденіи и помилованіи, то инициатива такихъ ходатайствъ возлагается на ротнаго командира, который обязанъ ежемѣсячно представлять командиру корпуса списки достойныхъ освобожденія; этотъ послѣдній, давая свое заключеніе по этому вопросу, направляетъ представленіе по командѣ къ военному министру. Самимъ *correctionnaire* амъ воспрещается просить объ освобожденіи или помилованіи ².

Подобныя представленія начальства могутъ имѣть мѣсто только въ отношеніи *correctionnaire* овъ изъ класса награжденныхъ, которые свидѣтельствуютъ свое исправленіе по истеченіи трехъ мѣсяцевъ (рецидивисты — четырехъ) нахожденія въ этомъ классѣ ³. Но и въ этомъ случаѣ никто изъ заключенныхъ не можетъ быть представленъ къ освобожденію, если еще не отбылъ по меньшей мѣрѣ половины, а рецидивисты — двухъ третей опредѣленнаго имъ срока наказанія. Въ случаѣ уваженія ходатайства, срокъ понижается такимъ образомъ, что годъ наказанія считается въ девять мѣсяцевъ — для рецидивистовъ и въ восемь мѣсяцевъ — для всѣхъ остальныхъ ⁴.

Если заключенный, относительно помилованія котораго сдѣлано представленіе, перестанетъ удовлетворять необходимымъ для этого условіямъ, то командиръ корпуса доноситъ объ этомъ непосредственно военному министру ⁵.

Относительно тѣхъ изъ заключенныхъ, которые при окончаніи срока наказанія состоятъ еще въ классѣ наказанныхъ, дѣлается представленіе объ отправленіи ихъ въ дисциплинарную роту, а неисправимые — исключаются изъ арміи ⁶.

Изложенныя правила не лишаютъ возможности дѣлать представленія объ освобожденіи до срока заключенныхъ, заслужи-

¹ Arrêté royal 1 sept. 1886, art. 166—117.

² Ibid., art. 119.

³ Ibid., art. 120.

⁴ Ibid., art. 121.

⁵ Ibid., art. 122.

⁶ Ibid., art. 128.

вающихъ этого по своей храбрости, преданности или въ другихъ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ ¹.

Лучше другихъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается вопросъ объ освобожденіи заключенныхъ въ *германско-мѣ* законодательствѣ, которому извѣстно безусловное и условное освобожденіе.

Первое изъ нихъ носить форму простого помилованія (Begnadigung). Заключеннымъ предоставляется право лично ходатайствовать о помилованіи путемъ подачи прошенія по командѣ на имя императора ².

Это правило не заключаетъ возможности для инспектора тюремъ дѣлать представленія о помилованіи и отъ своего имени, но только въ особенно исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримеръ, при объявленіи мобилизаціи ³.

Условное досрочное освобожденіе—vorläufige Entlassung—въ отношеніи военныхъ заключенныхъ происходитъ на основаніяхъ, принятыхъ германскимъ уложеніемъ ⁴. Заключенные могутъ съ ихъ согласія подлежать условному освобожденію по отбытіи трехъ четвертей наказанія, а если этотъ срокъ составитъ менѣе года, то по меньшей мѣрѣ по истеченіи одного полнаго года опредѣленнаго приговоромъ наказанія при условіи, что они во все время заключенія отличались хорошимъ поведеніемъ ⁵. Условное освобожденіе можетъ быть прекращено во всякое время, если осужденный будетъ дурно вести себя или поступать вопреки возложеннымъ на него при освобожденіи обязательствамъ. Послѣдствіемъ прекращенія досрочнаго освобожденія является возвращеніе освобожденнаго обратно въ мѣсто заключенія, при чемъ время, проведенное осужденнымъ внѣ тюрьмы, въ срокъ опредѣленнаго приговоромъ наказанія не засчитывается ⁶.

Представленія объ условномъ освобожденіи военно-заключенныхъ въ Festungsgefängnisse направляются отъ начальства къ ин-

¹ Ibid., art. 133.

² § 8, п. 2 Mil.-Str.-Vor.

³ § 8, п. 3.

⁴ См. Allgemeine Verfügung vom 21 Januar 1871; Gemeinschaftliche Verfügung des Ministers des Innern und des Justizministers vom 21 Januar 1871, betreffend die Ausführung der §§ 23–26 des Strafgesetzbuchs für den Nord-deutschen Bund.

⁵ § 23 уложенія.

⁶ § 24 уложенія.

спектору, въ другихъ тюремныхъ заведеніяхъ—отъ Gouverneur'a къ командующему генералу, а отъ послѣднихъ — въ генераль-аудиториатъ для дальнѣйшаго направленія. Эти представленія должны быть надлежащимъ образомъ обоснованы ¹.

Условно-освобождаемые отправляются или къ частямъ войскъ, къ которымъ они принадлежатъ, или на родину, если срокъ службы заключеннаго окончился или до конца срока службы остается неполный мѣсяцъ ². Объ освобождаемыхъ доводится до свѣдѣнія полицейскихъ властей по мѣсту родины осужденнаго ³, или начальнику, который приводилъ приговоръ въ исполненіе ⁴; послѣднее только при возвращеніи осужденнаго въ часть. Если же возвращаемый, до истеченія срока наказанія, долженъ быть уволенъ на родину, то начальство его сообщаетъ на родину полицейскимъ властямъ ⁵.

При наличности опасеній за общественную безопасность, по распоряженію полицейской власти мѣстопробыванія осужденнаго, можетъ послѣдовать временное задержаніе освобождаемаго, вслѣдъ за этимъ и освобожденіе должно быть временно прекращено ⁶.

Если опредѣленный приговоромъ срокъ заключенія истекъ безъ прекращенія условнаго освобожденія, то назначенное наказаніе лишеніемъ свободы считается отбытымъ сполна ⁷.

Таковы мѣры военно-тюремнаго воспитанія.

Въ наше время является необходимость ввести повсюду институтъ досрочнаго освобожденія, основаннаго на разумныхъ началахъ условности; эта мѣра явится только улучшеніемъ карательной дѣятельности государства, а передача дѣла воспитанія въ руки тюремнаго начальства, поскольку это допускается интересами существа наказанія, не подрветъ авторитета суда. Этотъ послѣдній, изучая дѣяніе виновника въ теченіе незначительнаго промежутка времени судебного засѣданія, компетентенъ лишь установить законодательное предписаніе, не справляясь съ цѣлесообразностью назначеннаго имъ наказанія. Поэтому необходимо

¹ § 41, п. 1 M.-Str.-Ver.

² § 41, п. 2 ibid.

³ § 41, п. 4 ibid.

⁴ § 47, п. 1, с.

⁵ Пун. 5.

⁶ § 25 улож.

⁷ § 26 улож.

предоставить право воспитывать заключенныхъ тюремному начальству, которое или единолично, или рѣшеніемъ коллегіальныхъ органовъ, можетъ восполнить и исправить тѣ естественные недостатки, которые имѣетъ въ наше время уголовная юстиція.

§ 64. Военно-тюремное управленіе.

Вопросъ о надлежащемъ военно-тюремномъ управленіи представляется особенно важнымъ, такъ какъ достиженіе цѣлей самаго наказанія значительно зависитъ, съ одной стороны, отъ правильности организаціи этого управленія, съ другой—отъ индивидуальныхъ свойствъ военно-тюремнаго персонала.

При разсмотрѣніи настоящаго вопроса приходится остановиться на организаціи высшаго и мѣстнаго управленія и способа осуществленія военно-тюремнаго управленія, поскольку оно входитъ въ вопросъ о цѣлесообразности наказанія.

Въ первомъ отношеніи весьма важно установить, какой подчиненной власти должно принадлежать управленіе. Только въ самое послѣднее время стали приходить къ убѣжденію, что во главѣ военно-тюремныхъ заведеній должна быть поставлена власть военнаго или морскаго министерства, смотря по назначенію тюрьмы.

Въ сущности, если военная тюрьма предназначена для военно-служащихъ, съ цѣлью пріучить ихъ къ требованіямъ военной службы, то единственнымъ возможнымъ отсюда послѣдствіемъ вытекаетъ необходимость передачи тюремныхъ заведеній въ вѣдомство военнаго министерства.

Мѣста высшаго управленія.—Высшій надзоръ и завѣдываніе военно-тюремными заведеніями у насъ принадлежитъ военному министру по главному штабу. Ближайшее наблюденіе за мѣстами заключенія измѣняется въ зависимости отъ того, къ какому виду принадлежитъ данное пенитенціарное учрежденіе. Такъ, главное завѣдываніе и управленіе осужденными къ заключенію въ крѣпость принадлежитъ коменданту крѣпости, другіе военно-тюремныя заведенія подчиняются: дисциплинарные батальоны и роты—начальникамъ мѣстныхъ или командирамъ линейныхъ бригадъ, гдѣ таковыя имѣются, а въ противномъ случаѣ—начальникамъ областныхъ штабовъ; военныя тюрьмы и тюремныя от-

дѣленія—начальникамъ мѣстныхъ бригадъ, а дисциплинарныя команды—командирамъ частей, при которыхъ онѣ учреждены ¹.

Во Франціи высшее завѣдываніе, подъ надзоромъ военнаго министра, принадлежитъ мѣстному высшему военному начальнику, гдѣ учреждено военно-тюремное заведеніе ²: генераламъ—командирамъ армейскихъ корпусовъ въ самой Франціи и начальникамъ территориальныхъ дивизій въ Алжирѣ и Тунисѣ относительно prisons; надзоръ за pénitenciers и ateliers de travaux publics осуществляется военными губернаторами, командирами корпусовъ и мѣстными властями ³.

Командиры корпусовъ могутъ возлагать непосредственное наблюденіе за пенитенціаріями плацъ-майорамъ, старшимъ въ чинахъ, нежели начальники заведеній. Если prison управляется не офицеромъ, то права плацъ-майора расширяются до фактическаго руководства дѣятельностью начальниковъ тюремъ и ревизіею отчетности. Кромѣ того, командиръ корпуса обязанъ, по меньшей мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ осматривать мѣста заключенія и содержащихся въ нихъ лицъ. Въ отношеніи pénitenciers и мастерскихъ публичныхъ работъ надзоръ командира корпуса ограничивается общимъ наблюденіемъ за ними, безъ права входить въ детали осуществленія пенитенціарнаго режима и службы ⁴.

Въ *Германіи* Festungsgefängnisse подчинены непосредственно инспектору военно-тюремныхъ заведеній (Inspekteur der militärischen Strafanstalten). Однако, это не исключаетъ возможности для мѣстныхъ командующихъ генераловъ, губернаторовъ и другихъ лицъ осуществлять въ отношеніи этихъ заведеній права и обязанности, присвоенныя имъ по наблюденію за войсковыми частями данной мѣстности ⁵. Инспекторъ непосредственно подчиняется военному министерству, по департаменту Invalidenwesen; его служебное положеніе и чинъ соотвѣтствуютъ командирамъ полковъ; мѣстопробываніе инспектора—г. Берлинъ ⁶.

Въ *Бельіи* corps de discipline et de correction подчиняется начальнику той провинціи, гдѣ расположенъ штабъ корпуса,

¹ Ст. 2.

² Декретъ 1900 г., art. 1.

³ Art. 7 инструкции.

⁴ Ibid., art. 7.

⁵ См. Milit.-Straf.-Vorschr. § 3, п. 2.

⁶ Ibid.; § 61. п. 1.

подъ высшимъ наблюденіемъ *commandant de la conscription militaire* этой провинціи; послѣдній осуществляетъ въ отношеніи дисциплинарнаго корпуса права и обязанности бригадныхъ и дивизионныхъ начальниковъ ¹.

Въ Италіи высшее управленіе ввѣряется военному министерству, въ Англіи—т. н. *visitor*'у—инспектору, назначаемому военнымъ министромъ ².

Инспекціи.—Надзоръ высшаго военно-тюремнаго управленія надъ мѣстными органами совершается посредствомъ *инспекцій*.

Такъ, во Франціи закономъ 12 апрѣля 1900 г. установлена общая инспекція по военной юстиціи, которая ввѣрена военнымъ губернаторамъ Парижа и Ліона, командующимъ армейскими корпусами и командиру 19 корпуса въ Алжирѣ и Тунисѣ; право инспектированія они могутъ передавать начальникамъ своихъ штабовъ ³.

Инспекція имѣетъ цѣлью изслѣдовать: исполняются ли законы о военно-пенитенціарныхъ заведеніяхъ, каково состояніе персонала тюрьмы, насколько удовлетворительно тюремное управленіе и въ какомъ состояніи находятся заключенные ⁴. Инспектирующій обязанъ разсматривать журналы взысканій и наградъ, отмѣтки о степени исправимости осужденныхъ, пробовать пищу, осматривать запасы, архивъ, суммы и т. п. Кромѣ того, онъ представляетъ къ производству чиновъ военно-тюремныхъ заведеній, производитъ испытанія желающимъ занять мѣста въ заведеніяхъ и т. п. ⁵

Въ *Германіи* инспекторъ является отвѣтственнымъ за правильность исполненія наказанія въ *Festungsgefängnissen*; онъ также обязанъ принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы цѣль наказанія была достигнута ⁶. Онъ производитъ изслѣдованія въ области военно-тюремнаго дѣла и о необходимости при-

¹ См. Arrêté royal 1 sept. 1886, art. 3—4.

² Vidal, op. cit.

³ См. Instruction complémentaire pour l'inspection générale du service de la justice militaire (12 avr. 1900, Bulletin officiel, partie supplémentaire). dispositions générales.

⁴ Ibid., art. 20.

⁵ Ibid., art. 23 - 55.

⁶ Mil.-Str.-Vor., § 61, п. 6.

нятія тѣхъ или другихъ мѣръ сообщаетъ военному министерству ¹. Одинъ разъ въ годъ онъ обязанъ посѣтить ввѣренныя ему заведенія и о найденномъ въ нихъ представляетъ отчетъ въ министерство ². Въ каждую крѣпостную тюрьму назначается наблюдающій штабъ-офицеръ изъ мѣстнаго гарнизона, на обязанности котораго лежитъ посѣщеніе разъ въ мѣсяцъ мѣстъ заключенія для фактическаго наблюденія за исполненіемъ тамъ законодательныхъ опредѣленій и донесенія о найденномъ инспектору. Этотъ штабъ-офицеръ не подчиняется инспектору въ дисциплинарномъ отношеніи, равно какъ и не пользуется дисциплинарною властью по отношенію къ персоналу и населенію военно-тюремнаго заведенія. Такимъ образомъ, функціи штабъ-офицера ограничиваются только наблюденіемъ ³.

Въ *Бельіи* въ качествѣ инспектора дисциплинарнаго корпуса является генераль по назначенію военнаго министра; ежегодно онъ осматриваетъ дисциплинарныя и исправительныя роты, при чемъ роты, находящіяся въ отдѣлѣ, осматриваются корпуснымъ генераломъ ⁴.

Такимъ образомъ, функціи военнаго министерства ограничиваются только общимъ наблюденіемъ за исполненіемъ закона, путемъ инспектированія мѣстъ военнаго заключенія и частью посредствомъ назначенія лицъ тюремнаго персонала.

Мѣстная тюремная администрація. Вопросъ о пріисканіи лицъ, могущихъ служить въ качествѣ военно-тюремнаго персонала, составляетъ животрепещущій вопросъ нашего времени. Безъ сомнѣнія, что многое, если не все, зависитъ отъ ближайшихъ начальниковъ тюрьмы, которые примѣняютъ законъ и тѣмъ самымъ призываются къ тому, чтобы наказаніе представляло собою цѣлесообразный актъ. Однако, почти вездѣ этимъ вопросомъ занимаются слишкомъ мало, и во главѣ военно-тюремныхъ заведеній нерѣдко можно встрѣтить лицъ, или вовсе не интересующихся дѣломъ, или—что еще хуже—давно уже порвавшихъ всякую связь съ военнымъ бытомъ и военною службою.

Во Франціи во главѣ каждой *prison militaire* стоятъ *adjudant sous-officier*, который и носитъ титулъ «*agent principal*», хотя,

¹ Ibid., ч. 3.

² Ibid., п. 7.

³ Ibid., § 62, п. 1-3.

⁴ Arêté, 1876 г., art. 5.

по исключенію, разрѣшено ввѣрять управленіе тюрьмою командирамъ батальоновъ или капитанамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ или въ отставкѣ. Каждое пенитенціарное заведеніе, а также и мастерскія публичныхъ работъ состоятъ подъ начальствованіемъ батальонныхъ командировъ или капитановъ ¹.

Низшій персоналъ тюремныхъ заведеній включаетъ въ себѣ: въ prisons—sergent major'овъ по одному на 80 заключенныхъ и 3 surveillants; въ pénitenciers и ateliers de travaux publics—adjudant de surveillance: въ пенитенціаріяхъ Франціи—одинъ на 350 заключенныхъ, въ Алжирѣ и въ тюремныхъ заведеніяхъ, гдѣ число заключенныхъ больше,—двое; sergents—2 на 350 чел.; sergent-concierge—1; surveillants—одинъ на 25 чел. ².

Кромѣ того, въ каждомъ пенитенціаріи и мастерской публичныхъ работъ въ качествѣ органа управленія является conseil d'administration ³, состоящій изъ начальника заведенія, какъ предсѣдателя, и членовъ officier adjoint au commandant и officier d'administration comptable—secrétaire; при отсутствіи начальника обязанности предсѣдателя возлагаются на adjoint, а въ качествѣ члена приглашается офицеръ отъ войскъ. На обязанности со-вѣта лежитъ главнымъ образомъ хозяйственное управленіе ⁴.

Въ prisons militaires управленіе ввѣрется agent principal ⁵.

Въ *Бельгіи* дисциплинарный и исправительный корпусъ состоитъ: изъ штаба и двухъ дивизионовъ—дисциплинарнаго, состоящаго изъ двухъ, и исправительнаго—изъ четырехъ ротъ. Каждая рота дѣлится на четыре взвода, шесть отдѣленій и 16 капральствъ ⁶. Во главѣ корпуса стоитъ commandant, пользующійся правами командира полка ⁷, затѣмъ—ротные командиры съ помощниками и унтеръ-офицеры.

Кромѣ того, управленіе ввѣрется двумъ совѣтамъ: de surveillance и d'administration.

Первый состоитъ изъ начальника копскрипціи, начальника корпуса жандармовъ, начальника провинціи, главнаго санитар-

¹ Декретъ 1900 г., art. 1.

² См. art. 11 инструкции 1900 года.

³ Art. 10 *ibid.*

⁴ Art. 219—220 *ibid.*

⁵ Art. 221 *ibid.*

⁶ Arrêté 1886 г., art. 1—2.

⁷ *Ibid.*, art. 6.

наго инспектора и генераль-аудитора. На его обязанности лежить наблюдение и руководство внутреннею службою корпуса и представление военному министру о необходимости улучшеній въ военно-тюремномъ дѣлѣ и существующихъ законоположеніяхъ ¹.

Conseil d'adminstration составляется изъ предсѣдателя—командира корпуса, вице-предсѣдателя—одного изъ майоровъ корпуса, двухъ членовъ—капитановъ изъ штаба корпуса и секретаря. Его функции чисто хозяйственнаго характера ².

Въ *Германіи* во главѣ Festugsgefängnisse стоитъ офицеръ, носящій названіе «Vorstand»; при немъ состоитъ одинъ или нѣсколько офицеровъ. Если въ крѣпостныхъ тюрьмахъ заключенные раздѣляются на отдѣленія, то эти офицеры, начальствуя отдѣленіями, получаютъ названіе «Abtheilungsführer» ³. Vorstnd имѣетъ дисциплинарную власть, присвоенную полковому командиру, начальники отдѣленій—власть командира роты ⁴. При тюрьмахъ состоятъ врачи ⁵.

Въ число т. наз. Aufsichtpersonal входятъ всѣ унтеръ-офицеры тюрьмы. На должности фельдфебелей (одинъ на тюрьму) и сержантовъ (15 человекъ) назначаются только старослужащіе, заслуженные и испытанные унтеръ-офицеры ⁶. Не касаясь другихъ должностныхъ лицъ (машинистовъ, лазаретныхъ служителей, каптенармусовъ и т. п.), отмѣтимъ между прочимъ, что въ помощь тюремномъ надзору изъ частей войскъ командируются ефрейторы и рядовые на срокъ въ 6 недѣль ⁷.

Мѣстное административное управленіе тюрьмы совершается особой Verwaltungs-Kommission, состоящей изъ начальника и Rendanten ⁸.

Наши дисциплинарныя части управляются особыми начальниками, на обязанность которыхъ возлагается содержать свою команду въ исправности по всѣмъ частямъ внутренняго и внѣш-

¹ Ibid., art. 20—21.

² Ibid., art. 134—135.

³ См. Mil.-Str.-Vor., § 63. п. 1—2.

⁴ Ibid., п. 3.

⁵ См. § 64.

⁶ § 65.

⁷ § 66.

⁸ § 140.

няго благоустройства, соблюдать порядокъ въ способѣ содержанія заключенныхъ, не допуская въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго отступленія или послабленія, и направлять дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ къ точному выполненію служебныхъ обязанностей и сохраненію между заключенными воинской дисциплины ¹.

Начальникъ батальона или роты пользуется правами полкового командира, а начальникъ команды — правами командира роты дисциплинарнаго батальона ². Завѣдываніе заключенными распредѣляется между офицерами дисциплинарной части, а въ командѣ лежитъ на обязанности ея начальника; кромѣ того, на офицера, завѣдывающаго хозяйственною частью батальона, возлагается, между прочимъ, и завѣдываніе отдѣленіемъ тюрьмы при батальонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на священникъ дисциплинарной части лежитъ обязанность тюремнаго образованія и воспитанія заключенныхъ.

Кромѣ того, при каждомъ дисциплинарномъ батальонѣ или ротѣ состоитъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ начальника батальона, изъ ротныхъ командировъ, а въ командѣ — изъ наличныхъ офицеровъ; въ совѣщаніяхъ комитета принимаютъ участіе: священникъ по дѣламъ, относящимся до нравственнаго состоянія заключенныхъ, и врачъ по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигиеническихъ мѣръ ³.

Военными тюрьмами завѣдуютъ начальники, пользующіеся правами полковыхъ командировъ; при нихъ состоятъ помощники, которые содѣйствуютъ начальнику тюремнаго заведенія во всемъ, что касается общаго порядка управленія заключенными, и священники, которые, кромѣ общихъ обязанностей, должны также наставлять заключенныхъ въ религіи, навѣщая ихъ для того какъ можно чаще и обращая особенное вниманіе на ихъ нравственность.

¹ Ст. 12 XVII кн. С. В. П.

² Ст. 13, *ibid.*

³ Существо власти начальниковъ нашихъ дисциплинарныхъ частей таково, что это наказаніе можетъ быть или въ высшей степени исправительнымъ, или имѣть устрашительное значеніе, или наконецъ вовсе не имѣть смысла — карательнаго и исправительнаго. Данныя практики подтверждаютъ это.

Что касается низшихъ служителей тюремнаго персонала, то законъ предписываетъ назначать ихъ изъ нижнихъ чиновъ грамотныхъ и не опороченныхъ судомъ; они занимаютъ должности фельдфебелей, отдѣленныхъ начальниковъ, привратниковъ и надзирателей.

Ближайшій надзоръ за заключенными въ крѣпости ввѣряется комендантскому штабъ-офицеру и комендантскому адъютанту, а для исполненія внутреннихъ обязанностей назначаются благонадежные, преимущественно, грамотные и старослужащіе нижніе чины изъ частей, состоящихъ въ штатѣ крѣпостнаго управленія.

Такимъ образомъ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ управление военно-тюремными заведеніями находится въ рукахъ лицъ, взятыхъ изъ строевой обстановки. Однако, важность военно-тюремнаго дѣла заставляетъ признать такую организацію совершенно недостаточной, такъ какъ отъ начальника тюрьмы необходимо требовать пониманія ея задачъ и цѣлей военно-тюремнаго воспитанія.

§ 65. Вопросы военно-тюремной гігіены.

Военно-тюремное заключеніе предназначено для такихъ правонарушителей, которые по истеченіи срока наказанія должны снова вернуться въ строй и по-прежнему нести обязанности военной службы. Изъ этого вытекаетъ, что устройство и режимъ военной тюрьмы должны содѣйствовать поддержанію физическаго благосостоянія заключеннаго, а отнюдь не противодействовать ему.

Вопросъ военно-тюремной гігіены всецѣло входитъ въ вопросъ о цѣлесообразности данной карательной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, если наказаніе, примѣненное къ военнослужащему, необходимо влечетъ за собою подрывъ его трудоспособности въ арміи и его здоровья, то оно является уже не исправительною, а карательною мѣрою, а слѣдовательно и всѣ средства тюремнаго воспитанія становятся излишними.

Для государства и арміи важно, чтобы тюрьма выпустила виновнаго не въ болѣзненномъ состояніи, а съ извѣстнымъ запа-

сомъ силъ. Поэтому предъ карательною властью возникаетъ дилемма: примѣнить ли карательныя основанія, или установить начала гигиеническія; такъ какъ оба эти условія противорѣчатъ другъ другу, то является необходимымъ привести ихъ къ желательному соотвѣтствію.

Мы не будемъ касаться общихъ гигиеническихъ мѣръ тюрьмы и остановимся лишь на вопросахъ о пищѣ, одеждѣ, системахъ постелей, прогулкахъ и гигиеническихъ занятіяхъ заключенныхъ.

Пища. Съ точки зрѣнія карательной, пища арестанта должна представлять собою значительныя уклоненія отъ той, которою пользовался заключенный на свободѣ: она должна быть сурова, проста и невелика по объему, чтобы лишеніе это представлялось для заключеннаго дѣйствительнымъ лишеніемъ. Но само собою разумѣется, что уменьшеніе пищи влечетъ за собою и пониженіе физическихъ способностей заключеннаго. Однако, если признавать только карательное значеніе лишенія свободы, то, не впадая въ ошибку, можно доводить паекъ заключеннаго до хлѣба и воды одинъ разъ въ три дня, такъ какъ, чѣмъ устрашительнѣе наказаніе, тѣмъ менѣе опасности представляетъ нарушитель.

Но гигиеническія требованія говорятъ другое: пища заключенныхъ должна быть питательнѣе пайка свободного военнослужащаго, такъ какъ заключеніе содѣйствуетъ развитію заболѣваний, въ виду недостатка воздуха, недостаточнаго обмѣна веществъ и ряда другихъ причинъ; что качество должно удовлетворять извѣстнымъ условіямъ: въ нее должно входить мясо, жиръ и бѣлокъ; черный хлѣбъ, картофель угрожаютъ организму заключеннаго; что характеръ и размѣръ пищи долженъ быть строго индивидуализированъ; что, наконецъ, размѣръ пайка заключеннаго долженъ быть постояннымъ въ отношеніи количества питательныхъ веществъ и не зависѣть отъ вздорожанія предметовъ продовольствія ¹.

Таковы условія, въ которыхъ находится карательная власть при установленіи системы довольствія заключенныхъ.

Современныя законодательства разрѣшаютъ этотъ вопросъ различно. Наше законодательство, устанавливая для заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ размѣръ и характеръ доволь-

¹ Римскій пенитенціарный конгрессъ; Фойницкій, 421 стр.

ствія на общихъ основаніяхъ съ войсками, поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно¹; кромѣ того, оно предписываетъ врачу совмѣстно съ однимъ изъ офицеровъ дисциплинарной части ежедневно свидѣтельствовать пищу для заключенныхъ².

Для состоящихъ въ военной тюрьмѣ законъ устанавливаетъ систему строго опредѣленнаго въ отношеніи питательныхъ веществъ пайка. На каждого заключеннаго отпускается въ день: хлѣба ржаного по 3 фунта и соли по 6 золотниковъ, горячая пища къ обѣду, состоящая изъ щей или похлебки, приготовленная изъ овощей съ мясомъ въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ фунта на человѣка или съ постнымъ масломъ и рыбою, полагая по $\frac{1}{4}$ масла и по $\frac{3}{4}$ ф. рыбы на десять человѣкъ³; пища готовится изъ свѣжихъ, доброкачественныхъ припасовъ и ежедневно свидѣтельствуется врачомъ и офицеромъ⁴.

Во Франціи довольствіе заключенныхъ въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ имѣетъ два вида: довольствіе отъ казны и изъ собственныхъ средствъ заключенныхъ.

Отъ казны заведеніе получаетъ денежныя суммы, которыя и расходуются въ зависимости отъ наличнаго числа содержащихся въ заключеніи. Нижніе чины получаютъ обѣдъ и ужинъ, а по четвергамъ и воскресеньямъ — полдни. Обѣдъ готовится изъ свѣжихъ припасовъ по расчету на каждые 100 человѣкъ: мяса (въ зависимости отъ времени года) отъ 14 до 15 килограм., хлѣба 9 кил. 300 гр., овощей—10 килогр. На ужинъ выдается по тому же числу людей: хлѣба 9 кил. 300 гр., сала 2 кил. 500 гр., сухихъ овощей 20 литр., картофелю 10 литр. Полдникъ состоитъ изъ сухихъ овощей — 45 литр., картофелю — 15 литр., жира 1 килогр⁵.

Кромѣ того, заключенные, поведеніе которыхъ признается удовлетворительнымъ, могутъ улучшать свой паекъ изъ своихъ собственныхъ средствъ⁶, пріобрѣтенныхъ или путемъ заработка въ военно-тюремномъ заведеніи, или другимъ способомъ⁷. Имъ

¹ Ст. 62, кн. XVII.

² Ст. 63 *ibid.*

³ Ст. 160 *ibid.*

⁴ Ст. 161 *ibid.*

⁵ Instruction 1900 г., art. 137, 130—136.

⁶ *Ibid.*, art. 140.

⁷ *Ibid.*, art. 206.

вовсе не выдается на руки денегъ, и улучшение пищи можетъ имѣть мѣсто при содѣйствіи тюремныхъ буфетовъ (cantine), состоящихъ въ завѣдываніи антрепренеровъ¹. Однако, ежедневный ихъ расходъ на этотъ предметъ не можетъ превышать 30 сантимовъ для рядовыхъ и 60-ти — для унтеръ-офицеровъ². Эта система тюремныхъ буфетовъ вызываетъ достаточныя сомнѣнія, такъ какъ она создаетъ нежелательное въ дѣлѣ военно-тюремнаго воспитанія неравенство въ положеніи заключенныхъ, имѣющихъ и не имѣющихъ собственныхъ средствъ.

Въ *Германіи* довольствіе заключенныхъ нижнихъ чиновъ производится въ размѣрѣ точно опредѣленныхъ пайковъ. Суммы на довольствіе каждую четверть года требуются изъ интендантства, а приобрѣтеніе жизненныхъ припасовъ лежитъ на обязанности тюремнаго заведенія³. Пища дается заключеннымъ три раза въ день—утромъ, днемъ и вечеромъ⁴.

Улучшенное довольствіе имѣетъ мѣсто три раза въ годъ въ большіе праздники, а также въ дни рожденія императора и мѣстныхъ *Landesherrn*, въ областяхъ которыхъ расположено тюремное заведеніе⁵; въ этихъ случаяхъ увеличивается порція мяса и выдается пиво.

Иногда государство бываетъ вынуждено предоставить способы продовольствія самимъ заключеннымъ, отпуская на это особые средства или вознаграждая виновнаго жалованьемъ. Эта система принята для довольствованія арестованныхъ или заключенныхъ офицеровъ и чиновниковъ.

По нашему праву, заключеннымъ въ крѣпости, которые послѣ окончанія срока подлежатъ исключенію изъ службы, отпускаются изъ интендантства особые кормовыя деньги: генераламъ въ размѣрѣ 50 коп., штабъ и оберъ-офицерамъ по 40 коп. — въ сутки. Наконецъ, заключенные могутъ, съ разрѣшенія коменданта, получать улучшенную пищу изъ собственныхъ средствъ, но безъ употребленія вина (что можетъ быть разрѣшено только въ случаѣ необходимости по требованію врача). Что касается

¹ Art. 112.

² Art. 207.

³ Mil.-Str.-Vorschr., § 184, п. 1 и 2.

⁴ Размѣры пайка и виды пищи см. Anlage къ § 184 M.-Str.-Vor.

⁵ Ibid., п. 5.

тѣхъ военнoслужашихъ, которые подлежатъ по освобожденіи возвращенію въ строй, получаютъ взаменъ кормовыхъ денегъ жалованье по чинамъ сполна¹.

Во Франціи довольствоваться изъ собственныхъ средствъ разрѣшается офицерамъ, чиновникамъ и нѣкоторымъ изъ унтеръ-офицеровъ. Они могутъ получать пищу отъ поставщиковъ, допущенныхъ въ заведеніе начальникомъ его. Имъ воспрещается употреблять водку и ликеръ; вино разрѣшается получать въ количествахъ не болѣе ³/₄ литра.

Одежда. — Вопросъ объ одеждѣ для заключенныхъ военнoслужашихъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что и въ военномъ заключеніи виновный долженъ носить присвоенную ему форму одежды, показывающую принадлежность его къ той или другой строевой части. Никакія измѣненія въ ней не допустимы, равно какъ не допустима и особая форма для заключенныхъ, — хотя бы и военная. Оставляя заключеннаго въ его формѣ, государство не порываетъ его связи съ частью войскъ; форма служить для виновнаго постояннымъ напоминаніемъ принадлежности его къ строевой единицѣ и необходимости подчиняться требованіямъ воинскаго правопорядка.

Едва ли слѣдуетъ говорить о томъ, что на заключеннаго въ военной тюрьмѣ нецѣлесообразно надѣвать также арестантскіе халаты или другую какую-либо арестантскую форму, связывающую виновнаго съ преступниками общихъ мѣстъ заключенія. При этомъ необходимо помнить, что воинское заключеніе, будучи страданіемъ и лишеніемъ, въ то же время не позорно.

Въ интересахъ военной службы, *размѣщеніе* заключенныхъ въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, построенныхъ по системѣ совмѣстнаго заключенія, должно вполне соответствовать принятому въ частяхъ войскъ, причемъ система нарѣ должна и здѣсь вызывать еще болѣе нареканій, какъ препятствующая надзору и создающая возможность появленія многихъ нежелательныхъ для тюрьмы явленій.

Прогулки и шіеническія упражненія заключенныхъ содѣйствуютъ поддержанію физическихъ силъ военнoслужащаго, а потому имъ должно удѣлять какъ можно болѣе времени, такъ

¹ Пункты 11 и 12.

² Инструкція 1900 г., art. 139.

какъ, съ одной стороны, они могутъ составить извѣстное карательное средство, а съ другой—оказать непосредственное вліяніе на военное образованіе заключеннаго.

Интересно отмѣтить, что домашній арестъ и другія, подобныя ему наказанія, страдаютъ именно отсутствіемъ права прогулокъ и упражненій: сидѣльцы тюрьмы и заключенные въ дисциплинарныхъ частяхъ *должны* пользоваться прогулками, сидящіе подъ арестомъ или въ своей квартирѣ *не смѣютъ* оставлять мѣста лишенія свободы ¹.

§ 66. Послѣдовательность наказаній лишеніемъ свободы. Краткосрочное заключеніе.

По продолжительности заключенія военнотюремныя заведенія раздѣляются на краткосрочныя и долгосрочныя.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сумма лишеній, представляемая низшими наказаніями лишеніемъ свободы, должна быть меньше суммы лишеній, представляемыхъ высшими по тяжести ²; это—весьма важное правило карательной дѣятельности государства, котораго нельзя игнорировать, безъ нанесенія ущерба дѣлу достиженія цѣлей даннаго карательнаго средства. Поэтому, при установленіи послѣдовательности въ наказаніяхъ, приходится сравнивать существо и степень важности тѣхъ или другихъ тюремныхъ лишеній.

Въ этомъ отношеніи, какъ уже указывалось выше, значительно грѣшитъ принятая нашимъ законодательствомъ карательная послѣдовательность дисциплинарныхъ батальоновъ и одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ. Режимъ одиночнаго заключенія поражаетъ своею необыкновенною суровостью; лишеніе права свиданій, система молчанія, право корреспонденціи и т. п. все это значительно отличается отъ порядка, принятаго въ дисциплинарныхъ частяхъ; если же присоединить къ этому возможность перехода въ разрядъ безпорочно-служащихъ по усмотрѣнію начальника дисциплинарной части, при выходѣ заключеннаго и зачисленіи его въ запасъ, то станетъ яснымъ огромная

¹ Листъ. Задачи уголовной политики. стр. 83.

² Фойницкій 432.

ошибка въ установленіи послѣдовательности этихъ наказаній. Заключенному въ тюрьмѣ за незначительное нарушеніе обязанности службы всегда представляется возможность сбросить съ себя невыносимый режимъ одиночнаго заключенія, путемъ совершенія болѣе тяжкаго преступнаго дѣянія, чтобы такимъ образомъ перейти въ дисциплинарную часть. Къ счастью, такіе случаи хотя и возможны, тѣмъ не менѣе, благодаря своей долгосрочности, дисциплинарныя части не являются достаточно сильнымъ искушеніемъ, что отчасти и ослабляетъ непослѣдовательность карательной системы.

Система современнаго *краткосрочнаго военнаго заключенія* представляется далеко неудовлетворительной. Это заключеніе, по преимуществу, отбывается на гауптвахтахъ, состоящихъ или при частяхъ войскъ, или представляющихъ собою отдѣльное зданіе въ данномъ военномъ округѣ. Имѣя въ виду, что краткосрочное лишеніе свободы въ арміи имѣетъ огромное примѣненіе, необходимо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ съ перваго момента появленія постоянныхъ войскъ зарождается и растетъ система арестовъ. Въ наше время она получаетъ вполнѣ законченное развитіе. Несмотря однако на это, значеніе ареста для арміи, какъ могучаго карательнаго средства, должно быть подвергнуто значительному сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣетъ кратковременное лишеніе свободы и какія цѣли оно преслѣдуетъ?

Едва-ли можно присваивать устрашительное воздѣйствіе низшимъ видамъ ареста, которые создаютъ для военнослужащаго только незначительный рядъ лишеній. Простой арестъ состоитъ въ томъ, что виновный лишается свободы или въ своей квартирѣ или въ особыхъ помѣщеніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ арестъ или въ одиночной камерѣ, или съ лишеніемъ пищи, или свѣта; здѣсь уже больше лишеній, но срокъ значительно уменьшается. Наконецъ, третій видъ ареста, когда заключенный лишается свѣта, пищи, общества и т. п. Въ этомъ случаѣ продолжительность наказанія доходитъ до minimum'a.

Такимъ образомъ, *съ возрастаніемъ суммы лишеній срокъ наказанія понижается*; это составляетъ специфическую особенность системы арестовъ.

При незначительности срока наказанія можно думать, что сила лишеній будетъ для заключеннаго чистою фикціею и не

произведетъ на него устрашительнаго вліянія; при отсутствіи же всякихъ средствъ воспитанія, невозможнаго при незначительномъ срокѣ, нельзя и говорить объ исправительномъ воздѣйствіи ареста. Итакъ, если ни устрашеніе, ни исправленіе виновнаго невозможно, то незачѣмъ государству и нарушать экономію своихъ карательныхъ средствъ устройствомъ мѣстъ краткосрочнаго заключенія.

Однако, вмѣстѣ съ этимъ арестъ составляетъ наиболѣе желательную въ смыслѣ экономіи карательную мѣру; но для того, чтобы онъ былъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, требуется длинный рядъ условій.

Во-первыхъ, если нельзя ввести для арестованныхъ систему тюремнаго воспитанія и достигнуть посредствомъ этого цѣлей исправленія, то необходимо, признавая арестъ мѣрою полезною, сообщить ей устрашительное значеніе. Для этого, не доводя продолжительности ея до современнаго *minimum'a*, а принимая срокъ приблизительно въ 30 сутокъ, можно усилить систему лишеній при арестѣ. Во-вторыхъ, армія должна принять и другія мѣры: уничтожая домашній и простой арестъ, какъ излишній баластъ въ карательной системѣ, государство поступить вполнѣ цѣлесообразно, если допустить систему отсрочки исполненія наказанія.

Не останавливаясь здѣсь подробно на значеніи этого важнаго института, что можетъ послужить обширною темою спеціальнаго изслѣдованія, замѣтимъ, что осуждая военнослужащаго въ дисциплинарномъ или судебномъ порядкѣ за нарушеніе и не примѣняя къ нему наказанія, представитель карательной власти, во-первыхъ, дѣйствовалъ бы въ цѣляхъ частнаго предупрежденія, а во-вторыхъ, примѣнялъ бы воспитательную, въ сущности, мѣру. Военнослужащій, осужденный условно, принялъ бы это осужденіе, какъ наставленіе, какъ угрозу будущимъ зломъ; это могло бы имѣть вліяніе и на ослабленіе у него противоположныхъ инстинктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставило бы его измѣнить поведеніе сообразно съ существомъ и интересами арміи. Такимъ образомъ, армія могла бы имѣть возможность, не отнимая у себя нужныхъ людей и продолжая ихъ военное образованіе въ нормальномъ порядкѣ, примѣнять разумную, удобную и дѣйствительную мѣру.

Въ сущности, подобное положеніе не являлось бы въ законодательствѣ какимъ-то новшествомъ. Наоборотъ, что касается

нашего военно-уголовнаго законодательства, то оно давно уже знаетъ институтъ отсрочки исполненія приговора и погашенія наказаній.

Такъ, по законамъ военнаго времени ¹ исполненіе приговоровъ, которыми военнослужащіе присуждаются къ исправительнымъ наказаніямъ, ограничивается для осужденнаго въ районѣ театра войны только потерю нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ ², а для непривилегированныхъ—и переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, отбытіе же назначеннаго наказания отлагается до окончанія войны ³. Однако, начальникамъ частей разрѣшено, въ случаѣ примѣрной храбрости въ сраженіи или отличнаго подвига со стороны приговореннаго, ходатайствовать о смягченіи наказанія и даже о совершенномъ прощеніи, а объ отличившихся усерднымъ и примѣрнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей ходатайствовать предъ Императоромъ ⁴.

Понятно, что изложенныя постановленія закона далеки отъ института *условнаго осужденія*, тѣмъ не менѣе они представляютъ собою первичный зародышъ этого цѣлесообразнаго средства исправительнаго воздѣйствія и помогутъ перейти къ нему въ будущемъ.

Еще одно возраженіе, которое можно сдѣлать наказанію арестомъ, состоитъ въ томъ, что отбытіе его въ большинствѣ государствъ происходитъ въ дурно устроенныхъ мѣстахъ, при негигіеническихъ условіяхъ и при полномъ почти отсутствіи надзора со стороны начальства, что низводитъ арестъ на степень излишняго карательнаго средства.

Интересно отмѣтить, что въ настоящее время во Франціи вопросъ объ условномъ осужденіи за воинскія преступныя дѣянія занимаетъ умы многихъ парламентскихъ дѣятелей, ученыхъ и военнаго общества. Самъ создатель закона «*de sursis*» Bérenger говоритъ: «Если военная власть находитъ, что дисциплина не страдаетъ отъ примѣненія этого закона, то можетъ сдѣлать свои предложенія и внести ихъ въ парламентъ» ⁵.—Дѣйствительно, по истеченіи шести лѣтъ со времени изданія закона

¹ См. прил. VIII къ ст. 1412 уст. в.-суд.

² Ст. 27 и 52 воин. уст. о нак.

³ См. Прик. по в. вѣд. 11 ноября 1889 г., № 370.

⁴ Пун. 1, 3, 5 и 7, пр. VIII къ ст. 1412 в.-суд. уст.

⁵ Sortais, стр. 306.

Беранже, оказавшагося въ практикѣ общихъ судовъ благотѣльнымъ и имѣющимъ огромное уголовно-политическое значеніе, законодательныя предложенія стали повторятся все чаще и чаще ¹.

Точно также и въ спеціальной литературѣ нерѣдко высказываются пожеланія примѣненія условнаго осужденія въ области воинскаго преступленія ², при чемъ въ отношеніи дисциплинарныхъ нарушеній *sursis* считается незамѣнимымъ, что изслѣдовано уже на практикѣ военными начальниками ³.

Какъ кажется, отсрочка исполненія дисциплинарныхъ взысканій должна занять въ арміи первенствующее положеніе и съ нихъ могутъ начаться опыты, въ виду незначительнаго содержанія карательныхъ мѣръ. вмѣстѣ съ этимъ и военнымъ судамъ можетъ быть безбоязненно вручена власть постановлять рѣшенія о неприведеніи приговоровъ въ исполненіе, если они не превышаютъ наказаній лишеніемъ свободы на короткіе сроки и касаются «случайныхъ» нарушителей воинскаго правопорядка. Примѣненіемъ этой мѣры интересы правопорядка будутъ не нарушены, такъ какъ преступленіе не останется безнаказаннымъ, и угроза закона будетъ реально чувствоваться осужденнымъ. А если не нарушены интересы правопорядка, то не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи интересовъ воинской дисциплины.

§ 67. Дополнительные мѣры къ военно-тюремному заключенію.

Изъ мѣръ, сопровождающихъ военно-тюремное заключеніе, съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса необходимо останутся въ самыхъ общихъ чертахъ на: 1) надзорѣ, 2) патронажѣ и 3) принудительномъ леченіи заключенныхъ.

¹ Предложенія Goujon 1897 г., проектъ Mirman'a—4 ноября 1898 года, проектъ Grandmaison'a—7 ноября того же года, предложеніе Pastre—29 ноября того же года, Ришара—15 марта 1899 года.

² Hanp. Vigier.—Des effets de sursis au point de vue militaire.—Paris, 1900; Marsil,—Réforme de la justice militaire (стр. 246—252); Sortais,—Des délits militaires (стр. 305—309) и др.

³ Мнѣнія вице-адмирала Humann'a и генерала Zédé; см. Vigier, стр. 69 и Sortais, стр. 308.

1) По выходѣ изъ военно-тюремнаго заключенія военнотружашій можетъ быть отправленъ или на родину, или на службу.

Въ первомъ случаѣ *полицейскій надзоръ* можетъ имѣть мѣсто постольку, поскольку онъ вызывается существомъ того преступнаго дѣянія, за совершеніе котораго къ виновному было примѣнено лишеніе свободы. Отсюда вытекаетъ, что освобожденный изъ заключенія военнотружашій, совершившій общее преступное дѣяніе, можетъ быть поставленъ подъ надзоръ полиціи.

Что касается нарушителя воинскаго правопорядка, то при возвращеніи его въ гражданское состояніе нѣтъ надобности устанавливать надъ нимъ надзоръ общей полиціи. Если же надзоръ является необходимымъ для достиженія задачъ тюрьмы, то цѣлесообразнѣе отдавать освобожденнаго подъ надзоръ того военнаго начальника, на учетѣ котораго состоитъ военнотружашій въ запасѣ, такъ какъ только военное начальство можетъ быть компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса о степени безопасности освобожденнаго для воинскаго правопорядка.

Освобождаемые, поступающіе въ части войскъ, должны подлежать ближайшему надзору начальства. Въ основаніи этого надзора лежатъ, съ одной стороны—интересы воинскаго правопорядка, съ другой—интересы самого освобожденнаго. Надзоръ этого рода, удовлетворяя интересамъ правопорядка, не является особенно ощутительнымъ и не стѣсняетъ наказаннаго, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто и по отношенію къ неопороченнымъ нижнимъ чинамъ.

Нѣкоторыя государства, какъ напр. Бельгія, не всегда рѣшаются выпускать заключенныхъ непосредственно въ строевыя части, и поэтому освобождаемыхъ *correctionnaires* изъ класса наказанныхъ направляютъ въ дисциплинарныя роты ¹.

Точно также и у насъ по положенію 1833 года освобождаемые изъ арестантскихъ ротъ пересылались до поступленія въ строевыя части въ военно-рабочія роты ².

Во *Франціи* въ алжирскіе пѣхотные батальоны иногда поступаютъ военнотружашіе, помилованные или отбывшіе наказаніе ³.

2. Точно также и *патронатъ* надъ военнотружашими осущес-

¹ Art. 128 arrêté royal 1886 г.

² См. выше стр. 374.

³ См. Décret 8 septembre 1889, art. 1, № 6.

ствляется тѣмъ же военнымъ начальствомъ, обязаннымъ закономъ къ воздержанію освобожденнаго отъ проявленія противоправныхъ побужденій.

3. Въ качествѣ дополнительной мѣры къ военно-тюремному заключенію мы рѣшаемся выставить необходимость *принудительнаго леченія* въ отношеніи тѣхъ военнослужащихъ, которые совершили воинскія преступныя дѣянія въ состояніи алкогольнаго транса. Выше мы останавливались на этой категоріи преступниковъ. Въ условіяхъ военной службы имѣются основанія къ осуществленію въ отношеніи алкоголиковъ карательной дѣятельности государства. Но присваивать ей выдающееся значеніе нельзя; наказывать алкоголиковъ необходимо въ интересахъ поддержанія охраны правопорядка, устраненія заразительности вреднаго примѣра; но для того, чтобы освобожденный впослѣдствіи алкоголикъ не могъ снова засвидѣтельствовать своей опасности правопорядку, слѣдуетъ примѣнять къ нему мѣры леченія, которыя единственно способны исправить его, какъ военнослужащаго.

Этотъ вопросъ не можетъ не интересовать карательную власть въ наше время, когда преступники этого рода составляютъ не менѣе 60⁰/₁₀₀ всего числа нарушителей воинскаго правопорядка. При этомъ на леченіе ихъ надо смотрѣть именно какъ на дополнительную мѣру къ наказанію лишеніемъ свободы, безъ которой и карательная дѣятельность по отношенію къ нимъ совершенно перестаетъ удовлетворять интересамъ цѣлесообразности и разумности.

Отдѣленіе V.

Лишеніе отдыха.

§ 68. Виды наказаній лишеніемъ отдыха.

Военнослужащій, находясь въ теченіе всей службы въ арміи въ условіяхъ особаго войскового режима, значительно теряетъ свою свободу; свобода его не есть свобода гражданина: извѣстный кругъ обязанностей и публичныхъ правъ стѣсняетъ ее до послѣднихъ предѣловъ.

Однако, эти вполне естественныя и соотвѣтствующія интересамъ арміи стѣсненія не имѣютъ карательнаго значенія. Другое дѣло — тѣ мѣры, которыя непосредственно направляются на свободное время военнослужащаго, пользованіе отдыхомъ и т. п.

На первомъ мѣстѣ должно быть поставлено *назначеніе на службу не въ очередь*. Сущность этого наказанія видна изъ его названія: военнослужащій принуждается къ несенію служебныхъ обязанностей въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, не взирая на очередь, установленную для несенія службы. Здѣсь основаніе наказаніе постановлено ясно: каждая обязанность есть извѣстнаго рода тягота, страданіе; для карательной власти необходимо, чтобы виновный понесъ лишнюю тяготу, имѣлъ новую обязанность. Выражается это наказаніе въ лишеніи военнослужащаго его отдыха, свободнаго времени, путемъ назначенія его на службу (въ Россіи, Норвегіи, Голландіи и Германіи), въ караулъ, на дневальство, на чистку конюшенъ, на строевыя занятія, на работы и т. п.

Въ этихъ наказаніяхъ можно замѣтить двѣ различныхъ точки зрѣнія: карательную и исправительную. Первая даетъ возмож-

ность признать за назначеніемъ не въ очередь на службу извѣстное зло для военнотружашаго, извѣстное лишеніе, вторая — создаетъ предположеніе, что желаніе избѣжать на будущее время подобныхъ стѣсненій заставитъ военнотружашаго стать внимательнѣе къ требованіямъ воинскаго правопорядка.

По нашему законодательству, правомъ наложенія подобнаго взысканія пользуются всѣ начальники въ отношеніи нижнихъ чиновъ, хотя до 1885 года наказанію могли подвергаться и офицеры. На рядовыхъ можетъ быть наложено назначеніе не въ очередь на службу и на случающіяся работы до 8 нарядовъ ¹, на унтеръ-офицеровъ — только нарядъ на службу до 8 разъ ²; на сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, занимающихъ должности фельдфебелей и взводныхъ унтеръ-офицеровъ (строевыхъ ротъ), это наказаніе не можетъ быть наложено вовсе ³.

Въ Норвегіи это наказаніе входитъ въ число исправительныхъ мѣръ (Revselse) для всѣхъ нижнихъ чиновъ, при чемъ рядовые подлежатъ нарядамъ на работы, на строевыя занятія внѣ назначенныхъ для того часовъ и для несенія обязанностей по службѣ безъ очереди; на унтеръ-офицеровъ можетъ быть наложено только назначеніе не въ очередь на службу.

По германскому дисциплинарному уставу, низшія дисциплинарныя мѣры заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, для рядовыхъ: назначеніе на тѣ или другія обязанности службы, упражненія, въ караулъ, дежурство, дневальство въ конюшняхъ и т. п., на унтеръ-офицеровъ — только назначеніе на службу ⁴.

Въ Голландіи назначеніе на работы и на служебныя должности (werktoeren) относится только къ нижнимъ чинамъ рядового званія ⁵.

Въ отношеніи постановки этихъ наказаній въ западно-европейскихъ государствахъ особенно оригинальнымъ является отсутствіе точнаго указанія срока, въ теченіе котораго эти наказанія должны быть исполняемы; наоборотъ, по нашему дисциплинарному уставу, это наказаніе не можетъ превышать восьми нарядовъ.

¹ Ст. 13 дисц. уст.

² Ibid, ст. 15.

³ Прик. по в. в., 1893 г., № 27.

⁴ § 3, Dis.-Str.-Ordn.

⁵ Gran, I, стр. 145.

Не менѣе интереснымъ представляется также это наказаніе съ точки зрѣнія замѣны взысканій: по нашему законодательству, въ тѣхъ случаяхъ, когда во время похода и по мѣсторасположенію войска содержаніе подъ арестомъ окажется невозможнымъ, рядовые и ефрейторы, взамѣнъ простого ареста, назначаются безъ очереди на встрѣчающіяся по командѣ работы¹. Такимъ образомъ, законодательство какъ бы отождествляетъ оба вида лишенія свободы, сравнивая заключеніе съ работами,— оригинальный взглядъ, присущій исключительно нашему уставу.

Вторымъ видомъ наказаній этого рода является лишеніе часовъ отдыха, принятое только въ одной Норвегіи для рядовыхъ, при чемъ продолжительность опредѣляется отъ одного до 21 дня²; подобное лишеніе въ отношеніи способовъ и формъ всецѣло зависитъ отъ представителя карательной власти³, почему и не регламентируется закономъ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить обязанность виновнаго представляться своему начальнику въ опредѣленные часы (въ Норвегіи) и явка съ рапортомъ или представленіе начальнику (въ Германіи). То и другое наказаніе примѣняются только къ нижнимъ чинамъ, при чемъ въ Германіи виновный обязанъ являться въ опредѣленной формѣ.

Оба вида наказанія — лишеніе отдыха и явка — установлены съ цѣлями карательнаго и полицейскаго свойства; первая стремится отнять у военнотруженика известное благо, вторая имѣетъ въ виду обезопасить воинскій правопорядокъ, путемъ лишенія виновнаго права распоряжаться самимъ собою и тѣмъ помѣшать ему высказать противоправныя побужденія.

Кромѣ того, необходимо отмѣтить воспрещеніе носить оружіе, принятое во Франціи⁴; оно назначается, какъ дисциплинарное взысканіе, только для рядовыхъ и ефрейторовъ въ тѣхъ случаяхъ, если они позволяютъ себѣ въ частныхъ между собою ссорахъ обнажить оружіе. Это наказаніе имѣетъ значеніе поразженія свободы и воинской чести; оно можетъ продолжаться не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

¹ Ст. 19 дисц. устава.

² Gran, I, стр. 25.

³ Начальника, примѣняющаго взысканіе.

⁴ Gran, I, стр. 170, и отчасти въ Бельгіи.

Наконецъ, къ этого же рода взысканіямъ должны быть отнесены: лишеніе права отлучки, воспрещеніе отлучки послѣ вечерней переклички и наложеніе обязательства вернуться въ часть до повѣрки.

Воспрещеніе отлучки является наиболѣе распространеннымъ видомъ лишенія свободы, которое отчасти можетъ замѣнять собою домашній арестъ.

По нашему законодательству, это взысканіе можетъ быть налагаемо на нижнихъ чиновъ срокомъ до одного мѣсяца ¹, (равно какъ и во Франціи — на унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и ефрейторовъ) ².

Въ Германіи принято для рядовыхъ наложеніе запрещенія на право явки ихъ изъ отпуска послѣ переклички, которое можетъ продолжаться не свыше четырехъ недѣль; этому наказанію во Франціи соотвѣтствуетъ воспрещеніе отлучки изъ казармъ послѣ вечерней переклички. Эти взысканія, главнымъ образомъ, имѣютъ чисто-полицейское значеніе, такъ какъ ихъ карательныя свойства ничтожны.

§ 69. Оцѣнка наказаній лишеніемъ отдыха.

Обращаясь къ оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, слѣдуетъ замѣтить, что, будучи по существу своему и тяжести низшими изъ всѣхъ воинскихъ наказаній, они получаютъ наибольшее распространеніе въ арміи. Это обстоятельство заставляетъ особенно внимательно отнестись къ нимъ. Нельзя не признать, что карательное значеніе этихъ мѣръ невелико; онѣ не могутъ имѣть на виновника устрашительнаго воздѣйствія, а иногда даже теряютъ свойство наказанія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря малочисленности нижнихъ чиновъ команды, имъ приходится непрерывно нести службу и наряды.

Но, помимо этого, взысканія этого рода далеко не удовлетворяютъ интересамъ военной службы. Въ самомъ дѣлѣ, лишая виновнаго необходимаго отдыха, отнимая у него возможность возстановить такимъ образомъ свои силы, государство подрыва-

¹ Ст. 13 и 15 дисц. уст.

² Регламентъ о внутренней службѣ, art. 312 и 314.

еть работоспособность арміи и ея членовъ, дѣйствуетъ негигіенично, переутомляетъ виновныхъ. Наконецъ, не всегда и не для всѣхъ они имѣютъ одинаковое значеніе; благодаря этому, они лишаются свойства равномѣрности—необходимаго условія цѣлесообразнаго наказанія.

Единственно положительною чертою этихъ наказаній является ихъ быстрота и удобоисполнимость — свойства полезныя, но не настоятельныя.

Наконецъ, возможность приспособлять и индивидуализировать эти наказанія въ зависимости отъ физическихъ свойствъ объекта представляется свойствомъ фиктивнымъ, такъ какъ необходимо помнить, что законодатель отказывается примѣнять эти мѣры къ виновнымъ въ порядкѣ судебного разсмотрѣнія, а ограничивается дисциплинарною властью начальства, а слѣдовательно—не даетъ возможности контролировать наложеніе взысканія и степень чувствительности къ нему объекта наказанія.

Неравномѣрность этого наказанія коренится не только въ указанныхъ условіяхъ, но даже въ самомъ существѣ всѣхъ этихъ карательныхъ мѣръ, которыя регламентируются закономъ слишкомъ неопредѣленно. Въ виду этого вполне возможны случаи примѣненія одного и того же взысканія, но съ разнымъ карательнымъ его содержаніемъ, тѣмъ болѣе, что нарядъ на службу можетъ обнимать собою и нарядъ въ караулъ, и на легкое дежурство по командѣ и т. п.

Такимъ образомъ, все вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что законодательная постановка наказаній этого рода представляется далеко несовершенной и неудовлетворяющей требованіямъ цѣлесообразности наказанія, а потому остается пожелать или совершенной отмѣны ихъ, или возможной реорганизациі на иныхъ началахъ.

ГЛАВА VI.

Тѣлесныя наказанія.

§ 70. Оцѣнка тѣлесныхъ наказаній.

Подъ наказаніями тѣлесными въ наукѣ права разумѣются такія карательныя мѣры, которыя своимъ ближайшимъ и непосредственнымъ объектомъ имѣютъ тѣлесную неприкосновенность военнослужащаго. Въ зависимости отъ средствъ, которыми располагаетъ карательная власть для осуществленія этихъ наказаній, они раздѣляются на членовредительныя и тѣлесныя наказанія въ узкомъ значеніи слова. Послѣднія, въ свою очередь, распадаются на наказанія: лишеніемъ свободы, когда таковое имѣетъ въ виду лишь причиненіе физическихъ страданій, наложеніемъ знаковъ (клейменіе) и нанесеніемъ ударовъ.

Въ теченіе XIX ст. тѣлесныя наказанія испытываютъ процессъ вымиранія. Впервые они исчезаютъ изъ законодательства Франціи, затѣмъ германскихъ государствъ, Аппенинскаго полуострова, Австро-Венгріи и Англіи.

Первый протестъ противъ тѣлесныхъ наказаній раздался у насъ въ царствованіе Александра I, но только въ 1856 году императоръ Александръ II рѣшительно высказался противъ нихъ въ повелѣніи объ ограниченіи прогнанія сквозь строй. Черезъ 6 лѣтъ послѣ этого кн. Орловъ составилъ записку о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ арміи и внесъ ее въ комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія проекта устава о наказаніяхъ, указывая на необходимость отмѣны этого наказанія, а въ 1862 г. комитетъ генерала Сухозанета остановился на разсмотрѣніи вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда. Результатомъ этого было по-

явленіе проекта положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины, который, съ одной стороны, ограничилъ наказаніе розгами до 50 ударовъ, а «при явной необходимости»—до ста, но не иначе, какъ по особому о томъ приказанію, а съ другой—ввелъ особый разрядъ штрафованныхъ, которые и подлежали тѣлесному наказанію безъ суда. Вслѣдъ за тѣмъ 17 апрѣля 1863 г. было издано Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ шпицрутеновъ и о замѣнѣ этого наказанія впредь до устройства военныхъ тюремъ розгами до 200 ударовъ ¹.

Тѣлесное наказаніе можетъ служить для замѣны лишенія свободы и въ качествѣ самостоятельнаго наказанія. Какъ замѣна, тѣлесное наказаніе должно, повидимому, служить той же цѣли, т. е. исправленію виновнаго. Но это соображеніе парализуется тѣмъ, что между заключеніемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ, по самому существу ихъ, нельзя провести никакой аналогіи, такъ какъ эти мѣры несоизмѣримы: съ одной стороны—извѣстный режимъ, принаровленный къ требованіямъ психическаго воздѣйствія на заключеннаго, съ другой—непосредственное физическое воздѣйствіе на его тѣло.

Поэтому, будучи совершенно объективнымъ и сопоставляя мнѣнія различныхъ военныхъ начальниковъ, высказанныя у насъ въ 1861 г. и повторившіяся въ самое послѣднее время, можно видѣть, насколько удовлетворяетъ это наказаніе самому представленію объ идеѣ исправленія.

Защитники тѣлесныхъ наказаній для арміи въ 60-хъ годахъ указывали, что «масса нижнихъ чиновъ, по степени ихъ развитія, понятіямъ и побужденіямъ, не болѣе какъ дѣти, которыхъ удерживаетъ отъ проступковъ одинъ лишь страхъ тѣлеснаго наказанія. Дѣтей наказаніе тѣлесное не губить, а исправляетъ. Такъ должно смотрѣть и на солдатъ, между которыми наказаніе розгами не считается ни постыднымъ, ни оскорбительнымъ» ². Вмѣстѣ съ тѣмъ указывали и на устрашеніе, достигаемое посредствомъ наказанія, при чемъ утверждали, что съ отмѣною его «и самая дисциплина между нижними чинами будетъ ослаблена» ³.

¹ См. Предположенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда, стр. 3.

² Стр. 20. — Предположенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ безъ суда.

³ Ibid.

Соображенія противной стороны ¹ заключались въ слѣдующемъ: «тѣлесное наказаніе убиваетъ въ солдатахъ самолюбіе и унижаетъ ихъ въ глазахъ не только товарищей, но и обывателей, съ которыми они имѣютъ сношенія»; вмѣсто ожидаемаго исправленія, солдатъ теряетъ уваженіе къ своему званію и къ самому себѣ; рѣзко отдѣлившись этимъ наказаніемъ отъ товарищей по службѣ, не видя въ нихъ болѣе сочувствія и довѣрія къ себѣ, онъ по необходимости сближается съ людьми испорченной нравственности и увлекается дурными примѣрами. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что наказанный разъ тѣлесно вскорѣ въпадаетъ въ новый проступокъ, начинаетъ пьянствовать, воровать и, опасаясь взысканія за это, бѣжитъ со службы. Побывавъ на свободѣ, бѣжитъ второй разъ и въ это время уже не устрашаетъ его наказаніе... Исправленіе такого человѣка дѣйствительно тогда становится труднымъ»... «Наказаніе розгами кладетъ на солдата пятно униженія и отчуждаетъ его отъ прочихъ товарищей— безпорочнослужащихъ»; число проступковъ уменьшается тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста тѣлесному наказанію, и что иностранныя арміи существуютъ и безъ тѣлесныхъ наказаній ². Наконецъ, существовавшее въ войскахъ предпочтеніе нижними чинами тѣлеснаго наказанія «по секрету» отданію подъ судъ—считали ненормальностью, а въ ограниченіи тѣлесныхъ наказаній видѣли не «ослабленіе, а закрѣпленіе дисциплины» ³.

Принципальныхъ защитниковъ тѣлесныхъ наказаній не находятъ и въ наше время; если же и раздаются голоса въ ихъ пользу, то исключительно въ интересахъ второстепеннаго, практическаго характера. Противники указываютъ, что наказаніе розгами не соотвѣтствуетъ духу современныхъ армій и почетному званію солдата, выдвинутому принципами общеобязательной воинской повинности; что подвергнутый наказанію остается равнодушнымъ къ низшимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, что физическое устрашеніе не можетъ подѣйствовать такъ же, какъ воздѣйствіе на нравственную сторону военнослужащаго; что сама мѣра является крайне жестокою не только въ отношеніи лицъ,

¹ Ibid., стр. 25—28.

² Мнѣніе ген.-ад. Рамзая, стр. 39—46.

³ Флиг.-адъют. Чертковъ, стр. 57—70.

подлежащихъ наказанію, но и въ отношеніи исполнителей; что сознаніе собственнаго достоинства и чести развито въ народной массѣ, изъ которой комплектуется армія, и что, наконецъ, существованіе тѣлесныхъ наказаній въ карательной системѣ показываетъ, что «власть слишкомъ слаба, чтобы поддерживать военный порядокъ и дисциплину средствами вразумительными, требующими труда, времени и затратъ».

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ указаній, почерпнутыхъ изъ практики начальствующихъ лицъ, исправительное значеніе тѣлеснаго наказанія должно подвергаться большому сомнѣнію.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ свойствъ этого карательнаго средства приводитъ къ такому же убѣжденію.

Безнравственность этого наказанія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но такой взглядъ — пріобрѣтеніе сравнительно недавняго времени. Въ первичную эпоху существованія постоянныхъ армій тѣлесное наказаніе являлось самымъ обычнымъ средствомъ воздѣйствія, не смущавшимъ карательную совѣсть. Съ поступленіемъ въ ряды арміи солдатъ терялъ всѣ права личности и превращался въ орудіе, а если присоединить къ этому, что комплектованіе рядовой массы приходило изъ низшихъ слоевъ общества, порою даже преступныхъ элементовъ, или освобожденныхъ отъ наказанія подъ условіемъ вступленія въ службу, то необыкновенное распространеніе тѣлесныхъ наказаній станетъ понятнымъ. Изъ тѣхъ благъ, которыми пользовался человѣкъ, *жизнь и тѣлесная неприкосновенность были самыми дорожими* въ сравненіи съ свободою, честью и т. п. Два послѣднихъ блага могли интересовать только привилегированные классы населенія. Для человѣка, не имѣвшаго правъ личности, вышедшаго изъ простого сословія и дрожавшаго за свою жизнь и тѣло, ничего не было устрашительнѣе мѣръ, направлявшихся на то и на другое. Карательная власть считала эти мѣры удобными для себя, такъ какъ онѣ, при незначительныхъ затратахъ, были наиболѣе рѣшительными и удобными. Однако, по мѣрѣ того, какъ значеніе личности выдвигается все болѣе, тѣлесное наказаніе превращается въ мѣру, поражающую не только право тѣлесной неприкосновенности, но и честь лица,—въ мѣру позорную.

Великая французская революція своей деклараціей правъ человѣка и гражданина высоко поставила человѣка и рѣшительно отвергла тѣлесное наказаніе; ея дѣло довершила революція 1848 г. Что касается нашего права, то сравнительно долгое существо-

ваніе тѣлесныхъ наказаній объясняется наличностью крѣпостного права, съ его отрицаніемъ личности. Съ момента возбужденія вопроса объ отмѣнѣ крѣпостничества, выплываетъ вопросъ и объ ограниченіи тѣлеснаго наказанія, какъ необходимое слѣдствіе своей причины. Однако, рѣшительный ударъ наносится ему введеніемъ всеобщей воинской повинности, которая указала, что каждый, вступающій въ ряды арміи, является защитникомъ Престола и Отечества, лицомъ, обладающимъ большими правами, нежели гражданинъ. И разъ явилось признаніе правъ личности, требуется отмѣна розги — подтвержденіе этого признанія. Что прежде было больно только физически, становится больно и нравственно: устрашительная мѣра пріобрѣтаетъ свойство позорнаго наказанія.

Итакъ, безразличная въ нравственномъ отношеніи мѣра въ началѣ исторической жизни арміи, благодаря признанію человѣческаго достоинства и нивелировкѣ сословныхъ различій, — тѣлесное наказаніе въ наше время признается наказаніемъ безнравственнымъ, способнымъ развратить не только наказываемаго, но и наказывающихъ.

Однимъ изъ свойствъ, которымъ тѣлесное наказаніе обладаетъ въ полной мѣрѣ, является быстрота, удобоисполнимость и дешевизна. Эти свойства настолько выдвигаютъ значеніе этого наказанія, что противники тѣлесныхъ наказаній вообще считаютъ ихъ полезными для военнаго времени ¹, при чемъ нѣкоторые признаютъ розги мѣрою цѣлесообразною и находятъ возможнымъ предоставить власть опредѣленія размѣра наказанія начальникамъ частей. Доказательствъ такому положенію обыкновенно не приводится, и необходимость этой мѣры вытекаетъ изъ *опыта* начальниковъ, которые, однако, не всегда одинаково

¹ Участники компаніи 1877—78 гг. утверждаютъ, что «нѣкоторымъ начальникамъ приходилось прибѣгать, какъ къ чрезвычайной мѣрѣ, къ наказанію нижнихъ чиновъ, не разбирая ихъ правъ по службѣ, розгами и даже нагайками». Эта мѣра, однако, не носила характера исключительности, такъ какъ «въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ дѣйствующей арміи установился постоянный обычай наказывать провинившихся нижнихъ чиновъ, хотя бы не состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ, и даже унтеръ-офицеровъ, розгами или нагайками». Этотъ обычай оправдывали тѣмъ, что «во время войны необходимо, чтобы возмездіе немедленно слѣдовало за виною». Максимовъ. — Статистическій очеркъ, стр. 79—82.

оцѣниваютъ эту мѣру и, ссылаясь на тотъ же *опытъ*, высказываются иногда отрицательно. Съ теоретической точки зрѣнія, быстрота и удобоисполнимость наказанія, если не противорѣчаютъ другимъ свойствамъ, дополняютъ важность мѣры и служатъ ея цѣлесообразности. Но, въ сущности, разъ тѣлесное наказаніе оскорбляетъ и развращаетъ преступниковъ и наказывающихъ, если въ условіяхъ мирной обстановки оно подрываетъ почетное значеніе солдата, какъ защитника отечества, то въ военное, когда эта защита осуществляется реальнымъ образомъ, еще позорнѣе и обиднѣе для военнослужащаго подвергнуться этому наказанію. Быстрота и удобоисполнимость наказанія — требованія карательной роскоши; нравственность наказанія — требованіе карательной необходимости, при чемъ послѣднимъ нельзя жертвовать въ пользу перваго.

Тѣлесное наказаніе должно быть признано удовлетворяющимъ требованіямъ экономичности. Въ самомъ дѣлѣ, оно не отрываетъ нижняго чина отъ боевой или строевой работы, оставляетъ его въ рядахъ арміи, вызываетъ незначительные расходы для осуществленія. Но экономичность эта только кажущаяся. Съ одной стороны, примѣненіе къ виновному тѣлеснаго наказанія, при современномъ нравственномъ развитіи нашей арміи, кладетъ на виновнаго пятно и парализуетъ «духъ мужества и геройства», угнетаетъ его душевное состояніе и можетъ служить поводомъ къ совершенію новыхъ преступленій, такъ какъ сознаніе обиды у наказаннаго не можетъ исчезнуть, ибо примѣненіе кары убѣждаетъ его, что исполняемая имъ служба государству не имѣетъ достаточной цѣнности въ глазахъ власти.

Съ другой стороны, тѣлесное наказаніе дѣйствительно является разсадникомъ новыхъ преступленій. Не только въ наше время но даже въ первой половинѣ XIX ст. въ арміи бывали часто случаи, когда осужденный къ тѣлесному наказанію совершалъ новое преступленіе, съ цѣлью избѣгнуть этого наказанія и подвергнуться хотя бы и лишенію жизни ¹. Изъ всего этого видно, насколько тѣлесному наказанію можно приписывать свойство экономичности.

¹ Въ практикѣ нашихъ судовъ былъ случай, когда рядовой изъ крестьянъ П.—о, чтобы не подвергнуться тѣлесному наказанію, позволилъ себѣ произнести оскорбительныя слова противъ Государя Императора.

Столь же призрачно свойство гибкости, дѣлимости и приспособляемости тѣлеснаго наказанія. Повидимому, тѣлесныя наказанія въ широкой мѣрѣ допускаютъ индивидуализацію наказанія: мало того, что размѣры его можно приспособить къ различнымъ оттѣнкамъ виновности лица, но даже и къ возрасту, тѣлосложенію виновнаго,—оно допускаетъ возможность и легкость перехода отъ низшихъ размѣровъ къ высшимъ. Но и эти свойства не безусловны: прежде всего, крайне трудно установить воспріимчивость даннаго субъекта къ наказанію и его интенсивности какъ съ моральной, такъ и съ физической точки зрѣнія: что для одного является легкою болѣзненностью, то для другого можетъ имѣть тяжелыя послѣдствія, установить которыя заранее нельзя, и желаніе приспособить мѣру къ наказываемому останется проблематическимъ.

Но, помимо этихъ условій, коренящихся въ нравственной и физической организаціи наказываемаго, самое осуществленіе наказанія не можетъ находиться постоянно въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ: все зависитъ отъ силъ и ловкости исполнителя наказанія и отъ сознанія имъ важности лежащей на немъ миссіи. При существованіи въ нашей арміи шпицрутеновъ, въ частяхъ войскъ исполненіе наказанія имѣло неодинаковыя физическія послѣдствія, при чемъ въ обществѣ существовало даже подраздѣленіе войскъ по степени болѣзненности въ нихъ исполненія наказанія. Изъ этого слѣдуетъ, что свойство приспособляемости тѣлеснаго наказанія не имѣетъ за собой никакихъ положительныхъ данныхъ.

Чтобы установить, *дѣйствительно ли* тѣлесное наказаніе, слѣдуетъ выяснитъ нѣкоторыя внѣшнія условія примѣненія этого наказанія. Если разсматривать его, какъ одинъ изъ элементовъ дисциплинарной власти военнаго начальства, то наказаніе получаетъ непрочную постановку: отсутствіе регламентаціи можетъ вести къ «усмотрѣнію и произволу». Благодаря этому, тѣлесное наказаніе, будучи по своему существу дѣйствительнымъ, въ томъ смыслѣ, что одновременно поражаетъ и честь человѣка, и честь военнослужащаго, и его право тѣлесной неприкосновенности,—теряетъ, однако, свойство неизбежности, или, вѣрнѣе говоря, становится карательною мѣрою произвольною по случаямъ примѣненія: не всякій проступокъ можетъ быть обложенъ тѣлеснымъ наказаніемъ, но всякій изъ нихъ фактически можетъ вызвать примѣненіе этой мѣры. Данныя практики въ нашей арміи ука-

зываютъ, что наказаніе это назначалось и за дѣянія безразличныя съ точки зрѣнія уголовного закона, и за дѣянія случайныя, неосторожныя, за проступки дисциплинарныя и дѣянія, составляющія уголовно наказуемыя и, потому, выходящія изъ сферы компетенціи военнаго начальства нарушенія ¹.

Такимъ образомъ, изъ изложеннаго легко видѣть, что тѣлесное наказаніе, какъ дисциплинарная мѣра ² и какъ замѣняющее наказаніе, отжило свое время. Оно уже не вырождающійся институтъ, а давно умершій и, по недоразумѣнію, только непогребенный остатокъ стараго военнаго права ³.

Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ тѣлесное наказаніе не упомянуто въ числѣ воинскихъ наказаній. Однако, существованіе его въ видѣ исключительной мѣры въ отношеніи состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ придаетъ ему значеніе юридическаго

¹ Тѣлесное наказаніе имѣло у насъ незначительное примѣненіе: за время 1895 — 1899 г. ежегодно переводилось въ разрядъ штрафованныхъ не болѣе 2% всего наличнаго числа нижнихъ чиновъ арміи, но подвергалось тѣлесному наказанію въ дисциплинарномъ порядкѣ въ среднемъ:

Въ Варшавскомъ округѣ .	102 сл. при	244449	ниж. чин.
Виленскомъ	66	128145	
Петербургскомъ	61	84045	
Кіевскомъ	56	133303	
Одесскомъ	41	77755	
Московскомъ	38	86732	
Кавказскомъ	27	100822	
Казанскомъ	22	23802	
Финляндскомъ	1,4	9866	
Об. в. Донского	6	2215	
Итого	420,4 сл. при	891134	ниж. чин.

При этомъ необходимо отмѣтить, что тѣлесное наказаніе примѣнялось не во всѣхъ частяхъ войскъ, что въ нѣкоторыхъ оно примѣнялось не болѣе 6 разъ въ годъ, а въ другихъ еще рѣже.

² «Даже какъ дисциплинарная мѣра, тѣлесное наказаніе подлежитъ уничтоженію, и изъ одного ложнаго человѣколюбія хотѣли удержать его для лицъ низшихъ классовъ». Wahlberg. Holtzendorff's Handbuch, т. II. стр. 523; Есиповъ, стр. 359—360, примѣчаніе.

³ Тѣлесныя наказанія въ настоящее время существуютъ въ Бельгіи и во Франціи для заключенныхъ нижнихъ чиновъ. См. мою статью, — Тѣлесныя наказанія во Французской арміи («В. Альм.» 1902 г., стр. 171—176), Dubois-Dessaulle, — Camisards, peaux de lapins et cocos, corps disciplinaires de l'armée française, 1901 г.

послѣдствія перевода въ разрядъ штрафованныхъ, при чемъ это послѣдствіе находится въ скрытомъ видѣ—in potentia, и для его реального осуществленія необходимо или новое сужденіе со стороны суда (въ отношеніи заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ) ¹, или со стороны военного начальства, по поводу совершенія штрафованнымъ дисциплинарнаго нарушенія.

Не дѣлая большой ошибки, тѣлесное наказаніе при переводѣ въ разрядъ штрафованныхъ можно уподобить слѣдующему: переводъ есть условное осужденіе къ тѣлесному наказанію, которое и должно быть примѣнено послѣ совершенія новаго проступка.

Какъ мѣра, служащая для замѣны, тѣлесное наказаніе не имѣетъ большого распространенія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не устроено военныхъ тюремъ, оно замѣняетъ для нижнихъ чиновъ одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, при чемъ для состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ въ этомъ случаѣ опредѣляется въ размѣрѣ 20—500 ударовъ розгами ². Кромѣ того, ст. 271 устава предоставляетъ суду право замѣнить содержаніе въ отдѣльныхъ карцерахъ также розгами въ размѣрѣ 100—300 ударовъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ, содержащихся въ дисциплинарныхъ частяхъ ³.

Въ дисциплинарномъ порядкѣ тѣлесное наказаніе осуществляется въ размѣрѣ 15—20 ударовъ, при этомъ ротному командиру представлена власть подвергать наказанію розгами въ низшемъ размѣрѣ, батальонному—въ количествѣ 25 ударовъ ⁴, командиру полка—въ высшемъ размѣрѣ ⁵.

¹ Ст. 280 в. у. о н.

² Прил. II къ ст. 59, п. 1.

³ Ст. 280 и 261.

⁴ Ст. 25 д. у. п. 4.

⁵ Ст. 28 д. у. п. 2; ст. 29, п. 6.

ГЛАВА VII.

Охрана воинскаго правопорядка.

§ 71. Характеристика цѣлей наказанія въ дѣйствующихъ кодексахъ.

Воинское преступное дѣяніе, независимо отъ количественнаго вреда, приносимаго имъ государству и арміи, представляетъ собою посягательство на нормы воинскаго правопорядка, установленнаго въ интересахъ достиженія арміею ея задачъ.

Выше было указано, что армія нуждается въ наказаніи и именно постольку, поскольку нуждается государство въ существованіи арміи. Эта связь является достаточнымъ оправданіемъ воинскому наказанію, какъ явленію—совершенно отличному отъ наказанія общаго.

Цѣль воинскаго наказанія не едина; карательная дѣятельность государства, осуществляемая въ арміи, имѣетъ длинный рядъ задачъ и сводитъ ихъ къ одной—значитъ лишать наказаніе возможности обнаруживать свое дѣйствіе въ будущемъ.

Наибольшимъ значеніемъ въ арміи въ теченіе всей ея исторіи пользовались только такія карательныя мѣры, которыя имѣли своею задачею устрашеніе—или самого виновнаго, или окружающихъ его лицъ. Устрашеніе было первою утилитарною цѣлью воинскаго наказанія; она пережила нѣсколько вѣковъ и еще въ наше время продолжаетъ кое-гдѣ обнаруживаться грубыми чертами; но дни ея уже сочтены; устрашеніе мало-по-малу выливается въ форму частнаго предупрежденія; устрашительныя средства культивируются и ассимилируются, становятся болѣе мягкими и гуманными и въ то же время не противорѣчащими интересамъ арміи.

На мѣстѣ устрашенія воздвигается стройная система карательныхъ мѣръ, имѣющихъ своею ближайшею задачею исправленіе виновнаго, воздѣйствіе на него съ цѣлью сдѣлать изъ преступника—военнослужащаго, который сознательно и активно можетъ содѣйствовать арміи. Это исправленіе далеко отъ утопическихъ стремленій передѣлать внутренній міръ виновнаго, переродить его, сдѣлать ему исправительную прививку навсегда; задачи его—ограниченнѣе и реальнѣе: для государства важно, чтобы правопорядокъ былъ ненарушимъ, а для этого стремятся, съ одной стороны вселить въ виновномъ убѣжденіе въ необходимости подчиняться требованіямъ этого правопорядка, съ другой—воспитать его волю въ соотвѣтствіи съ интересами арміи.

Но неблагоразумно было бы также отказываться и отъ такихъ карательныхъ средствъ, которыя имѣютъ своею задачею охранять воинскій правопорядокъ путемъ удаленія виновнаго изъ арміи; послѣднее примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда поведение военнослужащаго становится въ непримиримое противорѣчіе съ интересами военной службы, когда государство считаетъ болѣе умѣстнымъ дѣйствовать неэкономично, за то рѣшительно и навѣрняка.

Карательныя средства, принятыя дѣйствующими законодательствами, могутъ служить показателемъ, какія задачи въ частности преслѣдуются тѣмъ или другимъ государствомъ.

Въ этомъ отношеніи необходимо выдѣлить *французскій кодексъ*, который и въ наше время продолжаетъ охранять правопорядокъ въ арміи такими карательными мѣрами, которыя по преимуществу имѣютъ въ виду задачи устрашительнаго воздѣйствія.

Въ самомъ дѣлѣ, постоянная угроза смертной казнью, каторжными работами, ссылкой, лишеніемъ воинской чести и публичными работами служитъ наилучшимъ этому доказательствомъ.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и значительно опережаетъ въ своемъ движеніи консервативныя законодательныя предписанія: всѣ эти средства подвергаются сомнѣніямъ въ ихъ цѣлесообразности, разумности и культурности, нервы арміи не выдерживаютъ зрѣлища казней, и помилованіе становится обычнымъ явленіемъ. Это, въ свою очередь, отнимаетъ у наказанія свойство неизбѣжности, а за этимъ слѣдуетъ сознаніе безсилія власти, ея слабости. Все это, вмѣстѣ взятое, низводитъ кара-

тельную систему кодекса на степень ничтожной угрозы, а также говорить за необходимость перерожденія карательныхъ постановленій кодекса, въ цѣляхъ его соотвѣтствія съ современными воззрѣніями общества.

Но и здѣсь продолжаетъ сказываться нерѣшительность законодательной власти, боязнь опередить жизнь или пойти рядомъ съ ней: проектъ новаго французскаго кодекса только незначительно своею частью коснулся вопроса о воинскомъ преступномъ дѣяніи и карательныхъ средствахъ борьбы съ нимъ. Такое явленіе—вполнѣ естественно, такъ какъ сама угроза—хотя и избѣжнымъ зломъ—всегда реальнѣе будущаго ея осуществленія; къ тому же страхъ за увеличеніе преступности создаетъ серьезныя препятствія поступательному движенію впередъ военно-уголовнаго законодательства.

Итакъ, французскій военно-уголовный кодексъ, пугая фразою: «est puni par la mort», встрѣчающеюся на каждомъ шагѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ отъ реальнаго осуществленія цѣлей устрашенія, предоставляя главѣ государства согласовать интересы поддержанія воинскаго правопорядка съ интересами отдѣльныхъ лицъ и средствами карательнаго воздѣйствія.

Фактически во Франціи въ отношеніи военнослужащихъ наибольшую распространенностью пользуются наказанія лишеніемъ свободы виновныхъ нижнихъ чиновъ и лишеніемъ служебныхъ благъ—офицеровъ.

За кодексомъ французскимъ слѣдуетъ поставить обветшалый Militär-Strafgesetz въ Австріи. Въ немъ также пестритъ смертная казнь и тяжкое лишеніе свободы, а при меньшемъ числѣ случаевъ помилованія—угроза закона пріобрѣтаетъ большую жизненность. Частичныя измѣненія его слѣдовали непрерывно съ самаго изданія, и теперь онъ представляетъ собою смѣсь разнородныхъ началъ, которыя отнимаютъ у карательной власти цѣлесообразность ея дѣйствій.

Рядомъ за австрійскимъ кодексомъ стоитъ нашъ воинскій уставъ о наказаніяхъ. Трудно сказать, какія преимущественно задачи преслѣдуетъ онъ, но можно намѣтить, что въ военное время онъ придерживается цѣли устрашенія и допускаетъ широко смертную казнь, въ мирное же довольствуется, по преимуществу, задачами удаленія для офицеровъ и исправленія для нижнихъ чиновъ.

Количество случаевъ примѣненія къ офицерамъ наказаній,

имѣющихъ цѣлью удаленіе ихъ изъ арміи, достаточно велико, что представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ нашей системы. Въ погонѣ за дешевыми карательными мѣрами, наше законодательство построило сложную систему служебныхъ праволишеній, присоединило къ ней праволишенія общественныя и создало, такимъ образомъ, рядъ средствъ, дешевыхъ по исполненію, но не вполне отвѣчающихъ нуждамъ арміи. Само собою разумѣется, что, лишая военнослужащаго правъ, которыми тотъ не сумѣлъ воспользоваться надлежащимъ образомъ, и исключая его изъ арміи, государство дѣйствуетъ въ интересахъ удаленія порочнаго; но такъ какъ понятіе порочности нельзя установить по отдѣльному факту нарушенія правопорядка, то и преобладающее значеніе этой цѣли является не соотвѣтствующимъ интересамъ охраны правопорядка.

Что касается наказаній для нижнихъ чиновъ, то, за небольшими исключеніями, они по идеѣ удовлетворяютъ правоохранѣ, такъ какъ должны создавать для виновнаго возможность, продолжая оставаться военнослужащимъ и получая военное воспитаніе, поставить свое поведеніе въ разумное соотвѣтствіе съ интересами арміи. Однако, на практикѣ исправительныя задачи наказанія едва ли достижимы, въ виду тѣхъ условій, на разсмотрѣніи которыхъ мы останавливались въ своемъ мѣстѣ.

Изъ недостатковъ, общихъ всей нашей военно-карательной системѣ, слѣдуетъ отмѣтить рабскую подражательность устава системѣ уложенія. Здѣсь можно привести возраженіе чисто уголовно-политическаго свойства: если общія наказанія вполне удовлетворяютъ интересамъ *общегосударственнаю* правопорядка (что въ уложеніи подвергается сомнѣнію), то это обстоятельство не даетъ еще никакого права вводить эти же наказанія для поддержанія правопорядка *воинскаю*, такъ какъ самое содержаніе воинскаго преступленія настолько характерно и отлично, что требуетъ, въ интересахъ охраны арміи отъ посягательствъ, созданія особыхъ наказаній.

Совершенно особое положеніе занимаетъ *германскій* кодексъ. Это наиболѣе мягкій изъ всѣхъ существующихъ уставовъ, поскольку онъ касается системы и существа военно-карательныхъ мѣръ. Преобладающими задачами ихъ является исправленіе въ мирное время и устрашеніе—въ военное. Помимо этого, и самое исполненіе наказаній болѣе или менѣе отвѣчаетъ поставленнымъ имъ цѣлямъ.

§ 72. Оцѣнка карательныхъ средствъ.

Намъ остается выяснить, какія именно карательныя средства могутъ быть признаны наиболѣе отвѣчающими въ наше время общей цѣли охраны правопорядка.

Мы не будемъ упоминать о *смертной казни*. Необходимость ея существованія въ военно-карательной системѣ является дѣломъ личнаго вкуса, но приведенныя выше историческія данныя служатъ наилучшимъ доказательствомъ ея вымиранія. Это вымирание идетъ медленно, но послѣдовательно; движеніе это установилось въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія, благодаря тому, что литература и законодательство всецѣло отдались разработкѣ вопросовъ о военно-тюремномъ заключеніи; однако, слѣдуетъ думать, что съ возрастаніемъ идеи цѣлесообразности наказанія въ будущемъ смертная казнь исчезнетъ изъ законодательства, равно какъ и послѣдніе остатки тѣлесныхъ наказаній.

Наше время выдвигаетъ два вида карательныхъ средствъ: *лишеніе правъ* и *лишеніе свободы*.

Сравнивая оба эти карательныя средства, можно замѣтить, что лишеніе свободы военнослужащаго обходится государству слишкомъ дорого: воздвигаются особыя зданія, содержится особый персоналъ, виновный отрывается отъ несенія службы и т. п.

Въ этомъ отношеніи лишеніе служебныхъ правъ является мѣрою значительно болѣе дешевою, такъ какъ въ этомъ случаѣ государство отнимаетъ у виновнаго только принадлежащія ему преимущества, которыя созданы и даны ему тѣмъ же карающимъ государствомъ.

Однако, лишеніе свободы, несмотря на свою дороговизну, даетъ возможность строго индивидуализировать наказаніе, приспособлять его ко всевозможнымъ оттѣнкамъ преступника и преступленія и посредствомъ тюремнаго воспитанія готовить его къ правомѣрному прохожденію службы. Лишеніе правъ—мѣра болѣе неподвижная и менѣе допускающая возможность индивидуализаціи наказанія.

Такъ стоитъ вопросъ этотъ въ теоріи.

Однако, обращаясь къ фактической поопановкѣ его, приходится замѣтить, что теоретическое разрѣшеніе его далеко не

можетъ считаться вполне отвѣчающимъ интересамъ охраны.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое наказаніе, примѣняемое судомъ, будь то лишеніе правъ или свободы, назначается виновному за преступленіе, указанное въ кодексѣ подъ страхомъ карательной угрозы, опредѣленной въ maximum'ѣ или minimum'ѣ, или въ степеняхъ. Судъ не входитъ въ детальное разсмотрѣніе многихъ условій примѣненія наказанія, опредѣляемая имъ мѣра неподвижна и только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть строго индивидуализирована. Поэтому на практикѣ наказаніе лишеніемъ свободы можетъ быть или чрезмѣрно большимъ, или чрезмѣрно малымъ. Отсюда слѣдуетъ, что, несмотря на высокія карательныя свойства этого наказанія, увлеченіе имъ далеко не оправдывается необходимостью и интересами охраны воинскаго правопорядка; къ тому же, принимая во вниманіе законодательную постановку вопроса о лишеніи свободы, приходится убѣдиться, что она слишкомъ далека отъ идеала, начертаннаго теоріей.

Другое дѣло лишеніе правъ. Само собою разумѣется, что рѣчь можетъ идти только о служебныхъ правахъ военнослужащаго, безъ всякаго участія правъ общественныхъ или гражданскихъ. Свойства наказаній этого рода болѣе скромны, но за то на практикѣ задачи ихъ легче достижимы.

Въ самомъ дѣлѣ, отнимая у виновнаго его служебныя преимущества, государство охраняетъ правопорядокъ на будущее время, такъ какъ препятствуетъ виновному въ этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, фактически отнимая у него свободу совершать противоправныя дѣйствія. Съ другой стороны, объявляя лишенному служебныхъ правъ, что лишеніе это не есть вѣчное наказаніе, что военнослужащій можетъ достигнуть прежнихъ правъ въ теченіе того или другого срока и при доказанномъ исправленіи, государство дѣйствуетъ въ интересахъ исправленія, такъ какъ даетъ виновному средства загладить свою вину и тѣмъ создаетъ мѣру воспитанія военнослужащаго, въ интересахъ охраны воинскаго правопорядка.

Все это приводитъ къ убѣжденію, что лишеніе служебныхъ правъ должно получить въ военно-уголовномъ законодательствѣ большое распространеніе.

Въ пользу этого говоритъ и удобство исполненія наказаній лишеніемъ служебныхъ правъ, легкость примѣненія его какъ въ

мирное, такъ и въ военное время и въ высокой степени развитая возстановимость этого наказанія. Эта же мѣра должна считаться и наиболѣе справедливою, такъ какъ она логически вытекаетъ изъ понятія государства, дающаго и отнимающаго. Наоборотъ, служба придаткомъ къ лишенію свободы, праволишеніе является малоцѣннымъ, менѣе реальнымъ, а потому и менѣе цѣлесообразнымъ.

Однако, было бы неправильно думать, что всѣ виды лишенія свободы мало удовлетворяютъ интересамъ карательной власти. Наоборотъ, заключеніе военнослужащаго въ особыя военнопенитенціарныя заведенія, построенныя на исключительныхъ основахъ заключенія военного (таковы наши дисциплинарныя части), имѣетъ весьма серьезное значеніе: не отнимая виновнаго отъ службы, оно, въ сущности, только лишаетъ военнослужащаго извѣстныхъ преимуществъ, т. е. является, какъ нѣчто среднее между дѣйствительнымъ лишеніемъ свободы и лишеніемъ служебныхъ правъ.

Въ наше время, когда уголовно-политическія доктрины завоевываютъ себѣ съ каждымъ днемъ все большее число сторонниковъ, является возможность говорить о введеніи этихъ началъ въ область воинскаго наказанія.

Хотя лишенію свободы и служебныхъ правъ по преимуществу присваиваются цѣли исправительнаго воздѣйствія, тѣмъ не менѣе постоянство числа рецидивистовъ въ арміяхъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ, что средства карательной дѣятельности не вполне соотвѣтствуютъ задачамъ наказанія, а отсюда естественно возникаетъ и дальнѣйшее логическое послѣдствіе—необходимость реформы.

Не исчерпывая вопроса до мелочей, укажемъ, что все предшествующее изложеніе въ достаточной мѣрѣ заставляетъ сомнѣваться въ сохраненіи настоящаго *status quo* военно-тюремнаго заключенія. Здѣсь требуется только одно: если назначеніе военной тюрьмы *исправить*, то въ качествѣ наиболѣе разумнаго средства исправленія необходимо выставить систему *неопредѣленную по сроку заключенія*.

Мы не будемъ говорить еще разъ о некомпетентности суда въ сферѣ исполненія наказанія и въ то же время не предлагаемъ узурпаціи его власти административными органами. Примиреніе здѣсь возможно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Военно-уголовный кодексъ, какъ «*magna charta*» преступника,

устанавливаетъ maximum и minimum наказанія. Въ этихъ предѣлахъ судъ совершенно самостоятеленъ и опредѣляетъ мѣру въ зависимости отъ свойствъ совершеннаго преступленія личности виновнаго и другихъ обстоятельствъ дѣла. Здѣсь оканчивается роль судебной власти. Затѣмъ преступникъ и назначенное ему наказаніе передаются въ руки тюремнаго персонала.

Если правительство рѣшается на подобную мѣру—передачу администраціи исполненія наказанія, то послѣдней должны быть предоставлены и способы къ достиженію задачъ наказанія. Поэтому не будетъ противорѣчія, если государство поручить тюремному начальству измѣнять въ установленныхъ судомъ предѣлахъ репрессію заключенія.

Неопредѣленность срока военно-тюремнаго заключенія не будетъ произволомъ, такъ какъ высшая мѣра наказанія останется неизмѣнною. Въ интересахъ правоохраны необходимо, чтобы виновный, подвергаясь наказанію, въ первый же моментъ лишенія свободы наиболѣе интенсивно почувствовалъ это лишеніе. Поэтому первымъ этапомъ въ прохожденіи наказанія должно быть самое тяжкое заключеніе; въ качествѣ послѣдняго можетъ служить одиночная камера со всѣми отягчающими придатками: лишеніемъ свѣта, постельныхъ принадлежностей, уменьшеніемъ пищи, права прогулокъ и т. п. Эта тяжкая изоляція на свѣжаго человѣка должна произвести особенно рѣшительное впечатлѣніе.

Срокъ этой стадіи въ исполненіи наказанія устанавливается не судомъ, а тюремнымъ начальствомъ, которое при этомъ руководствуется объективными данными дѣла, субъективными свойствами преступника и своимъ личнымъ опытомъ и усмотрѣніемъ. Признавъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ необходимость пониженія силы репрессіи, начальство распоряжается о переводѣ заключеннаго въ другую среду, съ облегченными условіями лишеній: въ заключеніе совмѣстное, построенное на основаніяхъ, одинаковыхъ со строевою обстановкою.

Этотъ переводъ, однако, не исключаетъ для тюремнаго начальства возможности снова измѣнить репрессію въ худшую сторону, при условіи, что поведеніе заключеннаго дурно вліяетъ на окружающихъ и даетъ поводъ сомнѣваться въ желаніи со стороны виновнаго исправиться. Словомъ, начальство, по своему усмотрѣнію свободно передвигаетъ заключеннаго изъ одной сферы въ другую.

Впрочемъ и здѣсь, изъ опасенія тюремнаго произвола, можно установить предѣльный срокъ одиночнаго заключенія; но это уже будетъ служить препятствіемъ въ дѣлѣ достиженія задачъ тюрьмы.

Такимъ образомъ, возвращеніе заключеннаго въ одиночную камеру не будетъ представлять собою дисциплинарнаго взысканія, а самую нормальною мѣрою военно-тюремнаго воспитанія.

Далѣе, съ момента вступленія въ совмѣстное заключеніе для отбывающаго наказаніе должны предоставляться различныя льготы, т. е. эта стадія должна быть *прогрессивнымъ* заключеніемъ, чтобы виновные путемъ соревнованія могли явно свидѣтельствовать степень своего исправленія.

Помимо всего этого, вѣнцомъ этой системы слѣдуетъ считать условное досрочное освобожденіе, которому должны подлежать заключенные, подѣ страхомъ, въ случаѣ обнаруженія ими неисправленія, новаго возвращенія въ первичныя тяжелыя карательныя условія.

Наконецъ — и въ этомъ нельзя видѣть противорѣчія — убѣдившись, что данный заключенный принадлежитъ къ категоріи неисправимыхъ, тюремное начальство въ интересахъ охраны правопорядка должно войти съ представленіемъ объ удаленіи виновнаго изъ военной службы и передачѣ его въ вѣдѣніе гражданскихъ властей.

Такимъ образомъ, одно и тоже карательное средство можетъ служить для достиженія цѣлей устрашенія, исправленія и даже удаленія.

Говоря о неопредѣленной срокѣ заключенія, мы имѣемъ въ виду только неопредѣленность сроковъ нахожденія въ тѣхъ или другихъ условіяхъ заключенія и отнюдь не о неопредѣленномъ срокѣ наказанія вообще. Это послѣднее имѣетъ нѣкоторыя основанія и можетъ быть принято въ общей тюрьмѣ; задача же военной тюрьмы ограниченнѣе и опредѣленнѣе: если исправленіе не достижимо при данномъ максимумѣ наказанія, то въ интересахъ экономіи и цѣлесообразности полезнѣе отказаться отъ достиженія исправленія въ отношеніи неисправимаго, нежели создавать дѣйствительно граничащую съ произволомъ неопредѣленность наказанія.

Пораженіе воинской части, въ формѣ жестокаго карательнаго средства, имѣетъ по своей безнравственности, то же значеніе, какъ и тѣлесное наказаніе. Если армія нуждается въ немъ,

то только въ формѣ незначительныхъ выговоровъ, порицаній или наставленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должно отрицательно отнестись и къ денежнымъ взысканіямъ, едва ли умѣстнымъ въ арміи и несоотвѣтствующимъ ея интересамъ.

Итакъ, охрана правопорядка ведется различными путями.

Государство въ правѣ обращаться къ тѣмъ или другимъ средствамъ защиты; это вызывается интересами его существованія. Но, избрѣтая карательныя мѣры, оно должно соображаться не только съ характеромъ и тяжестью преступленій, но и съ фактическимъ исполненіемъ наказанія и его послѣдствіями для виновнаго. Судья, стоящій вдалекѣ отъ наказанія и его осуществленія, вдалекѣ и отъ цѣли наказанія, которую оно преслѣдуетъ.

Въ наше время въ литературѣ все сильнѣе раздаются голоса о необходимости реформировать принятую карательную систему. Она не удовлетворяетъ ни армію, ни судью, ни преступника. И пока военно-уголовное право будетъ оперировать надъ юридическими опредѣленіями преступленія и другими данными, относящимися къ этой области, воинское наказаніе останется, въ большинствѣ случаевъ, мертвою формулою, зломъ, осуществляемымъ больше въ интересахъ возмездія, чѣмъ охраны воинскаго правопорядка.

Чтобы воинское наказаніе дѣйствительно достигало поставленныхъ ему цѣлей, потребуется рядъ изслѣдованій въ области воинскаго преступленія; необходимо будетъ отдѣлаться отъ многого, что завѣщало намъ старое военно-уголовное право, а больше всего отъ логическихъ опредѣленій въ наукѣ права.

Какъ говоритъ Листъ, «наука уголовного права, при наличномъ положеніи вещей, привыкла ограничиваться только толкованіемъ уголовного уложенія... Преступникъ не интересуется ее, ее интересуется преступленіе—не человѣкъ, а понятіе. Процессъ исполненія наказанія имѣетъ дѣло съ преступнымъ человѣкомъ, а таковой... затрагивается лишь настолько, насколько говорятъ о немъ юридическія опредѣленія. Различіе между покушеніемъ и совершеніемъ, виновностью и соучастіемъ, кражею и присвоеніемъ и т. п.—все это разработано подробно и превосходно. Но что уголовное право существуетъ ради человѣка, что наказаніе имѣетъ цѣлью охранять правопорядокъ, а съ нимъ и жизненные интересы членовъ общества, что оно призвано бороться съ пре-

ступленіемъ путемъ исправленія, устрашенія, обезвреженія преступника,—это все считается теперь какою-то ересью»¹.

Задачи военно-карательной дѣятельности почерпають свое содержаніе изъ условій военнаго быта и интересовъ арміи. Устанавливая карательную систему, законодатель долженъ видѣть въ объектѣ преступленія только солдата; гражданинъ исключается, его преимущества не могутъ служить средствомъ воздѣйствія; смѣшеніе правъ военнотружашаго и гражданина повлечетъ за собою нежелательныя явленія: карательная власть—корыстна, она легко вторгнется въ сферу, ей непринадлежащую, и долго будетъ мѣшать самой себѣ достигать поставленныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, охраняя воинскій правопорядокъ отъ посягательствъ на него со стороны военнотружащихъ, приходится быть особенно осторожнымъ при выборѣ карательныхъ средствъ, отвергая все то, что не вызывается требованіями военной службы и задачами существованія государства.

Разумѣется, эти послѣднія условія не отличаются постоянствомъ: они измѣняются легче всего, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ и средства охраны правопорядка; но въ наше время вести борьбу съ воинскимъ преступленіемъ—этимъ условно вреднымъ дѣяніемъ — можно только такими мѣрами, которыя своею конечною задачею имѣютъ разумныя и необходимыя цѣли. Воинскій правопорядокъ—настоятельная потребность государства; разумные способы воздѣйствія на правонарушителя—неотъемлемое право наказываемаго.

Эти два условія представляютъ собою исходные пункты для опредѣленія карательной дѣятельности государства, осуществляемой въ арміи.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ остановиться на оцѣнкѣ дѣйствующихъ системъ дисциплинарныхъ взысканій.

Легко видѣть, что постепенное пониженіе строгости воинскихъ наказаній въ теченіе XIX ст. только отчасти коснулось дисциплинарныхъ мѣръ, и въ наше время по силѣ репрессіи онѣ свободно конкурируютъ съ наказаніями по суду: достаточно сравнить, напримѣръ, установленный у насъ смѣшанный арестъ на одинъ мѣсяцъ и заключеніе въ одиночной тюрьмѣ на тотъ же срокъ, имѣя къ тому же въ виду, что первый отбывается въ

¹ Задачи уголовной политики, стр. 40—41.

дурно устроенныхъ помѣщеніяхъ, второе—въ усовершенствованныхъ кельяхъ, съ соблюденіемъ гигиеническихъ требованій.

Между тѣмъ по идеѣ дисциплинарное взысканіе есть незначительная мѣра, осуществляемая въ упрощенномъ quasi-судебномъ порядкѣ; поэтому и по содержанію оно должно быть мягкимъ, легкимъ и количественно отличаться хоть чѣмъ-нибудь отъ наказаній по суду.

Въ этомъ отношеніи нельзя не признать постановленій датскаго кодекса¹ заслуживающими полного вниманія²: въ самомъ дѣлѣ, устанавливая существо этихъ мѣръ, законъ передаетъ исполненіе ихъ въ руки начальника и предоставляетъ ему возможность цѣлесообразно примѣнять ихъ. Естественно, что назначая на уборку — лѣнливыхъ, на службу — дурно служащихъ и лишая вина алкоголиковъ, начальство дѣйствуетъ болѣе въ интересахъ правопорядка, нежели отправляя этихъ лицъ подъ арестъ съ самыми грозными лишеніями постели и свѣта.

¹ См. § 199.

² См. выше, стр. 244.

Указатель понятій.

А.

Алжирскія войска 408 и сл.
Алкоголики 100, 486, 512.
Алхимія пенитенціарная 401.
Антропологическая школа 68, 69.
Арестантскія отдѣленія 259, 302.
Арестантскія роты.
— по в.-уг. уставу 230, 234, 236.
— крѣпостныя 371 и сл.
— инженернаго вѣдомства 373 и сл.
Арестанты военно-срочные 373, 377.
— всегдашніе 374.
Арестъ.
— во Франціи въ эпоху революціи 161.
— въ Австріи въ XIX ст. 170.
— въ Пруссіи по уставу 1808 г. 181, 182.
— по Воинскому Артикулу 201.
— по в.-уголовн. уставу 230, 236.
— въ Германіи 244, 245, 413.
— въ Голландіи 416.
— въ Швеціи 245, 413.
— въ Даніи 246, 247, 414.
— въ Норвегіи 416.
— во Франціи 248, 410 и сл.
— въ Бельгіи 249, 250, 411.
— въ Австріи 251, 252, 417.
— въ Швейцаріи 253.
— въ Россіи 260, 261, 405, 407.

Артикуль Воинскій 193, 197 и сл. 212,
216, 217, 221, 224, 229, 230, 231, 239.
Артикуль Краткій 192 и сл. 196, 198.
Аттестаты (лишеніе) 301.
Agent principal 471.
Adjudant de surveillance 448.
Adjudant sous-officier 471.
Amtsverlust въ Германіи 244, 310, 320.
Arbeiter-Abtheilungen 413.
Armeediener 252, 314, 342.
Arrestlokale 412.
Ateliers de travaux publics 409.
Ausstossung aus der Armee 251, 314, 321.

Б. В.

Батоги 189.
Безсудная казнь 79.
Безчестье 189.
Бенефиціи (лишеніе) 138.
Беранже законъ 483.
Библіотеки военно-тюремныя 440 и сл.
Блага 43.
— невознаградимыя 77, 109.
— служебныя 242.
— для наказанія 243.
Божеское возмездіе (теорія) 73.
Быстрота наказанія 109, 111.
Bagnes 156.

Baguette (coup de) 307.
 Bannissement 393.
 Begnadigung 466.
 Beschwerde-Ordnung 66.
 Bilet de renvoi 307.
 Biribi 434.
 Blankettgesetz 59.
 Bodsfoensel 415.
 Boulet 154, 155, 156, 161.

В. V.

Вергельдъ 129, 133.
 Виды смертной казни 271.
 Внѣочередная служба 487 и сл.
 —въ революцію 161.
 —въ Германіи 244, 245.
 —въ Швеціи 246.
 —въ Даніи 247.
 —въ Австріи 252.
 —въ Швейцаріи 253.
 —въ Россіи 260.
 Внѣшнее соотвѣтствіе 113, 297.
 Военно-тюремное заключеніе 395 и сл.
 —отличіе его отъ общаго 395 и сл.
 —свойства его 398 и сл.
 —системы 399 и сл.
 Водвореніе въ Сибирь 378.
 Воздержаніе (принципъ) 132 и сл.
 Возмездіе божеское 73, 88 и сл.
 —нравственное 74, 88 и сл.
 —діалектическое 75, 88.
 —римскаго права 123.
 —германцевъ 135.
 —у мусульманъ 144.
 —въ законод. Густава Адольфа 167.
 Вознагражденіе убытковъ 351, 354.
 Возстановимость 109, 112.
 Воинскій порядокъ 40—45.
 Воинское преступленіе 51—60.
 —въ Римѣ 52.
 —въ эпоху франц. революціи 52.
 —его черты 56.
 —его объектъ 57.
 —опредѣленіе 58.
 Воспитаніе военное 93, 96.

Воспитаніе военно-тюремное 112, 404, 457 и сл.
 Воспрещеніе отлучки въ Россіи 407.
 Второй классъ въ Пруссіи 180.
 Выговоръ.
 —въ Римѣ 116.
 —во Франціи 149, 160.
 —въ Пруссіи 182.
 —въ Запорожѣ 184.
 —по В. Артикулу 200.
 —въ Германіи 244, 342.
 —въ Даніи 247, 343.
 —во Франціи 248, 342, 343.
 —въ Австріи 251, 252, 341, 342.
 —въ Россіи 260, 261, 343—345.
 Выдача обиженному головою 189, 191.
 Вырываніе языка 144.
 Выставленіе къ столбу 169.
 Высылка за границу 394.
 —въ эпоху Павла 216.
 —по в.-уг. уставу 231, 237, 238.
 Вѣроломство 138.
 Vagtarrest 416.
 Virgis coedi 120, 125.
 Vivos comburi 121.

Г. G. H.

Галеры во Франціи 149, 150.
 Гауптвахта.
 —въ Пруссіи 181.
 —по в.-уг. уставу 230, 237, 376.
 —по дѣйствующему уставу 263, 405 и сл.
 Гибкость наказанія 108.
 Гигіена военно-тюремная 475.
 Глава арміи 35.
 Главнокомандующій, какъ субъектъ карательнаго права 35.
 Гражданскія права (лишеніе) 298, 301, 306.
 Грамотность 437 и сл.
 Garnisongefängnisse 412.
 Gassenlaufen 166.
 Gerichtsherr 268.
 Gevangenisstraf militaire 416.

Grâce 463.
 Gradus dejectio 119.
 Guero de disciplina 419.
 Hordeum pro tritico 117.
 Huusarrest 416.

Д. Д.

Дарвинизмъ 272.
 Дворянства лишеніе 301, 333, 334, 335.
 Денежныя взысканія
 — въ Римѣ 114.
 — у германцевъ 129.
 — въ феодальную эпоху 142.
 — въ Россіи 189, 191, 196, 201, 220, 226, 236.
 Денежный выкупъ 129.
 Діалектическое возмездіе 75.
 Диспозиціи неопредѣленные 59.
 Дисциплина военно-тюремная 453 и сл.
 Дисциплина воинская 45—51.
 — теоріи 46—49.
 — въ Римѣ 49.
 — ея значеніе 49, 51.
 — какъ норма 51.
 Дисциплинарные суды 66.
 — во Франціи 160.
 Дисциплинарныя взысканія въ воен-
 ныхъ тюрьмахъ 454 и сл.
 Дисциплинарныя взысканія 63—67, 91, 511.
 Дисциплинарныя нарушенія 59.
 Дисциплинарныя роты.
 — во Франціи 408 и сл.
 — въ Бельгіи 411.
 — въ Италіи 412.
 Дисциплинарныя части въ Россіи 259, 265, 266, 267, 383, 390, 405 и сл., 408.
 Дифференціация уголовного права 95, 133.
 Доброе имя (лишеніе) 301.
 Добычи лишеніе въ Римѣ 115, 126.
 — въ Швеціи 356.
 Довольствіе уменьшенное 407.
 Должности лишеніе въ Даніи 311, 312.
 — въ Швеціи 313, 314.

Домашній арестъ см. Арестъ.
 — въ Германіи 244, 245.
 — въ Россіи 407.
 Допросъ обвиняемаго 66.
 Досрочное освобожденіе 460 и сл.
 Дуэль 106, 151.
 Дѣйствительность наказанія 110.
 Дѣлимость наказанія 108.

— — —
 Damnatio ad bestias 122.
 Degradation въ Германіи 244, 310, 330, 333.
 — въ Бельгіи 307, 330.
 — въ Швейцаріи 315.
 Dégradation civique 154, 303.
 Dégradation militaire во Франціи 158, 283, 303, 304, 309, 320, 321, 345, 391.
 — въ Бельгіи 285, 306, 320, 345.
 Degradierung въ Австріи 314, 330.
 Decapitation см. Обезглавленіе 276.
 Decempedis (cum) stare 116.
 Decimatio 106.
 — въ Римѣ 122, 125.
 — въ Франціи 150, 155.
 — въ Швеціи 166.
 — въ Австріи 348.
 — въ Россіи 188, 193, 194, 200, 202, 221, 226, 231, 290.
 Decollatio 121.
 Délit 58.
 Depot-Commandant 281.
 Destitution во Франціи 154, 156, 161, 222, 225, 308, 320, 321.
 — въ Бельгіи 306, 320.
 — въ Швейцаріи 315, 330.
 Detentie militaire 416.
 Détention 154, 155, 156, 161, 223, 408.
 Dienstentlassung въ Германіи 244, 310, 320.
 Disciplinaires 425.

Е.

Единство наказаній 34, 242.
 — — —
 Ehrlosigkeitserklärung 166.
 Einfacher Verweis см. Выговоръ.

Emprisonnement во Франціи 154, 159, 161.
 Entfernung aus dem Heer въ Германіи 244,
 305, 309, 320.
 Entfernung aus dem Offizierstande 181.
 Entfernung von Charge въ Германіи 311,
 330.
 Ensomt Foensel 416.
 Enthauptung см. Обезглавленіе 276.
 Entlassung въ Австріи 314, 321.
 Entraves 456.
 Entrepreneur 433.
 Erschiessen см. Разстрѣляніе 276, 277.
 Exauctoratio 120.
 Extra oppida hibernare 118.

Заточеніе въ Россіи 208, 220, 223, 228,
 230, 236, 237, 258, 261, 262, 292,
 301, 406.
 Званіе (лишеніе) въ Германіи 245.
 — въ Россіи 260, 319, 330, 333.
 Званіе воинское (лишеніе) 302.
 Званіе духовное (лишеніе) 301.
 Знаки отличія (лишеніе) въ Россіи 231,
 232, 237, 301, 302, 316, 317.
 — во Франціи 284, 304.
 — въ Австріи 285.
 — въ Германіи 311.
 Знамена (лишеніе) 226.
 Знаніе закона 95, 96.

Ж.

Жалоба (право) 66.
 Жалованье (лишеніе).
 — въ Пруссіи 181.
 — въ Россіи 189, 192, 196, 200, 201.
 Жалованье (право распоряжаться) 245,
 355.
 Желѣза 194.
 Жестокость наказанія, 79, 80, 296.
 Жизнь и смерть (право на) 35.
 Жительства воспрещеніе 394.
 Житѣе (ссылка на) 214.
 Жребій 290.

З.

Завѣщаніе (лишеніе правъ на) 290.
 — въ Австріи 285.
 — во Франціи 303.
 Закованіе въ Швеціи 167.
 Закрѣпощеніе 217.
 Замѣна наказаній 108.
 — смертной казни 292, 294.
 Замѣчанія во Франціи 160.
 — въ Россіи 261, 343.
 Заочная казнь во Франціи 148.
 Заря (возвращеніе къ) въ Германіи 245.

И. I. J.

Идея наказанія 34, 37.
 Иерархія 46, 297, 400.
 Изгнаніе изъ арміи въ Россіи 222, 225,
 226, 228, 231, 237.
 — Австріи 284.
 — какъ цѣль наказанія 319—322.
 — какъ наказаніе лишеніемъ свободы
 393 и сл.
 Имущественныя взысканія 351—359.
 — система 351—356.
 — оцѣнка 357—359.
 Индивидуализація наказанія 108.
 Индивидуальное заключеніе 403.
 Индивидуальное наказаніе 243.
 Инспекторъ военно-тюремныхъ заведе-
 ній 469.
 Инспекціи 470.
 Исключеніе изъ военнаго званія въ
 Пруссіи 181.
 — въ Россіи 213, 214, 231, 237, 238.
 Исключеніе изъ службы въ исторіи
 Франціи 149.
 — въ Австріи 170, 284.
 — въ Россіи 200, 213, 214, 215, 217,
 220, 225, 226, 228, 231, 237, 257,
 258, 259, 260, 264, 265, 266, 267,
 302, 303, 316, 317, 321, 322—324.
 — въ Швеціи 313.
 — изъ службы военной 324.

Исполнение смертной казни 278.
 Исправительная (военно-роты въ Бель-
 гіи 411.
 Исправительныя наказанія 241, 257,
 268.
 Исправленіе 76, 82 — 83, 92, 103, 104,
 105.
 — въ римскомъ правѣ 124.
 — въ исторіи Франціи 152, 158.
 — въ Швеціи 167.
 — въ Пруссіи 180.
 — въ Россіи 201.
 Испрошенія прошенія 149.
 Ignominiosa missio 119, 125, 133.
 Infamia 125, 133.
 Infamie 283.
 In itinere cum impedimentis iter facere
 118.
 In servitutum adactio 120.
 Joyeux 343.
 Ius puniendi 35.

К. Q.

Казарменный арестъ, см. Арестъ.
 — въ Германіи 245.
 Казематы (заточеніе въ) 237, 376.
 Казнь рукою начальника 295, 296.
 Каноническое право 132.
 Карательное право.
 — его элементы 35.
 — субъектъ 35.
 — объектъ 68.
 Карауль при военной тюрьмѣ 447.
 Карауль (содержаніе за) 195.
 Каролина 163, 171.
 Кастрація 144.
 Каторга въ Россіи 195, 212, 213,
 214, 217, 230, 231, 232, 234, 236,
 258, 262, 263, 275, 292, 301.
 — исторія ея 363, 383, 386.
 Каторга въ Даніи 266, 312.
 — во Франціи 294, 303.
 Квалифицированныя общія преступле-
 нія 54.
 Келейное заключеніе 403.

Классификація заключенныхъ 400 и сл.,
 421, 423, 424, 426.
 Классификація преступленій 58.
 Классификація преступниковъ 100.
 Клейменіе
 — у германцевъ 132.
 — въ феодальн. правѣ 142.
 — въ исторіи Франціи 149, 151.
 — въ Швеціи 168.
 — въ Австріи 169, 170.
 — въ Россіи 213, 231, 234, 236,
 369.
 Кнуть въ Австріи 169.
 — въ Россіи 189, 192, 194, 213,
 231, 233, 234, 368, 369.
 Кобылы во Франціи 149.
 — Швеціи 167.
 Кодексы франковъ 130.
 Кокарда (лишеніе) въ Пруссіи 180.
 — въ Германіи 305, 311.
 Колесованіе въ феод. эпоху 140.
 — въ Австріи 168.
 — въ Россіи 198.
 Коллективныя наказанія 243, 347—350.
 — въ Австріи 348.
 — въ Россіи 348—349.
 Коллективная отвѣтственность 106,
 220, 226.
 Колодка 195.
 Комитетъ военно-тюремный главный
 382.
 Компетенція дисциплинарная 66.
 Композиціи 130, 136.
 Конфирмаціи 203, 212, 217, 218, 235,
 294.
 Конфискація 351.
 — въ Римѣ 126.
 — во Франціи 149.
 — въ Швеціи 167.
 — въ Россіи 189, 191, 196, 220,
 226, 351—352.
 Кооперация арміи 40.
 Корреспонденціи право 452.
 Краткосрочное заключеніе 481.
 Крестовые походы 144.
 Кресты (лишеніе) 181.
 Критерій для раздѣленія теорій о цѣ-
 ляхъ наказанія 71.

— *ratione personae* 55.
 — *ratione materiae* 55.
 Крѣпостныя работы
 — въ Римѣ 118, 126.
 — въ Россіи 364, 369 и сл.
 Крѣпости въ Россіи 408.
 Крѣпость (заключеніе въ) въ Россіи,
 213, 214, 215, 217, 223, 257, 259,
 263, 264, 265, 266, 267, 303, 317,
 372 и сл., 390, 405, 406.
 Kamerad 281.
 Kerker 314.
 Quirites 120.

Л. L.

Ландскнехтъ 146, 162.
 Ланцуги 184.
 Латентный преступникъ 69, 227.
 Лечение 103, 486.
 Личная отвѣтственность 106, 290.
 Landesherr 478.
 Lapidibus cooperiri 122.
 Los 290.

М.

Массовыя преступленія 243, 348.
 Медали (лишеніе) 181, 316, 317.
 Менониты 102.
 Месть личная 128, 129, 134.
 — общественная 35.
 Милитаризмъ 272.
 Милиціонные ратники 370.
 Множественность цѣлей въ наказаніи 71,
 83.
 Молчаніе (система) 159, 402.
 Монархъ 36, 147.
 Моральность наказанія 107, 112, 126,
 159, 202, 292.
 Мушкеты (ношеніе) 194.
 Magna charta 507.
 Menotte 456.

Militärarrest-Anstalten 412.
 Militiae mutatio 119, 190.
 Moniteur 440.
 Markt Foensel 416.
 Mort civil 220, 221, 303.
 Mort par le glaive 277.
 Mort par les armes см. Разстрѣляніе 276.
 Munerum indictio 120.

Н. N.

Награды за службу (лишеніе) 284.
 Надзоръ военно-тюремный 447.
 — въ Россіи 447.
 — во Франціи 448.
 — въ Германіи 449.
 — въ Бельгіи 449.
 — въ Италіи 449.
 Надзоръ полиціи 302, 485.
 Наказаніе воинское 60, 241, 243.
 — классификація 61, 67.
 — объектъ 68.
 — цѣли 86.
 — свойства 87.
 Наказаніе (общее) 61, 241.
 — какъ цѣль 71, 72.
 — какъ средство 72, 77.
 — какъ цѣль и средство 72, 84.
 — соотвѣтствіе съ виною 76.
 — неустойка 146.
 — въ военно-карательной системѣ 241.
 Наказъ Екатерины II 276.
 Написаніе порочнымъ 189, 191.
 Начальство военное 34, 65.
 Нашивки (лишеніе) 258.
 Неизбѣжность наказанія 87, 97, 110, 202,
 204, 227, 293.
 Неисправимые 102, 104.
 Неопредѣленное заключеніе 507 и сл.
 Неудостоеніе къ производству 261, 319,
 330.
 Нормы воинскія 43, 95, 96.
 Нормы опредѣлительныя 43.
 Ночное разъединеніе 402.
 Ношеніе собакъ 139.
 — сѣдель 140, 169.

Нравственное возмездіе 74.

Нѣтъчество 183.

Nefi-i-mu-ebed 394.

Nudis ire (ad exercitum) 117.

О.

Обезглавленіе 154, 276, 277.

Обжалованіе рѣшенія 66.

Обоснованіе карательнаго права 37.

— философское 45.

— юридическое 37, 45.

Образованіе военное 93.

— военно-тюремное 436 и сл.

— интеллектуальное 436 и сл.

— въ Россіи 439.

— во Франціи 440.

— въ Германіи 441.

— въ Бельгіи 441.

— религиозное 443 и сл.

— въ Италіи 443 и сл.

— во Франціи 444.

— въ Германіи 445.

— въ Бельгіи 445.

— въ Россіи 445.

Обряды дисциплинарнаго производства 66.

Объектъ воинскаго преступленія 55.

— наказанія 68.

Объявленіе бродягою 149.

Обязательныя постановленія 35, 36.

Ограниченіе правъ по службѣ 318.

Ограничительныя теоріи дисциплины 46.

Одежда военныхъ заключенныхъ 479.

Одинокое заключеніе 403, 405.

Одинокыя военныя тюрьмы въ Россіи 408.

Оковы 141.

Опекунъ (лишеніе права быть) въ Россіи 302.

— во Франціи 304.

Опьяненіе 100, 101.

Органическія вліянія 103.

Ордена (лишеніе) въ Россіи 231, 237, 239, 259, 316, 317.

— во Франціи 284, 304.

— въ Австріи 285.

— въ Германіи 305, 311.

Оружіе (право носить) 304, 489.

Оскорбленіе величества 133.

Осмотръ въ военныхъ тюрьмахъ 450.

Отвѣтственность начальниковъ за подчиненныхъ 134, 176.

Отдыха лишеніе 487 и сл.

Отобраніе товаровъ въ Австріи 352.

Отпуска временныя (лишеніе) 231.

Отрѣшеніе отъ должности въ Россіи 213, 231, 237, 238, 258, 259, 318, 330, 331—332.

— во Франціи см. Suspension de la commission.

Отрѣшеніе отъ начальствованія 216.

Отсрочка исполненія наказанія 482.

Отставка (лишеніе) 231.

Отставленіе отъ службы въ Россіи 195, 211, 215, 231, 237, 238, 258, 259, 263, 264, 265, 317, 318, 322, 324—327.

— въ Даніи 311.

Отставленіе отъ чина 200.

Отсѣченіе руки 114, 166.

Охрана правопорядка 94, 98, 99, 105, 501 и сл.

Ошейникъ 141.

Ошибка судебная 109, 292—293.

П. Р.

Палки 229.

Патенты (лишеніе) 181, 215, 216, 231, 236, 237, 239.

Патронать 485.

Пени денежныя 149, 167, 192, 352 — 354.

Пенитенціаріи 181.

Пенсія (лишеніе) во Франціи 284.

— въ Россіи 354.

Переводъ въ другія части 231.

Перерожденіе моральное 159.

Пища въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ 476 и сл.

Плети 149, 231, 233, 234, 278.

- Побиваніе камнями 122, 130.
 Повиновеніе воинское 42, 46, 47, 48, 49, 50, 153.
 Повѣренный (право быть) 302.
 Повѣшеніе 276, 277, 278.
 — у германцевъ 129.
 — въ феод. эпоху 140.
 — въ Пруссіи 174.
 — въ Россіи 198, 231, 280.
 — въ Австріи 284, 285, 286.
 Погашеніе наказанія 483.
 Погребеніе живымъ 140.
 Покаяніе 215, 216, 279.
 Полевое уложеніе 218, 224, 226, 228, 229, 231, 294.
 Политическія права (лишеніе) въ Швейцаріи 315.
 Полиція военная 93.
 Полиція военно- тюремная 446 и сл.
 Положительный законъ (теорія) 77.
 Пониженіе по службѣ 189, 190, 362.
 Помилованіе 91, 111, 217, 294.
 Помѣстья (отобраніе) 191.
 Попечитель (лишенія права быть) 302, 304.
 Порицаніе 97.
 Посаженіе на коль 164.
 Посвященіе осужденнаго богамъ 123, 130.
 Поселеніе 213, 214, 217, 230, 232, 234, 236, 301.
 Постановленіе на видъ 344.
 Постановленія обязательныя 35, 36.
 Постоянныя арміи 146.
 Право воинскаго поведенія 192, 198.
 Правовыя теоріи 37.
 Право на наказаніе 89.
 Правопораженія при см. казни 282.
 Правопорядокъ воинскій 40—45.
 Правопорядокъ общегосударственный 44.
 Правосостояніе 77.
 Правосудіе уголовное 39.
 Правъ (лишеніе) 297—340.
 Предвидѣніе опасности 82.
 Предупрежденіе общее 98, 99.
 Предупрежденіе частное 81, 92.
 Преломленіе шпаги 232.
 Преслѣдованіе виновныхъ 35.
 Преступленіе воинское 51 — 60, 94, 95, 241, 283, 404.
 — въ римскомъ правѣ 52.
 — во франц. революцію 52—53.
 — квалифицированное 54.
 — процессуальная сторона 55.
 — его характеристика 56.
 — субъектъ его 57.
 — объектъ его 55, 57.
 — опредѣленіе 58.
 — классификація 58.
 Преступленія и проступки 58.
 Преступникъ прирожденный 68, 69.
 — по убѣжденію 103.
 — случайный 100, 103, 484.
 — исправимый 103.
 — неисправимый 102, 103.
 Преступность (личныя условія) 68, 70.
 — по патриотизму 102, 287.
 Прибитіе имени преступника 170.
 Приказъ правовой 38.
 Примѣрность наказанія 87, 90.
 Принужденіе психическое 77, 90, 97.
 Присмотръ (отдача подъ) 215.
 Приспособляемость наказанія 108.
 Приставленіе часового 407, 447, 450.
 Присяга 227.
 Прогнаніе сквозь строй
 — въ феодальную эпоху 142.
 — въ Австріи 169.
 — въ Пруссіи 179, 180.
 — въ Россіи 220, 224, 231, 233, 235, 236.
 Прогулки заключенныхъ 479.
 Прожженіе языка 149, 150, 168.
 Производный субъектъ карательной власти 35.
 Производство (лишеніе права на) 335.
 Проклятіе 227.
 Прощеніе (испрашиваніе) 195, 196, 231, 236.
 Простой арестъ въ Германіи 244, 245.
 Публичное выставленіе преступника 158.
 Публичность казни 279, 291.
 Публичныя права (лишеніе) 298, 299, 301—306.
 Пьянство 133.

Passer par les armes 149, 150, 224.
 Pedotte 456.
 Pecuniaria multa 114, 115.
 Pénitenciers 409.
 Pensionirte 310.
 Perte du grade въ Швейцаріи 316, 330.
 Prevot 151.
 Privation des droits politiques см. политическія права.
 Privation du grade въ Бельгіи 306, 330.
 Prison 149, 152, 161, 222, 224, 225, 400, 409.
 — въ Бельгіи 411.
 Proposition de réintégration 464.

P. R.

Работы военно-тюремныя 159, 427 и сл.
 — значеніе ихъ и виды 427.
 — приисканіе 430.
 — продолжительность 431.
 — вознагражденіе 431.
 въ Россіи 432.
 -- во Франціи 433.
 — въ Германіи 435.
 — въ Бельгіи 435.
 Работы гигиеническія 380.
 Рабочіе военные 370.
 Рабочіе дома 369.
 Рабство (отдача въ) 120, 129, 135.
 Равенство предъ наказаніемъ 242.
 Равноцѣнность 74, 76, 89.
 Разжалованіе 333.
 — въ Германіи 333.
 — во Франціи 160, 333.
 — въ Австріи 170, 333.
 — въ Россіи 195, 196, 200, 213, 214, 216, 220, 223, 226, 228, 229, 236, 238, 258, 259, 264, 265, 267, 317, 330, 333.
 Размѣщеніе заключенныхъ 479.
 Размѣщеніе чиновъ части 226.
 Разрядъ наказанныхъ въ Италіи 336.
 Разрядъ штрафованныхъ 258, 260, 265, 266, 318, 330, 336—340.
 — въ Англіи
 — въ Баваріи
 — въ Ганноверѣ } 336

Разстрѣляніе 154, 198, 220, 231, 276, 277, 278, 279, 284, 285, 286, 287, 290, 292, 294.
 — изъ пушекъ 279.
 Разъединеніе заключенныхъ 401.
 Расковываніе 139.
 Распоряженія имущественныя 232.
 Распятіе 122.
 Рваніе клещами 198.
 Режимъ пенитенціарный 420 и сл.
 — въ Россіи 420.
 — во Франціи 422.
 — въ Германіи 424.
 — въ Голландіи 425.
 — въ Даніи 425.
 — въ Бельгіи 425.
 Релегация во Франціи 391, 392.
 Религіозныя побужденія 101.
 Рецидива 104.
 Розги 169, 233, 278.
 Роты военно-исправительныя 257, 377, 379, 381 и сл.
 Роты военно-рабочія 370, 372, 374, 378.
 Роты крѣпостныя 377.
 Ружье (ставить подъ) 260.
 Рыцарское званіе (лишеніе) 138.
 Reclusi 412.
 Reclusori 412.
 Réclusion 149, 154, 155, 156, 408 и сл.
 Réduction de la peine 463.
 Renvoi à la 2-e classe во Франціи 309, 330, 336.
 Réprimand см. Выговоръ.
 Rétrogradation.
 — въ Бельгіи 307, 330.
 -- во Франціи 308, 330.
 Rétrogradation à la 2-e classe въ Бельгіи 307, 330, 336.
 Revselse 488.
 Rugen 245, 342.

C. S.

Самодѣятельная дисциплина 48.
 Санкція неопредѣленная 163, 186, 196.
 Свиданій право въ военныхъ тюрьмахъ 450 и сл.

- Свидѣтели (лишеніе права быть) 302, 304, 305.
- Свободы лишеніе 360 и сл., 505.
- виды 360—361.
 - исторія въ Россіи 361 и сл.
 - системы 405.
 - въ Россіи 405 и сл.
 - во Франціи 408.
 - въ Бельгіи 411.
 - въ Италіи 412.
 - въ Германіи 412.
 - въ Швеціи 413.
 - въ Даніи 414.
 - въ Норвегіи 415.
 - въ Голландіи 416.
 - въ Австріи 417.
 - въ Испаніи
 - въ Турціи } 419.
 - въ Греціи }
- Свойства наказаній 105 и сл.
- Семейственныя права (лишеніе) 301.
- Система наказаній 37, 241 и сл.
- въ Римѣ 113 и сл.
 - у германцевъ и франковъ 128 и сл.
 - въ феодальн. правѣ 137 и сл.
 - во Франціи 147 и сл., 247—248.
 - въ Австріи 162 и сл., 250—252.
 - въ Швеціи 165 и сл., 245—246.
 - въ Пруссіи 171 и сл.
 - въ Россіи 182 и сл., 255—270.
 - въ Германіи 244—245.
 - въ Даніи 246—247.
 - въ Бельгіи 248—250.
 - въ Швейцаріи 252—253.
 - въ Испаніи 254.
 - въ Италіи 254—255.
- Склонность къ преступности 100, 102, 103, 104.
- Служебныя права (лишеніе) 299, 306—319.
- въ Бельгіи 306—307.
 - во Франціи 307—309.
 - въ Германіи 309—311.
 - въ Даніи 311—313.
 - въ Швеціи 313—314.
 - въ Австріи 314—315.
 - въ Швейцаріи 315—316.
 - Россіи 316—319.
- Служебныя права нѣкоторыя (ограниченіе) 318, 326, 327, 330, 335.
- (потеря) 318, 330, 335, 354.
- Служебныя преимущества (лишеніе ихъ, какъ цѣль наказанія) 319, 330—340.
- Смертная казнь 87, 91, 271 и сл., 505.
- ея виды 276 и сл.
 - ея исполненіе 278 и сл.
 - правопораженія 282 и сл.
 - ея оцѣнка 289 и сл.
 - въ Римѣ 114, 121, 122, 123 и сл.
 - у германцевъ 129.
 - у франковъ 131.
 - въ феод. правѣ 139.
 - во Франціи 148, 151, 154, 161, 247, 273.
 - въ Австріи 163, 169, 250.
 - въ Швеціи 166, 245.
 - въ Пруссіи 174.
 - въ Россіи 184, 185, 187, 188, 192, 193, 196, 197, 198, 206, 207, 219, 220, 221, 224, 226, 227, 230, 231, 232, 235, 258, 262, 273.
 - въ Германіи 244, 272.
 - въ Даніи 246.
 - въ Бельгіи 249.
 - въ Швейцаріи 252.
 - въ Испаніи 254.
 - въ Италіи 254, 255.
 - привилегированная 287.
- Смерть гражданская 220, 221, 222, 231, 232.
- Смерть политическая 230, 232, 292.
- Смерть юридическая 222.
- Смирительный домъ 215, 257, 369.
- Смѣшанный арестъ 407, 511.
- Смѣщеніе на низшія должности
- во Франціи 160.
 - въ Россіи 260, 261, 319, 330, 332, 333.
- Смягченіе наказаній 217, 293 и сл.
- Собственность (права) 302.
- Совмѣстное заключеніе 399, 402.
- Соединительныя теоріи 88.
- Сожженіе 121, 140, 150, 168, 198.
- Солдаты (отдача въ) 230.
- Состоянія права (лишеніе всѣхъ) 231, 232, 280, 287, 301.

— особенныя 302.
 Средній арестъ въ Германіи 244, 245.
 Срочная служба 257.
 Ссылка 389, 189, 192, 208, 210, 214, 220, 223, 224, 228, 237, 238, 257.
 — въ службу 362, 365.
 — на каторгу 363, 383—386, 389.
 — на поселеніе 386 и сл., 389.
 — на житье 388, 389.
 — система 389 и сл.
 — оцѣнка 391 и сл.
 — временныя правила 389 и сл.
 Ссылные военнослужащіе (ихъ юридич. положеніе) 366—369.
 Страхъ наказанія 97.
 Строгость постепенная заключенія 458 и сл.
 Субъектъ воинскаго наказанія 33—37.
 Судъ военный 34.
 — дисциплинарной 66.
 Sagittis eminus configi 121.
 Salle de détention 411.
 Salle de police 411.
 Sepulta reprivatio 122.
 Soldats ordonnances 309.
 Sonnette 142.
 Speculator 121.
 Standrecht 290, 293.
 Stations-Arrest 418.
 Stipendio privari 114, 115.
 Stockhaus-Arrest 417.
 Strafanstalten 419.
 Strafarbeide въ Норвергѣ 415.
 Straf of politiekamer 417.
 Strang 276, 277.
 Sub crate necari 122.
 Sursis (loi de) 483.
 Surveillants de section 448.
 Suspension de la commission во Франціи 308, 330.
 Suspension du grade 316, 330.
 Surveillants 483.

Т.

Таблицъ XII (законы) 113.
 Тальонъ 114, 116, 143, 149, 150, 168, 187, 359.

Терапевтическое предупрежденіе 101.
 Титулы (лишеніе) 301, 302, 304.
 Торговая казнь 189, 192.
 Торговля (лишеніе права) 302.
 Третьейскіе судьи (лишеніе права) 302.
 Трусость 101.
 Тѣлесныя наказанія 91, 492 и сл.
 — оцѣнка 492 и сл.
 — свойства 495 и сл.
 — въ Римѣ 114.
 — у франковъ 131.
 — во Франціи 149, 153, 160, 455.
 — въ Австріи 169, 170.
 — въ Бельгii 307, 456.
 — въ Пруссii 174, 179, 180.
 — въ Россii 184, 185, 189, 194, 198, 199, 201, 220, 225, 227, 228, 229, 231, 233, 235, 337, 340, 368, 499 и сл.
 — въ Англіи 336.
 Тюрьма военная 379, 380.
 — въ Россii 405 и сл.
 — въ Италii 412.
 Тяжесть наказанія 243.
 Tendere extra castra 117, 200.
 Travaux forcés 154, 155, 156, 161, 223, 390.
 — publics 154, 155, 157, 161, 408 и сл.
 Tugthus 415.

У. У.

Увольненіе отъ службы
 — въ Россii 261, 319, 322, 327—329,
 — съ лишеніемъ чиновъ 324.
 Угроза закона 35, 78, 90, 94, 97, 99.
 Удаленіе изъ арміи временное, какъ цѣль наказанія 319, 322—330.
 Удаленіе изъ части
 — въ Данii 311, 312, 313.
 Удаленіе, какъ цѣль наказанія 103, 104, 105.
 Удаленіе отъ должности
 — въ Россii 261, 319, 330, 331.
 — отъ командованія 319.
 Ударъ (полученіе) 195.
 Удобоисполнимость наказанія 111.
 Удобопримѣнимость наказанія 88.

Удовлетвореніе вреда 129.
 Уложение соборное 187, 193, 205 и сл.
 Управление военно-тюремное 468 и сл.
 Усиленіе наказаній 176.
 Условное освобожденіе 466.
 Условное осужденіе 483.
 Усмотрѣніе начальническое 147, 172,,
 207, 212, 213, 217.
 Уставъ ратныхъ дѣлъ 184 и сл.
 Устрашеніе 79, 80, 86, 87, 90, 91, 103,
 104, 105.
 Утопленіе 129, 130.
 Uomo delinquente 69.
 Ut libertini milites 118.

Ф. F.

Формальный выговоръ въ Германіи 244.
 Формула лишенія воинской чести во
 Франціи 321 и сл.
 Формы дисциплинарнаго производства 66.
 Формы смертной казни 276.
 Fautes.
 Feld-Arreste 419.
 Foensel paa Vand og Brod 416.
 Fers 223, 224.
 Foesting 415.
 Festungsgefängenanstalten 412.
 Festungsgefängnisse 412.
 Festungs-Strafhäuser 419.
 Festungsstuben-Gefängenanstalten 412.
 Forbedringshus 425.
 oris factura 138.
 Förmlicher Verweis см. Выговоръ въ Гер-
 маніи.
 Fusillade см. Разстрѣляніе 276.
 Fustuarium 120, 121, 125, 138, 165.
 Verbrechen 59.
 Vergehen 59.
 Verlust der bürgerl. Ehrenrechte 304, 305.
 Verlust des Offiziertitels 310, 320.
 Verschärfter Arrest 418.
 Versetzung in eine mindere Soldclasse 314,
 330.
 Versetzung in die zweite Klasse 244, 311,
 330, 336.

Versorgungsansprüche 311.
 Verwaltungs-Kommission 473.
 Verweis см. Выговоръ.
 Verweis mit Androhung см. Выговоръ въ
 Австріи.
 Vorläufige Entlassung 466.

Ц. C. Z.

Цѣлесообразность наказанія 105.
 Цѣли наказанія 33, 93, 94 и сл.
 — въ Римѣ 122 и сл.
 — у герм. и фр. 134 и сл.
 — въ феод. эпоху. 142 и сл.
 — во Франціи 147 и сл.
 — въ Австріи 162 и сл.
 — въ Швеціи 165 и сл.
 — въ Пруссіи 172 и сл.
 — въ Россіи 183 и сл.
 Cachot 411.
 Carcerati 412.
 Cassation во Франціи 248, 308, 330.
 — въ Австріи 250, 314, 321.
 Castigatio 120.
 Cellulaire gevangenissen 417.
 Cellules solitaires 159.
 Censio hastaria 114, 115.
 Cespitem portare 118, 428.
 Chef d'atelier 433.
 Chevalet 141.
 Chevalièrece 139.
 Cibus stantes capere 116.
 Conseil d'administration 472.
 Conseil de surveillance 472.
 Contravention 58.
 Correctionnaires 426.
 Corvées 423.
 Crime 58.
 Crucem (in) tolli 122.
 Coup de grâce 280, 282, 291.
 Custodia honesta 397.
 Zephyre 434.
 Zimmer-Arrest 418.
 Zuchthaus 244, 274, 275, 304, 309,
 Zurechtweisungen 245, 342.

Ч.

Частное предупреждение 81, 92.
 Честь воинская 93.
 — (лишение) 278, 285, 286, 287, 345, 386.
 Честь (лишение) въ Россіи 195, 196, 200, 225, 232, 236.
 Честь (пораженіе) системы 341 — 345.
 — оцѣнка наказаній 345—347.
 Четвертованіе 164, 187, 193, 197.
 Чиноподчиненность 100.
 Чинопочитаніе 99, 100.
 Чины (лишеніе) 186, 195, 200, 213, 214, 215, 216, 220, 222, 228, 231, 232, 236, 237, 257, 258, 259, 264, 265, 284, 301, 302, 303, 305, 316, 317.
 Членовредительныя наказанія 133, 140, 149, 169, 174, 188, 194.
 Читенія въ тюрьмѣ 443.

Ш.

Шашка (ударъ) 307.
 Шельмованіе 164, 174, 199, 231, 232, 236.
 Шпицрутены 169, 194, 230, 233, 234, 368.
 Штрафная служба въ Даніи 313.
 Штрафованный 182.

Э.

Эквивалентный тальонъ 114, 116.
 Экономичность наказанія 109, 112.
 Элементы карательнаго права 35.
 тика военная 93, 4 42.
 Эшафоты 478.

